ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

С Ъ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.

1874.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1756 годъ.

Причины Семилѣтней войны.—Кауницъ.—Перемѣна политической системы на Западѣ: союзъ Англіи съ Пруссіею и Франціи съ Австріею.—Отношенія Россіи къ западнымъ державамъ.—Записка канцлера Бестужева о необходимости какъ можно скорѣе ратификовать субсидный договоръ съ Англіею.—Условная ратификація договора.—Англійскій посланникъ Уильямсъ объявляетъ о заключеніи англо-прусскаго договора.—Положеніе канцлера Бестужева послѣ этого объявленія. — Учрежденіе конференціи. — Опредѣленіе русской политики въ виду новыхъ европейскихъ отношеній. — Разсказъ Зубарева. — Австрія замедляетъ движеніе Россіи противъ Фридриха II.—Отношенія русскаго двора къ польско-саксонскому.—Нападеніе Фридриха II на Саксонію.—Переселеніе Августа III въ Варшаву.—Станиславъ Понятовскій.—Движенія въ Петербургѣ вслѣдствіе болѣзни императрицы.—Сближеніе Россіи съ Франціею.—Напрасныя старанія Англіи склонить Елисавету къ посредничеству между Австріею и Пруссіею.—Отношеніе Россіи къ Швеціи и Турціи. — Движенія войскъ къ прусскимъ границамъ.—Главнокомандующій Апраксинъ. — Финансовыя мѣры для поддержанія войны. — Слѣдствія передвиженія войскъ изъ внутреннихъ областей къ границамъ. — Разбои и возмущенія крестьянъ. — Мѣры относительно однодворцевъ. — Малороссія — Восточная Украйна. — Похожденія башкирскаго возмутителя Батырши. — Сибирь.

Весною 1754 года въ сѣверной Америкѣ, между французскими и англійскими колонистами начались стычки, которыя въ Европѣ послужили поводомъ къ перемѣнѣ политической системы и къ Семилѣтней войнѣ. Говоримъ: послужили поводомъ, потому что причина заключалась въ перемѣнѣ отношеній между европейскими государствами, которая обозначилась во время войны за австрійское наслѣдство. Европа привыкла къ вѣковому соперничеству между бурбонскимъ и габсбургскимъ домами; отъ того или другого исхода борьбы между ними зависѣло политическое

равновѣсіе Европы, независимость другихъ менѣе сильныхъ державъ ея. Франція воспользовалась смертію послѣдняго Габсбурга, императора Карла VI, чтобъ раздробить его наслѣдство и этимъ способомъ, по окончательномъ ослабленіи Германіи чрезъ размельченіе ея владѣній, окончательно утвердить свое первенство въ Европѣ. Какъ прежде, такъ и теперь, благодаря политическому разъединенію Германіи, Франція нашла себѣ союзниковъ между ея владѣльцами, и между этими союзниками былъ король прусскій. Но исходъ войны показалъ, что дѣла не могутъ идти по прежнему. Какъ послѣ Великой Сѣверной войны европейскія государства съ удивленіемъ увидали среди себя новаго могущественнаго сочлена, внезапно выросшаго — Россію, такъ послѣ войны за австрійское наслѣдство они увидали среди себя другое новое могущество, Пруссію, предъ которою должны были посторониться. Франція жестоко обманулась въ своихъ надеждахъ: вмѣсто окончательнаго размельченія и ослабленія Германіи, здѣсь явилось государство, которое оказалось гораздо могущественнѣе Австріи, которое одно вышло съ выгодою изъ войны и употребило Францію орудіемъ для своихъ цѣлей, для своего усиленія, тогда какъ Франція надѣялась употребить его своимъ орудіемъ. Франція увидала, что главное препятствіе своимъ намѣреніямъ относительно Германіи будетъ она находить теперь въ Пруссіи, а не въ Австріи, которая сходила на второй планъ, переставала быть опасною, почему соперничество съ нею прекращалось, и вѣковая вражда естественно начала уступать мѣсто сближенію при видѣ общаго сильнаго врага. Съ своей стороны Австрія, обобранная Фридрихомъ II, потерявши Силезію, увидала, что главный врагъ ея теперь не Франція, а Пруссія, что съ Франціей ей было бы легко сладить, еслибъ не прусскій король; поэтому и въ Вѣнѣ естественно раждалась мысль прекратить вѣковую вражду съ Франціею, болѣе не опасною, и вступить съ нею въ союзъ противъ новаго могущества, одинаково страшнаго обѣимъ державамъ, естественно раждалась мысль, что только цѣпью союзовъ, и прежде всего союзомъ съ Франціею, можно ослабить Фридриха II, заставить его возвратить Силезію, какъ такою же цѣпью союзовъ было сокрушено въ началѣ вѣка могущество Людовика XIV. Обстоятельства слагались такъ, что необходимо должна была послѣдовать перемѣна въ европей-

ской политикѣ, должно было послѣдовать сближеніе и союзъ между Австріею и Франціею. Не Кауницъ устроилъ этотъ союзъ съ помощію какой-нибудь Помпадуръ; знаменитый министръ Маріи-Терезіи только понялъ, что при извѣстныхъ условіяхъ сближеніе между Австріею и Франціею возможно и необходимо.

Весною 1749 года Марія-Терезія приказала своимъ министрамъ представить письменныя мнѣнія о политической системѣ, которой Австрія должна теперь слѣдовать. Кауницъ, перечисляя въ своемъ мнѣніи естественныхъ друзей и враговъ Австріи, первое мѣсто между первыми даетъ Англіи, которая для собственныхъ выгодъ должна быть въ союзѣ съ Австріею. Но при этомъ не должно забывать, говоритъ онъ, что въ случаѣ войны съ Пруссіею Австрія не можетъ разсчитывать на помощь Англіи. Король Георгъ, принцъ валлійскій и ганноверское министерство конечно ненавидятъ Пруссію, но это еще болѣе усиливаетъ расположеніе къ Пруссіи англійскаго народа, у котораго континентальныя владѣнія его собственнаго короля какъ бѣльмо на глазу. Голландія также по своимъ интересамъ должна быть на сторонѣ Австріи; еще болѣе Россія: но такъ какъ политика этого государства истекаетъ не изъ дѣйствительныхъ его интересовъ, но зависитъ отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ, то невозможно строить на ней продолжительную систему. Четвертою естественною союзницею Австріи Кауницъ считаетъ Саксонію, но она, къ несчастію, не въ состояніи принять съ самаго начала непосредственное участіе въ борьбѣ съ Пруссіею. Враги Австріи—это Порта, Франція и Пруссія. Относительно первой ничего нельзя впередъ опредѣлить, потому что ея поведеніе основывается не на государственныхъ правилахъ, а зависитъ отъ случайности, какъ-то возмущеній, серальскихъ интригъ, отставки миролюбиваго визиря и замѣны его воинственнымъ. Относительно Порты нечего больше дѣлать, какъ соблюдать постоянную осторожность и съ своей стороны не подавать ни малѣйшаго повода къ разрыву. Что касается Франціи, то Кауницъ охотно признаетъ всѣ грѣхи, содѣянные ею противъ австрійскаго дома въ продолженіи вѣковъ, а послѣдній грѣхъ горше всѣхъ прежнихъ: безъ малѣйшей причины взялась она за оружіе и составила планъ лишить короны дочь Карла VI: это такой вѣроломный поступокъ, какому нельзя найти примѣра въ исторіи. И это главная цѣль французской по-

литики, сокрушеніе австрійскаго дома достигнута въ томъ отношеніи, что Франціи удалось противопоставить Австріи новаго могущественнаго врага, который для Франціи полезенъ, ибо можетъ оттягивать отъ нея силы Англіи и Голландіи и дѣлаетъ невозможнымъ соединеніе всей германской имперіи противъ Франціи. Несмотря на то связь Франціи съ Пруссіею не такъ тѣсна, какъ съ перваго взгляда кажется. Францiя должна быть достаточно убѣждена, что на дружбу короля Фридриха полагаться нельзя, и что его постоянно возрастающая сила можетъ обратиться въ великій вредъ и самимъ его союзникамъ. Король прусскій долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ естественныхъ враговъ Австріи, долженъ считаться самымъ злымъ и опаснымъ сосѣдомъ. Нечего распространяться о вредѣ, причиненномъ потерею Силезіи. Съ Силезіею отрѣзанъ не какой-нибудь второстепенный членъ, но главная, существенная часть государственнаго тѣла. Теперь прусскому королю, имѣющему многочисленное и отличное войско, постоянно открыта дорога проникнуть въ сердце австрійскихъ наслѣдныхъ земель и нанести монархіи послѣдній смертельный ударъ. Самъ прусскій король не можетъ ни минуты сомнѣваться, что императорскій домъ никогда не забудетъ потери Силезіи, никогда не пропуститъ ни одного удобнаго случая снова овладѣть ею. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что для сохраненія этого завоеванія прусская политика должна быть постоянно направлена къ большему ослабленію Австріи для отнятія у нея средствъ исполнить когда-либо свое намѣреніе, и такимъ образомъ оба двора будутъ постоянно жить въ величайшемъ соперничествѣ и непримиримой враждѣ. Изъ сказаннаго ясна несостоятельность прежней политической системы и необходимость принять новую. Главнымъ основаніемъ послѣдней должно быть правило: напрягать всѣ усилія къ тому, чтобъ не только предохранять себя отъ враждебныхъ предпріятій прусскаго короля, но и ослаблять его, ограничивать его господство и возвратить потерянное. Безъ союзниковъ нельзя воевать съ Пруссіею. Отъ морскихъ державъ нельзя ожидать никакой помощи, остается слѣдовательно одно средство для достиженія великой цѣли: склонить Францію не только не противиться предпріятіямъ Австріи, но содѣйствовать имъ непосредственно, или, по крайней мѣрѣ, посредственно. Это можетъ произойти

только тогда, когда Францiя найдетъ болѣе выгоднымъ для себя паденiе прусскаго могущества, чѣмъ его сохраненiе. Поэтому надобно сдѣлать Францiи такое предложенiе, которое бы побудило ее поддерживать Австрiю въ стремленiи возвратить себѣ Силезiю.

Уничтожить вѣковыя привычки, вѣковые предразсудки дѣло трудное; трудно было сближенiе Австрiи съ Францiею; трудно было внушить людямъ привычки и предразсудка, что недавнiй союзникъ есть естественный соперникъ и врагъ, и извѣчный врагъ сталъ естественнымъ союзникомъ; надобно было вооружиться долготерпѣнiемъ и ждать благопрiятныхъ обстоятельствъ. Осенью 1750 года Кауницъ прiѣхалъ во Францiю въ качествѣ посланника, и въ маѣ 1751 г. увѣдомилъ свою государыню, что слишкомъ мало надежды произвести разрывъ между французскимъ и прусскимъ дворами. Кауницомъ овладѣло отчаянiе; онъ писалъ, что единственное разумное средство утвердить безопасность Австрiи—это забыть потерю Силезiи, отнять у прусскаго короля на этотъ счетъ всякое безпокойство и втянуть его въ союзъ Австрiи съ морскими державами. Кауницъ охотно велъ долгiе разговоры съ фавориткою Людовика XV, маркизой Помпадуръ и говорилъ ей разныя вещи, которыя, какъ онъ былъ увѣренъ, она передастъ королю; но видимо благопрiятныхъ послѣдствiй отъ этихъ разговоровъ не оказывалось.

Весною 1753 года Кауницъ возвратился изъ Францiи и былъ назначенъ канцлеромъ. При французскомъ дворѣ онъ былъ замѣненъ графомъ Штарембергомъ, въ инструкцiи которому говорилось, что принимая во вниманiе тѣсную связь Францiи съ Пруссiею, жалобы при французскомъ дворѣ на прусскаго короля или обнаруженiе ненависти и отвращенiя къ нему скорѣй произведетъ вредное, чѣмъ благопрiятное дѣйствiе. Вотъ какое горькое убѣжденiе вывезъ изъ Францiи новый канцлеръ, первый заявившiй невозможность разрыва между Францiею и Пруссiею и сближенiя Францiи съ Австрiею! Распря между Англiею и Францiею за американскiя колонiи не перемѣнила этихъ отношенiй. Когда въ Европѣ стали думать, что американскiя столкновенiя поведутъ къ европейской войнѣ, то не сомнѣвались, что Францiя и Австрiя, по обычаю, выступятъ враждебно другъ противъ друга. Точно также всѣ думали, что Пруссiя станетъ на сторону

Франціи, а морскія державы, Англія и Голландія будутъ вмѣстѣ съ Австріею, что Франція начнетъ дѣло нападеніемъ на австрійскія Нидерланды, а король прусскій вторгнется въ Ганноверъ. Послѣднее, разумѣется, заставляло трепетать англійскаго короля, какъ владѣтеля ганноверскаго, и онъ требуетъ у Маріи-Терезіи, чтобъ она немедленно выслала въ свои Нидерланды отъ 25 до 30,000 войска, а если Ганноверъ подвергнется нападенію, то не только отправила бы туда войско, но и сдѣлала бы диверсіи противъ прусскаго короля изъ своихъ ближайшихъ владѣній, и требованіе это было сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ, которыя вѣнскій дворъ счелъ для себя очень оскорбительными. Кауницъ отвѣчалъ англійскому посланнику Кейту, что еслибы австрійскія войска находились на жалованьѣ Англіи, а не своей государыни, то и тогда нельзя было бы съ большею рѣзкостію въ тонѣ потребовать отъ императрицы, чтобъ она оставила безъ войска зерно своихъ владѣній и отправила его въ Нидерланды для защиты Голландіи, Англіи и Ганновера. Въ Вѣнѣ соглашались отправить въ Нидерланды отъ 10 до 12,000 человѣкъ, но съ условіемъ, чтобъ Англія и Голландія выставили соотвѣтствующее число войска, своего или наемнаго. Потомъ вѣнскій дворъ соглашался увеличить число своего войска въ Нидерландахъ до 30,000, но съ тѣмъ, чтобы Англія выставила 20,000 войска и Голландія 8000. Англія продолжала требовать, чтобъ Австрія высылала какъ можно болѣе войска въ Нидерланды, отмалчиваясь на счетъ числа своего войска, и давая только знать, что прусскаго короля можно склонить къ нейтралитету.

Эти отношенія вѣнскаго двора къ Англіи и намеки послѣдней на свои отношенія къ Пруссіи, дали Кауницу новыя побужденія приступить къ дѣлу сближенія Австріи съ Франціею. 21 августа (н. с.) 1755 года курьеры поскакали въ Парижъ съ инструкціями для Штаремберга. Посланникъ Маріи-Терезіи долженъ былъ объявить Людовику XV, что императрица охотно сохранила бы миръ и только необходимость можетъ принудить ее начать войну противъ Франціи. Но она имѣетъ причины думать, что Англія, чрезъ посредство протестантскихъ дворовъ, старается войти въ союзъ съ королемъ прусскимъ или, по крайней мѣрѣ, сдерживать его посредствомъ русскаго войска, чтобы такимъ образомъ для своихъ интересовъ принести въ жертву интересы католи-

цизма равно какъ австрійскаго и бурбонскаго домовъ. Это заставляетъ императрицу привести въ соглашеніе свои интересы съ интересами бурбонскаго дома. Только слѣпая страсть и старые предразсудки могли до сихъ поръ препятствовать дѣлу спасительному и желанному для охраненія католицизма и спокойствія Европы.

Штарембергъ обратился къ маркизѣ Помпадуръ съ просьбою о посредничествѣ, потому что она пользовалась наибольшимъ довѣріемъ короля, и потомъ, еслибы не сдѣлать ее участницею дѣла, то можно было опасаться препятствій ему съ ея стороны. Людовикъ XV назначилъ вести переговоры съ Штарембергомъ аббата Берни, любимца маркизы. Въ первомъ французскомъ отвѣтѣ на предложеніе Штаремберга говорилось, что король безъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ измѣны и безъ самыхъ важныхъ побужденій не можетъ разорвать съ своимъ союзникомъ, прусскимъ королемъ; но надобно толковать о томъ, чтобъ предупредить разрывъ между Австріею и Франціею; прежде всего оба государства должны обязаться не помогать никому, кто сталъ бы дѣйствовать въ противорѣчіи съ ахенскимъ договоромъ [1].

Въ Вѣнѣ увидали, что Францію нельзя заставить отказаться отъ прусскаго союза; но, по крайней мѣрѣ, Франція была не прочь отъ сближенія съ Австріею. Въ такомъ положеніи дѣло перешло изъ 1755 въ 1756 годъ, въ началѣ котораго во Франціи узнали, что прусскій король дѣйствительно заключилъ союзъ съ Англіею.

Мы видѣли, что англійскій дворъ, безпокоясь за Ганноверъ и Голландію, требовалъ отъ Австріи сосредоточенія значительнаго числа войска въ Нидерландахъ. Англія опасалась въ этомъ случаѣ сколько Франціи, столько же и ея союзника, короля прусскаго, для отвлеченія котораго она такъ и хлопотала о субсидномъ договорѣ съ Россіею. Но если вѣнскій дворъ, въ виду борьбы на жизнь и на смерть съ Пруссіею, дошелъ до мысли о необходимости сблизиться съ извѣчнымъ врагомъ своимъ Франціею, разорвать, во что бы то ни стало, союзъ между нею и Пруссіею, то и дворъ англійскій, по тѣмъ же побужденіямъ долженъ былъ придти къ мысли, сблизиться съ Пруссіею, разорвать союзъ между нею и Франціею, тѣмъ болѣе, что дѣло казалось гораздо легче: между Англіею и Пруссіею не было во-

все застарѣлой вражды; напротивъ было большое сочувствіе и единство въ интересѣ религіозномъ. Обезопасить себя со стороны Пруссіи, а съ помощію старой союзницы, Австріи сдержать Францію отъ нападеній на Голландію и Ганноверъ казалось въ Лондонѣ мастерскимъ дѣломъ; субсидный договоръ съ Россіею не считался вовсе лишнимъ и при новыхъ отношеніяхъ къ Пруссіи: русское войско можно было двинуть, какъ прежде, противъ Франціи, по крайней мѣрѣ, можно было испугать ее, и такимъ образомъ въ предстоящей войнѣ Англіи и Франціи всѣ сильнѣйшія государства Европы стали бы на сторонѣ первой противъ послѣдней.

Въ августѣ 1755 года англійское министерство сдѣлало предложеніе Фридриху II войти въ соглашенія относительно сохраненія спокойствія въ Германіи, для чего прусскій король долженъ дать формальное обѣщаніе ничего не предпринимать противъ нѣмецкихъ владѣній великобританскаго короля, не подкрѣплять французскаго нападенія на нихъ, но препятствовать ему. Фридриху II понравилось предложеніе, потому что его сильно безпокоилъ субсидный трактатъ Англіи съ Россіею: если возобновить союзный договоръ съ Франціею, разсчитывалъ онъ, то надобно будетъ напасть на Ганноверъ, т.-е. поднять противъ себя Англію, Австрію и Россію; если заключить союзъ съ Англіею, то вѣроятно Французы не внесутъ войны въ предѣлы германской имперіи, а Пруссія будетъ въ союзѣ съ Англіею и Россіею: это заставитъ Марію-Терезію пребывать въ покоѣ, несмотря на все ея желаніе возвратить себѣ Силезію. Англійское министерство увѣряло его, что цѣль субсиднаго трактата между Англіею и Россіею состоитъ единственно въ защитѣ владѣній англійскаго короля, что по условіямъ договора русскія войска двинутся только въ томъ случаѣ, когда какое-нибудь государство предприметъ открыто напасть на его владѣнія; англійское министерство увѣряло его, что между Англіею и Россіею господствуетъ совершенное согласіе, что король Георгъ твердо разсчитываетъ на дружбу императрицы Елисаветы. Не имѣя средствъ удостовѣриться въ этомъ прямо въ Петербургѣ вслѣдствіе прерванія дипломатическихъ сношеній между Россіею и Пруссіею, Фридрихъ освѣдомлялся въ другихъ мѣстахъ, и отовсюду получалъ удостовѣренія, что вліяніе Англіи въ Петербургѣ сильнѣе,

чѣмъ вліяніе Австріи, потому что англійское правительство богато, а Марія-Терезія бѣдна [2]. Успокоясь на этотъ счетъ, Фридрихъ заключилъ союзъ съ Англіею, 16 января 1756 года.

Извѣстіе объ этомъ союзѣ произвело страшное впечатлѣніе во Франціи, вслѣдствіе чего 2 мая 1756 года заключенъ былъ въ Версали оборонительный союзъ между Франціею и Австріею.

Англія увидѣла, что ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Погруженная въ соображеніе однихъ своихъ интересовъ, она забыла, что и у другихъ державъ есть свои интересы, что если въ Лондонѣ былъ интересъ ганноверскій, то въ Вѣнѣ былъ интересъ силезскій. Англійскій посланникъ въ Вѣнѣ, Кейтъ имѣлъ любопытный разговоръ съ Маріею-Терезіею по поводу австро-французскаго союза. Когда Кейтъ замѣтилъ, что этотъ союзъ есть нарушеніе прежнихъ дружественныхъ отношеній Австріи и Англіи, то императрица съ жаромъ отвѣчала: «Не я покинула старую систему; но Англія покинула и меня и систему, когда вступила въ союзъ съ Пруссіею. Извѣстіе объ этомъ поразило меня какъ громомъ. Я и король прусскій вмѣстѣ быть не можемъ, и никакія соображенія въ мірѣ не могутъ меня побудить вступить въ союзъ, въ которомъ онъ участвуетъ. Мнѣ нельзя много думать объ отдаленныхъ земляхъ, пришлось ограничиться защитою наслѣдственныхъ владѣній, и здѣсь я боюсь только двухъ враговъ: Турокъ и Прусаковъ. Но при добромъ согласіи, которое теперь существуетъ между *обѣими императрицами*, онѣ покажутъ, что могутъ себя защищать и что нечего имъ много бояться и этихъ могущественныхъ враговъ» [3].

Послѣднія слова одной изъ императрицъ показывали, что Англія ошиблась и въ другой разъ: австрійское вліяніе въ Петербургѣ было сильнѣе англійскаго; ошибочны были полученныя Фридрихомъ II извѣстія, что англійское вліяніе здѣсь преобладаетъ, потому что Англичане могутъ дать больше, чѣмъ Австрійцы. Ошибочно было и мнѣніе Кауница, что политика Россіи истекаетъ не изъ дѣйствительныхъ ея интересовъ, но зависитъ отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ: съ начала царствованія при дворѣ Елисаветы повторялось, что король прусскій есть самый опасный врагъ Россіи, гораздо опаснѣе, чѣмъ Франція, и это было убѣжденіемъ самой императрицы. Петръ Великій оставилъ Россію въ самыхъ благопріятныхъ внѣшнихъ

отношеніяхъ: она была окружена слабыми государствами—Швеціею, Польшею; Турція была или, по крайней мѣрѣ, казалось болѣе сильною и опасною, и это условило австрійскій союзъ по единству интересовъ, по одинакому опасенію со стороны Турціи; это же условило и враждебныя отношенія къ Франціи, находившейся въ постоянной дружбѣ съ султаномъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились: вблизи Россіи является новое могущество; прусскій король обрываетъ естественную союзницу Россіи, Австрію; онъ сталкивается съ Россіею въ Швеціи, Польшѣ; отдаленность Турціи не мѣшаетъ ему искать ея дружбы и, разумѣется, не для выгодъ Россіи. Блестящія способности Фридриха II и неразборчивость средствъ при достиженіи цѣлей дѣлаютъ могущество Пруссіи еще болѣе опаснымъ, еще болѣе усиливаютъ раздраженіе, ибо заставляютъ быть въ натянутомъ положеніи, вѣчно готовиться къ какой-нибудь неожиданности, военной или дипломатической. Помнили хорошо, какъ были наказаны за оплошность нападеніемъ Фридриха на Саксонію; знали, что Швеція и Польша сами по себѣ неопасны; но когда будутъ соединены прусскими интригами, тогда другое дѣло; вслѣдствіе могущества Пруссіи и характера ея короля боялись не только за Курляндію, но и за пріобрѣтенія Петра Великаго. Это постоянное опасеніе и раздраженіе сдѣлали господствующею мысль о необходимости окружить прусскаго короля цѣпью союзовъ и сократить его силы при первомъ удобномъ случаѣ. Приняли предложеніе Англіи о субсидномъ трактатѣ, имѣя въ виду выставить на чужой счетъ большое войско противъ прусскаго короля, и остановились только при мысли: а что если Англія потребуетъ это войско не противъ прусскаго короля, а противъ Франціи, потребуетъ выслать его въ Нидерланды? Австрія отказывается посылать туда свое большое войско, требуетъ, чтобъ Англія послала свое или наемное! Но не одна эта мысль должна была удерживать русское правительство отъ заключенія субсиднаго трактата. Если Австрія, на основаніи англійскихъ намековъ, давно уже внушала французскому двору о готовящемся союзѣ между Англіею и Пруссіею, то почему она могла скрывать это при петербургскомъ дворѣ? Эстергази не сообщалъ этого оффиціально, могъ не сообщать этого канцлеру, извѣстному приверженцу англійскаго союза; но долженъ былъ внушать объ

этомъ Воронцову, Шуваловымъ, долженъ былъ внушать объ этомъ изъ раздраженія противъ Англіи, изъ старанія оправдать сближеніе Австріи съ Франціею.

Мы видѣли [4], что ратификація субсиднаго договора была остановлена въ концѣ 1755 года, и Воронцовъ объяснялъ Уильямсу медленность императрицы нежеланіемъ ея посылать свои войска далеко въ Германію или Нидерланды, и желаніемъ употреблять ихъ только противъ короля прусскаго. 19 января 1756 года канцлеръ подалъ императрицѣ слѣдующую записку: «Англійская субсидная негоціація во время продолжительнаго своего теченія неоднократные подавала случаи утруждать ея императорское величество всенижайшими представленіями. Наблюденная тѣмъ должность получала всегда свое воздаяніе, ибо ея импер. величество по своему просвѣщенному проницанію тотчасъ усматривая, что всѣ оныя исполнены были искреннимъ усердіемъ и ревностію къ еяжъ высочайшей славѣ и къ пользѣ ея интересовъ, всегда всемилостивѣйшею апробаціею ихъ удостоивать изволила. Теперь отъ исполненія вновь сея должности канцлеръ толь меньше уклониться можетъ, что оная ему наиважнѣйшею, нежели когда-либо кажется, да можетъ быть и послѣднею его министерства есть. Во всей вышепомянутой негоціаціи не будучи учинено ни малѣйшаго поступка, о которомъ бы не было напередъ со всею ясностію и подробностію ея импер. величеству всенижайше представлено, и на который бы паки точнаго имяннаго ея величества повелѣнія напередъ не воспослѣдовало, нельзя натурально доискиваться причины, для чего такъ медлится размѣна ратификацій на заключенную здѣсь съ англійскимъ посломъ Виліамсомъ по еяжъ высочайшему указу конвенціи, ежели бъ давно извѣстно не было, что всякое дѣло имѣетъ свои критики, такъ какъ каждый своихъ непріятелей, съ тою только разностію, что сколь дѣло больше, важнѣе и полезнѣе, столь больше зависть или и самая ненависть ищутъ показать его вредительнымъ. По несчастію ничего легче нѣтъ какъ критиковать, по меньшей мѣрѣ гораздо беззаботнѣе, нежели прямое дѣло дѣлать. Цѣлый свѣтъ зараженъ нынѣ сею болѣзнію. Сіе есть канцлерово простое гаданіе, которому однакожь остановку ратификацій онъ еще приписывать не можетъ, ибо какъ выше упомянуто, что ничего не учинено въ семъ дѣлѣ безъ высо-

чайшей апробаціи, то всякая критика оскорбляла бы ея просвѣщенное проницаніе; а сверхъ того, хотя бъ и такъ было, то ничего жъ легче нѣтъ, какъ ту самую критику употребить къ доказательству, что оная происходитъ отъ людей, о прямомъ состояніи дѣла несвѣдущихъ, но самолюбивыхъ, или же завистію, а можетъ быть и самою ненавистію преисполненныхъ».

Отклонивъ возраженія, которыя можно было сдѣлать противъ нѣкоторыхъ пунктовъ конвенціи, Бестужевъ продолжаетъ: «Ея импер. величество съ самаго своего на престолъ восшествія такую вдругъ пріобрѣла славу, каковою другіе государи ниже ласкаться могутъ. Шведы въ одну кампанію побѣждены, цѣлая ихъ армія съ пашпортами домой отпущена, вольному народу король данъ, цѣлая провинція присягу въ вѣрности и подданства ея импер. величеству давшая, подарена, миръ славно и съ новымъ приращеніемъ для имперіи возстановленъ. Всѣ въ Европѣ державы одна предъ другою спѣшили присылкою торжественныхъ посольствъ искать дружбы ея импер. величества; можно сказать, что еще никакой государь не имѣлъ удовольствія быть толико почитаемымъ; были ли тогда къ славѣ ея импер. величества канцлеровы труды, оное ея величеству лучше извѣстно, и, можетъ быть, еще памятно, что въ тогдашнее время Лестокъ, Бриммеръ, Шетарди и Мардефельдъ такія хитрыя сплетали сѣти, что безъ мудраго и просвѣщеннаго ея императ. величества проницанія канцлеровы усердныя старанія всегда ему жъ погибелью угрожали. Все оное однакожь преодолѣно. Сколько Лестокъ ни кричалъ, чтобъ графа Кейзерлинга изъ Регенсбурга отозвать, доказывая, якобы того при государѣ Петрѣ Великомъ не бывало, а не памятуя, что тогда здѣшняго резидента тамо и принять не хотѣли; однакожь продержаніемъ его тамо императорскій титулъ отъ всей римской имперіи полученъ. Болѣе того, тотчасъ потомъ весь сей корпусъ представилъ себя вступить въ союзъ съ ея импер. величествомъ; но за многими тогда криками, сей германскій корпусъ и отвѣтомъ не удостоенъ, хотя онъ напротивъ того ни которой другой державѣ сей чести не сдѣлалъ, чтобъ свой союзъ представить. Много было криковъ и движеній и противъ ходившаго на помощь морскимъ державамъ войска, однакожь теперь сожалѣютъ только о томъ, для чего то ранѣе сдѣлано не было. Саксонія разорена бы не была, король

прусскій Шлезіи не удержалъ бы и такъ опасенъ какъ нынѣ не сдѣлался бы. При семъ сожалѣніи канцлеръ имѣетъ нѣкоторое утѣшеніе, что за представленіями его не стояло симъ несходствіямъ предупредить; но ему то несносно и крайне сокрушительно, ежелибъ и нынѣ, искусясь въ томъ и другомъ, однакожь до того допущено было, чтобъ послѣ сожалѣть надлежало.

«До нынѣ продолжающееся медлительство въ размѣнѣ ратификацій на заключенную конвенцію уже довольно имѣетъ о чемъ послѣ сожалѣть заставитъ. Но буде паче всякаго чаянія все сіе дѣло и вовсе уничтожить разсудится, то вмѣсто того, чтобъ весьма легкимъ образомъ, а именно чужимъ именемъ и съ подмогою чужихъ денегъ сокращать короля прусскаго, подкрѣпить своихъ союзниковъ, сдѣлать сего гордаго принца у Турковъ, у Поляковъ да и у самихъ Шведовъ презрительнымъ, а не такъ какъ нынѣ уважительнымъ, а чрезъ то самое и Турковъ и Шведовъ для здѣшней стороны не такъ опасными или вредительными, а Польшу больше преданною, и вмѣсто того, чтобъ повелительницею Европы и сохранительницею ея равновѣсія быть, оставятся только союзники ихъ собственному жребію, слѣд. непріятелями своими утѣснены и совсѣмъ обезсилены будутъ. Напротивъ того усилится король прусскій, и чрезъ него и Шведы, большую пріобрѣтутъ они инфлюенцію и въ Польшѣ и у Турковъ; Россія останется одна противъ многихъ непріятелей, не имѣя ни одного союзника, и буде не нападена и не угрожаема, то однакожь теряя все то почтеніе, которое понынѣ возбудило толико славы и зависти, ибо старые союзники, не полагаясь болѣе на здѣшнее защищеніе, а еще паче опасаясь усилившихся своихъ непріятелей, не посмѣютъ и требовать здѣшней помощи, да и принятіе ихъ тогда въ союзъ было бы только здѣшней сторонѣ тягостно; а усилившіеся непріятели, не имѣя ничего тогда опасаться, будутъ только о томъ пещись, что Россію буде не въ старые предѣлы привести, то по меньшей мѣрѣ инфлюенцію ея изъ генеральныхъ дѣлъ выключить, къ чему и великое уже начало сдѣлано будетъ сколь скоро токмо часто помянутая заключенная конвенція уничтоженною объявится, ибо сколь скоро англійскія ратификаціи подобно какъ бы вексель съ протестомъ туда назадъ придутъ, то сіе для короля и націи безчестіе такъ велико, что коль ни драгоцѣнна имъ дружба ея

импер. величества, однакожь оная много холодности и корреспонденція остановки претерпитъ. Показавъ такимъ образомъ вредительныя и крайне безславныя отъ разрушенія сего дѣла несходствія, канцлеръ съ радостію бы ожидалъ, ежели бъ оныя ему кѣмъ-либо письменно оспорены и ему на то паки отвѣтствовать повелѣно было бъ».

«Со всѣмъ тѣмъ ежели бъ однакожь ея императ. величеству всевысочайше угодно было часто помянутую конвенцію уничтожить, то онъ, по своей ревности и усердію о ея монаршей славѣ и достоинствѣ, скрыть не хочетъ, что къ наблюденію въ семъ случаѣ надлежащей благопристойности, нѣтъ другаго способа, какъ объявить велѣть, что канцлеръ и вице-канцлеръ возложенную на нихъ довѣренность во зло употребили, данныя имъ повелѣнія превзошли, и за то чиновъ своихъ и должностей дѣйствительно лишены. Ежели сей несчастливый жребій постигнетъ и одного канцлера, хотя онъ сей отличности предъ вице-канцлеромъ и не заслужилъ, то онъ найдетъ и при томъ свое утѣшеніе, что въ совѣсти ни предъ Богомъ, ни предъ ея императорскимъ величествомъ, ни предъ отечествомъ ничего не согрѣшилъ, но для того безъ вины виноватъ былъ и самъ быть хотѣлъ, дабы тѣмъ самимъ не допустить и малѣйшаго ущерба той славѣ, которая пятнадцатилѣтнимъ мудрымъ ея императ. величества государствованіемъ до толикаго градуса дошла. Будущіи по немъ и на его мѣстѣ могутъ съ лучшею благопристойностію, сваливая вину на несчастливыхъ, стараться о поправленіи, ежели только что пропущено или худо сдѣлано. Въ самое послѣднее и главное свое утѣшеніе, канцлеръ пріемлетъ смѣлость ея импер. величеству, какъ суще вѣрный рабъ и подданный, и такъ какъ бы онъ теперь на судѣ предъ самимъ Богомъ стоялъ, всенижайше представить, что какъ бы сіе дѣло ни обратилось, нынѣ ли бы тотчасъ ратификовано, или бы послѣ другими передѣлано было, ея всевысочайшая служба и польза государства необходимо требуютъ управленіе онаго и всего къ нему принадлежащаго подъ своимъ монаршимъ руководствомъ поручить такой коммиссіи, которая бы изъ такихъ и столькихъ людей составлена была, какихъ ея импер. величество сама избрать изволитъ, и которые бы наипаче ея высочайшую довѣренность къ себѣ имѣли, и имѣя свое собраніе и засѣданіе при

дворѣ, могли тотчасъ на все получить монаршія ея императ. величества резолюціи и повелѣнія, и потому съ потребною скоростію и силою управлять и двигать такую великую махину, какова есть отправленіе корпуса 55,000 человѣкъ моремъ и сухимъ путемъ, удовольствительное онаго тамо содержаніе, предпріемлемыя имъ операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ ѳоколичностей. Изъ того та польза будетъ, что обо всемъ спросится на однихъ, они обо всемъ и пещись должны будутъ, никакое дѣло въ долгихъ и излишнихъ между коллегіями перепискахъ не заволочится и одинъ другому портить не посмѣетъ для того, что всѣмъ равно поручено, на всѣхъ равно и спросится, по меньшей мѣрѣ не будетъ такого разнорѣчія какъ нынѣ, а именно: въ державныхъ въ Москвѣ при дворѣ конференціяхъ всѣ единогласно кричали, надобно за усмиреніе короля прусскаго приняться, несмотря, станутъ ли въ томъ союзники содѣйствовать или нѣтъ, только бы здѣшняя армія умножена была. Теперь, когда сіе умноженіе сдѣлано, и дѣло идетъ не о томъ, чтобъ самимъ и однимъ короля прусскаго атаковать, а только о томъ чтобъ помогать противъ него союзникамъ, слѣд. приводить его подъ чужимъ имянемъ и съ помощію чужихъ денегъ въ безсиліе, то вдругъ тѣ же самые противъ поданія помощи спорятъ, которые прежде совѣтовали и подписали несмотря ни на что самимъ атаковать. Напротивъ того безъ подобной коммиссіи ежели командующій генералъ будетъ вдругъ получать указы изъ сената, военной и иностранной коллегіи, и адмиралтейская коллегія въ тожъ время галерами распоряжать будетъ, а напротивъ того сіи мѣста между собою, вмѣсто согласнаго вспоможенія, будутъ только письменно переспариваться, и, протягивая время, вину одинъ на другаго сваливать, то можно напередъ себѣ вообразить, коль печально будетъ тогда состояніе сего командующаго генерала. Можетъ быть канцлеръ въ своей ревности и горячести много излишняго или излишне усерднаго здѣсь написалъ: но буде сіе имѣетъ быть послѣднимъ исполненіемъ его должности, то онъ никогда довольно твердо написать не могъ; а буде напротивъ того представленія его справедливы и основательны, то ея импер. величество толь великодушна и толь справедлива, что въ разсужденіи его ревности и усердія всемилостивѣйше отпуститъ ему неумѣренность, буде есть, его израженей».

Мнѣніе канцлера, продиктованное раздраженнымъ самолюбіемъ, было крайне слабо. Оно было наполнено выходками противъ недоброжелательныхъ людей, которые изъ личной вражды къ нему, канцлеру, останавливаютъ полезнео для государства дѣло; указывалось на противорѣчіе этихъ людей, которые кричали о необходимости сократить силы короля прусскаго, о необходимости выставить большое войско; а теперь, когда идетъ дѣло о томъ, чтобъ содержать это войско на чужой счетъ — они не хотятъ. Но Бестужевъ, въ своемъ раздраженіи, билъ совершенно мимо: люди, которые раздумывали и внушали императрицѣ раздумье надъ субсидныымъ трактатомъ, были совершенно послѣдовательны; они готовы были сейчасъ подписать субсидный трактатъ, еслибы они были увѣрены, что войско немедленно и непремѣнно двинется противъ Фридриха II; ихъ останавливало сомнѣніе, не должно ли будетъ идти войско въ другую сторону. Канцлеръ своими требованіями, угрозами оставить должность заставлялъ ускорить ратификаціею трактата, но когда былъ поставленъ вопросъ—ратификовать безусловно, или съ условіемъ, чтобъ русское войско было употреблено только противъ короля прусскаго, то канцлеръ, разумѣется, не могъ выставить ничего противъ этого условія, ибо оно вытекало прямо изъ сущности дѣла, его нельзя было не допустить, допуская въ предпріятіе высшую, государственную цѣль, а не простую продажу русскихъ солдатъ англичанамъ.

1 февраля вечеромъ Уильямсъ былъ приглашаетъ къ канцлеру на конференцію въ присутствіи вице-канцлера. Здѣсь сличены были ратификаціи на конвенцію, и потомъ размѣнены «при взаимныхъ и обыкновенныхъ комплиментахъ». Лицо Уильямса сіяло удовольствіемъ; но это удовольствіе сейчасъ же исчезло, когда онъ прочелъ поданную ему Бестужевымъ секретную декларацію, въ которой говорилось: «Содержаніе самой конвенціи хотя довольно изображаетъ, что случай диверзіи не можетъ настоять инако, какъ только когда бъ король прусскій атаковалъ его британское величество или кого-либо изъ его союзниковъ, такъ что о томъ всякое дальнѣйшее объясненіе излишнимъ казалось бы, ибо въ противномъ случаѣ, а именно, буде бы войскамъ ея импер. величества въ Нидерланды, на Рейнъ, или въ Ганноверъ идти надлежало, то не могла бы ея импер. величество снять на

себя пропитаніе оныхъ въ толь отдаленныхъ мѣстахъ, а особливо 15,000 человѣкъ конницы, въ которомъ числѣ много легкаго двуконнаго войска; не могло бы тогда упоминаемо быть о галерахъ, способомъ которыхъ ея импер. величество дессантъ учинить обязалась; не было бы нужды его британскому величеству присылать въ Балтійское море эскадру своихъ кораблей, и наконецъ, по меньшей мѣрѣ, надлежало бы напередъ согласиться о свободномъ проходѣ чрезъ многія имперскія области, о чемъ въ конвенціи ни слова не упомянуто: однакожъ ея импер. величество для избѣжанія всякаго впередь недоразумѣнія симъ и силою сего точно себѣ предоставляетъ и декларуетъ, что случай диверсіи, которую ея величество ратификованною нынѣ конвенціею учинить обязалась, не можетъ настоять инако, какъ только ежели бъ король прусскій атаковалъ области его величества короля великобританскаго или его союзниковъ. Впрочемъ повелѣваетъ ея импер. величество господина посла и паки наикрѣпчайше обнадежить, что сіе предоставленіе ничѣмъ не уменьшитъ той точности, съ которою ея величество всѣ принятыя свои обязательства исполнить намѣрена; паче же дружба ея императ. величества къ своимъ высокимъ союзникамъ, а особливо къ его величеству, королю великобританскому такъ велика, что императрица удаленія не оказала бы и въ Нидерланды войска свои также отпустить, какъ они уже туда на помощь обѣимъ морскимъ державамъ ходили, ежели бъ домашнія всегда и вездѣ всякимъ постороннимъ предпочитаемыя обстоятельства тому не препятствовали, ибо господину послу по союзнической откровенности не таится, что случившіяся съ сибирской стороны отъ разныхъ здѣшней имперіи подданныхъ народовъ, число которыхъ превосходитъ полумилліона, замѣшательства такого состоянія суть, что буде не великую часть здѣшнихъ армей упражняютъ, то однакожь неминуемо заставляютъ во всякой въ запасъ готовости быть, слѣдовательно толь дальнымъ какъ въ Нидерланды походомъ себя не обезсиливать».

— «Я отправлю эту декларацію къ своему двору, сказалъ Уильямсъ; впрочемъ хотя мнѣ извѣстно, что при заключеніи конвенціи имѣлся единственно въ виду король прусскій, да и теперь оной дворъ отнюдь не помышляетъ заводить здѣшнія войска въ Нидерланды, однако я предусматриваю, что такія изъятія мо-

гутъ много убавить той пользы доброму дѣлу, которая ожидается отъ заключенія этой конвенціи, и особенно королю моему государю прискорбно будетъ точное, имянное исключеніе Ганновера. Смѣю также замѣтить, не какъ министръ, но какъ частный, Россіи преданный человѣкъ, что приведенная въ концѣ причина—башкирскія замѣшательства, затмѣваетъ славу русскаго имени, такъ что я охотнѣе принялъ бы простой отказъ, чѣмъ прикрашенный такимъ предлогомъ».

На другой день Уильямсъ прислалъ канцлеру письмо, въ которомъ говорилъ, что подумавши хорошенько, онъ не можетъ доставить своему государю бумагу, которая, по его мнѣнію, уничтожаетъ нѣкоторымъ образомъ смыслъ конвенціи, произведетъ безпокойство при англійскомъ дворѣ, горесть въ сердцахъ союзниковъ, радость и наглость у враговъ. Цѣль конвенціи — сдержать враговъ и придать мужества и дѣятельности союзникамъ; но декларація можетъ произвести дѣйствіе, діаметрально противоположное этой цѣли. 3 февраля отправился къ Уильямсу секретарь иностранной коллегіи Волковъ съ объясненіемъ, что императрица при заключеніи конвенціи была того мнѣнія, что требуемая диверсія можетъ быть только противъ короля прусскаго, и потому съ ея стороны было бы поступлено неоткровенно, еслибъ она своего мнѣнія не объявила прямо королю великобританскому. Уильямсъ отвѣчалъ, что декларація сама по себѣ его не опечалила бъ, потому что дворъ его не имѣетъ намѣренія требовать русскихъ войскъ въ Нидерланды; но онъ боится, что декларація помѣшаетъ постращать Францію русскимъ войскомъ.

Но скоро Уильямсъ нашелся въ тяжеломъ положеніи: онъ долженъ былъ признаться, что русскій дворъ былъ совершенно правъ, принимая свои мѣры, Уильямсъ долженъ былъ объявить Бестужеву о союзѣ Англіи съ Пруссіею. 4 февраля онъ пріѣхалъ къ канцлеру и сообщилъ содержаніе договора, заключеннаго Англіею съ прусскимъ королемъ. Посланникъ увѣрялъ при этомъ честью, что кромѣ этого содержанія не постановлено никакого тайнаго или сепаратнаго обязательства; что государь его приписываетъ оказанную королемъ прусскимъ готовность къ союзу страху предъ англо-русскою конвенціею, что король Георгъ не полагается нисколько на искренность чувствъ Фрид-

риха II, и при заключеніи съ нимъ договора имѣлъ одну цѣль— отвратить прусскаго короля отъ соединенія своихъ силъ съ французскими, а Французовъ удержать отъ нападенія на Германію. Уильямсъ внушалъ, что англо-прусскимъ договоромъ нисколько не нарушается англо-русская конвенція, ибо только благодаря ей государь его и можетъ надѣяться, что Фридрихъ II не посмѣетъ нарушить и свой договоръ. Король его государь надѣется, что въ исполненіе конвенціи императрица прикажетъ подвинуть свои войска ближе къ границамъ и содержать ихъ въ готовности къ походу, а слѣдующая на ихъ содержаніе денежная сумма готова [5].

По донесенію Уильямса своему министерству, Бестужевъ поздравилъ его съ новымъ союзникомъ, но прибавилъ: «Императрицѣ не понравится, что этотъ договоръ сообщенъ прежде австрійскому министру при вашемъ дворѣ, графу Коллореду, чѣмъ нашему князю Голицыну, да и вообще новая связь между Англіею и Пруссіею будетъ ей очень непріятна.» Уильямсъ отвѣчалъ: «Кромѣ Франціи, этотъ союзъ никого не можетъ оскорбить, развѣ кто уже готовъ чувствовать себя оскорбленнымъ Я надѣюсь, что вы употребите все стараніе представить императрицѣ это дѣло съ настоящей точки зрѣнія.» — «Но что скажетъ вѣнскій дворъ?» спросилъ канцлеръ. — «Если австрійское министерство, отвѣчалъ Уильямсъ, дѣйствительно желаетъ продолженія мира, то оно не можетъ ничего сказать противъ [6].»

Съ удивительною легкостію относились англійскіе дипломаты къ дѣламъ континентальныхъ державъ. Не было никакого труда узнать настоящія чувства петербургскаго и вѣнскаго дворовъ, узнать, чего они хотятъ, войны или мира съ Пруссіею. Фридрихъ II могъ быть обманутъ донесеніями съ разныхъ сторонъ, потому что долго не имѣлъ своего министра въ Петербургѣ; но Англія не прерывала своихъ связей и связей самыхъ дружескихъ съ Россіею, слѣдовательно не могла оправдаться невозможностію получить вѣрныя свѣдѣнія. Уильямсъ отличался особенно неумѣньемъ вникать въ положеніе дѣлъ при дворѣ, при которомъ находился; онъ далъ своему правительству самое ложное понятіе о дворѣ петербургскомъ, внушая, что здѣсь все продажное, что можно подкупить и того и другого, тогда какъ на повѣрку выходило, что нельзя было никого подкупить

и заставить дѣйствовать вопреки основной политикѣ двора, что съ Англіею сближались, когда это сближеніе соотвѣтствовало главному положенію, останавливались, когда подозрѣвали несоотвѣтствія, и наконецъ совершенно покидали дѣло, когда видѣли дѣйствительное несоотвѣтствіе. Уильямсъ не хотѣлъ подумать, какой ударъ англо-прусскимъ союзомъ наносится англо-русскому союзу, какой ударъ наносится канцлеру, который былъ всегда главнымъ поборникомъ англо-русскаго союза, какъ Бестужевъ выдается на жертву своимъ врагамъ. И послѣ Уильямсъ продолжалъ увѣрять свой дворъ, что англо-прусскій союзъ не произведетъ дурного дѣйствія въ Петербургѣ, что и Бестужевъ, и Воронцовъ постараются уничтожить это дурное дѣйствіе.

Бестужевъ зналъ очень хорошо, что нѣтъ никакой возможности уничтожить дурное дѣйствіе англо-прусскаго союза, если только сама Англія не уничтожитъ союза. Никогда еще знаменитый канцлеръ не былъ въ такомъ печальномъ положеніи. Какъ нарочно только что передъ тѣмъ, съ необыкновенною горячностію, настаивалъ онъ на ратификаціи субсиднаго договора, выставляя свою непогрѣшимость и позоря враговъ ихъ ошибками; и вдругъ такая страшная ошибка, такой позоръ передъ лицомъ этихъ самыхъ враговъ! Теперь уже нѣтъ болѣе возможности величаться всегдашнею вѣрностію своихъ сужденій: что еслибъ императрица послушала его и поспѣшила безусловно ратификовать субсидный договоръ? Эти враги, которыхъ онъ такъ безпощадно порицалъ, одержали полную побѣду, благодаря ихъ проницательности Россія не далась въ обманъ, оставила за собою полную свободу дѣйствія. Хуже всего, Бестужевъ долженъ былъ чувствовать, какъ онъ упалъ въ мнѣніи императрицы: Елисавета никогда не любила его, но она считала его необходимымъ по его талантамъ и опытности и не выдавала врагамъ; но теперь это обаяніе необыкновеннаго искусства и предусмотрительности исчезло; ошибки молодости, неопытности извиняются легко, ибо считаются средствомъ къ пріобрѣтенію искусства; ошибки старости не прощаются, ибо могутъ только служить признакомъ паденія силъ. Съ паденіемъ Бестужева поднимался Воронцовъ: Елисавета любила его какъ стараго вѣрнаго слугу во время испытанія; потомъ обнаружила холодность, когда указаны были ей увлеченія вице-канцлера;

но холодность не была продолжительна; самъ Бестужевъ отнялъ у Воронцова возможность грѣшить и навлекать на себя гнѣвъ императрицы, разорвавъ съ Пруссіею, удаливъ изъ Петербурга ея министровъ. Уликъ противъ вице-канцлера не было болѣе, онъ неуклонно шелъ по теченію, и Елисавета незамѣтно возвратила ему прежнюю благосклонность, а Шуваловымъ онъ былъ нуженъ какъ покорное орудіе, какъ человѣкъ неопасный своею самостоятельностію. Воронцовъ все болѣе и болѣе захватывалъ себѣ участія въ дѣлахъ; остальные члены иностранной коллегіи были на его сторонѣ.

Бестужевъ въ своей запискѣ настаивалъ, что при важности обстоятельствъ необходимо учредить чрезвычайное собраніе, которое бы вѣдало дѣла политики и войны. Онъ требовалъ этого собранія для себя, чтобъ имѣть всегда передъ собою непріязненныхъ людей, заставлять ихъ высказываться явно въ присутствіи императрицы, громить ихъ въ этомъ присутствіи и тутъ же приводить Елисавету къ окончательнымъ рѣшеніямъ, однимъ словомъ отнять у враговъ великую выгоду дѣйствовать противъ него безъ него. Когда 3 марта императрица велѣла коллегіи иностранныхъ дѣлъ подать свое мнѣніе по поводу англо-прусскаго союза, то канцлеръ написалъ записку, въ которой говорилъ: «Когда канцлеръ, въ окончаніи пространнаго своего представленія отъ 19 января, упоминалъ вкратцѣ о надобности и пользѣ учредить нѣкоторую особливую изъ довѣренныхъ персонъ коммиссію, которая бы подъ единымъ руководствомъ ея им. в—ства поручаемое ей отправляла; то онъ тогда подлинно не имѣлъ еще къ тому другой важнѣйшей причины, какъ только чтобъ удобнѣй и съ лучшимъ порядкомъ исполнять принятыя обязательства. Почему, ежели бъ почитать, что заключенный въ Англіи съ королемъ прусскимъ трактатъ разрушаетъ нѣкоторымъ образомъ здѣшнюю конвенцію, то вышепоказанное о учрежденіи нѣкотораго совѣта представленіе могло бъ теперь уже прошедшимъ дѣломъ считаться. Но понеже вмѣсто того сей съ Пруссіею трактатъ, не разрушая ни мало здѣшней конвенціи и обѣщая паче, что Англіи нынѣ еще охотнѣе по сту тысячъ фунтовъ стерлинговъ на годъ давать будетъ за содержаніе здѣшнихъ войскъ въ Лифляндіи (для того что инако не можетъ она полагаться на святость прусскаго обѣщанія и единственно

здѣшнія войска надежными сему трактату гарантомъ служить имѣютъ) перемѣняетъ однакожъ, по правдѣ сказать, весь видъ бывшаго донынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія: то скорѣй произведеніе въ дѣйство вышепоказаннаго представленія нынѣ паче, нежели когда-либо, нужно и полезно быть имѣетъ; надобно принятіе такой резолюціи, которая бы всѣхъ въ Европѣ державъ, такъ сказать, удивя и остановя каждую въ своихъ устремленіяхъ, обратила ихъ глаза и атенцію предпочтительно всѣмъ другимъ на здѣшній дворъ, и чрезъ то сдѣлавъ ихъ неотмѣнными искателями здѣшней дружбы, и избирать тогда что лучшее. Ничего къ сему способнѣе быть не можетъ, какъ когда бъ ея и. в—ство, избравъ наидостойнѣйшихъ монаршей своей довѣренности персонъ, учредило изъ нихъ при своемъ дворѣ тайный военный совѣтъ, не только для нынѣшняго времени, но и навсегда. Сія одна резолюція всѣхъ въ Европѣ дворовъ на довольное время остановила бъ, ибо каждый за нужно и необходимо для себя почтетъ обождать сперва, какія будутъ сего новаго военнаго совѣта упражненія и къ чему прямо опредѣленіе его клониться имѣетъ; а изъ того то произойдетъ, что, стараясь каждый ближае здѣшнія склонности распознать, натурально принужденъ будетъ свои тѣмъ больше обнажить, и всегда здѣшнему двору оставить во власти рѣшеніе между ими дѣлать. Весьма много сему первому распоряженію важности прибавится, ежели бъ притомъ еще угодно было повелѣть, чтобъ сей тайный военный совѣтъ началъ исправленіе своей должности приведеніемъ генерально всѣхъ здѣшнихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ такую готовность и состояніе, чтобъ тотчасъ все въ движеніе прійти и каждый полкъ въ 24 часа въ походъ выступить могъ. Понеже теперь должность и упражненіе подобнаго тайнаго военнаго совѣта почти генерально всю политическую систему въ себѣ заключать имѣютъ, то кого бы ея и. в—ство и сколько членами онаго назначить не соизволила, канцлеру и вице-канцлеру въ томъ числѣ быть нужно.»

Требованіе канцлера было исполнено, совѣтъ былъ учрежденъ, только не подъ именемъ тайнаго военнаго. Но Бестужевъ не получилъ себѣ отъ него никакой пользы, потому что разъ уже сбился съ прямаго пути, тогда какъ противники его шли

твердо этимъ путемъ. 14 марта созвана была при дворѣ конференція изъ слѣдующихъ особъ: великаго князя Петра Ѳедоровича, графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, брата его графа Михайлы (лѣтомъ 1755 года пріѣхавшаго въ Петербургъ), генералъ-прокурора князя Трубецкого, сенатора Бутурлина, вицеканцлера Воронцова, сенатора князя Михаила Голицына, генерала Степана Апраксина и братьевъ графовъ Шуваловыхъ, Александра и Петра. Въ конференціи присутствовала сама императрица и объявила, что для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія ея повелѣній, призванныя лица должны собираться каждую недѣлю по два раза, а именно по понедѣльникамъ и четвергамъ.

30 марта конференція, въ исполненіе указа императрицы, постановила слѣдующее: 1) съ вѣнскимъ дворомъ немедленно приступить къ соглашенію и склонять его, чтобъ онъ, пользуясь нынѣшнею войной Англіи съ Франціею, напалъ на прусскаго короля вмѣстѣ съ Россіею. Представить вѣнскому двору, что такъ какъ съ русской стороны для обузданія прусскаго короля выставляется армія въ 80,000 человѣкъ, а въ случаѣ нужды употребятся всѣ силы, то императрица-королева имѣетъ въ рукахъ самый удобный случай возвратить завоеванныя прусскимъ королемъ въ послѣднюю войну области. Если императрица-королева опасается, что Франція отвлечетъ ея силы въ случаѣ нападенія на короля прусскаго, то представить, что Франція занята войною съ Англіею, и Австрія, не мѣшаясь въ ихъ ссору и не подавая Англіи никакой помощи, можетъ убѣдить и Францію къ тому, чтобъ она не вмѣшивалась въ войну Австріи съ Пруссіею, чему Россія будетъ содѣйствовать съ своей стороны сколько возможно, и для того 2) здѣшнимъ при чужихъ дворахъ находящимся министрамъ приказать, чтобъ они съ французскими министрами ласковѣе прежняго обходились, однимъ словомъ все къ тому вести, чтобъ вѣнскому двору безопасность со стороны Франціи доставить и склонить этотъ дворъ къ войнѣ съ Пруссіею. 3) Польшу исподоволь приготовлять, чтобъ она проходу русскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія не только не препятствовала, но и охотно бы на то смотрѣла. 4) Стараться Турокъ и Шведовъ держать въ спокойствіи и бездѣйствіи;

оставаться въ дружбѣ и согласіи съ обѣими этими державами, чтобъ съ ихъ стороны не было ни малѣйшаго препятствія успѣху здѣшнихъ намѣреній относительно сокращенія силъ короля прусскаго. 5) Послѣдуя симъ правиламъ, идти далѣе, а именно, ослабя короля прусскаго, сдѣлать его для Россіи нестрашнымъ и незаботнымъ; усиливши вѣнскій дворъ возвращеніемъ Силезіи, сдѣлать союзъ съ нимъ противъ Турокъ болѣе важнымъ и дѣйствительнымъ. Одолживши Польшу доставленіемъ ей королевской Пруссіи, взамѣнъ получить не только Курляндію, но и такое округленіе границъ съ польской стороны, благодаря которому не токмо пресѣклись бы нынѣшнія безпрестанныя объ нихъ хлопоты и безпокойства, но, быть можетъ, и полученъ былъ бы способъ соединить торговлю Балтійскаго и Чернаго морей и сосредоточить всю левантскую торговлю въ своихъ рукахъ.

Въ началѣ апрѣля въ конференціи было рѣшено такъ расположить войска и приготовить ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ, чтобъ, по требованію обстоятельствъ, могли немедленно выступить въ походъ. Для этого опредѣлено расположить около Риги въ Курляндіи и по Двинѣ 28 пѣхотныхъ полковъ, которые заключали въ себѣ всѣхъ чиновъ 73,132 человѣка. Шесть кирасирскихъ полковъ, четыре гусарскихъ, 4000 донскихъ козаковъ и чугуевскую команду расположить при Кокенгаузенѣ и въ прочихъ близь лежащихъ мѣстахъ по Двинѣ и ко Пскову. Конногренадерскихъ пять полковъ и драгунскихъ четыре съ 4000 донскихъ и 4000 слободскихъ козаковъ, съ 4000 волжскихъ Калмыковъ, 2000 Мещеряковъ и Башкирцевъ и 1000 казанскихъ Татаръ расположить отъ Чернигова, Стародуба, Брянска до Смоленска. Всего войска должно быть 111,563 человѣка, и войско это должно быть такъ всѣмъ снабжено и удовольствовано, чтобъ могло, по первому указу, не только въ походъ выступить, но и начать военныя операціи. Въ Рѣвель для посаженія на галеры отправить изъ Петергофа и Стрѣльны три пѣхотныхъ полка, содержащіе 7887 человѣкъ да до 500 донскихъ козаковъ. Когда всѣ эти войска выступятъ за границу, то въ Курляндію немедленно двинутся полки изъ Новой Ладоги, Старой Ладоги, Шлюссельбурга, Копорья, въ которыхъ 10,516 человѣкъ, да въ Курляндіи же останется нѣкоторое число козацкаго войска: этотъ

курляндскій корпусъ долженъ служить, вопервыхъ, резервомъ, а, вовторыхъ, поддерживать безпрепятственное сообщеніе съ войсками, которыя будутъ находиться за границею. Чтобъ армія имѣла въ запасѣ лишнихъ лошадей на всякій случай, нарядить 5000 украинскихъ козаковъ о двуконь. Внутри государства, кромѣ гвардіи и нерегулярныхъ войскъ, должно остаться полевыхъ, гарнизонныхъ и ландмилицкихъ полковъ 112, два эскадрона и пять батальоновъ, и въ нихъ людей всѣхъ чиновъ 161795 человѣкъ. Иностранной и военной коллегіямъ предписано стараться умножать дезертированіе въ прусской арміи и привлекать дезертеровъ въ русскую на томъ основаніи, что прусскій король забиралъ тайно и насильно русскихъ подданныхъ и удерживалъ ихъ, а на сдѣланныя ему представленія отвѣчалъ, что между Россіею и Пруссіею нѣтъ картеля.

Такъ какъ въ Пруссіи нѣтъ русскаго министра, а свѣдѣнія оттуда получать необходимо, то иностранной коллегіи предписано отправить подъ именемъ курьеровъ надежныхъ и способныхъ офицеровъ въ Дрезденъ, Гамбургъ и Данцигъ съ такимъ наставленіемъ, чтобъ они, проѣздомъ туда и обратно, старались, сколько можно точнѣе, развѣдывать о военныхъ движеніяхъ и приготовленіяхъ въ Пруссіи; чтобъ каждый изъ нихъ ѣхалъ особливою дорогой: чего одному узнать не удастся, то отъ другого не утаится; важныхъ депешъ съ ними не посылать и наставленіе дать имъ изустно [7].

Желанія сократить силы короля прусскаго не могли ослабить показанія тобольскаго посадскаго Ивана Зубарева, который содержался по разнымъ дѣламъ въ сыскномъ приказѣ, бѣжалъ оттуда, жилъ за границею, возвратился и былъ схваченъ у раскольниковъ. Зубаревъ показалъ въ тайной канцеляріи, что послѣ бѣгства изъ сыскного приказа онъ жилъ у раскольниковъ въ слободѣ Вѣткѣ, откуда въ 1755 году поѣхалъ извощикомъ въ Кёнигсбергъ съ товарами русскихъ бѣглыхъ купцовъ раскольниковъ. Здѣсь прусскіе офицеры, по обычаю, начали вербовать его въ солдаты, въ гвардію, и когда онъ согласился, то его отвезли въ Потсдамъ. Чрезъ посредство Манштейна, бывшаго адъютантомъ у Миниха и, по воцареніи Елисаветы, перешедшаго въ прусскую службу, Зубареву было предложено ѣхать къ раскольникамъ и возмущать ихъ въ пользу Ивана Антоно-

вича: «Послужи за отечество свое, говорилъ Манштейнъ Зубареву, съѣзди въ раскольничьи слободы и уговори раскольниковъ, чтобъ они сами склонились къ намъ и помогли вступить на престолъ Ивану Антоновичу; а мы, по ихъ желанію, будемъ писать къ патріарху, чтобъ имъ посвятить епископа, у насъ былъ ихъ одинъ попъ, да обманулъ насъ и уѣхалъ. А какъ посвятимъ епископа, такъ онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они сдѣлаютъ бунтъ. Ты подай только вѣсть Ивану Антоновичу, а мы въ будущемъ 756 году весною пошлемъ туда къ Архангельску корабли подъ видомъ купечества, чтобъ выкрасть Ивана Антоновича. А какъ мы его выкрадемъ, то чрезъ епископовъ и старцевъ сдѣлаемъ бунтъ, чтобъ возвесть Ивана Антоновича на престолъ, а Иванъ Антоновичъ старую вѣру любитъ; когда сдѣлается бунтъ, то и мы придемъ съ нашимъ войскомъ къ русской границѣ. А донскіе козаки къ намъ совсѣмъ склонны, и у насъ они есть, которые бывали со мною въ походахъ, и мнѣ они надежны. Когда будешь въ Польшѣ, заѣзжай въ раскольничьи слободы опять и объяви тамошнимъ наставникамъ, чтобъ они безъ всякой боязни къ намъ были склонны». Зубаревъ согласился принять оба порученія—ѣхать къ раскольникамъ и, согласясь съ ними, ѣхать въ Холмогоры дать знать Ивану Антоновичу, что за нимъ будетъ присланъ корабль изъ Пруссіи. Онъ былъ представленъ самому Фридриху II и получилъ 1000 червонныхъ и двѣ медали, по которымъ принцъ Антонъ долженъ былъ ему повѣрить, ибо никакого письменнаго документа не хотѣли ему дать. Пріѣхавши въ раскольничьи слободы, Зубаревъ началъ исполнять свое порученіе. Игумны раскольничьихъ монастырей спрашивали его: «Да какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство?» — «Также посадимъ, какъ и государыня сѣла», отвѣчалъ Зубаревъ. Относительно архіерея, игумны говорили: «лучше бы еслибъ его величество изволилъ прислать сюда епископа греческаго, а туда очень ѣхать далеко». Наконецъ раскольники стали говорить ему: «Пора тебѣ ѣхать выручать Ивана Антоновича; и какъ васъ Богъ вынесетъ, то мы стоять готовы.» Но Зубаревъ вмѣсто Холмогоръ попалъ въ Петербургъ въ тайную канцелярію [8]. Показанія его имѣли слѣдствіемъ то, что, какъ мы видѣли, Ивана Антоновича перевезли тайкомъ изъ Холмогоръ въ Шлюссельбургъ.

Соглашенія съ вѣнскимъ дворомъ о прусской войнѣ пошли не такъ успѣшно, какъ бы того желалось. Въ Вѣнѣ опасались, чтобъ Россія своею горячностію не подала Фридриху II повода предупредить Австрію и напасть на нее со всѣми своими силами. Эстергази въ донесеніяхъ своему двору изображалъ черными красками состояніе русскаго войска, для командованія которымъ нѣтъ ни одного порядочнаго генерала. Съ одной стороны мало надѣялись на успѣхи русскаго войска, боялись, что прусскій король, легко отдѣлавшись отъ послѣдняго, направитъ всѣ свои силы противъ Австріи, которая еще не вполнѣ готова; съ другой стороны Франція рѣшительно отказывалась помогать войскомъ въ наступательной войнѣ Австріи противъ Пруссіи, почему Австрія и предпочитала дожидаться нападенія Фридриха II, ибо тогда Франція, по договору, будетъ обязана помочь ей войскомъ [9]. 29 мая Эстергази объявилъ въ Петербургѣ, что императрица-королева не можетъ начать войны съ Пруссіею нынѣшнимъ лѣтомъ; тутъ же Эстергази открылся о заключеніи версальскаго договора между Австріею и Франціею и выразилъ желаніе, чтобъ Россія употребила всѣ усилія склонить Францію смотрѣть спокойно на сокращеніе силъ прусскаго короля. Вслѣдствіе этихъ сообщеній въ конференціи 4 іюня было постановлено: Такъ какъ несмотря на трудности, находимыя вѣнскимъ дворомъ, намѣреніе ея величества неотмѣнно, чтобъ во время нынѣшней между Англіею и Франціею войны, не упуская этого удобнаго случая, трудиться надъ сокращеніемъ силъ короля прусскаго, то объявить вѣнскому двору слѣдующее: откровенное сообщеніе оборонительнаго договора, заключеннаго между Австріею и Франціею, и вниманіе, съ какимъ вѣнскій дворъ исключилъ ея величество изъ условія не сообщать этого договора никому до ратификаціи, очень пріятны императрицѣ, тѣмъ болѣе, что это важное дѣло, согласное съ интересами императрицы-королевы, согласно со мнѣніями и ея императорскаго величества всероссійскаго. Соглашеніе вѣнскаго двора съ французскимъ призывать ея императорское величество формально къ приступленію къ упомянутому союзу ея величество почитаетъ новымъ опытомъ старанія вѣнскаго двора не удаляться отъ дружбы съ Россіею, почему и будетъ ожидать этого формальнаго приглашенія, дабы тогда на самомъ дѣлѣ показать го-

товность къ исполненію желаній императрицы-королевы. Ея величество согласна возобновить сношенія съ французскимъ дворомъ посредствомъ взаимнаго отправленія министровъ, но отнюдь не можетъ согласиться сдѣлать первый шагъ, тѣмъ болѣе, что Франція отозваніемъ своего министра первая подала поводъ къ прекращенію сношеній. Ея величество согласна на то, чтобъ французскій и русскій министры были назначены въ одинъ день. Хотя императрица признаетъ справедливость оснований, по которымъ вѣнскій дворъ считаетъ невозможнымъ начать войну нынѣшнимъ лѣтомъ, однако, по союзнической откровенности, не хочетъ и скрыть, что послѣ той горячности, съ какою сдѣланы объ этомъ дѣлѣ первыя сообщенія, и послѣ той серіозности, съ какою ея величество вступила въ виды императрицы-королевы и уже столько сдѣлала, что занесенный на короля прусскаго съ ея стороны ударъ только опустить оставалось, ей прискорбно, что успѣхъ не соотвѣтствуетъ еще общему желанію. Несмотря однако на сожалѣніе, что издержки на военныя приготовленія употреблены были нѣсколько рановременно, императрица соглашается съ желаніемъ вѣнскаго двора, чтобъ здѣшнія приготовленія и движенія не были такъ казисты, почему и отправлены указы остановить движеніе войскъ. Но ея императорское величество надѣется, что это новое распоряженіе не послужитъ къ уменьшенію оказанной до сихъ поръ ревности относительно сокращенія силъ прусскаго короля; императрица-королева конечно приметъ въ уваженіе, что сколько русскіе интересы требуютъ обезпеченія со стороны короля прусскаго, на столько же отъ сокращенія силъ его зависятъ благосостояніе и безопасность австрійскаго дома; не потерять времени при этомъ особенно важно, ибо если теперь безъ предварительнаго согласія Франціи, кажется труднымъ атаковать короля прусскаго, то это будетъ уже совершенно невозможно, когда между Англіею и Франціею заключенъ будетъ миръ. Правда, необходимо надобно стараться склонить Францію, чтобъ она спокойно смотрѣла на сокращеніе силъ короля прусскаго; но особенно надобно обратить вниманіе на то, надобно ли открывать Франціи все, что здѣсь имѣется въ виду.

2 іюля конференція, въ присутствіи Елисаветы, постановила дать знать Эстергази, что медленность относительно принятія

мѣръ противъ короля прусскаго безпокоитъ императрицу. Благодаря этой медленности, онъ получаетъ время привести себя въ надлежащее оборонительное состояніе и укрѣпить себя еще какими-нибудь новыми союзами. Онъ началъ вдругъ дѣлать большія военныя приготовленія въ такое время, когда узналъ, что здѣшнія движенія остановлены; какъ видно, онъ хочетъ лучше предупредить, чѣмъ быть предупрежденнымъ. Прискорбно ея величеству видѣть, что дружбы ея почти со всѣхъ сторонъ ищутъ и однако она принуждена оставаться въ нѣкоторой нерѣшительности относительно выбора. Натуральная ея величества склонность и интересы дѣлаютъ союзъ ея съ императрицею королевою неразрывнымъ; поэтому ея величество соизволяетъ и на ближайшее соглашеніе съ французскимъ дворомъ; только надобно признаться, что основаніе этого соглашенія будетъ очень слабо, если все ограничится одною обсылкою министровъ и возстановленіемъ непосредственной корреспонденціи. Для этого не стоило бы уничтожать всѣ обязательства съ Англіею и лишиться довольно значительныхъ суммъ, которыя слѣдовало получить отъ этой державы. Правда, поведеніе Англіи относительно короля прусскаго заслужило справедливое негодованіе ея величества; но теперь раскаяніе англійскаго двора и готовность его удовлетворить всѣмъ желаніямъ императрицы не могутъ быть отвергнуты, если французскій дворъ съ своей стороны не вознаградитъ этой потери совершеннымъ покинутіемъ короля прусскаго. Поэтому министерство ея величества проситъ господина посла постараться, чтобъ императрица-королева рѣшительнымъ объясненіемъ привела наконецъ здѣшній дворъ въ состояніе знать, чего держаться, а русскимъ сухопутнымъ и морскимъ силамъ вновь даны секретные указы находиться готовыми къ походу, такъ что въ случаѣ надобности еще нынѣшнимъ годомъ можно предпринять что-нибудь важное.

11 августа Эстергази сообщилъ опасенія своего двора, чтобъ король прусскій не напалъ нечаянно на Богемію или Моравію. Конференція постановила отвѣчать ему, что русскія войска до самаго расположенія на зимнія квартиры будутъ готовы къ походу, да и при расположеніи на зимнія квартиры будетъ сдѣлано такъ, чтобъ значительный корпусъ могъ собраться и предпринять что-нибудь важное[10]. Но опасенія являлись и на счетъ

другой страны, кромѣ Богеміи и Моравіи. Мы видѣли, что отношенія русскаго двора къ польско-саксонскому въ послѣднее время были не очень дружественны. Въ конференціи 26 марта были признаны необходимыми рѣшительныя мѣры для поддержки людей, которые называли себя членами русской партіи, противъ партіи придворной. Литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій далъ знать, что имѣющій быть въ Литвѣ трибуналъ или поправитъ дѣла или кончится явнымъ возмущеніемъ всего королевства; по этому рѣшили, что нельзя ожидать спокойно и равнодушно приближенія времени, когда откроется трибуналъ, и что надобно послать воеводѣ русскому князю Чарторыйскому давно желанную имъ обнадеживательную грамоту императрицы съ увѣреніемъ, что ея величество не допуститъ никакой новизны въ Польшѣ, намѣрена сохранять польскія права и вольности и защищать своихъ доброжелателей, особенно фамилію Чарторыйскихъ. Кромѣ этой грамоты канцлеръ долженъ написать и къ остальнымъ членамъ русской партіи такого же рода письма, равно какъ и нѣкоторымъ другимъ значительнымъ лицамъ, непринадлежащимъ къ русской партіи; посланнику Гроссу велѣть сдѣлать польско-саксонскому двору насильнѣйшія представленія, чтобъ онъ старался сократить излишне данную гетманамъ власть, отвращать всякія насильства, могущія быть при трибуналѣ и сохранять права королевства во всей ихъ цѣлости. Секретарю посольства Ржичевскому, завѣдывавшему собственно польскими дѣлами въ Варшавѣ, велѣно было увѣдомить канцлера Малаховскаго, что, по его представленію, скоро пришлется къ нимъ другой министръ, *отличная персона*, главнымъ образомъ для подкрѣпленія ихъ партіи. Для развѣдыванія склонности Поляковъ относительно короля прусскаго и о намѣреніи ихъ на счетъ престолонаслѣдія положено отправить генералъ-квартирмейстера лейтенанта Веймарна съ жалованьемъ по 200 рублей въ мѣсяцъ и 1000 рублей на дорогу, да отправить съ нимъ къ литовскому канцлеру 6000 червонныхъ для нужнѣйшихъ расходовъ къ пользѣ высочайшихъ интересовъ.

Ржичевскому велѣно было увѣдомить Малаховскаго о присылкѣ «отличной персоны»: значитъ Гроссомъ были недовольны, и это служило также признакомъ паденія силы канцлера Бестужева. Гросса вывелъ и поддерживалъ Бестужевъ; Ржичевскаго

поддерживалъ Воронцовъ. Въ концѣ 1754 года кіевскій митрополитъ Тимоѳей писалъ канцлеру, что по мнѣнію слуцкаго архимандрита Козачинскаго, едва ли Ржичевскій, будучи самъ католикъ, можетъ сдѣлать что-нибудь въ пользу православія и не лучше ли назначить на его мѣсто капитана русской службы Глинскаго, кальвиниста, который будетъ усерднѣе дѣйствовать въ пользу православныхъ, потому что не будетъ бояться католическаго духовенства. На это Бестужевъ отвѣчалъ: «Хотя я и довольно понимаю, что папистү противъ папистовъ дѣйствовать невозможно по русской пословицѣ: воронъ ворону глаза не выклюнетъ; но рѣшеніе сего дѣла отъ меня не зависитъ». Здѣсь находится замѣтка канцлера: «Подлинно имѣло бы зависѣть только отъ канцлера перевесть секретаря изъ одного мѣста въ другое; но теперь канцлеръ о Ржичевскомъ ниже упомянуть въ коллегіи смѣетъ, по великому множеству пристрастныхъ ему патроновъ, коими донынѣ въ молчаніи оставленъ, а наименьше отправленъ указъ къ нему Ржичевскому, хотя противъ справедливости онаго ничего предъявить не имѣли». Указъ заключалъ въ себѣ строгій выговоръ, какъ смѣлъ Ржичевскій накидывать подозрѣніе на Гросса за его тѣсную дружбу съ Брюлемъ и Мнишкомъ.

Гроссъ, вслѣдствіе рѣшенія конференціи, повторилъ Брюлю, что по дружескимъ и благонамѣреннымъ совѣтамъ императрицы, королю надобно было бы возстановить прежній порядокъ возвращеніемъ своего довѣрія старымъ искуснымъ министрамъ и патріотамъ и освобожденіемъ ихъ отъ гетманскихъ притѣсненій, а гетмановъ сдержать въ предѣлахъ, предписанныхъ варшавскимъ трактатомъ, гарантированнымъ Россіею, ибо соблюденіе этого трактата во всѣхъ пунктахъ есть лучшій способъ для сохраненія тишины въ Польшѣ. Гроссъ заключилъ свою рѣчь словами, что повторяетъ объ этомъ вслѣдствіе новаго приказанія императрицы.—«Еслибы вы сто разъ повторили эти представленія, отвѣчалъ Брюль, то я все буду отвѣчать прежнее, что король никакихъ притѣсненій не желаетъ, что старается повсюду держать власть гетмановъ въ надлежащихъ границахъ, цѣлый годъ не исполняетъ ни одной изъ просьбъ гетмана Браницкаго, а при учрежденіи виленскаго трибунала тоже сдѣлалъ относительно литовскаго гетмана, князя Радзивила; король готовъ возвратить свою милость и князьямъ Чарторыйскимъ, если

3*

они перемѣнятъ свое поведеніе; но пусть императрица сама безпристрастно разсудить, можно ли ожидать отъ короля, чтобъ онъ возвратилъ свое довѣріе людямъ, которые не стыдятся письменно разглашать въ Польшѣ, что принудятъ къ тому своего государя силою русскаго оружія, которые безпрестанными жалобами при вашемъ дворѣ злостно стараются произвесть холодность между императрицею и королемъ, которые не только стараются возбудить смуту въ своемъ отечествѣ, но и вредятъ интересу самой императрицы въ Польшѣ, вселяя въ народѣ недовѣріе и страхъ предъ русскимъ оружіемъ и подавая поводъ французскимъ сторонникамъ кричать, что императрица хочетъ самодержавно управлять Польшею, принуждая короля отставлять однихъ министровъ и брать другихъ, какихъ ей угодно».

Когда донесеніе Гросса объ этомъ разговорѣ было прочтено въ конференціи 24 іюня, то здѣсь постановлено дать знать иностранной коллегіи, что такъ какъ она изъ реляціи Гросса конечно усмотрѣла, въ какихъ грубыхъ и непристойныхъ терминахъ отвѣчалъ ему графъ Брюль, и такъ какъ подобный поступокъ въ молчаніи и терпѣливо не можетъ быть перенесенъ, а выговоры чрезъ посланника Гросса поведутъ только къ большему огорченію и къ личной враждѣ между нимъ и Брюлемъ и чрезъ то ко вредной холодности между дворами безъ малѣйшаго исправленія дѣла: то положено дать знать секретарю саксонскаго посольства Прассу, какъ этотъ поступокъ былъ неожиданъ и впредь еще меньше ожидается, почему и оставляется безъ надлежащаго отвѣта для избѣжанія наималѣйшаго повода къ холодности, столь же вредной обоимъ дворамъ, сколько дружба между ними естественна и полезна [11].

Ссориться дѣйствительно было не время. Мы видѣли, что Фридрихъ II, заключая союзъ съ Англіею, надѣялся не только предохранить себя отъ нападенія со стороны Россіи, но и войти съ нею опять въ дружественныя сношенія. Онъ говорилъ англійскому посланнику Митчелю: «Я хочу выполнить свои обязательства относительно вашего государя, и въ случаѣ, если покой въ германской имперіи будетъ нарушенъ вслѣдствіе союза между Франціею и Австріею, то я буду дѣйствовать противъ этихъ державъ сообща съ англійскимъ королемъ. Но увѣрены ли вы въ Русскихъ»?—«Король мой государь думаетъ, что можно быть

увѣрену на ихъ счетъ», отвѣчалъ Митчель. Потомъ, поговоря нѣсколько времени о другомъ, король опять спросилъ: «Совершенно ли вы увѣрены въ Русскихъ»? Получивши отвѣтъ утвердительный, хотя и не безъ нѣкоторой сдержанности, Фридрихъ сталъ считать силы, какія могли выставить воюющія стороны: «У меня, говорилъ онъ, 100,000 войска; да если прибавить сюда еще 30,000 Русскихъ»? Русскія войска могутъ сѣсть на суда въ лифляндскихъ и курляндскихъ гаваняхъ и выйти на берегъ въ Ростокѣ. Изъ повторенія вопроса на счетъ Россіи Митчель догадался, что Фридрихъ получилъ изъ Петербурга не столь благопріятныя извѣстія, чѣмъ тѣ, которыми убаюкивалъ свое правительство Уильямсъ. Вотъ почему Митчель и рѣшился отвѣчать съ нѣкоторою сдержанностію. Въ маѣ мѣсяцѣ Фридрихъ высказалъ Митчелю новыя сомнѣнія относительно колеблющейся политики русскаго двора: «Если, говорилъ онъ, на Германію нападутъ чужія войска, то я выполню свои обязательства относительно Англіи и облегчу высадку 30,000 русскаго войска въ Ростокѣ или Штетинѣ. Но, признаюсь, мнѣ будетъ очень непріятно видѣть чужое войско въ германской имперіи и я надѣюсь, что Русскіе не придутъ, если въ нихъ не будетъ настоятельной нужды. Впрочемъ они могутъ тогда служить залогомъ вѣрности Россіи и препятствовать, чтобъ это государство не приняло сторону нашихъ враговъ». Въ іюнѣ Фридрихъ получилъ извѣстіе изъ Гаги, что Россія отказывается отъ своихъ обязательствъ съ Англіею; по этому случаю онъ писалъ: «Все это дѣло зависитъ отъ двухъ условій: если англійскому королю удастся удержать при себѣ Россію, Германія останется спокойною, и намъ нечего будетъ бояться. Въ противномъ случаѣ надобно обратиться къ Туркамъ и сыпать между ними деньги, чтобъ они сдѣлали отвлеченіе. Я думаю, что нельзя терять времени и если непринять заблаговременно своихъ мѣръ въ Константинополѣ на случай если намъ не удастся въ Петербургѣ, то всякія мѣры уже опоздаютъ». Въ половинѣ іюля Фридрихъ высказалъ Митчелю убѣжденіе, что Россія совершенно для нихъ потеряна, ибо Австрія приготовляется къ войнѣ въ Богеміи и Моравіи; о намѣреніяхъ своего двора проговорились также нѣкоторые австрійскіе министры и генералы. «Для меня, говорилъ Фридрихъ, нѣтъ другаго спасенія, какъ предупредить врага; если мое на-

паденіе будетъ удачно, то этотъ страшный заговоръ исчезнетъ какъ дымъ; какъ скоро главная участница такъ будетъ стѣснена, что не будетъ въ состояніи вести войну въ будущемъ году, то вся тяжесть падетъ на союзниковъ, которые конечно не согласятся нести ее». Король сталъ соображать предъ Митчелемъ всѣ извѣстія имъ полученныя и по его выходило, что Австрія хочетъ напасть на него. Митчель, не могши поколебать этого убѣжденія, предложилъ, что прежде принятія рѣшительныхъ мѣръ, онъ можетъ потребовать объясненія, дѣйствительно ли Австрія хочетъ напасть на него. Сначала Фридриху очень не понравилось это предложеніе: «Изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго, отвѣчалъ онъ: я получу только оскорбительный отвѣтъ». «Чѣмъ высокомѣрнѣе будетъ отвѣтъ, тѣмъ лучше, возражалъ Митчель: вы на немъ не успокоитесь, только Европа должна будетъ убѣдиться въ мирныхъ расположеніяхъ съ вашей стороны и враждебныхъ со стороны австрійской». — «Нѣтъ, съ горячностію говорилъ король, это не поможетъ, а только испортитъ дѣло. Вы не знаете этихъ людей: они еще больше загордятся, а я имъ не уступлю». Такъ было говорено въ полдень; а вечеромъ Фридрихъ сказалъ Митчелю: «Я подумалъ о вашемъ совѣтѣ и послѣдую ему. Но объявляю вамъ заранѣе, что я не ожидаю ничего хорошаго и, клянусь Богомъ, не уступлю этимъ людямъ» [12].

Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ испросилъ аудіенцію у Маріи-Терезіи и отъ имени своего короля предложилъ вопросъ—движеніе войскъ въ Богеміи и Моравіи дѣлается съ цѣлію напасть на Пруссію или нѣтъ? Марія-Терезія отвѣчала: «Сомнительное положеніе европейскихъ дѣлъ заставило меня принять мѣры для собственной безопасности и для защиты союзниковъ; но эти мѣры не клонятся ни къ чьему вреду. Такъ и скажите королю, вашему государю.» Но Фридрихъ этимъ не удовольствовался, его посланникъ попросилъ другой аудіенціи для полученія болѣе опредѣленныхъ объясненій; ибо не владѣніямъ императрицы или ея союзниковъ, но владѣніямъ прусскаго короля грозитъ нападеніе. Король навѣрное знаетъ, что императрица въ началѣ этого года заключила наступательный союзъ съ Россіею: положено съ 200,000 войска внезапно напасть на Пруссію; исполненіе договора отсрочено до будущаго года, потому что у русскаго вой-

ска недостаетъ рекрутъ, у флота матросовъ и для нихъ прокормленія нѣтъ хлѣба въ Финляндіи. Императорскій дворъ отложилъ войну до весны будущаго года, и такъ какъ король получаетъ отовсюду извѣстія о сборѣ австрійскихъ войскъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ требовать отъ императрицы формальнаго и категорическаго объявленія, что она не имѣетъ намѣренія напасть на него ни въ этомъ году, ни въ будущемъ, будетъ ли это завѣреніе письменное или изустное, сдѣланное въ присутствіи посланниковъ французскаго и англійскаго—для короля все равно. Надобно знать, въ войнѣ мы или въ мирѣ; если намѣренія императрицы чисты, то теперь самый удобный случай объявить ихъ; но если королю дадутъ отвѣтъ на языкѣ оракула, отвѣтъ нерѣшительный, изъ котораго нельзя будетъ ничего заключить, то на императрицу падетъ отвѣтственность за послѣдствія [13].

У прусскаго посланника требовали этого запроса на письмѣ и письменно отвѣчали: «Уже давно король прусскій занимается военными приготовленіями въ широкихъ размѣрахъ, какъ вдругъ ему показалось нужнымъ потребовать у императрицы объясненія военныхъ приготовленій, которыя начались въ ея владѣніяхъ только вслѣдствіе прусскихъ приготовленій. Привыкши сохранять уваженіе, которымъ государи обязаны другъ къ другу, съ изумленіемъ узнала она содержаніе записки, поданной прусскимъ посланникомъ. По содержанію и по формѣ она такова, что императрица была бы принуждена перейти границы умѣренности, еслибы стала отвѣчать на все, въ ней содержащееся. Но она объявляетъ одно, что извѣстія о наступательномъ союзѣ между нею и Россіею и условія этого союза ложны, выдуманы, что такого договора противъ Пруссіи не существуетъ и не существовало прежде» [14].

Изъ сличенія всѣхъ этихъ извѣстій съ ходомъ переговоровъ между Россіею и Австріею, какъ онъ представляется по нашимъ источникамъ, ясно видно, что Фридрихъ II имѣлъ ложныя понятія объ отношеніяхъ между двумя императорскими дворами; эти отношенія представлялись ему въ превратномъ видѣ: ему казалось, что Австрія побуждаетъ Россію къ скорѣйшему начатію войны, а Россія оттягивала войну до будущаго года вслѣдствіе дурнаго состоянія своей арміи и флота, тогда какъ мы знаемъ,

что дѣло было наоборотъ. Мы знаемъ, что у Фридриха были шпіоны въ Берлинѣ и Дрезденѣ, ибо онъ самъ на нихъ указываетъ [15]; но мы видимъ, что эти шпіоны сообщали ему невѣрныя извѣстія, а потому нѣтъ никакого основанія предполагать, что онъ получалъ эти невѣрныя извѣстія изъ Петербурга, прямо или посредственно, прямо отъ великаго князя Петра Ѳедоровича [16], или чрезъ посредство канцлера Бестужева, который будто бы открылъ всѣ тайны саксонскому повѣренному въ дѣлахъ Функу, тотъ донесъ своему двору, а дрезденскій шпіонъ донесъ Фридриху II [17].

Какъ бы то ни было, Фридрихъ, въ своей тревогѣ за Силезію, нашелъ, что отвѣтъ Маріи-Терезіи не удовлетворителенъ и рѣшился начать войну. «Было вѣроятно, говоритъ онъ самъ, что въ этомъ году враги Пруссіи не начнутъ войны, ибо петербургскій дворъ хотѣлъ отложить ее до слѣдующаго года, и было очевидно, что императрица-королева будетъ дожидаться, пока всѣ ея союзники приготовятся напасть на прусскаго короля соединенными силами. Эти соображенія повели къ вопросу: что выгоднѣе — предупредить непріятеля, напавши на него сейчасъ же, или дожидаться, пока онъ кончитъ свои великіе сборы. Какъ бы ни рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, война была одинаково вѣрна и неизбѣжна; и такъ надобно было разсчитать — выгоднѣе ли отложить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, или начать сейчасъ же. Король польскій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ союза, который императрица-королева образовала противъ Пруссіи. Саксонское войско было слабо, въ немъ считалось около 18,000 человѣкъ; но было извѣстно(?), что въ продолженіи зимы это войско должно было увеличиться, и что хотѣли довести его до 40,000 человѣкъ. Что касается страшнаго названія зачинщика войны, то это пустое страшило, пугающее только робкіе умы. Не слѣдовало обращать на него никакого вниманія въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, когда дѣло шло о спасеніи отечества, о поддержаніи бранденбургскаго дома. Задерживаться пустыми формальностями въ такомъ важномъ случаѣ было бы въ политикѣ непростительною ошибкой. При обычномъ теченіи дѣлъ не надобно удаляться отъ этихъ формальностей, но нельзя подчиняться имъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нерѣшительность и медленность могли все погубить, и гдѣ можно было спастись только быстротою и силой» [18].

Изъ этихъ словъ понятно, почему въ Петербургѣ называли Фридриха *скоропостижнымъ* государемъ и считали самымъ опаснымъ сосѣдомъ, силы котораго необходимо сократить.

Для нападенія на Австрію Фридрихъ составилъ двѣ арміи: одна, подъ начальствомъ фельдмаршала Шверина, должна была идти въ Богемію къ Кёнигсгрецу; другая должно была, подъ начальствомъ самого короля, вступить въ Саксонію, обезоружить тамошнія войска, если застанетъ ихъ разсѣянными по квартирамъ, или разбить ихъ, если найдетъ въ сборѣ, чтобы при движеніи въ Богемію не имѣть въ тылу непріятеля.

Въ концѣ іюня австрійскій министръ въ Дрезденѣ графъ Штернбергъ получилъ отъ австрійскаго же министра въ Берлинѣ извѣстія о чрезвычайныхъ военныхъ приготовленіяхъ прусскаго короля. О томъ же самомъ писалъ саксонскій министръ въ Берлинѣ къ графу Брюлю. Брюль, сообщая эти извѣстія Гроссу, сказалъ, что прусскія приготовленія съ одной стороны проистекаютъ изъ страха передъ движеніемъ русскихъ войскъ и передъ договоромъ, заключеннымъ въ Версали между Австріею и Франціею; но съ другой стороны можетъ статься, что Фридрихъ II захочетъ предупредить нападенія и первый нападетъ на австрійскія владѣнія, именно на Богемію и Моравію. Если по примѣру 1744 года, онъ захочетъ вторгнуться въ нихъ чрезъ Саксонію, то саксонское правительство, хотя, по слабости своей арміи, и не можетъ воспрепятствовать проходу Пруссаковъ, однако въ исполненіе обязательствъ своихъ съ императрицею-королевою, соберетъ войско и станетъ ожидать удобнаго и безопаснаго случая, при чемъ желаетъ знать, какое рѣшеніе приметъ русскій дворъ, ибо польскій король вовсемъ намѣренъ подражать Россіи.

Въ конференціи 8 іюля положено было приказать Гроссу отвѣчать Брюлю, что русскія войска собраны въ Лифляндіи для немедленнаго поданія помощи вѣрнымъ союзникамъ и особенно для удержанія короля прусскаго, какъ государя очень предпріимчиваго и *скоропостижнаго*, отъ нечаяннаго на нихъ нападенія, при чемъ области его польскаго величества включаются въ это великодушное намѣреніе. Гроссъ долженъ прибавить, что всякій другой государь при такихъ обстоятельствахъ оставилъ бы въ покоѣ сосѣдей и былъ бы радъ, что его самого въ покоѣ оста-

вили; но не таковъ король прусскій: если онъ дѣйствительно увѣрился, что императрица-королева хочетъ сдѣлать на него нападеніе, то хотя бы онъ подлинно зналъ, что мы ей помогать будемъ или не будемъ, въ обоихъ случаяхъ интересъ его требуетъ долго въ страхѣ не оставаться, но какимъ-нибудь сильнымъ и внезапнымъ ударомъ привести вѣнскій дворъ въ разстройство и безсиліе. Положеніе дрезденскаго двора при такихъ обстоятельствахъ чрезвычайно критическое: самая меньшая опасность ему отъ насильственнаго прохода прусскихъ войскъ чрезъ Саксонію, потомъ возвращенія въ случаѣ неудачи, влекущаго погоню непріятельскихъ войскъ, вслѣдствіе чего Саксонія сдѣлается театромъ войны; и такъ какъ Саксонія однимъ своимъ средствомъ не можетъ препятствовать проходу прусскихъ войскъ, то отъ польскаго короля зависитъ предупредить разореніе своихъ владѣній, взявши въ Саксонію отъ 30 до 35,000 русскаго войска, при чемъ онъ долженъ довольствовать ихъ только квартирами, а провіантомъ и фуражомъ на половину, за остальную же половину получитъ деньги [19].

И тутъ поведеніе австрійскаго двора произвело сильное раздраженіе при петербургскомъ: Эстергази уклонился отъ переговоровъ о введеніи русскаго войска въ Саксонію. Потомъ Эстергази старался оправдать поведеніе своего двора тѣмъ, что благодаря его умѣренности и осторожности, Франція приведена въ необходимость подать ему помощь по версальскому договору, а король прусскій лишается всякаго предлога требовать помощи отъ кого бы то ни было, будучи неоспоримо зачинщикомъ смуты. Въ конференціи 28 августа рѣшено было объявить Эстергази: императрица не можетъ вспомнить безъ сожалѣнія о чрезмѣрной умѣренности относительно прусскаго короля, какъ такого государя, который самъ ея ни въ чемъ не имѣетъ; благодаря этой достойной сожалѣнія умѣренности Австрія требовала, чтобъ Россія ни дѣлала никакого примѣтнаго вооруженія и движенія войскъ и посолъ австрійскій отказался отъ переговоровъ о введеніи русскаго войска въ Саксонію. Еслибы императрица въ томъ и другомъ случаѣ не была удержана желаніемъ поступать во всемъ единодушно съ императрицею-королевою, то король прусскій не рѣшился бы на такія нестерпимыя угрозы, какія онъ теперь себѣ позволилъ, Австрія не опасалась бы его нападенія, и по мень-

шей мѣрѣ русская многочисленная армія была бы готова слѣдовать за нимъ по пятамъ; Саксонія не была бы въ такой заботѣ какъ теперь, по меньшей мѣрѣ знала бы чего держаться, и знали бы оба императорскіе двора, чего отъ нея надобно ожидать. Императрица съ сожалѣніемъ видитъ, что теперь дѣло уже въ томъ состоитъ, чтобъ опасность, грозящую ея дражайшей союзницѣ только уменьшить, потому что король прусскій, будучи въ совершенной готовности, воспользуется удобнымъ временемъ, когда наступающая осень воспрепятствуетъ походу русскихъ и французскихъ войскъ. Для уменьшенія этой опасности вновь посланы указы войскамъ быть готовыми къ походу, и, несмотря на позднее годовое время значительная часть ихъ придвинется къ прусскимъ границамъ и часть флота выйдетъ въ море для наблюденія за прусскими берегами и для содержанія съ этой стороны прусскаго короля въ нѣкоторой тревогѣ [20].

Мнѣнія конференціи оправдались. 2 сентября въ ней читалось донесеніе Гросса, отъ 18 августа, что прусскій посланникъ въ Дрезденѣ Мальцанъ, выпросивши аудіенцію у короля Августа, объявилъ, что его король видитъ себя вынужденнымъ поступками Маріи-Терезіи напасть, на нее въ Богеміи, куда войско его направится чрезъ Саксонію; для этого велѣно ему Мальцану требовать свободнаго прохода для прусскаго войска съ такимъ изъясненіемъ, что будетъ соблюдена добрая дисциплина и, сколько обстоятельство позволятъ, Саксонія будетъ пощажена, король и его фамилія могутъ обѣщать себѣ всякую безопасность, при чемъ однако не слѣдуетъ удивляться, если его прусское величество, помня событія 1744 года, приметъ свои мѣры, чтобъ они не повторились. Августъ III отвѣчалъ, что на такое неожиданное предложеніе онъ не можетъ ничего объявить безъ совѣщанія. Въ слѣдъ за этимъ донесеніемъ Гросса пришло другое отъ 19 августа, что прусское войско уже въ Саксоніи, захватываетъ замки, арсеналы, магазины, обезоруживаетъ городовыхъ солдатъ, платитъ за все вмѣсто наличныхъ денегъ одними квитанціями, не позволяетъ Саксонцамъ вносить подати въ казну курфирста. Король Августъ удалился къ войску, расположенному между Пирною и Кёнигштейномъ, и твердо намѣренъ все претерпѣть и только заботиться о сохраненіи своего войска.

По полученіи этихъ извѣстій, 13 сентября конференція поста-

новила ободрить короля Августа и отвратить замѣшательство въ Польшѣ, для этого двинуть армію, которая должна подать помощь союзникамъ и въ то же время поддержать спокойствіе въ Польшѣ; а между тѣмъ Гроссъ долженъ увѣрить саксонскій дворъ въ возможно скорой по годовому времени помощи и объявить, что императрица велѣла выдать королю Августу изъ своей казны 100,000 рублей. Самому Гроссу положено переслать 10,000 рублей на чрезвычайныя издержки. Находящимся въ Польшѣ Веймарну и секретарю посольства Ржичевскому предписать внушать Полякамъ, что они, согласно попеченіямъ императрицы о Польшѣ, должны пресѣчь всѣ несогласія между фамиліями и не руководиться частными интересами, когда идетъ дѣло о благосостояніи отечества, которое подвергается опасности больше, чѣмъ когда-либо. Король прусскій хотя повидимому въ походѣ своемъ и удаляется отъ Польши, но это только для того, чтобъ тѣмъ надежнѣй нанести ей ударъ. Государь, который не задумался, безъ всякой причины, противъ всенародныхъ правъ, противъ собственныхъ обѣщаній, отнять Саксонію у природнаго государя, легко покусится и лишить его короны. Кто знаетъ, не въ этомъ ли безчеловѣчномъ намѣреніи рѣшился онъ на всѣ варварства, чтобъ жизнь короля Августа прекратилась отъ несносной печали. Политика его этого требуетъ, а поведеніе его всего опасаться заставляетъ. Очень легко можетъ быть, что онъ замышляетъ завести въ Польшѣ конфедерацію, Польшу противъ Польши поставить и занять Россію ея успокоеніемъ: иначе какъ бы онъ рѣшился идти въ Саксонію, оставляя границы свои открытыми съ русской стороны? Если къ общему сожалѣнію король Августъ преставится, императрица главнымъ образомъ будетъ заботиться о томъ, чтобъ республика не встрѣтила ни откуда препятствія въ свободномъ выборѣ новаго короля. При этомъ Веймарнъ и Ржичевскій должны только слегка и то надежнымъ пріятелямъ рекомендовать наслѣднаго принца саксонскаго, чтобъ рановременно и напрасно не подать повода къ представленію многихъ другихъ кандидатовъ.

Движеніе русскаго войска не могло принести пользы польскому королю. Войско его принуждено было сдаться Пруссакамъ; Дрезденъ былъ занятъ ими и Августъ III покинулъ свое наслѣдственное владѣніе и уѣхалъ въ Варшаву.

Въ такой бѣдѣ наслѣдная принцесса саксонская обратилась къ Елисаветѣ съ просьбою купить нѣсколько ея брилліантовыхъ вещей. Императрица, какъ сказано въ ея указѣ иностранной коллегіи, «такъ чувствительно это приняла», что приказала доставить принцессѣ 20,000 рублей въ знакъ дружбы и истиннаго участія въ ихъ жалостномъ положеніи.

По пріѣздѣ въ Варшаву король объявилъ Гроссу, что послѣ Бога онъ всю свою надежду полагаетъ на скорую помощь императрицы. Брюль увѣрялъ, что король не сдѣлаетъ ни одного шага безъ согласія и присовѣтованія императрицы, что будетъ объявлено чрезъ его посла, отправляемаго въ Петербургъ; на этотъ постъ король избралъ стольника литовскаго, графа Понятовскаго, какъ человѣка, который, будучи прежде въ Петербургѣ въ свитѣ англійскаго посла Уильямса, умѣлъ заслужить благоволеніе императрицы; выборъ этотъ сдѣланъ «для того, чтобъ доказать возвращеніе королевскаго благоволенія къ князьямъ Чарторыйскимъ, потому что Понятовскій ихъ племянникъ.» Въ самомъ дѣлѣ, доносилъ Гроссъ, не только самъ король очень милостиво и ласково принимаетъ князей Чарторыйскихъ и друзей ихъ, но и графы Брюль и Мнишекъ внѣшнимъ образомъ обходятся съ ними чрезвычайно дружески.

Противъ посылки Понятовскаго въ Петербургъ вооружился французскій министръ въ Варшавѣ Дюранъ, на томъ основаніи, что фамилія стольника враждебна Франціи и самъ Понятовскій находится въ дружбѣ съ англійскимъ посломъ Уильямсомъ, что можетъ вредить возстановленному согласію между Россіею и Франціею. На донесеніе объ этомъ сопротивленіи Дюрана Гроссъ получилъ удивившій его рескриптъ императрицы: «Такъ какъ присылка Понятовскаго и съ нашимъ желаніемъ несходна и допускается единственно потому, что не можетъ быть отвращена съ благопристойностію, то Гроссъ долженъ показывать себя въ этомъ дѣлѣ совершенно равнодушнымъ и дать знать Дюрану, что императорскій дворъ также совершенно равнодушенъ и не отказывается принять Понятовскаго только потому, что не хочетъ опечалить короля, тогда какъ дѣло собственно не имѣетъ никакой важности.»

Самымъ важнымъ вопросомъ въ Польшѣ по отношенію къ русскимъ интересамъ былъ теперь вопросъ о свободномъ про-

ходѣ русскихъ войскъ чрезъ владѣнія республики. Въ концѣ ноября Гроссъ объявилъ королю, что императрица ему непремѣнно поможетъ и сильно поможетъ, хотя, быть можетъ, и не такъ скоро; отъ него же желаетъ одного, чтобъ его величество старался примирить польскія партіи, принуждая каждаго къ исполненію своей должности, и чтобъ проходъ русскихъ войскъ не встрѣтилъ препятствій. Король отвѣчалъ, что очень трудно привести столько головъ къ единомыслію, впрочемъ не видитъ, чтобъ кто-нибудь имѣлъ намѣреніе препятствовать проходу русскихъ войскъ. Гроссъ замѣтилъ, что если самъ король серіозно предложитъ борющимся партіямъ о примиреніи, то это произведетъ сильное дѣйствіе. Король отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все возможное.

Графу Брюлю Гроссъ открылъ въ высшемъ секретѣ настоящій взглядъ своего двора на назначеніе Понятовскаго посломъ въ Петербургъ. Брюль отвѣчалъ, что король никогда бы его не выбралъ, еслибъ не полагалъ, что онъ будетъ пріятнѣе всѣхъ другихъ императрицѣ; что теперь, когда уже Понятовскій отправилъ свой багажъ, когда уже ему вручены инструкціи и кредитивъ, когда уже онъ простился съ королемъ, отмѣнить дѣла нельзя. Впрочемъ король прежде всего взялъ съ Понятовскаго обѣщаніе, что онъ, несмотря на свою прежнюю дружбу съ англійскимъ посломъ, будетъ прямо противъ него дѣйствовать и никакого подозрѣнія на себя не навлечетъ; если же онъ своимъ поведеніемъ окажется не угоднымъ императрицѣ, то король немедленно его отзоветъ. Потомъ зашла рѣчь о дядюшкахъ Понятовскаго, князьяхъ Чарторыйскихъ. Брюль говорилъ: «Императрица совѣтуетъ королю содержать всѣхъ вельможъ равно, не оказывать ни одному предпочтенія; король и самъ считаетъ это основнымъ правиломъ своего поведенія; но когда я стану говорить объ этомъ равенствѣ съ князьями Чарторыйскими, то они отвѣчаютъ, что тотъ, кто хочетъ имѣть всѣхъ пріятелями, ни одного пріятеля не имѣетъ; они хотятъ властвовать одни, но этимъ они, разумѣется, уничтожили бы власть королевскую.» Гроссъ писалъ: «Я не могъ возражать Брюлю, потому что недавно на конференціи у кастеляна краковскаго когда я сталъ говорить о необходимости равенства въ республикѣ, то князья Чарторыйскіе горячо противъ этого спорили, утверждая, что равенство подастъ только поводъ къ мятежамъ» [21].

Чтобъ понять эти объясненія относительно Понятовскаго надобно перенестись къ петербургскому двору, который во все это время находился въ чрезвычайномъ волненіи. Волненіе это происходило не вслѣдствіе нападенія Фридриха II на союзныя съ Россіею государства Саксонію и Австрію, требовавшіе вспоможенія по договорамъ оборонительнаго союза; прусской войны давно ожидали и давно желали случая сократить силы опаснаго сосѣда, этого *скоропостижнаго* короля. Случись это нападеніе Фридриха при прежнихъ отношеніяхъ, то канцлеръ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ не преминулъ бы въ длинной запискѣ напомнить императрицѣ о своей прозорливости, какъ онъ съ самаго начала указывалъ на прусскаго короля какъ на самаго опаснаго врага, какъ съ самаго начала требовалъ противъ него мѣръ предосторожности. Но теперь канцлеръ не подавалъ больше длинныхъ записокъ съ тѣхъ поръ какъ въ длинной запискѣ, написанной въ самомъ рѣзкомъ тонѣ, какого прежде онъ себѣ не позволялъ, онъ требовалъ немедленной ратификаціи субсиднаго договора съ Англіею, направленной противъ прусскаго короля. Англія, тайкомъ отъ Россіи, заключила союзъ съ этимъ прусскимъ королемъ, Австрія, наоборотъ, сблизилась съ Франціею и предлагала Россіи сдѣлать то же самое. Послѣдовательность требовала принять предложеніе: но чего же стоило Бестужеву эта послѣдовательность? Сколько трудовъ употребилъ онъ на то, чтобъ выжить изъ Петербурга представителей Франціи и Пруссіи, главнымъ дѣломъ которыхъ было веденіе интригъ противъ него канцлера въ союзѣ съ его врагами! Какъ было хорошо, покойно въ послѣднее время, когда канцлеръ имѣлъ преимущественно дѣло съ представителями дружественныхъ державъ, дѣйствовавшими съ нимъ заодно, видѣвшими въ немъ свою опору, когда канцлеръ не опасался ничего со стороны министровъ Англіи, Австріи, Саксоніи, когда не нужно было болѣе перлюстрацій! А теперь опять явится въ Петербургъ французскій посолъ, и тогдашніе французскіе дипломаты имѣли славу самыхъ искусныхъ интригановъ; и этотъ французскій посолъ явится съ враждою къ канцлеру, съ пріязнію къ его врагамъ; Воронцовъ старый пріятель Франціи, Шуваловы сильно стоятъ за сближеніе съ Франціею и, что всего хуже, и Воронцовъ, и Шуваловы вполнѣ послѣдовательны, дѣйствуютъ во имя здраваго смысла: если дѣй-

ствовать противъ прусскаго короля, то надобно считать друзьями его враговъ и врагами его друзей. Бестужеву остается одно — внушать, что не надобно спѣшить разрывомъ съ Англіею, что она можетъ одуматься, раскаяться въ союзѣ съ Фридрихомъ, да и во всякомъ случаѣ открытая вражда съ Англіею вредна для русскихъ интересовъ; и Петръ Великій, враждуя съ англійскимъ королемъ, объявлялъ, что находится въ мирѣ съ англійскимъ народомъ. Это внушеніе могло имѣть силу; но трудно было убѣдить въ ненадобности возобновленія сношеній съ Франціею, когда отъ сближенія съ нею зависѣлъ успѣхъ конвенціи противъ Фридриха, когда главный союзникъ, вѣнскій дворъ настаивалъ на это, и Бестужевъ, дѣйствуя противъ сближенія съ Франціею, вооружалъ противъ себя австрійскаго посла, который необходимо становился на сторону его враговъ, и канцлеръ оставался одинокъ. Но пусть пріѣдетъ французскій посолъ; еще можно было бы какъ-нибудь помириться съ обстоятельствами и, въ случаѣ нужды, побороться съ какимъ-нибудь новымъ Шетарди, еслибы обстоятельства были прежнія; а то предстоитъ страшный переворотъ, при которомъ можно легко погибнуть, а для спасенія нужно выдержать сильную борьбу, и въ этой борьбѣ надобно мѣряться съ новымъ опаснымъ врагомъ, французскимъ посланникомъ. Еще осенью 1755 года иностранные министры при петербургскомъ дворѣ стали извѣщать своихъ государей о дурномъ состояніи здоровья императрицы Елисаветы: она харкала кровью, задыхалась, постоянно кашляла, у ней пухли ноги [22]. Въ 1756 году здоровье Елисаветы нисколько не поправлялось; начали ждать печальной развязки; но что же будетъ въ случаѣ такой развязки?... Наслѣдникъ престола есть, великій князь Петръ Ѳедоровичъ; его права безспорны и по происхожденію и по назначенію царствующей императрицы, согласно уставу Петра Великаго. Но ходили слухи, что императрица очень недовольна своимъ племянникомъ и что думаетъ перемѣнить назначеніе, объявить наслѣдникомъ престола малолѣтнаго великаго князя Павла Петровича.

Петръ Ѳедоровичъ былъ сынъ одного изъ мелкихъ владѣльцевъ Германіи, герцога голштинскаго; но по матери онъ былъ родной внукъ Петра Великаго, а по бабкѣ двоюродный внукъ Карла XII, былъ поэтому наслѣдникомъ двухъ престоловъ, рус-

скаго и шведскаго. Столько правъ, столько наслѣдства не матеріальнаго только, но и духовнаго, столько славы легло тяжкимъ бременемъ на существо слабое, физически и духовно, человѣка остановившагося рано въ своемъ развитіи, оставшагося ребенкомъ, когда дѣтскій возрастъ давно уже минулъ. Къ слабости физической и духовной присоединилось раннее сиротство и воспитаніе самое безпорядочное подъ руководствомъ человѣка совершенно неспособнаго. Мы видѣли [23], какъ воспитывали Петра въ Килѣ. Если природа не вложила въ ребенка охоты къ пріобрѣтенію познаній, то люди сдѣлали все, чтобъ внушить ему отвращеніе къ ученію. Неспособный учитель внушилъ маленькому Петру такое отвращеніе къ латинскому языку, что послѣ, когда уже Петръ былъ императоромъ, онъ запретилъ библіотекарю помѣщать хотя одну латинскую книгу въ библіотекѣ, устраиваемой внизу новаго зимняго дворца. Когда при императрицѣ Аннѣ надежда быть русскимъ императоромъ, казалось, совершенно исчезла для Петра, ребенка начали учить шведскому языку и лютеранскому катихизису. Благодаря своему голштинскому воспитанію, Петръ, по пріѣздѣ въ Россію, удивилъ императрицу Елисавету совершеннымъ невѣжествомъ, а Елисавета сама не могла экзаминовать очень взыскательно. Надобно было пополнить пробѣлы и пополнить какъ можно скорѣе, и эта трудная обязанность была возложена на академика Штелина. Мы не станемъ упрекать выбиравшихъ новаго наставника за неудачный выборъ, ибо не имѣемъ для этого упрека никакихъ основаній. Штелинъ дѣлалъ все что могъ, увидавши, съ какою природою имѣетъ дѣло. Все сколько-нибудь отвлеченное, все требовавшее соображенія, нѣкотораго напряженія мысли и живаго представленія связныхъ явленій, все это было недоступно и возбуждало отвращеніе; доступно было только наглядное, мелкое, отдѣльное, и Штелинъ употребляетъ наглядный способъ для успѣха своего преподаванія; онъ приносилъ въ классъ книги съ картинками; приносилъ старинныя русскія монеты и по нимъ разсказывалъ древнюю русскую исторію, приносилъ медали Петра Великаго и по нимъ разсказывалъ его исторію; два раза въ недѣлю Штелинъ читалъ Петру газеты и при этомъ проходилъ всеобщую исторію, *амюзируя* ландкартами и глобусомъ; потомъ исторія сосѣднихъ государствъ была *трактована прагматически*; теку-

щія государственныя дѣла изложены по бумагамъ, сообщеннымъ канцлеромъ. Память у Петра была отличная, онъ пересчитывалъ по пальцамъ всѣхъ русскихъ владѣтелей отъ Рюрика до Петра Великаго; но этимъ все и ограничивалось: несмотря на наглядность преподаванія и *амюзированіе*, Петръ не охотно занимался исторіею, моралью, статистикою; охотнѣе занимался онъ тѣмъ, что было осязательнѣе, фортификаціею, основаніями артиллеріи. Изученіе шведскаго языка замѣнено изученіемъ русскаго, лютеранскій катехизисъ замѣненъ православнымъ: и русскій языкъ и катехизисъ преподавалъ 4 раза въ недѣлю іеромонахъ Теодорскій, или Тодорскій. Но столько же разъ въ недѣлю учили и танцамъ. Вслѣдствіе неспособности гофмаршала Брюммера вести дѣло воспитанія, среди пустыхъ забавъ едва можно было спасать назначенные для занятій часы. Брюммеръ и въ Россіи продолжалъ обращаться съ своимъ воспитанникомъ какъ нельзя хуже, презрительно, деспотически, бранилъ неприличными словами, то выходилъ изъ себя, то низко ласкался. Однажды онъ до того забылся, что подбѣжалъ съ кулаками къ Петру, едва Штелинъ успѣлъ броситься между ними; Петръ вскочилъ на окно и хотѣлъ позвать часового на помощь: Штелинъ удержалъ его, представивъ, какія будутъ слѣдствія. Тогда Петръ побѣжалъ въ спальню, выхватилъ шпагу и сказалъ Брюммеру: «Если ты еще разъ посмѣешь броситься на меня, то я проколю тебя шпагою».

Защищаясь противъ несправедливыхъ и преувеличенныхъ упрековъ Брюммера, Петръ привыкалъ къ спору и къ сильнымъ выходкамъ, отъ которыхъ худѣлъ. Такимъ образомъ дурное воспитаніе дѣйствовало разрушительно на здоровье Петра, и безъ того слабое. Кромѣ того Петръ, по пріѣздѣ своемъ въ Россію, въ продолженіе трехъ лѣтъ выдержалъ три сильныя болѣзни; наконецъ Петра женили рано, несмотря на отсовѣтованія медиковъ, требовавшихъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, подождали еще годъ. Съ женитьбою прекратились учебныя занятія, отъ которыхъ скоро осталось очень мало слѣдовъ [24]. Петръ обнаруживалъ всѣ признаки остановившагося духовнаго развитія, являлся взрослымъ ребенкомъ. Дѣтскость высказывалась въ страсти къ мелочамъ, къ игрушкамъ, отъ дѣла серіознаго бралась одна внѣшняя сторона, сама по себѣ вовсе не серіозная; дѣло обширное было не по немъ, онъ стремился дать ему маленькіе размѣры,

низвести до дѣтской игрушки; всякій серіозный вопросъ, требованіе подумать были ему тяжки и непріятны, онъ подчинялся первому чувственному побужденію, подчинялся первой чужой мысли, но эти увлеченія, необдуманности, какъ обыкновенно бываетъ въ дѣтяхъ, уживались съ капризами и упрямствомъ, которое не имѣло ничего общаго съ мужескою твердостію; дѣтская говорливость и крикливость были ясными признаками остановившагося развитія. Отъ такого человѣка нельзя было требовать, чтобъ онъ понялъ свое положеніе, понялъ, что наслѣдникъ русскаго престола долженъ быть прежде всего русскимъ человѣкомъ, приладиться къ народу и странѣ, гдѣ ему суждено царствовать. Чтобъ найтись въ новой сферѣ болѣе широкой, опредѣлить свой образъ дѣйствій согласно съ новымъ положеніемъ, болѣе высшимъ, дорости до этого положенія, требовалась большая сила, большая способность къ развитію, какой именно и не было у Петра. Онъ сросся съ узенькою обстановкой мелкаго нѣмецкаго владѣльца, она пришлась ему по природѣ, и тяжело, тоскливо было ему въ другой, болѣе широкой сферѣ, куда перенесла его судьба. Здѣсь дѣло идетъ не о любви къ родинѣ, къ своему, но о косности, мелкости природы, которыя не позволяютъ отрѣшиться отъ извѣстныхъ привычекъ и взглядовъ. Таже косность и мелкость природы, которыя не позволили сыну Петра Великаго, царевичу Алексѣю сдѣлаться достойнымъ наслѣдникомъ россійской имперіи, царевичемъ новой Россіи, заставляли его упираться противъ новой дѣятельности и оставаться русскимъ царевичемъ XVII вѣка,—таже косность и мелкость природы заставили внука Петра Великаго остаться голштинскимъ герцогомъ на императорскомъ русскомъ престолѣ, со всѣми привычками и взглядами мелкаго германскаго князька, со страстію экзерцировать свою маленькую гвардію и въ ея кругу упитываться симпатіями и антипатіями, совершенно чуждыми настоящему его положенію.

Очень рано иностранные министры при русскомъ дворѣ начинаютъ пересылать своимъ государямъ печальныя извѣстія о характерѣ и поведеніи великаго князя. Дальонъ писалъ въ мартѣ 1746 года, что Петръ дѣлаетъ всѣмъ непріятности, не исключая и жены, у которой разумъ превосходитъ лѣта; онъ склоненъ къ вину, водится съ людьми пустыми, и главная забава его ку-

кольный театръ. Въ августѣ 1747 года Финкенштейнъ доносилъ своему королю: «Надобно полагать, что великій князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о слабомъ здоровьѣ, которое угрожаетъ ему рановременною смертію, онъ такъ ненавидимъ Русскими, что долженъ лишиться короны, еслибъ она и досталась ему по смерти императрицы. И надобно признаться, что поведеніе его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, какъ принцъ его лѣтъ можетъ вести себя такъ ребячески. Нѣкоторые думаютъ, что онъ притворяется; но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы мудрѣе Брута и своей тетки *. Къ несчастію онъ дѣйствуетъ безъ всякаго притворства. Великая княгиня ведетъ себя совершенно иначе».

По удаленіи Брюммера мѣсто его при великомъ князѣ занялъ князь Василій Репнинъ, а послѣ него Чоглоковъ; послѣднему дана была такая инструкція, написанная канцлеромъ Бестужевымъ: «Опредѣляемъ, дабы вы вмѣсто насъ и именемъ нашимъ неотступно при его импер. высочествѣ были и ему дѣломъ и совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ (кромѣ голштинскихъ дѣлъ) помогали, особливо слѣдующіе пункты исполняли: 1) дабы его импер. высочество Бога и святыя Его заповѣди всегда въ памяти своей имѣлъ и преданія православной греческой вѣры крѣпчайше наблюдалъ, наружно же оныя внутреннія мнѣнія оказывалъ, явной Божіей службѣ въ прямое время съ усердіемъ и надлежащимъ благоговѣніемъ, гнушаясь всякаго небреженія, холодности и индиферентности (чѣмъ всѣ въ церкви находящіеся явно озлоблены бываютъ) присутствовалъ, членамъ св. Синода и всему духовенству надлежащее почтеніе отдавалъ, особливо же своего духовника самого къ себѣ допущалъ и наставленія его въ духовныхъ вещахъ охотно и со вниманіемъ выслушивалъ. 2) Чтобъ его импер. высочество свое дражайшее здравіе сохранялъ, лейбъ-медиковъ почасту къ себѣ допускалъ, о состояніи здравія своего обстоятельно увѣдомлялъ и на вопросы ихъ прямую отповѣдь давалъ. 3) Чтобъ между ихъ импер. высочествами ни малѣйшее несогласіе не происходило, наименьше же допускать, чтобъ какое преогорченіе вкоренилось, или же бы въ присутствіи дежурныхъ кавалеровъ, дамъ и служителей, кольми меньше же

* Указаніе на поведеніе Елисаветы въ царствованіе Анны.

при какихъ посторонних что-либо запальчивое, грубое или непристойное словомъ или дѣломъ случилось. 4) Нашимъ именемъ и представляя ему собственное его благополучіе и честь, склонять, дабы наиглавнѣйше утренніе часы до полудня потребными и къ персональной его пользѣ клонящимися упражненіями препровождены были; вамъ же всемѣрно препятствовать надлежитъ чтенію романовъ, игранію на инструментахъ, егерями и солдатами или какими игрушками, и всякія шутки съ пажами, лакеями или иными негодными и къ наставленію неспособными людьми. Распредѣленіе занятій: въ понедѣльникъ и пятницу съ своими голштинскими министрами совѣтъ держалъ и дѣла своего герцогства управлялъ; во вторникъ и четвергъ надворнымъ совѣтникомъ Штелинымъ новѣйшее изъ газетъ состояніе и сопряженіе нынѣшнихъ дѣлъ въ Европѣ, трактаты, интересы и государственныя правила разныхъ державъ себѣ представлять велѣлъ, исканіемъ же въ ландкартахъ географіи и знаніе земель и коммерціи народовъ и все, чему его высочество въ физикѣ, политикѣ и математикѣ обучился, или же начало учинилъ, при случаяхъ повторялъ и далѣе наукою въ томъ продолжалъ. Предъ полуднемъ въ среду и субботу можно спеціальнѣе географіею и новѣйшею гисторіею о Россіи чтеніемъ житія Петра Великаго и генерально точнѣйшимъ спознаніемъ имперіи учрежденій и уставовъ оной упражняться, при чемъ неминуемо потребно, дабы его импер. высочество ежеденно, или хотя токмо въ среду и субботу въ чтеніи печатныхъ и разными руками писанныхъ дѣлъ на россійскомъ языкѣ себя сильнѣе чинилъ, къ чему россійскія вѣдомости, уложеніе и указы, всякіе письменные репорты и челобитныя служитъ могутъ. При всемъ же семъ его импер. высочество въ здравую и пріятную погоду иногда поутру въ манежъ ходить или же на часокъ верхомъ выѣхать можетъ, когда бъ токмо одѣваніемъ цѣлые часы не проходили и слѣдовательно такихъ притомъ забавъ самъ себя лишить не хотѣлъ. Также можетъ его импер. высочество въ среду и воскресенье до Божіей службы хотя на самое малое время предъ полуднемъ нашимъ гражданскимъ и военнымъ служителямъ и инымъ знатнымъ персонамъ аудіенціи давать, дабы его высочество тѣмъ болѣе знаніе людей и любовь націи себѣ пріобрѣсти могъ. 5) Но яко ни за кѣмъ болѣе не присматриваютъ, какъ за высокими гла-

вами, и съ наружныхъ ихъ оказательствъ наибольшая часть людей доброе или худое, почтительное или презрительное мнѣніе себѣ сочиняютъ, то его высочество публично всегда серіознымъ, почтительнымъ и пріятнымъ казался бъ, при веселомъ же правѣ непрестанно съ пристойною благоразумностію поступалъ, не являя ничего смѣшнаго, притворнаго и подлаго въ словахъ и минахъ; всякаго по достоинству его принималъ, природнымъ (т.-е. Русскимъ) любовь и милость, а чужимъ учтивство и привѣтливость оказывалъ, болѣе слушалъ, нежели говорилъ, болѣе спрашивалъ, нежели разсказывалъ, изъ разговоровъ каждаго по наукѣ или ремеслу пользу получалъ, и тако съ мореплавателемъ не о рудокопныхъ дѣлахъ и съ рудокопнымъ мастеромъ не о мореплаваніи разговаривалъ; повѣренность свою предосторожно и не ко всякому употреблялъ, а молчаливость за нужнѣйшее искусство великихъ государей поставлялъ; за столомъ разумными разговорами себя увеселялъ; отъ шалостей надъ служащими при столѣ, а именно отъ залитія платей и лицъ и подобныхъ неистовыхъ издѣвокъ надъ бѣдными служителями вамъ его воздерживать надлежитъ. 6) Для соблюденія должнаго себѣ респекта всякой пагубной фамиліарности съ комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имѣетъ, и мы вамъ повелѣваемъ ихъ въ пристойныхъ предѣлахъ содержать, никому изъ нихъ не позволять съ докладами до службы ихъ не касающимися и иными внушеніями или наущеніями къ его высочеству подходить и имъ всякую фамиліарность, податливость въ непристойныхъ требованіяхъ, притаскиваніе всякихъ непристойныхъ вещей, а именно палатокъ, ружей, барабановъ и мундировъ и прочее накрѣпко и подъ опасеніемъ наказанія запретить, якоже мы едва понять можемъ, что нѣкоторыя изъ оныхъ продерзость возымѣли такъ названный полкъ въ покояхъ его высочества учредить и себя самихъ командующими офицерами надъ государемъ своимъ, кому они служатъ, сдѣлать, особливые мундиры съ офицерскими знаками носить и многія иныя непристойности дѣлать, чѣмъ его высочества чести крайнѣйшее предосужденіе чинится, военное искусство въ шутки превращается, а его высочеству отъ толь неискусныхъ людей противныя и ложныя мнѣнія объ ономъ вселяются; по требованію же его высочества всегда для существительной его пользы та-

кое распоряженіе учинено быть можетъ, что всѣ военныя экзерциціи и то, въ чемъ прямая служба состоитъ, нашими офицерами покажется. 7) Мы не хотимъ препятствовать, чтобъ его высочество пополудни до ужина всѣми невредительными веселіями и забавами не пользовался, токмо чтобъ всякая чрезмѣрность въ забавахъ и въ употребленіи людей избѣгаема была».

Эта инструкція была написана уже тогда, когда до императрицы дошли слухи о продерзостяхъ, какія она едва понять могла. Чоглоковъ и жена его были и опредѣлены къ молодому двору для пресѣченія этихъ продерзостей. Продерзостные комнатные служители были удалены; изъ нихъ особеннымъ расположеніемъ великаго князя и великой княгини пользовались трое братьевъ Чернышевыхъ (двое родныхъ и одинъ двоюродный); въ жалобахъ на фамиліарность служителей императрица, какъ видно, намекаетъ на старшаго изъ Чернышевыхъ Андрея, который великую княгиню называлъ не иначе, какъ «матушка», а та его называла «сынкомъ» [25]. Чернышевы очутились офицерами въ очень далекихъ гарнизонахъ. Двое, Алексѣй и Петръ служили въ Кизлярѣ и говаривали тамъ: «были они у его высочества при дворѣ въ великой милости, а великій князь называлъ ихъ фаворитами и пріятелями, а великая княгиня такъ жаловала, что скрытно ихъ дарила, изъ ея подарковъ и до сихъ поръ у нихъ часы и шпага; о ихъ несчастіи она очень плакала. Хотя они Чернышевы теперь и малы, а другіе велики, но этимъ великимъ будутъ головы отрублены, а они Чернышевы будутъ знатны и высоки. Всѣхъ распыряли, кого жаловалъ его высочество, не однихъ насъ.» Начальные люди въ Кизлярѣ обходились съ Чернышевыми ласково, въ чаяніи будущаго; на жалобы ихъ говорили: «царь новый и люди новые; вы тогда будете спѣсивы и на насъ глядѣть не станете, какъ ваше время придетъ [26].»

«Продерзостные» были удалены отъ молодаго двора; Чоглоковы, мужъ и жена старались, чтобъ не явилось новыхъ продерзостныхъ [27]; но характеръ и привычка великаго князя отъ этого нисколько не измѣнились. Чоглоковы не могли исполнить и той статьи наказа, въ которой предписывалось наблюдать, чтобъ великій князь жилъ въ ладахъ съ своею супругой. Жена представляла совершенную противоположность мужу. Мужъ остановился въ своемъ развитіи, являлся ребенкомъ въ зрѣломъ

возрастѣ: жена представляла необыкновенно быстрое развитіе, обнаруживала зрѣлость ума не полѣтамъ; предоставленная очень рано самой себѣ, при крайне трудной обстановкѣ жизни, она развивала свои богатыя способности чтеніемъ, наблюденіемъ, прислушиваніемъ къ рѣчамъ людей, выдающихся изъ ряду обыкновенныхъ. Въ то время какъ наслѣдникъ русскаго престола велъ себя нѣмецкимъ принцемъ и употреблялъ все, чтобъ оттолкнуть отъ себя будущихъ подданныхъ; въ то время, какъ нѣкоторымъ даже приходила мысль, не поступаетъ ли Петръ такъ нарочно, не желая возбудить подозрѣнія въ теткѣ: въ это время Екатерина употребила необыкновенную силу воли, чтобъ переродиться изъ нѣмецкой принцессы въ русскую великую княгиню и пріобрѣсти любовь русскихъ людей. Уильямсъ такъ описывалъ Екатерину своему двору въ октябрѣ 1755 года: «Какъ только она пріѣхала сюда, то начала всѣми средствами стараться пріобрѣсти любовь Русскихъ. Она очень прилежно училась ихъ языку и теперь говоритъ на немъ въ совершенствѣ (какъ говорятъ мнѣ сами Русскіе) [28]. Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовію и уваженіемъ. Ея наружность и обращеніе очень привлекательны. Она обладаетъ большими познаніями русскаго государства, которое составляетъ предметъ ея самаго ревностнаго изученія. Канцлеръ говорилъ мнѣ, что ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности.» Екатерина признается, что относительно своего самообразованія она обязана совѣтамъ шведскаго графа Гилленборга, котораго она знала еще въ дѣтствѣ въ Гамбургѣ. И тогда онъ говорилъ ея матери, что напрасно пренебрегаетъ она воспитаніемъ такого ребенка, который гораздо выше своихъ лѣтъ. Потомъ Екатерина увидала Гилленборга въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ о бракѣ наслѣднаго принца шведскаго съ принцессою прусскою. Тутъ Гилленборгъ спросилъ ее, какъ идетъ ея философія въ томъ вихрѣ, среди котораго она живетъ. Она ему разсказала свои занятія. Онъ замѣтилъ, что философка въ 15 лѣтъ не можетъ знать саму себя, что она окружена со всѣхъ сторонъ опасностями, для избѣжанія которыхъ надобно укрѣпить и возвысить духъ, что надобно питать его чтеніемъ лучшихъ книгъ и указалъ жизнеописанія знаменитыхъ людей Плутарха, жизнь Цицерона и причины величія и паденія рим-

ской республики Монтескье. Екатерина послала сейчас же купить эти книги; ей достали ихъ въ Петербургѣ, хотя съ большимъ трудомъ. Потомъ она написала «портретъ философа въ 15 лѣтъ», гдѣ изобразила саму себя, и дала это сочиненіе Гилленборгу; тотъ возвратилъ его ей вмѣстѣ съ своими разсужденіями, въ которыхъ старался утвердить въ ней возвышенность духа, твердость и другія качества ума и сердца. Она перечитывала эти разсужденія, пропитывалась ими и дала себѣ обѣщаніе слѣдовать его совѣтамъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ, говоритъ Екатерина, я только и знала, что читала. Цѣлый годъ я читала только одни романы, они начали мнѣ надоѣдать. Случайно я напала на письма Севинье, и это чтеніе меня заняло. Когда я ихъ проглотила, попались мнѣ подъ руки сочиненія Вольтера. Послѣ этого чтенія я искала книгъ уже съ большимъ выборомъ.» Между прочимъ она выбрала исторію Германіи отца Барра, девять томовъ въ четверку, каждый томъ оканчивала она въ 8 дней; потомъ прочла сочиненія Платона.

Природа молодой женщины, богатой силами физическими и нравственными и не находившей въ семьѣ никакого занятія и удовольствія, требовала сильнаго движенія физическаго и умственнаго: «Я страстно любила ѣздить верхомъ, говоритъ Екатерина, и чѣмъ шибче была ѣзда, тѣмъ пріятнѣе мнѣ было; когда лошадь уходила, я бѣжала за нею и приводила назадъ. Въ то же время у меня въ карманѣ была всегда книга, и первую свободную минуту я употребляла на чтеніе.» На русскомъ языкѣ прочтено было все, что только можно было достать, и между прочимъ два громадныхъ тома церковныхъ лѣтописей Баронія въ русскомъ переводѣ. Въ то же время изучена была книга Монтескье — Духъ Законовъ, и прочитаны Анналы Тацита, которыя произвели сильный переворотъ въ головѣ Екатерины, по ея признанію; она стала видѣть болѣе вещей въ черномъ свѣтѣ и отыскивать болѣе глубокія причины явленій, проходящихъ предъ ея глазами. Кромѣ вліянія Тацита, многое стало казаться Екатеринѣ въ черномъ свѣтѣ и вслѣдствіе горестей, которыя она испытывала, вслѣдствіе поведенія мужа, котораго она не могла любить и уважать. Но она никакъ не позволяла себѣ предаваться печали: «Гордость души моей и ея природа,

говоритъ она, дѣлали для меня невыносимою мысль быть несчастною. Я говорила сама себѣ: «счастіе и несчастіе заключаются въ сердцѣ и душѣ каждаго; если ты чувствуешь несчастіе, поставь себя выше этого несчастія и сдѣлай такъ, чтобы твое счастіе не зависѣло ни отъ какого событія» [29].

Характеръ и поведеніе племянника сильно огорчалъ императрицу; она не могла провести съ нимъ четверти часа спокойно, не почувствовавъ досады, гнѣва или печали; въ обществѣ близкихъ людей, когда рѣчь заходила объ немъ, Елисавета съ горькими слезами жаловалась на несчастіе имѣть такого наслѣдника; будучи вспыльчива, она не разбирала словъ для выраженія своей досады на Петра [30]. Но что заставляло Елисавету раздражаться и плакать, то заставляло другихъ сильно задумываться на счетъ будущаго Россіи. Канцлеръ Бестужевъ не видалъ ничего хорошаго ни для Россіи ни для себя въ этомъ будущемъ. Особенно, какъ видно, оттолкнулъ его отъ себя великій князь во время переговоровъ съ Даніею о Голштиніи. Постоянно враждебныя отношенія къ Швеціи требовали дружбы съ Даніею; но этой дружбѣ мѣшала Голштинія, по давней враждѣ ея герцоговъ съ Даніею, которая отняла у нихъ Шлезвигъ, а герцогъ голштинскій былъ теперь наслѣдникомъ русскаго престола. Для устраненія этого препятствія датскій дворъ предложилъ Петру обмѣнъ Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Императрица Елисавета, какъ мы видѣли, отказалась отъ участія въ этомъ дѣлѣ, и переговоры велись между голштинскимъ министромъ Петра Пехлинымъ и датскимъ посланникомъ графомъ Линаромъ [31]. Бестужевъ, которому Пехлинъ былъ совершенно преданъ, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобъ помочь Линару устроить обмѣнъ; но Петръ не согласился разстаться съ Голштиніею, а канцлеръ предвидѣлъ, что Петръ, ставши императоромъ, не остановится ни предъ чѣмъ, принесетъ въ жертву русскіе интересы голштинскимъ. Петръ сказалъ однажды Пехлину: «Я уже буду знать, какъ приняться за дѣло, чтобъ съ помощію Шведовъ возвратить отъ Даніи Шлезвигъ.» Бестужевъ не сомнѣвался, что Петръ, какъ скоро сдѣлается императоромъ, возвратитъ Шведамъ часть завоеваній Петра Великаго, чтобъ только съ ихъ помощію завоевать у Даніи Шлезвигъ. Кромѣ этихъ голштинскихъ привязанностей канц-

лера сильно безпокоили еще прусскія привязанности Петра, благоговѣніе къ Фридриху II. Бестужевъ говорилъ, что кромѣ уступокъ Шведамъ отъ Петра надобно ожидать, что онъ будетъ стараться снискать расположеніе прусскаго короля на счетъ Австріи, слѣдовательно совершенно измѣнитъ политику, которую проводилъ Бестужевъ. «Великаго князя убѣдили, говорилъ канцлеръ, что Фридрихъ II его любитъ и отзывается съ большимъ уваженіемъ; поэтому онъ думаетъ, что какъ скоро онъ взойдетъ на престолъ, то прусскій король будетъ искать его дружбы и будетъ во всемъ помогать ему.» Когда пришло извѣстіе о смерти шведскаго короля и о восшествіи на престолъ Адольфа Фридриха, то Петръ не удержался и передъ Русскими въ самыхъ оскорбительныхъ для нихъ словахъ выразилъ свою грусть о потерѣ шведскаго престола: «затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ еслибы оставили меня на волѣ, то теперь я сидѣлъ бы на престолѣ цивилизованнаго народа» [32].

Тревожимый опасеніями за будущее при такихъ выходкахъ наслѣдника престола, Бестужевъ, послѣ сближенія своего съ великою княгиней составилъ планъ, въ которомъ прежде всего не забылъ самого себя. Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ по смерти императрицы великій князь былъ провозглашенъ императоромъ, но въ то же время и Екатерина должна быть провозглашена участницею въ правленіи; онъ, Бестужевъ, получаетъ при этомъ чинъ подполковника четырехъ гвардейскихъ полковъ и президентство въ трехъ коллегіяхъ—иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Въ послѣднее время канцлеръ написалъ уже и проектъ манифеста въ этомъ смыслѣ и переслалъ его великой княгинѣ чрезъ графа Понятовскаго. Екатерина поручила Понятовскому устно благодарить Бестужева за его доброе расположеніе къ ней и сказать, что она не считаетъ дѣла легкимъ. Канцлеръ, вслѣдствіе этого замѣчанія, нѣсколько разъ принимался за проектъ, дополнялъ, сокращалъ [33]. Екатерина говоритъ, что она вовсе не относилась къ дѣлу серіозно, но не хотѣла противорѣчить старику, упорному въ своихъ планахъ.

Здѣсь посредникомъ между канцлеромъ и великою княгинею, человѣкомъ вполнѣ довѣреннымъ у обоихъ, является графъ Понятовскій. Мы видѣли, что англійскій посланникъ Уильямсъ, когда

былъ въ Польшѣ, находился въ большой дружбѣ съ фамиліею Чарторыйскихъ, и когда отправлялся въ Петербургъ, то взялъ туда съ собою, въ качествѣ секретаря посольства, племянника ихъ, молодого двадцатитрехлѣтняго графа Станислава Понятовскаго, одного изъ самыхъ привлекательныхъ, самыхъ блестящихъ людей своего времени. Секретарь англійскаго посольства немедленно появился въ высшемъ петербургскомъ кругу, былъ замѣченъ великою княгинею, очень понравился и великому князю, потому что безпощадно насмѣхался надъ графомъ Брюлемъ и надъ самимъ королемъ Августомъ, а Петръ ненавидѣлъ того и другого, какъ враговъ Фридриха II. Скоро Понятовскій сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ молодого двора. Брюль, узнавши о поведеніи Понятовскаго въ Петербургѣ, отозвалъ его оттуда. Но молодой дворъ не могъ обойтись безъ Понятовскаго, и великая княгиня настояла, чтобъ канцлеръ внушилъ Брюлю о необходимости назначить Понятовскаго польско-саксонскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ. Разумѣется, канцлеръ долженъ былъ сдѣлать это внушеніе тайно, и отсюда-то вышли противорѣчивые отзывы о Понятовскомъ, полученные въ Варшавѣ изъ Петербурга.

Уильямсъ, который называлъ Понятовскаго своимъ сыномъ, также хлопоталъ о его возвращеніи, вслѣдствіе настаиваній великой княгини. Въ своемъ затруднительномъ положеніи англійскій посланникъ полагалъ всю надежду на Екатерину, которая, по его убѣжденію, должна была господствовать въ Россіи; это убѣжденіе, главнымъ образомъ, онъ долженъ былъ получить отъ пріятеля своего Бестужева. Это господство Екатерины должно было начаться скоро, потому что, по мнѣнію Уильямса, Елисавета не могла прожить болѣе полугода. При такихъ обстоятельствахъ Уильямсу захотѣлось принять на себя роль Шетарди, помочь Екатеринѣ получить власть точно такъ же какъ Шетарди помогъ Елисаветѣ, и, съ помощію Екатерины, не допустить Россію до сближенія съ Франціею. Но при этомъ онъ могъ столкнуться съ французскимъ посланникомъ, который могъ скоро пріѣхать въ Петербургъ; у Англичанина было сознаніе, что съ французскимъ дипломатомъ ему не справиться, что Французъ дастъ сильную помощь своимъ, т.-е. Шуваловымъ и Воронцову, приверженцамъ французскаго союза, котораго требовала теперь

послѣдовательность. Бестужеву, разумѣется, тяжко было сознаться, что послѣдовательность на сторонѣ враговъ его, что она дастъ имъ силу, и онъ въ разговорѣ съ Уильямсомъ давалъ дѣлу такой видъ, что сближеніе съ Франціею не есть что-либо разумное, необходимое, но есть случайность, прихоть фаворита, которому нравится все французское и которому потому желательно имѣть въ Петербургѣ французскаго посланника: «Какое несчастіе, говорилъ канцлеръ, что у насъ теперь молодой фаворитъ, который умѣетъ говорить по-французски, любитъ Французовъ и моды ихъ и будетъ радъ, когда пріѣдетъ сюда французскій посланникъ съ многочисленною свитою» [34]. Конечно, ни самъ Бестужевъ, ни собесѣдникъ его не вѣрили, что дѣйствительно такова была причина сближенія Россіи съ Франціею; но имъ было пріятно и выгодно представлять дѣло такимъ образомъ; они должны были изо всѣхъ силъ хлопотать, чтобъ французскій посланникъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Отъ 9-го іюля н. с. Уильямсъ далъ знать своему двору, что имѣлъ секретный разговоръ съ великою княгинею: «Она, пишетъ Уильямсъ, очень недовольна сближеніемъ русскаго двора съ Франціею и пріѣздомъ сюда французскаго посланника. Она предложила мнѣ сдѣлать все, что я придумаю для воспрепятствованія этому. Я уже напугалъ ее на счетъ пріѣзда французскаго посланника, показалъ ей, что присутствіе его здѣсь можетъ быть очень опасно для нея и для великаго князя. Она знаетъ, говорилъ я ей, что ея дружба съ канцлеромъ сдѣлала Шуваловыхъ ея тайными врагами; что Шуваловы сами по себѣ не имѣютъ ни довольно благоразумія, ни храбрости, ни денегъ, чтобъ помѣшать ея наслѣдству [35]; но что пріѣздъ французскаго посланника можетъ перемѣнить сцену, и когда онъ увидитъ, какіе политическіе взгляды у ихъ императорскихъ высочествъ, то не пощадитъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ помѣшать имъ въ достиженіи власти. Я умолялъ ее вспомнить интриги Шетарди здѣсь и ихъ послѣдствія». Предложеніе Англичанина было ясно: французскій посланникъ дастъ Шуваловымъ денегъ, чтобъ помочь имъ въ ихъ замыслахъ; займите денегъ у меня, какъ заняла ихъ Елисавета у Шетарди, чтобъ ниспровергнуть замыслы Шуваловыхъ и не допустить пріѣзда французскаго посланника. «Она, продолжаетъ Уильямсъ, усердно меня благодарила и сказала: я вижу

опасность и буду побуждать великаго князя сдѣлать все возможное для ея удаленія; я сдѣлала бы еще болѣе, еслибъ у меня были деньги, потому что безъ денегъ здѣсь ничего сдѣлать нельзя; я должна даже платить императрицынымъ горничнымъ; мнѣ не къ кому обратиться въ этомъ случаѣ, моя собственная фамилія бѣдна; но если вашъ король будетъ такъ любезенъ и великодушенъ, что дастъ мнѣ взаймы извѣстную сумму денегъ, то я дамъ росписку и заплачу долгъ при первой возможности, при чемъ могу дать королю честное слово, что каждая копѣйка будетъ употреблена для нашей общей съ нимъ пользы, какъ я понимаю дѣло, и я желаю, чтобъ вы поручились его величеству за мой образъ мыслей и дѣйствій». По просьбѣ Уильямса она назначила сумму—десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые и были даны [36].

Между тѣмъ болѣзнь Елисаветы заставляла и Шуваловыхъ предложить Екатеринѣ свои услуги. Предложеніе было сдѣлано сперва чрезъ старика князя Никиту Юрьевича Трубецкого, потомъ черезъ племянника его, Ивана Ивановича Бецкаго, незаконнаго сына князя Ивана Юрьевича Трубецкого; Бецкій возвратился тогда изъ-за границы съ знаменитымъ кавалеромъ Эономъ, способнымъ играть то мужскую, то женскую роль, смотря по обстоятельствамъ. Екатерина отвѣчала, что согласна сблизиться съ Шуваловыми, если они вполнѣ будутъ содѣйствовать ея видамъ. Уильямсъ сильно обрадовался этому, все въ надеждѣ, что Шуваловы теперь откажутся проводить французскій союзъ. Въ длинномъ письмѣ къ великой княгинѣ онъ опять представлялъ ей всю опасность отъ пріѣзда французскаго посла и упрашивалъ сойтись съ Шуваловыми; онъ представлялъ, что Шуваловы, боясь восшествія на престолъ Петра, который будетъ мстить имъ за дѣйствія противъ Пруссіи, и не любя Екатерины за ея дружбу съ Разумовскими и Бестужевымъ, будутъ хлопотать, съ помощію французскаго и австрійскаго пословъ, чтобъ наслѣдникомъ былъ провозглашенъ великій князь Павелъ, а родители его удалены изъ Россіи. Екатерина отвѣчала, что французскаго посла допускать не надобно, потому что съ его пріѣздомъ будетъ интриганомъ больше; но что все же опасность отъ его прибытія и шуваловскихъ замысловъ преувеличивается: Елисавета при жизни своей не отстранитъ племянника отъ престола по своей нерѣ-

шительности и въ виду династическихъ опасностей; а если захотятъ что-нибудь сдѣлать въ минуту ея смерти, то она, Екатерина, съумѣетъ разрушить замыселъ: «Или умру, или буду царствовать, а не поступлю какъ шведскій король», писала Екатерина; тутъ же писала она, что склонить Шуваловыхъ къ перемѣнѣ политики невозможно.

Мы видѣли, что великій князь былъ назначенъ членомъ конференціи; Екатерина говоритъ, что она убѣдила его сказать Шуваловымъ о своемъ желаніи участвовать въ конференціи и Шуваловы уговорили императрицу исполнить его желаніе. По этому случаю Екатерина разсказываетъ: «Онъ мнѣ говорилъ нѣсколько разъ, что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи, что онъ не пригоденъ Русскимъ, и Русскіе не пригодны ему и убѣжденъ онъ, что погибнетъ въ Россіи. Я ему отвѣчала всегда на это, чтобъ онъ выкинулъ изъ головы эту пагубную мысль, а старался бы изо всѣхъ силъ заставить себя полюбить въ Россіи и просилъ бы императрицу дать ему средства познакомиться съ дѣлами имперіи» [37].

Какъ бы то ни было, Петръ въ конференціи былъ противъ сближенія съ Франціею, и когда графъ Александръ Шуваловъ принесъ къ нему протоколъ конференціи, гдѣ записано было рѣшеніе призвать французскаго посла въ Россію, то великій князь рѣшительно отказался подписать протоколъ. Тогда отправился съ протоколомъ генералъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, который былъ другомъ Бестужева и въ то же время хорошъ съ Шуваловыми и пользовался благосклонностію молодого двора. Апраксинъ сталъ просить Петра подписать протоколъ, представляя, что иначе вся вина падетъ на него, Апраксина, ибо знаютъ, что онъ хорошъ съ молодымъ дворомъ. Петръ отказалъ и Апраксину; но до конца не выдержалъ, согласился подписать протоколъ. Ив. Ив. Шуваловъ изъяснялся по этому случаю, что не пустилъ бы къ себѣ въ домъ французскаго агента Дугласа, еслибъ зналъ, что возобновленіе сношеній съ Франціею такъ непріятно великому князю; впрочемъ онъ рѣшительно не понимаетъ, почему это можетъ быть такъ непріятно, ибо отсюда произойдетъ только новая слава для императрицы, которая сдѣлается посредницею между Франціею и Англіею, чего давно добивался и канцлеръ; что же касается страха предъ французскимъ

посломъ, то онъ рѣшительно его не понимаетъ. Но канцлеръ твердилъ, что примѣръ передъ глазами: что̀ сдѣлала Франція въ Швеціи для униженія королевы? Уильямсъ былъ въ отчаяніи, что великій князь подписалъ протоколъ: онъ говорилъ, что еслибъ не подписалъ, то дѣло было бы остановлено, по крайней мѣрѣ французской партіи нанесенъ былъ бы ударъ и Петръ пріобрѣлъ бы уваженіе въ публикѣ.

Для успокоенія Уильямса Екатерина сообщила ему свой планъ дѣйствія въ минуту смерти Елисаветы: «Я иду прямо въ комнату моего сына; если встрѣчу Алексѣя Разумовскаго, то оставлю его подлѣ маленькаго Павла; если же нѣтъ, то возьму ребенка въ свою комнату; въ ту же минуту посылаю довѣреннаго человѣка дать знать пяти офицерамъ гвардіи, изъ которыхъ каждый приведетъ ко мнѣ 50 солдатъ, и эти солдаты будутъ слушаться только великаго князя или меня. Въ то же время я посылаю за Бестужевымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ, а сама иду въ комнату умирающей, гдѣ заставлю присягнуть капитана гвардіи и оставлю его при себѣ. Если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми». Екатерина имѣла тайное свиданіе съ гетманомъ Кириллою Разумовскимъ, который увѣрялъ ее въ въ успѣхѣ ея дѣла, увѣрялъ, что Измайловскій полкъ, гдѣ онъ былъ подполковникомъ, послѣдуетъ за нимъ. Гетманъ поручился, что его братъ, въ предсмертныя минуты Елисаветы, возьметъ великаго князя Павла и сбережетъ его. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду его съ Бестужевымъ, потому что всѣ ея друзья должны дѣйствовать заодно. Гетманъ же долженъ былъ склонять въ пользу Екатерины Бутурлина, Трубецкого и даже Воронцова, который втайнѣ ненавидѣлъ Шуваловыхъ. Въ одномъ письмѣ къ Ульямсу, Екатерина писала: «Іоаннъ Васильевичъ (царь) хотѣлъ уѣхать въ Англію; но я не намѣрена просить убѣжища у англійскаго короля, потому что рѣшилась или царствовать или погибнуть.» У нея были вѣрные люди, которые должны были ее увѣдомить, если Иванъ Шуваловъ вздумаетъ что-нибудь писать предъ императрицею. Сенаторъ Бутурлинъ обѣщалъ говорить въ конференціяхъ по ея внушеніямъ. «Хотя, писала великая княгиня, это человѣкъ слабаго характера и наклоненъ къ плутовству, однако можно и изъ него извлечь пользу».

Но Уильямсъ былъ въ сильномъ раздраженіи, потому что дѣло о сближеніи Россіи съ Франціею шло безпрепятственно. Въ своемъ раздраженіи онъ срывалъ сердце на Бестужевѣ. Тщетно канцлеръ увѣрялъ, что не позволитъ разорвать съ Англіею, даже будетъ благопріятствовать прусскому королю, и что русская армія, переправившись за границу, не пойдетъ далѣе: Уильямсъ не вѣрилъ и постоянно жаловался на него [38]. Уильямсу хотѣлось, чтобъ вдругъ прерваны были сношенія съ Франціею, и чтобъ Шуваловы, изъ страха предъ Екатериною, отказались отъ своей системы. Онъ требовалъ, чтобъ Екатерина сказала Апраксину: «До сихъ поръ я щадила Шуваловыхъ для васъ и для канцлера; но теперь это мнѣ наскучило, потому что не вижу никакихъ доказательствъ ихъ благодарности; если они хотятъ получить что-либо отъ меня въ будущемъ, то должны заслужить это, повинуясь теперь моей волѣ». Великая княгиня не сочла полезнымъ такъ круто повертывать дѣло; но когда Апраксинъ [39] сталъ совѣтовать ей, чтобъ была поласковѣе съ Шуваловыми, то она отвѣчала, что великій князь такъ раздраженъ французскою интригою Шуваловыхъ и тѣмъ, что Петръ Шуваловъ формируетъ 30,000 войска, что она не можетъ ничего для нихъ сдѣлать, если они не отстранятъ этого камня преткновенія.—«Шуваловы, отвѣчалъ Апраксинъ, такъ затянулись въ это дѣло, что не могутъ высвободиться, и я не могу ничего сдѣлать, будучи принужденъ ѣхать черезъ два дня къ арміи».

Уильямсъ видѣлъ, что нѣтъ успѣха въ его дѣлѣ и все больше и больше сердился на Бестужева, смотрѣлъ на него какъ на измѣнника, писалъ великой княгинѣ, чтобъ она порвала связь съ канцлеромъ и перешла на сторону Шуваловыхъ. Екатерина прямо написала къ Ив. Ив. Шувалову, предлагая союзъ съ прежнимъ условіемъ: они должны дѣлать все для нея въ настоящемъ, она все для нихъ въ будущемъ. Письмо повезъ одинъ изъ приближенныхъ къ молодому двору людей, Левъ Нарышкинъ и, возвратясь, разсказывалъ, что Шуваловъ, прочтя письмо, пришелъ въ восторгъ, бросился на колѣна предъ образомъ и долго оставался въ религіозномъ экстазѣ. Во сколько Нарышкинъ, по своему обычаю, позволилъ себѣ преувеличенія, чтобъ посмѣяться надъ фаворитомъ, это остается неизвѣстнымъ. Ив. Ив. Шуваловъ, по своему характеру, по своему стремленію облагоро-

дить значеніе фаворита, пріобрѣсти всеобщее расположеніе, въ борьбѣ партій играть роль примирителя, всюду подкладывать свою мягкую руку подъ жесткую часто руку родственника своего, графа Петра,—Ив. Ив. Шуваловъ, разумѣется, былъ очень радъ предложенію Екатерины и готовъ былъ сдѣлать для нея все возможное; но вопросъ заключался въ томъ, что̀ могли сдѣлать Шуваловы? Конечно не то, чего хотѣлось Уильямсу. Бестужевъ также ничего не могъ сдѣлать для Уильямса, но онъ сдѣлалъ, что могъ, для Екатерины. Когда она спросила его [40], пріѣдетъ ли Понятовскій, то онъ отвѣчалъ: «Если не пріѣдетъ, то можете называть меня злодѣемъ, а не Бестужевымъ». Понятовскій пріѣхалъ и сталъ удаляться отъ Уильямса, утверждая, что долженъ это дѣлать для его же пользы.

Ни Бестужевъ, ни Шуваловы не могли, еслибъ и хотѣли, ничего сдѣлать изъ того, чего желалъ Уильямсъ, потому что этого не желала—императрица. Всѣ описанныя движенія происходили въ ожиданіи ея кончины; но сильно обманулись относительно скорости этой кончины. Повидимому Елисавета сильно страдала, жаловалась на страшный кашель и одышку; это уже не была прежняя красавица, отъ которой не хотѣлось отвести глазъ; на придворныхъ праздникахъ не ходила она безъ устали изъ комнаты въ комнату, не присаживаясь; но при упадкѣ физическихъ силъ, душевныя не падали: Елисавета не переставала твердить, что хочетъ сама принять начальство надъ войскомъ. Бестужевъ разсказалъ великой княгинѣ [41], что когда кто-то говорилъ при Елисаветѣ, что Фридрихъ II, если Русскіе нападутъ на него, выдастъ манифестъ въ пользу Ивана Антоновича, то она сказала: «Тогда я велю сейчасъ же отрубить Ивану голову». 22 октября въ здоровьѣ Елисаветы произошла рѣшительная перемѣна къ лучшему — и движенія, возбужденныя ожиданіемъ ея смерти, стали прекращаться, а съ ними исчезли и надежды Уильямса помѣшать сближенію Россіи съ Франціею.

Мы видѣли, какъ въ конференціи было рѣшено сближеніе съ Франціею при извѣстныхъ условіяхъ; но тайныя попытки завязать снова сношенія съ Россіею сдѣланы были во Франціи еще въ 1755 году. По французскимъ извѣстіямъ [42] неизвѣстно когда отправленъ былъ въ Россію емиссаръ Валькруассанъ, который былъ схваченъ и заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость.

По русскимъ безспорнымъ извѣстіямъ [43], Валькруассанъ (Messonier de Valcroissant) былъ схваченъ въ Ригѣ въ февралѣ 1756 года; по его словамъ, коммиссія его состояла въ томъ, чтобъ развѣдать, кто наиболѣе въ милости у императрицы и кто больше склоненъ къ французской, чѣмъ къ какой-нибудь другой сторонѣ; писемъ ни къ кому не имѣлъ, кромѣ одного отъ государственнаго секретаря Рулье къ Ив. Ив. Шувалову, которое сжегъ съ прочими бумагами. Вице-канцлеръ Воронцовъ и Петръ Ив. Шуваловъ подали мнѣніе, что Валькруассанъ «во многомъ несогласно съ вѣроятностію говорилъ и удалялся отъ истины. Когда коммиссія его состояла въ томъ только, что онъ самъ объявилъ. то ни малѣйшей не имѣлъ причины письма свои жечь, а еще и того меньше въ Ригѣ и Ревелѣ пріискивать корреспондентовъ, гдѣ онъ извѣстій такихъ, каковыхъ его коммиссія требовала, получить не могъ. Это доказываетъ, что онъ пріѣхалъ шпіономъ. Когда его окончательно увѣщевали сказать правду, то онъ утверждалъ во всемъ прежнее, прося только, что если еще хотя малое сомнѣніе остается, чтобъ позволено ему было отправить курьера съ письмами къ французскому министерству, которыя онъ напишетъ съ апробаціи графовъ Воронцова и Шувалова и, ежели угодно, въ нихъ внесетъ, что здѣшній дворъ, будучи чрезъ него увѣдомленъ о добрыхъ намѣреніяхъ его короля къ Россіи и предая забвенію прошедшее (понеже доказательство есть, что Франція поступки бывшихъ своихъ здѣсь министровъ не апробовала), желаетъ прекратить между обоими дворами несогласія. И ежели французскій дворъ получитъ отъ здѣшняго такія обнадеживанія, то оный пришлетъ сюда министра». Воронцовъ и Шуваловъ заключили свое мнѣніе такъ: «Сей Французъ прямой и не безопасный шпіонъ, потому что онъ самую подозрительную корреспонденцію подъ подложными именами производилъ и въ главныхъ приморскихъ городахъ пріискивалъ себѣ корреспондентовъ: того ради отнюдь его отсюда выпустить нельзя, а надлежитъ содержать въ крѣпкомъ мѣстѣ, однакожь съ опредѣленіемъ пропитанія безъ нужды». Валькруассанъ былъ освобожденъ въ 1757 году по просьбѣ французскаго правительства.

Это приключеніе съ Валькруассаномъ, случившееся уже тогда, когда пріѣзжалъ въ Россію другой французскій агентъ, Дугласъ,

показываетъ, что Валькруассанъ былъ отправленъ совершенно иными лицами, чѣмъ Дугласъ, и это именно бывало въ царствованіе Людовика XV, который чрезъ довѣренныхъ лицъ велъ свои сношенія, мимо министерства [44]. Дугласъ Макензи, шотландскій якобитъ (приверженецъ Стюартовъ), жившій во Франціи, былъ отправленъ въ 1755 году въ Россію съ инструкціею, написанною принцемъ Конти, который былъ тогда довѣреннымъ человѣкомъ у короля [45] и которому очень хотѣлось попасть въ польскіе короли, или, если уже этого нельзя, то хотя въ герцоги курляндскіе; не прочь онъ былъ и жениться на императрицѣ Елисаветѣ; во всякомъ случаѣ онъ желалъ побывать въ Петербургѣ. Дугласъ долженъ былъ явиться въ Россію какъ дворянинъ, путешествующій для собственнаго удовольствія и для поправленія здоровья. Онъ долженъ былъ остановиться въ Курляндіи подъ предлогомъ отдыха, а между тѣмъ провѣдать, въ какомъ положеніи находится это герцогство, что думаетъ курляндское дворянство о ссылкѣ своего герцога Бирона, въ какомъ положеніи финансы и правосудіе въ странѣ, сколько русскаго войска въ Курляндіи. Въ Петербургѣ Дугласъ долженъ былъ освѣдомиться объ успѣхѣ переговоровъ Уильямса на счетъ субсиднаго трактата, о состояніи русскаго войска, флота, торговли, какъ расположенъ народъ къ настоящему министерству, какъ великъ кредитъ Бестужева, Воронцова, фаворитовъ императрицы, о вліяніи послѣднихъ на министровъ, о судьбѣ принца Ивана, бывшаго царя, и о судьбѣ отца его; о расположеніи народа къ великому князю Петру, особенно съ тѣхъ поръ, какъ у него есть сынъ; нѣтъ ли у принца Ивана тайныхъ приверженцевъ и не поддерживаетъ ли ихъ Англія; о видахъ Россіи на Польшу касательно настоящаго и будущаго; о видахъ ея на Швецію; о причинахъ, заставившихъ вызвать изъ Украйны гетмана Разумовскаго и что̀ думаютъ о вѣрности Малороссіянъ и какъ съ ними обходятся въ Петербургѣ. Свои наблюденія Дугласъ долженъ былъ доставить во Францію не прежде, какъ выѣхавъ изъ Россіи, или чрезъ шведское посольство въ Петербургѣ; и тутъ въ своемъ отчетѣ онъ долженъ былъ употреблять иносказательныя выраженія, напримѣръ, если Уильямсъ имѣетъ успѣхъ, то писать: «черная лисица дорожаетъ»; если кредитъ Бестужева ослабѣваетъ, то писать: «собольи мѣха упадаютъ въ цѣнѣ» и т. п.

О первомъ пребываніи Дугласа въ Россіи, въ 1755 году, мы не имѣемъ извѣстій; только въ депешѣ Уильямса отъ 7 октября читаемъ: «Когда пріѣхалъ сюда какой-то господинъ Дугласъ изъ Парижа, то одержимый подозрительностію австрійскій посланникъ спросилъ его: чего онъ хочетъ въ Россіи? и тотъ отвѣчалъ: «я пріѣхалъ по совѣту врачей, чтобъ пользоваться благодѣяніями холоднаго климата» [46].

Извѣстія, привезенныя Дугласомъ изъ Россіи, были такого рода, что его вторично туда отправили. Онъ долженъ былъ обратиться прямо къ вице-канцлеру Воронцову, съ которымъ велъ переговоры и въ первую свою поѣздку.

10 апрѣля 1756 года въ девятомъ часу вечера Воронцовъ получаетъ извѣщеніе отъ Дугласа, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и желаетъ видѣться съ вице-канцлеромъ немедленно. Воронцовъ согласился на это свиданіе, и Дугласъ подалъ ему письмо отъ завѣдывавшаго иностранными дѣлами государственнаго секретаря Рулье. Письмо начиналось такъ: «Узнавши о благосклонныхъ обо мнѣ отзывахъ вашего сіятельства отъ особы, которой вы поручили отыскать библіотекаря и прислать образцы бургонскаго вина, я поручаю ей засвидѣтельствовать вашему сіятельству за это мою благодарность...» «Что это значитъ? Какой библіотекарь, какое вино»? спросилъ Воронцовъ.—«Библіотекарь это я, отвѣчалъ Дугласъ, а вина—это дѣла, назначеніе лицъ, которыя должны быть посланы съ обѣихъ сторонъ для возстановленія сношеній».—«Кажется, можно было бы и прямо объ этомъ написать», замѣтилъ Воронцовъ: «Я донесу объ этомъ императрицѣ, продолжалъ онъ; но такъ какъ теперь страстная недѣля, то наврядъ я могу это сдѣлать прежде Пасхи, и потому прошу васъ сообщить мнѣ на письмѣ все, что поручено вамъ предложить здѣсь отъ французскаго двора, чтобъ я могъ сдѣлать обстоятельнѣйшее донесеніе ея импер. величеству». Дугласъ согласился и подалъ слѣдующую записку: «Король мой государь отправилъ меня къ вашему сіятельству съ извѣщеніемъ, что если ея величество императрица дѣйствительно расположена къ соединенію съ Франціею, то его величество съ удовольствіемъ увидитъ установленіе дружескихъ сношеній, которымъ, для взаимныхъ интересовъ, не слѣдовало бы никогда прерываться. Мнѣ поручено васъ увѣрить, что когда императрица рѣшится назна-

чить своего министра во Францію, то король, какъ только узнаетъ о происхожденіи и званіи этого министра, немедленно назначитъ своего министра въ Россію одинакого происхожденія и званія. Такъ какъ взаимное отправленіе этихъ министровъ можетъ повести къ прямой торговлѣ Французовъ въ Россіи, то его величество назначитъ консула въ Петербургъ».

Отвѣтъ на эту записку былъ составленъ только 7 мая; въ немъ говорилось: императрица съ особеннымъ удовольствіемъ узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней, и такъ какъ она ожидала только случая увѣрить короля въ своихъ чувствахъ къ нему, неизмѣнно ею сохраненныхъ, то ея величество очень рада видѣть доброе расположеніе его величества къ возстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обоими дворами. Ея величество съ удовольствіемъ соглашается на взаимное назначеніе министровъ съ посольскимъ характеромъ; но императрица находитъ согласнымъ съ достоинствомъ и пользою обоихъ дворовъ назначить ихъ одновременно и немедленно, и уже назначила, въ соотвѣтствіе присылки Дугласа, отправить во Францію г. надворнаго совѣтника Бехтѣева, и хотя Дугласъ недостаточно авторизованъ, однако его будутъ принимать съ отличіемъ и выслушивать какъ человѣка, дѣйствительно присланнаго его христіаннѣйшимъ величествомъ.

Бехтѣевъ былъ домашнимъ человѣкомъ у вице-канцлера Воронцова, пробылъ значительное время за границею и считался способнымъ исполнить порученіе, *казавшееся деликатнымъ*. Бехтѣевъ долженъ былъ внушать французскому министерству, что императрица отвергнетъ англійскія субсидіи и пренебрежетъ всѣми выгодными предложеніями, которыя Англія до сихъ поръ не перестаетъ дѣлать, только въ уваженіе постоянно подаваемыхъ со стороны императрицы-королевы обнадеживаній, что французскій король будетъ болѣе, чѣмъ Англія, готовъ вступить въ виды Россіи и дѣйствительно имъ помогать. Бехтѣевъ долженъ былъ стараться внушить французскому двору о необходимости скораго и ближайшаго соединенія, не говоря ничего о характерѣ этого соединенія, и еслибы французское министерство его объ этомъ спросило, то онъ могъ прямо отвѣчать, чтобъ обратились за подробностями къ австрійскому министру графу Штарембергу, которому Бехтѣевъ долженъ объявить, что ему запрещено дѣлать

что-либо безъ его согласія и совѣта: надобно, говорилось въ наказѣ, наблюдать крайнюю осторожность, чтобъ не дать вѣнскому двору повода думать, будто бы на его старанія не полагаются и мимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціею; часто случалось, что отъ малаго недоразумѣнія великія и знатныя дѣла портились [47].

Дѣло могло портиться отъ трудности примѣниться совершенно къ новой системѣ, забыть хотя на время старыя преданія и привычки. Такъ Франція по прежнему считала для себя необходимымъ препятствовать усиленію русскаго вліянія въ Польшѣ, особенно имѣя въ виду смерть короля Августа и королевскіе выборы; Франція также считала необходимымъ не подавать вида, что можетъ пожертвовать турецкими интересами въ пользу Россіи. Вѣнскій дворъ, дорожа болѣе всего французскимъ союзомъ, поддерживалъ требованія Франціи и тѣмъ производилъ непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Россія, готовясь серіозно къ войнѣ, прежде всего стала хлопотать о склоненіи Поляковъ къ пропуску русскихъ войскъ чрезъ владѣнія республики и отправила Веймарна хлопотать объ этомъ. Веймарнъ доносилъ изъ Варшавы: «Не оставилъ я магнатамъ и прочему находящемуся здѣсь шляхетству внушать относительно прохода русскихъ войскъ, представляя выгоды, которыя могутъ имъ отъ этого послѣдовать. Отъ благонамѣренной партіи никакихъ затрудненій я не находилъ; противная же и Франціи преданная партія разсуждаетъ, что проходомъ русскихъ войскъ подастся предлогъ и прусскимъ войскамъ войти въ Польшу, и потому лучше было бы, еслибъ русскія войска, идущія на помощь Австріи и королю польскому, вошли прямо въ Пруссію. Эти разсужденія происходятъ вслѣдствіе безпрестанныхъ внушеній французскаго министра Дюрана и прусскаго секретаря посольства Беноа». Секретарь русскаго посольства Ржичевскій, съ своей стороны, доносилъ: «Французскіе министры здѣсь воображаютъ себѣ, что свободный проходъ чрезъ Польшу русскимъ войскамъ можетъ быть позволенъ не иначе какъ съ ихъ согласія; а теперь нечаянно вновь появились французскія штуки: вчера примасъ мнѣ и генералу Веймарну сказывалъ, что Дюранъ у него былъ и, объявя ему, что русскія войска изъ своихъ квартиръ 17 и 18 сентября уже выступили въ походъ, старался его примаса формально склонить

къ твердому сопротивленію ихъ проходу чрезъ Польшу, представляя, что этотъ проходъ можетъ привести въ движеніе и Оттоманскую Порту. Такъ какъ объ этомъ разговорѣ сейчасъ же распространились слухи по Варшавѣ, то Дюранъ поспѣшилъ объясниться съ примасомъ, говоря, что онъ примасъ его не понялъ; но примасъ отвѣчалъ, что хорошо понялъ» [48].

Австрійскій посланникъ Эстергази также толковалъ въ Петербургѣ, что лучше было бы не касаться Польши; съ другой стороны представлялъ, чтобъ въ договоръ объ оборонительномъ союзѣ между Россіею и Франціею не вносить пункта объ обязательствѣ Франціи помогать Россіи противъ Турокъ. По этому поводу въ конференціи 26 сентября было постановлено: «Дугласу не въ видѣ жалобы, но какъ бы конфиденціально сообщить о происшедшемъ въ Варшавѣ между Дюраномъ и примасомъ и прибавить, что хотя при русскомъ дворѣ этому и не вѣрятъ, однако при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и при начатіи важныхъ переговоровъ о союзѣ, интересъ и честь его двора требуетъ происшедшее въ Варшавѣ поправить такимъ поступкомъ, который могъ бы между Поляками уничтожить мнѣніе, будто Дюранъ дѣйствительно склонялъ примаса противиться пропуску русскихъ войскъ; необходимо, чтобъ онъ, Дугласъ, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ какъ мнѣнія императрицы согласны со мнѣніями его двора, сдѣлалъ бы французскимъ министрамъ въ Константинополѣ и Варшавѣ внушенія, чтобъ они согласовались во всемъ съ русскими тамъ министрами. Австрійскому послу графу Эстергази канцлеръ долженъ объявить, что русскія войска дѣйствительно уже выступаютъ за границу; что же касается исключенія Порты изъ союзнаго договора между Россіею и Франціею, то это пунктъ самый важный въ цѣломъ трактатѣ и такое исключеніе было бы вредно вѣнскому двору, ибо если Порта будетъ благодарна за это русскому и французскому двору, то тѣмъ болѣе будетъ раздражена противъ вѣнскаго двора, за чѣмъ она не исключена въ договорѣ между нимъ и Россіею. Это исключеніе будетъ имѣть такой видъ, что малѣйшее неудовольствіе Порты можетъ колебать самыя торжественны етрактаты, а это можетъ придать ей только больше гордости; тогда какъ, сохраняя твердость, можно было бы Портѣ прямо объявить, что простой оборонительный союзъ не можетъ быть никому никогда

предосудителенъ и всякое противъ него огорченіе можетъ показывать только дурныя намѣренія. Что же касается прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу, то нельзя скрыть, что такое усильное домогательство, чтобъ русскія войска какъ можно менѣе или вовсе не захватывали Польши, возбуждаетъ здѣсь подозрѣніе, не думаютъ ли, что русскія войска направятся на Краковъ или куда-нибудь вглубь Польши. Мнѣніе императрицы еще въ началѣ лѣта было предовольно объяснено; ея величество непоколебимо пребываетъ въ этомъ мнѣніи и до сихъ поръ; король прусскій походомъ своимъ правда предупредилъ, но нисколько не разрушилъ предложенныхъ мѣръ, напротивъ еще усилилъ ихъ необходимость. Опасеніе, чтобъ проходомъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу не возбудить тамъ смутъ, конфедераціи или не подать поводъ королю прусскому самому дѣлать тоже,—такое опасеніе можно сравнить съ опасеніемъ тѣхъ неудобствъ, какія могутъ явиться при проходѣ французскихъ войскъ чрезъ вольныя имперскія земли на помощь императрицѣ-королевѣ, но съ тою разницей, что король прусскій съ большимъ правомъ могъ бы противиться этому проходу и возбуждать противъ него другихъ князей. Нельзя ручаться, чтобъ онъ по примѣру русскихъ войскъ не вступилъ въ Польшу; но для этого все равно, какую бы часть Польши здѣшнія войска въ походѣ своемъ ни захватили; если ему только предлогъ надобенъ, то къ этому и одной мили довольно. Наконецъ сами Поляки только будутъ рады проходу русскихъ войскъ» [49].

Дѣйствительно польскіе вельможи: каштелянъ краковскій графъ Понятовскій, гетманъ коронный графъ Браницкій, князья Чарторыйскіе — канцлеръ литовскій и воевода русскій, великій маршалъ коронный графъ Бѣлинскій и литовскій графъ Огинскій, воевода мазовецкій Руджинскій, воевода люблинскій князь Любомирскій, бискупъ краковскій Залускій, бискупъ кіевскій Солтыкъ, на формальное требованіе Веймарна о пропускѣ русскихъ войскъ объявили, что хотя такое дозволеніе можетъ быть дано не иначе какъ всею республикою, т.-е. на сеймѣ и потому они съ своей стороны ни позволять, ни препятствовать не могутъ, однако каждый изъ нихъ, какъ частный человѣкъ, будетъ очень радъ проходу русскихъ войскъ, особенно при объявленномъ увѣреніи, что и при этомъ проходѣ, какъ при прежнемъ, будетъ соблю-

даться строгая дисциплина и уплата за все наличными деньгами; и хотя области республики и находятся въ опасности, что при случаѣ такого прохода и прусское войско можетъ въ нихъ вступить, какъ объявилъ Беноа, однако они питаютъ твердую надежду, что императрица изволитъ принять мѣры, чтобъ польскія области не подверглись никакому вреду. Паны изъявили при этомъ глубочайшую благодарность за вниманіе, которымъ императрица почтила республику этимъ формальнымъ требованіемъ дозволенія, тогда какъ этого требованія не сдѣлано отъ вѣнскаго двора, на помощь которому и будутъ проходить русскія войска; паны заявили свое неудовольствіе противъ вѣнскаго двора и за то, что въ Варшавѣ нѣтъ отъ него ни министра, ни резидента, ни даже повѣреннаго въ дѣлахъ, но всѣ дипломатическія дѣла отправляются женщиною, вдовою умершаго резидента Киннера. Такъ какъ вѣнскій дворъ никогда не имѣлъ большаго попеченія о польскихъ дѣлахъ, то вся готовность, какую они ради показать въ случаѣ прохода русскихъ войскъ чрезъ Польшу, будетъ относиться не къ вѣнскому двору, но будетъ данью признательности къ русской императрицѣ за ея милостивыя попеченія о республикѣ.

Почти въ то же время Ржичевскій писалъ, что сближеніе Россіи съ Франціею грозитъ въ Польшѣ паденіемъ русской партіи, потому что французская партія самая сильная, и всѣ, кто держался русскихъ друзей, приступятъ къ ней, какъ скоро увидятъ сближеніе русскихъ министровъ въ Польшѣ съ французскими; правда, что партіи при этомъ сольются и члены ихъ будутъ одинаково называться французскими и русскими друзьями, но только съ такимъ различіемъ, что они будутъ дѣлать не то, чего Россія отъ нихъ можетъ требовать спустя долгое или короткое время, а станутъ дѣлать то, что имъ Франція будетъ предписывать, да и дворъ естественно принужденъ будетъ послѣдовать большинству и силѣ [50].

Между тѣмъ Бехтѣевъ, пріѣхавшій во Францію въ срединѣ лѣта, встрѣтилъ здѣсь странное явленіе. Онъ началъ дѣло съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Рулье; но принцъ Конти велѣлъ сказать ему, что онъ примется за его дѣло и станетъ докладывать королю, при чемъ наказывалъ, чтобъ Рулье никакъ объ этомъ не узналъ, ибо если провѣдаетъ, то скажетъ маркизѣ Пом-

падуръ, съ которою у него, принца, вражда, и станутъ препятствовать дѣлу потому только, что не чрезъ ихъ руки пойдетъ. Бехтѣеву показалось это непорядочно и онъ не согласился на предложеніе Конти. Сколько могъ Бехтѣевъ заключить изъ разговоровъ съ нимъ и министромъ Рулье, выходило, что министръ не зналъ о первой поѣздкѣ Дугласа въ Россію, а Конти выставлялъ себя прямо виновникомъ дѣла. Конти объявилъ Бехтѣеву, что онъ искренно желаетъ лично повергнуть себя къ стопамъ ея величества; соединеніе Россіи съ Франціею считаетъ нужнымъ и существеннымъ дѣломъ для прямой пользы обѣихъ державъ; намѣреніе его состоитъ не въ томъ только, чтобъ возобновить дружбу и заключить простой договоръ союзный или коммерческій; у него есть планъ самый полезный и достойный обѣихъ державъ. Еслибы графъ Воронцовъ отписалъ ему, что желаетъ осуществленія этого плана, то онъ предложилъ бы объ этомъ королю, и, получа отъ него приказаніе, тотчасъ принялся бы за дѣло и подъ этимъ предлогомъ поѣхалъ бы въ Россію. Бехтѣевъ отвѣчалъ, что императрицѣ очень пріятно было слышать о намѣреніи принца посѣтить Россію, гдѣ онъ будетъ принятъ съ достойною честію; но что касается его плана, то графъ Воронцовъ не можетъ ничего объявить заранѣе, не зная, въ чемъ состоитъ планъ. Когда разговоръ коснулся Польши и Бехтѣевъ сказалъ, что Россія обязана торжественнѣйшею гарантіею сохранить въ цѣлости ея права и вольности, то принцъ отвѣчалъ: «Этой гарантіи не можетъ быть противно, если кто-нибудь, по законамъ республики, народною любовію и щедростію доставитъ себѣ корону; но опытъ научилъ, что надобно заранѣе соглашаться съ Россіею. Я желаю соединить два двора тѣснымъ союзомъ и составить такой планъ, чтобъ Россія на Сѣверѣ, а Франція здѣсь вліяніемъ своимъ внушали почтеніе всѣмъ другимъ державамъ.» Принцъ высказалъ довольно ясно, что договоръ съ вѣнскимъ дворомъ ему не нравится, онъ держался Пруссіи.

Съ одной стороны Конти не желалъ скораго пріѣзда русскаго знатнаго посла во Францію и отъѣзда французскаго посла въ Россію, стремясь захватить дѣло о союзѣ въ свои руки и вести его согласно своимъ планамъ; съ другой стороны австрійскій посолъ Старембергъ хлопоталъ, чтобы русскія дѣла съ Франціею шли черезъ его руки: «Я ни мало не оказываю, что о томъ догады-

ваюсь, писалъ Бехтѣевъ, но при случаѣ здѣшнему министерству не оставляю давать знать, что нашъ дворъ не намѣренъ дѣла свои чрезъ третьяго, но прямо собою производить.» Къ Воронцову Бехтѣевъ писалъ: «По моему слабому разсужденію надобно смирить короля прусскаго; но досадно то, что мы дѣла свои все подъ опекою отправляемъ.»

Когда во Франціи узнали о вступленіи Фридриха II въ Саксонію, то Рулье выразилъ Бехтѣеву свое удивленіе, какъ прусскій король отваживается на такія предпріятія, имѣя противъ себя три самыя сильныя державы, которыя его раздавятъ. — «Дѣйствительно, отвѣчалъ Бехтѣевъ, прусскій король не можетъ устоять противъ трехъ державъ, если онп соединятся. Конечно онъ полагается на свое коварство и интриги, надѣясь съ помощію ихъ выиграть время и уничтожить силы императрицы-королевы прежде чѣмъ Россія и Франція соберутся помочь ей.» Тутъ Бехтѣевъ прочелъ Рулье экстрактъ изъ рескрипта, въ которомъ приказывалось ему поставить французскому министерству на видъ, что императрица тогда только отвергнетъ выгодныя англійскія предложенія, когда французскій король одинаково или еще болѣе будетъ дѣйствовать въ русскихъ видахъ. Рулье отвѣчалъ на это въ общихъ выраженіяхъ, что король его радъ отвѣчать дружбѣ императрицы и ждетъ съ часу на часъ извѣстія о приступленіи Россіи въ австро-французскому союзу, и при этомъ распространился о необходимости исключить Турцію изъ числа державъ, противъ которыхъ Франція должна помогать Россіи. Бехтѣевъ продолжалъ выставлять коварные поступки прусскаго короля и какъ тремъ державамъ надобно спѣшить усмиреніемъ такого опаснаго государя. Ни одна держава не можетъ оставаться равнодушною при такихъ наглыхъ и несносныхъ поступкахъ его съ королемъ польскимъ, а Франція болѣе другихъ должна принять здѣсь участіе, ибо оскорблена оказанною ей невѣрностію и обманомъ, а потомъ презрѣніемъ ея предложеній. Графъ Штарембергъ просилъ Бехтѣева сдѣлать французскому министерству внушеніе о необходимости отозвать французскаго посла изъ Берлина, потому что на внушенія съ русской стороны обратятъ больше вниманія чѣмъ на внушенія австрійскія; Бехтѣевъ исполнилъ просьбу и сказалъ Рулье, что при такомъ явномъ пренебреженіи оказанномъ прусскимъ королемъ Франціи удивительно,

что французскій министръ до сихъ поръ не отозванъ изъ Берлина: это можетъ производить на публику очень дурное впечатлѣніе относительно общаго дѣла и очень полезное для короля прусскаго; особенно при нѣмецкихъ дворахъ подумаютъ, что Франція нѣсколько бережетъ прусскій дворъ. Рулье отвѣчалъ, что такъ какъ Франція не находится въ явной войнѣ съ Пруссіею, то приличіе не позволяло вдругъ отозвать посла; но чрезъ четыре дня пошлется ему указъ выѣхать изъ Берлина. Рулье сообщилъ Бехтѣеву, въ секретѣ, что нынѣшнимъ годомъ Франція не можетъ послать войска въ Богемію, а сдѣлается диверсія, которая Маріи-Терезіи еще будетъ полезнѣе.

Французскій посолъ былъ отозванъ изъ Берлина, Пруссакамъ во Франціи запрещено являться ко двору; Рулье спрашивалъ у Бехтѣева, скоро ли же Россія приступитъ къ версальскому договору, но тотъ долженъ былъ ему сообщить извѣстіе, что французскіе министры въ Константинополѣ и Варшавѣ дѣйствуютъ вовсе несогласно съ русскими, въ Польшѣ побуждаютъ Поляковъ противиться проходу русскихъ войскъ, раздаютъ деньги; графъ Брольи прямо сказалъ Гроссу въ Варшавѣ, что его дворъ прежней своей системы въ Польшѣ перемѣнить не можетъ, и если русское войско пойдетъ черезъ Польшу, то онъ, Брольи, принужденъ будетъ пресѣчь доброе согласіе съ нимъ, Гроссомъ. Это сообщеніе привело Рулье въ большое замѣшательство; онъ не зналъ что отвѣчать, давалъ знать, что послы вдругъ не могутъ перемѣнить рѣчи: «Мы не можетъ вдругъ назвать бѣлымъ то, что вчера называли чернымъ.» Но, донося объ этомъ, Бехтѣевъ давалъ знать императрицѣ, что французскій дворъ поступаетъ безъ коварства. Маршалъ графъ Белиль увѣрялъ Бехтѣева, что французскіе министры при Портѣ и въ Польшѣ дѣйствовали такъ только по недоразумѣнію и что къ нимъ уже послали точные указы внушать Полякамъ, чтобы они согласились на пропускъ русскихъ войскъ черезъ Польшу. То же подтвердилъ потомъ и Рулье. 31 декабря Елисавета подписала актъ приступленія Россіи къ версальскому договору между Франціею и Австріею съ слѣдующимъ условіемъ: императрица освобождаетъ короля французскаго отъ поданія ей помощи въ случаѣ нападенія со стороны Турціи или Персіи; равномѣрно французскій король не требуетъ помощи императрицы въ случаѣ нападенія на него

въ Европѣ со стороны Англіи. Но и тутъ опять употребили тотъ же способъ, какой былъ употребленъ при заключеніи субсиднаго договора съ Англіею: подписанъ былъ актъ, гдѣ говорилось, что Франція не помогаетъ Россіи противъ Турціи, но къ нему присоединили секретную декларацію, что Россія обязывается помогать Франціи противъ Англіи, если послѣдняя нападетъ на Францію въ Европѣ, а Франція обязывается давать Россіи денежную помощь противъ Турціи. Дугласъ сначала не соглашался принять декларацію, но потомъ принялъ, когда австрійскій посолъ графъ Эстергази сталъ увѣрять, что ему, по желанію самого французскаго двора, поручено стараться о прісканіи средства, какъ бы вознаградить Россію за исключеніе Порты изъ договора и для того именно предлагать денежную помощь [51].

Итакъ Россія обязывалась даже помогать Франціи противъ Англіи, если послѣдняя нападетъ на Францію въ Европѣ. Мы видѣли, какія закулисныя средства употреблялъ Уильямсъ, чтобъ не допускать Россію до подобныхъ обязательствъ; теперь взглянемъ, какія употреблялись имъ явныя средства для этого.

27 апрѣля Уильямсъ пріѣхалъ къ канцлеру и въ присутствіи вице-канцлера представилъ, что король, его государь, желаетъ только сохраненія мира въ Европѣ и въ этихъ единственно видахъ заключилъ договоръ съ королемъ прусскимъ. Теперь, по извѣстіямъ о военныхъ приготовленіяхъ Франціи, Англія имѣетъ право опасаться, что въ Европѣ на нее нападутъ вдругъ въ разныхъ мѣстахъ; есть извѣстіе, что Франція предложила Австріи напасть на Силезію, въ то время, когда она сама нападетъ на Ганноверъ и герцогство Клевское, принадлежащее прусскому королю. Англійскій король, будучи всѣми оставленъ, полагаетъ всю свою надежду на русскую императрицу, и ему Уильямсу поручено просить изъясненія о мнѣніяхъ ея императ. величества относительно помощи ея на случай нападенія на Ганноверъ, и возвратить данную ему здѣсь секретнѣйшую декларацію, какъ противную ожиданію королевскому. Договаривая эти послѣднія слова, Уильямсъ положилъ декларацію на столъ, и сколько канцлеръ съ вице-канцлеромъ ни уговаривали его взять бумагу назадъ, онъ не согласился, объявивъ, что не хочетъ потерять головы за ослушаніе коралевскимъ указамъ. Тогда Бестужевъ и Воронцовъ начали ему толковать, что русская декларація сходна

съ прямымъ разумомъ конвенціи, напротивъ ихъ поведеніе относительно прусскаго короля совершенно съ нею несходно, и Англія не имѣетъ никакого права требовать русской помощи противъ Франціи, если хочетъ основывать это требованіе на конвенціи, а не на упованіи на дружбу императрицы. Уильямсъ перебивалъ почти каждое слово, стараясь объ одномъ, чтобъ привесть въ жалость, выставляя бѣдственное положеніе Англіи, и наконецъ сказалъ почти со слезами, что если Россія не вступится, то Англія совсѣмъ пропала.

Такъ какъ Уильямсъ не взялъ декларацiи, то ее отправили къ русскому въ Лондонѣ посланнику, князю Александру Михайловичу Голицыну, смѣнившему графа Чернышева, чтобъ онъ отдалъ ее англійскому министерству. Голицынъ отъ 17 мая донесъ своему двору, что въ Англіи чрезвычайное безпокойство по поводу союзнаго договора между Франціею и Австріею. Герцогъ Ньюкэстль встрѣтилъ его вопросомъ: «Можно ли было ожидать соединенія вѣнскаго двора съ французскимъ, нашимъ открытымъ непріятелемъ?»—«Не мнѣ судить объ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Голицынъ, но, кажется, должно было его предвидѣть съ самаго дня заключенія вашего договора съ прусскимъ королемъ; союзъ Австріи съ Франціею есть прямое слѣдствіе союза Англіи съ Пруссіею.» —«Неужели и ваша императрица, спросилъ опять Ньюкэстль, покинетъ древняго своего союзника, короля великобританскаго въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ? Есть извѣстіе, что въ Петербургѣ находится посланная отъ французскаго двора особа, которая скоро приметъ на себя публичный характеръ.» Голицынъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, но что извѣстіе очень вѣроятно. Посланникъ воспользовался случаемъ, чтобъ внушить, какъ императрица оскорблена необыкновеннымъ поступкомъ лондонскаго двора, который безъ малѣйшаго предварительнаго сношенія заключилъ союзъ съ прусскимъ королемъ. «Императрица надѣется, говорилъ Голицынъ, что въ виду вредныхъ отъ этого послѣдствій, вашъ дворъ постарается загладить это дѣло надлежащею между союзниками довѣренностію и кромѣ русскаго союза не будетъ искать другихъ быть можетъ обманчивыхъ. Поступокъ вѣнскаго двора есть прямое слѣдствіе вашихъ обязательствъ съ прусскимъ королемъ, на котораго никакъ нельзя полагаться по указанію опыта.» Тутъ Ньюкэстль

перебилъ рѣчь посланника: «Нельзя думать, сказалъ онъ, чтобъ русскій дворъ былъ такого мнѣнія.»—«Позвольте увѣрить васъ, отвѣчалъ Голицынъ, что мои поступки всегда согласны съ принципами моего двора.»

Послѣ этого Голицынъ имѣлъ разговоръ съ государственнымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ Голдернесомъ, который началъ словами, что по заключеніи австро-французскаго союза, его британскому величеству остается одна надежда на вѣрность и великодушіе русской императрицы, которая исполнитъ обязательства англо-русскаго союза, а союзъ этотъ Австрія съ Франціею будутъ стараться теперь разрушать; если русская императрица оставитъ англійскій дворъ, то слѣдствіемъ будетъ его конечная погибель. Въ рукахъ русской императрицы средства оживотворить англійскій дворъ. Хотя теперь и трудно разстроить австро-французскій союзъ, однако императрица можетъ предупредить его вредныя слѣдствія, сохраняя постоянно союзническую дружбу съ его британскимъ величествомъ и притомъ исполнивъ всѣ принятыя съ нимъ обязательства; тогда Англія не будетъ бояться соединенныхъ силъ Австріи и Франціи. Есть извѣстія, что та и другая выставляютъ цѣлію своего союза поддержаніе римской вѣры, которой грозитъ союзъ протестантскихъ державъ. Въ такихъ обстоятельствахъ союзъ Пруссіи очень не безполезенъ для Англіи, и, если вѣнскій дворъ нападетъ на прусскаго короля, то съ здѣшней стороны нельзя оставить послѣдняго безъ помощи. Поэтому очень важно знать, чью сторону приметъ Россія. Если она приметъ сторону Австріи и Франціи противъ короля великобританскаго, то погибель англійскаго двора конечно неизбѣжна, ибо противъ соединенныхъ австрійскихъ, французскихъ и русскихъ силъ никто противиться не въ состояніи. Съ этихъ поръ Англія можетъ считаться въ Европѣ американскою державою; она лишится всякого вліянія на твердой землѣ, будучи принуждена запереться на своихъ островахъ. Голицынъ отвѣчалъ, что все это передастъ своему двору.

12 августа происходила конференція Уильямса въ домѣ вицеканцлера. Англійскій посланникъ объявилъ указъ своего короля предложить русскому двору уплату ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ по силѣ конвенціи, и прибавить, что русскій дворъ по принятіи этихъ денегъ отнюдь ни къ чему обязанъ не будетъ, а

королю это будетъ особенно пріятно, отказъ же въ принятіи денегъ онъ приметъ за явное отреченіе отъ его дружбы да и парламенту объ этомъ иначе объявить нельзя. Король надѣется, что онъ при нынѣшнихъ столь сумнительныхъ обстоятельствахъ оставленъ не будетъ и потому предлагаетъ о вступленіи въ новыя обязательства особенно относительно защиты ганноверскихъ его земель.

29 августа, по болѣзни канцлера, Уильямсъ явился опять къ вице-канцлеру съ письмомъ отъ англійскаго министра въ Берлинѣ Митчеля. Въ письмѣ говорилось, что король прусскій, не довольствуясь двукратнымъ отвѣтомъ вѣнскаго двора, велѣлъ министру своему потребовать отъ императрицы-королевы точнаго отвѣта, въ мирѣ или войнѣ желаетъ она съ нимъ находиться, и что онъ, король намѣренъ дожидаться этого отвѣта при арміи своей въ Силезіи. Въ тоже время Фридрихъ II велѣлъ Митчелю чрезъ него Уильямса представить въ Петербургѣ, чтобъ русская императрица соизволила принять на себя посредничество въ примиреніи Австріи съ Пруссіею и для того намѣренъ онъ король прислать въ Петербургъ своего министра, если ея величество изъявитъ на это свое согласіе. Воронцовъ отвѣчалъ, что онъ не въ состояніи дать отвѣта на это предложеніе, долженъ сказать только одно, какъ непонятны и несогласны другъ съ другомъ эти прусскіе поступки: съ одной стороны Фридрихъ II оскорбляетъ и порицаетъ оба императорскіе двора заявленіями, что они заключили противъ него наступательный союзъ и наступленіе съ русской стороны только затѣмъ не послѣдовало, что русская армія не снабжена людьми и флотъ не въ состояніи дѣйствовать; съ другой стороны вѣнскому двору дѣлаетъ сильныя угрозы, и въ тоже время здѣсь проситъ посредничества и позволенія прислать министра. Его прусское величество могъ бы быть удостовѣренъ, что императрица такого порицанія отъ него равнодушно терпѣть отнюдь не будетъ и римскую императрицу безъ помощи не оставитъ. Уильямсъ замѣтилъ на это, что онъ обязанъ былъ сообщить предложенія какъ посолъ государя, находящагося въ дружбѣ и съ Россіею и съ Пруссіею, но какъ частный человѣкъ онъ не можетъ похвалить поступокъ короля прусскаго. Въ конференціи 2 сентября положено было дать такой отвѣтъ Уильямсу относительно

прусскаго предложенія: «Императрица, будучи сама оскорблена королемъ прусскимъ и въ тоже время пребывая въ наитѣснѣйшемъ союзѣ съ императрицею-королевою, находитъ несогласнымъ съ своимъ великодушіемъ и справедливостію принять посредничество между Австріею и Пруссіею. Ея величество оставляетъ прекращеніе этихъ ссоръ собственному рѣшенію обѣихъ державъ, а сама будетъ довольствоваться точнымъ исполненіемъ принятыхъ ею съ вѣнскимъ дворомъ обязательствъ».

7 сентября Уильямсъ былъ приглашенъ на конференцію къ канцлеру въ присутствіи вице-канцлера, гдѣ былъ ему сообщенъ этотъ отвѣтъ; что же касается до его предложенія принять субсидныя деньги, то ему дано знать, что пріемъ денегъ отлагается до того времени, пока князь Голицынъ не пришлетъ точнаго отвѣта англійскихъ министровъ, какого рода будутъ новыя предложенныя ими соглашенія съ Россіею. 30 октября Уильямсъ опять пріѣзжалъ къ канцлеру и сильно хвастался милостивымъ пріемомъ, который онъ получилъ отъ императрицы третьяго дня въ домѣ вице-канцлера; потомъ распространился о желаніи прусскаго короля помириться съ Россіею. Въ скорости послѣ его отъѣзда пріѣхалъ къ канцлеру голландскій посланникъ Шварцъ, только что возвратившійся въ Петербургъ; Бестужевъ спросилъ у него, вѣрны ли извѣстія, будто прусскія войска намѣрены напасть на Курляндію. Шварцъ отвѣчалъ, что дѣйствительно дорогою слышалъ отъ многихъ прусскихъ офицеровъ, что еще въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ они вступятъ въ Курляндію, чтобъ овладѣть Либавою и захватить въ ней русскіе магазины; этотъ городъ имъ нуженъ и для того, чтобъ удобнѣе препятствовать проходу русскихъ галеръ; Шварцъ прибавилъ, что по его наблюденіямъ, Курляндцы желаютъ вступленія Пруссаковъ въ ихъ землю.

Черезъ день, 1 ноября Уильямсъ пріѣхалъ къ вице-канцлеру и началъ говорить, что такъ какъ отъ войны между королемъ прусскимъ и римскою императрицею кромѣ лютѣйшихъ бѣдствій ничего ожидать нельзя, то для предупрежденія этого зла, угрожающаго всей Европѣ, остается одно средство, чтобъ императрица Елисавета со стороны Маріи-Терезіи, а король англійскій со стороны Фридриха II явились посредниками въ примиреніи воюющихъ державъ; это посредничество онъ Уильямсъ, по указу

своего двора и съ согласія прусскаго короля, снова предлагаетъ императрицѣ. Это посредничество, продолжалъ Уильямсъ, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ становится тѣмъ нужнѣе, что прусскій король, опасаясь сильной диверсіи съ русской стороны, въ отчаяніи намѣренъ напасть на русскія области, какъ обстоятельно увѣдомился онъ отъ голландскаго посланника Шварца. Воронцовъ ему отвѣчалъ, что самъ вчера слышалъ отъ Шварца о враждебномъ намѣреніи прусскаго короля, но въ Россіи нисколько этого не боятся; что же касается медіаціи, то онъ, по болѣзни своей, не можетъ самъ доложить императрицѣ, а сообщитъ канцлеру, при чемъ Воронцовъ спросилъ посла: имѣетъ ли онъ отъ прусскаго короля полномочіе для предъявленія порученной ему коммиссіи. Уильямсъ отвѣчалъ, что теперь не имѣетъ, но можетъ очень скоро получить, какъ только увидитъ склонность русскаго двора къ начатію этого дѣла.

Отъ Воронцова посолъ отправился къ Бестужеву и объявилъ, что онъ сейчасъ былъ у вице-канцлера съ предложеніемъ медіаціи, принятіе которой послужитъ къ славѣ императрицы, потому что не она начинаетъ дѣло, а король прусскій ищетъ ея дружбы. Канцлеръ сказалъ ему на это, что послѣ недавняго и очень яснаго отвѣта императрицы на такое же его предложеніе, онъ, канцлеръ не можетъ донести ей о повтореніи предложенія. Уильямсъ отвѣчалъ, что и онъ дѣлаетъ предложеніе не какъ министръ, ибо не хочетъ въ другой разъ получить такого же отказа. Такъ сообщилъ о своемъ разговорѣ канцлеръ; но вотъ какое письмо прислалъ на другой день Уильямсъ Воронцову: «Я готовъ сдержать свое слово во всемъ, что вамъ вчера обѣщалъ. Отъ васъ поѣхалъ я къ канцлеру, и онъ меня обнадежилъ, что предложитъ императрицѣ о медіаціи. Перечитавъ опять вчера вечеромъ разныя письма Митчеля, я считаю долгомъ дать вамъ знать, что король прусскій дерется только для полученія мира и для безопасности своихъ областей; я увѣряю васъ честнымъ словомъ и уполномоченъ объявить, что его прусское величество ничего такъ не желаетъ, какъ возстановленія добраго согласія и искреннѣйшей дружбы съ вашею августѣйшею самодержицею. Такъ какъ теперь каждая минута важна, такъ какъ все находится въ движеніи, то я третьяго дня отправилъ курьера въ прусскій лагерь; содержаніе моей депеши

не совсѣмъ будетъ пріятно прусскому королю, ибо я увѣдомляю его объ отъѣздѣ фельдмаршала Апраксина къ войску. И такъ если преблагій Богъ вдохнетъ мирныя чувства ея величеству, то по тысячѣ причинъ было бы полезно, чтобъ я былъ о томъ какъ можно скорѣе увѣдомленъ».

На предложеніе посредничества императрица велѣла дать Уильямсу такой отвѣтъ: «Когда уже на первое господина посла предложеніе о медіаціи оказано, что ея император. величество такого поступка отъ его превосходительства не ожидала: то теперь легко ему самому разсудить, что усильное тогожъ предложенія министерству ея императ. величества вновь учиненное повтореніе еще удивительнѣе того ея императ. величеству показалось, ибо ея величество справедливо ожидала большаго къ оказанной своей единожды волѣ уваженія. Ея императ. величество повелѣваетъ потому его превосходительству объявить, что какъ въ прежнемъ отвѣтѣ объявленныя ея высочайшія намѣренія непоколебимы, такъ дальнѣйшее о медіаціи упоминаніе болѣе выслушивано не будетъ. Употребленныя жъ его превосходительствомъ угрозы, что король прусскій самъ войска ея импер. величества атакуетъ, служитъ токмо къ ослабленію его предложеній, къ утвержденію, буде можно, еще больше ея императ. величества въ своихъ намѣреніяхъ, ко оправданію оныхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и къ обвиненію предъ онымъ короля прусскаго» [52].

Послѣ этого Уильямсу не оставалось болѣе ничего, какъ собираться къ отъѣзду изъ Россіи: здѣсь имъ были недовольны, и англійское министерство не могло получить высокаго понятія о его способностяхъ, когда онъ такъ долго вводилъ его въ заблужденіе, утверждая въ своихъ донесеніяхъ, что и канцлеръ, и вице-канцлеръ за англійскій союзъ, что всѣхъ можно подкупить, и вообще доставлены невѣрныя извѣстія. Только въ концѣ года онъ увѣдомилъ, что ходъ дѣла зависитъ отъ одной воли и эта воля непоколебима. Въ конференціи, писалъ Уильямсъ, великій князь началъ было говорить противъ сближенія съ Франціею и приступленія къ Версальскому договору; но императрица сказала ему: «Что сдѣлано, то сдѣлано по моему приказанію, и я не хочу, чтобъ объ этомъ разсуждали». — Великій князь отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только молчать и повиноваться» [53].

Перемѣна отношеній Россіи къ Англіи и Франціи, разумѣется, должна была сильно отозваться въ шведскихъ отношеніяхъ.

Отъ 2 февраля Панинъ сообщилъ о впечатлѣніи, какое произведено было въ Стокгольмѣ извѣстіемъ объ англо-прусской конвенціи: «Великое изумленіе, въ какомъ вдругъ увидѣли министерство, возбудило во всей публикѣ крайнее любопытство. Невозможно описать дѣйствія этой новости въ преданныхъ Франціи людяхъ. Они цѣлый день по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ проклинали короля прусскаго.» Между тѣмъ господствующая на сеймѣ сенатская партія сильно дѣйствовала противъ короля и людей ему преданныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ, молодой графъ Горнъ былъ отправленъ королемъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о кончинѣ матери королевской, герцогини голштинской, которая постоянно получала пенсію отъ русскаго двора. Сенатская партія начала повсюду разглашать, что Горнъ отправленъ просить помощи для введенія самодержавія. Съ изъявленіемъ соболѣзнованія о кончинѣ королевской матери отправленъ былъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ графъ Ягужинскій, по поводу котораго канцлеръ Бестужевъ писалъ Панину: «Вы, чаю, и безъ меня вѣдаете, что онъ зять его превосходительству Ив. Ив. Шувалову: я рекомендую и прошу ваше превосходительство показать ему тамъ вашу благосклонность, дружбу и всякія учтивости не только потому одному, что Иванъ Ивановичъ мнѣ особливый пріятель, но наипаче для того, что когда вы ему о вашихъ собственныхъ нуждахъ и прошеніяхъ внушите, я по возвращеніи его сюда въ томъ для васъ съ лучшимъ успѣхомъ трудиться надѣюсь.» На это Панинъ отвѣчалъ: «Графъ Ягужинскій живетъ въ моемъ домѣ и своею свитою оный преисполнилъ; по повелѣнію вашего высокографскаго сіятельства я всевозможнѣйше стараюся его угостить, и правда, онъ самъ по себѣ видится быть тихій и добрый; но сколь притомъ примѣтить возможно, ему предписана противъ меня великая въ рѣчахъ скромность; и при первой почтѣ онъ мнѣ объявилъ, что самъ ко двору доносить будетъ о своей коммиссіи, послѣ чего ни очемъ до того касающемся ко мнѣ не отзывался, и всю свою мнѣ неизвѣстную корреспонденцію производить переводчикъ Бартелемановъ, который предъ моими подчиненными часто показываетъ свое любопытство о моихъ здѣсь

обращеніяхъ, а наипаче о корреспонденціи съ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ».

Вѣсть о возстановленіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею произвела въ Стокгольмѣ впечатлѣніе, какого, по словамъ Панина, описать было невозможно: «Одни чрезвычайно торжествуютъ, а другіе съ такою же неумѣренностію упадаютъ, третьи боятся своимъ дѣламъ дальнихъ изъ того слѣдствій, всѣ же купно ни о чемъ другомъ не говорятъ ни въ публикѣ, ни приватно. Панинъ далъ знать Бестужеву, что сенаторъ Гепкенъ, ссылаясь на донесенія шведскаго посла въ Петербургѣ Поссе, внушаетъ королю и другимъ, что не канцлеръ, а вице-канцлеръ Воронцовъ ведетъ переговоры съ Дугласомъ, отъ чего въ конференціи противная Бестужеву партія получила верхъ; слѣдствіемъ будетъ выѣздъ Уильямса изъ Петербурга, обезсиленіе Бестужева и возстановленіе французскаго вліянія.

Отъ 14 іюня Панинъ сообщилъ объ открытіи въ Стокгольмѣ страшнаго заговора, слѣдствіемъ чего были аресты, пытки и сильное волненіе народа. Главами заговора оказывались члены придворной партіи, гофмаршалъ графъ Горнъ и графъ Браге. Король объявилъ въ сенатѣ, что онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ; несмотря на то, приверженцы противной партіи кричали на площадяхъ, что надобно короля свести съ престола и возвести наслѣднаго принца или, по крайней мѣрѣ, выслать изъ государства королеву. По полученіи этого извѣстія канцлеръ Бестужевъ, по приказанію императрицы, написалъ Панину, чтобъ онъ никоимъ образомъ не вмѣшивался въ дѣло; если же король или королева станутъ жаловаться на свое стѣсненное положеніе, то можетъ ихъ увѣрить, что императрица не оставитъ ихъ безъ помощи, лишь бы остались нетронутыми установленная форма правленія и вольность чиновъ государственныхъ. Горнъ и Браге погибли на эшафотѣ; такъ какъ они въ своихъ показаніяхъ оговорили королеву, то упсальскій архіепископъ съ двумя епископами отправлены были къ ней для религіознаго увѣщанія. Королева на это увѣщаніе дала имъ письменный отвѣтъ: «Мнѣ пріятны ваши увѣщанія, на которыя, по вашимъ словамъ, подвигла васъ ревность къ Божіей славѣ, ко благу очечества и ко спасенію души моей; я постараюсь слѣдовать вашимъ совѣтамъ и надѣюсь успѣть въ томъ съ выш-

нею помощію, причемъ объявляю, что сильно осуждаю опасный заговоръ, недавно составленный и благовременно открытый милостію Божіею.» Послѣ этого къ лежащему въ лихорадкѣ королю явилась депутація государственныхъ чиновъ съ сильными выговорами за его и супруги его поведеніе относительно сената и за послѣдній заговоръ, которымъ узелъ союза между королемъ и націею разорванъ, и можетъ быть возстановленъ только подписаніемъ новаго акта королевскаго обѣщанія.

Отъ смутъ въ шведскомъ правительствѣ посланникъ долженъ былъ обращаться къ собственнымъ дѣламъ. «Ягужинскій, писалъ Панинъ канцлеру, несумнѣнно подъ руководствомъ скареднаго Бартеломанова наставленъ былъ разсмотрѣть мои дѣла, яко единственно пристрастіемъ моей къ вамъ преданности производимыя, и доскональна развѣдать о моей съ вами и съ барономъ Корфомъ корреспонденціи (непріятелемъ котораго Бартеломановъ себя и поручика Левашова объявляетъ, за то, что онъ (Корфъ) ихъ яко россійскихъ благородныхъ особъ достойно не почиталъ), причемъ они оба себѣ ожидали скораго опредѣленія на мое мѣсто. Но какъ онъ графъ Ягужинскій послѣднимъ стереженъ ни былъ, чтобъ не далъ мнѣ своей довѣренности, однакоже наконецъ ощутительно увидѣлъ его черное сердце, мерзкое высокомѣріе и весьма малый смыслъ и способность, что ему открыло глаза во многихъ ему данныхъ предразсужденіяхъ, и теперь по послѣдней мѣрѣ, что до началъ дѣлъ вообще и особливо здѣсь касается, принялъ со всѣмъ столько другаго понятія, сколько достанетъ силы его молодости, еже несумнѣнно ваше высокографское сіятельство примѣтить изволите изъ того, какъ онъ, возвратясь, отзываться будетъ. Правда я въ немъ со всѣмъ истребить не могу предувѣренія, будто бъ ваше высокографское сіятельство ему недоброжелательны; онъ на протекцію вице-канцлера больше нежели на чью другую полагается; но притомъ нынѣ находится въ несказанномъ удивленіи, какъ его сіятельство съ своею прозорливостію столько допустилъ, по его слову, себя обморочить такимъ скареднымъ простякомъ каковъ Бартеломановъ, котораго будто бъ онъ вице-канцлеръ почитаетъ первымъ въ способности изо всѣхъ коллежскихъ служителей. Наконецъ, милостивый государь, онъ мнѣ въ конфиденцію открылъ, какъ вице-канцлеръ ему приказавъ меня обнаде-

жить о непремѣнной его ко мнѣ милости, поручилъ притомъ непримѣтно мнѣ дать выразумѣть, будто бы онъ причину имѣлъ сомнѣваться, что я его не счисляю между моими милостивцами, въ чемъ можетъ быть я другихъ допускаю себя проводить, и что онъ весьма желаетъ мнѣ служить, лишь бы я мои желанія ему показалъ. На такія милостивыя диспозиціи я учинилъ взаимное внушеніе, что я въ приватномъ моемъ поведеніи не имѣлъ и не имѣю случаевъ кого-либо противъ себя раздражить, слѣдовательно тѣмъ меньше могу сумнѣваться о доброжеланіи его сіятельства; милостивцевъ же себѣ одними мнѣ порученными дѣлами искалъ и ищу, и ежели въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я столько былъ несчатливъ, что его сіятельство апробаціи не удостоился, то и тутъ ожидаю отъ его справедливости, что онъ вину искать будетъ въ ошибкѣ моей доброй совѣсти, внутренняго удостовѣренія и чести, откуда всѣ мои началы и сентименты беру, и на нихъ до тѣхъ поръ твердо полагаюся, покамѣсть инако увѣренъ найдуся, а мое въ свѣтѣ бытіе столь низко почитаю, что не могу себѣ представить, кому бы была нужда меня проводить. Впрочемъ, что мнѣ до услугъ касается, мои обстоятельства всѣмъ извѣстны, и ежели я чему достоинъ, то его сіятельство не погрѣшитъ предъ своею честію и меня того не лишитъ, я же въ себѣ такихъ достоинствъ не нахожу, чтобъ самому искать воспользоваться его ко мнѣ милостію.»

Въ началѣ сентября Панинъ представилъ Ягужинскаго королю на прощальную аудіенцію. Адольфъ-Фридрихъ, поручая Ягужинскому передать императрицѣ обычныя привѣтствія, сдѣлалъ это со слезами на глазахъ. Панинъ при этомъ счелъ «долгомъ человѣчества и благопристойности» увѣрить короля въ тепломъ участіи, какое принимаетъ императрица въ его печальномъ положеніи. Король послалъ сказать въ сенатъ, что намѣренъ пожаловать графу Ягужинскому свой портретъ равной цѣны съ тѣми, какія даются министрамъ втораго ранга, притомъ табакерку съ часами. Сенатъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ весь предметъ порученія Ягужинскаго не можетъ почитать государственнымъ дѣломъ, то и на подарки не можетъ употреблять коронной казны. Король опять послалъ сказать сенату, что у него не было намѣренія требовать денегъ изъ государственной казны, но только желалъ знать, одобряетъ ли сенатъ такой подарокъ.

Сенатъ отвѣчалъ, что государство, не принимая участія въ дѣлѣ, по которому присланъ Ягужинскій, не имѣетъ причины давать тутъ совѣты его величеству. Панинъ писалъ императрицѣ, что, по его мнѣнію, надобно оказывать совершенное презрѣніе къ такимъ скареднымъ ухваткамъ злонамѣренной партіи.

Скоро впрочемъ Панинъ долженъ былъ отозваться съ удовольствіемъ о шведскомъ министерствѣ, именно по поводу вступленія Фридриха II въ Саксонію: «Надлежитъ, писалъ Панинъ, здѣшнему министерству отдать справедливость, что оно внутренно совершенно признаетъ непорядокъ и несправедливость короля прусскаго; сенаторъ Гепкенъ говорилъ мнѣ смѣясь: «чудный это государь! онъ увѣренъ, что и потомки будутъ съ удивленіемъ читать о его разумномъ, умѣренномъ и щедромъ поведеніи въ Саксоніи. Я, продолжалъ Гепкенъ, сердечно желаю поскорѣе услыхать о вступленіи вашихъ войскъ въ прусскія области: это будетъ самый дѣйствительный способъ потушить военный огонь».

Между тѣмъ англійское министерство, по внушенію Фридриха II, представило князю Голицыну о надобности, со стороны Россіи, сдѣлать что-нибудь въ пользу утѣсненнаго сенатомъ шведскаго короля; прусскій король желаетъ знать, сдѣлаетъ ли что-нибудь Россія, и если сдѣлаетъ, то и онъ поступитъ по ея примѣру. Въ Петербургѣ посмотрѣли на это какъ «на вымыселъ и покушеніе» прусскаго короля, который старается чѣмъ бы то ни было занять Россію, чтобъ самому быть безопаснѣе съ ея стороны. Въ то же время Дугласъ сообщилъ, что если вѣрить слухамъ, король прусскій имѣлъ большое участіе во всемъ, что происходитъ въ Швеціи и что при такихъ обстоятельствахъ всего лучше рѣшеніе императрицы подать шведскимъ чинамъ совѣтъ не заводить дѣла далеко; его король увѣренъ, что императрица не отступитъ отъ этого рѣшенія въ такомъ чисто домашнемъ шведскомъ дѣлѣ. Дугласу отвѣчали, что если король прусскій и не имѣлъ прежде участія въ шведскихъ событіяхъ, то можно съ увѣренностію сказать, что онъ желалъ совершенно другаго окончанія этихъ событій. Императрица желаетъ удержать на шведскомъ престолѣ короля, возведеніе котораго стоило ей цѣлой Финляндіи; но въ то же время она желаетъ, чтобъ это сосѣдственное и дружественное государство ненарушимо пользовалось всѣми своими правами; поэтому императрица есте-

ственно желаетъ, чтобъ тамошнее непріятное дѣло скоро и благополучно окончилось и признаетъ полезнымъ, чтобъ и французскій дворъ, съ своей стороны, подалъ шведскимъ чинамъ такой же совѣтъ, именно дѣла далеко не заводить и, содержа королевскую власть въ ея законныхъ предѣлахъ, не пренебрегать личнымъ уваженіемъ къ королю. На этомъ основаніи Панинъ получилъ указъ дѣйствовать согласно съ французскимъ министромъ, когда искусно вывѣдаетъ отъ него, что онъ получилъ отъ своего двора указъ дѣйствовать заодно съ русскимъ министромъ. Но когда Панинъ началъ вывѣдывать объ этомъ у французскаго посла Даврэнкура, тотъ отвѣчалъ, что послѣдовавшимъ заключеніемъ сейма дѣла совершенно окончены, почему онъ передаетъ на собственное разсужденіе Панина, могутъ ли они съ приличіемъ и не имѣя никакой новой побудительной причины, начать говорить о такомъ предметѣ, котораго уже болѣе нѣтъ, тѣмъ болѣе, что шведскіе министры заклинали его не вмѣшиваться въ ихъ домашнія дѣла, если не хочетъ у государственныхъ чиновъ потерять своего и двора своего кредита; по окончаніи сейма нѣтъ болѣе признаковъ, чтобъ король потерпѣлъ какія-нибудь непріятности, развѣ прусскій король что-нибудь затѣетъ.

Въ концѣ года Панинъ имѣлъ съ Даврэнкуромъ другое объясненіе. Русскій дворъ принялъ предложеніе вѣнскаго двора склонять Швецію сдѣлать диверсію, нападши на владѣнія прусскаго короля, и Панину поручено было дѣйствовать вмѣстѣ съ австрійскимъ и французскимъ министрами. На спросъ Панина, получилъ ли онъ отъ своего двора инструкцію по этому дѣлу, Даврэнкуръ отвѣчалъ, что не получалъ, и думаетъ, что едва ли Швеціи возможно напасть на прусскаго короля, не рискуя потерять свою Померанію; что онъ настаиваетъ теперь на одно, на объявленіе со стороны Швеціи на имперскомъ сеймѣ, что она будетъ стоять за сохраненіе вестфальскаго договора въ пользу обиженныхъ дворовъ, вмѣстѣ съ Франціею, которая поручилась за сохраненіе вестфальскаго договора. «Этимъ объявленіемъ, говорилъ Даврэнкуръ, Швеція будетъ принуждена принять вмѣстѣ съ союзными державами ближайшія мѣры» [54].

Панинъ подчинялся новому положенію дѣлъ, происшедшему отъ сближенія съ Франціею; иначе поступилъ рус-

скій министръ въ Копенгагенѣ, баронъ Корфъ, который, подобно канцлеру Бестужеву, не могъ сдружиться съ мыслію о французскомъ союзѣ. Отъ 11 декабря коллегія иностранныхъ дѣлъ получила такой указъ: «Изъ реляцій посланника нашего Корфа съ немалымъ удивленіемъ усмотрѣли мы нескладное его толкованіе и предъявляемыя странныя опасенія и слѣдствія, кои будто отъ намѣряемой Франціею и по трактатамъ должной посылки помощи императрицѣ-королевѣ и другимъ атакованнымъ имперскимъ чинамъ произойти, нынѣшнюю войну всеобщею учинить и европейское равновѣсіе совсѣмъ испровергнуть могутъ. Сіе наше удивленіе тѣмъ болѣе становится, что онъ еще при томъ выхваляетъ предосторожность тѣхъ дворовъ, которые французскихъ предложеній о вступленіи съ сею короною въ тѣсныя обязательства не приняли, но трактаты свои съ древними союзниками исполняютъ, представляя при томъ некстати наитѣснѣйшее соединеніе трехъ сѣверныхъ дворовъ, дабы тѣмъ Францію отъ мнимаго имъ доставленія себѣ европейскаго перевѣса удержать, но въ то же время угрожая, что о семъ соединеніи до прекращенія шлезвигъ-голштинскихъ распрей и помышлять нельзя. А какъ ему о возстановленномъ между нами и Франціею добромъ согласіи, равно какъ и о назначенныхъ для вящаго того утвержденія взаимныхъ посольствахъ увѣдомленіе подано, болѣе же того учиненныя нами противу короля прусскаго всѣмъ свѣтомъ справедливо выхваляемыя деклараціи извѣстны, слѣдовательно и о намѣреніяхъ нашихъ генерально при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не скрыто, то коллегія иностранныхъ дѣлъ собою найдетъ коль нужно помянутому посланнику нашему Корфу заслуженный его смѣлостію выговоръ учинить» [55].

Со стороны сѣверныхъ державъ нельзя было ожидать помѣхи въ предстоящей борьбѣ; опаснѣе казалась Турція, на которую, какъ мы видѣли, Фридрихъ II обратилъ прежде всего вниманіе, ища средствъ отвлечь русскія силы отъ Пруссіи. Отъ 9 марта Обрѣзковъ писалъ: «Неожиданное заключеніе оборонительнаго договора между прусскимъ и англійскимъ королями французскому послу и его шайкѣ смертельный ударъ нанесло; для уменьшенія горести нашли одинъ способъ—отрицаніе, что этому быть нельзя, а если что и постановлено, то только для невпущенія вспомогательнаго русскаго войска въ Германію; но здѣшняя публика

на этотъ разъ въ обманъ не дастся: турецкое министерство съ несказаннымъ удивленіемъ услыхало объ этомъ происшествіи и поздравляетъ себя, что не заключила союза съ прусскимъ королемъ: если онъ такъ подшутилъ надъ Франціей, своей искренней пріятельницей, то чего бы не сдѣлалъ противъ Порты?»

Отъ 6-го іюля Обрѣзковъ писалъ, что когда Порта узнала о заключеніи союзнаго договора между Австріею и Франціею, то верховный визирь приказалъ рейсъ-ефенди принять сообщенія объ этомъ отъ посланниковъ съ полнымъ равнодушіемъ, не показывая ни удивленія, ни досады, ни удовольствія. Въ самомъ же дѣлѣ этотъ союзъ тревожилъ Порту, ибо она видѣла здѣсь измѣну со стороны Франціи, которая сближалась съ постояннымъ врагомъ Порты. Рейсъ-ефенди приказалъ переводчику Порты спросить у австрійскаго переводчика: куда дѣвались ихъ ежечасные отзывы, что Франція вѣроломная, злая и жаждущая только волненій держава, на которую ни въ чемъ положиться нельзя? Французскій посланникъ, замѣтивъ досаду Порты, началъ внушать турецкимъ министрамъ, что дружба съ Портою будетъ всегда у Франціи на первомъ планѣ, какіе бы договоры ни были заключены съ другими державами, и договоръ съ вѣнскимъ дворомъ нисколько не касается Порты, а только европейскихъ державъ. Несмотря на эти увѣренія Порта не смягчилась и рѣшилась ласкать англійскаго посла, а если и Россія будетъ увлечена Австріею во французскій союзъ, то искать дружбы съ прусскимъ королемъ.

При такихъ натянутыхъ обстоятельствахъ считали нужнымъ соблюдать большую осторожность въ отношеніяхъ къ славянскимъ подданнымъ Порты. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ вице-канцлеръ графъ Воронцовъ получилъ письмо отъ черногорскаго митрополита Василія Петровича, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что въ 1755 году Турки и Венеціане напали съ двухъ сторонъ на Черную Гору, и хотя Черногорцы одержали надъ Турками побѣду, много ихъ побили, троихъ начальниковъ взяли живыхъ и повѣсили, однако на весну враги снова собираются войною на Черную Гору. «Мы, писалъ митрополитъ, ни откуда не чаемъ помощи, кромѣ Бога и сильнаго россійскаго скипетра. Плачетъ бѣдная Сербія, Болгарія, Македонія, рыдаетъ Албанія въ страхѣ, чтобъ не пала Черная Гора; уже Далмація пала и благочестія

лишается, будучи напоена уніатствомъ; Герцеговина стонетъ подъ ногами турецкими. Если Черная Гора будетъ освобождена, то всѣ къ намъ пристанутъ; если же Турки Черною Горою завладѣютъ, то христіанство во всѣхъ упомянутыхъ земляхъ конечно исчезнетъ».— «Отъ такихъ непріятелей, отвѣчалъ Воронцовъ, вашему обществу надобно быть всегда въ осторожности, не дѣлая имъ однако никакого озлобленія, чтобъ они не имѣли причины на васъ жаловаться Портѣ; что же касается защиты Черной Горы отъ турецкихъ войскъ, то при надежномъ случаѣ не оставимъ сдѣлать представленіе въ пользу черногорскаго народа какъ Портѣ, такъ и Венеціанской республикѣ». Къ Обрѣзкову былъ отправленъ секретнѣйшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Что касается защиты Черногорцевъ при Портѣ, то хотя въ нынѣшнее время, когда мы заняты на другой сторонѣ, формально и съ надлежащею твердостію приступить къ ней и нельзя, однако, чтобъ не привести Черногорцевъ въ отчаяніе, надобно вамъ хотя стороною сдѣлать все возможное въ ихъ пользу; напередъ посовѣтовавшись съ переводчикомъ Порты, какъ съ единовѣрнымъ, постарайтесь исходатайствовать облегченіе этому единовѣрному и усердному къ намъ народу, и давайте знать имъ тайно обо всемъ, что будетъ дѣлаться относительно ихъ при Портѣ, чтобъ они не были застигнуты врасплохъ. У венеціанскаго посла настойте, чтобъ онъ писалъ своему правительству о прекращеніи обидъ Черногорцамъ, а во взаимныхъ жалобахъ сдѣланъ былъ бы полюбовный разборъ, за что Россія будетъ очень благодарна венеціанскому сенату».

Обрѣзковъ началъ разговоръ о Черногорцахъ съ переводчикомъ Порты, но тотъ отвѣчалъ, что ему вмѣшаться въ это дѣло безъ явной опасности никакъ нельзя; потому что вслѣдствіе безпрестанныхъ нападеній Черногорцевъ на сосѣднія турецкія области, Порта твердо рѣшила наказать ихъ и поусмирить; еще менѣе можетъ онъ совѣтовать Обрѣзкову обратиться къ Портѣ съ заступничествомъ, ибо это заступничество ускоритъ гибель не только Черногорцевъ, но и всѣхъ православныхъ, находящихся подъ игомъ турецкимъ; ничто не можетъ быть для Порты чувствительнѣе, а для бѣдныхъ православныхъ опаснѣе, какъ если русская императрица явится покровительницею послѣднихъ. Этимъ Турка, какъ заснувшаго льва, можно разбудить. «Я, про-

должалъ переводчикъ, по христіанству и справедливой ненависти къ варварамъ, долженъ объявить, что лучшій способъ къ ихъ ослабленію и искорененію—это не подавать имъ причины къ войнѣ; хотя бы война была для нихъ несчастна, однако военный духъ, который служитъ основаніемъ этой сильной имперіи, возбудится и придутъ Турки въ прежнюю ярость и свирѣпство; тогда какъ, живя въ настоящей тишинѣ и безопасности, годъ отъ году ослабѣваютъ, потому что управленіе у нихъ самое оплошное и слабое, нѣтъ ни порядка, ни надлежащаго послушанія, и если еще нѣсколько лѣтъ такъ будетъ, то имперія эта, бывшая страшилищемъ всего свѣта, подломится и повалится отъ своей собственной тягости, какъ ветхая храмина. О Турціи нельзя судить по европейскимъ державамъ, которыя обыкновенно въ войнѣ разоряются, а въ мирѣ оправляются и усиливаются; у Турокъ діаметрально противоположное: они въ войнѣ оживляются, а въ мирѣ ослабѣваютъ, потому что начало и основаніе ихъ есть оружіе; выпустя его изъ рукъ, они не знаютъ, за что ухватиться, и бьются какъ рыба на землѣ.» Обрѣзковъ возражалъ, что между Греками и Черногорцами большая разница: Греки завоеванные, а Черногорцы народъ независимый и потому заступничество за нихъ не можетъ возбудить подозрѣнія. — «Вы ошибаетесь, отвѣчалъ переводчикъ: Турки и Черногорцевъ считаютъ своими подданными на томъ основаніи, что они зависѣли отъ сербскаго королевства, завоеваннаго Турками; многіе изъ нихъ, признавая власть Порты, платятъ ей дань, остальныхъ же, которые живутъ въ неприступныхъ горахъ, и до которыхъ добраться трудно, Турки считаютъ отпадшими, подобно Майнотамъ, съ которыми Порта ведетъ войны, иногда удачныя, иногда неудачныя, но никто ихъ независимыми не признаетъ. Если бы Россія имѣла дѣло съ какимъ-нибудь живущимъ въ ней магометанскимъ народомъ, а Порта стала бы за него заступаться, то конечно русскому двору было бы это непріятно.» Описавъ этотъ разговоръ, Обрѣзковъ прибавляетъ: «По такому его переводчика Порты предъявленію, въ коемъ я по скудоумному моему разсужденію, много основательности и резонабельности нахожу, я прямо отзываться удерживаюсь, подъ рукою же дѣлаю, сколько возможности моей есть, чтобъ имъ какое-нибудь вспоможеніе подать, имѣя однакожь притомъ надлежащую осторожность, чтобъ

не открылось мое за нихъ заступленіе.» Осенью движеніе русскихъ войскъ чрезъ Польшу повело къ объясненіямъ съ Портою, которая предъявила желаніе, чтобъ этого не было. Обрѣзковъ отвѣчалъ рѣшительно, что императрица непремѣнно подастъ помощь своимъ союзникамъ, и движеніе русскаго войска черезъ Польшу происходитъ не для завоеванія ея или отторженія нѣкоторыхъ ея областей, но единственно для поданія помощи союзникамъ. Избавленіе польскаго короля не можетъ быть непріятно Портѣ, которая, конечно, не останется равнодушною когда Польша достанется брату прусскаго короля и Турція получитъ вѣроломнаго сосѣда, презирающаго всѣ самые торжественные договоры. Порта не отвѣчала на это ничего [56].

Поведеніе Порты пока не подавало еще повода къ серіознымъ опасеніямъ, и потому считали возможнымъ ограничиться приказаніемъ гетману Разумовскому выѣхать изъ Петербурга въ Малороссію для наблюденія за безопасностью южныхъ границъ. Въ рескриптѣ къ нему изъ конференціи 12 ноября говорилось: «Малороссія, по причинѣ близкаго сосѣдства Оттоманской Порты и подвластныхъ ей Татаръ, особенно же своевольства запорожскихъ козаковъ, которые всегда, вмѣсто укрѣпленія сосѣдственной дружбы и согласія, подаютъ поводъ къ непріятнымъ жалобамъ, заслуживаетъ наибольшаго вниманія.»

Войска двигались не на югъ, а на западъ, чтобъ черезъ польскія владѣнія вступить въ Пруссію; но кто же будетъ ими предводительствовать?

5 сентября, въ день имянинъ императрицы, пожалованы были оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и генералъ-аншефы Бутурлинъ и Апраксинъ въ генералъ-фельдмаршалы, адмиралъ князь Михайла Голицынъ въ генералъ-адмиралы; Разумовскому и Трубецкому назначено оставаться въ прежнихъ должностяхъ, а Бутурлину и Апраксину быть при арміи. Но главнокомандующимъ изъ нихъ двоихъ былъ назначенъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ. Объ этомъ человѣкѣ дошли до насъ дурные отзывы и отъ чужихъ, и отъ своихъ. Наружность Апраксина, его чрезмѣрная тучность, изнѣженность не говорили въ его пользу; его прямо упрекали въ трусости, потому что въ ссорѣ съ гетманомъ Разумовскимъ тотъ сильно прибилъ его, и Апраксинъ не потребовалъ у него

удовлетворенія по западному обычаю [57]. Ничтожное участіе въ турецкой войнѣ, разумѣется, не давало ему права быть главнокомандующимъ въ войнѣ противъ перваго полководца времени, какимъ считался Фридрихъ II. Мы видимъ, что вѣнскій дворъ указывалъ на отсутствіе искусныхъ генераловъ въ русскомъ войскѣ, и это указаніе было справедливо. Причина заключалась въ томъ, что въ царствованіе Анны было забыто правило Петра Великаго воспитывать войною своихъ русскихъ генераловъ, не давая фельдмаршальскихъ мѣстъ иностранцамъ; вмѣсто Шереметевыхъ, Меншиковыхъ, Голицыныхъ и Долгорукихъ явились Минихи и Леси. Какъ ни оправдывался Минихъ въ упрекѣ, что не давалъ хода русскимъ людямъ, дѣйствительность подтверждаетъ упрекъ: его военная дѣятельность оказалась совершенно безплодною относительно образованія русскихъ генераловъ. Въ началѣ царствованія Елисаветы, въ шведской войнѣ, пробавились иностранными генералами, оставшимися отъ царствованія Анны, Леси и Кейтомъ. Леси умеръ въ 1751 году. Кейтъ, какъ мы видѣли, во время пребыванія своего въ Швеціи, возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ не очень сильной поддержкѣ русскихъ интересовъ; но скоро явилась и другая причина столкновенія. Въ 1746 году Кейтъ обратился къ канцлеру Бестужеву съ просьбою исходатайствовать у императрицы позволеніе брату его жить въ Россіи. Но Бестужевъ, вмѣсто ходатайства, представилъ, что этотъ братъ Кейта главный заводчикъ шотландскаго возстанія въ пользу Стюартовъ, и если онъ найдетъ покровительство у императрицы, то это должно повести къ холодности между Россіею и Англіею, которая чрезъ это получитъ право давать убѣжище русскимъ измѣнникамъ. Притомъ подозрительно, не нарочно ли Кейтъ подосланъ Французами, чтобъ именно произвести охлажденіе между Россіею и Англіею, ибо странно, зачѣмъ ему ѣхать въ Россію, когда онъ могъ жить во Франціи или Испаніи. На этомъ основаніи Кейту было отказано въ просьбѣ о братѣ; онъ обидѣлся. Назначенъ былъ на помощь союзникамъ тридцатитысячный корпусъ и начальство надъ нимъ было поручено князю Репнину. Кейтъ обидѣлся, почему не ему, и сталъ просить увольненія отъ службы. Тщетно канцлеръ писалъ ему, что обижаться нечѣмъ, Репнинъ моложе его, а ему, Кейту, и Леси поручается дѣло болѣе важное, защищать границы имперіи: Кейтъ въ 1747

году настоялъ на своемъ увольненіи, представляя, что онъ оставляетъ русскую службу вовсе не по неудовольствію, а потому, что ему необходимо переселиться въ Англію; но вмѣсто того онъ перешелъ въ службу къ прусскому королю [58].

11 октября въ вѣдомостяхъ, которыя были отданы подъ цензуру конференцъ-секретаря Волкова, появилось извѣстіе, что «приготовленія къ отправленію многочисленной арміи на помощь союзникамъ ея императорскаго величества съ необыкновенною ревностію продолжаются. Несмотря на то, что въ Ригѣ находится уже весьма знатная часть артиллеріи, отправлено туда еще изъ здѣшняго арсенала на мореходныхъ судахъ великое число осадной. Въ то же время съ крайнимъ поспѣшеніемъ на разставленныхъ нарочно по дорогѣ подводахъ везутъ изъ Москвы тридцать новыхъ гаубицъ. Главный командиръ сей арміи его превосходительство, генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ къ отъѣзду своему въ Ригу находится совсѣмъ въ готовности, куда отправленный напередъ его полевой экипажъ уже прибылъ. Пребываніе же здѣсь (въ Петербургѣ) его превосходительства походу арміи ни мало не препятствуетъ. Оная теперь за границу уже дѣйствительно выступаетъ; а его превосходительство, будучи здѣсь на мѣстѣ ближе къ полученію всевысочайшихъ ея импер. величества резолюцій о всемъ, что къ лучшему тамъ многочисленной команды управленію принадлежитъ, разсылаетъ во всю оную ордеры съ столь большимъ поспѣшеніемъ, а самъ всегда довольно скоро къ оной прибыть можетъ, ибо нарочныя подводы по дорогѣ для его превосходительства разставлены. Прошедшаго понедѣльника имѣлъ честь сей фельдмаршалъ представить ея императ. величеству находящихся здѣсь донынѣ господъ генераловъ для прощанія, кои потомъ немедленно каждый къ своимъ полкамъ отправились. Тоже и всему прочему генералитету и офицерамъ накрѣпко подтверждено немедленно при своихъ мѣстахъ быть. Ея импер. величество хотя исполняетъ уже такимъ образомъ сугубо принятыя съ высокими своими союзниками обязательства; однакожь въ предусмотрительномъ разсужденіи, дабы въ случаѣ надобности какъ отправляемую въ походъ армію усилить, такъ и обширныя границы прикрывать, указала ея величество формировать новый запасный корпусъ регулярнаго войска до 30,000 че-

ловѣкъ, и сіе весьма важное и великое дѣло ввѣрить и поручить въ полную диспозицію и управленіе его сіятельства генералъ-фельдцейгмейстера и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова. Потребные о томъ указы уже во всѣ мѣста даны, и по учиненному къ тому дѣйствительно началу отъ ревности его сіятельства и извѣстной благоразумной диспозиціи несумнѣнно надѣяться можно, что сей новый изъ наилучшихъ войскъ составленный корпусъ будущею весною готовъ будетъ вездѣ употребленъ быть, гдѣ всевысочайшая ея импер. величества служба того потребуетъ».

Въ этихъ извѣстіяхъ любопытно выраженіе: «Пребываніе же здѣсь его превосходительства походу арміи нимало не препятствуетъ». Хотѣли успокоить общество, прекратить толки о томъ, что какая же это война, когда главнокомандующій спокойно живетъ въ Петербургѣ. Апраксину дѣйствительно не хотѣлось ѣхать къ войску во время болѣзни Елисаветы, ибо, будучи хорошъ со всѣми, онъ зналъ какъ война непріятна молодому двору и канцлеру. Апраксинъ даже присылалъ спрашивать великую княгиню—ѣхать ли ему къ арміи или оставаться, и получилъ въ отвѣтъ, что если останется, то это будетъ знакомъ его преданности къ ней. Апраксинъ жаловался императрицѣ на плохое состояніе войска; Елисавета была этимъ сильно взволнована и, обратясь къ Петру Ив. Шувалову, сказала: «Вы преувеличиваете мои силы въ моихъ глазахъ; Бога вы не боитесь, что такъ меня обманываете!» Послѣ этого Петръ Ив. Шуваловъ цѣлую недѣлю не пускалъ Апраксина говорить съ императрицею, и Ив. Ив. Шуваловъ выговаривалъ ему, зачѣмъ напугалъ больную Елисавету [59]. Но когда императрица выздоровѣла, нельзя стало больше медлить.

26 октября Апраксинъ *съ фамиліею* обѣдалъ у императрицы, 28 у великаго князя; вечеромъ того же дня имѣлъ приватную аудіенцію у императрицы для принятія послѣднихъ ея повелѣній; 30 числа отправился въ Ригу къ войску; въ слѣдъ за нимъ отправился пажъ, который вручилъ ему отъ императрицы дорогой соболій мѣхъ съ богатою парчею; потомъ посланъ былъ къ нему серебряный сервизъ въ 18 пудовъ вѣсомъ. Чтобъ русскіе люди сочувствовали войнѣ какъ справедливой, съ послѣднихъ нумеровъ Петербургскихъ Вѣдомостей началось печатаніе «Пи-

семъ отъ партикулярнаго человѣка къ другу своему о нападенiи короля прусскаго на Саксонiю», гдѣ между прочимъ говорилось: «Можете ль вы мнѣ изо всей исторiи хотя одинъ такой примѣръ показать, чтобы самые горшiе варвары такихъ людей до смерти били, и землю ихъ разоряли, которые имъ ни мало не противятся? Королю прусскому можно, крайней хитрости слово выискавъ, такое имъ разумѣнiе съ толкомъ дать, какое его величеству самому угодно, только ужь состоянiе дѣлъ перемѣнить отнюдь нельзя. Цѣлый свѣтъ о дѣлахъ его не по краснымъ цвѣтамъ тѣхъ словъ, которыми онъ предпрiятiя свои застилаетъ, а по внутреннему качеству и добротѣ самыхъ дѣйствiй разсуждать станетъ; а можетъ статься, что мы еще и такого времени доживемъ, когда всѣ европейскiя державы устрашатся видѣть такого принца, который подъ ложными виды и закрытыми намѣяется вмѣсто праведныхъ законовъ такiя отъ себя правила ввести, которыя кромѣ ненасытнаго желанiя и зависти или кромѣ ложнаго мнѣнiя о славѣ другаго основанiя себѣ не имѣютъ. А сiя страсть въ такомъ монархѣ крайне опасна, который свою власть и силу на зло употребляетъ. Эта пагубная страсть со временемъ всеконечно къ погибели его приведетъ».

Начинали войну, но очень хорошо знали, что «деньги суть нервъ войны». На фейерверкѣ, сожженномъ 1 января, былъ представленъ храмъ, у обоихъ входовъ котораго стояли на стражѣ— съ одной стороны Сила и Богатство, а съ другой Героическое намѣренiе и Постоянство. Два послѣднiе стража представляли твердую рѣшительность Елисаветы подать помощь союзникамъ и сдержать властолюбивые, опасные и для Россiи замыслы прусскаго короля. Сознавали, что для выполненiя этого намѣренiя необходимы были сила и богатство. Сила представлялась войскомъ, которое уже двинулось къ границамъ и для пополненiя его рядовъ назначенъ былъ рекрутскiй наборъ. Оставался послѣднiй и чрезвычайно важный стражъ храма— богатство, финансовыя средства для веденiя войны. Мы видѣли, какiя мѣры были приняты для увеличенiя доходовъ именно на случай войны. Вычислили, что одна изъ этихъ мѣръ, касавшаяся винной продажи, круглымъ числомъ приносила прибыли 73,643 руб. Въ апрѣлѣ для предстоящихъ воинскихъ расходовъ выдача прибыльныхъ денегъ съ соляной продажи на уменьшенiе подушной подати

была прекращена. Въ сентябрѣ сенатъ приказалъ: для нынѣшней въ деньгахъ надобности наложить на соль по 15 копѣекъ на пудъ, а на вино по 35 копѣекъ на ведро и продавать соль вездѣ, кромѣ Астрахани и Краснаго Яра, по 50 копѣекъ пудъ, а вино вездѣ, кромѣ остзейскихъ губерній, Малой Россіи и Слободскихъ полковъ, въ кружки и чарки по $2,33^1/_2$ копѣйки ведро, а ведрами гривною дешевле. Но на другой день пріѣхалъ въ сенатъ Петръ Ив. Шуваловъ и при подписаніи журнала рѣшено дополнить: у Архангельска продавать промышленникамъ соль изъ казны по 35 копѣекъ пудъ. Черезъ мѣсяцъ, по предложенію генералъ-прокурора, сенатъ приказалъ, по нынѣшней надобности въ деньгахъ собрать изъ всѣхъ городовъ и выслать въ штатсъ-контору наличную денежную казну, какихъ бы сборовъ ни было, кромѣ подушныхъ, соляныхъ, винныхъ и положенныхъ на адмиралтейство. Камеръ-коллегія доносила, что въ 1755 году было продано водки меньше противъ прежняго на 15,299 ведръ, а простого вина на 59,077 ведръ, пива и меду больше на 139,084 рубля, вообще же противъ 1749 года выручено отъ продажи крѣпкихъ напитковъ больше на 1,402,569 рублей. Съ 1747 года подушной доимки оказалось 582,441 рубль $48^3/_4$ копѣйки; это по присланнымъ изъ коллегій и канцелярій вѣдомостямъ, а по вѣдомостямъ коммиссаріатскимъ 431,764 рубля $86^1/_4$ копѣйки. Кабацкихъ, конскихъ и другихъ пошлинъ въ недоборѣ съ 1730 года оказалось 3,268,297 рублей $57^1/_2$ копѣекъ [60].

Когда, *по настоящей надобности въ деньгахъ*, начали думать, какъ бы сократить расходы, то вспомнивъ предложеніе Петра Ив. Шувалова на счетъ безконечно тянущихся коммиссій, имѣли разсужденіе въ сенатѣ, что по разнымъ дѣламъ для слѣдствія во многихъ мѣстахъ учреждены коммиссіи, которыя продолжаются чрезвычайно, отчего виноватые остаются безъ наказанія, а казна несетъ напрасный убытокъ, и приказали: коммиссіямъ репортовать въ сенатъ каждый мѣсяцъ о томъ, что въ нихъ происходитъ, и если изъ репортовъ хотя мало усмотрѣно будетъ напрасное продолженіе, то члены коммиссіи подвергнутся штрафу. Вслѣдствіе этого приказанія коммиссія о раскольникахъ донесла, что она до сихъ поръ продолжается за неполученіемъ резолюцій на посланные ею въ синодъ представленія. Сенатъ постановилъ—требовать, чтобъ св. синодъ соблаговолилъ дать резолюціи [61].

Хлопотали, чтобъ не было проволочки дѣлъ въ коммиссіяхъ, а тутъ генералъ-прокуроръ предлагаетъ сенату донесеніе прокурора вотчинной коллегіи, что онъ почти ежедневно представляетъ коллегіи о безволокитномъ рѣшеніи дѣлъ по подаванію голосовъ безъ замедленія, но его представленія не имѣютъ никакого дѣйствія; вице-президентъ Камынинъ не подаетъ голоса; а если голосъ и пришлетъ, то журналовъ не подписываетъ, отзываясь болѣзнію, безъ его же голоса присутствующіе дѣлъ не рѣшаютъ. По многимъ дѣламъ явныя секретарскія къ челобитчикамъ прицѣпки, а другимъ понаровки, при докладѣ слѣдующаго въ пользу челобитчика не доложитъ, и по представленіямъ прокурора отвѣта у секретаря не берется; журналы и опредѣленія долгое время не сочиняются; по одному дѣлу журналъ былъ написанъ и отданъ секретарю Цурикову; но тотъ на вопросъ прокурора о журналѣ отвѣчалъ, что и журналъ и дѣло все онъ потерялъ. Та же вотчинная коллегія чрезъ нѣсколько времени донесла, что въ ней приказныхъ служителей 107 человѣкъ, въ томъ числѣ престарѣлыхъ и дряхлыхъ 24, а за такимъ малолюдствомъ челобитчикамъ несносная волокита; служители эти содержатся безвыходно; въ 1728 году было ихъ болѣе 400 человѣкъ, и потому коллегія требовала прибавить по крайней мѣрѣ еще 100 человѣкъ. Сенатъ приказалъ: исправляться наличными приказными служителями, ибо ихъ изъ другихъ мѣстъ взять нельзя, чтобъ и тамъ въ дѣлахъ остановки не сдѣлать [62].

Позволили себѣ сдѣлать одну прибавку: по представленію медицинской канцеляріи сенатъ велѣлъ опредѣлить въ Москву по немалой обширности города, двухъ докторовъ, одного при губернской канцеляріи, а другаго при магистратѣ, и при губернской канцеляріи еще одного лѣкаря. Надобно было увеличить число медиковъ, потому что знахари морили народъ въ Москвѣ: такъ было донесено, что священникъ отъ Троицы въ Серебряникахъ былъ боленъ лихорадкою; знахарь крестьянинъ далъ ему порошокъ, отъ котораго священникъ умеръ; оказалось, что порошокъ былъ изъ мышьяка [63].

Два извѣстія относительно почты всего лучше покажутъ намъ положеніе бѣднаго и малолюднаго государства. Отъ Москвы до Саратова была учреждена почта; но указы въ Саратовъ приходили очень медленно; одинъ сенатскій указъ шелъ безъ трехъ дней

два мѣсяца, а другой полтора мѣсяца. Курьеры жаловались, что на почтовыхъ станахъ лошадей держатъ очень худыхъ, такъ что иныя и до половины стана не доходятъ. Императрица приказала привезти изъ Москвы въ Петербургъ лучшихъ дьяконовъ въ середу или, по крайней мѣрѣ, въ четвергъ на Страшной недѣлѣ, и баронъ Черкасовъ требовалъ, чтобъ на почтовыя подводы подорожныхъ никому ни для какихъ дѣлъ не давали до тѣхъ поръ, пока дьяконы будутъ привезены въ Петербургъ [64].

Кромѣ траты людей и денегъ, война имѣла еще ту невыгоду для малолюднаго государства, что какъ скоро войска очищали внутреннія области для заграничнаго похода, то немедленно усиливались разбои. Въ Петровскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ разбойники шайками отъ 60 до 150 человѣкъ начали разбивать дома, жечь и рѣзать людей; въ Шацкомъ уѣздѣ, пріѣхавъ въ Моршу въ козачьемъ и драгунскомъ платьѣ, разбойники напали на дворцовую контору и пограбили до 2000 рублей. На Окѣ, выше Нижняго появились въ двухъ лодкахъ разбойники до 80 человѣкъ съ шестью пушками; войско правительства схватилось съ ними и потеряло 27 человѣкъ убитыми, 5 ранеными, а изъ разбойниковъ убито было 6 человѣкъ; кромѣ этой шайки плавали еще двѣ лодки съ 30 разбойниками, въ согласіи съ первою партіею; всѣ они хотѣли вмѣстѣ плыть до Астрахани и дорогою разбойничать. Алаторская провинціальная канцелярія доносила, что въ городѣ солдатъ 96 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть стары, дряхлы и увѣчны, ружья ни одного, пороху, свинцу, шпагъ также не имѣется, а въ мартѣ мѣсяцѣ ночью разбойники напали на провинціальный магистратъ и взяли казны 949 рублей. Такія же вѣсти пришли изъ шацкой канцеляріи. Осенью многочисленные разбойники разграбили вотчину Петра Ив. Шувалова въ Московскомъ уѣздѣ деревню Чуваксину, крестьянъ били и жгли [65].

Кромѣ борьбы съ разбойниками надобилось войско для исполненія печальной обязанности усмиренія монастырскихъ крестьянъ, которые возставали все чаще и чаще. Въ Шацкомъ уѣздѣ возмутились крестьяне Новоспасскаго монастыря; поѣхалъ къ нимъ драгунскій капитанъ съ командою. Когда драгуны расположились у монастырскаго двора, то подлѣ него стали крестьяне, человѣкъ 100, и когда капитанъ объявилъ имъ указъ о забраніи ихъ

подъ караулъ, то они сказали: «у васъ указъ воровской, вы наемщики, взяли деньги». Раздался крикъ: «Бей всѣхъ дубьемъ»! Ударили всполохъ, сбѣжалось крестьянъ болѣе 1000 человѣкъ, бросились на драгунъ и начали ихъ бить дубьемъ; капитанъ вырвался и съ четырьмя драгунами ушелъ въ избу; крестьяне начали къ ней приступать, бросать въ окно жердями и полѣньями; капитанъ выпалилъ изъ ружья; крестьяне закричали: «Пужаетъ! ломай избу и зажигай»! Капитанъ выпалилъ вторично въ окно и одного крестьянина убилъ наповалъ; но видя, что избу ломаютъ, испугался, и вышелъ вонъ; крестьяне схватили его, били безъ милости и приковали къ ногѣ убитаго имъ мужика; остальныхъ драгунъ сковали и посадили при томъ же мертвомъ тѣлѣ; деревенскія бабы подходили къ драгунамъ и били ихъ по щекамъ, а мужчины кричали: «хотя бы и два полка были присланы, и тутъ взять себя не дадимъ».

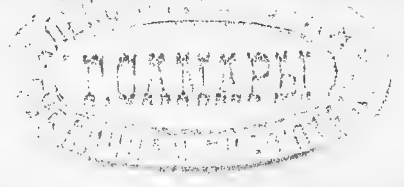
Команды надобились и для того, чтобъ удерживать раскольниковъ отъ самосожженія. Обыватели разныхъ деревень Чеускаго острога собрались въ деревню Мальцову *къ сожженію*. Для увѣщанія ихъ отправились томскій воевода Бушневъ и Чеускаго острога управитель Копьевъ съ командою; они нашли девять избъ и вокругъ нихъ сажени въ три полисадникъ съ немалымъ укрѣпленіемъ. На увѣщанія воеводы и управителя раскольники, запершіеся въ этихъ избахъ, отвѣчали: «мы за вѣру Христову и за крестъ двоеперстнаго сложенія собрались страдать и обратиться не желаемъ»; сказавши это, зажглись и сгорѣло мужскаго и женскаго пола 172 человѣка, да сверхъ того извѣстные злоучители Семенъ Шадринъ, Θедоръ Нѣмчиновъ и съ ними еще третій неизвѣстный злоучитель; только одинъ крестьянинъ Кубышевъ вылѣзъ черезъ заборъ едва живой, обгорѣлый [66].

Надобность въ войскѣ заставила обратить особенное вниманіе на однодворцевъ, образовавшихся преимущественно изъ разнаго названія мелкихъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ на старыхъ украинскихъ, то-есть пограничныхъ съ степью мѣстахъ. Петръ Ив. Шуваловъ подалъ въ сенатъ мнѣніе: «О безпорядкахъ, каковы происходятъ за неимѣніемъ объ однодворцахъ учрежденія». Однодворцы, говорилось въ мнѣніи, никому въ особливое смотрѣніе не поручены, а находятся въ вѣдомствѣ у воеводъ, а какимъ образомъ воеводамъ однодворцевъ содержать, попеченіе

о нихъ имѣть и отъ обидъ защищать и о распространеніи ихъ экономіи стараться, кромѣ генеральной воеводской инструкціи, ничего не предписано, и сами воеводы надлежащаго смотрѣнія за ними, какъ слѣдуетъ экономамъ, не имѣютъ, но содержатъ ихъ какъ и прочихъ уѣздныхъ жителей, по ихъ поселеніямъ для осмотра и распоряженій не ѣздятъ, а нѣкоторые хотя и ѣздятъ, но болѣе для своихъ прихотей, отъ чего однодворцамъ отъ взятія подводъ и прочаго происходитъ болѣе разоренія, чѣмъ пользы. Прошлаго 1755 года, по просьбамъ однодворцевъ о защитѣ ихъ отъ обидъ и разореній, причиняемыхъ воеводскими канцеляріями, сыщиковыми командами и вальдмейстерами, сенатъ велѣлъ опредѣлить къ нимъ и къ прочимъ государственнымъ крестьянамъ особенныхъ управителей, по примѣру устройства дворцовыхъ волостей; только во всѣ города Воронежской и Бѣлгородской губерніи такихъ управителей на самомъ дѣлѣ еще не опредѣлено. Потому Шуваловъ предлагалъ поручить отправляющемуся въ тѣ губерніи генералу Ушакову во всѣхъ городахъ по желанію и выбору однодворцевъ опредѣлить управителей изъ штабъ и оберъ-офицеровъ надежныхъ и доброй совѣсти людей, а такихъ, которые прежде были въ губерніяхъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и вышли изъ секретарей и другихъ чиновъ въ штабъ и оберъ-офицерскіе ранги, въ управители не опредѣлять, и кто теперь опредѣленъ изъ такихъ чиновъ, отрѣшить, а въ помощь городовымъ управителямъ въ селахъ и деревняхъ назначить изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и капраловъ или изъ первостатейныхъ однодворцевъ, людей доброй совѣсти, съ общаго выбора. Сенатъ согласился [67].

Малороссія съ своимъ козацкимъ войскомъ также должна была принять участіе въ войнѣ, хотя ея гетманъ намѣревался играть важную роль въ Петербургѣ не въ качествѣ предводителя козаковъ, а въ качествѣ гвардейскаго подполковника. Безсознательно, по личнымъ отношеніямъ, Кирилла Разумовскій потребовалъ уничтоженія неправильности въ отношеніяхъ Малороссіи къ Россійской имперіи: съ возстановленіемъ гетманства Малороссія опять подчинена была иностранной коллегіи, подобно Калмыкамъ и Киргизамъ, имѣвшимъ своихъ владѣльцевъ. Вражда къ президенту иностранной коллегіи, великому канцлеру Бестужеву заставила Разумовскаго просить, чтобъ его изъяли изъ вѣдомства ино-

странной коллегіи и перевели въ вѣдомство сената: императрица исполнила его просьбу. Главную заботу правительства на южной Украйнѣ составляли запорожцы. Привыкнувъ къ степному приволью, не зная границъ своимъ владѣніямъ, они начали теперь жаловаться, что ихъ тѣснятъ. Сенатъ по поводу этихъ жалобъ приказалъ перенесть запорожскіе зимовники, находящіеся по сю сторону рѣчки Самоткани, куда-нибудь въ другое мѣсто въ запорожскихъ же дачахъ, чтобъ никакихъ ссоръ, особенно же гайдамацкаго воровства не было, ибо гайдамаки имѣли здѣсь пристанище: гетманъ, потребовавши объ этомъ отъ кошевого мнѣнія и разсмотря его, представилъ бы о немъ въ сенатъ съ приложеніемъ собственнаго своего мнѣнія. Видя, что вслѣдствіе неопредѣленности границъ новые переселенцы придвигаются все ближе и ближе къ Сѣчи, Запорожцы просили, чтобъ у старосамарскихъ жителей отнято было право владѣть мѣстами по рѣкѣ Самарѣ и чтобъ даны были запорожскому войску грамоты на всѣ владѣемыя имъ съ давнихъ временъ земли. Имъ отвѣчали, что въ сенатѣ нѣтъ точнаго извѣстія и описанія этихъ земель, и что грамоты 1688 года и универсала 1655 года, на которыя Запорожцы ссылались, не отыскались, ни въ малороссійскихъ дѣлахъ въ Петербургѣ, ни въ архивѣ иностранной коллегіи въ Москвѣ. Запорожцы писали, что когда гетманъ Богданъ Хмельницкій поддался подъ русскую державу, въ то время войско запорожское владѣло рѣкою Днѣпромъ отъ переволочной и всѣми впадающими въ Днѣпръ рѣками, особенно же Самарью и по ней лѣсами и степями. Это, отвѣчалъ сенатъ, войско запорожское представляетъ весьма напрасно, потому что когда гетманъ Хмельницкій пришелъ въ подданство, въ то время всѣ города, села и деревни и войско запорожское состояло въ одной дирекціи гетманской, и между Малою Россіею и войскомъ запорожскимъ границы не было, но гдѣ были пустыя земли, тамъ какъ запорожскимъ, такъ и малороссійскимъ козакамъ не запрещалось держать пасеки, рыбу и звѣря ловить, а на Сѣчи запорожской въ то время никакихъ мѣстъ и селеній особливыхъ не бывало. Сенатъ приказалъ, чтобъ гетманъ, комендантъ крѣпости св. Елисаветы и запорожское войско назначили особыхъ людей, которые должны сдѣлать описаніе всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ, положить на карту и представить въ сенатъ. Въ тоже время



правительство давало чувствовать Запорожью, что полная независимость при выборахъ должностныхъ лицъ не будетъ имъ допущена. Гетманъ донесъ сенату, что въ Сѣчѣ на сходкѣ атаманомъ опредѣленъ прежній Григорій Ѳедоровъ, а судья, писарь и есаулъ новые, и что эту перемѣну козаки сдѣлали, не давши знать ему, гетману; онъ велѣлъ кошевому и старшинѣ прислать отвѣтъ, на какомъ основаніи это сдѣлано. Сенатъ одобрилъ распоряженіе Разумовскаго [68].

На восточной Украйнѣ, среди магометанскаго народонаселенія сочли нужнымъ сдѣлать такое распоряженіе: въ Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерніяхъ, гдѣ Татары магометане живутъ особыми деревнями, если въ этихъ деревняхъ русскихъ и новокрещенъ нѣтъ, а магометанъ по нынѣшней ревизіи написано мужескаго пола отъ двухъ до трехъ сотъ въ каждой, позволять въ нихъ строить мечети, гдѣ нѣтъ или были сломаны по указу 1744 года. Если въ татарской деревнѣ живутъ новокрещеные, которыхъ наберется десятая часть, то ихъ всѣхъ вывесть въ другія деревни и поселить вмѣстѣ съ крещеными; если же въ деревнѣ будетъ новокрещенъ больше десятой части, то ихъ не переводить, а въ этой деревнѣ мечети не строить. Попечитель надъ новокрещеными статскій совѣтникъ Вячесловъ писалъ, что въ Казанской губерніи во всѣхъ иновѣрческихъ деревняхъ новокрещеные живутъ съ некрещеными, и не только въ каждой деревнѣ, но и въ однихъ домахъ и семьяхъ при отцахъ некрещеныхъ дѣти новокрещеные, а въ иныхъ дворахъ отцы новокрещены, а дѣти иновѣрцы, отъ чего происходитъ немалый соблазнъ, да и священникамъ въ такіе домы для обученія христіанскому закону и со всякими требами входить нельзя. Сенатъ отвѣчалъ на это прежнимъ распоряженіемъ: крещеныхъ переселить въ другія деревни христіанскія, а если крещеныхъ больше десятой части, то вывесть некрещеныхъ въ деревни магометанскія [69].

Позволеніе строить мечети при извѣстныхъ условіяхъ было слѣдствіемъ прошлогодняго бунта Башкирцевъ, которые поднялись подъ религіознымъ знаменемъ, выставляя основною причиною неудовольствія притѣсненія магометанской вѣрѣ; главнымъ возмутителемъ былъ мулла Батырша. Въ описываемомъ году Батырша былъ наконецъ пойманъ съ одиннадцатью учениками и

отправленъ въ Тайную канцелярію, гдѣ написалъ любопытный разсказъ о своихъ похожденіяхъ. «По окончаніи моей науки жилъ я около полутора года въ Каинской волости, въ деревнѣ муллы Илша, а потомъ во-свояси возвратился и въ деревнѣ Карышъ около шести лѣтъ жилъ, робятъ обучалъ и поповскую должность отправлялъ, о Законѣ Божіемъ толковалъ. Около здѣшнихъ мѣстъ россійскіе архіереи, попы и другіе насильствомъ, нападками, лукавствомъ въ христіанскій законъ обращаютъ; за обращенныхъ въ христіанство магометане должны ясакъ платить; изъ казны Господа Бога, изъ горъ и озеръ соль брать запретили, изъ городовъ покупать принудили. Когда нѣкоторые старшины объявили, что изъ городовъ брать соль не желаютъ, то командиры бранили ихъ, по щекамъ били, за бороду таскали. Въ городъ ѣхать суда просить народъ никакой уже надежды не имѣетъ; которое дѣло можно было въ одинъ день кончить, мѣсяцъ таскали, а которое въ мѣсяцъ можно было кончить, изъ взятокъ годъ продолжали. Нѣкоторые злые старшины съ народа взятки брали и, напившись пьяны, людей саблями рубили и много обижали, а когда на нихъ суда просили, то не получали. Во время проѣзда съ дѣлами русскихъ людей битьемъ, мученіемъ, взятками, воровствомъ неизреченныя обиды показаны, излишнія подводы требованы, проводниковъ драгуны смертельно бьютъ. Бѣдный народъ никакой себѣ надежды не имѣетъ. Народъ негодовалъ, и разнесся слухъ, что Башкирцы нагайской, сибирской и осинской дорогъ оружіе готовятъ—а зачѣмъ, Богу извѣстно. Чтобъ провѣдать о причинѣ, поѣхалъ я въ Исецкую провинцію, въ деревню старшины Муслима, будто въ гости. Жители деревни воздали мнѣ великую честь, изъ окрестныхъ деревень муллъ и другихъ людей призвали и всѣ, стоя на колѣнахъ, поученія мои слушали. Пріѣхали въ гости и Мещеряки, всѣ напились кумыса до пьяна и начали толковать, что соль и звѣриныя ловли имъ запрещены, невѣрные Русскіе крестятъ музульманъ въ свою вѣру, отъ командировъ и генераловъ никакой милости нѣтъ и неизреченныхъ тягостей терпѣть больше нельзя, хуже что можетъ ли быть, когда изъ настоящей вѣры въ ложную обращаютъ, ибо каждый человѣкъ свою вѣру любитъ. Русскихъ, которые насильно изъ магометанства обращали и мечети разоряли, на вѣсахъ разума съ справедливымъ золотникомъ надобно судить

такъ же какъ и музульманъ, которые бы христіанъ въ свою вѣру привели и церкви разорили, ибо всѣ мы рабы императрицы; когда же государынина милость къ рабамъ неровна будетъ, то легкомысленные люди разсуждали, что впредь уже ожидать нечего: станемъ и мы вѣру ихъ ругать и въ свою обращать и имѣніе ихъ грабить. Тайкомъ старшинѣ Муслиму я говорилъ: «День за день добро ли умножается или зло»? Тотъ отвѣчалъ: «Самому тебѣ извѣстно, отъ мученія невѣрныхъ затылокъ у меня переломился, чтобъ Господь Богъ и у нихъ затылокъ переломилъ и упованіе ихъ пресѣкъ»! Выразумѣвъ эти происхожденія, началъ я писать наставительныя и разжигательныя письма по силѣ изображенія въ книгахъ нашихъ.

«Былъ у Мещеряковъ старшина Янышъ, который никогда Богу не маливался; каждый годъ съ своими сотниками не поочереди людей въ походъ писалъ, которые должны были откупаться; вора не судилъ, истца мириться принуждалъ; гдѣ бъ ни увидалъ красивую женщину, насильствомъ блудъ чинилъ; билъ людей, которые не хотѣли идти къ нему подъ судъ, а требовали суда ахуновъ и муллъ, судящихъ по книгамъ; а если кого надобно было отослать къ мулламъ, то приказывалъ послѣднимъ рѣшить дѣло такъ, какъ ему хотѣлось. Я сужу праведнымъ судомъ, и за то ученые люди и народъ хотѣли меня сдѣлать ахуномъ надъ всѣми жителями Сибирской дороги; Янушъ противился, но не успѣлъ. День за день между народомъ вѣдомости и слова умножались, что какъ лошадей откормятъ, народъ поднимется. Лѣто наступило, земля просохла и указъ пришелъ, чтобъ Янушъ съ командою скоро на коней садился, ибо ногайской дороги Башкирцы встали, такъ шелъ бы на нихъ. Я пошелъ къ Янышу съ представленіемъ несчастнаго положенія народа, который какъ птицы, испугавшись кречета, отлетѣть изготовились. «Все знаю, отвѣчалъ Янышъ, нападки день ото дня умножаются: до сихъ поръ даромъ или за малыя деньги можно было доставать деготь, который для выдѣлки кожъ употребляли; теперь запретили употреблять деготь, велѣли изъ городовъ рыбій жиръ брать, и вмѣсто двухъ рублей двадцать издерживаемъ. Слухъ носится, что изъ правовѣрныхъ державъ должно прибыть войско: тогда и сдѣлаемъ дѣло; а теперь однимъ встать нельзя, будемъ задавлены множествомъ Русскихъ; Башкирцамъ же ничего не будетъ:

тотчасъ съ женами и дочерьми сядутъ на лошадей и какъ вѣтеръ перелетятъ». Я говорилъ: «Если около насъ находящіеся степные и по лѣсамъ живущіе Башкирцы за вѣру возстанутъ, то мы одни Мещеряки изъ жилища нашего выйти способа не сыщемъ и драться съ многолюдными музульманами не можемъ, также и кровь ихъ проливать въ книгахъ нашихъ правила не сыщемъ». — «Если музульмане усилятся, то мы соединимся съ ними, а теперь лучше подождать», отвѣчалъ Янышъ. Я побранился съ нимъ за это, назвалъ его лисицею, наполненною коварствомъ: когда собака ее догоняетъ, то хвостомъ и направо и налѣво вертитъ. Янышъ говорилъ мнѣ на это: «Слова твои съ книгами и разумомъ сходны; но у старыхъ людей пословица есть, и та съ книгами не сходна, я тебѣ говорю: потерпи, безвременное дѣло непристойно бываетъ; ты своихъ рѣчей народу не разглашай, ибо народъ что мухи, въ которую сторону вѣтеръ подуетъ, туда и летятъ». Я рѣшился потерпѣть и съѣздить въ Оренбургъ за вѣстями; пришелъ за паспортомъ къ писарю Кузьмѣ: тотъ въ старомъ паспортѣ выскребъ имя и написавъ мое имя отдалъ мнѣ; потомъ попотчивалъ крѣпкимъ медомъ и сказалъ: слухъ носится о прибытіи войскъ изъ правовѣрныхъ державъ и что Россія опасность имѣетъ. На дорогѣ въ Оренбургъ встрѣтилъ я Башкирцевъ Буржанской волости, которая вся бѣжала; они говорили: «Злой воръ заводскій командиръ имѣніе наше покралъ и разграбилъ, земли и воды наши отнялъ, женъ и дочерей нашихъ предъ нашими глазами блудили; волость, не стерпѣвъ, заводскаго командира убила и побѣжала. Неоднократно народъ нашъ на того заводскаго командира ѣздилъ съ жалобою къ дьяволу мурзѣ (генералу Тевкелеву), но никакой пользы не получали». По возвращеніи изъ Оренбурга Батырша продолжалъ поджигать своихъ магометанъ къ бунту; ему дали знать, что Русскіе провѣдали объ этомъ и хотятъ его схватить. Батырша бѣжалъ съ женою, дѣтьми и учениками своими; потомъ долженъ былъ разстаться съ семействомъ, и только съ однимъ ученикомъ отправился въ казанскій уѣздъ, питаясь милостынею и называясь ученикомъ, муллою его нигдѣ не принимали вслѣдствіе запрещенія отъ правительства; цѣлую зиму провелъ въ ямѣ; лѣтомъ опять пошелъ за милостынею по деревнямъ; наконецъ долженъ былъ разлучиться и съ послѣднимъ товарищемъ, возвратился одинъ домой, и тутъ былъ пойманъ [70].

Хотя, какъ мы видѣли [71], Неплюевъ писалъ, что благодаря произведенной имъ враждѣ между Киргизами и Башкирцами, Россіи нечего бояться ихъ связи, не всѣ однако Башкирцы ушли отъ Киргизовъ и нѣкоторые разбойничали съ ними вмѣстѣ; правительство положило срокъ ихъ возвращенію и все болѣе и болѣе отдаляло этотъ срокъ — знакъ, что желательное возвращеніе было медленно. Мы видѣли жалобы Батырши на притѣсненія; въ широкихъ степяхъ русскихъ украйнъ дѣйствительно издавна разнуздывалось своеволіе всякаго сильнаго человѣка еще гораздо больше, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ; но Батыршѣ не слѣдовало бы очень жаловаться на Русскихъ, когда онъ такъ неосторожно выставилъ поведеніе туземнаго старшины Яныша. Что можно было дѣлать въ степяхъ, показываетъ слѣдующій случай. Въ уфимскомъ уѣздѣ явился неизвѣстный человѣкъ, который называлъ себя капитанъ-поручикомъ Преображенскаго полка Александромъ Петровичемъ Шуваловымъ, крестникомъ графа Петра; при немъ была Татарка, съ которою жилъ какъ съ женою, солдатъ и деньщикъ; однимъ разглашалъ онъ, будто посланъ графомъ Петромъ Шуваловымъ для пріема земель подъ мѣдные и желѣзные заводы; другимъ, будто опредѣленъ въ уфимскій уѣздъ ко всѣмъ иновѣрцамъ воеводою; иновѣрцы повѣрили и приходили къ нему съ жалобами другъ на друга, онъ ихъ судилъ и осужденныхъ билъ плетьми какъ слѣдуетъ.

Средняя киргизская орда казалась опасною для сибирскихъ границъ, и потому сенатъ распорядился, что для успокоенія ея генералъ Тевкелевъ долженъ повидаться съ ея ханомъ Аблайсалтаномъ, также съ тамошнею знатною старшиною и дать доброжелательнымъ двоимъ старшинамъ, для приласканія ихъ, въ подарокъ изъ казенныхъ вещей каждому рублей на сто. Впрочемъ онъ долженъ секретно присматривать, не найдетъ ли какой возможности съ русской стороны эту орду привести въ несостояніе, сколько для того нужно войска употребить и въ какое время удобнѣе произвести это въ дѣйствіе, чтобъ впредь отъ этой орды для сибирскаго края могла быть отнята вся опасность.

Въ Сибири убѣдились печальнымъ опытомъ, что хлѣбопашество, заведенное по иртышской, колыванской и кузнецкой ли-

ніямъ, служитъ только въ тягость и разореніе тамошнимъ городовымъ козакамъ, также и крестьянамъ въ убытокъ. Неплюевъ былъ согласенъ въ этомъ съ сибирскимъ губернаторомъ, почему иностранная коллегія подала мнѣніе, чтобъ козаковъ содержать на жалованьѣ и казенномъ провіантѣ. Но сенату жаль было затраченныхъ издержекъ и онъ постановилъ: хлѣбопашество вовсе уничтожить не слѣдуетъ, а чтобъ людямъ дальнѣйшаго отягощенія и разоренія не было, класть на каждаго человѣка не свыше полуторы десятины и не меньше десятины въ каждомъ полѣ, а сверхъ того кто сколько можетъ.

Не упускали случая поближе познакомиться съ Китаемъ: поручикъ геодезіи Владыкинъ представилъ въ сенатъ отъ директора китайскаго каравана Алексѣя Владыкина и отъ себя составленную имъ ландкарту китайскихъ губерній и провинцій, также планъ Пекина; при этомъ директоръ Владыкинъ доносилъ, что ландкарта и планъ были получены для срисованія изъ ханской библіотеки, на что издержано серебра 1500 рублей. Сенатъ велѣлъ выдать ему эти 1500 рублей, а карту и планъ хранить въ секретной экспедиціи [72].

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1757 годъ.

Договоръ Россіи съ Австріею 22 января. — Договоръ Австріи съ Франціею 1 мая.—Людовикъ XV не ратификуетъ секретной русской деклараціи.—Столкновенія Россіи съ Франціею по поводу Польши.—Взглядъ Бехтѣева на отношенія союзныхъ дворовъ.—Назначеніе М. П. Бестужева-Рюмина посломъ во Францію; письмо его изъ Варшавы; пріѣздъ его во Францію и первая дѣятельность.—Маркизъ Лопиталь французскій посолъ въ Петербургѣ.—Начало военныхъ дѣйствій. — Прусскіе шпіоны. — Неудовольствія въ Петербургѣ на медленность Апраксина; письмо къ нему канцлера Бестужева. — Переходъ русскаго войска за границу. — Гросъ - Егерсдорфская битва. — Отступленіе Апраксина послѣ побѣды.—Онъ смѣненъ Ферморомъ въ главномъ начальствѣ надъ арміею.—Сношенія съ Австріею по поводу гоненія на православныхъ въ австрійскихъ областяхъ.—Сношенія съ Англіею, Швеціею и Польшею.—Внутреннія распоряженія относительно войска и финансовъ.—Крестьянскія волненія.—Состояніе дѣлъ на Украйнахъ.

Зима мѣшала движенію войскъ; но не мѣшала дипломатическимъ приготовленіямъ къ войнѣ. 22 января былъ заключенъ въ Петербургѣ новый договоръ между Россіею и Австріею. Этимъ договоромъ подтверждался майскій договоръ 1746 года, причемъ отдѣльная и секретная статья майскаго договора становилась основаніемъ настоящаго соглашенія. Марія Терезія обязывалась выставлять противъ Пруссіи вовсе продолженіе войны не менѣе 80,000 регулярнаго войска; Елисавета также 80,000 регулярнаго войска, кромѣ того отъ 15 до 20 линейныхъ кораблей и, по крайней мѣрѣ, 40 галеръ. Договаривающіяся

державы будутъ сообщать другъ другу подробныя и точныя свѣдѣнія о состояніи своихъ войскъ, перешлются взаимно генералами, которые будутъ имѣть право присутствовать и подавать голоса на военныхъ совѣтахъ; относительно общаго плана военныхъ дѣйствій будетъ взаимное соглашеніе. Такъ какъ прусскій король въ настоящее время употребляетъ большую часть своихъ силъ противъ арміи императрицы-королевы, то императрица всероссійская обязывается какъ можно скорѣе двинуть свои войска въ его владѣнія, причемъ императрица-королева обязывается занимать прусскія войска для содѣйствія операціямъ русскихъ войскъ. Обѣ государыни обязываются не заключать ни мира, ни перемирія съ общимъ непріятелемъ, королемъ прусскимъ безъ взаимнаго согласія; онѣ будутъ вести войну до тѣхъ поръ, пока императрица-королева не получитъ въ спокойное владѣніе всей Силезіи и графства Глацъ. Спокойствіе Европы можетъ быть твердо установлено только тогда, когда у короля прусскаго отнимутся средства возмущать его: обѣ императрицы употребятъ всѣ усилія для оказанія человѣчеству этой услуги и онѣ будутъ сноситься объ этомъ со всѣми другими державами, которыя онѣ увидятъ къ тому расположенными. Въ отдѣльныхъ статьяхъ договаривающіяся державы обязывались призывать къ союзу другихъ государей и преимущественно французскаго короля, потомъ Швецію и Данію, причемъ Швеція должна быть вознаграждена соотвѣтственно ея участія въ войнѣ. Россія и Австрія обязываются употребить всѣ средства не только для возвращенія польскому королю Саксоніи, но и доставить ему на счетъ Пруссіи приличное вознагражденіе за его потери. Въ отдѣльной и секретной статьѣ Австрія обязывалась уплачивать ежегодно Россіи по милліону рублей. Договоръ былъ написанъ на французскомъ языкѣ; но внесено въ условія, чтобъ этого обстоятельства не считать примѣромъ для будущаго. Договоръ подписали: Алексѣй, графъ Бестужевъ-Рюминъ. Михаилъ, графъ Воронцовъ. Николай, графъ Эстергази.

Чтобъ отвлечь великаго князя Петра Ѳедоровича отъ короля прусскаго, Марія Терезія сочла нужнымъ заключить съ нимъ особый договоръ, по которому вѣнскій дворъ выплачивалъ ему 100,000 флориновъ. Но Кауницъ былъ недоволенъ и говорилъ,

что эти деньги императрица бросила за окно, потому что великій князь не перемѣнится въ своихъ чувствахъ къ прусскому королю. Маріи Терезіи можно было согласиться на ежегодную уплату Россіи милліона рублей, потому что въ новомъ договорѣ, заключенномъ ею съ Франціей 1 мая 1757 года король обязался выплачивать ей по 12 милліоновъ гульденовъ. Король обязывался выплачивать императрицѣ-королевѣ деньги и помогать ей войскомъ пока, вслѣдствіи мира съ прусскимъ королемъ, она не пріобрѣтетъ Силезіи, графства Глацъ и княжества Кроссенъ; курфирстъ саксонскій получаетъ герцогство Магдебургское. Франція получаетъ отъ Австріи часть ея Нидерландовъ, а другая часть отдается зятю короля Людовика XV, инфанту испанскому Филиппу.

Въ договорѣ между Франціею и Австріею было опредѣлено, что обѣ державы должны получить, если принудятъ прусскаго короля къ миру; но когда Россія въ особой деклараціи хотѣла заявить, что она желаетъ пріобрѣсти провинцію Пруссію, которую промѣняетъ Польшѣ на Курляндію, то Марія Терезія сильно воспротивилась этой деклараціи. Эстергази представлялъ Воронцову, что императрица-королева готова доставить Россіи не только Пруссію, но и большія пріобрѣтенія, причемъ данное уже ею слово больше силы и дѣйствія имѣть будетъ, чѣмъ глухое постановленіе, въ общихъ выраженіяхъ заключающееся; если это постановленіе и секретъ выйдутъ наружу, то Франція станетъ подозрѣвать оба двора и не довѣрять имъ, а прусскій король, Польша и другія державы станутъ по всему свѣту распространять нареканія. Но дѣло въ томъ, что вѣнскій дворъ уже далъ знать Франціи о русскихъ требованіяхъ и изъ Франціи пришелъ совѣтъ—отвѣчать Россіи, что еще не время дѣлать Франціи предложеніе о русскихъ требованіяхъ; причемъ французскій посолъ въ Вѣнѣ получилъ отъ своего двора внушеніе, что вѣнскій дворъ ошибается, если благопріятствуетъ увеличенію Россіи въ сосѣдствѣ Германіи; вѣнскій дворъ быть можетъ первый будетъ въ этомъ раскаяваться. На своемъ донесеніи императрицѣ о внушеніяхъ Эстергази Воронцовъ замѣтилъ: «По моему слабѣйшему мнѣнію, для нынѣшнихъ деликатныхъ и весьма сумнительныхъ обращеній дѣлъ, кажется можно безо всякаго предосужденія на сіе желаніе вѣнскаго двора по-

ступить, ибо когда Богъ благословитъ оружіе россійское и завоевана будетъ Пруссія и другія области короля прусскаго, то можно будетъ при примиреніи общемъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ награжденіе убытковъ съ нашей стороны, Курляндію или городъ Данцигъ за собою удержать, или какіе другіе авантажи получить.» Дѣло было отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ [73].

Мы видѣли, что въ самомъ концѣ 1756 года и Елисавета приступила къ первому версальскому договору, но съ особеннымъ условіемъ относительно Турціи и Англіи. Бехтѣевъ долженъ былъ объяснить французскому министерству, что въ Россіи медлили приступленіемъ къ версальскому договору, желая не только возстановить доброе согласіе, но и положить ему непоколебимое основаніе, и потому заботились именно объ этомъ, а не объ одной формѣ; еслибы въ договорѣ исключена была съ одной стороны Англія, а съ другой—Турція, то этотъ договоръ былъ бы просто возстановленіемъ дружбы, ибо Англія относительно Франціи, а Турція относительно Россіи суть единственныя державы, отъ которыхъ можно ожидать нарушенія мира.

Но Бехтѣевъ далъ знать Воронцову, что нельзя описать, какъ секретнѣйшая декларація прискорбна французскому двору. Онъ считаетъ это дѣло нечестнымъ и подозрѣваетъ канцлера, что онъ нарочно его устроилъ, желая или поссорить Францію съ Портою или произвести холодность между Франціею и Россіею. Рулье выразилъ опасеніе, чтобъ Бестужевъ не приказалъ нарочно сообщить декларацію Портѣ. «Вице канцлеръ Воронцовъ, какъ честный человѣкъ, этого бы не сдѣлалъ», говорилъ Рулье. На Дугласа страшно раздражены, всю вину складываютъ на него. Рулье даже рѣшился сказать Бехтѣеву, что такимъ образомъ нельзя имѣть никакого дѣла съ русскимъ дворомъ.

Оффиціально Бехтѣевъ доносилъ 8 февраля 1757 года, что актъ приступленія былъ ратификованъ, но ратификовать декларацію не согласились. Король выразился, что «не можетъ согласиться на этотъ прекрасный секретный актъ, который Дугласъ имѣлъ глупость подписать». Рулье объявилъ Бехтѣеву рѣшительно, что и политическія причины и собственный интересъ Франціи не позволяютъ этого: при нынѣшнихъ обстоятельствахъ надобно удержать Порту отъ соединенія съ Англіею и прус-

8*

скимъ королемъ, не потерять при ней своего кредита и не уничтожить французской торговли въ Левантѣ. Порта сильно встрѣвожилась, узнавши о версальскомъ договорѣ, и особенно о приступленіи къ нему Россіи; успокоить ее можно было однимъ обнадеживаніемъ, что она въ актѣ этого приступленія именно будетъ исключена, и обнадеживаніе было дано. Послѣ этого было бы противно обычаю и праводушію короля заключать вдругъ два акта объ одномъ дѣлѣ, прямо другъ другу противорѣчащіе, и какъ во Франціи ни увѣрены въ сохраненіи тайны (хотя рѣдко бываетъ, чтобъ самый секретный параграфъ не выходилъ наружу): однако такой поступокъ тайною оправданъ не будетъ; поэтому его величество король надѣется на извѣстное праводушіе и проницаніе императрицы: отъ нея не скроется справедливость причинъ, не дозволяющихъ ратификовать декларацію, какъ это ни прискорбно французскому правительству.

«И подлинно, писалъ Бехтѣевъ, французскій дворъ приведенъ въ великую печаль и смущеніе: съ одной стороны онъ связанъ даннымъ Портѣ обнадеживаніемъ, съ другой—чувствуетъ непріятныя слѣдствія отказа въ ратификаціи. Министерство сильно досадуетъ на графа Эстергази, на Дугласа и графа Штаремберга: на перваго за то, что принудилъ Дугласа къ подписанію деклараціи; на графа Штаремберга за то, что не довольно точно истолковалъ мнѣнія французскаго правительства, которое на него въ этомъ дѣлѣ положилось; о Дугласѣ Рулье отзывался съ великимъ неудовольствіемъ. Въ заключеніе Рулье просилъ меня увѣрить высочайшій дворъ, что, несмотря на это непріятное происшествіе, король искренно желаетъ большаго утвержденія благополучно возобновленной дружбы и обнадеживаетъ, что происшедшая непріятность нисколько не воспрепятствуетъ ему, вмѣстѣ съ Россіею, принять мѣры для удовлетворенія вѣнскаго и саксонскаго дворовъ относительно короля прусскаго».

Но кромѣ Турціи Польша также представляла сильные поводы къ непріятностямъ, потому что Франція боялась, чтобъ русская партія въ Польшѣ не усилилась, благодаря вступленію русскаго войска въ эту страну; ясный признакъ усиленія русской партіи, т.-е. партіи Чарторыйскихъ французскій дворъ видѣлъ въ назначеніи племянника Чарторыйскихъ и друга Уильямса, Станислава Понятовскаго польскимъ уполномоченнымъ въ Петербургъ; тщет-

но Августъ III успокоивалъ французскій дворъ; тщетно Бехтѣевъ увѣрялъ Рулье, что съ Понятовскаго взято честное слово держаться настоящей политической системы, и если въ поведеніи его окажется хотя что-нибудь противное, то король немедленно отзоветъ его: Рулье повторялъ одно, что Понятовскій былъ другъ Уильямса. Рулье передалъ Бехтѣеву записку, въ которой говорилось, что французскій король признаетъ необходимость похода русскихъ войскъ чрезъ польскія земли, но необходимо предупредить могущія произойти изъ этого вредныя слѣдствія. Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки, приверженные къ Россіи, замышляютъ конфедерацію, надѣясь на подкрѣпленіе ея со стороны русскихъ генераловъ, которые будутъ начальствовать войскомъ въ Польшѣ, надѣясь, что и одно присутствіе русской арміи, еслибъ она не принимала никакого участія въ польскихъ дѣлахъ, доставитъ имъ большую силу; а противники ихъ, которые имѣютъ прибѣжище къ французскому двору, принуждены были бы созвать свою конфедерацію, а можетъ быть, захотѣли бы и предупредить враговъ. Такъ какъ походъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу имѣетъ цѣлію подать какъ можно скорѣе помощь королю польскому вступленіемъ въ области его врага, то французскій дворъ признавалъ и признаетъ за лучшее, чтобъ русское войско шло въ Пруссію изъ Курляндіи, захвативъ малую часть Самогитіи; но если оба императорскіе двора признаютъ необходимымъ, чтобъ русское войско шло другимъ путемъ чрезъ Польшу, то французскій дворъ, для сохраненія тишины въ Польшѣ и для успокоенія Турокъ, можетъ согласиться на это съ однимъ условіемъ, чтобъ русское войско шло черезъ Польшу со всевозможною поспѣшностію, съ наблюденіемъ наистрожайшей дисциплины и платя за все исправно. Потомъ французскій дворъ признаетъ необходимымъ, чтобъ прежде вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, русскіе министры въ Варшавѣ устно и письменно объявили, что войска императрицы, при проходѣ чрезъ Польшу, не намѣрены ни подъ какимъ видомъ мѣшаться во внутреннія дѣла республики, и что все будетъ оставлено какъ теперь, особенно дѣло острожской ординаціи. Россія должна употребить все свое вліяніе, чтобъ удержать своихъ приверженцевъ отъ конфедераціи и не должна ни подъ какимъ видомъ вступаться въ частныя ссоры польскихъ вельможъ. Французскій

король, съ своей стороны, готовъ дать такую же декларацію для показанія Полякамъ, что они не могутъ ожидать отъ него никакой помощи для заведенія въ республикѣ смуты и для воспрепятствованія походу русскихъ войскъ.

Бехтѣевъ, возвращая записку Рулье, и поблагодаря за предварительное ея сообщеніе, замѣтилъ, что излишне требовать обнадеживаній въ такомъ дѣлѣ, котораго императрица сама болѣе всего желаетъ, именно сохраненія тишины въ Польшѣ. Записка эта служила бы только доказательствомъ, что коварныя внушенія недоброжелательныхъ людей, старающихся возбудить недовѣріе между двумя дворами, взяли верхъ, что французскій дворъ подозрѣваетъ, будто императрица намѣрена подкрѣплять какую-то конфедерацію. Подобная записка была бы непріятна русскому двору, а можетъ быть подтвердила бы всѣ тѣ извѣстія о недружественныхъ поступкахъ и отзывахъ французскихъ министровъ въ Варшавѣ и Константинополѣ, чему до сихъ поръ императрица не вѣрила. Не только нѣтъ ни малѣйшей нужды въ требуемыхъ формальныхъ декларацiяхъ, но французскій дворъ и не имѣетъ никакой законной причины ихъ требовать; несогласно съ достоинствомъ обоихъ дворовъ поступать такъ формально по желанію нѣсколькихъ безпокойныхъ Поляковъ, которыхъ ничѣмъ нельзя удовольствовать, и если французскій дворъ будетъ ихъ слушать, то часто принужденъ будетъ требовать подобныхъ декларацій, тогда какъ очень легко избѣжать всякихъ непріятностей и безъ декларацій: пусть только министры союзныхъ дворовъ прилагаютъ общее стараніе содержать Поляковъ при доброй системѣ, поступая во всемъ согласно.

«Виновникъ всему этому дѣлу, писалъ Бехтѣевъ,— это французскій министръ въ Варшавѣ графъ Брольи, слывущій здѣсь знатокомъ польскихъ дѣлъ. Глава французской партіи въ Польшѣ гетманъ коронный, почему и войска республики во власти этой партіи и она сильнѣе всѣхъ, и если она будетъ знать, что никто за другихъ не вступится, то первая начнетъ всѣхъ другихъ притѣснять и тѣмъ заведетъ безпокойство въ республикѣ. Графъ Брольи человѣкъ очень безпокойный, любитъ предписывать законы и все переворачивать по своимъ мыслямъ; по природной же своей остротѣ и быстротѣ разума въ состояніи выдумать множество способовъ для подкрѣпленія своихъ мнѣній».

Бехтѣевъ, посланный во Францію для установленія дружественныхъ отношеній между нею и Россіею, считавшихся естественными и необходимыми вслѣдствіе перемѣны политическихъ обстоятельствъ,—Бехтѣевъ не позволилъ себѣ однако увлечься своимъ положеніемъ, глядѣлъ трезво и осторожно. Онъ писалъ Воронцову: «Вся сила состоитъ въ маркизѣ Помпадуръ по чрезмѣрной милости и довѣренности къ ней королевской. То безспорно, что она имѣетъ весьма проницательный и прехитрый разумъ. Маршалъ Белиль, не взирая на глубокую старость, имѣетъ свѣжій разумъ и память. Въ рѣчахъ болѣе сокращенъ, нежели плодовитъ, мысли весьма ясны, изображаетъ ихъ столь внятно и связно, что очень легко понять его мнѣніе; одну погрѣшность ему приписуютъ—страсть къ присовокупленію богатства, притомъ почитаютъ его за человѣка, который похлѣбству и лицемѣрію наилучше умѣетъ дать видъ искренности. Аббатъ Бернисъ человѣкъ острый, воображеніе имѣетъ весьма живо, довольно ученъ и свѣдущъ въ дѣлахъ, сладкорѣчивъ, любитъ свѣтское житье и веселья; онъ былъ знакомъ маркизѣ, когда она была мадамъ Тирольи; онъ въ великой бѣдности дѣлывалъ для нея стишки и былъ соучастникомъ въ веселіяхъ. Достигнувъ благополучія, она произвела его мало-по-малу, такъ сказать, изъ ничего даже до чина статскаго министра. Можно сказать, что онъ ея тайный совѣтникъ. По иностраннымъ дѣламъ сіи два министра, будучи въ великомъ кредитѣ у маркизы, наибольшие силы имѣютъ, почему и всѣ чужестранные министры къ нимъ адресуются. Господину Рулье иногда сіе не мило, но не смѣетъ противъ того явно досадовать, опасаясь потерять первое мѣсто. По всему кажется, нельзя больше дворамъ въ дружбѣ быть какъ здѣшній и вѣнскій. Сіе и нынѣшнее особливое здѣшняго двора усердіе о интересахъ вѣнскаго должно приписывать двумъ главнымъ причинамъ: кредиту маркизы и поманкѣ къ пріобрѣтенію новыхъ областей. Но только одна маркиза и аббатъ Бернисъ, поставляя себя творцами сея системы, стараются оную сутенировать; прочіе министры тому слѣдуютъ и пока оныя двѣ особы въ силѣ будутъ, тому слѣдовать будутъ. Генерально же весь народъ понынѣ Аустрійцевъ не любитъ. Явнымъ негодованіемъ отзываются, что войска и иждивенія тратятся на вспоможеніе древнему ихъ непріятелю. Вѣнскій дворъ

думаетъ, что много здѣшній уловилъ. Кажется здѣшнее министерство не прозорливо, но заведенная издревле машина такъ тверда, что трудно ее испортить. Въ самомъ дѣлѣ Франція великую пользу въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ находитъ. Ея видъ всегда былъ обезсилить Аустрійскій домъ и пріобрѣтать мало-по-малу Нидерланды; она, можетъ быть, то получаетъ, а за то даетъ ему Силезію, собственное его имѣніе. Итакъ Франція всегда съ выигрышемъ остается. Притомъ сама не охотно уже видитъ силы короля прусскаго, который, будучи протестантской вѣры, зачинаетъ собою въ Германіи властвовать и кредитъ ея (Франціи) раздѣлять, а со временемъ ей столько же или еще больше опаснымъ быть можетъ, какъ и австрійскій домъ, котораго она по меньшей мѣрѣ Турками воздерживать могла.

«По всѣмъ обстоятельствамъ видно, что министерству здѣшнему внушаютъ, якобы Франціи никакой пользы нѣтъ въ обязательствахъ съ Россіею, а только быть въ доброй дружбѣ. Министерство, по слабости своей, однакожъ, боясь и угождая маркизѣ, которая весьма склонна къ вѣнскому двору, оное мнѣніе здѣсь принимаетъ. Сего ради старался графъ Старенбергъ всю негоціацію окончить до прибытія пословъ, безъ содѣйствія и всѣхъ другихъ дворовъ, хотя о ихъ интересахъ тутъ же трактовано; и такъ не оставлено имъ какъ единое приступленіе и принятіе. Сію политику Россія могла простить вѣнскому двору и поперечить ему не надобно было. Общее дѣло требовало, какимъ бы то ни было образомъ, Францію серіозно ввести въ игру противъ короля прусскаго для приведенія сего государя въ настоящія границы, въ чемъ главный видъ Россіи состоитъ. Теперь она уже введена и Россіи надлежитъ необходимо дѣйствовать самой у здѣшняго двора.

«Всѣ нынѣ воюющія державы противъ короля прусскаго, по побѣжденіи онаго, обнадежены о выигрышѣ, а именно: Аустрія, какъ неправо обиженная сторона, безспорно беретъ обратно Силезію и по праву завоеванія и какъ отнятое у ней имѣніе. Франція спорить не будетъ получить за то Нидерланды, что̀ она себѣ формально трактатомъ обѣщала. Швеція беретъ назадъ отъ непріятеля также землю, которая ей принадлежала и на которую она еще претензію имѣетъ. Сверхъ того, три главные союзника о томъ предупреждены и не токмо оное ей сами обѣщали, но

и формально трактатомъ въ томъ обязались. Итакъ сіи три пункта между союзниками предварительно рѣшены, и при генеральномъ примиреніи некому въ томъ спорить. Только будетъ затрудненіе одной Россіи въ одержаніи того, что она отъ нынѣшней войны себѣ обѣщаетъ, а именно, сверхъ обезсиленія короля прусскаго, пріобрѣтеніе себѣ Курляндіи. Правда, постановлено о томъ съ вѣнскимъ дворомъ, но другіе союзники, кои какъ главныя державы при замиреніи будутъ, о томъ не знаютъ. Правильно могутъ тогда говорить, что они чужимъ добромъ распоряжать права не имѣютъ и не должны, но паче имѣя съ Польшею обязательства, всячески Россію отъ того отвращать станутъ. Можетъ Россія предъявлять, что она Польшѣ уступитъ за то Пруссію. На то не трудно отвѣтствовать, что Россія на Пруссію и на завоеваніе областей короля прусскаго права не имѣетъ, потому что она, яко аукспліарная держава и по обязательствамъ съ аустрійскимъ и саксонскимъ домами, войну производила. Всѣ тогда, наскучивъ войною, получая то, что всякій желалъ, а вѣнскій дворъ первый, выдадутъ Россію и не похотятъ для нея одной замиренія остановить; напротивъ того, ежели бы Россія поупрямилась удержать Пруссію, то оставятъ ее одну; а по политическому резону надобно думать, что Швеція, которой не должно совсѣмъ довѣрять, явно противъ того деклароваться можетъ, да и для принужденія къ тому Россіи она въ состояніи противъ ея поднять Поляковъ и Турковъ, внушая имъ только, что Россія безъ всякаго права хочетъ завладѣть у республики Курляндіею, собственною ея землею. Необходимо надобно: первое, чтобъ Россія при добрыхъ успѣхахъ оружія сама объявила войну королю прусскому, къ чему суть законныя причины. Второе, снестись съ Франціею и съ Швеціею и формально постановить, что ежели Россія завоюетъ Пруссію (провинцію), то по замиреніи обязуется ее отдать Польшѣ, съ тѣмъ, чтобъ Россіи награждены были употребленные на войну иждивенія и убытки, о чемъ оставляется Россіи трактовать и соглашаться съ республикою».

10 іюня пріѣхалъ въ Версаль полномочный русскій посолъ графъ Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Въ 1755 году дряхлый, больной Бестужевъ былъ вызванъ въ Петербургъ изъ Дрездена, гдѣ оставилъ жену въ сильной чахоткѣ. Несмотря на

то, онъ самъ вызвался ѣхать посломъ во Францію письмомъ къ Воронцову: «Ваше сіятельство достойнымъ инструментомъ были примиренія нашего двора съ французскимъ, еже къ немалой вашей славѣ и чести приписуется; да соизволите же быть достойнымъ инструментомъ и въ назначеніи туда посла. Сія дистинкція во особливое удовольствіе мнѣ будетъ, и кредитъ вашъ при французскомъ дворѣ тѣмъ болѣе умножится, когда вашъ повѣренный другъ и слуга туда назначенъ будетъ».

Бестужева назначили, и легко понять, какъ долженъ былъ отнестись къ этому назначенію братецъ канцлеръ. Братья соблюдали наружныя приличія, бывали другъ у друга; Михаилъ Петровичъ однажды обѣдалъ у канцлера; но по поводу этого обѣда Уильямсъ острилъ: «Можно себѣ представить, какъ былъ веселъ этотъ обѣдъ: еслибъ на столѣ было молоко, то оно бы свернулось отъ этихъ двухъ физіономій».

Бестужевъ поѣхалъ во Францію черезъ Варшаву и воспользовался случаемъ написать отсюда императрицѣ о непріятномъ ему Гроссѣ: «При прощаніи моемъ съ здѣшними вельможами и другими чинами они почти единогласно и прямо мнѣ отзывались, что русскій дворъ много теряетъ, имѣя здѣсь посланникомъ своимъ Гросса, самаго чуднаго человѣка, который всѣ полезныя дѣла портитъ своими странными поступками, особенно неуваженіемъ къ магнатамъ, чему въ республикѣ быть вовсе не кстати, ибо тамъ надобно по наружности со всѣми пріятельски обходиться и стараться ласкою приклонить всякаго къ своей сторонѣ. Притомъ онъ вовсе не знаетъ здѣшней системы и держится однихъ князей Чарторыйскихъ, которые, злясь на графа Брюля, что они теперь не въ такой силѣ какъ прежде были, что не отъ ихъ рекомендаціи зависитъ пожалованіе въ чины и награжденіе староствами, враждебно относятся къ своему двору, и, повидимому, передавшись тайно прусскому двору, дѣйствуютъ согласно съ повѣреннымъ прусскаго короля въ Варшавѣ Бенуа. Гроссъ, слѣпо приставъ къ ихъ сторонѣ, грозитъ ихъ непріятелямъ покровительствомъ Россіи, подъ которымъ находятся Чарторыйскіе, вслѣдствіе чего великій гетманъ коронный и другіе вельможи пристали одни къ французской, а другіе къ прусской партіи. Видя неспособность Гросса и невоздержность въ рѣчахъ, видя, что онъ не можетъ хранить тайны, никто не имѣ-

етъ къ нему ни малѣйшей довѣренности, всѣ имъ гнушаются и избѣгаютъ его общества, а какое отъ этого безславіе Россіи, изобразить нельзя».

Бестужеву было поручено склонять польскихъ пановъ, чтобъ Польша также объявила войну Фридриху II, вступившись за своего короля; но старанія его были напрасны, и онъ писалъ Воронцову: «Поляковъ я и самъ нынѣ возненавидѣлъ и дѣльно, что вы ихъ не любите; я ихъ пикировалъ славою и честію и собственнымъ ихъ интересомъ, чтобъ они королю своему помогли: могутъ при семъ случаѣ всѣ Пруссы себѣ достать; представлялъ имъ примѣръ короля Яна Собѣскаго, когда онъ подъ Вѣну ходилъ противъ Турокъ, какую тогда польская нація славу и честь себѣ получила. Ничто не успѣваетъ, но только злости свои между собою продолжаютъ. И то имъ представлялъ, что когда король прусскій въ намѣреніяхъ своихъ успѣхъ получитъ, то имъ первымъ достанется; отвѣтъ ихъ былъ: Россія сама до того не допуститъ. Народъ чудной: для своихъ интересовъ всякія низости дѣлать готовъ, ноги обнимать и руки цѣловать».

На дорогѣ Бестужевъ съѣхался съ умирающею женою, выгнанною изъ Саксоніи прусскимъ нашествіемъ, и самъ больной привезъ ее умирать въ Парижъ. Несмотря на то Бехтѣевъ такъ описывалъ поведеніе Бестужева на пріемѣ у короля: «Его сіятельство, не взирая на многія попытки отъ подводителя посольскаго, во всемъ по благоразсудку своему съ достоинствомъ, принадлежащимъ своему характеру, поступалъ, не давая себя оглушить многословіемъ здѣшнимъ. Впрочемъ мнѣ казалось, что онъ шелъ на аудіенцію и говорилъ смѣлѣе самихъ тѣхъ прочихъ и съ такою осанкою, что нарадоваться довольно не могъ то видѣть и слышать при томъ разсужденія Французовъ».

Въ Версалѣ Бестужеву было легче говорить о польскихъ дѣлахъ, потому что онъ имѣлъ дѣло уже не съ Рулье, находившимся подъ вліяніемъ Брольи, а съ новымъ министромъ, извѣстнымъ уже намъ аббатомъ Берни. Бестужеву удалось убѣдить Берни, что нельзя вѣрить всѣмъ вѣстямъ изъ Польши, какъ по характеру Поляковъ, такъ и по характеру Брольи, и при настоящихъ отношеніяхъ нельзя мѣшать существеннаго съ несущественнымъ, прусскаго дѣла съ польскимъ. Въ Петербургѣ Дугласу было рѣшительно объявлено, что требуемая его дворомъ

декларація нисколько не сходна съ достоинствомъ императрицы, что король самъ ясно усмотритъ, если отвергнетъ всякія коварныя внушенія безпокойныхъ людей и положится на добрую вѣру ея величества.

Въ соотвѣтствіе Бестужеву, одновременно былъ отправленъ въ Петербургъ посломъ маркизъ Лопиталь. Бехтѣевъ описывалъ его такъ: «Онъ роста виднаго, чаю за 50 лѣтъ, человѣкъ кажется предобрый, самъ просился въ сіе посольство и съ охотою ѣдетъ къ намъ». Но о дворянахъ посольства Бехтѣевъ отозвался къ Воронцову не очень лестно: «Когда мнѣ ихъ представляли, то я не зналъ, что дѣлать. Не можете повѣрить, какъ мало свѣдущи здѣсь о насъ. Причина тому, что мало или почти никого изъ дворянства здѣшняго у насъ не было, а только подлые или, по меньшей мѣрѣ, самые бѣдные, не выключая и тѣхъ, которые министрами были, и которые за собственную досаду или въ оправданіе своихъ худыхъ поступковъ, сколько можно худыя мнѣнія объ насъ подали, такъ что кромѣ ученыхъ и у дѣлъ находящихся (да и то не всѣ), прочіе Французы, особливо знатные, думаютъ, что Французу у насъ надобно умереть съ голоду и съ холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынуть это затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ, въ которыхъ дворянство здѣсь погружено, и при маломъ понятіи, которое она вообще имѣетъ о другихъ земляхъ» [74].

Между тѣмъ какъ немыслимый прежде союзъ трехъ великихъ континентальныхъ державъ, Россіи, Австріи и Франціи затягивался въ Парижѣ и Петербургѣ, виновникъ этого союза, общій врагъ, Фридрихъ II въ апрѣлѣ мѣсяцѣ открылъ кампанію вторженіемъ своихъ войскъ въ Богемію. Послѣ кровопролитнаго сраженія у Праги уронъ въ обоихъ войскахъ оказался одинаковъ; въ іюнѣ, въ битвѣ при Колинѣ Фридрихъ потерпѣлъ пораженіе, вслѣдствіе чего принужденъ былъ очистить Богемію.

Австрійцы исполнили договоръ, заняли главное прусское войско; надобно было Русскимъ исполнить свое обязательство — войти въ это самое время въ прусскія владѣнія. Въ февралѣ къ фельдмаршалу Апраксину въ Ригу пріѣхалъ австрійскій генералъ С. Андре, назначенный, по договору, состоять при русскомъ войскѣ съ правомъ голоса на военныхъ совѣтахъ. Апраксинъ писалъ о С. Андре: «Что касается до поступковъ сего пріѣзжаго,

то оный изрядныхъ сентиментовъ, немалаго военнаго искусства и постоянный человѣкъ быть видится. Онъ мнѣ изъяснился, что по состоянію, въ какомъ нынѣ непріятель находится, его всемѣрно всею силою въ способное время атаковать надобно, и раздроблять армію отнюдь не надлежитъ, дабы ему надъ корпусами къ поиску способа не подать, ибо онъ привыкъ сперва разбитіемъ отдаленныхъ корпусовъ главную армію въ безсиліе приводить, присовокупя къ тому точно сіи слова, что съ симъ гордымъ непріятелемъ игрушки (разумѣя раздѣленіе корпусовъ) употреблять не надобно, но или силою дѣйствовать, или ничего не употреблять».

Апраксинъ тутъ же узналъ, что гордый непріятель употребляетъ и другія средства, кромѣ разбитія отдѣльныхъ корпусовъ. При главнокомандующемъ въ Ригѣ для секретныхъ дѣлъ находился ассессоръ Веселицкій, родомъ Черногорецъ, который разобралъ шифрованыя письма подполковника лифляндца Блома. Бломъ вслѣдствіе этого былъ схваченъ и показалъ: въ 1753 году онъ хотѣлъ перейти въ прусскую службу и, для полученія отпуска, объявилъ, что въ Пруссіи его ждетъ наслѣдство. Онъ подалъ просьбу Фридриху II, но ему отвѣчали, что принять въ службу его нельзя по причинѣ старости, ибо ему уже 73 года. Когда онъ сбирался уѣхать изъ Потсдама, пришелъ къ нему извѣстный Манштейнъ и удержалъ его; а потомъ капитанъ Винтерфельдъ сдѣлалъ ему предложеніе—не покидая русской службы, быть прусскимъ шпіономъ съ жалованьемъ по 180 червонныхъ. Обязанность его состояла въ присылкѣ извѣстій о русскихъ полкахъ, о рекрутскихъ наборахъ, о разныхъ движеніяхъ войскъ. Письма адресовались въ Берлинъ на имя прокуратора Беренса подъ видомъ, что переписка идетъ по поводу тяжбы о наслѣдствѣ, а вмѣсто Беренса получалъ ихъ Манштейнъ. Когда Бломъ былъ въ Потсдамѣ, то фельдмаршалъ Кейтъ, генералъ Винтерфельдъ и особенно Манштейнъ навѣдывались у него: гдѣ находится принцъ Иванъ, здоровъ ли онъ и не женатъ ли? дѣйствительно ли принцесса Анна умерла, и не было ли вмѣсто нея выставлено тѣло какой-нибудь другой женщины? Живъ ли и здоровъ ли Биронъ? живъ ли Минихъ? Бломъ слышалъ, какъ Кейтъ, Винтерфельдъ, королевскій адъютантъ Будденброкъ и полковникъ Манштейнъ читали письмо на французскомъ языкѣ

полученное Кейтомъ изъ Россіи, гдѣ говорилось, что между знатнѣйшими госпожами въ Петербургѣ происходятъ великія несогласія, что кредитъ канцлера очень упалъ; прибавлено было также извѣстіе о дѣлѣ полковника Олица съ крестьянами [75]. Кейтъ читалъ письмо, закрывши подпись рукою. Кейтъ по увѣренію Блома, почти каждую почту получалъ письма изъ Россіи съ точными извѣстіями о всѣхъ происшествіяхъ. Бломъ въ своей перепискѣ употреблялъ условный языкъ: 50 овецъ означало 50,000 рекрутъ, подъ быками разумѣлась кавалерія и т. п. [76].

Уже въ началѣ года въ Петербургѣ были недовольны медленностію Апраксина. Канцлера Бестужева очень безпокоило это неудовольствіе: значеніе его видимо понизилось, онъ былъ окруженъ сильными и торжествующими врагами; Апраксинъ оставался у него единственный другъ съ важнымъ значеніемъ; успѣхъ Апраксина на войнѣ былъ чрезвычайно выгоденъ для Бестужева; неудача Апраксина лишала канцлера послѣдней опоры; притомъ канцлеръ могъ бояться, что враги припишутъ его внушеніямъ медленность фельдмаршала. Все это заставляло Бестужева торопить Апраксина. Апраксинъ сердился: добрый человѣкъ и уже не молодой (54 лѣтъ), *мирный* фельдмаршалъ, (хотя и казавшійся болѣе воинственнымъ. чѣмъ два другіе мирные фельдмаршалы — Разумовскій и Трубецкой), любившій со всѣми жить дружно и жить покойно, весело и роскошно, Апраксинъ вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ. Онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что дѣло недойдетъ до настоящей войны, что все ограничится такимъ же походомъ, каковы были походы на западъ вспомогательныхъ русскихъ отрядовъ при императрицѣ Аннѣ и недавно при Елисаветѣ, прогулки для возбужденія страха и ускоренія мира. Кромѣ того молодой дворъ былъ противъ войны, а идти на перекоръ наслѣднику престола и его супругѣ далеко не входило въ планы Апраксина, да и пріятель, умница-канцлеръ на сторонѣ молодого двора, и при прощаньи сказалъ, чтобъ въ походъ не выступать до тѣхъ поръ, пока все будетъ къ нему приготовлено. Апраксинъ думалъ, что далеко еще не все приготовлено, что надобно долго и много готовиться, чтобъ успѣшно биться съ первымъ полководцемъ времени и съ его образцово-устроеннымъ войскомъ; хорошо какъ Австрійцы его задержатъ;

если онъ обратится съ главными силами противъ русскаго войска: помогутъ ли тогда Австрійцы? ихъ медленность извѣстна, и теперь двигаются ли они? съ чего же канцлеръ взялъ торопись русское войско къ выступленію въ походъ—зимою, не дождавшись, что тамъ будетъ у прусскаго короля съ Австрійцами? 17 февраля Апраксинъ пишетъ къ Бестужеву въ сильномъ волненіи, говоритъ, что откажется отъ начальства войскомъ, жаловался на Австрійцевъ и оканчивалъ вопросомъ, не перемѣнилъ ли канцлеръ своихъ мнѣній, ибо въ Петербургѣ мнѣнія Бестужева были извѣстны ему, Апраксину и во всемъ согласны съ его собственными. Это письмо Апраксинъ отправилъ съ довѣреннымъ человѣкомъ генералъ-квартермейстеромъ Веймарномъ, чтобъ тотъ хорошенько разведалъ у канцлера, въ чемъ дѣло, зачѣмъ его такъ торопятъ. Бестужевъ отвѣчалъ съ Веймарномъ, что Апраксинъ, по его мнѣнію, не имѣетъ никакихъ причинъ къ неудовольствію. «Понынѣ еще не отказано ни одно ваше представленіе. Были, правда, нѣкоторыя и отчасти строгія понужденія, но ваше превосходительство примѣтить изволите, что и то предавалось всегда въ ваше разсмотрѣніе и волю; а когда вы противу того представляли какія трудности или невозможности, то тотчасъ получали на то согласованіе. Справедливо, не можемъ мы отсюда все такъ видѣть, какъ ваше превосходительство, но сообщать свои мнѣнія тѣмъ не меньше должны. Истинно не имѣетъ здѣсь никто такого кредита, чьи бы мнѣнія и представленія всегда такую скорую апробацію получали. На союзниковъ также жаловаться нельзя: они просятъ, какъ нищіе, милостыни; да, правду сказать, ихъ состояніе и жалостно. О ежели бъ мы на ихъ мѣстѣ были и такія жь отъ нихъ обнадеживанія имѣли, какія еще при вашемъ превосходительствѣ имъ даны, то я смѣло сказать могу, что мы съ ними уже поссорились бы. Но ихъ напротивъ того молчаніе намъ внутренно еще больше выговариваетъ и толь прискорбнѣе, что симъ молчаніемъ не даютъ намъ поводу ни изъясниться, ни оправдаться. А самимъ намъ вызываться истинно не съ чѣмъ. На другое жь я не имѣю иного объявить, какъ крайнее мое прискорбіе, что ваше превосходительство о моихъ сентиментахъ сомнѣваетесь. Они неотмѣнны и прежде моей жизни не отмѣнятся. Поставьте ихъ на пробу. Я самую труд-

ную для соблюденія драгоцѣнной мнѣ вашей дружбы выдержу. А между тѣмъ не буду спокоенъ, пока не увѣрюсь, что ваше превосходительство увѣрены о истинномъ усердіи и преданности, съ коими я есмь.»

Вмѣстѣ съ своимъ письмомъ Бестужевъ послалъ еще письмо великой княгини, въ которомъ она также просила Апраксина не медлить болѣе. Веймарнъ долженъ былъ сказать фельдмаршалу, что письмо великой княгини подлинное, чтобъ онъ ни въ чемъ не сомнѣвался. Апраксинъ сильно разсердился: онъ надѣялся, что получитъ чрезъ Веймарна внушенія отъ Бестужева, согласныя съ его собственнымъ желаніемъ тянуть время, и обманулся, письмо Екатерины отнимало послѣднюю надежду. Но съ надеждами разставаться тяжело человѣку: «Это все канцлеровы финты (выдумки)», сказалъ онъ въ сердцахъ и вынулъ изъ шкатулки другое прежнее письмо Екатерины, сличилъ — одна рука! Дѣлать было нечего больше. Въ отвѣтномъ письмѣ канцлеру онъ отстранялъ недоразумѣніе, происшедшее отъ употреблявшагося тогда иностраннаго слова: *сентиментъ*, которое означало и мнѣніе и чувство; Апраксинъ въ своемъ прежнемъ письмѣ подъ перемѣною сентиментовъ канцлера разумѣлъ перемѣну мнѣній, взглядовъ, а Бестужевъ счелъ это упрекомъ въ перемѣнѣ дружескихъ чувствъ [77].

Только 17 мая Апраксинъ съ главнымъ корпусомъ перешелъ литовскую границу изъ Курляндіи подъ Ямышками и 20 числа былъ въ Шавлѣ. 18 вступилъ въ Литву генералъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ. Кавалерія шла подъ начальствомъ генераловъ Ливена и графа Румянцева. 4 іюня войска вошли въ Ковно и здѣсь оставались до 16 числа, потому что отъ сильныхъ жаровъ стало умножаться число больныхъ; кромѣ того, писалъ фельдмаршалъ, по причинѣ трудныхъ и узкихъ дорогъ многое нужно исправить въ обозахъ и отчасти перемѣнить прежнія распоряженія. 19 іюня почти уже вся армія была за Нѣманомъ, 20 переправился самъ фельдмаршалъ.

Между тѣмъ еще прежде, 18 іюня генералъ Ферморъ, шедшій изъ Либавы, гдѣ присоединились къ нему подвезенные моремъ полки, переступилъ прусскую границу, направляясь къ Мемелю, и 20 числа началъ обстрѣливать этотъ городъ; 24 числа Мемель сдался на условіи, чтобъ гарнизонъ былъ выпущенъ съ оружіемъ.

Въ Царскомъ Селѣ 6 іюля праздновали взятіе Мемеля, отправляли благодарственный молебенъ «за дарованное отъ Всевышняго благословеніе въ самомъ началѣ здѣшнему оружію»; но это благословеніе послано было отряду войска, а главная армія съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ не переступала за границы. 15 іюля Бестужевъ опять долженъ былъ писать Апраксину: «Безпредѣльная моя къ вашему превосходительству откровенность не позволяетъ мнѣ отъ васъ скрыть, коимъ образомъ здѣсь генерально весьма сожалѣютъ, что недостатокъ провіанта вашему превосходительству воспрепятствовалъ въ непріятельскую землю и въ дѣло до сихъ поръ вступить, которымъ обстоятельствомъ господинъ Левальдъ (прусскій фельдмаршалъ) пользуясь, уже ретироваться началъ. Сіе сожалѣніе умножается еще и тѣмъ опасеніемъ, чтобъ онъ между тѣмъ и со всѣмъ изъ Пруссіи не ушелъ, что̀ было бы такою утратою, которая завоеваніемъ Кёнигсберга и цѣлой Пруссіи награждена быть не могла бъ и отъ чего Богъ знаетъ какія толкованія произошли бъ. Совершенное мое къ вашему превосходительству усердіе побуждаетъ меня и то не утаить, что въ день конференціи на вечеръ ея императ. величество, вышедъ въ залу, за отсутствіемъ другихъ, ко мнѣ, къ князь Никитѣ Юрьевичу (Трубецкому), къ Александру Борисовичу (Бутурлину) и къ князь Михаилу Михайловичу (Голицыну) съ великимъ неудовольствіемъ отзываться изволила, что ваше превосходительство такъ долго въ Польшѣ мѣшкаетъ.»

18 іюля идетъ новое письмо отъ канцлера къ фельдмаршалу: «Должность истинно-преданнаго друга требуетъ отъ меня вашему превосходительству хотя съ крайнимъ сожалѣніемъ и въ такой же конфиденціи не скрыть, что, несмотря на всю строгость изданнаго въ народѣ въ вашу пользу запретительнаго указа медлительство вашего марша, слѣдовательно и военныхъ операцій, начинаетъ здѣсь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительныя разсужденія произво̀дить, кои даже до того простираются, что награжденіе обѣщаютъ, кто бы россійскую пропавшую армію нашелъ. Правда, подобныя превратныя толкованія чинятся отъ незнанія встрѣчающихся вашему превосходительству въ томъ затрудненій. Но какъ со всѣмъ тѣмъ они вашему превосходительству всегда вредятъ и вредить могутъ, то я совѣтовалъ бы, несмотря на подавае-

мыя вамъ иногда съ какой другой стороны въ томъ успокоенія, преодолѣвая по возможности случающіяся трудности, вашими маршемъ и операціями ускорять, и тѣмъ самымъ выше изображенныя толкованія пресѣчь и всѣмъ ротъ запереть» [78].

Наконецъ отъ 19 іюля было получено извѣстіе изъ главной арміи, что она съ 14 числа находится при Вержболовѣ въ полумили только отъ прусскихъ границъ и дожидается остальныхъ войскъ, которыя за тѣснотою дорогъ вмѣстѣ идти не могли. При публикованіи этого извѣстія приложены были причины, почему армія двигалась такъ медленно: «Великія препятствія и трудности, кои замедлили походъ нашъ до Ковны, не могутъ никакъ въ сравненіи поставлены быть съ тѣми, кои намъ отъ Ковны до сего мѣста преодолѣвать надлежало. До того мѣста были у насъ съ великими иждивеніями запасенные магазины; а впереди благоразуміе и близость прусскихъ войскъ не дозволили учредить оные. Несносные жары, кои собою походъ чинятъ труднымъ, лишили насъ еще способа получать провіантъ и фуражъ водою, ибо отъ того рѣки такъ обмелѣли, что суда проходить не могутъ. Необходимость была свозить къ арміи провіантъ на обывательскихъ подводахъ, что сколько труда, столько жь и времени требовало.»

20 іюля главная армія перешла прусскія границы и немедленно начались небольшія стычки съ непріятелемъ, а между тѣмъ Ферморъ изъ Мемеля занялъ Тильзитъ и шелъ для соединенія съ фельдмаршаломъ; всего русскаго войска, вошедшаго въ прусскія границы, полагалось по спискамъ до 135,000 человѣкъ, но въ дѣйствительности было гораздо менѣе.

Наконецъ 28 августа жители Петербурга были разбужены въ четыре часа утра пушечною пальбою, насчитали 101 выстрѣлъ: наканунѣ въ 9 часовъ вечера въ Царское село, гдѣ жила императрица, прискакалъ съ трубящими почтальонами курьеръ, генералъ-майоръ Петръ Ив. Панинъ, привезъ извѣстіе о большей побѣдѣ, одержанной 19 августа русскимъ войскомъ надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ на берегахъ Прегеля при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфъ. Апраксинъ такъ описывалъ дѣло.

17 числа непріятель занялъ лѣсъ не далѣе мили отъ русской арміи съ намѣреніемъ мѣшать дальнѣйшему движенію Русскихъ и три дня сряду показывалъ видъ, что хочетъ на-

пасть на нихъ. 19 числа въ пятомъ часу по полуночи, когда Русскіе начали выступать въ походъ и проходили черезъ лѣсъ, непріятель также началъ выступать изъ лѣсу и приближаться къ русскимъ полкамъ въ наилучшемъ порядкѣ при сильной пушечной пальбѣ; и черезъ полчаса, приблизясь къ русскому фронту напалъ «съ такою фуріею сперва на лѣвое крыло, а потомъ и на правое, что писать нельзя.» Огонь изъ мелкаго ружья безпрерывно съ обѣихъ сторонъ продолжался около трехъ часовъ. «Я признаться долженъ, писалъ Апраксинъ, что во все то время, не взирая на мужество и храбрость такъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ и всѣхъ солдатъ, и на великое дѣйство новоизбрѣтенныхъ графомъ Шуваловымъ секретныхъ гаубицъ (которыя толикую пользу приносятъ, что конечно за такой его трудъ онъ вашего императ. величества высочайшую милость и награжденія заслуживаетъ), о побѣдѣ ничего рѣшительнаго предвидѣть нельзя было, тѣмъ паче, что вашего императ. величества славное войско, находясь въ маршѣ, за множествомъ обозовъ не съ такою способностію построено и употреблено быть могло, какъ того желалось и постановлено было.» Несмотря на то непріятель разбитъ, разсѣянъ и прогнатъ легкими войсками чрезъ рѣку Прегель до прежняго его лагеря подъ Велау. Такой жестокой битвы еще не бывало въ Европѣ по свидѣтельству иностранныхъ волонтеровъ, особенно австрійскаго фельдмаршала-лейтенанта С. Андрэ. Съ нашей стороны уронъ еще неизвѣстенъ; но считается между убитыми командовавшій лѣвымъ крыломъ генералъ Василій Лопухинъ, о которомъ Апраксинъ безъ слезъ вспомнить не могъ, генералъ-поручикъ Зыбинъ и бригадиръ Капнистъ; ранены генералъ-лейтенанты Юрій и Матвѣй Ливены и Матвѣй Толстой; генералъ-майоры — Дебоскетъ, Вильбуа, Мантейфель, Веймарнъ и бригадиръ Племянниковъ; но всѣ неопасно. Непріятель потерялъ 8 пушекъ, три гаубицы и 18 полковыхъ пушекъ, плѣнныхъ у него взято болѣе 600 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 оберъ-офицеровъ, дезертеровъ приведено болѣе 300 человѣкъ. О присланномъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ генералъ-майорѣ Панинѣ, Апраксинъ писалъ, что онъ былъ при немъ вовсе время похода дежурнымъ генераломъ, несъ великіе труды и много помогалъ ему фельдмаршалу во время сраженія: куда самъ фельдмаршалъ поспѣть не

могъ, всюду посылалъ Панина для уговариванія и ободренія людей, такъ что тотъ находился въ самомъ сильномъ огнѣ «да и со временемъ, прибавляетъ Апраксинъ, по смѣлости и храбрости его великимъ генераломъ быть можетъ; словомъ сказать, всѣ вашего императ. величества подданные въ ввѣренной мнѣ арміи при семъ сраженіи всякій по своему званію такъ себя вели, какъ рабская должность природной ихъ государынѣ требовала. Волонтеры, а именно, князь Репнинъ и графъ Брюсъ и Апраксинъ ревностью и неустрашимостью своею такожъ себя отличали, и потому повергая весь генералитетъ (особливо всѣхъ молодыхъ генераловъ, кои истинно весьма храбро поступали и въ такомъ огнѣ были, что подъ инымъ лошади по двѣ убито или ранено, а генералъ-майоръ Вильбуа хотя и раненъ былъ въ головѣ, однако до окончанія всего дѣла съ лошади не сошелъ, и обрѣтающагося при мнѣ волонтеромъ голштинской его императ. высочества службы поручика Надастія, который такъ смѣлъ и храбръ и толикую къ службѣ охоту имѣетъ, что не токмо во всѣхъ партіяхъ и при авангардѣ находился, но и вездѣ отлично и неустрашимо поступалъ), такожъ штабъ и оберъ-офицеровъ и все войско къ монаршескимъ вашего импер. величества стопамъ, препоручаю всевысочайшей матерڅнской щедрости. Чужестранные волонтеры, въ началѣ римско-императорской генералъ-фельдмаршалъ лейтенантъ баронъ С. Андрэ съ находящимися при немъ штабъ-и оберъ-офицерами весьма себя отличилъ, французскіе полковники Фитингофъ, особливо же Лопиталь и саксонскій полковникъ Ламсдорфъ съ ихъ офицерами такожъ поступками своими храбрыми не малую похвалу заслужили. Что жь до меня принадлежитъ, то я такъ какъ предъ самимъ Богомъ вашему величеству признаюсь, что я въ такой грусти сперва находился, когда съ такою фуріею и порядкомъ непріятель насъ въ маршѣ аттаковалъ, что я за обозами вдругъ не съ тою пользою вездѣ дѣйствовать могъ, какъ расположено было, что я въ такой огонь себя отваживалъ, гдѣ около меня гвардіи сержантъ Курсель убитъ и гренадеръ два человѣка ранено, вахмейстеръ гусарскій убитъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ и гусаръ ранено жь, такожъ и подо мною лошадь, однимъ словомъ въ толикой былъ опасности, что одна только Божія десница меня сохранила, ибо я хотѣлъ лучше своею кровію вѣрность свою запечатать, чѣмъ неудачу какую видѣть [79]».

По характеру нашего сочиненія мы не можемъ входить въ подробности военныхъ дѣйствій; но мы не можемъ не упомянуть о разсказѣ очевидца Болотова, гдѣ объясняется и пополняется реляція главнокомандующаго. Но при этомъ мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ разсказомъ девятнадцати-лѣтняго офицера, написаннымъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ дѣйствій Апраксина. Самъ Болотовъ предостерегаетъ читателей: «Я напередъ вамъ признаюсь, что мнѣ самому въ подробности всѣ притомъ бывшія обстоятельства неизвѣстны, хотя я дѣйствительно самъ притомъ былъ и все своими глазами видѣлъ. Да и можно ли такому маленькому человѣку, каковъ я тогда былъ, знать всѣ подробности, происходившія въ арміи, и когда мнѣ, бывшему тогда по случаю ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и отъ роты своей ни на шагъ отлучиться было никуда не можно. Армію въ походѣ неинако, какъ съ великимъ и многонароднымъ городомъ сравнить можно, въ которомъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу, конечно, всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается.»

Несмотря на сознаніе, что ему, какъ маленькому человѣку, нельзя было всего видѣть и знать, Болотовъ охотно повторяетъ враждебные толки и слухи объ Апраксинѣ, да и вообще смотритъ непріязненно почти на всѣхъ *командировъ*. Особенно въ непріятномъ свѣтѣ выставляется одинъ изъ генералъ-аншефовъ, Георгій Ливенъ: «Ливенъ войсками не командовалъ, а находился при свитѣ фельдмаршальской и приданъ былъ ему для совѣта и власно какъ въ дядьки: странный поистинѣ примѣръ! Какъ бы то ни было, но онъ имѣлъ во всѣхъ операціяхъ военныхъ великое соучастіе; мы не покрылись бы толикимъ стыдомъ предъ всѣмъ свѣтомъ, еслибъ не было при насъ сей умницы и сего мнимаго философа».

Болотовъ согласно съ реляціею разсказываетъ, что русская армія выступала въ дальнѣйшій походъ, ибо не было никакой надежды заставить непріятеля вступить въ битву; но Прусаки воспользовались движеніемъ Русскихъ и соединеннымъ съ нимъ безпорядкомъ вслѣдствіе обоза и неровности почвы и напали нечаянно, не давши Русскимъ времени выстроиться. Непріятели, говоритъ Болотовъ, имѣли несравненно болѣе выгодъ, нежели наши. Ихъ аттака ведена была порядочнымъ образомъ, лучшими

полками и людьми и по сдѣланной напередъ и правильно наблюдаемой диспозиціи. Артиллерія ихъ дѣйствовала какъ надобно; а весь тылъ у нихъ былъ открытъ и подкрѣпленъ второю линіею и резервами, изъ которыхъ имъ ничто не мѣшало весь уронъ въ первой сражающейся линіи вознаграждать ту же минуту свѣжими людьми; такую же возможность имѣла они снабжать дерущихся нужными припасами и порохомъ. Что касается нашихъ, то, вопервыхъ, диспозиціи напередъ никакой не было сдѣлано, да и некогда было дѣлать; вовторыхъ, людей съ нашей стороны было гораздо меньше, чѣмъ съ непріятельской: у нихъ дралась цѣлая линія, а у насъ едва только одиннадцать полковъ могли вытянуться. Къ несчастію, и эти немногіе люди были связаны по рукамъ и ногамъ: вопервыхъ, съ нами не было нужной артиллеріи, кромѣ малаго числа полковыхъ пушекъ и шуваловскихъ гаубицъ, и что можно было изъ нихъ сдѣлать, когда большую половину ихъ ящиковъ и снарядовъ за лѣсомъ провезти было нельзя? вовторыхъ, прижаты они были къ самому лѣсу такъ, что позади себя никакого простора не имѣли; въ третьихъ, помощи и на мѣсто убитыхъ свѣжихъ людей получить было неоткуда: большая часть арміи была хотя не въ дѣйствіи, но стояла за лѣсомъ и въ такихъ мѣстахъ, откуда до нихъ дойти было нельзя.

Несмотря на всѣ эти невыгоды, русскіе полки стояли твердо какъ стѣна; цѣлые два часа удерживали они натискъ непріятеля. Наконецъ большая часть ихъ была побита и переранена. Ряды рядѣли; офицеровъ почти никого не было, не стало и пороху. Въ такой крайности подвинулись они поближе къ лѣсу, но этимъ еще больше испортили дѣло: непріятель подумалъ, что они отступаютъ и бросился на нихъ съ удвоеннымъ жаромъ. Генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, какъ ни уговаривалъ солдатъ къ храброй оборонѣ, не могъ ничего сдѣлать; израненный онъ попалъ въ руки прусскихъ гренадеръ, но русскіе гренадеры бросились и выхватили начальника только для того, чтобъ онъ умеръ среди своихъ. Тогда русскіе полки, находившіеся за лѣсомъ, наскучивши стоять безъ дѣла въ то время когда товарищи ихъ погибали, вздумали пойти *или можетъ быть посланы были* продираться кое-какъ сквозь лѣсъ и выручать своихъ. Густота лѣса была такъ велика, что съ нуж-

дою и одному человѣку продраться было можно; несмотря на то, полки, покинувъ затруднявшіе ихъ пушки и патронные ящики, бросились на голосъ погибающихъ товарищей. Тогда все перемѣнилось: свѣжіе полки, давши залпъ, съ крикомъ бросились въ штыки на непріятеля, который дрогнулъ, хотѣлъ было построиться получше, но уже было некогда: Русскіе сѣли ему на шею, по выраженію Болотова, и не дали ни минуты времени; Прусаки, начавшіе было сперва отступать правильно, скоро побѣжали безъ всякаго порядка.

Болотовъ упрекаетъ Апраксина за то, что фельдмаршалъ въ донесеніи своемъ хвалитъ однихъ волонтеровъ да иностранцевъ и умолчалъ о человѣкѣ, ведшемъ себя дѣйствительно погеройски, полковника Языкова, который, несмотря на раны, съ полкомъ своимъ выдержалъ весь огонь и удержалъ чрезвычайно важный постъ, отбивъ непріятеля. Мы видѣли, что Апраксинъ особенно выставилъ генерала Петра Ив. Панина; но въ разсказѣ самого Болотова останавливаетъ насъ любопытное мѣсто, гдѣ говорится, какъ нѣсколько полковъ продрались сквозь лѣсъ на помощь къ своимъ, не могшимъ болѣе выдерживать непріятельскій натискъ, и обратили въ бѣгство Прусаковъ. У Болотова встрѣчаемъ странныя выраженія: «полки вздумали пойти или можетъ быть посланы были.» Неужели нельзя было узнать самаго важнаго дѣла—кто первый вздумалъ, кто первый сдѣлалъ движеніе? Если авторъ нехотя сказалъ: «или можетъ быть посланы были», то почему не договорилъ, что послать ихъ и самъ съ ними идти долженъ былъ ихъ генералъ графъ Румянцевъ. Сказать это, какъ видно, было очень тяжело «маленькому человѣку», который очень неосторожно выказываетъ свое стараніе отнять у *командировъ* всякое участіе въ успѣхѣ дѣла: «баталія была столь стѣсненная и спутанная, толкуетъ онъ, что никому изъ командировъ ничего сдѣлать было не можно.» Но одинъ командиръ погибъ, исполняя свою обязанность; а другой, двинувъ свѣжіе полки изъ лѣса, далъ побѣду. Неужели Болотовъ, освѣдомляясь о подробностяхъ битвы, не освѣдомился объ одномъ: гдѣ былъ генералъ Румянцевъ въ то время, когда его полки выигрывали Гросъ-Егерсдорфскую побѣду?

Любопытно, что Болотовъ, упрекая Прусаковъ за невѣрныя описанія битвы, хвалитъ самого короля Фридриха II, который,

по его словамъ, «говоритъ всѣхъ прочихъ справедливѣе и описываетъ баталію почти точно такъ какъ она происходила», кромѣ уменьшенія потерь съ прусской стороны и показанія числа войска бывшаго у Левальда. Но Фридрихъ II вотъ что говоритъ въ своихъ запискахъ о Гросъ-Егерсдорфской битвѣ: «Левальдъ атаковалъ лѣсъ, гдѣ находились русскіе гренадеры; эти гренадеры были разбиты и почти всѣ истреблены; но имъ на помощь Румянцевъ двинулъ 20 батальоновъ второй русской линіи; онъ ударилъ во флангъ и въ тылъ прусской пѣхоты, которая принуждена была отступить.»

Апраксинъ оканчивалъ свое донесеніе о побѣдѣ словами: «Теперь мнѣ болѣе не остается, какъ неусыпное стараніе приложить о вящихъ прогрессахъ для достиженія всевысочайшаго намѣренія.» Но въ Петербургѣ не дождались отъ него извѣстій о вящихъ прогрессахъ.

Отъ 13 сентября коллегія иностранныхъ дѣлъ получила такой указъ: «Послѣ одержанной въ 19 день минувшаго мѣсяца надъ прусскою арміею побѣды, армія наша немедленно далѣе маршировала, и такъ, что къ Алленбургу приближалась въ такомъ намѣреніи, чтобъ вторичную дать баталію; но непріятель, несмотря на свое весьма выгодное и весьма крѣпкое за рѣкою Аломъ положеніе, не отважился обождать атаки, но паче скоропостижно подъ пушки Кёнигсберга ретировался, оставляя всюду знаки крайняго и безпримѣрнаго свирѣпства надъ собственными своими подданными и лишая оныхъ послѣдняго пропитанія. А какъ потому нашей побѣдоносной арміи въ дальнемъ маршѣ недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ причиненъ, да отъ того и подвозъ онаго труденъ сталъ, то нашъ генералъ-фельдмаршалъ Апраксинъ за нужное разсудилъ вмѣсто того, чтобъ дальнѣйшимъ въ разоренную землю вступленіемъ извѣстному голоду подвергнуть армію, поворотиться на время ближе къ магазинамъ лежащимъ по рѣкѣ Нѣману, дабы тамъ оставя больныхъ и прочія въ походѣ обезпокоивающія тягости, вновь съ лучшимъ успѣхомъ продолжать свои операціи, какъ то самымъ дѣломъ вскорѣ доказано будетъ. Коллегія иностранныхъ дѣлъ имѣетъ сіе прямое состояніе дѣлъ въ Пруссіи какъ союзнымъ съ нами дворамъ, такъ и вездѣ гдѣ надлежитъ толь паче дать знать, что съ прусской стороны конечно оставлено не будетъ тому совсѣмъ другое истолкованіе сдѣлать».

Отъ 25 сентября другой указъ: «Мы имѣли причину надѣяться, что генералъ-фельдмаршалъ Апраксинъ конечно не замедлитъ возобновить свои операціи; мы тогдажь наикрѣпчайше подтвердили ему ускорить оными. Но къ крайнему нашему сожалѣнію получили мы новое отъ него доношеніе, что армія наша, прибывъ къ Тильзиту, хотя и снабдила себя двунедѣльнымъ провіантомъ, однакожь помянутый нашъ фельдмаршалъ тѣмъ не меньше принужденнымъ себя видѣлъ чрезъ рѣку Нѣманъ переправиться, дабы отъ такихъ мѣстъ ближе быть, гдѣ армію удобнѣе бъ на зимнія квартиры расположить можно было. Причины, побудившія къ сему новому намѣренію, такъ важны, что непризнаваемы быть не могутъ. Армія наша по претерпѣніи сперва въ походѣ такихъ великихъ безпрестанно жаровъ, какимъ въ здѣшнемъ климатѣ примѣра не бывало, вдругъ подвержена была въ весьма низкой землѣ претерпѣвать съ четыре недѣли и паки непрестанно продолжавшіеся дожди. Легко притомъ можно разсудить, что въ такомъ случаѣ болѣзни не могли какъ весьма умножиться, а число слабыхъ и крайне велико быть. Конница, которая съ начала весны ведена была съ Украйны и другихъ отдаленныхъ мѣстъ и такой маршъ сдѣлала, которому въ другихъ мѣстахъ конечно примѣра нѣтъ, имѣла уже и тѣмъ однимъ изнурена быть; но къ большему несчастію извѣстнымъ образомъ въ нынѣшнемъ году недостатокъ фуража и въ самой Польшѣ почти генеральнымъ былъ, и по вступленіи въ Пруссію сей недостатокъ столь умножился, что часто посыланными больше какъ за 20 верстъ фуражирами не найдено совсѣмъ ничего онаго. Легко потому разсудить, каково имѣетъ быть состояніе помянутой конницы и что дальнѣйшее ея въ истощенной землѣ пребываніе было бы извѣстною ея только погибелью безъ всякой напротивъ того уповаемой пользы. Сверхъ всего того хотя и нѣтъ недостатка въ провіантскихъ магазинахъ, однакожь по мѣрѣ удаленія отъ оныхъ арміи становится крайне труднымъ или и весьма невозможнымъ подвозъ изъ оныхъ. При такомъ состояніи дѣлъ справедливо могъ нашъ фельдмаршалъ разсудить, что не токмо для насъ, но и для самихъ союзниковъ нашихъ несравненно полезнѣе сохранить къ будущей кампаніи изрядную армію, нежели напрасно подвергать оную такимъ опасностямъ, которыя ни храбростію, ни мужествомъ, ни человѣческими си-

лами отвращены быть не могутъ. Мы знаемъ, что съ прусской стороны будетъ всему тому учинено другое истолкованіе, и, можетъ быть, самымъ индиферентнымъ ни покажется сіе обыкновенно, что побѣдоносная армія оставляетъ побѣжденному непріятелю завоеванную у него землю: но вѣдая напротивъ того, что прямая тому причина недостатокъ фуража и крайняя трудность въ пропитаніи арміи, и что не оставляется непріятелю такихъ мѣстъ, откуда бъ онъ могъ воспрепятствовать и паки въ земли его вступить, могли бъ совершенно спокойны быть, какія бы при томъ съ прусской стороны разглашенія ни были, толь паче, что мы увѣрены, что союзники наши не будутъ притомъ сомнѣваться о непоколебимостя нашихъ намѣреній и непремѣнномъ желаніи съ ними содѣйствовать. Но великодушіе наше и прямое союзническое о интересахъ ихъ попеченіе превышаетъ всѣ вышеизображенныя уваженія, почему мы, сколь скоро сіе послѣднее намъ непріятное извѣстіе получили, что нашъ фельдмаршалъ и Нѣманъ рѣку переходить намѣренъ, то еще повелѣли ему всевозможное въ дѣйство употребить, дабы удержать себя въ Пруссіи и, буде случай будетъ, непріятеля атаковать»[80].

Но повелѣніе не было исполнено. 28 сентября въ арміи держокъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отступить за Нѣманъ. Посылая въ Петербургъ журналъ военнаго совѣта, Апраксинъ писалъ отъ 30 сентября[81]: «Суровость времени и недостатокъ въ здѣшней землѣ провіанта и фуража, равно какъ изнуренная совсѣмъ кавалерія и изнемогшая пѣхота суть важнѣйшими причинами, кои меня побудили, для соблюденія ввѣренной мнѣ арміи, принять резолюцію чрезъ рѣку Нѣманъ перебраться и къ своимъ границамъ приближиться. Сіе самое препятствіемъ было надъ побѣжденнымъ непріятелемъ дальнѣйшіе прогрессы производить. Онъ хотя по учиненной съ моей стороны при Алѣ рѣкѣ стратажемѣ въ лѣвую руку къ Аленбургу, не обождавъ ни перехода съ арміею чрезъ рѣку, ниже атаки, изъ виду и ретировался, однако не совсѣмъ побѣжалъ, но для того только сію ретираду учинилъ, чтобъ, опасаясь моего прямо къ Кенигсбергу чрезъ Аленбургъ слѣдованія, лучшее и крѣпчайшее мѣсто, каковыхъ у него отъ рѣки Алы до Кенигсберга нѣсколько заготовлено, занять и проходу моему тѣмъ болѣе препятствовать могъ. По такой его ретирадѣ увѣдомясь запод-

линно о положеніи укрѣпленныхъ до Кенигсберга мѣстъ, взятіе которыхъ много людей стоило бъ, и явившееся оскудѣніе запаснаго провіанта, паче же недостатокъ фуража въ истощенной непріятелемъ землѣ, ибо въ Кенигсбергѣ шефель муки по семи талеровъ продавался, съ общаго согласія всего генералитета поворотъ учиненъ къ Тильзиту въ такомъ намѣреніи, чтобъ исправясь тамо, паки впередъ подвинуться. Но нашедъ въ Тильзитѣ многія главнѣйшія и человѣческимъ разумомъ непреодолимыя препятствія, отъ рановременныхъ по здѣшнему климату ненастей и морозовъ, и не могучи воли Божіей противиться, съ наичувствительнѣйшимъ моимъ и всего генералитета сокрушеніемъ, не въ сходство высочайшаго вашего величества намѣренія и въ противность нашего искреннѣйшаго желанія поступить и сіе къ границамъ приближеніе за лучшій къ соблюденію арміи способъ тѣмъ паче избрать принужденъ былъ, что удержавъ Тильзитъ и рѣку Нѣманъ, такожъ расположа армію въ сей завоеванной Пруссіи, такъ отъ недостатка провіанта и фуража, какъ и отъ раздѣленія по частямъ арміи для сбереженія завоеванныхъ мѣстъ конечная погибель всему войску нанесена была бъ. Не взирая на то, что въ Мемелѣ провіанта довольно, котораго доставленіе къ арміи невозможно ни гафомъ, ни сухимъ путемъ: гафомъ, потому что на десяти галерахъ и прочихъ мелкихъ судахъ, кои къ тому способными найдены и во всей той сторонѣ собраны быть могли, умалчивая о томъ затрудненіи, что чрезъ Шварцеръ-ортъ за мелью всякую галеру выгрузя перетаскивать надобно, не болѣе 1500 четвертей уложиться можетъ, а сухимъ путемъ за крайнею въ здѣшней землѣ и Жмудахъ въ осеннее время по низкости ситуаціи распутицею ничего подвозить нельзя, рѣкою же Нѣманомъ за кривымъ теченіемъ оной и многими мелями, по причинѣ которыхъ отъ большей части къ непріятельскому берегу вверхъ по рѣкѣ плыть и приставать должно, весьма опасно. Что же принадлежитъ до добровольнаго здѣшнихъ обывателей подверженія въ подданство вашего величества, то принятое ими намѣреніе принужденнымъ почесть должно, какъ то дѣйствительно и оказалось, ибо многіе только что успѣли присягу принести и тѣмъ себя обнадежить, тотчасъ противъ насъ и вооружились, да иначе и ожидать нельзя, ибо должность къ природному государю натурально ихъ

на то влечетъ, а сверхъ того всѣмъ обывателямъ, особливо же въ городахъ живущимъ, отъ начальства повелѣно, себя разоренію не подвергая, оружію вашему покориться, истолковавъ имъ притомъ, что чинимая по такой крайности присяга безъ угрызенія совѣсти всегда нарушена быть можетъ».

Сильные вопли французскаго и австрійскаго пословъ противъ Апраксина, жалобы на него генерала С. Андрэ заставляли посылать къ нему грозные указы. Апраксинъ писалъ императрицѣ 6 октября: «Высочайшій указъ, мною вчерась полученный что больше я читалъ, толь болѣе умножался во мнѣ трепетъ и отчаяніе. Севодни собранному для держанія совѣта всему генералитету я при объявленіи того указа принялъ дерзновеніе предложить, ежели они примѣчаютъ, что я есть настоящимъ препятствіемъ подачи ихъ свободныхъ въ совѣтахъ мнѣній или причиною къ неисполненію вашихъ высокихъ мнѣ повелѣній, то чтобъ они приговорили не только отъ меня главную команду кому принять, но и шпагу свою ихъ присутствію отдавалъ; но они во мнѣ никакого къ тому преступленія не нашли и отъ того отреклись».

Между тѣмъ генералу Фермору, которому болѣе другихъ довѣряли, послано было въ Мемель приказаніе отвѣчать откровенно по пунктамъ о положеніи арміи и о дѣйствіяхъ фельдмаршала. Ферморъ отвѣчалъ 14 октября: «Какъ предъ Богомъ вашему импер. величеству по сущей правдѣ на повелѣнные пункты своеручнымъ письмомъ рабски доношу: 1) до баталіи за 12 дней армію людьми нашелъ я въ добромъ состояніи, а лошадей подъ кавалеріею и артиллеріею и полковыми тягостями уже въ слабомъ состояніи; по наступившимъ же дождямъ и великимъ грязямъ день отъ дня въ совершенную худобу пришли, а по прибытіи къ рѣкѣ Алѣ уже и валиться начали; нынѣ же отъ дальняго и труднаго похода и ненастливой погоды какъ люди большею частію въ немалой слабости, а лошади въ негодности находятся, и затѣмъ съ желаемымъ успѣхомъ военныхъ операцій произвесть невозможно. 2) Причины отступленія арміи къ ея магазинамъ суть слѣдующія: недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи, и хотя бъ непріятель вторично разбитъ и Кенигсбергъ взятъ былъ, то не имѣя готовыхъ магазиновъ войска пропитать нечѣмъ было, а въ такомъ противномъ случаѣ

аще бы подъ закрытіемъ прусскаго войска блокада города продолжалась, то бъ за недостаткомъ принуждены были отступить и тѣмъ полученную славу умалить. 3) Армію на зимнія квартиры въ непріятельской землѣ расположить, пока непріятельская армія совсѣмъ разбита или прогнана не будетъ, способовъ представить не можно, кромѣ предпринятыхъ по крайнему разумѣнію отъ всего генералитета»[82].

Но вопли французскаго и австрійскаго министровъ противъ Апраксина не уменьшались, и несмотря на объясненія Фермора рѣшено было смѣнить фельдмаршала и отдать главное начальство тому же Фермору, который заявлялъ свое участіе и сочувствіе распоряженіямъ Апраксина, какъ сдѣланнымъ съ общаго согласія всего генералитета. 16 октября иностранной коллегіи данъ былъ указъ для сообщенія министрамъ союзныхъ дворовъ: «Предпріятая единожды безъ указу нашимъ генераломъ фельдмаршаломъ Апраксинымъ ретирада тѣмъ больше непріятныя произвела по себѣ слѣдствія, что мы оной предвидѣть и потому и предупредить не могли, наступившее же нынѣ паче всѣхъ лѣтъ толь рано суровое и почти самое уже зимнее время дѣлаетъ безплодными всѣ наши усиленія поправить ихъ въ скорости. Сверхъ натурально великаго прискорбія видѣть такое предпріятіе замедленнымъ и на время весьма остановленнымъ, которое, казалось, не могло не имѣть пожеланнаго успѣха, мы чувствуемъ отъ того еще большее огорченіе, что 1) операція нашей арміи генерально не соотвѣтствовала нашему желанію, ниже тѣмъ декларaціямъ и обнадеживаніямъ, кои мы учинили нашимъ союзникамъ — замедлившееся окончаніе кампаніи наградить скоростію и силою воинскихъ дѣйствъ. 2) Что, положась на доношеніе нашего фельдмаршала, свѣту объявили, что поворотъ нашей арміи къ магазинамъ дѣлается только на время и операціи вновь съ лучшимъ успѣхомъ начнутся, и что наконецъ 3) рескриптомъ нашимъ отъ 25 числа минувшаго мѣсяца вновь подали мы союзникамъ нашимъ надежду, что армія наша всевозможное употребитъ въ Пруссіи себя удержать, и, если случай будетъ, непріятеля атаковать. Происшествіе показало, что ни то, ни другое сдѣлаться не могло. Какъ бы ни было, наше намѣреніе тѣмъ не менѣе твердо и непоколебимо отъ соглашенныхъ мѣръ ни мало не отступать, и какъ къ сему наиглавнѣйше принадлежитъ испытать пря-

мыя причины, отъ чего походъ нашей арміи сперва медлителенъ былъ, а потомъ оная и весьма ретироваться принуждена была, дабы потому толь надежнѣе потребныя мѣры взять можно было, то мы за нужно разсудили команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить оную генералу Фермору, а его (Апраксина) сюда къ отвѣту позвать» [83].

Это заявленіе должно было успокоить вѣнскій дворъ; но въ концѣ года было еще непріятное объясненіе у Кейзерлинга съ Кауницемъ. Въ ноябрѣ Кейзерлингъ получилъ рескриптъ императрицы, повелѣвавшей ему сообщить австрійскому правительству жалобы православныхъ сербовъ на гоненія за вѣру. Кейзерлингъ началъ свой разговоръ съ Кауницемъ о томъ, что хотя русская императрица всегда удаляется отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла чужихъ государствъ, однако она не можетъ не ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ, терпящихъ нужду и притѣсненія. Она увѣрена, что императрица-королева объ этомъ не знаетъ, и потому онъ, Кейзерлингъ долженъ сообщить канцлеру: 1) въ 1754 году въ Кроаціи и прочихъ областяхъ публиковано, чтобъ всѣ исповѣдающіе греческій законъ оставили его и приняли римско-католическую вѣру, въ противномъ случаѣ будутъ осуждены на висѣлицу и четвертованіе. 2) Греческій законъ и исповѣдающихъ его поносятъ самымъ безчестнымъ образомъ, называютъ ихъ невѣрными и отпадшими: но такъ называютъ язычниковъ, а не людей, вѣрующихъ во Христа и Его апостоловъ. 3) Командующій въ Кроаціи, Далмаціи и Трансильваніи графъ Петацы отнялъ у греческихъ прихожанъ Архангеломихайловскій монастырь, отъ чего воспослѣдовало 4) что Сербы лишены исповѣди и св. причастія и принуждены жить въ отчаяніи. 5) Неуваженіе къ святѣйшимъ вещамъ простирается такъ далеко, что нѣкоторые католики во время освященія св. евхаристія въ греческихъ церквахъ взлезаютъ на алтарь и дѣлаютъ всякія непристойности, а въ кадильницы кладутъ вовсе неблаговонныя вещи. 6) Службу Божію часто останавливаютъ, приходятъ въ церкви съ заряженными ружьями, стрѣляютъ и такимъ образомъ заставляютъ прихожанъ покидать храмы. 7) Оскверняютъ храмы, позволяя себѣ въ нихъ такія дѣла, которыя и въ законныхъ супружествахъ не дозволяются. 8) Стараются всякими мѣрами привлечь православныхъ къ принятію уніи: тѣ,

которые непоколебимы въ своемъ законѣ, принуждены оставить женъ, дѣтей, имѣніе, или подвергнуться смертной казни, какъ государственные преступники.

Кауницъ отвѣчалъ на это письменно: «Мнѣніе господина посла о томъ, что жалобы на притѣсненія людей греческаго исповѣданія не достигли къ престолу нашей государыни, совершенно справедливо; но по этой самой причинѣ означенныя жалобы подозрительны, потому что съ священнымъ между государемъ и подданными союзомъ согласнѣе, чтобъ обиженные прежде прибѣгали къ своему природному государю и отъ него ожидали прекращенія своимъ бѣдамъ. Императрица королева велѣла развѣдать о дѣлѣ, и жалобы оказались совершенно ложными, такъ что само греческое духовенство пришло въ изумленіе и разсердилось. Безбожные люди утруждаютъ этими жалобами императрицу всероссійскую только для того, чтобъ въ наслѣдныхъ земляхъ императрицы-королевы возбудить непослушаніе и безпокойство и, если возможно, разстроить тѣсный союзъ между обоими императорскими дворами»[84].

Въ началѣ года англійское министерство все еще толковало о томъ, отъ чего бы Россіи не быть посредницею между Австріею и Пруссіею. Русскій посланникъ, князь Александръ Голицынъ сообщилъ своему двору о разговорѣ своемъ съ графомъ Голдернесомъ: «Я не могу надивиться, началъ Голдернесъ, что при вашемъ дворѣ такъ неблагосклонно принимается предложеніе взять на себя посредничество между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами: вѣдь этотъ поступокъ не можетъ означать ничего другого, кромѣ полнаго довѣрія къ вашей императрицѣ».— «Если ея императ. величество уже разъ объявила, отвѣчалъ Голицынъ, что она намѣрена точно и вѣрно выполнить обязательства, заключенныя съ императрицею-королевою, то возобновленіе предложенія со стороны кавалера Уильямса безъ сомнѣнія должно былъ показаться при нашемъ дворѣ гораздо страннѣе, чѣмъ отверженіе медіаціи должно было показаться при вашемъ. Ясно, что это предложеніе происходитъ не отъ дружескаго довѣрія прусскаго короля, но отъ желанія выиграть время и чѣмъ-нибудь возбудить недовѣріе между союзными дворами, при чемъ употреблены и угрозы, что иначе король прусскій немедленно нападетъ на русскія войска. Такія неприличныя угрозы чрезвы-

чайно удивительны, если принять во вниманіе, съ одной стороны, благополучное состояніе Россійской имперіи, а съ другой, что эти угрозы получаются чрезъ великобританскаго посла».— Тутъ Гольдернесъ перебилъ Голицына: «Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, сказалъ онъ, я съ вами совершенно согласенъ, и могу прибавить, что Уильямсъ поступилъ такимъ образомъ не только не по указу отсюда, но въ послѣднихъ депешахъ своихъ запирается, что никогда никакихъ угрозъ не передавалъ. Впрочемъ каждый дворъ можетъ судить своихъ министровъ только по ихъ собственнымъ доношеніямъ, и такъ какъ Уильямсъ очень слабаго здоровья и петербургскій климатъ ему положительно вреденъ, то было бы безчеловѣчно держать его долѣе при русскомъ дворѣ».

Голицыну велѣно было распространяться при всякомъ удобномъ случаѣ о жестокостяхъ, которыя прусскія войска позволяютъ себѣ въ Саксоніи и прибавлять, что Фридрихъ II со временемъ можетъ въ этомъ раскаяться, ибо онъ грабительствами своими уже напередъ оправдалъ все то, что можетъ случиться въ его владѣніяхъ отъ нерегулярныхъ русскихъ войскъ; впрочемъ что бы ни случилось, едва ли козаки и калмыки сравняются въ свирѣпости съ прусскими солдатами. По поводу этихъ повелѣній Голицынъ писалъ въ Петербургъ: «Безъ сомнѣнія здѣсь удивляться не будутъ, если русскія нерегулярныя войска сдѣлаютъ въ Пруссіи что-нибудь несогласное съ воинскою дисциплиною; здѣшняя публика мало заботится о разореніи прусскихъ областей, лишь бы только прусскій король имѣлъ успѣхъ противъ Австрійцевъ, защищалъ Ганноверъ и наконецъ могъ дѣйствовать противъ Франціи, а для прусскихъ военныхъ успѣховъ гораздо важнѣе содержать войско на счетъ Саксоніи, чѣмъ сохранить отъ разоренія нѣкоторыя собственныя области».

Въ маѣ Голицынъ писалъ своему двору, что успѣхи прусскаго короля усиливаютъ гордость англійскаго народа и ободряютъ англійскій дворъ, который начинаетъ почитать себя счастливымъ, что вступилъ съ Фридрихомъ II-мъ въ такой тѣсный союзъ и промѣнялъ на него своихъ прежнихъ союзниковъ; надѣются, что онъ, безопасный со стороны Австріи, съ такимъ же успѣхомъ будетъ дѣйствовать и противъ Франціи. Благонамѣренные и безпристрастные люди жалѣютъ, что слѣпое счастіе заставляетъ

англійскій дворъ давать вѣру такимъ гаданіямъ. Несмотря однако на это, въ Англіи считали нужнымъ сохранять съ Россіею дружескія отношенія. По указу отъ своего двора кн. Голицынъ далъ знать графу Гольдернесу, что хотя императрица никогда не жаловалась на посла Уильямса, однако скрыть не можетъ, что ей пріятно было увѣдомиться о королевскомъ намѣреніи отозвать его; но такъ какъ вмѣсто ожидаемаго отъѣзда Уильямсъ сталъ показывать видъ, что хочетъ пробыть въ Петербургѣ еще цѣлое лѣто, то императрицѣ также не угодно скрыть, что дальнѣйшее пребываніе его при высочайшемъ дворѣ ни ей удовольствія, ни королевскимъ дѣламъ никакого успѣха не принесетъ, и развѣ только къ тому послужитъ, что заключеніе торговаго договора отложится на долгое время въ слѣдствіе нежеланія имѣть дѣло съ такимъ министромъ, который болѣе старается оказывать некстати свое проворство, чѣмъ помогать дѣлу праводушіемъ и твердостію и сохранять доброе согласіе между дворами. Въ заключеніе Голицынъ прибавилъ, что кого бы и съ какимъ бы министерскимъ характеромъ король на мѣсто Уильямса ни прислалъ, императрицѣ каждый одинаково будетъ пріятенъ. Гольдернесъ отвѣчалъ, что при его дворѣ не сомнѣвались насчетъ дурнаго расположенія императрицы къ Уильямсу, когда узнали, что веденіе дѣла о торговомъ договорѣ поручено было вмѣсто него барону Вольфу, поэтому, равно какъ и по причинѣ его разстроеннаго здоровья, рѣшено было отозвать его изъ Петербурга; однако не имѣя возможности до сихъ поръ сыскать достойнаго ему преемника, велѣли ему отложить свой отъѣздъ изъ Петербурга, чтобъ дворъ императрицы не остался безъ англійскаго министра; но если у него, князя Голицына имѣется указъ, да еслибы даже и безъ указа сдѣлано было простое внушеніе, что пребываніе Уильямса никакого удовольствія императрицѣ не принесетъ, то изъ Лондона немедленно пошелъ бы къ нему указъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Петербурга. Потомъ, увѣдомивъ Голицына, что уже посланъ Уильямсу указъ о немедленномъ выѣздѣ изъ Петербурга, Гольдернесъ, отъ имени короля увѣрялъ, что его величество искренно желаетъ сохраненія дружбы съ императрицею, несмотря на то, что обстоятельства заставили оба двора разрозниться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но въ іюнѣ Голицынъ получилъ отъ Гольдернеса

такую декларацію: «Предъявленныя всероссійскою императрицею при разныхъ дворахъ угрозы противъ короля прусскаго возбудили въ его величествѣ, королѣ великобританскомъ сильное прискорбіе. Императрица не можетъ сомнѣваться въ истинной дружбѣ короля. Его великобританское величество возобновляетъ наисильнѣйшее обнадеживаніе въ этой дружбѣ и надѣется подать новый опытъ ея дружественнымъ представленіемъ о слѣдствіяхъ, которыя будутъ имѣть непріятельскіе поступки Россіи противъ Пруссіи. Его величество надѣется, что императрица прежде приступленія къ непріятельскимъ дѣйствіямъ обратитъ вниманіе на его обязанность защищать торговлю своихъ подданныхъ на Балтійскомъ морѣ и выполнить обязательства, заключенныя съ королемъ прусскимъ. Эти обязательства состоятъ въ томъ, что Англія и Пруссія соединяютъ свои силы для воспрепятствованія какой бы то ни было державѣ ввести свои войска въ Германію». Въ іюнѣ Фридрихъ II потерпѣлъ неудачу и въ Англіи произошла сильная тревога. Голицынъ писалъ, что соединенія англійскихъ войскъ съ прусскими бояться нечего по той простой причинѣ, что у Англичанъ нѣтъ войска, едва ли и англійскій флотъ явится въ Балтійскомъ морѣ, хотя слухи объ этомъ и ходятъ. Компанія торгующихъ съ Россіею купцовъ отправила къ графу Гольдернесу депутацію съ представленіемъ, что отправленіе флота въ Балтійское море несогласно съ интересомъ англійскаго народа, потому что можетъ окончательно разсорить его съ Россіею къ крайнему вреду для англійской торговли, котораго новые союзники Англіи вознаградить не въ состояніи. Гольдернесъ отвѣчалъ, что онъ думаетъ совершенно согласно съ ними; король сильно желаетъ сохранить дружбу съ Россіею и намѣренъ вмѣсто Уильямса отправить въ Петербургъ Кейта, бывшаго до сихъ поръ посломъ въ Вѣнѣ; что же касается слуховъ объ отправленіи эскадры въ Балтійское море, то король окончательнаго рѣшенія по этому предмету еще не принялъ.

Между тѣмъ декларація, врученная Гольдернесомъ Голицыну объ англійскихъ обязательствахъ относительно Пруссіи вызвала такой рескриптъ императрицы, посланный 30 іюня въ иностранную коллегію: «Декларація, данная нашему посланнику князю Голицыну, удивила насъ болѣе формою своею, чѣмъ содержа-

нiемъ. Еще очень недавно графъ Гольдернесъ заявлялъ князю Голицыну, что хотя англiйскiй дворъ и будетъ помогать королю прусскому, только не противъ Россiи. Причинъ такой внезапной перемѣны и нескладной смѣси увѣренiй въ истинной дружбѣ и угрозъ, сносить которыя мы меньше всего привыкли, намъ нѣтъ нужды разсматривать. Если англiйскiй дворъ позволилъ себѣ эти угрозы, возгордившись побѣдою, одержанною прусскимъ королемъ подъ Прагою, то теперь быть можетъ раскаявается, узнавши о перемѣнѣ дѣлъ въ Богемiи и Вестфалiи; если онъ надѣялся этою декларацiею хотя не испугать насъ, но привести въ нѣкоторое размышленiе, то обманулся. Такъ какъ вѣроятно англiйскiй дворъ сообщитъ о своемъ поступкѣ прусскому королю, а тотъ преувеличитъ его значенiе и употребитъ въ свою пользу, то повелѣваемъ предписать князю Голицыну дать такой отвѣтъ англiйскому министерству: послѣ недавнихъ увѣренiй въ дружбѣ со стороны англiйскаго правительства мы ожидали совершенно другихъ опытовъ этой дружбы, а не чего-либо въ родѣ помянутой декларацiи. Еслибы британское величество передъ началомъ войны приложилъ равное нашему старанiе о ея предотвращенiи, то теперь быть можетъ не было бы нужды упоминать о тѣхъ слѣдствiяхъ, которыми угрожаетъ декларацiя и которыя всегда будутъ приписаны королю прусскому, какъ зачинщику нынѣшнихъ замѣшательствъ въ Германiи. Мы исполняемъ только наши обязательства, и если они теперь распространены, то это заранѣе оправдано опасностiю для всѣхъ сосѣдей отъ предпрiимчивости короля прусскаго. Мы приказали войскамъ нашимъ дѣйствовать сухимъ путемъ и моремъ противъ войскъ и областей короля прусскаго, ибо не оставалось другого средства подать помощь нашимъ союзникамъ, подвергшимся несправедливому нападенiю. Блокировать съ моря такiя мѣста, которыя преднамѣрено осадить съ сухого пути, такъ согласно съ военными правилами и всюду употребительно, что мы не видимъ, почему бы его британское величество могъ счесть своимъ долгомъ защищать мореплаванiе своихъ подданныхъ въ Балтiйскомъ морѣ, когда формально обнадеженъ съ нашей стороны, что мы намѣрены особенно покровительствовать ихъ торговлѣ. Что же касается обязательства Англiи и Пруссiи противиться вступленiю иностранныхъ войскъ въ Германiю, то

предъявленіе его меньше всего можетъ удержать насъ отъ исполненія своихъ обязательствъ и оправдать поступокъ, который могъ бы быть сдѣланъ противъ этого съ англійской стороны. Главная цѣль договора, заключеннаго между Англіею и Пруссіею состояла въ сохраненіи общей тишины въ Германіи; но это самое ни одною изъ договаривавшихся сторонъ не исполнено: король прусскій первый началъ войну, а Англія не старалась удержать его отъ нея. А когда этотъ главный, важнѣйшій пунктъ пренебреженъ, то непонятно, какимъ образомъ стараются ввести новое право противиться вступленію иностранныхъ войскъ въ Германію, чтобъ дать возможность сильнѣйшему располагать въ ней по произволу и тѣснить слабыхъ, которые будутъ лишены всякой помощи. Мы ничего не измѣнимъ въ нашихъ намѣреніяхъ и объявляемъ прямо наши мнѣнія: такъ какъ мы до сихъ поръ усердно старались и стараемся отдѣлять англійскіе интересы отъ прусскихъ, то надѣемся, что Англія не пристанетъ къ недобрымъ желаніямъ прусскаго короля противъ насъ. Въ противномъ же случаѣ, а именно, еслибъ съ англійской стороны, какимъ бы то ни было образомъ оказано было хотя наималѣйшее дѣйствіе противъ нашего войска или флота, то мы примемъ это за нарушеніе всѣхъ донынѣ между нами и Англіею существующихъ договоровъ и за явный разрывъ мира со стороны Англіи, вслѣдствіе чего не оставимъ принять мѣры, сходственныя съ нашею честію и достоинствомъ.» Когда эта декларація была передана Голицынымъ Гольдернесу, тотъ объявилъ, что такъ какъ она служитъ отвѣтомъ на англійскую декларацію, то отвѣчать на нее теперь нечего; но король надѣется, что императрица останется съ нимъ въ такой дружбѣ, какую онъ питаетъ къ ней [85].

Англіи нельзя было ничего сдѣлать для своего новаго союзника и въ Швеціи, которую Австрія, Франція и Россія увлекали въ войну противъ Пруссіи. Панинъ, по указу своего двора, объявилъ сенатору Гепкину, что императрица съ особеннымъ удовольствіемъ услышитъ объ успѣхѣ негоціацій цесарскаго и французскаго пословъ въ Стокгольмѣ, и что шведскій король не можетъ ничѣмъ больше усилить дружбу съ Россіею и укрѣпить на прочнѣйшемъ основаніи равновѣсія нарушенное спокойствіе сѣвера, какъ согласіемъ на тѣ мѣры, которыя ему будутъ пред-

ложены отъ упомянутыхъ дворовъ. Для того, чтобъ побудить Швецію согласиться на эти мѣры, императрица не только позволила вывезти 10,000 четвертей хлѣба изъ Россіи въ Швецію, но и подарила этотъ хлѣбъ королю, что было особенно важно когда нѣкоторыя шведскія области страдали отъ голода. Но этотъ поступокъ произвелъ въ Стокгольмѣ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ какого ожидали въ Петербургѣ. Сенаторъ Гепкинъ объявилъ королю, что хотя русскій подарокъ сдѣланъ его величеству, но сенатъ не можетъ скрыть, что во 1) такой подарокъ дѣлаетъ короля должникомъ предъ императрицею въ тягость Швеціи, которая не въ состояніи отблагодарить Россію равнымъ образомъ. 2) При этомъ случаѣ надобно послѣдовать примѣру Португаліи, которая возвратила назадъ денежный подарокъ, присланный ей отъ англійскаго двора послѣ землетрясенія, и за доставленные тѣмъ же дворомъ съѣстные припасы заплатила деньги. 3) Отказъ его величества принять подарокъ сенатъ приправитъ такимъ комплиментомъ, что императрица никакъ не разсердится. Король далъ знать объ этомъ Панину чрезъ одного пріятеля, заклявши посланника честнымъ словомъ не проговориться, чтобъ не испортить еще болѣе отношеній его, короля къ сенату. Гепкинъ объявилъ Панину, не угодно ли ему испросить аудіенціи у короля для того, чтобъ извѣстить его о подаркѣ. Панинъ понялъ, что сенатъ хочетъ сложить всю вину отказа на короля и потому сказалъ Гепкину: «Не могу скрыть удивленія, слыша какъ вы отдѣляете короля отъ короны. Мнѣ неприлично касаться внутреннихъ вашихъ постановленій относительно королевской власти, каждая свободная нація имѣетъ свои уставы; но государи, относительно другъ друга, требуютъ равныхъ правъ и преимуществъ. У васъ самихъ предписано, чтобъ всѣ публичныя дѣла, а особливо съ чужестранными дворами, производимы были отъ одного королевскаго имени, а еслибъ было иначе, то сами легко поймете, сколько бы произошло отсюда непріятныхъ затрудненій. Англія представляетъ намъ такой же примѣръ: ея правительство также составное, какъ и шведское, но еще ни одинъ чужестранный дворъ, не желая ей досадить, не показалъ различія между ея королемъ и короною. Вотъ почему и моя всемилостивѣйшая государыня препровождаетъ свой подарокъ королю, какъ главѣ націи, для

раздачи бѣднымъ Шведамъ, нисколько не раздѣляя короля отъ короны шведской. Что же касается аудіенціи, то я не имѣю никакого права ея требовать, ибо дворъ мой извѣстилъ о подаркѣ прямо шведскаго посланника въ Петербургѣ барона Поссе, о чемъ мнѣ только сообщено». Гепкинъ, выслушавъ все это съ пасмурнымъ видомъ, отвѣчалъ: «Все это правда, но припомните, что во многихъ актахъ говорится: король и корона шведская, а въ настоящемъ случаѣ записка съ сообщеніемъ одного знака государевой дружбы въ видѣ помощи сосѣдственному народу не имѣетъ достаточнаго значенія публичнаго акта». Сказавъ это, онъ завелъ рѣчь о постороннихъ дѣлахъ.

Два дня спустя послѣ этого разговора Гепкинъ представилъ королю, что сенатъ не можетъ обсуждать дѣла о русскомъ подаркѣ, такъ какъ онъ сдѣланъ собственно королю, и потому зависитъ отъ одной королевской воли принять или не принять его. Тутъ король далъ ему своеручную записку для внесенія въ сенатъ, въ которой говорилось, что принимая во вниманіе такой великій хлѣбный недостатокъ въ государствѣ король считаетъ своимъ долгомъ съ признательностію принять подарокъ; впрочемъ передаетъ свое мнѣніе на сенатское разсужденіе, и сдѣлаетъ такъ, какъ рѣшитъ большинство сенаторскихъ голосовъ. Извѣстія изъ областей о голодѣ и требованіе помощи у правительства заставили сенатъ согласиться на принятіе подарка, и король, пригласивъ Панина въ кабинетъ, сказалъ ему: «Я подарокъ ея император. величества принимаю съ совершенною благодарностію; я радъ, что господинъ Гепкинъ не заблагоразсудилъ сюда войти; вѣроятно по его мнѣнію и въ этой моей благодарности шведская корона не участвуетъ; вамъ уже извѣстно, какіе пріемы употреблялись для того, чтобъ при этомъ, какъ и при всѣхъ другихъ случаяхъ, произвесть холодность между императрицею и мною; старались сложить на меня непріятность отказа; но я прямо сказалъ сенатору Гепкину, что безъ формальнаго сенатскаго рѣшенія отказа на себя не перейму, чтобъ они очувствовались, поняли, какъ непріятно можетъ быть императрицѣ, что они благоволеніе ея къ шведскому народу такъ превращаютъ, проводя различіе между мною и государствомъ; этого различія императрица никогда не признаетъ, въ чемъ я увѣренъ, имѣвъ самые удостовѣрительные опыты ея материнскаго обо мнѣ попеченія.»

Вслѣдъ затѣмъ Гепкинъ далъ отвѣтъ Панину на внушеніе его о принятіи Швеціею французскихъ и австрійскихъ предложеній. «Шведскій дворъ, говорилъ Гепкинъ, искренно желаетъ успѣха общему доброму дѣлу и охотно бъ ему помогъ; но теперь принять дѣятельное участіе въ войнѣ король и сенатъ считаютъ невозможнымъ, не подвергая очевидной опасности своихъ померанскихъ владѣній, находящихся, какъ извѣстно, безъ обороны, перевезти же за море войска для защиты Помераніи нѣтъ теперь физической возможности, хотя бы на то милліоны были употреблены. Какъ только Швеція теперь осмѣлится принять участіе въ войнѣ и объявитъ объ этомъ на германскомъ сеймѣ, такъ прусскій король, по своему положенію и праву, сейчасъ овладѣетъ Помераніею и подвергнетъ ее одинакой участи съ Саксоніею.» Послѣ этого Гепкинъ распространился о своемъ нерасположеніи къ Пруссіи: «Я, говорилъ онъ, никогда Прусакомъ не былъ; Фридриха II я считаю самымъ опаснымъ изъ всѣхъ настоящихъ и бывшихъ европейскихъ государей. Извѣстный всѣмъ его образъ мыслей, крайность военныхъ началъ, безчеловѣчныя и ужасныя правила внутренняго управленія и варварскія истолкованія международныхъ правъ должны возбудить противъ него всю Европу.»

Русскимъ посланникамъ было легко дѣйствовать противъ Фридриха II; они къ этому привыкли; но было очень трудно войти въ дружелюбныя отношенія къ французскому двору, котораго такъ давно привыкли не отдѣлять отъ прусскаго въ ихъ враждебности противъ Россіи. Панинъ, подобно Корфу, не думалъ, чтобъ въ Петербургѣ такъ круто повернулось дѣло и, привыкнувъ сообразоваться со взглядами канцлера, писалъ, что декларація Франціи объ обязанности своей сохранить ручательство вестфальскаго мира сдѣлаетъ войну всеобщею, а рѣшеніе дѣлъ само собою передастся въ руки Франціи, которая получитъ преобладающее положеніе вслѣдствіе ослабленія морскихъ державъ, не могущихъ болѣе поддерживать равновѣсіе. Въ отвѣтъ на это Панинъ получилъ гнѣвный рескриптъ, поправленный рукою Воронцова: «Мы не можемъ скрыть, что такія самопроизвольныя ваши разсужденія намъ весьма странными показались, тогда какъ вы о возстановленіи между нами и Франціею добраго согласія увѣдомлены, также какъ и о намѣреніяхъ

нашихъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Наше высочайшее соизволеніе и точное вамъ повелѣніе есть, чтобъ вы, по всеподданической должности вашей, впередъ съ большею осторожностію и согласно съ намѣреніями нашими о дѣлахъ разсуждали и поступали». Канцлеръ, по этому поводу, написалъ Панину: «Я вашему превосходительству уже остерегалъ, чтобъ вы въ реляціяхъ вашихъ разсужденія свои какъ возможно сокращали и доносили только объ исполненіи посылаемыхъ къ вамъ рескриптовъ, ибо при нынѣшнихъ премѣнившихся коньюнктурахъ весьма легко случиться можетъ, что министръ разсужденіями своими, кои иногда противными быть покажутся принимаемымъ здѣсь мѣрамъ, вмѣсто уповаемой апробаціи заслужитъ себѣ великій выговоръ. Сіе недавно и дѣйствительно воспослѣдовало съ барономъ Корфомъ: онъ, распространяясь въ своихъ разсужденіяхъ о старой системѣ и выхваля тѣхъ, кто оной еще держится, отправленъ къ нему рескриптъ съ такимъ жестокимъ за то выговоромъ, что жесточѣе того почти и написать нельзя было. Въ конференціи, въ которой я по болѣзни не былъ, состоялась резолюція вамъ такой же выговоръ учинить какъ и барону Корфу; я всевозможнѣйше старался оный совсѣмъ отвратить, но въ томъ предуспѣть никакъ нельзя было. Совсѣмъ тѣмъ однакожь до того довелъ, что оный гораздо легче сочиненъ. При сихъ обстоятельствахъ для избѣжанія подобныхъ выговоровъ за такія единственно отъ ревности происходящія разсужденія нѣтъ лучшаго средства какъ только исполняя точно посылаемые рескрипты, о томъ доносить, не вступая притомъ въ пространныя разсужденія. Правда, такимъ образомъ не могъ бы ревностный министръ и вѣрный сынъ отечества усерднѣйшіе свои сентименты изъявить и тѣмъ совѣсть свою предъ Богомъ и государемъ очистить; но есть тому способъ самый надежнѣйшій, по моему мнѣнію: когда бъ по обстоятельствамъ, какія иногда важныя разсужденія въ голову вселялись, можно оныя не обинуяся въ реляціяхъ своихъ описывать со всѣмъ, давая имъ только такой видъ, якобъ они отъ третьяго происходили. Такимъ образомъ какъ совѣсть своя очищена, такъ и опасность выговоровъ избѣжена была бъ, хотя бъ донесенныя разсужденія и не пріобрѣли здѣсь апробаціи». Панинъ отвѣчалъ Бестужеву жалобами на свои горькія и стѣсненныя обстоятель-

ства: «Не знаю, что начать, боюсь сойти съ ума. Могу ли я сохранять твердость и противиться упадку духа когда безпрестанно представляются глазамъ самыя горестныя послѣдствія, а домашнее разореніе уже грозитъ потерею чести? Все это происходитъ при такихъ обстоятельствахъ, когда я отъ всей коллегіи вижу надъ собою ковы, и нѣтъ сомнѣнія, что они твердо рѣшились искоренить меня. Клянусь совѣстію, что счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ представился случай честною смертію избавить себя отъ ихъ рукъ».

Панину было снова предписано содѣйствовать австро-французскимъ переговорамъ съ Швеціею объ отправленіи шведскаго войска въ Померанію для дѣйствія противъ Прусаковъ. Вслѣдствіе этого въ іюлѣ Панинъ представилъ Гепкину, какъ необходимо для Швеціи этою же осенью начать военныя дѣйствія, слѣдствіемъ которыхъ будетъ пріобрѣтеніе прусской Помераніи, ибо Фридрихъ II занятъ съ Австрійцами, а фельдмаршалъ Левальдъ не можетъ помочь Помераніи, не поставивъ себя между двухъ огней, между шведскимъ и русскимъ войскомъ. Гепкинъ отвѣчалъ, что для начатія военныхъ дѣйствій Швеція ждетъ только окончательныхъ извѣстій отъ Вѣнскаго и Версальскаго дворовъ относительно субсидій, безъ которыхъ Швеція не можетъ вести войны. Въ началѣ августа Панинъ донесъ, что соглашеніе о начатіи Шведами войны состоялось, сдѣлано распоряженіе согласно съ операціями фельдмаршала Апраксина, и прусскій посланникъ Сольмсъ выѣхалъ изъ Стокгольма. По этому поводу канцлеръ Бестужевъ писалъ Панину, зачѣмъ тотъ не доноситъ о мнѣніяхъ короля и королевы относительно всѣхъ этихъ событій, тогда какъ въ Петербургѣ очень желаютъ знать объ этомъ, особенно о королевѣ, какъ она относится къ перемѣнѣ политики, къ войнѣ противъ ея брата. «Я совѣтовалъ бы вамъ, писалъ Бестужевъ, какъ возможно о томъ развѣдывая, прямо въ вашихъ реляціяхъ доносить, избѣгая однакожь вовсемъ, сколько возможно иностранныхъ словъ, что здѣсь нѣкоторые критикуютъ». Панинъ отвѣчалъ: «У шведскаго короля не осталось теперь ничего королевскаго кромѣ имени, а въ публикѣ и имени величества почти ему не остается. Супруга его точно также поражена, да и надобно признать, что едва ли кѣмъ-нибудь счастіе играло больше, чѣмъ ею. Въ продолженіе

нѣсколькихъ лѣтъ эта государыня выдержала внутреннюю борьбу между интересомъ своего мужа и наслѣдственными прусскими привязанностями, которыя соединились съ предубѣжденіемъ въ пользу Франціи, внушеннымъ ей графомъ Тессиномъ и его пріятелями. Но только что она отреклась отъ Франціи и прусскихъ интересовъ и приняла твердое намѣреніе содѣйствовать возстановленію въ Швеціи старой системы морскихъ державъ, какъ братъ ея кинулся въ ту же сторону. Это снова возбудило ея нѣжность къ брату, тѣмъ болѣе, что Фридрихъ II сталъ въ холодныя отношенія къ Франціи, ненависть къ которой дошла въ ней до высшей степени, потому что благодаря Франціи вражда между шведскими вельможами и дворомъ доведена была до крайности; сила и власть сенаторовъ въ народѣ подкрѣпляется теперь Франціею; французскій посолъ другъ вельможъ и гонитель двора. Описать нельзя грубость, съ какою сенаторы ведутъ себя относительно королевы; довольно сказать, что со времени сейма они не входятъ въ ея компаты, съ того же времени сенаторши—Тессинъ и Гепкинъ перестали ѣздить ко двору, а прошлою зимой въ сенатѣ уговаривались, чтобъ и всѣ другія сенаторши послѣдовали ихъ примѣру, такъ что ко двору ѣздятъ только двѣ знатныя дамы, графини Бонде и Цедеркрейцъ. Правда, королева подала къ тому поводъ холоднымъ пріемомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ или, точнѣе сказать, перемѣною своего обращенія съ ними, когда они и мужья ихъ возстали противъ нея: но можно ли ее за это винить? Нѣтъ тѣхъ нелѣпостей, какихъ бы о ней въ публикѣ не разглашали. Короля считаютъ совершенно неспособнымъ, и имени его въ дѣлахъ, кромѣ формы, нигдѣ не слышно. Вотъ истинное изображеніе здѣшняго двора. Заразиться пристрастіемъ другихъ, и, не объясняя побудительныхъ причинъ, доносить о словахъ королевы, или вызванныхъ у нея ея непреклонною гордостію, или явно вымышленныхъ ея врагами—не будетъ ли это поступкомъ подлымъ, непростительнымъ для добраго человѣка и не повредитъ ли эта честь вѣрнаго раба, особенно когда король и королева оказываютъ особенное уваженіе къ ея императорскому величеству и наши дѣла съ другими не мѣшаютъ, европейскія перемѣны и усилившееся чрезъ нихъ значеніе ихъ личныхъ гонителей приписываютъ единственно собственному несчастію,

ярости короля прусскаго, тонкости французской политики и нетерпѣливому желанію вѣнскаго двора. Кромѣ того собственная моя безопасность требуетъ, чтобъ, сколько честь и совѣсть позволяютъ, мои донесенія были согласны, или, по крайней мѣрѣ, явно не противорѣчили извѣстіямъ, которыя легко могутъ доходить со стороны французскаго посланника здѣсь, маркиза Даврэнкура и австрійскаго графа Гоеса. Отъ перваго я не могу ожидать никакого добраго расположенія ко мнѣ: доказательствомъ служитъ письмо его къ Дугласу, которое было ко мнѣ переслано отъ высочайшаго двора: смѣю увѣрить, что этимъ письмомъ онъ желалъ только разставить мнѣ сѣти, которыхъ я тогда счастливо избѣжалъ. О графѣ же Гоесѣ пусть кто хочетъ скажетъ, есть ли въ немъ хотя одно качество благороднаго человѣка, что онъ не льстецъ, не лжецъ, и не трусъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не преисполненъ гордостію, свойственною имперскому графу скареднаго воспитанія. Онъ издавна всѣми силами искалъ благоволенія французскаго посла, а теперь такъ къ нему привязался, что еслибы вѣнскій дворъ здѣсь копіиста держалъ, то и тотъ не могъ бы предъ нимъ болѣе раболѣпствовать, отъ чего французскій посолъ теперь со всѣми нами обходится нестерпимо гордо, такъ что испанскій министръ, бывшій всегда ревнителемъ французской системы, принужденъ былъ недавно замѣтить ему, что его диктаторскій голосъ обижаетъ представителей другихъ державъ».

Въ какихъ *сентиментахъ* по тогдашнему выраженію находился Панинъ къ новой системѣ, видно изъ слѣдующаго письма его къ канцлеру: «Вѣнскій дворъ заразилъ у насъ натуральную нашу общую систему, посадя у насъ французскаго министра; время покажетъ, сколь долго при немъ графъ Эстергази фигурировать станетъ и не будетъ ли наконецъ самъ у него челобитчикомъ по дѣламъ своего двора. Истинно непонятно вѣнскаго двора ослѣпленіе, какъ онъ видѣть не можетъ, что упадокъ Англіи подъ французскою силою ему впредь самому будетъ тягостнѣе, нежели потеряніе Шлезіи. Франція, послѣ худаго успѣха послѣдней попытки разоренія германскаго корпуса, устремилась всѣми образы атаковать ту верховную силу, которою всѣ ея усиливанія въ ничто обращалися и безъ которой ей впредь легче будетъ раздавить аустрискойі домъ и присовокупя ему Шлезію, нежели теперь безъ оной» [86].

Русскій министръ въ Польшѣ находился въ такомъ же затруднительномъ положеніи относительно французскаго министра, тѣмъ болѣе, что и Гроссъ, подобно Корфу и Панину, привыкъ къ старой антифранцузской политикѣ. Правительство требовало отъ Гросса чрезвычайно труднаго дѣла, старанія о примиреніи польскихъ вельможескихъ партій. Французскій резидентъ Дюранъ поступалъ проще и легче: онъ стоялъ за своихъ противъ Чарторыйскихъ, объявляя, что всякая перемѣна въ Острожскомъ дѣлѣ будетъ очень непріятна противникамъ Чарторыйскихъ и чрезъ что это подастъ поводъ Туркамъ вмѣшаться въ польскія дѣла; князья Чарторыйскіе, съ своей стороны, никогда не могли примириться съ дворомъ, еслибы Острожское дѣло не было рѣшено по ихъ желанію. «Изъ этого можно заключить, писалъ Гроссъ, въ какомъ затрудненіи находится король въ соглашеніи этихъ дѣлъ, и какъ могутъ нравиться мои увѣщанія къ уступкамъ и умѣренности».

Въ это время Гроссъ былъ еще потревоженъ письмами, которыя сообщилъ ему по секрету львовскій почтмейстеръ. Малороссійскіе эмигранты, Мазепинцы-Нахимовскіе, Мировичи, Орлики, страдая общею эмигрантскою болѣзнію, еще мечтали, что для нихъ можетъ когда-нибудь наступить благопріятное время, что Малороссія освободится отъ ига Москалей. Пріѣхавъ изъ Крыма въ Яссы, Нахимовскій писалъ молодому Орлику, бригадиру французской арміи, величая его графомъ: «Дѣло нашего отечества начинаетъ поправляться, потому что Кошевой съ запорожскимъ войскомъ тайнымъ образомъ прислалъ къ крымскому хану нарочнаго подъ видомъ купца, который живетъ въ Крыму уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, а у насъ почти ежедневно бывалъ въ Бакчисараѣ и клятвенно подтвердилъ о предпріятіи запорожскаго войска. Ханъ уже согласился было на принятіе Сѣчи въ Алешки, т.-е. въ то мѣсто, гдѣ она и прежде была, но еще окончательнаго рѣшенія не объявилъ: видно сообщилъ объ этомъ дѣлѣ Портѣ. Я съ паномъ Мировичемъ представлялъ запорожскому посланцу, что русскія границы идутъ до Сѣвска, а не до Ингула и Ингульца. Я внушалъ ему больше всего, что на Микитиномъ Рогу теперь начали крѣпостцу починивать, на собственной запорожской землѣ, данной королями польскими, отъ которыхъ у запорожцевъ есть жалованныя привилегіи на вольность и права,

которыя теперь Москаль отнялъ и самихъ васъ, запорожцевъ крѣпостями окружилъ и подъ карауломъ содержитъ, построивъ въ Сѣчи крѣпость. И многія другія внушенія о Россіи мы дѣлали, приводя разные примѣры, что она ничьихъ правъ своимъ вѣроломствомъ не пощадила».

Съ другой стороны тревожилъ прусскій резидентъ въ Варшавѣ Бенуа, который хвастался, что его король имѣетъ вѣрныя извѣстія изъ Петербурга, что русское войско ранѣе половины іюля не начнетъ своихъ дѣйствій противъ Пруссіи, а до того времени онъ, король можетъ быть принудитъ Австрійцевъ къ миру. Тотъ же львовскій почтмейстеръ, получивши отъ Гросса за свои услуги 300 червонныхъ, открылъ ему, что Бенуа присылалъ ему разныя прусскія деклараціи, манифесты и тому подобныя пьесы для распространенія между шляхтою, но онъ, почтмейстеръ всѣ эти пьесы держитъ у себя и не распространяетъ.

Въ маѣ Дюранъ, по возвращеніи отъ гетмана Браницкаго изъ Бѣлостока, имѣлъ разговоръ съ Гроссомъ. «Что это значитъ, спрашивалъ Гроссъ, что французскіе приверженцы въ Польшѣ до сихъ поръ продолжаютъ интриги при Портѣ противъ пропуска русскихъ войскъ чрезъ Польшу, тогда какъ имъ хорошо извѣстно, что состояніе европейскихъ дѣлъ совершенно перемѣнило видъ и русскія войска идутъ единственно для вспоможенія ихъ государю, и что эти такъ-называемые французскіе партизаны одинаково подкрѣпляются какъ съ французской, такъ и съ прусской стороны, и Бенуа величаетъ ихъ истинными сынами отечества?» «Всѣ здѣшніе магнаты, отвѣчалъ Дюранъ, привыкли къ интригамъ и проискамъ и теперь скоро отъ нихъ отвыкнуть не могутъ, надобно ихъ побуждать къ этому мягкими средствами; я нарочно ѣздилъ въ Бѣлостокъ, чтобъ гетману и окружающимъ его людямъ внушить другія мысли, что, надѣюсь, будетъ имѣть доброе дѣйствіе».

Въ томъ же маѣ Гроссъ сообщалъ Брюлю о соглашеніи обоихъ императорскихъ дворовъ доставить польскому королю городъ Магдебургъ съ принадлежащимъ къ нему округомъ, также сальскій округъ, а, если будетъ возможно, то и больше въ вознагражденіе понесенныхъ убытковъ въ Саксоніи. Брюль отвѣчалъ, что король не находитъ словъ для изъявленія своей благодарности, но просилъ довести до свѣдѣнія императрицы просьбу

короля, нельзя ли доставить королю, кромѣ Магдебурга и сильскаго округа, еще ту часть Силезіи, которая отдѣляетъ Саксонію отъ Польши, что должно помочь достиженію извѣстныхъ видовъ императрицы.

Въ іюнѣ Варшава была сильно встревожена проѣздомъ прусскаго генерала Лотума, который, пробывъ двое сутокъ у Бенуа и ни съ кѣмъ не видавшись, отправился въ Бреславль. Рѣшили, что генералъ проѣзжалъ для осматриванія дороги изъ Силезіи въ Пруссію чрезъ Польшу; театръ войны перенесется въ Польшу, гдѣ произойдетъ великое замѣшательство; королю польскому нельзя будетъ болѣе оставаться въ Варшавѣ. Гроссъ вмѣстѣ съ австрійскимъ и французскимъ министрами уговаривали Брюля заранѣе подумать, куда въ такомъ случаѣ переѣхать королю; предлагали Гродно, прикрытое русскимъ войскомъ, Львовъ или Шебусъ на венгерской границѣ. Положеніе короля было тѣмъ опаснѣе, что, по признанію Брюля, дворъ не зналъ, кому изъ знатныхъ Поляковъ можно было довѣриться, ибо если князья Чарторыйскіе и друзья ихъ недовольны острожскимъ дѣломъ и преобладаніемъ графа Мнишка, то и гетманъ Браницкій и совѣтники его считаютъ себя обиженными, потому что не все по ихъ волѣ дѣлается; иные какъ Потоцкій, воевода Бѣльскій, которымъ терять нечего, ради бѣдѣ, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Поводъ къ большимъ толкамъ подало заграничное путешествіе молодого Чарторыйскаго, сына воеводы русскаго, путешествіе чрезъ Данцигъ, Берлинъ и Голландію въ Англію. Гроссъ представлялъ воеводѣ русскому о несвоевременности такого путешествія, но тотъ отвѣчалъ, что слухи, распускаемые его врагами не заставятъ его перемѣнить планъ воспитанія своего сына, котораго давно уже вознамѣрился отправить въ Англію для излѣченія—отъ вѣтрености; при томъ всѣмъ извѣстно, что ни онъ, ни друзья его Пруссіи не преданы. Гроссъ увѣрялъ свой дворъ, что несогласно съ характеромъ и выгодами Чарторыйскаго, какъ перваго богача въ Польшѣ, поднимать въ ней безпокойство. Брюль внушалъ Гроссу, что для спасенія Польши отъ предстоящихъ ей бѣдъ фельдмаршалъ Апраксинъ долженъ ускорить свои операціи и прогнать изъ Пруссіи Левальда, ибо король прусскій писалъ своей матери, что въ шесть недѣль надѣется овладѣть Богеміею и австрійскою арміею.

Лѣтомъ пріѣхалъ въ Варшаву также въ качествѣ полномочнаго министра генералъ-майоръ князь Михайла Никитичъ Волконскій, родной племянникъ Бестужевыхъ (сынъ знаменитой княгини Аграфены Петровны); Гроссъ остался вмѣстѣ съ нимъ въ прежнемъ характерѣ. Въ инструкціи Волконскому говорилось, что онъ отправляется вслѣдствіе просьбъ графа Малаховскаго, князей Чарторыйскихъ и прочихъ благонамѣренныхъ патріотовъ, не только для лучшаго отвращенія и предупрежденія всякаго зла, но и для возстановленія старой системы, которую Петръ Великій положилъ въ основаніе тишины въ республикѣ и общаго интереса для Россіи и Польши. Прежде всего Волконскій долженъ былъ стараться о примиреніи противныхъ партій, о соединеніи всѣхъ вельможъ съ благонамѣренными, т.-е. съ членами русской партіи — дѣло чрезвычайно трудное, тѣмъ болѣе, что Франція, по извѣстному ея правилу, не перестанетъ сильно подкрѣплять своихъ приверженцевъ, а король прусскій, особенно при нынѣшнихъ его великихъ суетахъ, естественно будетъ стараться во всей Польшѣ и Литвѣ возбуждать всякія замѣшательства. Волконскій долженъ былъ стараться пріобрѣсти у Поляковъ такой кредитъ, чтобъ они всегда, особенно во время безкоролевья, поступали по намѣреніямъ ея величества и чтобъ держались ея покровительства болѣе чѣмъ другихъ державъ, равно какъ давали лучшее удовлетвореніе относительно единовѣрныхъ нашихъ въ Польшѣ, дѣлъ пограничныхъ и выдачи бѣглыхъ. Еще въ 1755 году канцлеръ графъ Малаховскій секретно представилъ русскому двору свои мнѣнія, что въ Польшѣ до сихъ поръ не имѣютъ о Россіи яснаго понятія, представляютъ ее шляхтѣ только какъ розгу, употребляемую въ наказаніе своевольнымъ людямъ, чѣмъ Франція воспользовалась, увеличила число своихъ друзей и привела Россію въ ненависть: поэтому то и нуженъ въ Польшѣ такой министръ, который бы смѣло опровергалъ подобныя внушенія о Россіи, какъ о розгѣ; этотъ посолъ не долженъ держаться никакой партіи, но долженъ быть посредникомъ и примирителемъ: такъ въ 1717 году водворено было спокойствіе посредничествомъ Петра Великаго. Гетманамъ поручено имѣть надзоръ надъ войскомъ при границахъ; но теперь гетманы чрезвычайно усилили свою власть, дѣлаютъ, что хотятъ, шляхтичи говорить не смѣютъ, чего поправить нельзя безъ русскаго посредничества.

Такъ какъ всѣ эти сужденія графа Малаховскаго основательны, то Волконскій долженъ домогаться, чтобъ всякіе безпорядки и нарушенія правъ и вольностей въ Польшѣ были пресѣчены, чтобъ примасу королевства не дѣлалось никакого препятствія въ исправленіи его должностей, также канцлерамъ коронному и литовскому, незаконная гетманская власть была сокращена, чтобъ на сеймикахъ, сеймахъ и главныхъ трибуналахъ не было никакихъ нарушеній законамъ и установленнымъ обычаямъ и порядкамъ; чтобъ дѣло острожской ординаціи было какъ можно скорѣе успокоено; если же кто станетъ представлять, что иностранная держава не должна вмѣшиваться въ домашнія дѣла республики, отвѣчать, что вмѣшательство было бы тогда, еслибъ Россія принялась за рѣшеніе дѣла, настаивала, кому именно имѣнія ординаціи должны принадлежать; но Россія, предоставляя рѣшеніе королю и республикѣ, настаиваетъ только на скорѣйшее и удовлетворительнѣйшее окончаніе дѣла, подающаго поводъ къ такой враждѣ и смутѣ. Побуждая королевскій дворъ къ прекращенію раздоровъ между фамиліями, Волконскій долженъ честь этого прекращенія предоставлять королю, а самъ долженъ только убѣждать каждаго къ податливости и умѣренности; долженъ также во всякомъ справедливомъ дѣлѣ подкрѣплять старыхъ русскихъ доброхотовъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ благонамѣренныхъ вельможъ, и особенно князья Чарторыйскіе, вѣроятно будутъ сильно докучать о денежномъ вспоможеніи, то хотя безъ него и нельзя обойтись, но не иначе какъ въ случаѣ безкоролевья, а теперь давать его было бы излишне, потому что нѣкоторымъ магнатамъ ежегодныя пенсіи даются, а именно примасу Комаровскому по 5000 рублей, коронному канцлеру графу Малаховскому по 7000, литовскому оберъ-шталмейстеру князю Радзивилу по тысячѣ рублей, и литовскому канцлеру князю Чарторыйскому доставлена значительная сумма. Такъ когда къ послу будутъ обращаться съ просьбами, онъ можетъ въ общихъ выраженіяхъ обнадеживать высочайшею милостію, которою никогда не будутъ оставлены въ важныхъ и необходимыхъ случаяхъ. Относительно главнѣйшаго пункта, королевскихъ выборовъ, надобно теперь же заблаговременно принимать мѣры, потому что нынѣшній король при его старости и крайней печали о потерѣ наслѣдственныхъ земель, ненадеженъ. Такъ какъ король желаетъ

избранія своего сына, и такъ какъ ему изъявлено на это согласіе ея величества чрезъ посланника Гросса въ крайнейшей конфиденціи, то Волконскій долженъ былъ осторожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ревностно внушать объ этомъ знатнѣйшимъ Полякамъ и домогаться отъ нихъ согласія, ибо русскій интересъ требуетъ возведенія на польскій престолъ саксонскаго принца. Волконскій долженъ былъ прилагать крайнее стараніе, чтобъ не возбудилось дѣла объ освобожденіи Бирона.

Девятымъ артикуломъ договора вѣчнаго мира у Россіи съ Польшею выговорено, чтобъ греко-россійскаго закона четыремъ епископіямъ—луцкой, перемышльской, львовской и бѣлорусской, монастырямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ и всѣмъ живущимъ въ Польшѣ и Литвѣ людямъ имѣть свободное отправленіе грекороссійской вѣры безо всякаго утѣсненія и принужденія къ принятію вѣры римской или уніи. Несмотря на то первыя три епархіи уже давно привлечены Поляками въ унію, и теперь осталась одна бѣлорусская и нѣсколько монастырей; но и эта послѣдняя претерпѣваетъ безпрестанно жестокія обиды: духовенство берутъ въ гражданскій судъ, другихъ бьютъ, церкви запираютъ и вовсе отнимаютъ, ветхихъ поправлять и новыхъ строить не позволяютъ, а представленія со стороны императорскаго двора остаются безъ всякаго успѣха. На Волконскаго возлагалось на всѣ эти обиды, какъ старыя такъ и новыя, словесно и письменно подать при польскомъ дворѣ сильнѣйшія жалобы и домогаться, чтобъ все привлеченное къ уніи было возвращено православію, дозволена была починка старыхъ и строеніе новыхъ церквей и строжайше запрещено было приневоливать къ уніи, не принимая никакихъ отговорокъ. Границы между Россіею и Польшею до сихъ поръ не опредѣлены, а между тѣмъ оказывается, что Поляки захватили русскихъ земель на 988 квадратныхъ верстъ: Волконскій долженъ былъ требовать назначенія коммиссаровъ для опредѣленія границъ.

Князь Волконскій могъ сначала ласкать себя надеждою, что пріѣхалъ въ Варшаву въ благопріятное время: пришло извѣстіе о Гросъ-Егерсдорфской побѣдѣ Апраксина, и король, на радостяхъ, далъ Волконскому орденъ Бѣлаго Орла. Но скоро стали приходить извѣстія объ отступленіи русскихъ войскъ, а между тѣмъ французскія отношенія представляли сильныя затрудненія.

Поляки французской партіи передавали французскому министру въ Варшавѣ свои жалобы на тягости, сопряженныя съ проходомъ русскихъ войскъ, французскій министръ въ Варшавѣ передавалъ жалобы французскому послу въ Петербургѣ, маркизу Лопиталю, который и предъявлялъ ихъ русскому министерству. Такое посредничество сильно оскорбляло петербургскій дворъ. Волконскій долженъ былъ хлопотать, чтобъ оно прекратилось; но этого трудно было достигнуть. Канцлеръ Малаховскій сообщилъ Волконскому и Гроссу въ секретѣ, что у французскаго министра въ Варшавѣ сочиняютъ записку, гдѣ должны быть изложены всѣ жалобы Поляковъ на Россію за цѣлые сорокъ лѣтъ. Волконскій замѣтилъ при этомъ, что лучшее средство уменьшить французское вліяніе—это прекратить острожскій споръ въ пользу членовъ русской партіи; но Малаховскій отвѣчалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ, по причинѣ отступленія русскихъ войскъ и особенно вслѣдствіе зависимости, въ которой саксонскій дворъ находится отъ французскаго, ожидая главнѣйшимъ образомъ отъ него освобожденія своихъ наслѣдственныхъ владѣній, нельзя ожидать такого шага, ибо французскій министръ истолковалъ бы его въ крайнее предосужденіе своему двору.

Вслѣдъ затѣмъ Волконскій и Гроссъ обратились прямо къ графу Брюлю съ внушеніемъ, что поведеніе французскихъ министровъ Брольи и Дюрана и понаровки имъ со стороны польскаго правительства могутъ произвести недовѣріе между союзными дворами и уничтожить согласіе, возстановленное между Россіею и Франціею. Брюль признался, что дѣйствительно Брольи съ нетерпѣніемъ хватается за всякій случай, чтобъ сдѣлать Россію ненавистною; но что же дѣлать? необходимость велитъ щадить французскихъ министровъ въ то время, когда русское войско совсѣмъ выступило изъ Пруссіи, австрійское же выпустило изъ рукъ случай овладѣть Бреславлемъ и остается одна Франція, которая можетъ выручить саксонскія земли отъ Прусаковъ. Изъ увѣреній управляющаго иностранными дѣлами во Франціи аббата Берни какъ будто видно, что французскіе министры въ Варшавѣ поступаютъ не по приказаніямъ Людовика XV, а самовольно, и потому недурно было бы, еслибы императрица прямо обратилась къ французскому королю съ требованіемъ лучшихъ наставленій его министрамъ или даже ихъ

отозванія. Когда Волконскій замѣтилъ о необходимости окончить острожскій споръ въ пользу русскихъ приверженцевъ, то Брюль отвѣчалъ, что теперь для этого время неудобное. Волконскій предложилъ начать примиреніе Чарторыйскихъ съ придворною партіею такою сдѣлкою: по кончинѣ короннаго маршалка Бѣлинскаго на его мѣсто короннымъ маршалкомъ сдѣлать графа Мнишка, а на мѣсто послѣдняго надворнымъ маршалкомъ князя Любомирскаго, зятя воеводы русскаго, князя Чарторыйскаго; но Брюль и на это подалъ мало надежды.

Малаховскій и Чарторыйскій сообщили Волконскому, что французскій посолъ Брольи принудилъ графа Брюля исходатайствовать у короля чинъ брацлавскаго писаря шляхтичу Богатко, который не имѣлъ права на этотъ чинъ. Волконскій при первомъ свиданіи упрекнулъ Брюля за такой безпорядокъ; тотъ отвѣчалъ, что хотя не безъ особеннаго сожалѣнія онъ видѣлъ себя принужденнымъ къ такому поступку, но что же дѣлать, когда при отступленіи русскихъ войскъ единственная надежда королю остается на Францію и потому ей должно во всемъ угождать. По поводу этого разговора съ Брюлемъ Волконскій писалъ въ Петербургъ: «Для пріобрѣтенія здѣсь кредита надобно либо раздавать большія деньги, либо располагать при дворѣ вакантными чинами и староствами; Франція владѣетъ послѣднимъ изъ этихъ средствъ, но не перестаетъ пользоваться и первымъ и тѣмъ чрезвычайно усиливаетъ свою партію. Не будучи и этимъ довольны, французскіе министры употребляютъ и третій, особенно вредный для русскихъ интересовъ способъ, собирая и толкуя превратно всѣ жалобы Поляковъ на Россію, и своимъ заступничествомъ дѣлаютъ себя пріятными, а насъ ненавистными. Такъ графъ Брольи въ присутствіи графовъ Брюля и Штернберга (австрійскаго посла), также въ присутствіи Гросса, съ крайнимъ негодованіемъ говорилъ противъ зимнихъ квартиръ, занимаемыхъ русскими войсками, предъявляя, что жители Литвы и безъ того разорены отъ прохода русскаго войска, отъ скупки съѣстныхъ припасовъ въ русскіе магазины, задержки судовъ на Неманѣ, взятія подводъ. Графъ Брюль замѣтилъ, что ваше величество уже приняли намѣреніе назначить коммиссаровъ для разсмотрѣнія и удовлетворенія всѣхъ этихъ жалобъ. Гроссъ прибавилъ, что до сихъ поръ ни ко мнѣ, ни къ кому никакихъ жалобъ не

доходило, а находившійся при фельдмаршалѣ Апраксинѣ Забѣлло тому и другому засвидѣтельствовалъ, что всѣ обращенные къ нему жалобы удовлетворены. Несмотря на то Брольи продолжалъ говорить, что онъ получилъ множество жалобъ, да и коммиссія, обѣщанная вашимъ величествомъ, скоро не соберется, ибо ваши повелѣнія безъ исполненія остаются. Брольи распространился о жалобахъ кіевскаго воеводы Потоцкаго и брацлавскаго воеводы князя Яблоновскаго. Гроссъ возражалъ, что жалобы перваго изслѣдованы и отвѣтъ на нихъ данъ; что же касается до жалобы Яблоновскаго относительно Чигирина, то тутъ никакого спору быть не можетъ, потому что границы чигиринскаго староства опредѣлены договоромъ 1686 года. Гроссъ прибавилъ, что нѣтъ никакой нужды третьему со стороны мѣшаться въ пограничные споры между Россіею и Польшею, на это есть особенные коммиссары съ обѣихъ сторонъ, и не согласно съ достоинствомъ посторонней державы вступаться во всѣ бездѣлицы, какія могутъ иногда произойти на границахъ другаго отдаленнаго государства. Брольи разгорячился и сталъ говорить, что заступаясь за Поляковъ, онъ поступаетъ по указу своего двора, что неудивительно, если Поляки, не получая удовлетворенія отъ Россіи, ищутъ предстательства союзной державы, что между союзниками договоръ—во время прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу не причинять жителямъ никакого убытка, и потому онъ Брольи имѣетъ полное право вступаться во всѣ жалобы Поляковъ, чтобы вслѣдствіе ихъ неудовлетворенія не нарушено было спокойствіе страны, и что безъ него и Дюрана давно бы уже произошли смуты.» Волконскій и Гроссъ оканчиваютъ это донесеніе отъ 19 октября извѣстіемъ, что графъ Понятовскій отзывается изъ Петербурга вслѣдствіе письма французскаго короля, а это доказываетъ, по ихъ мнѣнію, совершенную власть, какую Франція имѣетъ надъ польскимъ дворомъ.

На это донесеніе Волконскій и Гроссъ получили отъ своего двора неожиданный отвѣтъ: «Мы признаемъ, что польскій дворъ теперь ожидаетъ для Саксоніи всего отъ двора французскаго; но могъ бы польскій дворъ представить французскому, что какъ ни велика его признательность, однако онъ надѣется, что король французскій никогда не потребуетъ, чтобъ эта признательность доказывалась нарушеніемъ правъ королевства польскаго и слѣ-

нымъ снисхожденіемъ на просьбы всѣхъ тѣхъ, которые, быть можетъ, не оказавъ отечеству никакихъ заслугъ и не содѣйствуя согласію между дворами, имѣли только искусство угодить лично графу Брольи или резиденту Дюрану: вы не оставите объ этомъ нашемъ мнѣніи дать знать королю чрезъ графа Брюля. Правда, кто при дворѣ чинами и староствами располагаетъ, тотъ большую партію себѣ составитъ, только не для чего объ этомъ безпокоиться; благодарность Поляковъ извѣстна: какъ скоро не французскій посолъ, а кто-нибудь другой будетъ располагать чинами, то о французскомъ послѣ будетъ совершенно забыто. Князья Чарторыйскіе изъ ничтожества дворомъ выведены, и располагая чинами, первенствовали въ Польшѣ, а теперь потеряли значеніе, потому что чинами не располагаютъ. Все имѣетъ свое время, надобно подождать, и когда наступитъ наше время, пользоваться имъ. Что касается раздачи Полякамъ денегъ, то мы показали, что большей экономіи въ этомъ не наблюдаемъ, только вѣдь и наскучитъ слышать частыя объ этомъ напоминанія отъ всѣхъ нашихъ министровъ, кто бы туда посланъ ни былъ, а никогда не видать никакой отъ этого пользы. Извѣстно, что за деньги можно пріобрѣсть пріятелей, но нельзя же ограничиться только тою пользою, что они наши деньги будутъ принимать. Съ Веймарномъ было отправлено въ Польшу 6000 червонныхъ по точному требованію князя Чарторыйскаго, канцлера литовскаго; но пользы эти деньги не принесли никакой, и этотъ богатый магнатъ принималъ ихъ не съ должнымъ уваженіемъ, а какъ будто бы ихъ ему навязывали. Если подлинно Франція раздаетъ деньги въ Польшѣ, то она можетъ получить отъ этого пользу, находясь въ такомъ отдаленіи отъ нея, не будучи въ состояніи ни прямо помогать Польшѣ, ни притѣснять ее. Безъ раздачи денегъ она могла бы быть совершенно неизвѣстна въ Польшѣ. Но съ нами совсѣмъ другое дѣло; намъ нужно примѣчать французскія движенія, но во всемъ подражать имъ излишне.»

Въ концѣ года Волконскій и Гроссъ донесли, что Брольи и Дюранъ стали вести себя получше, продолжается только холодность, нежеланіе вступать въ разговоръ [87].

Перемѣна въ поведеніи французскихъ министровъ произошла отъ того, что нельзя было долго смѣяться надъ отступленіемъ Апраксина; послѣ того какъ отрядъ Австрійцевъ подъ началь-

ствомъ генерала Гаддика захватилъ Берлинъ и поспѣшно оставилъ его, взявши только съ жителей 185,000 талеровъ контрибуціи, — французское войско въ октябрѣ потерпѣло отъ Фридриха II пораженіе при Росбахѣ, австрійское въ ноябрѣ при Леутинѣ; шведское войско, вторгшееся въ прусскую Померанію, было отброшено тѣмъ самымъ Левальдомъ, которому такъ не посчастливилось при Гросъ-Егерсдорфѣ. Фридрихъ II торжествовалъ надъ страшною коалиціею. Надобно было готовиться къ тяжелой и долгой войнѣ, надобно было готовить войско и деньги.

Въ мартѣ сенатъ приказалъ изъ военной коллегіи подать вѣдомость, сколько теперь слѣдуетъ въ отставку солдатъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, потому что изъ разныхъ мѣстъ требуютъ ихъ для содержанія карауловъ и другихъ службъ, такъ какъ теперь въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ армейскихъ солдатъ и разсыльщики взяты въ военную службу. Война грозила стать и морскою, ждали англійской эскадры въ Балтійское море, а потому флотъ требовалъ одинакого вниманія съ сухопутнымъ войскомъ; постановили: недорослей, являющихся къ опредѣленію въ кадетскіе корпуса, сухопутный и морской, раздѣлять пополамъ, чтобъ эти корпуса могли наполняться уравнительно. Въ концѣ года военная коллегія подала вѣдомость о рекрутахъ; изъ этой вѣдомости оказалось, что послѣдняго набору рекрутъ въ сборѣ 43,088, офицерамъ отдано 41,374 человѣка, отъ нихъ отправлено 37,675, а къ полкамъ дѣйствительно приведено 23,571 человѣкъ. Сенатъ велѣлъ спросить коллегію: куда же дѣлось 19,517 человѣкъ? Нѣсколько прежде сенатъ слушалъ экстрактъ изъ протокола конференціи о предложеніи графа Петра Шувалова производить ежегодный рекрутскій наборъ не со всего государства, а съ одной только части, раздѣливъ для этого всю Россію на пять частей. Тотъ же Шуваловъ указалъ на вредную въ военное время медленность почты: рапортъ отъ командира перваго мушкетерскаго полка, отправленный 26 сентября, полученъ 14 ноября; по дорогѣ отъ Смоленска до Петербурга находился мѣсяцъ и двѣнадцать дней [88].

Мы уже упоминали о столкновеніи Шувалова съ генераломъ кригсъ-коммиссаромъ, княземъ Яковомъ Шаховскимъ. Шаховской въ своихъ запискахъ, даетъ намъ знать, куда дѣвались 19,517

человѣкъ рекрутъ, о которыхъ сенатъ спрашивалъ военную коллегію. Въ описываемое время Шаховской находился въ Москвѣ при главномъ коммиссаріатѣ. «Въ одно время въ исходѣ зимы, говоритъ Шаховской, на половинѣ моего пути къ госпиталю, встрѣтились мнѣ нѣсколько дровней, наполненныя лежащими солдатами и рекрутами. Я остановился и спрашивалъ: куда ихъ везутъ? Бывшій при нихъ унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что для излѣченія отъ тяжкихъ болѣзней отправлены оные были въ генеральный госпиталь, но что ихъ въ оный за опасностію не приняли, и обратно велѣно ему отвезти ихъ въ команду; я увидя жалкое тѣхъ несчастныхъ состояніе, въ числѣ коихъ нѣсколько уже полумертвыми казались, приказалъ обратно везти за собою въ госпиталь, обнадежа, что ихъ тамъ помѣщу. Но какъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ тѣми страдальцами въ домъ госпитальный, то у большаго крыльца увидѣлъ еще нѣсколько на дровняхъ же лежащихъ больныхъ. И какъ я только изъ моей кареты выходить сталъ, то докторъ и коммиссаръ оба вдругъ спѣшно говорили мнѣ, чтобъ я далѣе крыльца не ходилъ, ибо чрезъ три дни, какъ я въ послѣднее у нихъ былъ, чрезвычайное множество изъ разныхъ командъ солдатъ и рекрутъ навезли больныхъ, а по большей части въ жестокихъ лихорадкахъ и прилипчивыхъ горячкахъ и что уже болѣе 900 человѣкъ у нихъ въ вѣдомствѣ больныхъ и тѣми не токмо всѣ покои въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ, но и сѣни наполнены, и отъ тѣсноты сдѣлалась великая духота, а для холоднаго времени отворять всегда окна не можно; и такъ не токмо они одинъ отъ другаго заражаются, но и здоровые, призрѣніе и услуженіе имъ дѣлающіе, отъ того впадаютъ въ болѣзни, а отъ командъ почти непрерывно еще присылкой такихъ умножаютъ, коихъ обратно въ ихъ команды отсылать принуждены, а для того и сихъ лежащихъ на дровняхъ обратно же въ команды отправить намѣрены, чтобъ они, на счетъ госпитальный, число мертвыхъ не умножали. Въ то же время присланный съ тѣми больными для отдачи унтеръ-офицеры просили меня о пріемѣ оныхъ, показывая изъ числа тѣхъ въ пути нѣсколько уже мертвыхъ, а другихъ въ прежалостномъ состояніи на стужѣ дрожащихъ... Я собиралъ всѣ свои мысли, какъ бы сыскать онымъ страдальцамъ облегченіе, искалъ моими глазами по всѣмъ сторонамъ, не найду ль способныхъ изъ близь

находящихся строеній къ пространнѣйшему тѣхъ помѣщеній; спрашивалъ у коммиссара и доктора, кто въ коихъ живетъ? тамъ показывали мнѣ близь находящіяся строенія, въ коихъ жили разные госпитальные служители, изъ которыхъ я приказалъ немедленно тѣхъ жителей вывесть въ наемныя квартиры, а въ ихъ покои помѣстить больныхъ. Докторъ и коммиссаръ мнѣ отвѣтствовали, что они вчерась уже то предпринимали, но способа не нашли, ибо по близости наемныхъ квартиръ нѣтъ, да и вдали вокругъ по разнесшемуся о больныхъ нашихъ слуху, ни за какую цѣну въ наемъ въ госпитальное вѣдомство своихъ дворовъ не отдаютъ. Въ то же время свѣдалъ я, что есть неподалеку конюшеннаго вѣдомства нѣсколько порожнихъ покоевъ, и еще увѣдалъ неподалеку же отъ госпиталя позади Дворцоваго сада на берегу Яузы рѣки, не малое деревянное строеніе, о коемъ сказали мнѣ, что то дворцовой канцеляріи вѣдомства пивоваренный дворъ и теперь въ отсутствіи ея величества, весь пустъ, и живетъ въ немъ только коммиссаръ, у коего оный въ смотрѣніи. Другіе же сказывали, что за неприличностью мѣста, и что онъ уже ветхъ, назначено все оное строеніе въ другое, далѣе отъ сего сада мѣсто перенесть и о подрядѣ того къ споскѣ и въ газетахъ напечатано».

Въ этотъ-то пивоваренный дворъ Шаховской рѣшился перевести служащихъ при госпиталѣ, а въ ихъ квартиры помѣстить больныхъ. Это онъ сдѣлалъ, не дожидаясь разрѣшенія отъ главной дворцовой канцеляріи, находившейся въ Петербургѣ, и зная, что такимъ самовластнымъ распоряженіемъ можетъ возбудить неудовольствіе, написалъ письмо къ фавориту Ив. Ив. Шувалову съ просьбою защитить, если недоброжелатели заочно станутъ что-нибудь разглашать. Ив. Ив. Шуваловъ, который среди тогдашней знати, отличался мягкостію, людскостію обращенія, который прежде всего старался сохранить со всѣми добрыя отношенія, особенно же съ людьми, выдающимися заслугами и способностями, старался казаться совершенно безпристрастнымъ, свободнымъ отъ воззрѣній своихъ родственниковъ графовъ Петра и Александра Шуваловыхъ, старался «благороднымъ учтивствомъ» и услугами сдѣлать свой фаворъ пріятнымъ и желаннымъ,—Ив. Ив. Шуваловъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ хвалилъ человѣколюбивый поступокъ Шаховского и обнадеживалъ своею защи-

тою. Но въ то же время Шаховской описалъ все дѣло пріятелю своему, майору гвардіи Нащокину, и тотъ увѣдомилъ его, что въ знатныхъ домахъ у недоброжелателей Шаховского слышалъ выходки противъ него членовъ главной дворцовой канцеляріи, которые толкуютъ о неслыханной дерзости генерала кригсъ-комиссара, осмѣлившагося самовольно положить больныхъ съ прилипчивыми болѣзнями въ томъ мѣстѣ, гдѣ во время пребыванія двора, варятъ пиво и кислыя щи для собственнаго употребленія ея величества. Сенатъ потребовалъ отъ Шаховского объясненія, на какомъ основаніи онъ занялъ дворцовый пивоваренный дворъ безъ позволенія главной дворцовой канцеляріи; но генералъ-прокуроръ прислалъ ему дружеское письмо, въ которомъ поздравлялъ, что недоброжелатели «не находя справедливыхъ резоновъ, коими бы васъ повреждать возмогли, склоняются къ примиренію, какъ то вчерась въ конференціи было, что графъ Петръ Ив. Шуваловъ, зная, что я васъ люблю, приближаясь ко мнѣ, всѣмъ въ слухъ говорилъ, что сожалѣетъ о тѣхъ спорахъ и вздорахъ, кои онъ съ тобою по своей командѣ производилъ, и теперь довольно познавъ, что ваши упрямства, по большей части, дѣльныя, всѣ въ томъ свои жалобы оставляетъ и предаетъ забвенію».

Но Нащокинъ въ письмахъ своихъ твердилъ по прежнему, чтобъ Шаховской остерегался: жалобы дворцовой канцеляріи все увеличиваются. Нащокинъ былъ правъ. Въ одно прекрасное утро является къ Шаховскому гвардейскій офицеръ, пріѣхавшій изъ Петербурга и подаетъ бумагу отъ начальника страшной тайной канцеляріи, графа Александра Ив. Шувалова; въ бумагѣ говорилось: «Ея импер. величеству извѣстно учинилось, что вы самовольно заняли въ дворцовомъ поваренномъ домѣ тѣ каморы, въ коихъ для собственнаго ея величества употребленія разливаютъ и купорятъ съ напитками бутылки, и помѣстили въ нихъ прачекъ, кои со всякими нечистотами бѣлье съ больныхъ моютъ; и для того по высочайшему повелѣнію посланъ къ вамъ изъ тайной канцеляріи нарочный, гвардіи поручикъ, коему повелѣно, ежели по освидѣтельствованію его въ тѣхъ покояхъ больные и прачки найдутся, то бы всѣхъ тѣхъ немедленно перевести въ домъ вашъ для жилья ихъ, не обходя ни единаго покоя въ вашихъ палатахъ, и точно въ вашей спальнѣ».

Все это было справедливо: помощникъ Шаховского по управленію госпиталемъ, генералъ-майоръ Комингъ и госпитальный коммиссаръ распорядились помѣщеніемъ больныхъ и прачекъ въ пивоварнѣ безъ вѣдома генерала-кригсъ-коммиссара; и потомъ Шаховской узналъ, что коммиссаръ имѣлъ сношеніе съ присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ дворцовой канцеляріи и какъ нарочно передъ самымъ пріѣздомъ гвардейскаго офицера ввелъ больныхъ и прачекъ въ пивоварню. Какъ бы то ни было, указъ былъ исполненъ и Шаховской долженъ былъ двѣ недѣли содержать въ своемъ домѣ больныхъ и прачекъ, пока не пришелъ отвѣтъ на объяснительное письмо его къ императрицѣ [89]. Ив. Ив. Шуваловъ написалъ ему благосклонное письмо съ выраженіями глубокаго сожалѣнія о случившемся, и увѣрялъ отъ имени императрицы, что «ея величество, увидя его, Шаховского оправданіе, сожалѣетъ, что такъ скоро и неосмотрительно съ нимъ учинено.» Когда потомъ Шаховской пріѣхалъ въ Петербургъ, то доброжелатели разсказали ему, какъ произошла эта неосмотрительность; по ихъ словамъ, члены главной дворцовой канцеляріи постарались отомстить Шаховскому съ помощію графовъ Шуваловыхъ Петра и Александра, сердившихся на него за несогласіе удовлетворять ихъ требованіямъ по войскамъ, находившимся подъ ихъ начальствомъ. Вотъ какъ передаетъ этотъ разсказъ самъ Шаховской: «Графъ Петръ Ив. Шуваловъ, по обыкновенному искусству чрезъ свою супругу, графиню Мавру Егоровну, которая тогда; въ великой у ея величества милости и довѣренности находясь, во дворцѣ жила, такъ какъ и прочія свои надобности по желанію произвелъ и хитро домогся отъ ея императ. величества мнѣ такого рѣшенія, употребляя еще къ тому своего услужника, тогда бывшаго при дворѣ и въ милости у ея величества находящагося оберъ-мундшенка Бахтѣева. Такимъ образомъ роли свои начали они при первомъ къ тому способномъ случаѣ: будучи во внутреннихъ покояхъ предъ лицемъ ея величества, отошедъ къ окну, умышленно начали съ важными и удивительными видами разговаривать; ея величество то примѣтя, подошедъ къ нимъ спросила: о чемъ они такъ важно разговариваютъ? Они оба замолчали, дая видъ, якобы для опасности своей въ такія дѣла вмѣшиваться и донесть ея величеству не осмѣливаются. Она такія ихъ скром-

ности за нѣчто важное принявъ, повелительнымъ образомъ требовала, чтобъ они о всемъ томъ, и коего они, больше ея боясь, скрываютъ, обстоятельно сказали.» Графиня Шувалова отвѣтствовала: «О, боюсь, матушка, что сей удачливый въ своихъ предпріятіяхъ человѣкъ, которому всѣ по большей части трусятъ и уступаютъ, меня иными посредствами обругаетъ. Ежелибъ такъ мужъ мой сдѣлалъ, много бы на него вашему величеству доносителей въ томъ было, а на этого смѣльчака никто не смѣетъ»,— и притомъ указала на оберъ-мундшенка Бахтѣева: «вотъ де ему объ этомъ должно вашему величеству представить, да и онъ де трусить». Ея величество то выслушавъ, уже съ большею нетерпѣливостію и восхищеніемъ гнѣва спросила: «Что то за дѣло, и кто такой вамъ паче меня страшенъ есть?» Господинъ Бахтѣевъ (какъ сказывалъ мнѣ тотъ, которому при всемъ томъ быть случилось) съ робкимъ видомъ и какъ возмогъ, увеличилъ въ мое поврежденіе тотъ мой поступокъ о занятіи пивовареннаго двора, и якобы я въ тѣ каморы, гдѣ разливаютъ и купорятъ бутылки для ея величества въ употребленіе, помѣстилъ больныхъ съ гнусными болѣзнями и прачекъ для мытья снимаемаго съ нихъ бѣлья. И тако сіи безсовѣстно злоковарные добродѣтельное сердце къ рѣшенію противу меня приготовили, что въ тотъ же моментъ ея величество проговоря: «вотъ я вамъ докажу, чтобъ вы не боялись сего смѣльчака», призвавъ графа Александра Ив. Шувалова, который какъ бы нарочно на тотъ часъ неподалеку находился, соизволила повелѣть ему, ни мало не мѣшкавъ, нарочнаго офицера съ высочайшимъ ея ко мнѣ указомъ въ Москву отправить»[90].

Вслѣдствіе всей этой исторіи велѣно въ московскомъ госпиталѣ сдѣлать пристройку; но Шаховской представилъ, что госпиталь находится вблизи дворца и выше по теченію Яузы, поэтому нечистоты по рѣкѣ и дурной запахъ можетъ по вѣтру доходить и до дворца: такъ не лучше ли построить вновь каменный корпусъ на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Новоспасскаго монастыря или близь дома крутицкаго архіерея, и здѣсь помѣщать не только больныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, но и прочихъ чиновъ людей военныхъ и статскихъ, находящихся въ неизлѣчимыхъ болѣзняхъ и дряхлости, также сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ на войнѣ, и незаконнорожденныхъ мла-

денцевъ, и на содержаніе, если госпитальныхъ доходовъ доставать не будетъ, брать изъ доходовъ съ синодальныхъ вотчинъ, также остатки отъ расходовъ въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, ибо относительно построенія при монастыряхъ госпиталей и страннопріимницъ многіе указы не исполнены; а хотя въ монастыри отставные офицеры и солдаты и посылаются для пропитанія, но они тамъ по большей части безъ надлежащаго призрѣнія и довольства содержатся, и отъ нихъ на монастырскія власти, и отъ властей на нихъ происходятъ частыя жалобы въ разныхъ приключеніяхъ и ссорахъ; настоящій же госпиталь можетъ служить казармою для лейбъ-компаніи или для другихъ дворцовыхъ надобностей. Когда это представленіе было прочтено въ сенатѣ, то генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и графъ Петръ Ив. Шуваловъ объявили, что на учрежденіе инвалидныхъ домовъ на такомъ же основаніи какъ представляетъ Шаховской, уже есть высочайшее соизволеніе; поэтому приказали: принять мнѣніе князя Шаховского, а мѣсто для госпиталей и инвалидныхъ домовъ сенатъ призналъ удобнымъ на берегу Москвы-рѣки близъ Данилова монастыря, и архитектору князю Ухтомскому начертить планъ и составить смѣту [91].

Но на приведеніе въ исполненіе такихъ обширныхъ построекъ было мало надежды по состоянію финансовъ во время войны. Графъ Петръ Шуваловъ представлялъ конференціи: [92] «Капитала запаснаго нѣтъ; тѣ милліоны, которые казнѣ пріобрѣтены, издержаны; по установленному способу надбавка на цѣну вина и соли сдѣлана, умноженные доходы истощены, взаймы пожалованный милліонъ также. Способъ пріобрѣсти деньги надежный: опредѣленную для копѣечной монеты по 8 рублей изъ пуда мѣдь, 437500 пудовъ передѣлать въ грошовую, копѣечную, денежную и полушечную монету по 16 рублей изъ пуда, и вмѣсто обращающихся въ народѣ мѣдныхъ денегъ 7,397,910 рублей будетъ обращаться по этому моему плану въ государствѣ 12,502,154 рубля. Подданные ту выгоду имѣть будутъ, что они шестнадцатирублевою въ пудѣ монетою не такъ въ провозѣ будутъ отягощены какъ теперь; прежняя монета такою низкою цѣною установлена съ цѣлію пресѣчь привозъ изъ чужихъ краевъ, но теперь эта предосторожность считается излишнею. Укажутъ правда другіе способы для собранія большого капитала

по примѣру иностранныхъ государствъ, напримѣръ лотереи или банкъ; но у насъ эти учрежденія не годятся, потому что такую большую лотерею, чтобъ получить шесть милліоновъ, не только скоро, но и едва ли вовсе набрать возможно, особенно когда у насъ самая идея лотереи неизвѣстна. Что же банка касается, то отъ поддѣлыванія банковыхъ билетовъ опасность, и бумажки вмѣсто денегъ народу не только дики покажутся, но и совсѣмъ кредитъ повредится, потому что при употребленіи банковыхъ билетовъ въ торгахъ всякія помѣшательства и обманы могутъ происходить.»

Въ сенатѣ Шуваловъ предложилъ, что по его изобрѣтеніямъ съ 1750 года до сихъ поръ казна получила прибыли болѣе пятнадцати милліоновъ рублей (15,671,172 рубля 53 копѣйки); изъ новыхъ доходовъ устроенъ дворянскій банкъ; но это полезнѣйшее дѣло можетъ повести къ крайнему разоренію дворянскихъ фамилій, ибо для уплаты назначенъ только трехгодичный срокъ, и многіе дворяне не могутъ въ три года выплатить, занять же имъ негдѣ, особливо находящимся при арміи, и такимъ образомъ принуждены лишаться недвижимыхъ имѣній: нужно срокъ уплаты продолжить. Сенатъ согласился продолжить срокъ еще на годъ. Велѣно въ штатсъ-контору подъ видомъ займа отпустить съ монетнаго двора 275,000 рублей съ уплатою таможенными ефимками, которые приказано поскорѣе въ передѣлъ употреблять, чтобъ на монетномъ дворѣ не послѣдовало въ деньгахъ недостатка; изъ разныхъ другихъ мѣстъ велѣно выдать въ штатсъ-контору 39,490 рублей. Кромѣ военныхъ издержекъ, найдено необходимымъ производить безостановочно работы въ Кронштадтѣ: послѣ канала тамъ строили купеческую и среднюю гавань, на что отпущено было 97,000 рублей. Смотрѣли, какъ бы сократить расходы, и опять напали на безконечныя коммиссіи. Генералъ-прокуроръ предложилъ: въ Ярославлѣ по корчемнымъ и прочимъ дѣламъ, а въ Новгородѣ о непорядочныхъ поступкахъ вѣрныхъ сборщиковъ учреждены коммиссіи, но дѣла въ нихъ продолжаются не малое время за спорами и подозрѣніями на членовъ, а потому надобно раздать эти дѣла по соотвѣтствующимъ учрежденіямъ, въ камеръ-контору, юстицъ-коллегію, и если тамъ не смогутъ рѣшить, то въ сенатъ, чтобъ приказные по напрасну жалованье не получали и виновные безъ наказанія не оставались. Сенатъ согласился.

Такъ какъ управленіе финансами сосредоточивалось въ сенатѣ, то въ низшихъ учрежденіяхъ думали, что о всякомъ, самомъ мелочномъ распоряженіи въ области финансовъ, должно доносить сенату. Московскій магистратъ донесъ, что онъ наложилъ пятидесяти-копѣечный оброкъ на анбаръ, построенный купцомъ Ефимовымъ для торговли горшками; сенатъ велѣлъ магистрату прислать отвѣтъ, зачѣмъ онъ утрудилъ сенатъ такимъ неподлежащимъ дѣломъ. Но никто не находилъ неподлежащимъ дѣломъ, что разрѣшеніе открыть гербергъ или гостинницу зависѣло отъ сената. Въ Москвѣ былъ уже гербергъ, содержимый савояромъ Берлиромъ въ Нѣмецкой слободѣ, а теперь позволено было основать другую въ селѣ Покровскомъ, что въ Елоховѣ; позволеніе было дано петербургскому купцу Цыгинбейну, у котораго былъ гербергъ и въ Петербургѣ. Сенатъ позволялъ также московскому университету имѣть подъ собственнымъ своимъ смотрѣніемъ обержу или гербергъ для иностранныхъ профессоровъ, магистровъ и учителей [93]. Въ концѣ года запрещено было имѣть въ Петербургѣ болѣе 2000 извощиковъ по причинѣ дороговизны фуража [94].

Изъ явленій областной жизни по прежнему особенное вниманіе возбуждали крестьянскія волненія. Евдокимъ Демидовъ опять жаловался, что для усмиренія его крестьянъ въ Алексинскомъ и Лихвинскомъ уѣздахъ посланъ былъ прапорщикъ съ командою; но крестьяне прапорщика не послушались, командѣ запрещали ходить въ село Русаново, грозясь бить до смерти, два священника и крестьяне сказали, что Демидова и дѣтей его слушать не будутъ. Противъ взбунтовавшихся крестьянъ Новоспасскаго монастыря Шацкаго уѣзда селъ Спасскаго и Введенскаго отправился подполковникъ Хатунскій, въ слѣдствіе сопротивленія спасскихъ крестьянъ онъ принужденъ былъ употребить артиллерію и ружья и силою ворвался въ село; крестьяне разбѣжались; потомъ отыскано было въ селѣ и сами явились 62 человѣка, а въ селѣ Введенскомъ только 10 человѣкъ; такъ какъ бунтъ произошелъ въ слѣдствіе обидъ отъ монастырскихъ управителей и слугъ, то для изслѣдованія дѣла учреждена смѣшанная коммиссія изъ членовъ сенатской и синодальной конторы [95].

Малороссійскаго гетмана успѣли наконецъ выпроводить изъ Петербурга въ Глуховъ: по всей дорогѣ, на каждомъ почтовомъ

стану велѣно было выставить по 200 подводъ; по примѣру пріѣздовъ гетмана Скоропадскаго, Разумовскому дано было вмѣсто кафтана и запоны 1116 рублей 52 копѣйки, а чиновникамъ, бывшимъ при немъ, вмѣсто соболей и камокъ—генеральному судьѣ 250 рублей, другимъ по 60 рублей! Главную заботу со стороны малороссійской украйны составляли по прежнему запорожцы. Здѣсь атаманъ минскаго куреня Шкура, да ирклеевскаго куреня атаманъ Кишенскій возмутили козаковъ разныхъ куреней, взяли насильно котлы и, ударяя въ нихъ полѣньями, собрали раду, набѣжало козаковъ больше 300 человѣкъ, подняли крикъ, ухватили двѣ палицы, кошеваго и судейскаго стола, и первую отнесли Шкурѣ, а вторую Кишенскому, и Шкура сталъ кошевымъ, а Кишенскій судьею; но потомъ собрались атаманы и опредѣлили быть по прежнему старому кошевому и войсковой старшинѣ. Гетманъ послалъ взять подъ караулъ Шкуру, Кишенскаго и другихъ зачинщиковъ и привезти въ Глуховъ. Но атаманское опредѣленіе, какъ видно, оказалось непрочно: старый кошевой и старшина сочли за нужное отказаться отъ своихъ должностей подъ предлогомъ старости, и выбраны были новые. Гетманъ, узнавши объ этомъ, писалъ въ Запорожье, что за такое дѣло войско запорожское весьма достойно быть подъ истязаніемъ и штрафомъ, и чтобъ впредь не смѣли, подъ опасеніемъ высочайшаго гнѣва, сами собою увольнять кошевого и старшину и выбирать новыхъ. Гайдамаки оговорили кошевого и старшину, что они брали у нихъ въ подарокъ грабленныя вещи [96].

Мы видѣли, что русскій министръ въ Варшавѣ Гроссъ получилъ извѣщеніе о надеждахъ малороссійскихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Крыму. Когда это извѣщеніе было переслано въ Петербургъ, то отсюда, разумѣется, пошла грамота къ гетману, чтобъ удвоилъ вниманіе. Разумовскій испугался, но не эмигрантскихъ происковъ, могшихъ нарушить спокойствіе ввѣренной ему страны, а того, что въ Петербургѣ испугаются этихъ замысловъ и не позволятъ ему покидать Малороссію. Въ отчаяніи онъ писалъ вице-канцлеру Воронцову: «Вашему сіятельству, яко другу моему открываюсь, что сіе дѣло есть совсѣмъ несбытное и неосновательное; я больше почитаю, что вымышленное моими извѣстными пріятелями, такого свойства, каковы были мнимые шпіоны отъ короля прусскаго, единственно только для того,

чтобъ сдѣлать мое присутствіе здѣсь нужнымъ, важнымъ и весьма необходимо полезнымъ, дабы чрезъ то вложить мнѣніе государынѣ, какая опасность отъ сего краю быть можетъ, въ наблюденіе чего, чтобъ меня засадить въ семъ скучномъ мѣстѣ и затворить бы путь къ моему возвращенію въ Петербургъ, ежели пожелаю».

Но малороссійскіе эмигранты были существа дѣйствительныя, а не мнимыя, и потому Разумовскій придумалъ средство противъ людей, которые могли помѣшать его поѣздкамъ въ Петербургъ: «Послѣдній рескриптъ, писалъ онъ Воронцову, заставилъ меня думать, какимъ бы образомъ истребить сей каналъ, откуда сіи вѣсти приходятъ, которыя смущаютъ тѣхъ, которымъ дѣла сіи ввѣрены, а наводятъ на сей край недовѣренность въ то время, когда ни одна душа здѣсь такого безбожнаго мнѣнія не имѣетъ, но напротивъ того всѣ пребываютъ въ непоколебимой вѣрности къ ея импер. величеству, въ чемъ ваше сіятельство твердо увѣряю. Для пресѣченія сего мнѣ кажется можно способъ употребить, чтобъ двухъ или трехъ бездѣльниковъ истребить, которые въ Крыму изстари живутъ и, будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишутъ и разсуждаютъ, забывъ то, что украйна послѣ того времени, можно сказать, что совсѣмъ переродилась и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ почитай люди, и слѣдовательно не тѣ уже и мысли въ нихъ пребываютъ. Для успокойствія всего, мнѣ кажется, что можно сихъ плутовъ оттуда украсть или какимъ способомъ истребить, о успѣхѣ котораго увѣрить заподлинно васъ не могу, только стараніе удобовозможное употреблено будетъ. И такъ васъ прошу дать мнѣ знать, что вы о семъ думаете».

Воронцовъ отвѣтилъ, что «хотя весьма желательно бы было, дабы извѣстные два злодѣя, находящіеся въ Крыму, могли какимъ случаемъ истреблены или украдены быть, но какъ сей способъ есть весьма ненадежный, къ тому жъ и можетъ за собою непріятныя слѣдствія нанести, я думаю, что лучше бы было совсѣмъ въ презрѣніи оставить, толь болѣе, что никакого опасенія отъ нихъ каверзъ имѣть не можно, и они уже престарѣлые люди и скоро въ гробъ пойдутъ» [97].

Изъ Новой Сербіи Хорватъ доносилъ, что населеніе идетъ быстро: въ три мѣсяца, отъ января до апрѣля пришло обоего

пола душъ 822. Но стали приходить доносы на Хорвата, что онъ населяетъ Новую Сербію непозволительными средствами. Гетманъ Разумовскій прислалъ въ сенатъ копію съ допросовъ сотника Мовчана да осадчика новой черноташлыкской слободки Савранскаго: изъ допросовъ оказывалось, будто бы Хорватъ приказывалъ Савранскому собрать запорожскихъ козаковъ охотниковъ, идти съ ними въ Польшу, перегнать силою тамошній народъ на эту сторону Буга и населить имъ новозаведенную слободу, почему Савранскій съ запорожцами въ Польшѣ былъ и изъ села Вербовецъ, принадлежащаго Мнишку, пригналъ 35 семей въ свою слободу. Мовчанъ показалъ, что Хорватъ, въ присутствіи поручика Булацела, приказывалъ сотнику новопоселенной слободки Добрянки Табанцу, который жаловался на обиду отъ Поляковъ, чтобъ онъ взялъ охотниковъ изъ запорожскихъ степей и попугалъ Поляковъ, только тайно, не разглашая, а я, сказалъ Хорватъ, въ томъ отвѣтчикъ, и руку Табанцу далъ; Табанецъ и былъ въ Польшѣ, на ярмаркѣ отбилъ больше 300 лошадей и зарѣзалъ 30 человѣкъ. Сенатъ приказалъ: гетману велѣть поступить съ Табанцомъ и Савранскимъ по ихъ винамъ, за разбой и переходъ за границу; а показаніямъ на Хорвата не вѣрить, ибо эти показанія сдѣланы приличившимися въ воровствѣ [98].

Далѣе на востокъ въ украинныхъ мѣстахъ перемѣщеніе жителей происходило другимъ способомъ. Въ концѣ года правительство узнало, что изъ Тамбовскаго и Козловскаго уѣздовъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе разглашаютъ, что эти бѣглые, собравшись въ Царицынѣ и переправясь черезъ Волгу, покрыли себѣ землянки, живутъ въ нихъ и впредь будутъ принимать къ себѣ всякихъ прихожихъ людей; а нѣкоторые крестьяне бѣгутъ и явнымъ образомъ, объявляя, что идутъ для поселенія въ Царицынъ и въ Камышенку къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ опредѣленъ майоръ Парубучь [99].

Изъ оренбургской украйны доходили отголоски борьбы между старыми жителями, Башкирцами и русскими насельниками, пришедшими на разработку рудныхъ богатствъ страны. Заводскія конторы жаловались на Башкирцевъ, будто тѣ притѣсняютъ заводы, останавливаютъ производство работъ на нихъ; мало того,

кругомъ заводовъ пускаютъ пожары, на заводы и рудники наводятъ волшебные дымы, отъ чего происходитъ смертельный воздухъ, такъ что на Овзянопетровскомъ заводѣ почти всѣ больны, а немалое число и померло; также своею ложью остановили отмежеваніе земель, купленныхъ у Башкирцевъ съ лѣсомъ и угодьями, у находящихся при заводахъ крестьянъ не мало лошадей отогнали. Неплюевъ по поводу этихъ жалобъ подалъ мнѣніе: «Въ Оренбургѣ кромѣ этихъ извѣстій не предвидится ничего, что̀ бы могло подать поводъ къ башкирскимъ волненіямъ; о пожарахъ и лошадиныхъ отгонахъ точнаго изслѣдованія сдѣлать нельзя, потому что никого не поймано, а что касается мнимыхъ волшебныхъ дымовъ, то ясно, что это отъ суевѣрія написано» [100].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1758 годъ.

Паденіе канцлера Бестужева.—Отношенія великой княгини Екатерины Алексѣевны къ императрицѣ. — Сношенія съ Австріею на счетъ военныхъ дѣйствій.—Занятіе Восточной Пруссіи русскими войсками.—Движеніе Фермора къ Одеру.—Бомбардированіе Кистрина.—Битва при Цорндорфѣ. — Движеніе Фермора въ Померанію. — Замѣчанія конференціи на счетъ его распоряженій.—Письмо къ нему Воронцова.—Отступленіе Фермора къ Вислѣ. — Планъ кампаніи будущаго года. — Сношенія съ союзными дворами, австрійскимъ и французскимъ.—Сношенія съ Англіею и Польшею.—Саксонскій принцъ Карлъ получаетъ герцогство курляндское. — Дѣла турецкія. — Распоряженіе относительно Черногоріи.—Поведеніе черногорцевъ въ Москвѣ.—Внутренняя дѣятельность правительства — финансовыя распоряженія.—Торговля.—Волненія монастырскихъ крестьянъ.—Вопросъ объ управленіи церковными имѣніями.—Составленіе уложенія.—Коммиссія объ однодворцахъ.—Дѣла на украйнахъ.

Начало 1758 года было ознаменовано важнымъ событіемъ, которое подготовлялось уже два года, сверженіемъ великаго канцлера, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина.

Мы видѣли, въ какое затруднительное положеніе былъ поставленъ канцлеръ перемѣною европейской политики въ 1756 году, англо-прусскимъ союзомъ съ одной стороны и австро-французскимъ съ другой. Самолюбіе, нежеланіе признать свою ошибку, отвердѣвшая въ старинѣ система, по которой Франція, вслѣдствіе противоположности интересовъ, никогда не могла быть союзницею Россіи, закоренѣлая ненависть къ Франціи и боязнь предъ ея посломъ, не позволили Бестужеву вдругъ перемѣнить своихъ отношеній, отвернуться отъ Англіи и стать

12*

ревностнымъ поборникомъ французскаго союза; онъ слишкомъ явно защищалъ Англію, слишкомъ неохотно соглашался на сближеніе съ Франціею, и этимъ сталъ подозрителенъ въ глазахъ императрицы, кредитъ его упалъ; вице-канцлеръ Воронцовъ, мимо его, производилъ самыя важныя сношенія; черезъ него послѣдовало сближеніе съ Франціею и французскій посолъ пріѣхалъ въ Петербургъ, остереженный отъ своего двора опасаться болѣе всего канцлера и его интригъ. Австрія враждебно относилась къ Бестужеву за его сопротивленіе французскому союзу. Кауницъ, который считалъ этотъ союзъ своимъ дѣломъ и ждалъ отъ него безчисленной пользы, Кауницъ выразился предъ французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, что не забудетъ тѣхъ затрудненій, которыя дѣлаетъ ему Бестужевъ [101]. Такимъ образомъ кромѣ русскихъ враговъ у Бестужева въ Петербургѣ было еще теперь два сильныхъ врага иностранныхъ, Эстергази и Лопиталь, а помощи ни откуда.

Легко понять, какъ, при такихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ осторожно дѣйствовать Бестужевъ. Мы видѣли, какъ обезпокоили его толки о медленности Апраксина и какъ онъ старался побудить его идти какъ можно скорѣе. Еще болѣе должно было его обезпокоить отступленіе Апраксина послѣ побѣды, возбудившее бурю въ Петербургѣ. Отъ 13 сентября канцлеръ писалъ ему: «Я уже ваше превосходительство имѣлъ честь чрезъ Петра Ив. Панина поздравить одержанною надъ непріятелемъ побѣдою. А теперь на ваше писаніе ничего иного отвѣтствовать не имѣю, кромѣ того, что я крайне сожалѣю, что армія подъ командою вашего превосходительства почти во все лѣто недостатокъ въ провіантѣ имѣя, наконецъ хотя и побѣду одержала, однакожъ принуждена, будучи побѣдительницею, ретироваться. Я собственному вашего превосходительства глубокому проницанію предаю, какое отъ того произойти можетъ безславіе какъ арміи, такъ и вашему превосходительству, особливо жъ когда вы непріятельскія земли совсѣмъ оставите» [102].

Но Апраксинъ отступалъ и ожесточеніе противъ него становилось все сильнѣе и сильнѣе. Изъ французскаго и австрійскаго посольства пошли слухи объ интригѣ и пошли по всей Европѣ. Бехтѣевъ писалъ Воронцову изъ Парижа 26 сентября: «Мы во всю сію недѣлю были въ великомъ безпокойствѣ; послѣ 19 ав-

густа писемъ мы изъ Петербурга не имѣли, а изъ Голландіи такія получали вѣдомости на двухъ почтахъ, что только объ нихъ подумать, такъ ужасъ беретъ. Однимъ словомъ всѣ несчастія по тѣмъ вѣдомостямъ у насъ сдѣлались; по причинѣ оныхъ и армія пошла изъ Пруссіи съ великою торопостію будто уже ретировалась, оставя множество пушекъ. Весь городъ наполненъ былъ симъ дурнымъ слухомъ» [103]. Основаніемъ дурного слуха послужилъ припадокъ, случившійся съ императрицею. 8 сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы, Елисавета, жившая въ Царскомъ Селѣ, пошла къ обѣднѣ въ приходскую церковь, въ началѣ службы почувствовала себя дурно и одна вышла изъ церкви, но не дошедши до дворца, упала на землю и болѣе двухъ часовъ лежала безъ чувствъ [104]. Этотъ случай привели въ связь съ отступленіемъ Апраксина, начали догадываться, толковать, что Бестужевъ далъ знать о немъ Апраксину и потребовалъ возвращенія его въ Россію съ войскомъ, которое было нужно канцлеру для приведенія въ исполненіе его намѣреній относительно престолонаслѣдія. Разумѣется, кто могъ внимательно и спокойно вникнуть въ дѣло, тотъ долженъ былъ понять, что догадка не имѣетъ никакого основанія, что припадокъ съ императрицею случился 8 сентября, а отступленіе рѣшено было на военномъ совѣтѣ 27 августа; что еслибы была возможность остановиться и идти впередъ, то какъ могъ Апраксинъ не сдѣлать этого по полученіи стольких строгихъ указовъ и узнавши, что императрица оправилась? что Апраксинъ ничего не дѣлалъ самъ собою, а только исполнялъ рѣшенія военнаго совѣта, и какъ было предположить, что изъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ, подававшихъ голоса на совѣтѣ, не было ни одного честнаго человѣка и патріота, что всѣ они требовали отступленія, хотя и знали, что войско можетъ идти впередъ, не нуждаясь въ провіантѣ и фуражѣ? Но много ли было такихъ, которые могли вникнуть въ дѣло внимательно и, главное, спокойно. Извѣстно, какъ падка толпа на предположенія, что при каждомъ важномъ и непріятномъ событіи дѣйствовала интрига, злой умыселъ. А тутъ сколько было побужденій для подобнаго предположенія: иностранные союзники были озлоблены на Апраксина, отступленіе котораго разстроивало ихъ планы, облегчало Фридриха II, поднимало его духъ, освобождало отъ боязни рус-

скаго нашествія, давало Левальду возможность переведаться съ Шведами, а Русскіе вторили иностранцамъ вслѣдствіе оскорбленнаго патріотизма.

Апраксинъ во дворцѣ и въ конференціи нашелъ себѣ сильнаго защитника въ графѣ Петрѣ Ив. Шуваловѣ; но сильнѣе всѣхъ нападалъ на него канцлеръ Бестужевъ, вопервыхъ, изъ желанія прекратить толки о своемъ участіи въ отступленіи; вовторыхъ, изъ враждебнаго чувства къ Апраксину, которое явилось въ немъ именно вслѣдствіе сильнаго заступничества Шувалова: канцлеру было ясно, что Апраксинъ очень близокъ и дорогъ Шувалову, слѣдовательно Шуваловъ считалъ его вполнѣ себѣ преданнымъ. Враги Бестужева толковали, что канцлеръ замѣшанъ въ дѣло объ отступленіи, а Бестужевъ толковалъ, что виноватъ во всемъ Шуваловъ: онъ такъ защищаетъ Апраксина передъ императрицею, что тотъ не боится никакой отвѣтственности и дѣлаетъ что хочетъ [105].

Шуваловъ, несмотря на всю свою силу, не могъ отстоять Апраксина, который долженъ былъ сдать начальство надъ арміею генералу Фермору. Мы видѣли, что новый главнокомандующій совершенно оправдывалъ стараго, и многіе были недовольны этимъ назначеніемъ, говорили, что дурные совѣты Фермора были виною отступленія Апраксина и что гораздо лучше было бы дать главное начальство генералу Броуну [106]. Назначеніе Фермора объясняли единственно особенною милостію къ нему императрицы. Но кромѣ милости было и другое основаніе назначенію: первые военные успѣхи, занятіе Мемеля и Тильзита, были соединены съ именемъ Фермора.

18-го октября 1757 года Апраксинъ получилъ указъ ѣхать въ Петербургъ и писалъ императрицѣ, что указъ этотъ «совершенно отчаянную жизнь вновь ему возвратилъ» [107]. Въ началѣ ноября Апраксинъ пріѣхалъ въ Нарву и получилъ чрезъ ординарца лейбъ-кампаніи вице-капрала Суворова высочайшее обнадеживаніе монаршею милостію, при чемъ приказано ему отдать всѣ находящіяся у него письма [108]. Причиною этого отобранія писемъ были письма къ Апраксину великой княгини, о которыхъ провѣдали такимъ образомъ: Бестужевъ, получая ихъ отъ Екатерины для пересылки Апраксину, показывалъ ихъ саксонскому совѣтнику посольства Прассе и пріѣзжавшему въ Петербургъ

австрійскому генералу Буккову для успокоенія ихъ на счетъ добраго расположенія молодаго двора къ общему дѣлу, потому что въ нихъ Екатерина убѣждала Апраксина спѣшить походомъ. Букковъ разсказалъ объ этихъ письмахъ Эстергази, и теперь, когда захотѣли повредить Апраксину и Бестужеву вмѣстѣ, Эстергази сообщилъ объ этой перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ самой императрицѣ, представивъ это дѣло очень опаснымъ [109].

Прошло мѣсяца полтора послѣ отобранія писемъ; Апраксинъ все жилъ въ Нарвѣ. 14 декабря онъ рѣшился написать умилостивительное письмо императрицѣ: «Послѣднѣйшій вашъ рабъ, представя бѣдность моего состоянія, въ которомъ я бѣдный, чрезъ шесть недѣль здѣсь пребывая, не только совсѣмъ своего лишился здоровья и потерялъ разумъ и память, но и едва поднесь мой духъ сдержаться во мнѣ могъ, и поднесь едва ногою владѣть могу, пріемлю дерзновеніе, не принося никакихъ оправданій, высочайшаго и милосерднѣйшаго помилованія просить. Какъ предъ Богомъ вашему величеству доношу, что если мною что погрѣшено, то всеконечно развѣ отъ невѣдѣнія и недостатка разумѣнія; при чемъ и то могу донести, что во всей арміи не было ни одного такого человѣка, который бы не хотѣлъ пролить послѣдней капли своей крови за соблюденіе высочайшихъ интересовъ и во исполненіе воли вашего величества, и во всѣ совѣты, гдѣ только важность и обстоятельства требовали, призыванъ былъ весь генералитетъ, который, не исключая никого, всѣ свои старанія распространялъ къ пользѣ и ничего мною въ противность примѣчено не было. Правда, что до соединенія съ генераломъ Ферморомъ, генералъ Ливенъ, по испытанному знанію въ военномъ искусствѣ, во всѣхъ совѣтахъ былъ мнѣ довольнымъ совѣтникомъ; но по соединеніи съ генераломъ Ферморомъ, съ коего времени пошли главныя дѣла, по особливой его ко мнѣ ласкѣ и ежедневному два раза ко мнѣ пріѣзду, паче же по извѣстной мнѣ вашего императорскаго величества къ нему особливой милости и довѣренности, я ничего не предпринималъ, не поговоря и не посовѣтовавъ напередъ съ нимъ, еже во многихъ генералахъ, какъ еще и генералъ Лопухинъ живъ былъ, немалую произвело зависть; но я, елико моего смыслу и разсужденія было, столько умѣривалъ, что не допустилъ ни до чего

дальняго, и никакихъ ссоръ и неудовольствій не токмо не видалъ, ниже слышалъ. А въ наилучшее доказательство сего осмѣлюсь еще то донести, что и о возвращеніи нашемъ отъ Аленбурга я первому открылъ генералу Фермору и, посовѣтовавъ съ нимъ и не открывая ни кому, съ нимъ однимъ согласно сіе положа, созвавъ военный совѣтъ и, приглася полковниковъ, уже сіе предложеніе сдѣлалъ, почему и согласно отъ всѣхъ положено поворотить къ Тильзиту. Я во всемъ томъ самимъ Ферморомъ свидѣтельствуюсь [110].»

Понятно, что ссылка на Фермора служила Апраксину лучшимъ оправданіемъ: нельзя было у одного отнять званіе главнокомандующаго за то самое, за что другого возводили въ это званіе. У Фермора не нужно было спрашивать, правду ли говорилъ Апраксинъ о согласіи его на отступленіе. Запискою 14 октября Ферморъ рѣшительно призналъ распоряженія Апраксина необходимыми, и тѣ, которые говорили противъ назначенія Фермора, были послѣдовательны. Но о послѣдовательности не могло быть рѣчи: Апраксинъ не подвергался опалѣ за отступленіе, онъ былъ жертвою, принесенною для успокоенія союзниковъ, для поддержанія общаго дѣла; разумѣется Апраксинъ былъ бы достаточно вознагражденъ за эту роль жертвы, еслибъ все дѣло состояло въ отступленіи. Но дѣло состояло теперь въ перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ. Письма сами по себѣ не могли бы быть поставлены въ вину ни писавшей, ни получившему ихъ; но зачѣмъ сношенія, переписка между этими лицами? не было ли какихъ-нибудь другихъ внушеній со стороны Екатерины? Канцлеръ; подозрительный канцлеръ служитъ посредникомъ!

Въ январѣ 1758 года начальникъ тайной канцеляріи, Александръ Ив. Шуваловъ отправился въ Нарву поговорить съ Апраксинымъ на счетъ переписки; какъ видно, ничего особеннаго не вышло изъ этихъ разговоровъ; носился слухъ, что Апраксинъ далъ клятвенное заявленіе, что онъ никакихъ обѣщаній молодому двору не давалъ и никакихъ внушеній въ пользу короля прусскаго отъ него не получалъ [111]. На этомъ дѣло должно было остановиться. Императрица обходилась холодно съ великой княгиней, холодно съ канцлеромъ. Противъ Бестужева, кромѣ переписки, были и другія причины неудовольствія. Польско-саксонскій дворъ, принимая въ соображеніе неудовольствіе импе-

ратрицы и требованія Франціи и Австріи, рѣшился отозвать Понятовскаго изъ Петербурга; но Бестужевъ воспротивился этому и настоялъ на своемъ [112]; кромѣ того Бестужевъ выхлопоталъ польскій орденъ Бѣлаго Орла для тайнаго совѣтника Штамке, завѣдывавшаго голштинскими дѣлами при великомъ князѣ, и было извѣстно, что Штамке довѣренный человѣкъ Бестужева. Разсказывали и о проектѣ канцлера относительно престолонаслѣдія, говорили, что конференцъ-секретарь Волковъ, бывшій долго довѣреннымъ человѣкомъ у Бестужева, открылъ теперь о существованіи этого проекта врагамъ канцлера. Но всѣ эти догадки, что Бестужевъ удержалъ Понятовскаго, выхлопоталъ Штамке Бѣлаго Орла, слухъ, что у Бестужева есть какой-то планъ относительно престолонаслѣдія,—все это еще не могло повести къ сверженію канцлера, все ограничивалось раздраженіемъ и непріятными толками. Но Англія, которая подкопала значеніе Бестужева въ 1756 году прусскимъ союзомъ, Англія должна была дать поводъ и къ окончательному низверженію главнаго ея доброжелателя въ Россіи. Пришло извѣстіе, что Англія не хочетъ оставить петербургскій дворъ безъ своего представителя послѣ отъѣзда Уильямса, и назначила Кейта, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ. Это извѣстіе, разумѣется, должно было страшно встревожить французскаго и австрійскаго пословъ въ Петербургѣ, особенно перваго; какъ прежде Уильямсъ волновался отъ пріѣзда французскаго посла, такъ теперь Лопиталь волновался отъ пріѣзда Кейта; помѣшать пріѣзду Кейта не было никакой возможности, потому что Россія не разрывала съ Англіею; надобно было готовиться къ ожесточенной борьбѣ; борьба не была бы такъ опасна, еслибъ Кейтъ не встрѣтилъ въ Петербургѣ могущественнаго союзника въ главномъ лицѣ по дипломатическимъ сношеніямъ, въ великомъ канцлерѣ. Нельзя освободиться отъ Кейта, да Кейтъ одинъ и не опасенъ, — надобно освободиться отъ Бестужева, возможность есть: онъ заподозрѣнъ, императрица не благоволитъ къ нему болѣе, онъ окруженъ могущественными врагами, враги сами нейдутъ на явную борьбу, потому что не чувствуютъ въ рукахъ хорошаго оружія для вѣрнаго пораженія противника; надобно ихъ заставить сковать оружіе, надобно ихъ напугать, заставить дѣйствовать по инстинкту самосохраненія. Нападеніе было сдѣлано удачно, потому что выбрано для него

самое слабое мѣсто. Какъ только узнали въ Петербургѣ, что Кейтъ уже въ Варшавѣ, то Лопиталь ѣдетъ къ Воронцову и представляетъ ему необходимость нанести послѣдній ударъ Бестужеву; а если Воронцовъ не хочетъ принять въ этомъ участіе, то онъ, Лопиталь, ѣдетъ сейчасъ же къ Бестужеву, открываетъ ему все и соединяется съ нимъ для низверженія Воронцова. Испуганный Воронцовъ соглашается дѣйствовать вмѣстѣ, поддерживать у императрицы внушенія Лопиталя противъ Бестужева [113]. Такъ разсказываетъ Кейтъ въ донесеніи своему двору. Но есть другое извѣстіе, въ сущности нисколько не противорѣчащее первому: по этому извѣстію Лопиталь является къ Воронцову и говоритъ ему: «Графъ! вотъ депеша, только что полученная мною отъ моего двора; въ ней говорится, что если въ пятнадцать дней великій канцлеръ не будетъ замѣненъ вами, то я долженъ обратиться къ нему и не имѣть болѣе сношенія съ вами.» Это извѣстіе вѣроятнѣе въ своихъ подробностяхъ: Лопиталь попадалъ въ самое чувствительное мѣсто Воронцова, настаивая на дѣлѣ самомъ простомъ и понятномъ, не выставляя никакого личнаго отношенія, а защищая достоинство своего двора, требуя для себя выхода изъ страннаго положенія: до сихъ поръ французскій посолъ долженъ былъ вести дѣло съ вице-канцлеромъ, а не съ канцлеромъ, что было неблаговидно, казалось чѣмъ-то подпольнымъ; временно можно было на это согласиться, въ ожиданіи перемѣны главнаго министра въ слѣдствіе перемѣны политики; но если все останется попрежнему, то французскій посолъ долженъ вести дѣло съ канцлеромъ. Что же касается до угрозы открыть все (что все?) канцлеру и соединиться съ нимъ для сверженія Воронцова, то эта угроза слишкомъ груба. По второму извѣстію Воронцовъ, задѣтый за живое, отправился къ Ивану Шувалову и вмѣстѣ представили императрицѣ, что ея слава страдаетъ отъ кредита Бестужева въ Европѣ, т.-е. что канцлеру приписываютъ болѣе силы и значенія, чѣмъ самой императрицѣ. Но понятно, что это представленіе, ловко бившее на самолюбіе Елисаветы и подкрѣпленное указаніемъ на дѣло Понятовскаго, не могло быть одно. Надобно было убѣдить Елисавету, что противъ Бестужева существуютъ важныя подозрѣнія; удалить его отъ дѣлъ по однимъ подозрѣніямъ нельзя; но уличить его можно только арестовавши его, захвативши бу-

маги и довѣренныхъ людей. Арестъ канцлера и слѣдствіе надъ нимъ были рѣшены. Есть другое извѣстіе, показывающее, какимъ образомъ Елисавета была еще подготовлена къ этому рѣшенію, раздражена противъ Бестужева. Эстергази доносилъ своему двору, что великій князь обратился къ нему съ жалобами на канцлера, и Эстергази далъ ему совѣтъ обратиться прямо къ императрицѣ. Елисавета была очень тронута, что племянникъ обратился къ ней по родственному, съ полною, повидимому, откровенностію и довѣренностію; никогда она не была такъ ласкова съ нимъ, и Петръ, раскаиваясь въ прошедшемъ своемъ поведеніи, складывалъ всю вину на дурные совѣты, а дурнымъ совѣтникомъ оказался Бестужевъ [114].

Въ субботу вечеромъ 14 февраля Бестужевъ былъ арестованъ когда явился въ конференцію и отведенъ подъ карауломъ въ собственный домъ. Великая княгиня, проснувшись на другой день, получила записку отъ Понятовскаго: «Графъ Бестужевъ арестованъ, лишенъ всѣхъ чиновъ и должностей; съ нимъ арестованы вашъ брилліантщикъ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ.» Первая мысль Екатерины по прочтеніи записки была та, что бѣда ея не минуетъ. Бернарди, умный, ловкій италіанецъ, по своему ремеслу былъ вхожъ во всѣ дома; почти всѣ были ему что-нибудь должны, почти всѣмъ онъ оказалъ какую-нибудь маленькую услугу. Такъ какъ онъ постоянно бѣгалъ по домамъ, то ему давали порученія; записки, посланныя съ нимъ, доходили скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ отправленныя съ слугою; и великой княгинѣ онъ служилъ такимъ же коммиссіонеромъ. Елагинъ былъ старый адъютантъ графа Алексѣя Разумовскаго, былъ другомъ Понятовскаго и очень привязанъ къ великой княгинѣ, равно какъ и Ададуровъ, учившій ее русскому языку. Вечеромъ были двѣ знатныя свадьбы. На балу Екатерина подошла къ князю Никитѣ Трубецкому и спросила его: «Что это у васъ за новости: нашли ли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, чѣмъ преступленій?» — «Мы сдѣлали то, что намъ приказано, отвѣчалъ Трубецкой; преступленія еще отыскиваютъ и до сихъ поръ неудачно.» Потомъ Екатерина подошла къ фельдмаршалу Бутурлину, который сказалъ ей: «Бестужевъ арестованъ, а теперь мы ищемъ причины, за что его арестовали.»

На другой день къ великой княгинѣ пришелъ Штамке и объявилъ, что получилъ записку отъ Бестужева, въ которой тотъ приказывалъ ему сказать Екатеринѣ, чтобъ она не боялась, все сожжено: дѣло шло о проектѣ относительно престолонаслѣдія. Записку принесъ музыкантъ Бестужева и было условлено на будущее время класть записки въ груду кирпичей, находившуюся недалеко отъ дома бывшаго канцлера. По порученію Бестужева, Штамке долженъ былъ также дать знать Бернарди, чтобъ тотъ при допросахъ показывалъ сущую правду и потомъ далъ бы знать Бестужеву, о чемъ его спрашивали. Но эта переписка арестантовъ скоро прекратилась: чрезъ нѣсколько дней рано утромъ входитъ къ великой княгинѣ Штамке, блѣдный, измѣнившійся и объявляетъ, что переписка открыта, музыкантъ схваченъ и по всѣмъ вѣроятностямъ послѣднія письма въ рукахъ людей, которые стерегутъ Бестужева [115].

Штамке не обманулся: письма очутились въ слѣдственной коммиссіи, наряженной по дѣлу Бестужева; она состояла изъ трехъ членовъ: фельдмаршаловъ князя Трубецкого и Бутурлина и графа Александра Шувалова; секретаремъ былъ Волковъ. Слѣдственное дѣло о Бестужевѣ не имѣетъ полноты, нѣкоторыхъ отвѣтовъ подсудимаго нѣтъ; нѣтъ перваго допроса и отвѣтовъ. Изъ дѣла видно, что допросы уже сдѣланы были 26 февраля, и отвѣтами бывшаго канцлера императрица осталась недовольна, почему на другой день, 27 февраля Бестужеву было объявлено: «Ея императорское величество твоими наканунѣ того учиненными отвѣтами такъ недовольна, что повелѣваетъ еще да и въ послѣднія спросить съ такимъ точнымъ объявленіемъ, что ежели малѣйшая скрытность и непрямое совѣсти и долга очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крѣпость взять и поступить какъ съ крайнимъ злодѣемъ.» 27 числа Бестужеву былъ предложенъ вопросъ: «для чего онъ предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя и скрылъ отъ ея императорскаго величества такую корреспонденцію (переписку Екатерины съ Апраксинымъ), о которой по должности и вѣрности донести надлежало?» Бестужевъ отвѣчалъ: «У великой княгини милости не искалъ, паче же старался, съ вѣдѣнія ея императорскаго величества, открывать ея письма, ибо тогда великая княгиня была предана королю прусскому, Швеціи и

Франціи по тогдашней системѣ; но какъ съ годъ тому времени или съ полтора перемѣнила ея высочество совсѣмъ свое мнѣніе и возненавидѣла короля прусскаго и Шведовъ, кромѣ токмо что короля дядю своего весьма любитъ, то канцлеръ старался не только утвердить въ томъ ея высочество, но и побуждалъ, дабы она и великаго князя на такія жъ съ ея императорскимъ величествомъ согласныя мнѣнія привела, о чемъ великая княгиня и трудилася, но, сколько ему сказывала, что труды ея разрушаются, присовокупляя этому нѣмецкую пословицу: Was ich baue, das reissen die andern nieder (что я строю, то другіе разрушаютъ), и упоминая, что то дѣлаютъ наипаче полковникъ Броунъ, природный Пруссакъ, оберъ-камергеръ Брокдорфъ и другіе около великаго князя находящіеся офицеры, о чемъ онъ, канцлеръ, и ея императорскому величеству въ то время доносилъ, но только о томъ не упомянулъ, что онъ всѣ сіи обстоятельства отъ великой княгини вѣдаетъ». На основаніи записки, посланной къ великой княгинѣ изъ-подъ ареста, былъ сдѣланъ вопросъ: «Совѣтуешь ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію, присовокупляя, что подозрѣніями ничего доказать не можно. Нельзя тебѣ не признаться, что сіи послѣднія слова особенно весьма много значатъ и великой важности суть, и такъ чистосердечное оныхъ изъясненіе паче всего потребно.» Бестужевъ отвѣчалъ: «Великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію я совѣтовалъ, но только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали».

Въ допросахъ сильно настаивалось на частыхъ и необычайныхъ конференціяхъ канцлера съ Штамке и Понятовскимъ. Бестужевъ клялся, что такихъ конференцій не бывало. Но его продолжали допрашивать: «Такъ какъ Штамбекъ и Понятовскій были въ безпрестанныхъ и необычайныхъ конференціяхъ, всемѣрно надобно, чтобъ и больше въ томъ участниковъ и конфидентовъ было: и потому имѣешь безъ утайки объявить всѣхъ оныхъ, а притомъ и то не скрыть, что понеже все сіе безъ всякаго намѣренія дѣлано быть не могло, то спрашивается: не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время?» Такъ какъ въ бумагахъ Бестужева не найдено никакихъ слѣдовъ проекта о престолонаслѣдіи, то

хотѣли принудить его проговориться, настаивая на частыя свиданія съ Штамке и Понятовскимъ. Но Бестужевъ держался твердо, зная, что уликъ нѣтъ, а подозрѣніями ничего доказать не можно. Онъ отвѣчалъ даже прямѣе, чѣмъ былъ поставленъ вопросъ: «Ни съ Штамбекомъ, ниже съ Понятовскимъ и другими какими конфидентами, коихъ у меня и не было, не думывалъ ни о какомъ планѣ ни на нынѣшнее время, ниже на будущее, да и возможно ли о томъ думать, ибо наслѣдство уже присягами всего государства утверждено».

Поставили странный вопросъ: «Ея императорскому величеству точно извѣстно, что когда случалось ея величеству разговаривать съ послами, то ты всегда великаго князя ободрялъ или научалъ туда же подходить, дабы такимъ разговорамъ мѣшать или останавливать оные. И потому желаетъ ея императорское величество только о томъ вѣдать, какое ты имѣлъ въ томъ намѣреніе или побужденіе.» — «Богомъ свидѣтельствуюсь, отвѣчалъ Бестужевъ, что того никогда не думывалъ; но статься можетъ, что однако не памятую, что какъ иногда великій князь удалялся, то я ему показывалъ, что такое удаленіе не прилично, а особливо, что великій князь, вступая иногда тѣмъ временемъ въ разговоры съ малыми людьми, оными совсѣмъ засланивался».

Отвѣтами, разумѣется, были недовольны, и 4 марта Бестужеву именемъ императрицы повторено было требованіе, чтобъ признавался искреннѣе, повторена была и прежняя угроза. Спрашивалось: «Показалъ ты, якобы великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію совѣтовалъ ты только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали; но понеже ты къ тому присовокупилъ точныя слова, что подозрѣніями ничего доказать не можно, то изъ сего ясно, что ты надежду свою только въ томъ полагаешь, якобы прямыхъ доказательствъ не будетъ, а впрочемъ уже признаешься, что къ подозрѣніямъ много причинъ подано: итакъ имѣешь ты точно объявить, чего подозрѣніями доказать не можно, такожь и то, противъ кого совѣтуешь ты поступать смѣло и бодро съ твердостію. Клятва твоя, якобы ни съ Штамбкеномъ, ни съ Понятовскимъ не имѣлъ ты никакихъ въ необыкновенное и ночное время конференцій возбуждаетъ *паче всего* праведный гнѣвъ ея императорскаго величества, обли-

чаетъ твое упорство и наказанія достойную надежду—хитростію, коварствомъ и интригами загладить тѣ преступленія, въ коихъ ты уже страдаешь. Ея императорское величество такъ точно и подлинно знаетъ, что Понятовскій и Штамбекъ были у тебя почти ежедневно и во всякое сутокъ время и сиживали очень долго, что о томъ и не спрашиваетъ, но хощетъ только, дабы ты, не обинуясь и не ища околичностей, прямо объявилъ, въ чемъ сіи конференціи состояли, ибо объ нихъ ея императорскому величеству такими записками доносимо не было, какъ ты доносилъ всегда о бытности у тебя другихъ министровъ. Чрезъ кого ты свѣдалъ, что великая княгиня вдругъ свои мысли перемѣнила и, возненавидя короля прусскаго и Шведовъ, любитъ токмо весьма короля своего дядю, и что за причина была такой скоропостижной перемѣны? Какимъ образомъ открылась тебѣ великая княгиня толь много, что именовала тебѣ всѣхъ тѣхъ, кои развращаютъ великаго князя, когда ты говоришь, что милости ея никогда не искалъ? Точно извѣстно ея императорскому величеству, что много курьеровъ отправлено было отсюда тобою къ гетману въ Украйну, и потому точно объявить имѣешь, кто были тѣ курьеры, сколько ихъ всѣхъ было, съ чѣмъ и когда посыланы. Что кавалерію Бѣлаго Орла для Штамбкена выпросилъ ты у короля польскаго, о томъ ея императорскому величеству точно извѣстно, и такъ спрашивается только, по чьему отсюда прошенію ты то дѣлалъ и для чего. Сверхъ тѣхъ писемъ, о которыхъ ты уже винился, что получалъ отъ великой княгини чрезъ Бернардія, извѣстно ея императорскому величеству еще гораздо больше таковыхъ, какъ отъ ея высочества къ тебѣ, такъ и отъ тебя къ ея высочеству чрезъ того жь Бернардія переносимо было, и потому надлежитъ тебѣ показать, въ чемъ точно состояла сія переписка, гдѣ теперь всѣ сіи письма, для чего пересылаемы были они не прямымъ каналомъ, но толь непозволительнымъ образомъ, и для чего не доносилъ ты о томъ никогда ея императорскому величеству? буде сжегъ, то для чего? Его высочеству великому князю говорилъ ты, что ежели его высочество не престанетъ таковъ быть, каковъ онъ есть, то ты другія мѣры противъ него возьмешь: имѣешь явственно изъяснить, какія ты хотѣлъ въ великомъ князѣ перемѣны и какія другія мѣры принять думалъ».

Бестужевъ постарался какъ можно подробнѣе объяснить свои отношенія къ польско-саксонскому двору, потому что неискренность въ этомъ отношенія *паче всего* возбуждала гнѣвъ императрицы: «Будучи графомъ Брюлемъ остереженъ о данной маркизу Лопиталю секретной инструкціи стараться здѣсь о моемъ низверженіи, отвѣчалъ онъ, искалъ я чрезъ польскій дворъ подать о себѣ лучшія мнѣнія французскому и вѣнскому дворамъ и чрезъ то избавиться отъ ихъ гоненій. Посолъ графъ Эстергази открылся датскому здѣсь умершему министру Малцану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба ему (Бестужеву) 1) что онъ, Эстергази, своимъ кредитомъ и представленіями то сдѣлалъ, что соизволила ея импер. величество учредить при дворѣ своемъ конференцію, дабы канцлеръ не имѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы какъ прежде. 2) Что будто ея импер. величество не принимаетъ никакой важной резолюціи, не посовѣтовавшись прежде съ нимъ посломъ. 3) Что онъ представлялъ ея импер. величеству, дабы при будущихъ съ Франціею негоціаціяхъ канцлеръ совсѣмъ исключенъ былъ, ибо де на него полагаться нельзя, паче же опасаться надобно, что онъ всякія препоны дѣлать будетъ по своей преданности Англіи. Сверхъ того датскій посланникъ Остенъ нашелъ все то въ депешахъ ко двору своего предецессора Малцана и увѣдомилъ о томъ графа Понятовскаго, который послу графу Эстергазію и выговаривалъ, для чего онъ такъ канцлера гонитъ, но Эстергази Понятовскому во всемъ заперся, а сказывалъ напротивъ того, что будто ея импер. величество ему отзывалася, что хочетъ канцлера исключить изъ негоціаціи съ Франціею, а онъ Эстергази будто напротивъ того представлялъ, что конечно надобно, чтобъ канцлеръ былъ еще при совершеніи всѣхъ тѣхъ негоціацій, кои къ твердому установленію нынѣшней системы потребны будутъ, или де развѣ уже лучше его отъ всѣхъ дѣлъ отставить».

Хотѣли подробностей, и Бестужевъ не поскупился на нихъ; но эти подробности могли быть непріятны только одному Эстергази, котораго бывшему канцлеру вовсе ненужно было щадить.

Отвѣтовъ Бестужева на другіе вопросы въ дѣлѣ нѣтъ. Мы уже замѣтили, что слѣдственное дѣло не имѣетъ полноты; впослѣдствіи, когда по воцареніи Екатерины II, Бестужевъ снова находился въ приближеніи, то слѣдственное дѣло было въ его

рукахъ, на что указываютъ оставшіяся на немъ замѣтки его руки. Такъ относительно вопроса о пересылкѣ съ гетманомъ Разумовскимъ читаемъ двѣ замѣтки: 1) «Для примѣчанія и извѣстія, что о семъ секретѣ никому извѣстно быть не могло кромѣ Теплова: онъ единственно зляся на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ». 2) «Тоже примѣчанія достойно, что о семъ кромѣ Теплова никому извѣстно не было; ежели онъ, подобно тому, въ новомъ тайномъ совѣтѣ (о чемъ еще примѣчателю неизвѣстно) поступать будетъ и всѣхъ перессоривать, то не нахальствомъ, но скромностію, чистою совѣстію и искусствомъ Ададуровъ превосходить будетъ». Но это обстоятельство, что слѣдственное дѣло было потомъ въ рукахъ Бестужева, не даетъ намъ права предполагать, что нѣкоторые отвѣты уничтожены въ дѣлѣ самимъ Бестужевымъ; скорѣе должно думать, что они не внесены секретаремъ Волковымъ, какъ потомъ именно жаловался Бестужевъ, что Волковъ многіе отвѣты его, служившіе къ оправданію, отрекался записывать и не принималъ ихъ. Это должно было именно случиться съ тѣми отвѣтами, которые обличали странность вопросовъ. Такъ, что могло быть страннѣе допытыванія: объяви, чего подозрѣніями доказать не можно и противъ кого совѣтовалъ ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію? Разумѣется Бестужевъ долженъ былъ отвѣчать побѣдоносно, что все дѣло затѣяно по неосновательнымъ подозрѣніямъ, которыми ничего доказать нельзя, и что онъ совѣтовалъ великой княгинѣ сохранять бодрость для избѣжанія подозрѣнія, а не противъ кого-нибудь. Смѣшонъ также другой вопросъ: черезъ кого Бестужевъ узналъ, что великая княгиня перемѣнила мысли, какимъ образомъ она такъ много ему открылась? Отвѣтъ былъ ясенъ: узналъ отъ нея самой, а указала она на людей, которые препятствуютъ доброму дѣлу, желая заявить, что она этому дѣлу содѣйствуетъ; впрочемъ Бестужевъ могъ и отказаться отвѣчать на подобные вопросы и потребовать, чтобъ о внутреннихъ побужденіяхъ Екатерины спрашивали у нея самой, а не у него.

Также не вносились отвѣты, которые подавали поводъ къ новымъ вопросамъ и повторялись въ нихъ. 7 марта Бестужевъ долженъ былъ отвѣчать на новые вопросы: «Въ отвѣтѣ твоемъ въ 4 сего мѣсяца ты показалъ, якобы только одинъ пакетъ,

присланный къ тебѣ изъ гетманскаго дома, переслалъ ты къ нему въ Украйну съ почталіономъ, и то изъ Москвы. Но какъ ея импер. величеству точно извѣстно, что больше отъ тебя къ нему отправленій было, и буде не нарочныхъ почталіоновъ, то эстафетъ, и притомъ ты уже признался, что вѣдалъ о прилагаемомъ великою княгинею стараніи Апраксина съ гетманомъ примирить, то конечно ты объявить долженъ, сколько всѣхъ отправленій отъ тебя къ гетману было, въ чемъ оныя состояли, откуда къ тебѣ пакеты для того приношены и чрезъ кого, также съ какимъ объ отправленіи ихъ прошеніемъ? Весьма разгнѣвана ея импер. величество, что ты продолжаешь запираться и въ такихъ дѣлахъ, коихъ признаніе не подвержено никакому слѣдствію и о коихъ ея импер. величество наилучше извѣстна. Ты показалъ, якобы ни тебя никто не просилъ, ни ты въ Варшавѣ не домогался о присылкѣ кавалеріи Бѣлаго Орла Штамбкену. Ея импер. величеству и то извѣстно, что по твоему наученію составленъ здѣсь и тотъ рескриптъ, на который ты ссылаешься, и который здѣсь Понятовскимъ о сей кавалеріи предъявленъ. И такъ изъ единаго милосердія хочетъ токмо хотя въ одномъ пунктѣ видѣть чистое твое признаніе. Повелѣваетъ ея импер. величество, дабы ты обстоятельно объявилъ, какимъ образомъ Апраксинъ вошелъ въ такой кредитъ у великой княгини и кто его въ оный ввелъ»!

И на эти вопросы отвѣтовъ не сохранилось. Въ одномъ признался Бестужевъ: на вопросъ, для чего онъ старался удержать въ Петербургѣ Понятовскаго, онъ отвѣчалъ: «Подлинно, послѣ полученія графомъ Понятовскимъ его отзыва, старался я чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его Понятовскаго здѣсь; но ни къ графу Брюлю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сіе исканіе происходило только для того, что, видя на себя гоненіе графа Эстергази и маркиза Лопиталя, желалъ по меньшей мѣрѣ одного благопріятнаго имѣть себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что увѣдомлялъ меня обо всемъ, что услышитъ отъ графа Эстергази и Лопиталя».

Въ дѣлѣ находится еще вопросъ зачеркнутый: «Извѣстно тебѣ, что 8 сентября минувшаго года въ Царскомъ Селѣ имѣла ея импер. величество нѣкоторый припадокъ болѣзни. А, напротивъ

того, памятно тебѣ, что Апраксинъ, стоя подъ Тильзитомъ, имѣлъ намѣреніе сіе мѣсто укрѣпить, такъ что принятое потомъ вдругъ 14 и 15 чиселъ въ ночь намѣреніе, все бросая, съ поспѣшеніемъ назадъ идти, справедливую причину подаетъ не только подозрѣвать, но и несомнѣнно вѣрить, что, конечно, онъ о помянутомъ припадкѣ увѣдомленъ былъ. И потому имѣешь ты показать, не ты ли его о семъ увѣдомилъ, или хотя не вѣдаешь ли ты, что кто-либо другой то сдѣлалъ.» Понятно, что Трубецкой, Бутурлинъ и Шуваловъ не позволили Волкову предложить такого вопроса и велѣли зачеркнуть его въ дѣлѣ, ибо это значило заподозрить, привлечь къ суду всѣхъ генераловъ и полковниковъ, участвовавшихъ въ военныхъ совѣтахъ, особенно главнокомандующаго Фермора, который прямо заявилъ о необходимости отступленія.

Слѣдователи жаловались императрицѣ на отсутствіе искренности въ показаніяхъ Бестужева, на то, что онъ запирается съ клятвами и для окончательнаго подтвержденія правды своихъ показаній пріобщился св. Таинъ, послѣ чего дальнѣйшее слѣдствіе безполезно. Написали вины: 1) Клеветалъ ея импер. величеству на ихъ высочествъ, а въ то же время старался преогорчить и ихъ высочествъ противъ ея импер. величества. 2) Для прихотей своихъ не только не исполнялъ именные ея импер. величества указы, но еще потаенными пронсками противился исполненію оныхъ. 3) Государственный преступникъ онъ потому, что зналъ или видѣлъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты изъ Риги выступить и противъ непріятеля идти, и что казна и государство напрасно истощеваются, монаршая слава страдаетъ, не доносилъ о томъ ея импер. величеству. Оскорбитель онъ величества, что вмѣсто должнаго о томъ донесенія, вздумалъ, что можетъ то лучше исправить собственно собою и вплетеніемъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не надлежало, и чрезъ то нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался. 4) Будучи въ арестѣ, открылъ письменно такія тайны, о которыхъ ему и говорить подъ смертною казнію запрещено было. За всѣ эти вины коммиссія считала Бестужева достойнымъ смертной казни, но предавала все дѣло монаршему соизволенію и милосердію.

Рѣшенія долго не было; Бестужевъ все содержался подъ арестомъ въ собственномъ домѣ. 2 января 1759 года Бестужева вызывали въ коммиссію, для того чтобъ показать ему золотую табакерку съ портретомъ великой княгини и спросить, откуда получилъ. Бестужевъ отвѣчалъ прямо, что табакерку подарила ему сама великая княгиня во дворцѣ на куртагѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до его ареста. Это было послѣднее, что оставалось у слѣдователей: въ апрѣлѣ дѣло кончилось ссылкою Бестужева въ одну изъ его деревень, именно Горетово Можайскаго уѣзда; все недвижимое имущество оставлено за нимъ, но были взысканы казенные долги. Фельдмаршалъ Апраксинъ былъ переведенъ изъ Нарвы поближе къ Петербургу, въ мѣстность, называемую Четыре Руки, и здѣсь ему были дѣланы допросы. Понятно, что въ ихъ числѣ мы не встрѣтимъ допросовъ о причинахъ возвращенія къ границамъ послѣ Гросъ-Егерсдорфской битвы: дѣло было окончательно рѣшено объясненіями новаго главнокомандующаго Фермора. Допросы касались переписки Апраксина съ Бестужевымъ и великою княгинею; изъ отвѣтовъ обнаруживалось одно, что и канцлеръ, и великая княгиня побуждали его идти скорѣе въ походъ, тогда какъ прежде въ Петербургѣ оба они были другого мнѣнія. Апраксинъ оказывался виноватъ въ томъ, что не имѣлъ охоты выступать изъ Риги и состоялъ въ непозволенной перепискѣ съ великою княгинею. Конечно были рады и этимъ двумъ винамъ, иначе отнятіе у него начальства надъ войскомъ не имѣло бы оправданія. Апраксинъ умеръ внезапно 6 августа 1758 года. Другихъ причастныхъ къ дѣлу — Веймарна и Ададурова наказали почетною ссылкою—перваго опредѣлили къ сибирской военной командѣ, второго назначили въ Оренбургъ товарищемъ губернатора. Штамке былъ высланъ за границу; Бернарди сосланъ на житье въ Казань; Елагинъ въ казанскую деревню.

Но сильно причастна была къ дѣлу великая княгиня Екатерина; недозволенная переписка съ нею Апраксина и пересылка писемъ Бестужевымъ лежали въ основаніи допросовъ и бывшему канцлеру, и бывшему главнокомандующему. Хотя Екатерина не могла бояться важныхъ обвиненій, потому что подозрѣніями ничего нельзя было доказать, несмотря однако на то, положеніе ея было тяжко: подозрѣніями ничего нельзя было доказать, но подозрѣнія могли оставаться въ головѣ императрицы; да и кромѣ

подозрѣній Екатерина знала, какъ Елисавету должно было раздражить ея вмѣшательство въ дѣла и значеніе, ею пріобрѣтенное: главнокомандующій, зная рѣшительныя намѣренія государыни, колеблется, сдерживается въ ихъ исполненіи противоположными желаніями великой княгини. Гнѣвъ императрицы и сильный гнѣвъ несомнѣненъ, и гдѣ искать защиты отъ этого гнѣва, кто преложитъ его на милость? Люди преданные пали, судятся какъ государственные преступники, враги торжествуютъ, великій князь настроенъ крайне враждебно, въ чемъ, по свидѣтельству Екатерины, виноватъ былъ приблизившійся къ Петру голштинецъ Брокдорфъ: говоря объ Екатеринѣ, Брокдорфъ выражался: «надобно раздавить змѣю». Эстергази доносилъ своему двору, что великая княгиня два раза присылала къ нему Штамке за совѣтомъ и помощію, давая знать, что всѣ бѣды постигли ее за усердіе къ интересамъ Маріи Терезіи. «Но такъ какъ, писалъ Эстергази, императрица Елисавета горько жаловалась мнѣ на поведеніе Екатерины и такъ какъ иностранный министръ не долженъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла государей, то я отклонилъ отъ себя это дѣло, велѣвши сказать ей, что всего лучше, если она обратится къ посредничеству своего супруга, владѣющаго полною милостію и довѣренностію императрицы». Легко понять, какъ послѣ такого совѣта, походившаго на самую злую насмѣшку, должна была Екатерина относиться къ Эстергази. Будущее очень мрачно; одно средство выйти изъ тяжкаго положенія—это обратиться прямо къ Елисаветѣ, которая очень добра, которая не переноситъ вида чужихъ слезъ, и которая очень хорошо знаетъ и понимаетъ положеніе Екатерины въ семьѣ. Разсказывали, что Ив. Ив. Шуваловъ увѣрилъ великую княгиню, что императрица скоро увидится съ нею, и если со стороны Екатерины будетъ оказана маленькая покорность, то все дѣло кончится очень хорошо: извѣстіе очень вѣроятное, потому что фаворитъ старался всюду быть примирителемъ [116]. Съ другой стороны ходили слухи, что великую княгиню удалятъ изъ Россіи, слухи несбыточные, потому что Елисавета никогда не рѣшится на такой скандалъ изъ-за нѣсколькихъ писемъ къ Апраксину; но тѣмъ лучше, можно отнять у враговъ эту угрозу и обратить ее противъ нихъ самихъ, перемѣнить оборону въ наступленіе: Екатерину безпрестанно оскорбляютъ, ей жизнь въ

Россіи стала невыносима, такъ пусть дадутъ ей свободу выѣхать изъ Россіи. Великая княгиня пишетъ императрицѣ письмо, въ которомъ, изображая свое печальное положеніе и разстроившееся вслѣдствіе этого здоровье, проситъ отпустить ее лѣчиться на воды и потомъ къ матери, потому что ненависть великаго князя и немилость императрицы не даютъ ей болѣе возможности оставаться въ Россіи [117]. Послѣ этого письма Елисавета обѣщала переговорить лично съ великою княгинею; посредничество духовника императрицы ускорило свиданіе.

Свиданіе происходило заполночь. Въ комнатѣ императрицы, кромѣ нея и великой княгини, находились еще великій князь и графъ Александръ Шуваловъ. Увидавши императрицу, Екатерина бросилась передъ нею на колѣна и со слезами стала умолять отправить ее къ роднымъ за границу. Императрица хотѣла ее поднять, но Екатерина не вставала. Если Ив. Ив. Шуваловъ совѣтовалъ ей оказать немного покорности, то она употребила сильный пріемъ и тѣмъ скорѣе достигла своей цѣли. На лицѣ Елисаветы была написана печаль, а не гнѣвъ, на глазахъ блистали слезы. «Какъ это мнѣ васъ отпустить? вспомните, что у васъ дѣти!» сказала она Екатеринѣ. Та ловко затронула другую нѣжную сторону человѣческаго сердца: «Мои дѣти, отвѣчала она, на вашихъ рукахъ и лучшаго для нихъ желать нечего, я надѣюсь, что вы ихъ не оставите».—«Но что же я скажу другимъ, за что я васъ выслала?» спросила Елисавета. — «Ваше императорское величество, отвѣтила Екатерина, изложите причины, почему я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя».—«Чѣмъ же вы будете жить у своихъ родныхъ?» спросила Елисавета.—«Чѣмъ жила передъ тѣмъ, какъ вы меня взяли сюда», отвѣчала Екатерина. Елисавета въ другой разъ велѣла ей встать, и Екатерина послушалась.

Елисавета отошла отъ нея въ раздумьѣ. Она чувствовала, что потерпѣла пораженіе отъ женщины, которая стояла передъ нею на колѣнахъ; надобно было собрать силы для нападенія. Но это было трудно сдѣлать, и атака поведена была въ разстройствѣ, въ безпорядкѣ. Елисавета подошла къ великой княгинѣ съ упреками: «Богъ свидѣтель, какъ я плакала, когда по пріѣздѣ вашемъ въ Россію, вы были при смерти больны; а вы потомъ не хотѣли мнѣ кланяться какъ слѣдуетъ; вы считали себя умнѣе всѣхъ; вы

вмѣшивались во многія дѣла, которыя васъ не касались; я бы не посмѣла этого дѣлать при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, смѣли вы посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?» — «Я! отвѣчала Екатерина: да мнѣ никогда и въ голову не приходило посылать ему приказанія». — «Какъ, возразила императрица, вы будете запираться, что не писали къ нему? ваши письма тамъ (она показала ихъ пальцемъ на туалетѣ). Вѣдь вамъ было запрещено писать». — «Правда, отвѣчала Екатерина, я нарушила это запрещеніе и прошу простить меня; но такъ какъ мои письма тамъ, то они могутъ служить доказательствомъ, что никогда я не писала ему приказаній, и что въ одномъ письмѣ я извѣщала его о слухахъ на счетъ его поведенія». — «А зачѣмъ вы ему это писали?» прервала ее императрица.—«Затѣмъ, отвѣчала Екатерина, что очень его любила, и потому просила его исполнять ваши приказанія; другое письмо содержитъ поздравленіе съ рожденіемъ сына, третье поздравленіе съ новымъ годомъ».—«Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ писемъ», сказала на это Елисавета. — «Если Бестужевъ это говоритъ, то онъ лжетъ», отвѣчала Екатерина. Тутъ Елисавета употребила нравственную пытку, чтобъ вынудить признаніе: «Хорошо, сказала она, если онъ на васъ лжетъ, то я велю его пытать». Но Екатерина не испугалась и отвѣчала: «Въ вашей волѣ сдѣлать все то, что признаете нужнымъ; но я писала только эти три письма къ Апраксину». Елисавета ничего не сказала на это.

Она, по своему обычаю, ходила по комнатѣ, обращаясь то къ великой княгинѣ, то къ великому князю, но всего чаще къ Шувалову. Весь этотъ разговоръ, длившійся полтора часа, производилъ на нее тяжелое впечатлѣніе, но не раздражалъ ее. Великій князь, напротивъ, высказалъ сильное ожесточеніе противъ жены. Онъ старался раздражить и Елисавету противъ нея, но не достигъ цѣли, потому что въ его словахъ слишкомъ рѣзко выражалась страсть. Наконецъ императрица, подошедши къ Екатеринѣ, сказала ей тихонько: «Мнѣ много нужно было бы сказать вамъ; но я не могу говорить, потому что не хочу еще больше васъ поссорить». — «Я также, отвѣчала Екатерина, не могу говорить, какъ ни сильно мое желаніе открыть вамъ мое сердце и душу.» Елисавета была очень тронута этими словами, слезы навернулись у нея на глазахъ, и чтобъ другіе не замѣтили, какъ

она растрогана, она отпустила великаго князя и великую княгиню, говоря, что уже очень поздно: дѣйствительно было около трехъ часовъ утра. Вслѣдъ за Екатериною императрица послала Александра Шувалова сказать ей, чтобы не горевала, что она въ другой разъ будетъ говорить съ нею наединѣ. Въ ожиданіи этого разговора Екатерина заперлась въ своей комнатѣ подъ предлогомъ нездоровья. Она въ это время читала пять первыхъ томовъ *Исторіи путешествій*, съ картою на столѣ. Когда она уставала отъ этого чтенія, то перелистывала первые томы французской энциклопедіи. Скоро она имѣла удовольствіе убѣдиться, какъ удачно поступила она, потребовавши сама отпуска изъ Россіи: къ ней явился вице-канцлеръ Воронцовъ и отъ имени императрицы сталъ упрашивать отказаться отъ мысли оставить Россію, ибо это намѣреніе сильно печалитъ императрицу и всѣхъ честныхъ людей, въ томъ числѣ и его, Воронцова. Онъ обѣщалъ также, что императрица будетъ имѣть съ нею вторичное свиданіе. Обѣщаніе было исполнено. Императрица потребовала прежде всего, чтобъ Екатерина отвѣчала ей сущую правду на ея вопросы, и первый вопросъ былъ: дѣйствительно ли она писала только три извѣстныя письма къ Апраксину? Екатерина поклялась, что только три.

Окончаніе дѣла во дворцѣ между императрицею и великою княгинею, разумѣется, имѣло необходимое вліяніе и на дѣло Бестужева съ сообщниками, хотя и не спасло ихъ отъ ссылокъ, почетныхъ и непочетныхъ. До насъ дошла переписка Екатерины съ однимъ изъ сосланныхъ, Елагинымъ. Екатерина посылала ему деньги и ласкала надеждою скораго освобожденія изъ ссылки: «По теперешней перемѣнѣ, писала Екатерина, иного предмета не имѣю, какъ наискорѣй васъ освободить и покамѣстъ къ вамъ посылаю для перваго случая 300 чер. Надѣюсь получить благополучный успѣхъ, но въ первомъ моментѣ еще объ томъ упомянуть нельзя было. *Homme d'or* (золотой человѣкъ) здѣсь, и хорошій ему пріемъ, и мы всѣ не оставимъ о васъ упомянуть; будь здоровъ и увѣренъ, что невинность и усердіе твои вѣкъ изъ ума не выдутъ». Въ другомъ письмѣ Екатерина говоритъ: «*Неподвижимаго* рѣдко вижу, и канала почти нѣтъ, но совсѣмъ съ тѣмъ не препущу ему напомнить и подвигать ко всему тому, что вамъ полезно будетъ» [118].

Среди этихъ дворцовыхъ событій распоряженіе о дѣятельномъ продолженіи войны не останавливалось. Неудачи, претерпѣнныя Австріею въ концѣ 1757 года, потеря Бреславля заставили вѣнскій дворъ домогаться въ Петербургѣ, чтобъ русское войско какъ можно скорѣе вступило опять въ Пруссію или отправленъ былъ бы тридцатитысячный отрядъ чрезъ Польшу на помощь наслѣдственнымъ землямъ императрицы-королевы. Эстергази въ этомъ требованіи былъ подкрѣпленъ французскимъ посломъ Лопиталемъ и королевско-польскими министрами. На конференціи положено было отвѣчать, что вмѣсто одного или другого, ея величество исполнитъ вмѣстѣ и то и другое желаніе императрицы-королевы: генералу Фермору уже велѣно какъ можно скорѣе привести въ движеніе войско, и онъ, несмотря на суровое время года, находится въ походѣ для занятія Пруссіи; но кромѣ того велѣно обсерваціонный корпусъ, состоящій изъ лучшихъ и отборныхъ людей, отправить въ походъ черезъ Польшу подъ начальствомъ генералъ-аншефа графа Салтыкова, и подъ нимъ будутъ начальствовать генералъ-поручики графъ Чернышевъ и князь Долгорукій, изъ которыхъ первый выбранъ особенно потому, что императрица-королева удостоила его своимъ одобреніемъ. Австрійскій дворъ долженъ какъ можно скорѣе дать знать, къ какому мѣсту долженъ идти этотъ союзный корпусъ и принять мѣры, чтобъ онъ, прежде соединенія своего съ австрійскими войсками, не былъ настигнутъ и разбитъ прусскимъ королемъ. Впрочемъ, такъ какъ прусскій король не будетъ спокойно дожидаться соединенія русскихъ войскъ съ австрійскими, и первыя, какъ бы ни спѣшили, не придутъ въ назначенное мѣсто до начала кампаніи, то не лучше ли назначить такое мѣсто, гдѣ русскій корпусъ сдѣлалъ бы диверсію прусскому королю чувствительнѣе, слѣдовательно для императрицы-королевы полезнѣе. Это именно можетъ быть сдѣлано въ Силезіи или ниже у Франкфурта на Одерѣ: тогда, вопервыхъ, походъ сильно бы сократился; вовторыхъ, прусскій король до послѣдней минуты не зналъ бы, куда идетъ вспомогательный корпусъ; втретьихъ, генералъ Ферморъ, занявши Пруссію, будетъ распространять свои операціи до Помераніи, чтобъ подкрѣпить операцію шведской арміи; генералъ Броунъ, имѣя уже теперь указъ подвинуться до Вислы, можетъ еще прежде проникнуть въ самую Бранден-

бургію, а еслибы и третій корпусъ Салтыкова, устремляясь на Бреславль или Глогау, былъ съ ними въ равной линіи, то прусскій король непремѣнно былъ бы приведенъ въ смущеніе. Атаковать короля прусскаго въ этихъ мѣстахъ такими тремя корпусами, которые и сами по себѣ сильны и находятся въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что могутъ помогать одинъ другому, кажется единственнымъ или надежнѣйшимъ средствомъ раздѣлить силы прусскаго короля и заставить его вести только оборонительную, а не наступательную войну. Марія-Терезія отказалась отъ вспомогательнаго корпуса. Между тѣмъ отъ 3 января получено извѣстіе о занятіи Ферморомъ города Тильзита, амтовъ Руса и Кукернезена. Русское войско вступило въ Пруссію пятью колоннами подъ начальствомъ генераловъ—Салтыкова 2-го, Рязанова, графа Румянцева, принца Любомирскаго, Панина и Леонтьева. 10 числа, когда Ферморъ былъ въ городѣ Лабіо, пріѣхали къ нему депутаты отъ главнаго города Пруссіи, Кенигсберга съ просьбою принять ихъ въ покровительство императрицы съ сохраненіемъ привилегій, и на другой день русское войско вступило въ Кенигсбергъ и встрѣчено было колокольнымъ звономъ по всему городу, по башнямъ играли въ трубы и литавры, мѣщане стояли впереди и отдавали честь ружьемъ. Ферморъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ королевства прусскаго. Въ Вѣнѣ очень радовались занятію прусскихъ земель русскими войсками, но сейчасъ же и высказали безпокойство. Эстергази получилъ приказаніе требовать, чтобъ дальнѣйшее занятіе прусскихъ земель дѣлалось именемъ императрицы-королевы, «дабы не подать повода другимъ дворамъ къ размышленію, а притомъ чтобъ можно было различить воюющую сторону отъ помощной». На это данъ былъ отвѣтъ: «Отношенія наши къ королю прусскому вовсе, кажется, не требуютъ такихъ предосторожностей. Декларацію его противъ насъ изданную сочтутъ непрямымъ объявленіемъ войны только такіе люди, которые не захотятъ прямо ее разумѣть. Мы объявили при всѣхъ дворахъ, что для доставленія союзникамъ нашимъ надлежащей помощи нѣтъ другаго способа, какъ прямо дѣйствовать противъ прусскаго короля, а потому всѣ дворы, кажется, должны быть равнодушны къ тому, чьимъ бы именемъ прусскія земли ни были заняты. Для насъ довольно имѣть убѣжденіе, что наши союзники, а императрица-королева

особенно, зная наши чувства, отдадутъ намъ справедливость и не подумаютъ, чтобъ мы, подъ видомъ помощи имъ, пеклись только о своей пользѣ. Что касается присяги, къ которой приводятся жители прусскихъ земель, покоренныхъ нашему оружію, то справедливость и надобность ея оказываются при первомъ взглядѣ, ибо мы требуемъ только, чтобъ жители ни тайно, ни явно не предпринимали противъ насъ ничего предосудительнаго».

Наступилъ май, время приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и вѣнскій дворъ забилъ тревогу: «Общіе непріятели, писала Марія-Терезія Эстергази, продолжаютъ обнадеживать, что русская армія и въ нынѣшнюю кампанію ничего существеннаго не предприметъ, потому что она малолюдна и претерпѣваетъ такой недостатокъ въ деньгахъ, что нечего и думать объ учрежденіи магазиновъ, покупки фуража и доставленіи прочихъ военныхъ потребностей. Такимъ образомъ лучшее время для военныхъ операцій минетъ безплодно». На сообщеніе этихъ опасеній Эстергази отвѣчали: «Если обстоятельства не позволяли намъ до сихъ поръ столько въ пользу союзниковъ нашихъ сдѣлать, сколько бы мы желали, то можно однако сказать правду, что мы сдѣлали все то, что сдѣлать могли. Занятіе Пруссіи послѣдовало въ такое время, съ такими издержками и усиліями, что стоитъ намъ не менѣе цѣлой кампаніи. Сверхъ того здѣсь готовы были и требованный корпусъ въ 30,000 человѣкъ отправить во владѣнія императрицы-королевы, и дѣйствительно онъ уже находился въ походѣ, когда произошла отмѣна согласно желанію ея величества. Теперь этотъ корпусъ уже близко къ остальному войску, съ которымъ долженъ соединиться, и надобно надѣяться, что скоро придетъ въ движеніе вся армія, которая и безъ того находится по большей части за Вислою. И вешнее время никакъ нельзя почитать потеряннымъ, ибо дальнѣйшій походъ требуетъ безчисленныхъ приготовленій; сюда присоединились несчастія: неурожай хлѣба и фуража, и теперь вслѣдствіе необыкновенно сухой и холодной погоды, трава еще изъ земли не показывается.»

Въ іюнѣ Марія-Терезія снова торопила русское войско и писала въ рескриптѣ своемъ къ Эстергази: «Теперь все зависитъ отъ того, чтобъ русскія войска долѣе въ бездѣйствіи не оставались, но скорыми своими дѣйствіями подкрѣпили и оживотворили движенія союзниковъ. Пріятели и непріятели съ нетерпѣніемъ

этого ожидаютъ; и если обнадеживанія ея величества императрицы исполнятся, то непріятель придетъ въ сильное безпокойство и покинетъ свои дальновидные замыслы, и чрезъ это умножится бодрость какъ всѣхъ союзниковъ, такъ и насъ самихъ. Россія имѣетъ въ рукахъ возможность общему и ей столько же какъ и намъ опасному непріятелю нанести смертельный ударъ, и сдѣлать это тѣмъ легче и надежнѣе, что прусскій король не можетъ собрать достаточной арміи для отпора русскимъ силамъ, хотя бы онъ и получилъ успѣхъ въ Моравіи. Все это ты долженъ представить петербургскому двору въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: собственная его честь, слава и благополучіе зависятъ теперь отъ его совершенныхъ или несовершенныхъ операцій, и что теперь упущено будетъ, то уже потомъ нельзя будетъ поправить» [119].

Новый главнокомандующій русскою арміею, Ферморъ, зналъ по печальному опыту предшественника, что при плохомъ устройствѣ провіантской части дѣлать быстрыя движенія нельзя, и зналъ, что въ случаѣ медленности онъ будетъ имѣть главныхъ враговъ въ Австрійцахъ, которые будутъ кричать противъ него въ Петербургѣ и по всей Европѣ, и складывать на русское войско вину собственныхъ неуспѣховъ. Вотъ почему, принявъ начальство надъ войсками, Ферморъ заручался въ Петербургѣ милостивцами, которые бы защитили его въ случаѣ нужды; такъ онъ писалъ Воронцову: «Понеже оный главный постъ (главнокомандующаго) требуетъ великой асистенціи милостивыхъ патроновъ, того ради беру смѣлость вашего сіятельства просить — меня и врученную мнѣ армію въ милостивой протекціи содержать и недостатки мои мудрыми вашими наставленіями награждать» [120].

22 мая Ферморъ извѣщалъ, что готовъ къ выступленію изъ Восточной Пруссіи; 20 іюня онъ былъ у Познани, и 1 іюля выступилъ отъ этого города прямо на западъ къ бранденбургской границѣ, куда, именно къ мѣстечку Мезеричу вся армія пришла 15 числа. Отсюда хотѣли было прямо идти къ Франкфурту на Одерѣ; но недостатокъ провіанта и фуража и порча упряжки вслѣдствіе продолжительныхъ дождей заставили подумать, продолжать ли походъ въ этомъ направленіи. На военномъ совѣтѣ австрійскій генералъ баронъ С. Андрэ, по прежнему находившійся при русскомъ войскѣ, былъ такого мнѣнія, что лучше всего

австрійской арміи держаться около Лузаціи, а русской оставаться у Франкфурта на Одерѣ или у Кроссена и тамъ по возможности стараться перейти Одеръ для соединенія съ Австрійцами, чтобъ непріятель не могъ напасть на Русскихъ, не подвергая себя опасности подвергнуться съ тыла нападенію Австрійцевъ. Но главнокомандующій и генералъ-поручики Салтыковъ, князь Голицынъ и Чернышевъ возражали, что въ указанной мѣстности нѣтъ нисколько фуражу, а лошади въ такомъ плохомъ состояніи, что не могутъ подвозить провіанта. Надобно потому перейти у Ландсберга черезъ рѣку Варту, потомъ остановясь у Кистрина, послать одинъ корпусъ въ окрестности Швета, и учредить, какъ можно скорѣе, главный магазинъ въ Старгардѣ, давая между тѣмъ отдыхъ лошадямъ, чтобъ можно было пройти въ окрестности Франкфурта и подать помощь австрійской арміи. Если же шведское войско приблизится къ городу Швету, то русскому войску спѣшить къ Одеру, навести мосты и, соединясь съ Шведами, идти далѣе въ непріятельскія земли, чтобъ отвлечь прусскаго короля отъ Силезіи. С. Андрэ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Поэтому армія приняла направленіе къ сѣверу и 28 іюля расположилась у Ландсберга. 4 августа Русскіе подошли къ Кистрину и калеными ядрами сожгли городъ, но крѣпость не сдалась: она защищалась двумя рѣками Вартою и Одеромъ и каналами; чтобъ окружить ее, Русскимъ нужно было растянуть свое войско на большомъ пространствѣ, на что Ферморъ не могъ рѣшиться вблизи прусскаго корпуса, командуемаго графомъ Дона.

Въ отвѣтъ на донесеніе о бомбардированіи Кистрина Ферморъ получилъ такой рескриптъ: «Счастливо произведенное вами въ дѣйствіе предпріятіе противъ Кистрина не только пріобрѣтаетъ вамъ совершенную нашу похвалу и одобреніе и не только съ точностію соотвѣтствуетъ нашимъ предписаніямъ, нашимъ надеждамъ на ваше военное искусство, на ваше усердіе и ревность, но отчасти и превосходитъ наши ожиданія. Пусть крѣпость Кистринъ не взята, пусть и не будетъ принуждена къ сдачѣ переходомъ вашимъ черезъ Одеръ и пресѣченіемъ ей сообщенія съ прусскимъ корпусомъ графа Дона: довольно и предовольно того, что примѣрною храбростію нашего войска непріятельское войско устрашено, земскіе жители потерею своего свезеннаго въ городъ имѣнія научены полагаться больше на наши обнадеживанія и

оставаться спокойно въ своихъ домахъ, чѣмъ полагаться на защиту своего войска, а истребленіемъ обширнаго магазина, содержавшаго слишкомъ 600,000 четвертей хлѣба, конечно сдѣлано будетъ великое препятствіе непріятельскому плану, если Пруcаки будутъ принуждены позволить вамъ утвердиться въ тамошнихъ мѣстахъ на безопасныхъ зимнихъ квартирахъ».

Отъ 24 августа посланъ былъ Фермору другой рескриптъ: «Теперь самое критическое время, въ которое нынѣшняя война, слава и благосостояніе государствъ рѣшиться могутъ. Съ одной стороны фельдмаршалъ графъ Даунъ теперь уже глубоко въ Лузаціи, если еще не вступилъ въ Бранденбургію. Съ другой стороны король прусской употребитъ всѣ силы предупредить графа Дауна и воспрепятствовать вашему съ нимъ соединенію. Нельзя ручаться, не предприметъ ли король твердаго намѣренія во что бы то ни стало на васъ напасть и такъ разбить, чтобъ послѣ легко ему было противиться одному графу Дауну. Наконецъ; что менѣе всего вѣроятно, не вздумается ли королю, по примѣру чудного его во всемъ поведенія, обратиться въ Польшу, чтобъ тамъ завести смуту въ свою пользу и удалить театръ войны отъ собственныхъ земель? На всѣ эти три случая мы не можемъ теперь здѣсь подать вамъ пространнѣйшія наставленія; надѣемся, что вы будете всегда въ состояніи сдержать непріятельское стремленіе и утвердиться въ Помераніи на зимнихъ квартирахъ, однимъ словомъ совершить славную кампанію. Старайтесь только прилежно провѣдывать о непріятельскихъ движеніяхъ, почему одобряемъ, что вы блезевскому аббату Іосифу Локу дали порученіе посылать вновь шпіоновъ»[121].

Надежда не исполнилась. Фридрихъ II находился въ австрійскихъ владѣніяхъ, когда узналъ о вторженіи Русскихъ въ Бранденбургъ. *Скоропостижный* король немедленно двинулся съ войскомъ на защиту своихъ основныхъ владѣній. Во Франкфуртѣ на Одерѣ услыхалъ онъ громъ русскихъ пушекъ, обстрѣливавшихъ Кистринъ, и, неслышно отъ Фермора, въ одну ночь перешелъ Одеръ нѣсколько верстъ ниже Кистрина и отрѣзалъ Фермора отъ Румянцевскаго корпуса, находившагося внизъ по Одеру, по направленію къ Швету. Ферморъ узналъ о приближеніи короля, когда толпа козаковъ наткнулась на прусскихъ гусаръ; 20 козаковъ было взято въ плѣнъ, остальные ускакали

и привезли въ главную квартиру извѣстіе, что Прусаки уже по сю сторону Одера. Ферморъ немедленно снялъ осаду Кистрина и расположилъ войско на выгодномъ мѣстѣ подлѣ деревни Цорндорфа. Русская армія была расположена поминиховски, большимъ каре, внутри котораго находились обозъ и конница.

14 августа, въ 9 часовъ утра началось сраженіе нападеніемъ Прусаковъ на правое крыло русской арміи. Здѣсь стоялъ ново-набранный Шуваловымъ такъ-называемый обсерваціонный корпусъ, люди отличные, но никогда не бывавшіе въ огнѣ. Несмотря на то, они не дрогнули отъ прусской стрѣльбы и сдержали стремленіе прусскихъ гренадеръ, а русская конница разстроила ихъ и заставила податься назадъ, 26 непріятельскихъ пушекъ было уже въ русскихъ рукахъ. Но движеніе конницы произвело страшную пыль, которая вмѣстѣ съ дымомъ относилась вѣтромъ на вторую русскую линію, которая ничего не могла различить и стрѣляла по своей конницѣ сзади, а спереди явилась прусская конница подъ предводительствомъ генерала Зейдлица; русская конница была опрокинута на свою пѣхоту, въ пыли и дыму Русскіе перемѣшались съ Прусаками и началась страшная рѣзня, въ которой русскіе солдаты удивили непріятелей своею стойкостію: разстрѣлявши всѣ патроны, они стояли какъ каменные, ихъ можно было перебить, но не обратить въ бѣгство. Но было и другое, печальное явленіе: часть солдатъ бросилась на маркитантскія бочки съ виномъ и начала ихъ опустошать, напившись, въ безпамятствѣ, били собственныхъ офицеровъ, бродили, ничего не понимая и не слушались никакихъ приказаній. Полдневное солнце палило прямо въ лицо Русскимъ, пыль и дымъ ослѣпляли ихъ. Все это повело къ окончательному разстройству праваго крыла. Во второмъ часу дня король велѣлъ двинуться своимъ на лѣвое русское крыло; нападеніе было отбито и Прусаки обращены въ бѣгство. Но тотъ же Зейдлицъ съ конницею явился и тутъ на помощь своимъ и возстановилъ равновѣсіе. Битва пошла отчаянная. Съ обѣихъ сторонъ пороху не доставало, дрались на шпагахъ и штыкахъ, и дрались до наступленія темноты. Оба войска, выбившись изъ силъ, ночевали на мѣстѣ битвы; ни то, ни другое не могло приписать себѣ побѣды. Но на другой день Ферморъ отступилъ первый и тѣмъ далъ Прусакамъ поводъ приписать по-

бѣду себѣ. Потеря съ русской стороны была страшная: слишкомъ 20,000 выбыло изъ строю, потеряно болѣе ста пушекъ, болѣе 30 знаменъ. Генералъ-поручики Салтыковъ и графъ Чернышевъ, генералъ-майоръ Мантейфель и два бригадира—Тизенгаузенъ и Сиверсъ попались въ плѣнъ; старикъ генералъ-аншефъ Броунъ получилъ больше 17 ранъ по головѣ. У Прусаковъ выбыло изъ строю 12,000 человѣкъ, да потеряно 26 пушекъ. Король не имѣлъ возможности преслѣдовать Фермора и отступилъ въ Кистринъ [122].

25 августа пріѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Розенъ съ извѣстіемъ о «генеральной и прежестокой баталіи», бывшей 14 числа. «Пополуночи въ 9 часу, доносилъ Ферморъ, началась баталія безперерывною пушечною пальбою и продолжалась полтора часа, а потомъ загорѣлся изъ мелкаго ружья огонь, который пушечною жь пальбою подкрѣпляемый продолжался до самой ночи, въ которое время нѣколикократно по перемѣнамъ одна сторона другую сбивала и мѣста своего не уступала, пока напослѣдокъ въ 10-мъ часу прусская армія россійской мѣсто баталіи уступила, гдѣ россійская чрезъ ночь собралась и не токмо въ виду прусской ночевала, но на другой день имѣла ростахъ, собирая своихъ раненыхъ и пушекъ, сколько непріятель допускалъ. Уронъ раненыхъ изъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ весьма знатенъ, токмо по краткости времени точно показать не можно. Я не въ состояніи вашему императ. величеству о поступкахъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ довольно описать, и аще бы солдаты вовсе время своимъ офицерамъ послушны были и вина потаенно сверхъ одной чарки, которую для ободренія выдать велѣно, не пили, тобъ можно такую совершенную побѣду надъ непріятелемъ получить, какова желательна, и тако донести долженъ, что въ разсужденіи великаго урона, слабости людей и за неимѣніемъ хлѣба принужденъ сегодня (15 августа) до тяжелыхъ нашихъ обозовъ и хлѣба 7 верстъ до Гросъ-Камина слѣдовать, а потомъ до Ландсберга, гдѣ надѣюсь съ третьею дивизіею, при Шветѣ стоящею, соединиться и субсистенцію арміи сыскивать по рѣкѣ Вартѣ. Денежная казна понынѣ почти вся сохранена, и дѣла секретной экспедиціи купно со всѣми цифирными ключами сожжены. Его высочество принцъ Карлъ (саксонскій) и генералъ

С. Андрэ, не дождавшись совершеннаго окончанія баталіи, знатно заключая худыя слѣдствія, ретировались въ Шветъ. Я при семъ неудачномъ случаѣ, по моей рабской должности, всевозможныя мѣры употреблять не оставлю»[123].

Дополненіемъ къ извѣстіямъ о цорндорфской битвѣ служитъ дѣло, начатое по доносу волонтера русской арміи, польскаго шляхтича Казновскаго на бригадира Стоянова. Казновскій показывалъ: 14 августа, послѣ битвы вечеромъ онъ и Стояновъ съѣхались вмѣстѣ, и Стояновъ сказалъ: «какой-то лютеранинъ командующій генералъ поставилъ армію подъ вѣтеръ и всю погубилъ; только бы время пришло удобное, съѣхался бы съ нимъ и застрѣлилъ; а теперь куда намъ дѣваться? мужики насъ прибьютъ! лучше сыскать трубача и ѣхать въ Кистринъ». Генералъ майоръ Панинъ вмѣстѣ съ Стояновымъ и многими другими дѣйствительно поѣхали въ Кистринъ; но Панинъ одумался и сталъ говорить Стоянову: «поѣдемъ вмѣстѣ назадъ въ лагерь». Стояновъ отвѣчалъ: «поѣзжайте куда хотите, а я ѣду своею дорогою, жаль, что уже ночь наступила». Разговаривая такимъ образомъ всѣ опять поѣхали лѣсомъ; тутъ же и Грузинскаго полка священникъ усильно просилъ, чтобъ въ Кистринъ не ѣздили. Изъ лѣсу пріѣхали въ прежній русскій лагерь при Кистринѣ; тогда одинъ пѣхотный подполковникъ опять началъ говорить, что выѣхали уже къ Кистрину и потому надобно опасаться прусскихъ гусаръ, и Панинъ тотчасъ повернулъ налѣво отъ Кистрина, вмѣстѣ съ нимъ поѣхали и другіе, помедливъ немного и видя, что никто съ нимъ въ Кистринъ не ѣдетъ, поѣхалъ за ними же и Стояновъ, и ночью пріѣхали всѣ къ русскимъ обозамъ.

Стояновъ показалъ, что не помнитъ, говорилъ ли приводимыя Казновскимъ слова о Ферморѣ, только не имѣлъ намѣренія убивать его, иначе не отбивалъ бы Фермора отъ непріятеля: когда Пруссаки начали нашу армію обходить, то приказано было ему Стоянову атаковать ихъ съ сербскимъ гусарскимъ полкомъ, что онъ и сдѣлалъ и былъ въ самомъ непріятельскомъ фрунтѣ, но отъ превосходной силы непріятеля отступилъ и перешелъ на правый флангъ русской арміи. Потомъ опять съ Хорватовымъ полкомъ посланъ былъ атаковать непріятельскую артиллерію, что исполнялъ до того времени, какъ началась генеральная баталія, во время которой онъ былъ на лѣвомъ флангѣ.

Когда непріятель усилился, фрунтъ нашъ сбили и сперва правый флангъ пошелъ на ретираду, а потому и вся армія пошла къ лѣсу, то и онъ Стояновъ пріѣхалъ къ лѣсу; въ это самое время увидалъ онъ, что Фермора окружили непріятельскіе гусары и кирасиры, которыхъ онъ съ малымъ числомъ своихъ гусаръ отогналъ и Фермора избавилъ отъ смерти или плѣна. Потомъ поѣхалъ вдоль мѣста битвы, гдѣ увидѣлъ Панина со многими офицерами. Панинъ, держась за животъ, говорилъ, что жестоко раненъ и бригада его вся пропала, просилъ, чтобъ Стояновъ сыскалъ ему мѣсто, гдѣ бы перевязать рану. Стояновъ отвезъ его въ деревню по близости отъ русскаго праваго фланга и, оставя его здѣсь, намѣренъ былъ ѣхать искать Фермора; но Панинъ говорилъ ему, что тутъ остаться нельзя, опасно отъ непріятеля. Тогда Стояновъ, осердясь сказалъ ему единственно въ шутку: «Куда мнѣ съ тобою дѣваться? такъ поѣдемъ въ Кистринъ!» и поѣхали, Стоянову хотѣлось отыскать обозъ и тамъ оставить Панина для перевязки раны. Между тѣмъ наступила ночь; Панинъ спросилъ: «Куда же мы ѣдемъ?» Стояновъ опять въ шутку отвѣчалъ: «въ Кистринъ». Панинъ сказалъ на это: «Теперь въ Кистринъ ѣхать поздно, лучше поѣдемъ въ лѣсъ;» а Стояновъ говорилъ: «Въ лѣсу бѣда, наѣдутъ мужики и насъ палками побьютъ». Панинъ сказалъ: «Вотъ есть трубачъ!» а Стояновъ въ шутку отвѣчалъ: «Поѣзжай трубить впередъ къ Кистрину и скажи, что ѣдутъ генералъ Панинъ и бригадиръ Стояновъ». Между этими разговорами пріѣхали къ обозу.

Стояновъ былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія по неосновательности доноса; но и Казновскому выдано 200 червонныхъ за ревность [124].

На реляцію свою о «неудачномъ случаѣ» Ферморъ получилъ такой рескриптъ отъ императрицы: «Черезъ семь часовъ сряду храбро сдѣланное превосходящему въ силѣ непріятелю сопротивленіе, одержаніе мѣста баталіи и пребываніе на ономъ даже на другія сутки, такъ что непріятель, и показавшись и начавъ уже стрѣльбою изъ пушекъ, не могъ однакоже чрезъ весь день ничего сдѣлать и ниже прямо атаки предпріять, суть такія великія дѣла, которыя всему свѣту останутся въ вѣчной памяти къ славѣ нашего оружія, къ особливой похвалѣ генералитета и къ знаменитой вамъ яко главному командиру заслугѣ. Претер-

пѣнный великій уронъ признаваемъ мы съ должнымъ благоговѣніемъ соизволеніемъ Божіяго вся во благое устроевающаго провидѣнія. Слѣдствія того состоятъ также въ святой Его власти, и мы съ равномѣрнымъ должнымъ благодареніемъ примемъ и самое отъ благодѣющей Его руки наказаніе, ежели будетъ Его на то воля. Но мы еще всегда на Его жь неисчерпаемыя щедроты уповаемъ, что паче помилуетъ, опечаля возвеселитъ и ослабя укрѣпитъ. Имѣйте вы и въ самомъ ежелибъ случилось несчастіи равный съ нами духъ мужества и твердости, вселяйте его вашимъ подчиненнымъ и всему воинству, утѣшьте раненыхъ нашимъ матернымъ объ нихъ сожалѣніемъ и теплымъ желаніемъ о ихъ выздоровленіи, не меньше жь и тѣмъ, что заслуги всѣхъ и каждаго будутъ у насъ въ незабвенной памяти и безъ достойнаго награжденія не останутся. Обнародуйте сей нашъ указъ во всей арміи, дабы всѣ видѣли, коль велико наше милосердіе къ достойнымъ онаго и дабы видя сію милость тѣ, кои по малодушію или инако не совсѣмъ исполнили свою должность, чувствовали, колико имъ о поправленіи того стараться надобно, и коль несравненно благополучнѣе и завистливѣе жребій тѣхъ, кои съ толикою славою и съ вѣчною предъ Создателемъ заслугою жизнь свою скончали предъ тѣми, кто оказалъ безчестную робость».

16 августа на разсвѣтѣ, въ виду непріятеля, русская армія выступила съ поля битвы и шла семь верстъ каре; артиллерію, какъ свою такъ и взятую у непріятелей солдаты везли на себѣ за неимѣніемъ достаточной упряжки, раненыхъ козаки везли въ торокахъ, на заводныхъ лошадяхъ. Прусское войско не трогалось, и въ 9 часу Ферморъ благополучно прибылъ къ Гросъ-Камину, гдѣ на нѣсколько дней остановился въ крѣпкомъ лагерѣ. «18 числа, доносилъ Ферморъ, Всевышнему за Его милосердое помилованіе благодарный молебенъ пѣтъ, а по окончаніи онаго пушечная пальба производима была; непріятель такожь викторію праздновалъ, пальба онаго съ четверть часа нашу предварила». Послѣ этого Ферморъ двинулся далѣе къ Ландсбергу и соединился съ отрядомъ графа Румянцева: тутъ войска у него оказалось 40,000, кромѣ гусаръ и козаковъ. Въ Петербургѣ были довольны этимъ движеніемъ; довольны и рѣшеніемъ военнаго совѣта—не помышлять объ отступленіи, дѣй-

ствовать оборонительно, пока окажется удобный случай перейти къ наступательному дѣйствію. Но въ великой и основательной заботѣ находилась императрица, какъ говорилъ ея рескриптъ, что не видала въ реляціяхъ Фермора никакого объясненія на счетъ будущаго, хотя позднее годовое время требовало принятія мѣръ рѣшительныхъ: «Въ большей мы заботѣ отъ того, говорилось далѣе въ рескриптѣ, что видимъ васъ самихъ, несмотря на близость непріятеля, почти въ совершенномъ невѣдѣніи о его силѣ и положеніи, и что вы прежде чѣмъ что-либо начать, ожидаете нашихъ указовъ на отправленныя вами послѣ баталіи реляціи, хотя эти указы, по отдаленности, должны всегда опаздывать, да и не могутъ васъ удовлетворить, потому что въ отправленныхъ вами послѣ баталіи реляціяхъ, находилось только самое краткое объ ней упоминаніе, причемъ ни мнѣнія вашего не представлено, ни сдѣлано такого тамошнихъ обстоятельствъ описанія, по которому бы здѣсь можно было распорядиться надежно и основательно. Хотимъ однако, сколько можно, на чрезвычайную краткость вашихъ реляцій подать вамъ пространное и обстоятельное объясненіе нашихъ мнѣній. Еслибъ корпусъ графа Дона, слабый до соединенія съ нимъ королевскаго войска, вами былъ атакованъ и хотя не совершенно разбитъ, однако въ слабость и разстройство приведенъ, то конечно король прусскій не имѣлъ бы такой выгоды васъ атаковать и долженъ былъ бы привести гораздо больше войска, чѣмъ облегчилъ бы австрійскаго фельдмаршала графа Дауна и далъ бы ему больше возможности съ вами соединиться, или долженъ былъ бы возвратиться чрезъ Силезію въ Богемію, дабы отвлечь туда и Дауна. Такъ и теперь если оставленный противъ васъ корпусъ будетъ вами разбитъ и за рѣку Одеръ прогнанъ, то вы останетесь въ полной свободѣ и безпечности, будете по своему произволу располагать непріятельскими землями по сю сторона Одера. Если же напротивъ корпусъ графа Дона противъ васъ на этой сторонѣ рѣки останется, то надобно будетъ опасаться еще болѣе вредныхъ слѣдствій. Вопервыхъ, занятіе зимнихъ квартиръ будетъ подвержено большимъ затрудненіямъ; непріятель нарочно будетъ долго стоять въ лагерѣ, чтобъ дурною погодою изнурять нашу армію. Второе и важнѣйшее: если графъ Дона останется на этой сто-

ронѣ Одера, то король опять можетъ придти къ нему и атаковать васъ соединенными силами. Намъ очень пріятно ваше заявленіе, что главное попеченіе ваше состоитъ въ занятіи зимнихъ квартиръ въ непріятельской землѣ; но не скроемъ, что ваши упоминанія слегка, какъ бы мимоходомъ, о такихъ важныхъ предметахъ насъ очень безпокоятъ, а теперь еще больше, потому что время позднее. Что касается присланныхъ вами плановъ послѣдней баталіи, то по краткости присоединеннаго къ нимъ описанія нельзя не только сочинить обстоятельной реляціи, которой отъ насъ весь свѣтъ ожидаетъ, но и никакого яснаго для себя представленія сдѣлать. Планъ прошлогодней баталіи гораздо подробнѣе былъ: тамъ видно, который полкъ и когда дрался, и что послѣ чего происходило. Видно и здѣсь расположеніе полковъ, но о дѣйствіяхъ ихъ совершенно умолчено, а мы больше всего вамъ рекомендовали не держать насъ въ невѣдѣніи о томъ, которые полки и кто изъ генералитета наиболѣе отличились. Когда же ожидать намъ столь нужнаго свѣдѣнія, если не при этомъ великомъ и рѣдкомъ дѣлѣ? На одномъ изъ плановъ видимъ, что авангардъ прусской арміи стоитъ гораздо ближе къ вамъ, чѣмъ къ своему войску, и такъ какъ вовсе не видно, какія мѣры принимались вами вслѣдствіе такого обстоятельства, то насъ безпокоитъ это слишкомъ недостаточное свѣдѣніе ваше о состояніи непріятеля, вслѣдствіе чего вамъ надобно всегда опасаться нечаянныхъ отъ него нападеній. Мы всемѣрно желаемъ: 1) Чтобъ зимнія или кантониръ-квартиры для арміи нашей заняты были въ бранденбургскихъ земляхъ и буде можно по рѣкѣ Одеру. 2) Чтобъ Кольбергъ, какъ мѣсто очень нужное для пропитанія нашей арміи, взятъ былъ какъ можно скорѣе. 3) Чтобъ корпусъ графа Дона былъ не только какъ можно скорѣе прогнанъ за Одеръ, но и совершенно былъ разбитъ. Избѣгайте такихъ резолюцій, какія во всѣхъ держанныхъ въ нынѣшнюю кампанію военныхъ совѣтахъ были принимаемы, а именно съ прибавленіемъ ко всякой резолюціи словъ: если время, обстоятельства и непріятельскія движенія допустятъ. Подобныя резолюціи показываютъ только нерѣшительность. Прямое искусство генерала состоитъ въ принятіи такихъ мѣръ, которымъ бы ни время, ни обстоятельства, ни движенія непріятельскія препятствовать не могли».

Кромѣ этихъ жесткихъ замѣчаній, написанныхъ въ конференціи, Ферморъ получилъ отъ вице-канцлера графа Воронцова переводъ со статьи о состояніи русскаго войска, написанной какимъ-то иностранцемъ еще при Апраксинѣ. Воронцовъ писалъ при этомъ, что сочинитель статьи должно быть долго при нашей арміи былъ явнымъ шпіономъ и предлагалъ главнокомандующему разсмотрѣть—между многими лжами не указалъ ли онъ и дѣйствительнаго какого-нибудь недостатка въ арміи, чѣмъ можно и воспользоваться: «Я не могу отъ вашего сіятельства скрыть, писалъ Воронцовъ, что всѣ почти считаютъ великимъ недостаткомъ множество обозовъ въ нашей арміи, также и то, что мы иррегулярныхъ своихъ войскъ съ пользою употреблять не умѣемъ. Правда, трудно на мѣсто принятыхъ и долгое время наблюдаемыхъ обыкновеній вводить новыя; я понимаю, что ваше сіятельство иногда и опасаетесь сами собою вводить новое: но по состоянію нашего государства, съ нашимъ народомъ, разсуждая, что изъ него въ нынѣшнемъ только вѣкѣ сдѣлано, кажется, что не трудно привести въ исполненіе все возможное, и скорѣе, нежели гдѣ-нибудь. Въ древнія времена мы одолѣли Турокъ со всею ихъ превосходною силою; во время шведской войны, не имѣя почти никакого регулярства и будучи сперва побѣждены, успѣли мы усвоить шведскіе пріемы, научиться у непріятеля военному искусству и собственнымъ такъ-сказать оружіемъ побѣдили его. Теперь прусскій король имѣетъ для насъ такое же значеніе, какое имѣли прежде Шведы. Намъ нечего стыдиться, что мы не знали нѣкоторыхъ полезныхъ военныхъ порядковъ и пріемовъ, которые введены у непріятеля; но было бы непростительно, еслибы мы пренебрегли ими, узнавъ пользу ихъ на дѣлѣ. Смѣло можно народъ нашъ въ разсужденіи его крѣпости и узаконеннаго правительствомъ послушанія сравнить съ самымъ добрымъ веществомъ, способнымъ къ принятію всякой формы, какую ему дать захотятъ. Я дружески совѣтую вашему сіятельству вмѣстѣ съ господами генералами прилежно изслѣдовать, въ чемъ состоятъ наши неисправности и какими полезными учрежденіями и пріемами непріятельской арміи надобно воспользоваться безъ потери времени, а если чего сами собою никакъ сдѣлать не можете, о томъ немедленно и серіозно представьте.»

Въ «Письмѣ путешественника изъ Риги», присланномъ отъ Во-

ронцова, говорилось, что «русскій пѣхотный полкъ, идущій въ бой, никогда не имѣетъ болѣе двухъ долей солдатъ, потому что никакая армія такъ не отягощена чрезвычайнымъ багажомъ, какъ русская; обозныхъ служителей множество; въ каждой ротѣ къ провіантскимъ телѣгамъ, къ возкѣ палатокъ и больныхъ, къ коласкамъ и аммуничнымъ фургонамъ приставлены солдаты, которые должны кормить лошадей, ибо малая ихъ часть пускается въ поля; сверхъ того капитанъ, подъ именемъ государственныхъ дѣлъ, къ собственнымъ своимъ услугамъ употребляетъ отъ 10 до 12 человѣкъ. Экзерциціи очень медленны; первая шеренга остается всегда сидя на колѣняхъ; заряды очень плохи, и хотя строеніе фрунтомъ и введено, однако пѣхотный полкъ насилу въ часъ построится, при чемъ всегда происходятъ безпорядки. Солдаты маршируютъ въ парадѣ далеко другъ отъ друга, въ четыре шеренги, такъ что между каждымъ человѣкомъ остается мѣста на шагъ; у каждаго полка везутъ на особенныхъ телѣгахъ множество рогатокъ для прикрытія ими всего фрунта полка: это дѣлается изъ предосторожности, чтобъ конница не могла ворваться въ пѣхоту.

«Главная сила арміи состоитъ въ гренадерскихъ полкахъ, и дѣйствительно всѣ гренадеры люди плотные и сильные, но у нихъ нѣтъ ни проворства, ни живости; также и гренадерскіе офицеры люди лучшіе, но только на русскую стать. Я видалъ при гренадерскихъ полкахъ весьма многихъ разумныхъ людей, которые въ службѣ другихъ государей бывали и которыхъ я спрашивалъ, для чего они не вводятъ у себя того, что въ другихъ арміяхъ находится хорошаго; на это мнѣ капитанъ Энгельгардъ отвѣчалъ, что онъ было покусился сдѣлать начало тому въ своей ротѣ, но тѣмъ только навлекъ на себя недружбу большей части офицеровъ своего полка, и потому долженъ былъ проситься о переводѣ въ другой полкъ, и стало ему это больше ста рублей, особенно потому, что Нѣмцы теперь въ маломъ почтеніи. Прочая пѣхота чрезвычайно плоха, оберъ- и унтеръ-офицеры имѣютъ ружья оборышъ. Я не могу ихъ пѣхотныхъ полковъ ни съ какими плохими войсками сравнять, ибо едва ли мѣщанскій полкъ у насъ не порядочнѣе дѣлаетъ экзерциціи, нежели ихъ пѣхотные полки, приведенные изъ Замосковья. Но всякій полкъ снабженъ рогатками, на которыя они полагаютъ всю свою надежду.

«При русской арміи везутъ многочисленную артиллерію подъ вѣдомствомъ генералъ-лейтенанта Толстова. Мнѣ случалось часто съ нимъ разговаривать, и я замѣтилъ, что онъ искусный артиллеристъ. При стрѣльбѣ въ цѣль изъ тридцати выстрѣловъ только два не попали. Но этотъ генералъ не былъ еще ни въ одномъ сраженіи, только служилъ при осадѣ Очакова капитаномъ подъ фельдмаршаломъ Минихомъ. Толстой особенно жаловался на дурное состояніе артиллерійскихъ лошадей. Кирасирскихъ полковъ всего шесть; пять должны идти въ Пруссію, а шестой, называемый конною гвардіею, оставленъ въ Петербургѣ. Первые два могутъ еще почитаться конными полками; лошади у нихъ посредственныя, и, по крайней мѣрѣ, нѣмецкія. Укомплектованы они людьми и лошадьми на походѣ въ городахъ Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Дерптѣ, гдѣ у всѣхъ мѣщанъ казенныя лошади съ платою по 60 рублей за каждую взяты были, не разбирая лѣтъ и недостатковъ, только бы въ семь футовъ приходили и бродить могли; держатъ лошадь до тѣхъ поръ пока съ ногъ свалится. Строеніе ихъ эскадроновъ очень медленно, а атака дѣлается не сильнѣе, какъ рысью. Когда командовали: «Стой! оправься!» то въ иномъ мѣстѣ находилось болѣе 12 шеренгъ, а въ другомъ такіе промежутки, что въ нихъ можно было въѣхать цѣлымъ взводомъ. Пальба производилась цѣлыми шеренгами, но въ сильномъ безпорядкѣ; весь полкъ въ кучу съѣхался, многія лошади споткнулись и люди съ нихъ попадали. Не разумѣютъ они точности въ экзерциціи и все для нихъ равно, что одинъ рейтаръ направо, другой налѣво, а третій впередъ смотритъ. Что же принадлежитъ до прочихъ трехъ полковъ, то они теперь только преобразованы изъ драгунскихъ. Я завелъ особенную дружбу съ полковникомъ одного изъ нихъ Шваненбургомъ, который разсказалъ мнѣ, что лошади у нихъ негодныя, всѣ русской породы, чрезвычайно пугливы, необъѣзжены и бѣшенѣе гусарскихъ. Всадникъ не везетъ съ собою на лошади и епанчи, но все лежитъ на телѣгахъ, и конный полкъ имѣетъ еще болѣе телѣгъ, чѣмъ пѣхотный.

«Драгунскихъ полковъ при арміи 12, которые и названія конницы не заслуживаютъ, да и офицеры ихъ очень просты, такъ что глупые русскіе офицеры другихъ полковъ завели у себя поговорку: «онъ глупъ какъ драгунскій офицеръ.» Неисправности

этихъ полковъ та главная причина, что они и въ десять лѣтъ вмѣстѣ не сводятся, но постоянно размѣщены по татарскимъ, турецкимъ и польскимъ границамъ. Гусары составляютъ лучшую кавалерію, хотя вообще у нихъ недостаетъ порядка, равенства, живости и ученья; офицеры ихъ очень мало разумѣютъ о патруляхъ, рекогносцировкахъ, засадахъ, ибо ихъ ничему этому не учатъ. Калмыки лучше всѣхъ изъ нерегулярныхъ войскъ. Козаки служатъ только для того, чтобъ непріятеля безпрестанно тревожить, присматривать за нимъ и держать въ страхѣ. Командующій генералъ совсѣмъ о томъ не думаетъ, много или мало этого сброду пойдетъ въ походъ. Между козаками Донскіе почитаются лучшими по искусству и храбрости. Всю надежду полагаютъ они на предводителя своего бригадира Краснощекова; они говорятъ, что онъ колдунъ. Генералъ-аншефъ Лопухинъ увѣрялъ меня въ этомъ, и когда я сказалъ, что въ Германіи колдунамъ не вѣрятъ, то онъ отвѣчалъ: «Можетъ ли статься, чтобъ такому подлинному дѣлу не вѣрить.» Я имѣлъ случай часто видаться и разговаривать съ этимъ знаменитымъ Краснощековымъ: вся его премудрость состоитъ въ томъ, что копьемъ или стрѣлою попадаетъ въ цѣль на пушечный выстрѣлъ, также и въ томъ, что, по его словамъ, ни отъ кого пардона не приметъ. Знатности его больше всего способствовало свойство съ Разумовскимъ.

«Фельдмаршалъ Апраксинъ заботится преимущественно о томъ, чтобъ имѣть у себя какъ можно большій штатъ и экипажъ. Въ ежедневныхъ и продолжительныхъ моихъ разговорахъ съ нимъ я замѣтилъ, что онъ не имѣетъ необходимыхъ для фельдмаршала теоретическихъ познаній, практическихъ же и не можетъ имѣть, потому что кромѣ Очакова онъ нигдѣ не бывалъ. Вся его забота состоитъ въ томъ, чтобъ заставить людей своихъ храбро биться; о сохраненіи людей и лошадей онъ мало безпокоится. Водитъ его какъ на веревочкѣ генералъ Веймарнъ, человѣкъ искусный, находившійся постоянно адъютантомъ при генералѣ Кейтѣ; онъ имѣетъ обширныя теоретическія познанія въ военныхъ наукахъ, и Русскіе считаютъ его да генерала Ливена оракулами. Генералъ-аншефъ Лопухинъ въ военномъ дѣлѣ мало искусенъ. Главныя его занятія—ѣда, питье и карты. Генерала-аншефа Ливена нечего считать, потому что тяжкая бо-

лѣзнь мѣшаетъ ему имѣть разумныя мысли. По причинѣ долгой его службы Русскіе считаютъ его божкомъ. Онъ великихъ дѣлъ не совершитъ, что я примѣтилъ изъ его разговоровъ съ генераломъ С. Андрэ, который вралъ ему невѣроятную дичь, а тотъ всему вѣрилъ. Генералъ-аншефъ Броунъ слабаго духа и нигдѣ не служивалъ кромѣ Россіи. Генералъ-поручикъ князь Голицынъ никогда не помышлялъ о воинскомъ дѣлѣ, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ находился при дворѣ и потомъ былъ резидентомъ въ Гамбургѣ. Генералъ-поручикъ Ливенъ считается очень искуснымъ, но онъ не въ милости у Апраксина, съ родственникомъ котораго побранился. Генералъ-майоръ князь Долгорукій слыветъ очень храбрымъ, но мало искуснымъ. Генералъ Вильбоа молодой, но очень способный офицеръ; впрочемъ онъ самъ мнѣ признался, что при нынѣшнихъ порядкахъ у него пропадаетъ охота: «Чортъ ихъ возьми, сказалъ онъ мнѣ: здѣсь надобно притворяться такимъ же дуракомъ какъ и всѣ, иначе всѣхъ сдѣлаешь себѣ непріятелями.» Графъ Румянцевъ тоже молодой человѣкъ, употребившій много труда, чтобъ сдѣлать себя способнымъ къ службѣ, и дѣйствительно имѣетъ обширныя теоретическія познанія, однимъ словомъ это самый искусный русскій генералъ; главный недостатокъ его—излишняя горячесть. Генералъ-майоръ Панинъ самъ мнѣ говорилъ: «зачѣмъ меня въ генералы произвели? я ихъ о томъ не просилъ; я доволенъ, когда могу полкъ обучать.» Князь Любомирскій пустой хвастунъ. Фельдмаршалъ всю свою надежду полагаетъ на полковника Бюлова, перешедшаго въ русскую службу изъ саксонской; объ немъ отзываются, что это вертопрахъ, но способный стравить между собою всѣхъ жителей земнаго шара [125].»

Фермору писали, чтобъ онъ занималъ зимнія квартиры въ бранденбургскихъ земляхъ и дѣйствовалъ наступательно противъ Дона; а онъ еще въ августѣ началъ внушать Воронцову, что необходимо пробираться на зимнія квартиры—къ Польшѣ! «Нынѣ, писалъ онъ 23 августа изъ-подъ Ландсберга, нынѣ въ арміи людей отъ 35, а съ легко ранеными до 40,000; но при томъ въ генералахъ и штабъ-офицерахъ большой недостатокъ, лучшіе выбыли. Полевая артиллерія находится въ хорошемъ состояніи, только зарядовъ и половиннаго числа противъ комплекта не будетъ; къ тому же искусныхъ офицеровъ, бомбардировъ и фу-

зелеровъ очень недостаточно. На полученіе впредь провіанта никакъ надѣяться нельзя, потому что по переходѣ прусской арміи за Одеръ, какъ города, такъ и мужики являются ослушными, выбѣгаютъ изъ домовъ своихъ и по лѣсамъ отъ козаковъ отстрѣливаются, слѣдовательно тотъ же точно казусъ является, который въ прошломъ году настоялъ: легкое войско отъ раззоренія земли никоимъ образомъ удержать невозможно. Упряжки, какъ подъ артиллеріею, такъ и подъ обозомъ, по наступленіи осенняго времени, вседневно въ слабость приходятъ. А если рѣку Варту оставить, или и по ней, но на одномъ мѣстѣ стоять, то и вовсе лошадей поморить можно, а люди безъ лошадей какую службу отправлять могутъ? артиллеріи и аммуниціи возить не на чемъ будетъ. Изъ этого милостиво заключить можете: не заставитъ ли меня и весь генералитетъ крайняя нужда подаваться небольшими маршами вверхъ по рѣкѣ Вартѣ или Нетцѣ къ магазинамъ нашимъ на Вислу и тѣмъ сберечь армію и многочисленныхъ раненыхъ не оставить въ непріятельскихъ рукахъ [126].»

Но на военномъ совѣтѣ, держанномъ 7 сентября, рѣшено было, что оставаться въ бранденбургскихъ земляхъ нельзя, идти прямо къ Вислѣ—навлечь гнѣвъ императрицы, а потому надобно избрать среднее—идти въ Померанію, стать лагеремъ у Старгарда и послать отрядъ войска для захваченія Кольберга, приморской крѣпости, важной для подвоза войска и съѣстныхъ припасовъ изъ Россіи.

Рѣшеніе совѣта было приведено въ исполненіе, армія расположилась у Старгарда. Здѣсь 23 сентября держанъ былъ военный совѣтъ, въ которомъ Ферморъ предложилъ на обсужденіе: такъ какъ мѣсяцъ октябрь уже наступаетъ и начинаются жестокіе осенніе вѣтры съ дождями, въ здѣшнихъ открытыхъ и подобныхъ степи мѣстахъ лѣсу нѣтъ, дровъ достать негдѣ, люди, стоя въ лагерѣ, терпятъ не малую нужду и лошади по недостатку полеваго корма приходятъ въ изнуреніе: то нужно ли армію держать непремѣнно въ этихъ мѣстахъ и какъ долго? не лучше ли податься къ рѣкѣ Драгѣ, около которой болѣе надежды къ полученію полевого корма и дровъ. Рѣшили: всѣ тяжелые обозы, худоконную регулярную и нерегулярную кавалерію, пѣшихъ гусаръ и козаковъ вмѣстѣ съ больными отправить къ Вислѣ, а съ арміею держаться на прежнихъ мѣстахъ, пока время и обстоятельства позволятъ.

На требованія изъ Петербурга, чтобъ дѣйствовать противъ графа Дона, Ферморъ отвѣчалъ, что напасть на непріятеля, который держится всегда въ неприступныхъ лагеряхъ, имѣетъ превосходную кавалерію и артиллерію, убійственныя дѣйствія которой еще въ свѣжей памяти—нельзя, не подвергая войска крайней опасности; да еслибы даже и удалось его разбить или однимъ движеніемъ впередъ оттѣснить за Одеръ, то все же пришлось бы возвратиться въ Померанію, потому что около Одера, отъ Кистрина до Швета нельзя найти никакого пропитанія. На упрекъ въ несостоятельномъ описаніи Цорндорфской битвы Ферморъ отвѣчалъ, что за пылью и дымомъ нельзя было разсмотрѣть движенія полковъ и распоряженія ихъ командировъ. Относительно краткости донесеній отвѣчалъ, что нѣтъ времени писать подробнѣе въ слѣдствіе безпрестанныхъ движеній арміи, ненастья, рекогносцировокъ; ни одна бумага не выходитъ изъ канцеляріи безъ его просмотра, ни одно входящее дѣло кромѣ его никѣмъ не распечатывается.

Въ началѣ октября недостатокъ въ лѣсѣ около Старгарда заставилъ Фермора перейти на берегъ рѣки Драги; отсюда армія двинулась далѣе къ Вислѣ на зимнія квартиры. Въ Петербургѣ должны были помириться съ этимъ, хотя выражали сожалѣніе, что Дона не разбитъ и такимъ образомъ кампанія кончилась безъ славы; еще болѣе жалѣли о томъ, что Колбергъ не былъ взятъ: отправленный Ферморомъ генералъ Палмбахъ долго стоялъ подъ городомъ и принужденъ былъ возвратиться безъ успѣха. Относительно зимнихъ квартиръ Фермору предписывалось учредить кордонъ отъ Торна до Эльбинга, какъ было въ прошломъ году. На это предписаніе Ферморъ отвѣчалъ, что онъ не преминетъ его исполнить, хотя прежде для сохраненія славы русскаго оружія взялъ было твердое намѣреніе расположиться съ арміею кордономъ въ Помераніи и ожидать приближенія шведской арміи, а такъ какъ Померанія сильно истощена пребываніемъ въ ней двухъ армій, то еще вскорѣ послѣ Цорндорфскаго сраженія, заключилъ онъ контрактъ съ жидомъ Барухомъ на поставку 25,000 четвертей хлѣба по рѣкамъ Нетцѣ и Вартѣ. На это позднее увѣдомленіе Ферморъ получилъ отвѣтъ: «Сожалѣніе наше о томъ тѣмъ больше умножается, что сіе ваше намѣреніе весьма поздно намъ открыто, и вы донынѣ всегда пред-

ставляли, что въ Помераніи остановиться никакъ невозможно; иначе мы приложили бы все стараніе всячески облегчить вамъ это предпріятіе.» Не были довольны и распоряженіемъ Фермора о покупкѣ хлѣба у данцигскаго купца Верника: «Мы, говорилось въ рескриптѣ, твердое намѣреніе приняли снабжать нашу заграничную армію всякимъ хлѣбомъ и овсомъ изъ нашей имперіи, ибо какъ бы ни была высока ему здѣсь цѣна и какъ бы дорогъ провозъ за границу ни былъ, употребленныя на то деньги въ государствѣ останутся.» Несмотря на то, 25 ноября, въ день восшествія на престолъ Елисаветы, Ферморъ получилъ Андреевскую ленту. Остались, повидимому, безъ дѣйствія и нареканія иностранцевъ. Послѣ Цорндорфской битвы саксонскій принцъ Карлъ прислалъ Воронцову длинное письмо съ обвиненіями противъ главнокомандующаго: гусары и козаки употребляются не такъ какъ слѣдуетъ; держатъ ихъ при арміи, тогда какъ надобно разсылать ихъ въ разныя стороны для наблюденія за непріятелемъ и для содержанія его въ постоянной тревогѣ. Обозъ огромный, который требуетъ 30,000 подводъ и отнимаетъ у арміи болѣе 4,000 солдатъ. Рядовые очень трудолюбивы и въ работѣ неутомимы; но мало обучены военному дѣлу и мало между ними дисциплины. Ферморъ сдѣлалъ великую ошибку, потерявши понапрасну много времени подъ Кюстриномъ. Для сраженія выбралъ самое дурное мѣсто, несмотря на увѣщанія его, принца Карла. Послѣ сраженія слишкомъ поспѣшно отступилъ къ Ландсбергу, также несмотря на совѣты принца Карла и генерала С. Андрэ. Ферморъ не умѣетъ распоряжаться учрежденіемъ магазиновъ, не имѣетъ твердости и рѣшительности, слишкомъ недовѣрчивъ; главное несчастіе его въ томъ, что ввѣрилъ себя молодому человѣку, полковнику Ирману, исправляющему должность генералъ-квартирмейстера.—Генералъ С. Андрэ также жаловался на Фермора, что не призываетъ его на военные совѣты; шведскій майоръ баронъ Армфельдъ такъ описалъ цорндорфское сраженіе, что непріятель, по словамъ Фермора, злѣе выдумать не могъ. «Я нижайше прошу, писалъ Ферморъ Воронцову, отъ сего злого человѣка армію избавить, а, еслибы возможно, и отъ всѣхъ господъ волонтеровъ, которые ничего другого въ минувшую кампанію не дѣлали, какъ только веселились и на охоту ѣздили: меньше было бы расхода и пустыхъ вѣстей. Можно бы

больше вѣрить тому, кому вся армія повѣрена и кѣмъ справедливый журналъ ведется. Мнѣ эти господа своими вѣтренными затѣями и догадками въ минувшую кампанію столько безпокойства дѣлали, что я не зналъ, куда отъ нихъ дѣваться и какъ секретныя дѣла сохранить.»

20 декабря былъ составленъ для Фермора планъ кампаніи будущаго года; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: дѣйствовать наступательно въ Помераніи и Бранденбургіи или Неймаркѣ; чѣмъ раньше начать кампанію, тѣмъ лучше; ускорить занятіемъ Кольберга, такъ чтобы весною или первыми лѣтними мѣсяцами былъ тамъ такой запасъ провіанта и другихъ потребностей, который бы отнималъ всякое опасеніе на счетъ недостатка; Шведовъ склонить къ осадѣ Штетина и сильно помогать имъ при этомъ; по рѣкѣ Одеру дѣйствовать такъ, чтобъ только прикрывалась эта осада; если мира заключено не будетъ, то будущія зимнія квартиры расположить по Одеру; занять Берлинъ, если время и случай позволятъ; главнѣйшее дѣло—скрыть этотъ планъ отъ непріятеля. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только вспоможеніе союзникамъ и ослабленіе короля прусскаго, а не завоеваніе Помераніи или Неймарка, то если непріятель соберетъ на самыхъ границахъ своихъ большую армію, съ насъ будетъ довольно приблизиться къ нему, держать его въ страхѣ, и не допускать обратиться въ другую сторону. Напасть на него должно только въ такомъ случаѣ, когда онъ окажется слабъ или будетъ извѣстно, что ждетъ подкрѣпленія и тогда самъ нападетъ. Начать кампанію нужно рано и быстро, чтобъ до прибытія прусскихъ силъ занять необходимыя мѣста и отвлечь короля прусскаго и облегчить вѣнскій дворъ, еслибъ Фридриху II удалось въ самомъ началѣ кампаніи побѣдить фельдмаршала Дауна. Правда, вѣнскій дворъ или графъ Даунъ поворотомъ своимъ минувшаго лѣта въ Саксонію вмѣсто обѣщаннаго похода къ Франкфурту на Одеръ или Берлину не заслуживалъ бы такихъ заботъ о его сохраненіи; но надобно признаться, что если вѣнскій дворъ будетъ ослабленъ или принужденъ къ невыгодному миру, то дѣла наши и интересы потерпятъ столько же какъ и его собственныя, и всѣ понесенныя до сихъ поръ убытки и труды пропадутъ понапрасну. Занятіе Кольберга надобно почитать главнымъ предпріятіемъ всей кампаніи: безъ него нельзя ни помогать Шведамъ

во взятіи Штетина, ни арміи нашей имѣть въ Помераніи надежное пропитаніе, ни занять тамъ зимнихъ квартиръ. Это единственный портъ, черезъ который можно получать водою все потребное [127].

Кампанія 1758 года кончилась неудачно, и въ Петербургѣ не могли не досадовать на Австрійцевъ, которые не сдѣлали ничего для русскаго войска ни до цорндорфской битвы, ни послѣ нея. Русскій дворъ былъ недоволенъ вѣнскимъ, а послѣдній складывалъ вину на Францію. Эстергази сообщилъ Воронцову рескриптъ Маріи Терезіи отъ 19 октября, въ которомъ говорилось: «Бывшія по сіе время въ вѣнскихъ дѣлахъ затрудненія и худые успѣхи преимущественно произошли отъ того, что Франція искренняго совѣта нашего не послушала и вмѣсто того, чтобъ послать отъ 30 до 40,000 войска въ наши наслѣдныя земли и нѣмецкіе дворы содержать въ спокойствіи одною обсерваціонною арміею на Рейнѣ, опуталась войною съ Ганноверомъ и этою ошибкою не только истощила свои финансы, привела въ упадокъ флотъ свой и претерпѣла чувствительные уроны въ Америкѣ и Германіи, но и много потеряла относительно прежняго значенія своего внутри и внѣ Европы, не упоминая о томъ, что въ рѣшеніяхъ французскаго двора оказывается нѣкоторая робость и слабость. При такихъ обстоятельствахъ французское министерство думаетъ, что къ полученію ожидавшихся Франціею выгодъ мало и даже вовсе никакой надежды не остается, а торговля и флотъ подвергаются опасности совершеннаго раззоренія; думаетъ оно, что когда для насъ, для Россіи и Саксоніи война окончится благополучно и каждая изъ этихъ трехъ державъ вытащитъ занозу у себя изъ ноги, Франція напротивъ останется съ своею занозою и не получитъ никакого вознагражденія за всѣ труды и расходы. Мы, съ своей стороны, находимъ, что такое опасеніе французскаго двора не безъ основанія, а для другихъ союзниковъ нашихъ оно могло бы имѣть опасныя слѣдствія. Съ начала нынѣшняго года Франція многократно представляла, что тягость войны становится для нея несносною, и потому надобно думать о мирѣ. Мы отвѣчали, что вопросъ не въ томъ, надобенъ ли миръ, но какой миръ. Такъ какъ этотъ отвѣтъ не можетъ удовлетворить французское министерство, то наша обязанность прежде всего условиться съ нашею вѣрною союзницею,

россійскою императрицею, какими средствами удержать французскій дворъ отъ преждевременныхъ помышленій о мирѣ. Прусскія силы не такъ близки къ Россіи, какъ къ намъ; однако пока онѣ не уменьшатся, Россія будетъ находиться въ безпрестанной опасности, особенно когда Пруссія воспользуется турецкою войною или уничтожитъ существующую форму правленія въ Швеціи и заключитъ съ этою державою тѣсный союзъ. Опытъ уже показалъ, что многія и великія державы совокупными своими силами ничего противъ Пруссіи сдѣлать не могутъ: какого же успѣха можно надѣяться въ одиночной борьбѣ съ нею? Сверхъ того было бы крайне несправедливо, еслибъ Саксонія ничѣмъ не была вознаграждена за претерпѣнныя ею неслыханныя бѣдствія. Предосудительный миръ лишилъ бы насъ и союзниковъ нашихъ вліянія въ общей системѣ политическихъ дѣлъ, и все же въ мирное время мы были бы принуждены содержать многочисленныя войска. Такъ какъ россійскій дворъ нашему эрцгерцогскому дому естественный союзникъ, то мы полагаемъ главную надежду на совѣтъ ея величества императрицы и желаемъ быть увѣдомлены о намѣреніяхъ ея относительно будущаго замиренія». — «Правда, Франція сдѣлала большую ошибку, говорилось въ русскомъ отвѣтѣ; но Франція же старалась и поправить свою ошибку: она отказалась отъ занятія Ганновера, тогда какъ это занятіе было бы ей очень выгодно при будущемъ замиреніи съ Англіею; ея стараніемъ Швеція вступила въ войну съ Пруссіею; по соглашенію съ французскимъ же дворомъ и Данія собрала значительное войско въ своихъ германскихъ областяхъ. Притомъ своею ошибкою Франція еще болѣе затянулась въ войну, чѣмъ прежде думала. Ея императорское величество всегда полагала и полагаетъ, что Франція склонилась содѣйствовать ослабленію короля прусскаго, потому что ей были обѣщаны пріобрѣтенія въ Нидерландахъ, которыя уравновѣшивали для нея усиленіе австрійскаго дома. Императрица-королева пожертвовала Нидерландами, чтобъ избавиться навсегда отъ опаснаго непріятеля, короля прусскаго; съ тою же цѣлію императрица россійская согласилась на приращеніе королевства шведскаго. Эта цѣпь такъ хорошо составлена, что чѣмъ больше Франція имѣла силы и кредита склонить шведскій и датскій дворы, тѣмъ больше принуждена она неотмѣнно держаться обязательствъ своихъ съ

императрицею-королевою и тѣмъ меньше помышлять о скоромъ примиреніи. Но пусть Франція не приметъ въ разсужденіе того, что заключеніемъ невыгоднаго мира она безвозвратно потеряетъ сдѣланныя ею военныя издержки; пусть найдетъ средство извинить себя предъ шведскимъ и датскимъ дворами въ томъ, что вовлекла ихъ въ войну; но не можетъ же она не предвидѣть, что Англія безъ короля прусскаго на миръ не согласится, и легко себѣ представить, каковы будутъ англійскія претензіи, и какъ силенъ станетъ король прусскій, когда прежніе союзники Франціи, видя ея слабость, должны будутъ перейти на сторону Пруссіи, войти въ зависимость отъ нея; изъ общихъ отзывовъ французскаго двора, что война становится тягостна, несносна, что надобно думать о скорѣйшемъ заключеніи мира, нельзя еще непремѣнно заключать, чтобъ Франція имѣла рѣшительное намѣреніе настаивать на миръ. Впрочемъ императрица, по особенной дружбѣ своей къ императрицѣ-королевѣ, беретъ на себя представить посильнѣе французскому двору причины, по которымъ миромъ торопиться ненадобно. Мнѣніе императрицы состоитъ въ томъ, что начатую королемъ прусскимъ войну надобно продолжать до того времени, пока Всевышнему угодно будетъ праведное оружіе благословить совершенными успѣхами, и, низложа гордость, на одномъ самолюбіи основанную, дозволить всѣмъ обиженнымъ достойное воздаяніе. Что до военныхъ операцій принадлежитъ, то надобно смотрѣть, чтобъ та сторона, которой посчастливится, старалась пользоваться своими успѣхами, не оглядываясь на другую, ибо какъ бы ни было одинаково у всѣхъ намѣреніе, обстоятельства никогда одинаковы быть не могутъ, а король прусскій тѣмъ пользуется, когда видитъ, что одна армія, одержавъ надъ нимъ побѣду, дожидается, чтобъ и другая то же сдѣлала»[128].

Во Франціи Бестужеву въ началѣ года приходилось выслушивать жалобы на отступленіе Апраксина. Когда онъ жаловался аббату Берни на поведеніе Брольи въ Варшавѣ, тотъ отвѣчалъ, что Брольи выѣдетъ изъ Польши и тѣмъ камень преткновенія отстранится, и что теперь надобно думать не о такомъ пустякѣ, но какимъ бы образомъ остановить успѣхи короля прусскаго, ибо Австрійцы, потерявши въ послѣднюю кампанію около 45,000 лучшаго войска, теперь не въ состояніи противъ него дѣйство-

вать, однимъ словомъ Фридрихъ II пришелъ въ такую силу, что не только союзникамъ, но и всей Европѣ сталъ опасенъ; онъ, будучи очень уменъ, счастливъ и предпріимчивъ, можетъ при такихъ обстоятельствахъ легко завоевать Богемію и взять верхъ въ Германіи, также сдѣлать королемъ въ Польшѣ брата своего и предписывать всѣмъ законы по своему произволу, а съ Шведами управиться ему уже не трудно будетъ, только каково то будетъ послѣ другимъ? Поэтому очень и очень жаль, что фельдмаршалъ Апраксинъ безо всякой законной причины отступилъ съ поспѣшностію, и далъ возможность Левальду пройти въ Померанію, чѣмъ причиненъ общему дѣлу такой вредъ, что и поправить дѣло скоро нельзя.

Но отъ обвиненій скоро должны были перейти къ оправданіямъ: русская армія опять двинулась и заняла собственную Пруссію, а французская отступила за Везеръ. Людовикъ XV счелъ нужнымъ успокоить Елисавету собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ объяснялъ этотъ поступокъ также недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ; король увѣрялъ императрицу, что теперь онъ еще болѣе намѣренъ употребить всѣ силы, чтобъ принудить нарушителя всеобщаго покоя къ уваженію имперскихъ уставовъ и утвердить всеобщую тишину на твердомъ и справедливомъ основаніи, и что онъ король никогда не отступитъ отъ союза. Въ ноябрѣ опять жалобы аббата Берни Бестужеву на неудачныя дѣйствія русскихъ генераловъ: «Мнѣ непонятно, говорилъ аббатъ, какимъ образомъ Кольбергъ не могъ быть взятъ; кромѣ неискусства и оплошности начальствующихъ нѣтъ ли еще здѣсь какой тайной причины? Осаждавшія Кольбергъ войска никогда не имѣли у себя достаточнаго числа аммуниціи, присылалось ее къ нимъ всегда дня на три, много на пять. Шведскій генералъ писалъ графу Фермору, что онъ отъ него находится только въ двухъ маршахъ разстоянія и что онъ можетъ доставить русскому войску всякое продовольствіе: несмотря на то графъ Ферморъ удалился отъ него. Мы ясно видимъ истинное желаніе императрицы подать помощь своимъ союзникамъ, можемъ полагаться и на храбрость русскихъ солдатъ; но жаль, что повелѣнія императрицы не всегда должнымъ образомъ исполняются».

Это было послѣднее заявленіе аббата Берни; въ концѣ года

онъ былъ смѣненъ въ управленіи иностранными дѣлами герцогомъ Шуазелемъ. Первымъ дѣломъ новаго министра было открыть Бестужеву, что чрезъ датскій дворъ сообщено было англійскому, не захочетъ ли онъ заключить миръ съ Франціею безъ короля прусскаго; но полученъ былъ рѣшительный отказъ. «Въ здѣшней казнѣ, доносилъ Бестужевъ, примѣтенъ не малый недостатокъ въ деньгахъ; въ народѣ явна бѣдность; торговля и мануфактуры приходятъ въ упадокъ, мореплаваніе стѣснено; народъ сильно ропщетъ: несмотря на то для нуждъ государственныхъ въ публикѣ кредитъ всегда есть». Лопиталь изъ Петербурга далъ знать своему двору о нотѣ Эстергази относительно желанія Франціи заключить миръ. Шуазель объявилъ Бестужеву, по приказанію короля, что его величество будетъ свято и ненарушимо соблюдать всѣ обязательства съ своими союзниками и заключитъ миръ только съ общаго ихъ согласія. Австрійскій посолъ, графъ Штаремберrъ увѣрялъ Бестужева, что на Шуазеля положиться можно, потому что онъ склоненъ болѣе къ продолженію войны, чѣмъ къ заключенію какого-нибудь невыгоднаго мира [129].

Относительно Англіи въ Петербургѣ не имѣли надежды, чтобъ она заключила отдѣльный миръ съ исключеніемъ короля прусскаго; здѣсь больше всего заботились о томъ, чтобъ англійская эскадра не являлась въ Балтійское море на помощь Пруссіи противъ Россіи и Швеціи. Въ началѣ года Голицынъ, донося, что герцогъ Ньюкэстль не очень преданъ Пруссіи, прибавлялъ однако, что въ настоящее время въ Англіи трудно благонамѣренному министру «идти противъ быстроты фанатическаго всей почти націи пристрастія къ королю прусскому»; прибавлялъ также, что основное правило англійской политики—кто врагъ Франціи, тотъ другъ Англіи, и что намѣреніе англійскаго двора теперь ясно: стараться сдѣлать Пруссію сильнѣйшею державою въ Германіи вмѣсто Австріи, союзъ съ которою расторгнутъ. Англіи нѣтъ дѣла до того, какая держава будетъ сильнѣйшею въ Германіи, лишь бы она была въ тѣсномъ союзѣ съ нею противъ Франціи; сюда должно присоединить и химерическій титулъ защитника протестантской религіи, присвояемый Фридриху II. Голицыну велѣно было потребовать отъ лондонскаго двора прямого отвѣта, не разумѣется ли Россія въ числѣ общихъ непріятелей,

противъ которыхъ англійскій дворъ въ своей деклараціи обѣщаетъ помогать королю прусскому постоянно и сильно; но англійское министерство уклонялось отъ этого отвѣта подъ предлогомъ неполученія обстоятельныхъ свѣдѣній о русскихъ отношеніяхъ отъ своего посла въ Петербургѣ Кейта: опасались высылать эскадру, не желая рѣшительнымъ разрывомъ съ Россіею повредить своей торговлѣ и притомъ раздражить Швецію и Данію; съ другой стороны не хотѣли прямо сказать, что не пошлютъ эскадры, чтобъ подержать Россію подолѣе въ страхѣ и тѣмъ оказать пользу Фридриху II. Занятіе русскимъ войскомъ собственной Пруссіи произвело впечатлѣніе въ Лондонѣ: здѣсь начали внушать датскому посланнику, что его дворъ не долженъ равнодушно смотрѣть на такое усиленіе Россіи [130].

Внушенія, дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ Полякамъ, имѣли послѣдствіемъ одни разговоры. 27 января князь Волконскій обѣдалъ у короннаго гетмана графа Браницкаго. Послѣ обѣда хозяинъ отвелъ гостя въ сторону и началъ говорить: «Удивительно, сколько безпорядковъ произвело стоящее теперь въ областяхъ республики русское войско»!—«Если и въ самомъ дѣлѣ произошли какіе-нибудь безпорядки, отвѣчалъ Волконскій, то Полякамъ жаловаться не для чего: императрица обѣщала неоднократно назначить нарочныхъ коммиссаровъ, которые вмѣстѣ съ польскими коммиссарами должны изслѣдовать все происшедшее и удовлетворить дѣйствительно обиженныхъ». Потомъ Браницкій распространился въ жалобахъ на свое правительство: «Здѣшній дворъ въ Польшѣ правительствуетъ самодержавно, говорилъ онъ, и хотя я самъ начинать ничего не намѣренъ, но надобно опасаться, чтобъ раздраженное шляхетство не составило конфедераціи».—«Если дѣйствительно такъ, отвѣчалъ Волконскій, то надобно потребовать у двора перемѣны поведенія, и мы, въ качествѣ министровъ императрицы всероссійской, по гарантіи 1717 года, всячески будемъ стараться подкрѣплять справедливыя требованія». Этотъ отвѣтъ не понравился гетману и онъ сказалъ: «Отецъ нынѣшней императрицы былъ только посредникомъ, а не порукою, но смертію короля Августа II договоръ 1717 года потерялъ силу».—«Если такъ, возразилъ Волконскій, то и всѣ ваши права и вольности, утвержденныя прежними королями, потеряли силу». Браницкій оставилъ этотъ предметъ, но съ серд-

цемъ началъ говорить, что Россія вмѣшивается во внутреннія польскія дѣла: русскій канцлеръ прислалъ письмо къ литовскому гетману Радзивилу относительно выборовъ въ будущій трибуналъ. Волконскій отвѣчалъ, что польскіе уставы нисколько не нарушаются, если сосѣдственная и дружественная держава даетъ добрые совѣты какому-нибудь благонамѣренному магнату.

7 февраля Волконскій и Гроссъ были приглашены на конференцію къ коронному маршалу графу Бѣлинскому, у котораго нашли канцлера короннаго Малаховскаго, гетмана Браницкаго и надворнаго маршала графа Мнишка. Бѣлинскій представилъ списокъ обидъ, которымъ подверглись польскіе подданные отъ Русскихъ, особенно жители Брацлавскаго воеводства. Такъ какъ обиды были нанесены гайдамаками, то Волконскій отвѣчалъ: «Вы, господа министры, сами должны признаться, что гайдамацкія шайки составляются изъ разныхъ бѣглыхъ и преимущественно польскихъ подданныхъ, слѣдовательно сами Поляки должны смотрѣть, какъ бы ихъ воздерживать отъ разбоевъ. Гайдамакамъ легко разбойничать, потому что польское войско расположено въ 20 миляхъ отъ границы, а если его подвинуть къ самымъ границамъ, то это будетъ лучшимъ средствомъ къ прекращенію разбоевъ». Поляки должны были признаться, что гайдамацкія нападенія происходятъ не отъ однихъ русскихъ жителей; но жаловались, что русскіе пограничные коммиссары уклоняются отъ слѣдованія дѣлъ. Волконскій возражалъ, что напротивъ литовскіе пограничные суды ни малѣйшей пользы не приносятъ, и потому неудивительно, если взаимныя жалобы ежедневно умножаются; вся вина лежитъ на польскихъ коммиссарахъ которые ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ въ дѣла не вступаютъ.— «Что же дѣлать? отвѣчали министры: литовскіе коммиссары, не получая жалованья, должностей своихъ исправлять не могутъ. Дай Богъ, чтобъ будущій сеймъ состоялся; на немъ мы употребимъ всѣ старанія къ принятію такихъ мѣръ, которыми однажды навсегда пресѣкутся всѣ пограничныя жалобы».

Несмотря на то, что послѣ паденія канцлера Бестужева, князь Волконскій получилъ удостовѣреніе, что преступленіе дяди нисколько не измѣнитъ милостиваго расположенія императрицы къ племяннику, безъ его вѣдома было улажено между русскимъ и польскимъ дворами важное дѣло избранія королевскаго сына,

принца Карла въ курляндскіе герцоги. 17 іюля Волконскій и Гроссъ писали, какъ удивились они, получивъ изъ Митавы извѣстіе, что секретарь канцлера Малаховскаго Алое хлопочетъ тамъ о выборѣ принца Карла въ герцоги. Зная Алое за интригина, оба министра обратились къ графу Брюлю съ вопросомъ, сдѣлано ли Алое такое важное порученіе. Брюль прямо отвѣчалъ, что сдѣлано, и сдѣлано не безъ вѣдома и согласія русскаго двора. Волконскій и Гроссъ писали, что такъ какъ они поставлены домогаться, чтобъ въ Курляндіи все оставалось безъ перемѣны, то просятъ снабдить ихъ новымъ всемилостивѣйшимъ указомъ [131]. Этотъ новый искатель герцогства Курляндскаго былъ третій сынъ короля Августа. Мы его видѣли въ русской арміи, читали отзывъ Фермора о его поведеніи во время цорндорфской битвы и отзывъ самого Карла о русской арміи и ея главнокомандующемъ. Но прежде отправленія своего въ армію принцъ Карлъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ выпросить себѣ у императрицы герцогство курляндское. 24 мая онъ присылалъ къ Воронцову напомнить о своей просьбѣ, при чемъ объявлялъ, что «предаетъ себя совсѣмъ въ матернее призрѣніе ея императ. величества и отъ высочайшей ея щедроты ожидаетъ основанія будущаго своего благополучія и всю свою надежду въ томъ полагаетъ, и что состоитъ единственно во власти ея императ. величества пожаловать его курляндскимъ княжествомъ и учинить счастливымъ его самого и все его потомство». Воронцовъ подалъ относительно этой просьбы такое мнѣніе: если теперь прямо отказать принцу, то этимъ усилится печальное состояніе короля польскаго, приведется польско-саксонскій дворъ въ большее уныніе и уменьшится въ немъ надежда, какую онъ всегда питалъ на сильную помощь и покровительство императрицы. Съ другой стороны нельзя предвидѣть, какъ кончится настоящая война: быть можетъ при общемъ мирѣ Курляндію понадобится употребить для достиженія какой-нибудь другой полезной цѣли [132].

Первое соображеніе взяло верхъ, тѣмъ болѣе, что второе не имѣло достаточной силы: при общемъ мирѣ хотѣли пріобрѣсти Восточную Пруссію съ тѣмъ, чтобъ промѣнять ее Польшѣ на Курляндію, но при этомъ принцъ Карлъ перемѣстился бы только изъ Митавы въ Кенигсбергъ. 29 августа Волконскій и Гроссъ

сообщили королю, что императрица приказала находящемуся въ Митавѣ совѣтнику канцеляріи Симолину дѣйствовать заодно съ Алое для доставленія принцу Карлу герцогства Курляндскаго. Король съ радостнымъ лицомъ отвѣчалъ, что не находитъ словъ для выраженія своей благодарности, и что сынъ его обязывается вѣчною благодарностію императрицѣ [133]. Сильное неудовольствіе произвело это событіе въ Петербургѣ при молодомъ дворѣ. Великій князь, по своимъ прусскимъ привязанностямъ, и безъ того ненавидѣлъ саксонскій домъ. Теперь онъ написалъ Воронцову, что императрицѣ слѣдовало бы прежде позаботиться о принцѣ его, голштинскаго дома, чѣмъ о принцѣ Карлѣ, что его третій дядя, принцъ Георгъ Людвигъ имѣетъ больше права на покровительство императрицы, и потому онъ, великій князь предлагаетъ его въ герцоги курляндскіе. Воронцовъ показалъ письмо императрицѣ, и та велѣла отвѣчать отказомъ. Великая княгиня, благодаря внушеніямъ Понятовскаго, также не любила саксонскій домъ, и въ отдачѣ Курляндіи принцу Карлу видѣла несправедливость (относительно Бирона) и несправедливость вредную для Россіи, ибо это усиливало только польскаго короля на счетъ польской свободы. Разумѣется такое мнѣніе было высказано Екатериною въ неспокойномъ состояніи духа, ибо трудно было себѣ представить, какъ бы умирающій Августъ III сдѣлался самодержцемъ потому только, что третій сынъ его сталъ герцогомъ курляндскимъ. Но любопытно, что Прассе въ донесеніяхъ къ своему двору, по поводу курляндскаго дѣла уже высказываетъ подозрѣніе, что Понятовскій, обнадеженный покровительствомъ будущихъ правителей Россіи, самъ могъ имѣть въ виду курляндскій престолъ, если не болѣе высшее мѣсто [134]!

Послѣ цорндорфской битвы оказался сильный недочетъ въ генералахъ и князь Волконскій получилъ приказаніе немедленно отправиться въ дѣйствующую армію.

Гроссъ остался одинъ быть свидѣтелемъ сейма, который начался 21 сентября. Наканунѣ открытія сейма Гроссъ писалъ, что гетманъ Браницкій чрезъ своихъ эмиссаровъ нашелъ способъ тайно внести въ инструкціи посламъ—не позволять ни о чемъ говорить посламъ прежде выхода послѣдняго русскаго солдата изъ областей польскихъ, и депутаты воеводствъ бржескаго и волынскаго на публичныхъ аудіенціяхъ уже представили королю, чтобъ онъ

постарался освободить польскія области отъ русскихъ войскъ и вытребовалъ вознагражденіе за причиненный ими убытокъ; но коронный канцлеръ, именемъ королевскимъ, отвѣчалъ имъ, что въ Польшѣ русскаго войска нѣтъ; для вознагражденія убытковъ императрица давно уже прислала коммиссаровъ, отъ прохода русскихъ войскъ обыватели получили значительныя суммы и дѣйствія этихъ войскъ служатъ для безопасности самой же Польши.

На четвертый день сейма волынскій депутатъ Подгорскій объявилъ, что не согласенъ, чтобъ сеймъ приступалъ къ какимъ-нибудь рѣшеніямъ пока владѣнія республики не будутъ очищены отъ русскаго войска, послѣ чего уѣхалъ изъ Варшавы и этимъ разорвалъ сеймъ. Никто не сомнѣвался, что это была продѣлка гетмана Браницкаго. Надобно было какъ-нибудь помирить его съ дворомъ, и наконецъ въ этомъ успѣли; съ русской стороны было также сильное средство: безпокойному гетману дали орденъ Андрея Первозваннаго. По разорваніи сейма для рѣшенія важныхъ дѣлъ оставался сенатусъ-консиліумъ. Тутъ хотѣли провести курляндское дѣло; но Чарторыйскіе объявили, что конституція запрещаетъ сенатусъ-консиліуму вмѣшиваться въ государственныя дѣла, что они, Чарторыйскіе, по своей чести и совѣсти и для сохраненія своего кредита въ націи никакъ на это позволить не могутъ, на что король для рѣшенія одного курляндскаго дѣла можетъ созвать чрезвычайный сеймъ, успѣху котораго они всячески будутъ содѣйствовать. Но дворъ, опираясь на согласіе двухъ третей присутствующихъ сенаторовъ, хотѣлъ провести курляндское дѣло въ сенатусъ-консиліумѣ. 19 октября собрался этотъ сенатусъ-консиліумъ изъ 20 сенаторовъ; 16 изъ нихъ объявили свое согласіе на возведеніе принца Карла въ герцоги курляндскіе; но каштелянъ Краковскій, графъ Понятовскій, воевода русскій князь Чарторыйскій, гетманъ польный князь Мосальскій, и воевода сендомирскій Велепольскій, предложили о необходимости чрезвычайнаго сейма; тщетно имъ говорили, что при обычномъ срываніи сеймовъ откладывать до нихъ какое-нибудь дѣло или вовсе его уничтожить все равно: они настаивали на своемъ, и каштелянъ Краковскій объявилъ, что и большинствомъ голосовъ въ сенатѣ курляндское дѣло все же не получитъ законнаго рѣшенія. «Теперь еще никому подлинно неизвѣстно, пи-

салъ Гроссъ, почему эти сенаторы, на которыхъ мы особенно полагались, сопротивляются королевскому намѣренію, хотя вообще приписываютъ этотъ поступокъ ихъ зависти: по примиреніи графа Брюля съ гетманомъ Браницкимъ, первый министръ посредствомъ брака сына своего съ дочерью воеводы кіевскаго, соединяется съ фамиліею Потоцкихъ». Явилось и другое затрудненіе: курляндскій делегатъ Шеппингъ предложилъ герцогскую корону принцу Карлу, но курляндскіе оберъ-раты прислали въ Варшаву протестъ, что делегатъ поступилъ противъ своей инструкціи, предложивъ кандидата-католика, тогда какъ въ инструкціи ему прямо написано, чтобъ онъ требовалъ въ герцоги лютеранина. Дворъ не хотѣлъ принимать этого во вниманіе, утверждая, что нѣтъ никакого устава, который бы опредѣлялъ исповѣданіе курляндскаго герцога. Наконецъ въ полномъ собраніи сенатусъ-консиліума курляндское дѣло прошло согласно съ королевскимъ желаніемъ, не подписались только семь членовъ.

Послѣ этого и Гроссъ былъ отозванъ изъ Варшавы и опредѣленъ членомъ иностранной коллегіи; на его мѣсто чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Польшу назначенъ генералъ-поручикъ Воейковъ, бывшій рижскимъ вице-губернаторомъ. Но до своего отъѣзда Гроссъ имѣлъ любопытный разговоръ съ княземъ Чарторыйскимъ, канцлеромъ литовскимъ. Чарторыйскій спросилъ Гросса, доносилъ ли онъ императрицѣ о причинахъ, почему они противились рѣшенію курляндскаго дѣла въ сенатусъ-консиліумѣ; Гроссъ отвѣчалъ, что доносилъ, но императрица не считаетъ этихъ причинъ достаточными. «Жаль, сказалъ Чарторыйскій, современемъ императрица отдастъ мнѣ справедливость, когда увидитъ, что по этому примѣру польскіе короли впредь могутъ пытаться всѣ важныя дѣла вершить въ сенатѣ безъ сеймовъ, чѣмъ вся польская конституція извратится». 28 декабря принцъ Карлъ торжественно получилъ отъ отца инвеституру на курляндское герцогство [135].

Изъ Константинополя Обрѣзковъ въ началѣ года доносилъ, что всѣ старанія англійскаго посла Портера заставить Порту объявить войну Россіи, и особенно Австріи оказываются безуспѣшными. Вообще Обрѣзковъ былъ очень доволенъ состояніемъ дѣлъ въ Турціи, хвалилъ кротость новаго султана, распорядительность великаго визиря Рагибъ-паши, даже благонамѣренность

хана крымскаго, за которую совѣтовалъ кіевскому губернатору посылать ему подарки по примѣру астраханскаго губернатора; о французскомъ послѣ Верженѣ Обрѣзковъ писалъ, что онъ такъ усерденъ къ общимъ высокимъ интересамъ, какъ только можно ожидать отъ истиннаго союзника. Но съ половины года Обрѣзковъ сталъ доносить объ открывшемся вдругъ у султана воинскомъ духѣ и о значительныхъ военныхъ приготовленіяхъ въ придунайскихъ областяхъ. При этомъ посланникъ успокоивалъ императрицу: «Опасность не такъ велика, писалъ онъ: судя по свойству здѣшняго правленія и войска, можно безъ всякихъ чрезвычайныхъ издержекъ и не ослабляя мѣръ, принятыхъ противъ короля прусскаго, въ одну, много въ двѣ кампаніи привести Порту въ совершенное раскаяніе и посрамленіе». Послѣ того Обрѣзковъ доносилъ, что султанъ дѣйствительно хочетъ войны съ Россіею, но визирь и муфтій, главы мирной партіи противятся войнѣ всѣми силами.

Если султанъ искалъ предлога къ войнѣ, то Россія не должна была подавать ему его, и 18 мая подписанъ былъ рескриптъ иностранной коллегіи: 1) какъ митрополиту Василію Петровичу такъ и прочимъ Черногорцамъ вообще объявить, что усердіе ихъ народа къ нашей имперіи и желаніе вступить къ намъ въ подданство заслуживаетъ оному всегдашнее наше благоволеніе и милость; но что какъ теперь всякая формалита могла бъ быть огласкою и весьма бѣдственною по великой близости окружающихъ ихъ непріятелей и по толикому нашей имперіи отдаленію, то сіе дѣло оставляется до будущихъ лучшихъ временъ, а теперь они удовольствоваться имѣютъ увѣреніемъ непремѣннаго нашего благоволенія. 2) Въ удостовѣрительный знакъ того отправить съ ними ко всему Черногорскому народу листъ за подписаніемъ нашего вице-канцлера, по примѣру тѣхъ, каковые напредь сего за подписаніемъ канцлера графа Головкина отправляемы были; въономъ листу изобразить токмо въ генеральныхъ терминахъ, что мы чрезъ пріѣхавшихъ сюда какъ митрополита и прочихъ, такъ и чрезъ нашихъ полковника Пучкова и премьеръ-майора Степана Петровича съ удовольствіемъ увѣдомясь о усердіи Черногорскаго народа къ нашей имперіи, паче же о твердости къ православной вѣрѣ, захотѣли о томъ засвидѣтельствовать наше благоволеніе и увѣрить, что милость наша къ нему

всегда будетъ неотъемлема, на знакъ которой и посылается отъ насъ притомъ ко всему народу тысяча нашихъ золотыхъ портретовъ. 3) На знакъ нашей особливой милости повелѣваемъ дать сердарю Вукотичу да воеводѣ Пламенацу золотыя коронованія нашего медали въ 50 червонныхъ каждому, да воеводы Юрашковича сыну Петру такую жъ золотую медаль въ 35 червонныхъ. 4) На исправленіе возвратнаго пути выдать всѣмъ имъ на раздѣлъ двѣ тысячи рублевъ. 5) Что до митрополита Петровича принадлежитъ, то ему особливо дать 1000 рублевъ [136].

Митрополитъ просилъ, что для учрежденія между Черногорцами добраго порядка и приведенія ихъ въ единогласіе, необходимо давать ежегодно до 15,000 рублей; сверхъ того, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ отправленъ былъ для пребыванія въ Черную Гору. На первое императрица согласилась; но на вторую просьбу данъ былъ отвѣтъ, что нынѣшнія обстоятельства не дозволяютъ этого. Даже полковникъ Пучковъ, находившійся въ Тріестѣ для принятія и препровожденія выходившихъ въ русскую службу Черногорцевъ, отозванъ былъ въ Россію, чтобъ не подать подозрѣнія Туркамъ, а Черногорцы дорогу уже узнали, могутъ и сами отправляться въ Россію. Митрополитъ Петровичъ просилъ, назначить жалованье опредѣленнымъ въ кадетскій корпусъ дѣтямъ черногорскихъ бояръ, чтобъ они могли держать при себѣ людей, и на другія издержки. Въ корпусѣ оказалось 13 Черногорцевъ, и сенатъ приказалъ выдавать каждому по 15 рублей въ годъ.

Но изъ этихъ молодыхъ Черногорцевъ десять человѣкъ явились въ сенатъ, и двое изъ нихъ Рафаилъ и Иванъ Петровичи подали челобитную, что съ ними вмѣстѣ въ реестрѣ написаны Филиппъ Петровичъ да Петръ Радоничъ, которые этими фамиліями назвались напрасно: одинъ изъ нихъ Филиппъ Шаровичъ, а не Петровичъ, другой Петръ Станишичъ, а не Радоничъ. Шаровичъ изъ турецкаго города Подгорицы, а Станишича фамилія не первенствующая, какъ Петровича, а посредственная; Филиппъ Шаровичъ имѣетъ на себѣ портретъ Петра Великаго ложно, надобно изслѣдовать, какъ онъ могъ достаться ему, бывшему турецкому рабу и художнику; просили противъ Петра Статнишича дать старшинство и достоинство какъ Петровичевой, такъ и Вукотичевой фамиліямъ. Сенатъ велѣлъ изслѣдовать дѣло иностранной коллегіи [137].

Со взрослыми Черногорцами было еще больше хлопотъ. Сначала ихъ отправили на поселеніе въ оренбургскую губернію; но тамъ имъ не понравились, и ихъ надобно было переводить на юго-западную украйну. На дорогѣ въ Москвѣ они стали буянить: однажды собрались 2 капрала да 81 человѣкъ рядовыхъ и пришли къ квартирѣ поручика Косецкаго; одинъ капралъ вошелъ въ комнату поручика, скинулъ съ себя платье, бросилъ его, и вышедъ на дворъ, закричалъ командѣ; по этому крику всѣ Черногорцы хотѣли броситься въ комнату къ Косецкому, но были удержаны находившимися у него при денежной казнѣ караульными; потомъ всѣ, снявши съ себя казенныя аммуничныя вещи, побросали и закричали «въ великомъ десператствѣ»: «больше служить въ Россіи не хотимъ, пойдемъ въ свою землю»! Сенатъ приказалъ: поступить съ ними по воинскимъ регуламъ, потому что имъ уже неоднократно за прежнія ихъ продерзости было спущено по ихъ новости, но они, не чувствуя этого, впадаютъ еще въ большія продерзости [138].

Изъ поступка Черногорцевъ видно, что они были недовольныя аммуничными вещами. Воронежская губернская канцелярія приняла сукна у тамошнихъ фабрикантовъ Горденина, Пустовалова и Тулинова, сукна явились ниже указныхъ образцовъ и потому расцѣнены дешевле указныхъ цѣнъ. Главный коммиссаріатъ представилъ: сукна, которыя оцѣнены ниже указныхъ цѣнъ отъ 3 до 10 копѣекъ, отпустить въ армейскіе полки, а которыя дешевле отъ 10 до 27 копѣекъ, тѣ отпустить въ гарнизонные полки, деньги же, оставшіяся отъ пониженія цѣны, раздать полковымъ служителямъ, которые будутъ носить сукна или сдѣлать сокращеніе срока носки мундира. Сенатъ согласился, но велѣлъ сумму, равную той, которая останется по расцѣнкѣ, взыскать съ воронежскаго губернатора, его товарища и секретаря [139].

Что касается подвозки провіанта къ заграничной арміи изъ Россіи, то въ концѣ года купецъ Анисимъ Абросимовъ и компанія взялись поставить въ Кенигсбергъ и другія заграничныя мѣста муку и овесъ по 2,59 копѣекъ, а крупу по 5 рублей; купецъ Ямщиковъ спустилъ съ крупы по 5 копѣекъ. Конференція согласилась дать эту цѣну. Купцы ставили провіантъ на своемъ страхѣ, на иностранныхъ и русскихъ собственныхъ и наемныхъ мореходныхъ ластовыхъ судахъ.

Но кромѣ этого подвознаго изъ Россіи провіанта на армію закупали провіантъ и фуражъ на мѣстѣ, слѣдовательно нужно было отправлять деньги на этотъ предметъ, равно какъ и на жалованье войску. Въ половинѣ года конференція объявила сенату, что главнокомандующій генералъ Ферморъ, по посланному къ нему кредитиву для негоцированія до милліона ефимковъ, ни въ Данцигѣ, ни въ Варшавѣ охотниковъ найти не могъ; варшавскій банкиръ Ріокуръ прямо объявилъ, что такой суммы ссудить не въ состояніи, данцигскій банкиръ Верникъ предложилъ такія условія, на которыя безъ значительнаго ущерба казнѣ согласиться нельзя; а голландскіе банкиры Пельсы въ переводѣ полумилліонной суммы такъ медлятъ, что до сихъ поръ не больше 40,000 червонныхъ въ Данцигъ къ резиденту Мусину-Пушкину перевели. Генералъ Ферморъ опасается, чтобъ отъ недостатка въ деньгахъ не произошло остановки въ заготовленіи нужныхъ магазиновъ, а потому конференція рекомендуетъ прав. сенату вновь приложить всѣ старанія, чтобъ деньги были доставлены къ арміи. Сенатъ отвѣчалъ: 1) на жалованье войску требуемая сумма почти уже вся отправлена, осталось на весь годъ дослать только 149,172 рубля. 2) На провіантъ и фуражъ теперь вдругъ до окончанія года вся сумма доставлена къ арміи быть не можетъ, а скорѣйшее выписываніе въ Данцигъ червонцевъ и ефимковъ по нынѣшнему упадшему курсу убыточно. Сенатъ разсуждаетъ: 1) по причинѣ упадшаго здѣсь вексельнаго курса взять заимообразно изъ наличнаго колывано-воскресенскаго золота и серебра, золота 30 пудъ, да серебра 200 пудъ и для возстановленія курса секретно послать въ Голландію, за это золото и серебро готовыя монеты могутъ быть высланы въ Данцигъ скоро. 2) Взятые заимообразно въ 1757 году изъ коммиссаріата 529,162 рубля заплатить изъ контрибуціи, наложенной на покорившіяся прусскія земли. 3) Нельзя ли изъ синодальнаго вѣдомства и новгородскаго архіерейскаго дома, за оставленіемъ тамъ знатной суммы, взять заимообразно 350,000 рублей. Оказалось, что можно, и взяли: изъ экономической канцеляріи 126,000, изъ московской синодальной конторы 34,000, изъ московской типографской конторы 20,000 рублей, изъ новгородскаго архіерейскаго дома 170,000.

По извѣстному намъ предложенію графа Петра Шувалова мѣд-

ная монета передѣлана была въ болѣе легкую и развезено ея по городамъ на два милліона рублей. По предложенію того же Шувалова учреждены въ Москвѣ и Петербургѣ банковыя конторы подъ именемъ банковыхъ конторъ вексельнаго производства, для обращенія внутри государства мѣдныхъ денегъ и содержанія въ нихъ баланса. Купцамъ, помѣщикамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ выдавались мѣдныя деньги на векселя на годовой срокъ по 6 процентовъ, а при пріемѣ платежа четвертую часть принимали мѣдными деньгами, и три серебряною монетою. Капиталисты какъ въ этотъ новый банкъ, такъ и во всѣ другіе отдавали деньги для приращенія процентами, при чемъ банкъ на свои расходы и страхъ получалъ одинъ процентъ, а остальные проценты шли капиталисту. Отъ купцовъ въ банкъ принимались мѣдныя деньги, которыя въ домахъ хранить трудно и опасно, объявляемая сумма записывалась на особливой страницѣ въ главную банковую книгу въ приходъ, вкладчику давалась росписка, и когда случится, что этотъ купецъ будетъ отдавать деньги другому купцу, то оба купца шли въ банковую контору или посылали прикащиковъ съ банковою роспискою, данною первому купцу, и контора столько на его страницѣ въ расходъ пишетъ, сколько онъ другому купцу долженъ заплатить, а на остатокъ даетъ новую росписку; другой купецъ, если мѣдную монету принять не желаетъ, беретъ такую же приходную и расходную страницу въ банковой книгѣ; точно также дѣлалось, когда купецъ изъ казеннаго мѣста не желалъ принимать мѣдныхъ денегъ: ему давалась ассигнація на банковую контору.

При военныхъ издержкахъ требовались другіе расходы, на которые не знали откуда взять денегъ. Директоръ дворянскаго банка донесъ, что по указу сената велѣно выдать изъ конторы банка содержателю италіанской комической оперы Локателли на выписку изъ Италіи компаніи и на содержаніе ея 7,000 рублей; но теперь имѣется въ банковой конторѣ на лицо только 3,000 рублей. Сенатъ велѣлъ остальные 4,000 рублей выдать изъ конторы купеческаго банка. Канцелярія отъ строеній просила на постройку Зимняго дворца 130,000 рублей, а сенатъ велѣлъ отпустить 20,000; канцелярія представила, что этихъ 20,000 по множеству мастеровыхъ и рабочихъ, очень недостаточно, и если ихъ не удовлетворить, то произойдутъ просьбы и утружденіе ея

импер. величества. Приказали: отпустить еще до 40,000 руб. Но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ фельдмаршалъ Бутурлинъ объявилъ, что императрица соизволила указать прав. сенату сыскать сумму на строеніе ея зимняго дома по 120,000 рублей въ годъ. Не отказывались и отъ мысли вывести изъ монастырей инвалидовъ и дать имъ особое помѣщеніе, только не въ Москвѣ, какъ предлагалъ Шаховской. Сенату былъ объявленъ высочайшій указъ отъ 6 января, что вмѣсто отсылки отставныхъ военныхъ въ монастыри на пропитаніе, для лучшаго ихъ за службы и раны содержанія сыскать въ Казани и близь нея какое-нибудь каменное зданіе; а такъ какъ извѣстно ея величеству, что есть въ Казани старый каменный дворецъ, то его поправить; если же не годится, то и вновь построить каменный домъ, и содержать отставныхъ въ такомъ порядкѣ, какъ въ европейскихъ государствахъ содержатъ, особенно примѣняясь какъ въ Парижѣ; а сколько было положено въ монастыряхъ на ихъ содержаніе денежнаго и хлѣбнаго жалованья, ту сумму отсылать въ новый инвалидный домъ. Но гдѣ было взять денегъ на постройку этого инвалиднаго дома? Нужно было потребовать ее также отъ синода [140].

Изъ экономическихъ синодальныхъ доходовъ взято было 10,600 рублей серебряною менетою на достройку начатой въ Могилевѣ каменной церкви, на прибавочное для архіерейскаго дома жалованье и на учрежденіе вновь и содержаніе семинаріи; кромѣ того могилевскому епископу ежегодно отпускалось жалованья по 500 рублей [141]. Этотъ епископъ, Георгій Конискій, изъявлялъ свою благодарность императрицѣ въ такомъ письмѣ: «Благочестивѣйшая и христолюбивѣйшая императрица, великая Елисаветъ! всемилостивѣйшая государыня! Получивши отъ в. и. величества высочайшую милость пожалованіемъ денежной суммы на достроеніе церквы, на содержаніе семинаріи и мнѣ зъ людьми въ добавку годового жалованья, когда дерзаю всеподлѣйшимъ писмецемъ раболѣпное в. и. величеству донести благодареніе, приходятъ мнѣ въ память слова старецъ капернаумскихъ, которіе Іисуса тощно молили за сотника нѣкоего, глаголя: яко достоинъ есть, еже аще даси ему, любитъ бо языкъ нашъ и сонмище той созда намъ. И были тіи сказанніи резони къ преклоненію Христа не бездѣйствительни, и пойде бо со старци тѣми и благо-

тельствова сотнику. О сколько жъ несравненно болши резони имѣю къ преклоненію тогожде Христа Господа, что ваше и. величество не язикъ человѣчь, но самаго того Спаса и благодателя возлюбивши, на совершеніе Ему храма и не единаго, молитвеннаго бо купно же и мисленного, всемилостивѣйше оную сумму пожаловали! Всеподданнѣйшій рабъ и подножіе епископъ Бѣлорускій Георгій [142]».

Несмотря на повторительныя требованія сенатъ не могъ добиться полныхъ и подробныхъ свѣдѣній о приходѣ и расходѣ. Ревизіонъ-коллегія представила отчетъ: съ 1730 по 1757 годъ счетовъ рѣшено 33,335; начетовъ положено взыскать 263,459 рублей, въ то число взыскано 63,086 рублей, осталось къ 1757 году не взысканнымъ 200,372 рубля; изъ того числа оказалось къ сложенію 21,911 рублей; счетовъ не оконченныхъ 17,711; о приходѣ же и расходѣ, объ остаткѣ и доимкѣ доходовъ во всемъ государствѣ подробной генеральной табели въ коллегіи не сочинено за неполученіемъ въ нее изъ многихъ присутственныхъ мѣстъ вѣдомостей.

Въ заботахъ объ увеличеніи доходовъ разумѣется не могла быть оставлена безъ вниманія торговля. Графъ Петръ Шуваловъ подалъ въ сенатъ предложеніе, что для вспоможенія коммерціи должно: 1) при сенатѣ учрежденную коммиссію о пошлинахъ оставить, а вмѣсто нея 2) учредить коммиссію о коммерціи, куда опредѣлить людей знающихъ дѣло. 3) Велѣть имъ разсуждать, какимъ образомъ русскую коммерцію распространить въ чужестранныя области, напримѣръ, на какомъ основаніи учредить конторы при главныхъ нашихъ портахъ, особенныя для каждаго товара; какъ раздѣлить русскихъ купцовъ компаніями; какъ ихъ привлечь къ произведенію дѣйствительнаго торга выпискою чрезъ конторы на свои имена изъ другихъ государствъ товаровъ; какія взять предосторожности отъ конторъ иностранныхъ и отъ ихъ коммиссіонеровъ, чтобъ они подрыву въ торгахъ не дѣлали и какъ пріохотить иностранное купечество, чтобъ болѣе торгу съ нами производило. 4) Разсмотрѣть все русское купечество, какъ иностранныхъ купцовъ перевесть для торгу къ петербургскому порту, какъ изъ купеческихъ дѣтей посылать въ чужіе края для коммерческихъ дѣлъ и кредиту; разсмотрѣть фабрики наши, какія нужны для государства и о заведеніи новыхъ; какъ

посылать консуловъ въ иностранныя государства; какъ строить купцамъ корабли и ими пользоваться; казеннымъ товарамъ оставаться ли въ казенномъ содержаніи или быть въ вольной продажѣ. Когда коммерція поправлена будетъ, тогда всю прибыль отдавать каждый годъ въ коммиссаріатъ для замѣны подушнаго сбора, ибо народъ есть главная сила государственная, и потому надобно желать, чтобъ народъ, положенный въ подушный окладъ, отъ сего платежа совсѣмъ былъ свободенъ.—Сенатъ согласился на учрежденіе коммиссіи [143].

Тверской магистратъ прислалъ въ сенатъ любопытное донесеніе, указывающее на положеніе торговаго сословія въ городахъ: Всѣ купцы въ Твери вообще обѣдняли въ слѣдствіе плохой торговли въ этомъ городѣ, великихъ пожаровъ, безпрестанныхъ черезъ Тверь проходовъ и проѣздовъ и всегдашнихъ тягостныхъ постоевъ. Президентъ магистрата, два бургомистра и ратманъ платятъ одинакія подати вмѣстѣ со всѣми другими купцами и, находясь въ долговременной магистратской службѣ, за несвободною по купечеству отлучкою, несутъ крайнія тягости, отъ чего торговлѣ ихъ происходитъ большой вредъ. Поэтому магистратъ просилъ, чтобъ велѣно было президента и другихъ членовъ выбирать черезъ три года, и чтобъ вновь избранныхъ къ присягѣ приводить въ Твери, не высылая въ Москву, въ главный магистратъ. Сенатъ согласился. Печальное состояніе дорогъ даже между двумя столицами, разумѣется, не могло содѣйствовать успѣхамъ торговли. Генералъ-прокуроръ объявилъ въ сенатѣ, что почта изъ Москвы приходитъ дней въ 12 и 13 отъ неисправности дороги.

Тверской магистратъ жаловался на пожары. Генералъ-прокуроръ прочиталъ въ сенатѣ письмо ростовскаго митрополита Арсенія (Мацѣевича) о пожарѣ, бывшемъ въ Ростовѣ на 29 октября: сгорѣлъ домъ архіерейскій, церкви, другихъ домовъ 65, магистратъ и лавки. Для утушенія пожара отъ воеводской канцеляріи и отъ магистрата не было приложено никакого старанія, не только не понуждали обывателей съ барабаннымъ боемъ, ни одной трещотки не было. Въ домѣ архіерейскомъ за неимѣніемъ денегъ исправить сгорѣвшаго строенія нечѣмъ; на содержаніе архіерейскаго дома съ церквами положено только 2,014 рублей въ годъ, а въ канцелярію синодальнаго экономическаго

правленія изъ дому его епаршескихъ и вотчинныхъ доходовъ платится 4,395 рублей, и потому нельзя ли оставить эти доходы въ его домѣ на 5 лѣтъ? Сенатъ согласился [144].

Старый хозяйственный бытъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, владѣніе населенными землями, очевидно клонились къ паденію: сознаваемая необходимость устроить благотворительныя учрежденія на болѣе прочныхъ и правильныхъ основаніяхъ съ одной стороны, и недовольство, частыя возстанія монастырскихъ крестьянъ съ другой, были явными признаками этого паденія. Съ 1748 года тянулось дѣло о вятскихъ крестьянахъ, которые, называя себя черносошными, отписались отъ архіерейскаго дома и монастырей въ количествѣ 11,582 душъ. Слѣдователь рѣшилъ дѣло въ пользу духовенства и сенатъ съ нимъ согласился. Но сенатъ не могъ исполнить требованіе синода въ другомъ случаѣ, въ дѣлѣ объ извѣстномъ уже намъ возмущеніи крестьянъ Новоспасскаго монастыря. Сенатъ велѣлъ назначить слѣдственную коммиссію, въ которой должно было засѣдать и духовное лицо. Синодъ утверждалъ, что никакой коммиссіи не нужно, ибо назначалась коммиссія отъ синода по жалобамъ тѣхъ же крестьянъ, но они къ слѣдствію не явились, и мимо синода осмѣлились утруждать императрицу жалобами: нужно ихъ наказать безъ всякой коммиссіи. Сенатъ отвѣчалъ, что слѣдственная коммиссія необходима, потому что безъ нея нельзя узнать, кто пущіе заводчики; а что крестьяне не пошли въ синодальную коммиссію, въ томъ ихъ обвинять не слѣдуетъ, ибо коммиссія была учреждена въ Новоспасскомъ монастырѣ, а крестьяне жаловались на управителя монастырскаго. Крутицкій епископъ жаловался, что крестьяне бѣлевскаго Преображенскаго монастыря своевольничаютъ, оброковъ не платятъ, посельскаго монаха посадили въ воду; а бѣлевская канцелярія норовитъ имъ и бѣлевскій воевода изъ-за взятокъ освободилъ 14 человѣкъ безъ наказанія.

Естественно должна была явиться мысль освободить государство отъ печальной необходимости укрощать крестьянскія возстанія и монастыри освободить отъ неприличной имъ обязанности управлять крестьянами. Финансовыя нужды должны были также поддерживать эту мысль. Еще 30 сентября 1757 года императрица приказала сенату и синоду подумать о томъ, чтобъ монастыр-

скія вотчины отдать въ управленіе офицерамъ и ввести большую правильность въ распредѣленіи доходовъ; въ синодъ по этому дѣлу сообщенъ былъ экстрактъ изъ протокола конференціи. Синодальный копіистъ Ивановъ далъ копію съ этого экстракта конференціи синодальному крестьянину Сумотчикову, а тотъ далъ копію крестьянамъ Троицкаго Сергіева монастыря Давыду и Сидору Кононовымъ, Ивану Дороѳееву, Никитѣ Иванову, Конону Петрову. Крестьяне стали разглашать, что всѣ монастырскія вотчины отписаны на государыню; ихъ перехватали, какъ лжеразглашателей и юстицъ-коллегія произнесла строгій приговоръ. Но сенатъ смягчилъ его: копіиста Иванова бить плетьми и написать въ солдаты, а не ссылать на галеры, какъ приговорила юстицъ-контора, потому что Ивановъ копію съ экстракта списалъ не изъ взятокъ, но по одному знакомству, простотою и не зналъ о намѣреніи Сумотчикова отдать ее троицкимъ крестьянамъ. Крестьянъ Кононова съ товарищами не казнить смертію, потому что они ни въ какихъ вымышленныхъ дѣлахъ и затѣяхъ не оказались, а поступали по данной имъ копіи съ экстракта конференціи и по словесному объявленію Сумотчикова, чего они, какъ народъ простой и неграмотный, выразумѣть не могли; а за то, что они не дали знать о копіи своимъ властямъ и приводили свою братью въ непослушаніе, наказать ихъ и Сумотчикова плетьми [145].

Надзиратель надъ Вышневолоцкими каналами Сердюковъ жаловался на ямщиковъ, что они били въ набатъ и три раза приступали къ его дому: коммиссія нашла, что виноватъ самъ Сердюковъ который озлобилъ ямщиковъ тѣмъ, что самовольно билъ ихъ плетьми, тогда какъ долженъ былъ отсылать ихъ къ ихъ начальству, и потому онъ долженъ былъ заплатить штрафу 100 рублей на госпиталь. Въ Тамбовскомъ, Шацкомъ, Козловскомъ и другихъ уѣздахъ продолжались возстанія между крестьянами; они поднимались цѣлыми деревнями и семьями и бѣжали, при чемъ грабили помѣщиковъ; дѣло не обходилось и безъ кровопролитныхъ схватокъ; пойманные показывали, что идутъ на рѣчку Ахтубу и въ Астрахань для поселенія къ казеннымъ виноградным садамъ и къ шелковому заводу, гдѣ ихъ принимаютъ поручики Паробичъ и Цыплетевъ и берутъ за это съ нихъ по два и по три рубля; на Ахтубѣ поселилось до 3,000 человѣкъ

съ женами и дѣтьми, да въ Астрахани до 2,000. Намѣстникъ калмыцкаго ханства Дундукъ-Даши прислалъ жалобу на поселившихся у Царицына на шелковыхъ заводахъ, что они строятъ городъ и сильно обижаютъ издавна живущихъ тамъ Калмыковъ, грабятъ ихъ; низовая соляная контора донесла, что пріемъ и укрывательство бѣглыхъ происходитъ отъ подъячаго саратовской воеводской канцеляріи Щербакова.

Петръ Ив. Шуваловъ думалъ, что крестьянскія возстанія можно предупреждать соблюденіемъ нѣкоторыхъ предосторожностей. Онъ говорилъ въ сенатѣ: «Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ влечетъ недовѣріе поселянъ относительно посылаемыхъ къ нимъ указовъ! Два только примѣра, о которыхъ я здѣсь намѣренъ упомянуть, заставляютъ изыскивать средства къ сохраненію людей отъ жестокихъ наказаній и пролитія крови, тѣмъ болѣе, что крестьяне подвергаются этимъ наказаніямъ не по злонамѣренности своей, а по простотѣ: первый случай представляетъ дѣло о крестьянахъ Демидова; кровопролитное позорище было слѣдствіемъ недовѣрія крестьянъ къ указу, находившемуся въ рукахъ начальника команды. Второй случай: Починковская поташнаго правленія контора представила въ сенатъ, что изъ тамошнихъ крестьянъ нѣкоторые, считая фальшивыми письменные сенатскіе указы, приказывали работникамъ, наряженнымъ на машинныя суда, строящіяся для возки соли, требовать печатнаго указа; а такъ какъ его имъ не объявлено, то изъ нихъ 333 человѣка, прибивши конвойнаго унтеръ-офицера, бѣжали съ тѣмъ, чтобъ убить до смерти судью и земскаго старосту—перваго за нарядъ въ работу, а другого за послушаніе этому наряду, и, прибѣжавши въ Починки, избили старосту смертельно, за что, по усмиреніи, подверглись жестокому наказанію; но наказаніе не можетъ на будущее время предотвратить такихъ вредныхъ приключеній, тогда какъ дѣло требуетъ немногаго, т.-е. вмѣсто письменнаго указа объявлять печатный и соблюдать нѣкоторыя другія предосторожности». Сенатъ согласился [146].

Составленіе новаго уложенія продолжалось, хотя, по мнѣнію сената, шло медленно. Сенатъ требовалъ отъ коммиссіи сочиненія уложенія, чтобъ остальныя части оканчивались какъ можно скорѣе и для того члены коммиссіи присутствовали бы постоянно въ указанные часы. Коммиссія отвѣчала, что она опредѣ-

лила неоконченныя главы III-й части сочинять немедленно и надъ приказными людьми имѣть надзоръ и взысканіе стат. совѣтнику Юшкову; а четвертой части главы сочинять профессору Штрубе вмѣстѣ съ бургомистромъ Вихляевымъ, а до окончанія этихъ главъ членамъ коммиссіи не для чего собираться ежедневно. Сенатъ, получивъ этотъ отвѣтъ, приказалъ: коммиссіи прилагать крайнее стараніе объ окончаніи остальныхъ частей и главъ уложенія и членовъ ея къ тому неослабно понуждать.

Продолжалась и другая коммиссія объ однодворцахъ. У однодворцевъ были дворовые люди и крестьяне, и по межевой инструкціи велѣно было ихъ положить въ такой же окладъ, какой платятъ и сами однодворцы и называть ихъ однодворческими половниками. Коммиссія представила, что, по ея мнѣнію, надобно этихъ половниковъ отрѣшать отъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій и быть имъ подъ вѣдѣніемъ однодворческихъ управителей, кромѣ уголовныхъ дѣлъ. Сенатъ согласился [147].

На югозападной украйнѣ, въ Малороссіи гетманъ, который не зналъ какъ вырваться изъ Глухова въ Петербургъ, упорно однако защищался отъ всякаго общеимперскаго установленія, какъ бы оно полезно ни было. Въ началѣ года онъ прислалъ въ сенатъ жалобу, что главный магистратъ опредѣлилъ въ малороссійскіе города для словеснаго суда между купцами по два человѣка великороссійскихъ купцовъ, да въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Ромнѣ и Борзнѣ для протеста векселей опредѣленъ публичный нотаріусъ, тогда какъ онъ, гетманъ, уже просилъ, чтобъ этого не было. Навели справку, и оказалось, что въ 1754 году присланы были въ сенатъ изъ кіевской губернской канцеляріи на разсмотрѣніе сочиненные въ ней пункты къ пользѣ общенародной: 1) чтобъ малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долговыхъ деньгахъ имѣть судъ по вексельному уставу, а не такъ какъ теперь у нихъ дѣлается, а именно, малороссійскій купецъ возьметъ деньги и дастъ по ихъ называемый обликъ, и если на срокъ не отдастъ, то производятъ въ малороссійскихъ канцеляріяхъ письменные суды, которые затягиваются, и купецъ, давши деньги, принужденъ лишиться торгу или отстать отъ дѣла. 2) Для словеснаго суда избрать купцовъ. Пункты эти отосланы были сенатомъ въ иностранную коллегію, въ вѣдомствѣ которой находилась тогда Малороссія, а коллегія послала ихъ къ гетману

съ просьбою доставить о нихъ свое мнѣніе, и гетманъ прислалъ такое мнѣніе, что въ Малороссіи суду и расправѣ во всѣхъ претензіяхъ надлежитъ быть по силѣ малороссійскихъ правъ въ малороссійскихъ судебныхъ мѣстахъ, и потому проситъ объ освобожденіи малороссійскихъ обывателей отъ новаго учрежденія. Сенатъ приказалъ—новое учрежденіе уничтожить, купцовъ и нотаріуса изъ Малой Россіи выслать. Но потомъ сенату было представлено о необходимости введенія словесныхъ судовъ въ Малороссіи, и онъ послалъ объ этомъ грамоту къ гетману. Разсерженный гетманъ отвѣчалъ, что часъ отъ часу раждается ему большая темнота и затрудненіе въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ; виною тому неточное истолкованіе постановленій о малороссійскомъ народѣ, на которыхъ гетманъ Богданъ Хмельницкій приступилъ подъ всероссійскую державу, ибо въ статьяхъ Хмельницкаго смѣшиваются пункты, утвержденные царемъ, съ пунктами, которые упоминались только въ разговорѣ между боярами и гетманскими посланцами, отъ чего происходятъ противорѣчія. Сенатъ въ свою очередь разсердился и отвѣчалъ: «Какая темнота и затрудненіе раждаются ему, гетману, въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ и какая происходитъ неточность въ истолкованіи постановленій о малороссійскомъ народѣ—того сенатъ изъ гетманскаго листа не усматриваетъ, да и самъ онъ господинъ гетманъ въ томъ своемъ листѣ ни малѣйшаго о томъ изъясненія не прописываетъ и не упоминаетъ, кромѣ одного дѣла о словесныхъ между купцами судахъ; но одного этого дѣла въ темноту по всѣмъ малороссійскимъ дѣламъ вмѣнять и въ затрудненіе въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ и въ неточное истолкованіе постановленій о малороссійскомъ народѣ почитать весьма на надлежитъ, ибо всѣ конфирмованныя отъ ея импер. величества о малороссійскомъ народѣ постановленія безъ наималѣйшей отмѣны въ своей силѣ по всѣмъ дѣламъ содержаны быть должны. А помянутое дѣло къ отмѣнности постановленій о малороссійскомъ народѣ нималѣйше не принадлежитъ, наипаче же къ затрудненію въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ не касается, потому что дѣло состоитъ токмо о словесныхъ между одного купечества судахъ, которому по учрежденіи по границѣ таможенъ и производимой чрезъ оныя не однимъ малороссійскимъ, но и великороссійскимъ и иностраннымъ купечествомъ государственной коммерціи необходимо быть слѣдуетъ, и когда всѣ

вышеупомянутые как разговорные, такъ и письменные пункты во 1) при грамотѣ къ гетману Богдану Хмельницкому посланы; 2) тѣ жъ разговорные пункты за подписаніемъ Петра Великаго еще въ 1722 году прописаны и утверждены, равно съ того и въ 1754 году о индуктѣ въ докладъ ея импер. величеству внесены и подписаніемъ ея импер. величества руки конфирмованы, то затѣмъ и прав. сенатъ оныхъ разговорныхъ пунктовъ недѣйствительными почесть не можетъ, колми паче ему господину гетману недѣйствительными оные представлять и о непріемѣ оныхъ за основаніе просить не надлежало, а наконецъ между разговорными и письменными пунктами противорѣчія никакого нѣтъ».

Гетманъ получилъ отъ сената и другую непріятную грамоту, потому что предписанное въ ней трудно было исполнить. Сенатъ приказывалъ, чтобъ изъ Запорожья всѣ бѣглые великорусскіе люди были высланы куда слѣдуетъ въ самой крайней скорости, и впредь не принимались подъ штрафомъ, ибо военная коллегія донесла, что пойманные изъ бѣговъ три драгуна показали, что они жили въ Запорожьѣ и еще такихъ же бѣглыхъ полковыхъ служителей тамъ знали [148].

На восточной украйнѣ русскіе промышленники, не испуганные башкирскимъ бунтомъ, продолжали разрабатывать естественныя богатства. Императрицѣ было доложено, что содержатель мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ Иванъ Твердышевъ съ товарищемъ своимъ, Иваномъ Мясниковымъ первый началъ искать руды и строить заводы въ пустыхъ, дикихъ, дальнихъ мѣстахъ внутри самой Башкиріи, не взирая на страхъ отъ башкирскихъ волненій, доставилъ государству великую прибыль и превзошелъ всѣхъ прежнихъ заводчиковъ, особенно выплавкою мѣди; заплатилъ въ казну пропадавшія деньги за разоренный Башкирцами казенный Табынскій заводъ, и при заводахъ своихъ, для безопасности отъ непріятеля, построилъ крѣпости, снабдилъ ихъ оружіемъ и порохомъ и все это сдѣлалъ собственнымъ иждивеніемъ, не требуя приписки крестьянъ, безъ которыхъ почти ни одинъ изъ прежнихъ заводчиковъ обойтись не могъ. Сенатъ за это представилъ его изъ податного состоянія прямо въ коллежскіе ассессоры [149].

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1759 годъ.

Вызовъ Фермора въ Петербургъ.—Планъ кампаніи.—Выступленіе Фермора съ зимнихъ квартиръ.—Замѣчанія ему изъ конференціи.—Назначеніе Солтыкова главнокомандующимъ.—Битвы при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ.—Отчаянное положеніе Фридриха II.—Бездѣйствіе союзниковъ.—Замѣчанія Солтыкову изъ конференціи.—Жесткія объясненія между обоими императорскими дворами.—Мирныя предложенія со стороны Англіи и Пруссіи.—Объясненія по этому поводу между союзными дворами.—Отношенія Россіи къ Швеціи, Польшѣ и Турціи.—Внутреннія распоряженія правительства.—Недостатокъ въ людяхъ и слѣдствія его.—Недостатокъ въ деньгахъ.—Промышленность.—Помѣщики и города.—Сельское народонаселеніе.—Украйны.

Годъ начался военными приготовленіями. 12 января отправленъ былъ изъ конференціи рескриптъ Фермору, чтобъ онъ на самое короткое время пріѣхалъ въ Петербургъ «дабы вы могли, говорилось въ рескриптѣ, наши соизволенія ближе слышать и ваши объясненія лучше подавать». Генералъ-майоръ Панинъ (Петръ Ив.) просился изъ арміи въ Москву для устройства домашнихъ дѣлъ. По этому случаю императрица писала Фермору, что она съ удивленіемъ узнала о такой просьбѣ «когда служба его весьма нужна и когда онъ ее по должности къ намъ и по любви къ своему отечеству предпочтительно партикулярности показать долженъ». Ферморъ долженъ былъ объявить Панину отказъ именемъ императрицы, и если впередъ кто-нибудь обратится съ подобною же просьбою, отказывать съ выговоромъ. Недостатокъ въ людяхъ заставилъ предписать Фермору приглашать прусскихъ подданныхъ ко вступленію въ русскую армію; Фер-

моръ писалъ, что Прусаки едва ли согласятся идти на такое жалованье, какимъ довольствуются Русскіе, но получилъ отвѣтъ: «Такъ какъ и малѣйшая въ содержаніи сихъ принимаемыхъ людей противъ нашихъ подданныхъ отмѣна въ пользу первыхъ конечно съ нашею къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ монаршею матернею милостію не сходствуетъ, то мы на сіе никакъ поступить не можемъ». Служба въ русской арміи дѣйствительно не могла быть привлекательна для иностранцевъ, если обратимъ вниманіе на просьбу Фермора: «Находящіеся съ начала нынѣшней войны при заграничной арміи генералы, штабъ- и оберъ-офицеры въ разсужденіи дальнихъ походовъ, великой дороговизны и потому, что многіе въ бывшую 14 августа баталію всего, а другіе части своихъ экипажей лишились, теперь въ такую скудость пришли, что не только себя по чинамъ своимъ вести, и достаточно пропитаться не въ состояніи и крайнюю во всемъ нужду терпятъ, особенно субалтернъ-офицеры». Ферморъ просилъ, чтобъ изъ наличной въ Кенигсбергѣ контрибуціонной суммы хотя за одну треть выдано было генераламъ и офицерамъ не въ зачетъ жалованье. Просьба была исполнена.

Въ Петербургѣ продолжали сердиться на Фермора за неприсылку вѣдомостей. Въ армію отправленъ былъ генералъ-поручикъ Костюринъ съ требованіемъ отъ Фермора наискорѣйшей присылки слѣдующихъ вѣдомостей: 1) о дѣйствительномъ состояніи на лицо людей во всѣхъ полкахъ и корпусахъ, «изъ которыхъ объ артиллерійскомъ и инженерномъ мы, говорилось въ рескриптѣ, къ особливому нашему удивленію, никогда не имѣемъ рапортовъ». 2) О числѣ наличныхъ лошадей годныхъ къ службѣ, также о подъемныхъ. 3) Объ оружіи, сколько въ послѣднемъ сраженіи потеряно, сколько при полкахъ на лицо, сколько изъ Россіи въ добавокъ прислать надобно. 4) О мундирѣ. 5) Самый краткій счетъ наличнымъ деньгамъ. 6) Самый краткій коммиссаріатскій счетъ. 7) Росписаніе о производствѣ на упалыя мѣста, нѣсколько разъ требованное. 8) Вѣдомость, сколько людей въ отлучкахъ и какихъ. 9) О всѣхъ магазинахъ и какія при нихъ команды, о которыхъ идутъ удивительные слухи, что терпятъ крайнюю нужду, не получая жалованья. 10) О числѣ всѣхъ прусскихъ плѣнныхъ и гдѣ они находятся «вѣдомость, ожидаемая съ нетерпѣніемъ», говорилось въ рескриптѣ.

По возвращеніи Фермора изъ Петербурга къ арміи ему предписывалось въ мартѣ мѣсяцѣ имѣть главное стараніе о томъ, чтобъ армію комплектовать и снабдѣвать, при чемъ сдѣлано было любопытное замѣчаніе: «До насъ дошло, что войска наши, стоя въ Пруссіи на квартирахъ, не имѣютъ ни одной изъ тѣхъ выгодъ, которыми прусскія войска обыкновенно въ квартирахъ пользуются. Подлинно рекомендовали мы вамъ содержать въ арміи нашей строжайшую дисциплину, а жителей до обидъ и разореній не допускать; но мы въ то жь время не сумнѣвались, что войска наши въ завоеванной землѣ конечно имѣютъ тѣ же выгоды, коими прусскія пользуются, ибо что единожды въ обычай введено, то жителямъ отнюдь тягостію считаться не можетъ: и для того повелѣваемъ вамъ всегда когда наши войска въ непріятельской землѣ на квартирахъ или въ гарнизонѣ стоять будутъ, поступать точно такимъ образомъ, какъ прусскія войска дѣлаютъ». И опять пошли выговоры за неприсылку точныхъ вѣдомостей; напримѣръ въ рескриптѣ отъ 11 марта говорилось: «Изъ поданной вами о числѣ ружья вѣдомости усматриваемъ мы съ великимъ сожалѣніемъ, что недостаетъ, особливо утраченнаго весьма много. Вы не изъясняете притомъ, по наличнымъ ли людямъ этотъ недостатокъ; и такъ какъ мы боимся, что и на наличное число людей ружья недостанетъ, то повелѣваемъ вамъ единожды прислать точный и ясный рапортъ, насколько именно ружья и прочихъ муниціонныхъ вещей недостаетъ, чтобъ мы могли, смотря по тому, принимать наши мѣры».

Кенигсбергскій губернаторъ Корфъ обязанъ былъ доставлять отдѣльнымъ отрядамъ арміи все нужное, особенно провіантъ, фуражъ и подводы; но Корфъ писалъ въ Петербургъ, что несмотря на его собственныя напоминанія, ни одинъ изъ командующихъ дивизіями и бригадами генераловъ не увѣдомляетъ его ни о движеніяхъ полковъ, ни о мѣстѣ ихъ пребыванія, такъ что онъ наконецъ не знаетъ, куда что отправлять.

Планъ кампаніи, сочиненный въ присутствіи Фермора въ Петербургѣ, состоялъ въ томъ, чтобъ вся русская армія, разумѣя полки по двухбаталіонному числу, была готова къ походу еще до исхода апрѣля мѣсяца стараго стиля. Хотя въ началѣ мая трудно надѣяться хорошаго корму въ полѣ, однако тѣмъ не менѣе армія должна въ это время оставить зимнія квартиры и

двигаться къ Познани, гдѣ въ половинѣ или къ 20 числу мая должно находиться уже значительное войско, именно не меньше 60,000, а съ офицерами, артиллеристами, инженерами и козаками не менѣе 90,000. Эта армія не должна брать съ собою ни одного больного или слабаго, которые всѣ остаются при рѣкѣ Вислѣ для охраненія магазиновъ и для собственнаго ихъ поправленія, такъ чтобъ къ половинѣ лѣта нечувствительно собрать тамъ армію до 40,000 человѣкъ. Отъ Познани армія идетъ прямо къ саксонскимъ границамъ и до самой рѣки Одера. Гдѣ бъ ни находилась армія императрицы-королевы, вездѣ вступленіе русской арміи въ Силезію должно быть самымъ тяжелымъ ударомъ для короля прусскаго. Ферморъ выступилъ изъ зимнихъ квартиръ и перешелъ Вислу 20 апрѣля, и только 10 іюня достигъ Познани; 16 числа получены извѣстія о вступленіи прусскаго войска въ польскія владѣнія, а 19 Ферморъ сдалъ главное начальство надъ арміею.

И по возвращеніи его изъ Петербурга не прерывались непріятныя объясненія между нимъ и конференціею, мнѣнія и требованія которой присылались въ видѣ рескриптовъ императрицы. Конференція не понимала изъ донесеній главнокомандующаго, на что онъ дѣлаетъ такіе большіе запасы провіанта и куда тратитъ такія огромныя суммы денегъ. «Вы приказали, говорилось въ рескриптѣ Фермору, заготовить 70,000 четвертей хлѣба въ Познани; это число превосходитъ то, которое здѣсь въ Петербургѣ вмѣстѣ съ вами полагалось достаточнымъ на всю кампанію; для чего же дѣлаются еще громадные запасы на Вислѣ, когда хлѣбъ идетъ моремъ изъ Россіи? Мы не видимъ изъ вашей вѣдомости, по какому контракту и за какой провіантъ надобно доплатить жиду Боруху 56,000 рублей. Сколько мы до сихъ поръ видимъ, вся покупка идетъ на однихъ подрядахъ; но мы не можемъ себѣ вообразить, чтобъ подрядный хлѣбъ еще свозить надобно было. А когда далѣе мы стали разсматривать вашу вѣдомость, то пришли еще въ большее удивленіе: въ ней полагается на задатки по контрактамъ за покупной вновь и приготовленный прежде хлѣбъ и на перевозъ изъ Кенигсберга и Пиллау водою по крайней мѣрѣ 600,000 рублей. Не видимъ мы, за какой хлѣбъ и за какое его число назначается такая громадная сумма. Выходитъ, что мы за одинъ провозъ нашего хлѣба

черезъ непріятельскую землю должны заплатить тысячъ двѣсти; выходитъ, что мы Пруссію получили къ истощенію нашей казны и къ обогащенію Прусаковъ! Повелѣваемъ: никакихъ на рѣкѣ Вислѣ вновь приготовленій и покупокъ провіанта не дѣлать, а полагаться твердо на привозимый изъ Россіи, и потомъ сдѣлать распоряженія, чтобъ привозъ получаемаго изъ Россіи хлѣба былъ прусскимъ жителямъ не разорителенъ, да и намъ не очень тягостенъ. Изъ вашей вѣдомости видно, что 27 января было на лицо 1,312,863 рубля, а теперь и съ везущимися изъ Кенигсберга остается только 276,281 рубль. Послѣ готоваго провіанта надобно было бы думать, что такое множество денегъ издержано на покупку лошадей и полкового исправленія; однако усматривается, что большая часть денегъ употреблена въ платежъ кенигсберскимъ купцамъ, да неизвѣстно кому другому за подрядный провіантъ, а именно 453,305 рублей. Если во время пребыванія въ непріятельской землѣ при подвозимомъ изъ Россіи хлѣбѣ пропитаніе становится такъ дорого, а напротивъ того по исчисленіи цѣлая нынѣшняя кампанія и походъ чрезъ нейтральныя земли должны стать такъ дешево, то не можемъ не требовать объясненія какъ этому, такъ и тому, куда употреблено въ прошломъ году безъ малаго 4 милліона по одному провіантскому правленію, тѣмъ болѣе, что въ 1757 году изошло съ небольшимъ только два милліона, хотя армія числомъ была почти вдвое, и почти все время находилась въ нейтральныхъ земляхъ, и главнѣйшія издержки употреблены были на походъ конницы и легкихъ войскъ изъ украйны чрезъ всю Польшу, да на заготовленіе магазиновъ, отъ которыхъ еще теперь видимъ значительные остатки».

Главнокомандующій оправдывался, что на привозимый изъ Россіи хлѣбъ не разсчитывалъ, потому что онъ придетъ въ Пиллау въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, и надобно его будетъ перегружать на суда, которыя Фришгафомъ ходятъ; въ Эльбингѣ опять надобно перегружать на плоскодонныя суда, которыя противъ теченія ходятъ, и потому, при всѣхъ стараніяхъ, магазиновъ, находящихся при Вислѣ, особенно Торнскаго, скоро наполнить нельзя, ибо прежде шести недѣль въ Торнъ хлѣбъ не придетъ. Притомъ цѣна хлѣбу на Вислѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ такъ низка, что и съ провозомъ въ магазины дешевле петербургскаго под-

ряда становится, если только въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ покупка на готовыя деньги упущена не будетъ. Изъ 4 милліоновъ рублей большими суммами расходовано въ Петербургѣ и Ригѣ оберъ-кригсъ-коммиссаромъ на формированіе третьихъ батальоновъ и отправленіе за арміею разныхъ припасовъ.

Но еще до полученія этихъ объясненій, 8 мая состоялся Фермору рескриптъ: «Заблагоразсудя нашего генерала графа Солтыкова (Петра Семеновича) отправить къ находящейся за границею нынѣ подъ командою вашею нашей арміи, вамъ чрезъ сіе о томъ дать знать восхотѣли съ тѣмъ, что какъ помянутый графъ Салтыковъ предъ вами старшинство имѣетъ, то натурально ему и главную команду надъ всею арміею принять надлежитъ, и потому вы имѣете оную ему сдать. Но притомъ мы твердо увѣрены, что вы тѣмъ не меньше службу вашу продолжать, особливо же помянутому генералу графу Солтыкову всѣ нужныя объясненія подать и въ прочемъ во всемъ ему дѣломъ и совѣтомъ вспомоществовать крайне стараться будете [150]». Ферморъ отвѣчалъ: «Видя вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее продолженіе материнскаго милосердія и довѣренность къ послѣднему рабу своему, не токмо себѣ сіе за обиду не почитаю, но, припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, рабское мое благодареніе приношу [151]». Въ учрежденной Ферморомъ провіантской походной канцеляріи членами были генералъ-майоръ Дицъ, бригадиръ Хомутовъ и полковникъ Масловъ: теперь Дицъ и Хомутовъ были отставлены и управленіе канцеляріею поручено генералъ-поручику князю Александру Меншикову, при которомъ изъ прежнихъ членовъ остался полковникъ Масловъ. Меншикову было наказано, чтобъ армія всегда имѣла съ собою продовольствія на мѣсяцъ; находясь въ непріятельской землѣ, получала бы пропитаніе съ нея выписываніемъ порцій, рацій и контрибуціи; еслибъ этого оказывалось недостаточно, то покупать въ сосѣдней Польшѣ, давая сверхъ обыкновенной цѣны по рублю и до двухъ рублей, только бы продавцы сами доставляли хлѣбъ. Солдаты не должны быть затрудняемы на походѣ печеніемъ хлѣба и сушеніемъ сухарей: для этого, взявши маршруты и вѣдомость о лежащихъ на дорогѣ мѣстечкахъ и деревняхъ, тотчасъ напередъ послать въ тѣ мѣста нарочныхъ офицеровъ съ прописаніемъ, гдѣ къ которому числу сколько

хлѣба должно быть перепечено обывателями, чтобъ солдаты не только готовый хлѣбъ получали, но и съ собою до другого мѣста готовымъ брать могли [152].

Перемѣна Фермора была неожиданная, не ожидали и такого назначенія ему преемника. Ферморъ почему-то славился искусствомъ военнымъ, Петръ Семеновичъ Солтыковъ ничѣмъ не славился. По родственнымъ связямъ своимъ съ императрицею Анною и правительницею Анною Леопольдовною онъ не могъ быть пріятенъ новому правительству и потому былъ удаленъ изъ Петербурга для командованія украинскими ландмилицкими полками. Иностранцы и свои отзывались объ немъ одинаково, что это предобрый, обходительный, ласковый человѣкъ, но простой солдатъ, никогда не командовавшій въ дѣйствующей арміи. Вотъ впечатлѣніе, произведенное Солтыковымъ въ Кенигсбергѣ, и записанное очевидцемъ: «Старичокъ сѣденькій, маленькій, простенькій, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ украшеній и безъ всѣхъ пышностей, ходилъ онъ по улицамъ и не имѣлъ за собою болѣе двухъ или трехъ человѣкъ. Привыкнувшимъ къ пышностямъ и великолѣпіямъ въ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали, какъ такому простенькому и по всему видимому ничего не значащему старичку можно было быть главнымъ командиромъ толь великой арміи и предводительствовать ею противъ такого короля, который удивлялъ всю Европу своимъ мужествомъ, проворствомъ и знаніемъ военнаго искусства. Онъ казался намъ сущею курочкою и никто и мыслить того не отваживался, чтобъ могъ онъ учинить что-нибудь важное» [153]. Новый главнокомандующій, по прибытіи своемъ къ арміи въ Познань, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ положено было искать непріятеля, выжить его изъ Польши и направляться къ Одеру. Это рѣшеніе было исполнено и легкія русскія войска начали уже схватываться съ Прусаками. Изъ Петербурга писали Салтыкову, что очень довольны его мужественнымъ и похвальнымъ намѣреніемъ. Прусская армія была подъ начальствомъ генерала Веделя, который долженъ былъ помѣшать соединенію русской арміи съ австрійскимъ корпусомъ генерала Лаудона. 12 іюля русская армія встрѣтилась съ прусскою при деревняхъ Пальцигѣ и Кай, не далеко отъ Одера, на бранденбургскихъ границахъ. «Непріятель,

какъ говорится въ донесеніи Солтыкова, поворотясь вдругъ своимъ лѣвымъ крыломъ, па правое наше устремился и пушечная пальба наижесточайшимъ образомъ началась, которая безперерывно болѣе часа продолжалась. Непріятель между тѣмъ, сближась въ обыкновенную свою дистанцію, изъ мелкаго ружья пальбу началъ и напотважнѣйше на правое крыло наступалъ, но съ такою храбростію и мужествомъ встрѣченъ, что по наисильнѣйшемъ съ обѣихъ сторонъ огнѣ назадъ отбитъ. Однако имѣя онъ съ своей стороны во многихъ мѣстахъ удобные перелѣски, перемѣняясь новыми людьми, вновь наисильнѣйшія атаки дѣлалъ и тако по троекратномъ праваго крыла атакованіи, но всегда съ равною жъ храбростію и мужествомъ отбитіи старался кавалеріею между сибирскимъ и пермскимъ, весьма много уже претерпѣвшими, однако ни пяди своего мѣста не уступившими полками, ворваться, и въ учинившихся отъ побитыхъ и раненыхъ интервалахъ прошедъ къ второй линіи, генераломъ-поручикомъ Демику съ его высочества и кіевскимъ кирасирскими полками, которые между линіями въ резервѣ стояли, тотчасъ прогнанъ, и тотъ интервалъ Низовскимъ пѣхотнымъ полкомъ заступленъ. Отъ которой непріятельской кавалеріи отдѣлясь нѣсколько эскадроновъ, устремились на первый гренадерскій полкъ, но скоро артиллеріею отбиты и прогнаны. Непріятель, не получа по симъ троекратнымъ на правомъ крылѣ толь злобнымъ атакамъ никакой удачи, къ лѣвому флангу устремился, гдѣ такожде двоекратно напотчаяннѣйшимъ образомъ атаковалъ, а часть кавалеріи его къ деревнѣ Никенъ маршировала съ тѣмъ, чтобъ сквозь оную въ лѣвый флангъ арміи ворваться; но генералъ-майоръ Тотлебенъ, который, услыша сильную пушечную пальбу, отъ обозу къ арміи уже прибылъ и у лѣваго фланга остановился, увидя непріятельское намѣреніе, оную деревню зажегъ и тѣмъ его замыслъ уничтожилъ. Такимъ предупрежденіемъ, жесточайшимъ дѣйствіемъ новоинвентованныхъ разнаго рода орудіевъ и шуваловскихъ гаубицъ, проворствомъ всѣхъ артиллерійскихъ, такожъ храбростію солдатъ оный совсѣмъ въ бѣгство приведенъ; наши легкія войска его преслѣдовали, но наступившая вскорѣ ночь имъ въ ожиданномъ успѣхѣ препятствовала. Такимъ образомъ гордый непріятель по пятичасной наижесточайшей баталіи совершенно разбитъ, прогнанъ и побѣжденъ. Ревность, храб-

рость и мужество всего генералитета и неустрашимаго воинства, особливо послушаніе оного довольно описать не могу, однимъ словомъ похвальный и безпримѣрный поступокъ солдатства всѣхъ чужестранныхъ волонтеровъ въ удивленіе привелъ. Съ нашей стороны убитъ генералъ-поручикъ Демпку, штабъ-офицеровъ 2, капитановъ 2, субалтернъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 878. Ранено 1 генералъ-поручикъ, 1 бригадиръ, 4 полковника, 4 подполковника, 6 майоровъ, 36 ротмистровъ и капитановъ, субалтернъ-офицеровъ 101, нижнихъ чиновъ 3,744. Непріятельскихъ тѣлъ погребено 4,228, въ полонъ взято 605 человѣкъ, въ которомъ числѣ одинъ полковникъ и 15 оберъ-офицеровъ, но большая часть оныхъ ранена; дезертировъ пришло 1,406. Пушекъ отнято 14, знаменъ 4, штандартовъ 3; ружей собрано на мѣстѣ баталіи 2,222 [154]». «Побѣда сія, говоритъ современникъ, произвела многія и разныя по себѣ послѣдствія, изъ которыхъ нѣкоторыя были для насъ въ особливости выгодны. Изъ сихъ наиглавнѣйшимъ было то, что всѣ войска наши симъ одолѣніемъ непріятеля ободрилися, и стали получать болѣе на старичка своего предводителя надежды, который имѣлъ счастіе съ самаго уже начала пріѣзда своего солдатамъ полюбиться; а теперь полюбили они его еще болѣе, да и у всѣхъ насъ сдѣлался онъ уже въ лучшемъ уваженіи [155]».

16 іюля Солтыковъ перешелъ съ арміею подъ Кроссенъ и 18 писалъ императрицѣ: «Въ арміи все обстоитъ благополучно, только повозки портятся, да подъемныя и артиллерійскія лошади съ мѣста почти нейдутъ, а князь Меншиковъ, живучи въ Познани, доставленіемъ провіанта очень медлитъ и время въ одпихъ только излишнихъ перепискахъ напрасно теряетъ, не желая подвергнуть себя моей командѣ; когда бъ онъ съ провіантскимъ правленіемъ отправился къ арміи, то, будучи при ней успѣшнѣе бы велъ дѣла по порученной ему коммиссіи, чѣмъ оставаясь въ Познани, ибо зналъ бы всѣ обстоятельства и потому предписывалъ бы своимъ подчиненнымъ только объ исполненіи приказаній, тѣмъ болѣе, что провіантъ уже былъ заготовленъ въ Познани до его пріѣзда туда».

По прибытіи русской арміи къ Кроссену, на другой день, т.-е. 18 числа Солтыковъ получилъ письмо отъ австрійскаго генерала Лаудона изъ Ротенбурга отъ 17 числа (ст. ст.). Лаудонъ писалъ,

что онъ отправленъ главнокомандующимъ графомъ Дауномъ съ 20,000 войска къ Одеру и будетъ идти вмѣстѣ съ русскою арміею, что выступитъ изъ Ротенбурга 19 числа и черезъ четыре марша прибудетъ къ Одеру. 21 числа Салтыковъ выступилъ съ арміею въ походъ и въ деревнѣ Карченъ получилъ письмо отъ австрійскаго генерала Гаддика, что прусскій король выступилъ изъ Сагана и идетъ очень скоро, на ночь придетъ въ Боберсбергъ, лежащій въ одной милѣ разстоянія отъ Кроссена, поэтому Гаддикъ просилъ Салтыкова навести понтоны черезъ Одеръ противъ Фюрстенберга, чтобъ Австрійцы могли переправить свою пѣхоту, а конница, благодаря засухѣ, можетъ перейти въ бродъ. Салтыковъ отвѣчалъ, что мосты будутъ наведены ночью, и Австрійцы 22 числа могутъ переправляться. Но когда русская армія пришла въ деревню Ауеръ, то къ Салтыкову явился Лаудонъ съ большою свитою и объявилъ, что Фридрихъ II-й со всѣмъ войскомъ пошелъ назадъ противъ графа Дауна, и генералъ Гаддикъ повернулъ для соединенія съ нимъ же, а онъ, Лаудонъ съ 20,000 войска остался, потому что соединеніе его съ арміею графа Дауна очень трудно. Послѣ этого извѣщенія, Лаудонъ, именемъ Дауна, началъ требовать у Салтыкова отправленія 30,000 пѣхоты на помощь графу Дауну. «Безъ особливаго указа, отвѣчалъ Салтыковъ, я не могу исполнить вашего требованія, потому что въ постановленномъ операціонномъ планѣ ничего объ этомъ не говорится, и предписывается обоимъ императорскимъ арміямъ соединиться на рѣкѣ Одерѣ и соединенными силами наступать на непріятеля; сверхъ того лошади въ такомъ дурномъ состояніи, что безъ отдохновенія въ походъ выступить никакъ нельзя». Тогда Лаудонъ спросилъ, какимъ образомъ онъ будетъ получать провіантъ и фуражъ, и объявилъ, что графъ Даунъ приказалъ ему взять съ Франкфурта милліонъ талеровъ контрибуціи и раздѣлить эти деньги пополамъ съ русскою арміею. «У насъ провіанта и фуража недостаточно, отвѣчалъ на это Салтыковъ, и городъ Франкфуртъ занятъ однимъ русскимъ войскомъ, слѣдовательно ни тѣмъ, ни другимъ съ вами подѣлиться не могу». Этимъ разговоръ и кончился.

23 іюля Салтыковъ пріѣхалъ во Франкфуртъ; его встрѣтилъ занявшій этотъ городъ генералъ Вильбуа съ городскими ключами и объявилъ, что австрійскій корпусъ стоитъ лагеремъ въ

полумилѣ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ австрійскій офицеръ съ просьбою, чтобъ его товарищамъ позволено было бывать въ городѣ для закупки нужныхъ вещей и вмѣстѣ требовалъ на трое сутокъ 90,000 раціоновъ. Салтыковъ отвѣчалъ, чтобъ онъ завтра пріѣзжалъ опять и подалъ ему рапортъ о числѣ и состояніи австрійскаго войска, а о прочемъ, что ему надобно, представилъ бы письменно. «Я намѣренъ, писалъ Салтыковъ императрицѣ, послать генералъ-поручика графа Румянцева къ Берлину для взятія денежной контрибуціи, лошадей, быковъ и провіанта, ибо наши лошади и быки отъ жаровъ и песчаной дороги пришли въ крайнее истощеніе, большая часть повозокъ требуютъ починки, да и по артиллеріи послѣ сраженія безъ исправленій обойтись нельзя, провіанта при арміи очень уменьшилось, а князь Меншиковъ не присылаетъ. Поэтому я принужденъ, укрѣпясь въ здѣшнемъ выгодномъ лагерѣ, исправлять свои нужды и дожидаться, какой успѣхъ получитъ надъ непріятелемъ графъ Даунъ, дабы потомъ, исправя недостатки и отдохнувъ съ арміею, надлежащія мѣры къ произведенію дальнѣйшихъ военныхъ операцій принять могъ; а теперь въ дальній походъ идти не осмѣливаюсь, тѣмъ болѣе, чтобъ арміи вашего величества какимъ непріятнымъ слѣдствіямъ не подвергнуть и пріобрѣтенную побѣдоноснымъ вашего императорскаго величества оружіемъ славу не помрачить».

Въ Петербургѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ велѣно было сдѣлать графу Эстергази слѣдующее сообщеніе: «Главное содержаніе операціоннаго плана состоитъ въ томъ, чтобъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ быть въ Силезіи, и для того обоимъ императорскимъ арміямъ сближаться къ рѣкѣ Одеру. Поэтому мы приказали нашему генералу перейти и самую рѣку Одеръ, еслибъ наша армія пришла туда ранѣе и переходомъ своимъ чрезъ рѣку Одеръ могла содѣйствовать сближенію обѣихъ армій. Мало того, мы предписали и въ такомъ случаѣ, еслибъ графъ Даунъ не въ состояніи былъ ни къ Королату, ни къ Кроссену приблизиться и король прусскій пресѣкалъ всякое сообщеніе, — непріятелю дѣлать сильную диверсію и болѣе такихъ мѣстъ держаться, гдѣ бы при удобномъ случаѣ можно было соединиться съ графомъ Дауномъ. Для доказательства искренности нашихъ намѣреній эти рѣшенія наши были сообщены графу Эстергази за-

пискою отъ 19 іюня, и мы не сомнѣвались, что знаніе ихъ будетъ служить графу Дауну побужденіемъ съ такимъ же усердіемъ исполнять условленный планъ, съ какимъ мы его исполнили. Но къ крайнему для общаго дѣла сожалѣнію произошло совершенно противное. Едва графъ Даунъ узналъ, что прусская армія вступила въ Польшу и приближается къ Познани, тотчасъ усумнился, чтобъ планъ былъ исполненъ съ нашей стороны и далъ знать, что хотя онъ былъ готовъ идти на короля прусскаго, но это извѣстіе его остановило, тогда какъ это извѣстіе и должно было его побудить занять вниманіе прусскаго короля, чтобъ наша армія въ Польшѣ имѣла меньше остановокъ и могла скорѣе подойти къ рѣкѣ Одеру. Когда наша армія преодолѣла всѣ препятствія въ Польшѣ, выгнавъ оттуда непріятельскую армію, наконецъ, разбивъ ее, пришла въ назначенное время къ рѣкѣ Одеру и тѣмъ сдѣлала то, что король прусскій, оставляя графу Дауну свободныя руки, со всѣми почти силами обратился противъ нашей арміи, то графъ Даунъ, вмѣсто того, чтобъ сейчасъ же подкрѣпить наши операціи, повидимому разсудилъ, что насталъ случай нашей арміи исполнить данное ей повелѣніе соединиться съ нимъ, и прислалъ графа Лаудона съ представленіемъ, чтобъ наша армія, покинувъ свои обозы, послала къ нему на помощь 30,000 пѣхоты въ такое время, когда, по увѣдомленіямъ генераловъ Гаддика и Лаудона, прусскій король съ крайнею поспѣшностію идетъ напасть на нашу армію».

Вмѣстѣ съ копіею этой записки отправленъ былъ къ Салтыкову рескриптъ: «Вы такое хорошее и благоразумное намѣреніе приняли остаться въ выгодномъ при Франкфуртѣ положеніи, дать войскамъ нашимъ отдохновеніе, поправлять упряжки, съ непріятельской земли собирать все нужное для нашей арміи, а притомъ и быть въ готовности къ храброму принятію непріятеля,—что по справедливости ничего лучше придумано быть не можетъ, и условленный планъ больше чѣмъ исполненъ, ибо отъ Познани выступили вы въ означенное время, несмотря на то, что для прогнанія васъ и оттуда приходила такая армія, о которой при сочиненіи плана и думано быть не могло; къ рѣкѣ Одеру пришли вы на срокъ, но побѣдя сперва непріятельскую армію, и принудя чрезъ то короля прусскаго почти всѣ свои силы противъ васъ обратить, а графу Дауну свободныя руки

оставить. Пожалуй вы могли бы еще сдѣлать одно—дойти до австрійской арміи и съ нею вмѣстѣ побѣдить на голову короля прусскаго, какъ въ австрійскомъ лагерѣ и была истолкована записка, данная Эстергази въ іюнѣ; но въ этой запискѣ не сказано, чтобъ между тѣмъ австрійской арміи ничего не дѣлать. Впрочемъ объяснимъ вамъ наши мнѣнія: 1) Если графъ Даунъ подвинулся къ вамъ ближе или сдѣлалъ что-нибудь важное и полезное, такъ что ваше содѣйствіе могло бы ускорить рѣшеніе дѣла и увеличить уже пріобрѣтенныя выгоды, при чемъ армія наша никакой излишней и видимой опасности не подвергалась бы, то конечно вы не упустите случая сдѣлать еще значительнѣе услугу нашу предъ страждущею отъ войны Европою и болѣе важными и обязательными дружбу и благодѣянія наши предъ союзниками, ибо хотя настоящій ихъ поступокъ обнаруживаетъ въ нихъ сильный эгоизмъ и къ намъ неискренность: однако мы сами подверглись бы справедливому нареканію, еслибъ, безвременно за это отплачивая, пропустили удобный случай окончить войну. 2) Если же дѣла графа Дауна съ королемъ прусскимъ остаются не рѣшенными или король прусскій одержалъ надъ нимъ нѣкоторыя выгоды, то можете распоряжаться такъ, чтобъ наша армія не подверглась опасности. 3) Еслибъ дѣйствительно король прусскій обратился противъ графа Дауна, то вамъ надобно дѣйствовать съ крайнею осторожностію, помня, что графъ Даунъ искусенъ выбирать себѣ неприступныя мѣста, а король прусскій чрезвычайно проворенъ быстрые походы дѣлать; вы должны дѣйствовать очень осторожно, хотя бы прусскій король и не оставлялъ противъ васъ большаго войска; въ случаѣ перехода за рѣку Одеръ, вы не должны удаляться отъ нея болѣе трехъ переходовъ, и еслибы король прусскій оставилъ противъ васъ небольшой корпусъ, то очень хорошо было бы вамъ на него напасть и разбить, но, разбивши, вы должны опять на эту сторону рѣки возвратиться. 4) А въ случаѣ, еслибъ король прусскій, обратясь противъ графа Дауна, оставилъ противъ васъ значительный корпусъ, то вамъ слѣдуетъ прежде всего стараться о сохраненіи пріобрѣтенныхъ выгодъ, и какъ бы графъ Даунъ ни домогался присылки къ нему помощи или сильнѣйшаго съ вашей стороны дѣйствія,—вы прямо можете ему отвѣчать, что когда вамъ надобно было въ точности испол-

нить планъ, то въ этомъ никакія трудности вамъ воспрепятствовать не могли; но теперь, имѣя противъ себя знатную армію, вы не можете рѣшиться дать битву, выигравъ которую, уже поздно ею пользоваться, а проигравъ, надобно будетъ все потерять.—Вы не можете себѣ вообразить, какъ мы довольны всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ вами сдѣлано, особенно вашею твердостію въ отвѣтѣ на нескладные запросы съ австрійской стороны».

«Король прусскій чрезвычайно проворенъ быстрые походы дѣлать», говорилось въ рескриптѣ, и Фридрихъ II спѣшилъ оправдать такое мнѣніе объ немъ петербургской конференціи. *Скоропостижный* король рѣшилъ не допускать непріятельскихъ армій до соединенія и для того напасть на русское войско и разбить его: цорндорфская битва подавала ему надежду исполнить это съ полнымъ успѣхомъ, онъ надѣялся *уничтожить* русское войско. 1-го августа напалъ онъ на Салтыкова, расположившаго свое войско на возвышенностяхъ подлѣ деревни Кунерсдорфа Русскій главнокомандующій такъ описывалъ битву въ своихъ донесеніяхъ.

«Русская армія была расположена на возвышенностяхъ, простирая свое правое крыло почти къ самой рѣкѣ Одеру, а лѣвое мимо деревни Кунерсдорфъ до того мѣста, гдѣ возвышенія и лѣсъ оканчиваются и черезъ небольшой ручей начинаются пашни и луга. Правое крыло составляли первая дивизія подъ командою генерала Фермора и полки авангарднаго корпуса подъ командою генералъ-поручика Вильбуа. Вторая дивизія, подъ командою генералъ-поручика графа Румянцева, составляла центръ арміи; а на лѣвомъ крылѣ поставленъ былъ новоформированный корпусъ подъ командою генералъ-поручика князя Голицына. Австрійскій корпусъ, подъ командою генералъ-поручика графа Лаудона, поставленъ былъ позади праваго крыла. Пополуночи въ третьемъ часу непріятель въ маршъ вступилъ и, обходя лѣвое, совсѣмъ подавался къ правому крылу и безпрестаннымъ маневрированіемъ показывалъ видъ армію вашего величества со всѣхъ сторонъ атаковать. Въ 9 часовъ предъ полуднемъ усмотрѣно, что онъ на горѣ противъ лѣваго фланга двѣ большія батареи устраиваетъ, подъ прикрытіемъ которыхъ нѣкоторое число кавалеріи и пѣхоты въ имѣвшуюся у лѣваго крыла лощину ввелъ. Въ 10-мъ

часу непріятель подошелъ къ лѣсу, лѣвымъ своимъ предъ правымъ крыломъ нашей арміи въ ордеръ-баталіи строиться сталъ. Я усмотря, что онъ правое крыло, которое по положенію мѣста такой сильной дефензіи какъ наше лѣвое не имѣло, атаковать намѣревается, для воспрепятствованія ему въ томъ графу Тотлебену велѣлъ имѣвшійся чрезъ болото большой мостъ зажечь. Непріятель, увидя себѣ пресѣченный такимъ образомъ путь и затрудненный переходъ, вдругъ совсѣмъ, кромѣ небольшой части кавалеріи, которая исподоволь за нимъ слѣдовала, къ нашему лѣвому крылу, поворотилъ, и такъ въ половинѣ 12 часа при жестокой пушечной пальбѣ на лѣвое крыло во флангъ устремясь, наступать сталъ. Стоявшіе между тѣмъ въ началѣ 1 часа въ лощинѣ прусскіе полки, выходя, подъ пушки нашихъ батарей подошли и вдругъ во флангъ на гренадерскій формированнаго корпуса полкъ атаку колоннами повели, гдѣ хотя съ нашей стороны сильнымъ образомъ и встрѣчены, но по не долгомъ сопротивленіи умножаясь непріятель новыми силами, гренадерскій полкъ съ мѣста сбилъ, въ кое время командующій симъ корпусомъ генералъ-поручикъ князь Голицынъ тотчасъ мушкатерскимъ того жъ корпуса третьему и пятому полкамъ новую линію противъ непріятеля сдѣлать велѣлъ, а потомъ четвертому и первому тожъ учинить приказано; но подновляемый непріятель свѣжими полками оныхъ сбилъ и двумя батареями завладѣлъ, да и сдѣлавъ изъ всей своей арміи колонну, устремился со всею силою сквозь армію вашего величества до самой рѣки продраться, оставляя первую линію въ лѣвой рукѣ, и такимъ образомъ наступая, со всѣхъ его батарей прежестокая пальба бомбами и ядрами изъ 200 пушекъ производилась, такъ что мѣста почти не было, гдѣ бъ пушки не вредили, отъ чего многіе у насъ ящики съ зарядами подорваны и у пушекъ лафеты повреждены. Но какъ скоро только я непріятельскій успѣхъ и толь сильное устремленіе усмотрѣлъ, то немедленно генералъ-поручику Панину приказалъ новыми полками колеблющіеся подкрѣпить, и оный, взявъ изъ второй линіи второй дивизіи при бригадирѣ графѣ Брюсѣ второй гренадерскій полкъ, а австрійскій генералъ-поручикъ графъ Компителли гренадерскихъ германскихъ полковъ роты, на подкрѣпленіе подвели, а потомъ имъ же генераломъ Панинымъ Бѣлозерскій и Нижегородскій полки, ибо болѣе двухъ между

ретраншементомъ, куда непріятельское главное стремленіе шло, установить было не можно. За сими Санктпетербургскій и Новгородскій подведены жъ, которые наижесточайшій огонь претерпѣли и непріятеля въ успѣхахъ нѣсколько поостановили, а австрійскія гренадерскія роты подкрѣпляемы были того жъ корпуса Лаудонскимъ и Баденбаденскимъ полками, которые вблизости находились. Въ самое сіе время непріятельская кавалерія въ ретраншементъ вошла, которая нашею подъ предводительствомъ генералъ-поручика графа Румянцева и австрійскою подъ командою генерала-поручика барона Лаудона опровергнута и прогнана, а вслѣдъ затѣмъ генералъ-поручикъ князь Любомирскій съ Псковскимъ, Апшеронскимъ и Вологодскимъ полками, да генералъ-майоръ князь Волконскій съ первымъ гренадерскимъ и Азовскимъ привели и пѣхоту непріятельскую нѣсколько въ замѣшаніе. Чтобъ сіе поправить, непріятель попытку сдѣлалъ провести свою колонну позади нашей второй линіи для отрѣзанія подкрѣпляющихъ полковъ: только идущій на сикурсованіе генералъ-майоръ Бергъ съ бригадиромъ Дерфельдомъ, а при нихъ полкъ первой дивизіи второй линіи Сибирскій и баталіонъ Низовскаго поставлены противъ непріятельской колонны, которую они изъ единороговъ и шуваловскихъ гаубицъ, а стоящіе на пригоркѣ австрійскіе полки пушками съ батарей встрѣтя, врознь разбили и разсѣяли. Но до пятаго часа побѣда еще весьма сумнительна была; потомъ подведены генераломъ-поручикомъ Вильбуа и генералъ-майоромъ княземъ Долгоруковымъ изъ авангарда Воронежскій и Нарвскій полки; за ними вдругое генералъ-майоромъ Бергомъ второй Московскій полкъ, одна рота Низовскаго да Казанскій полкъ; съ вторымъ Московскимъ генералъ-майоръ Бергъ непріятелю во флангъ ударилъ и соединясь съ генераломъ-поручикомъ Вильбуа, уже ретироваться начавшаго непріятеля изъ ретраншемента выбили, батареи наши освободили, на которыхъ нѣсколько пушекъ уже непріятелемъ заклепаны были, и даже до лощины провожали, гдѣ по королевскому повелѣнію, подполковникъ лейбъ-кирасирскаго полку фонъ-Бидербе съ двумя эскадронами на Московскій и Нарвскій полки ударилъ, точію Чугуевскими козаками разбитъ, а подполковникъ раненъ и плѣненъ. Тогда непріятельская армія въ совершенное бѣгство обратилась, и генералъ-поручикъ Лаудонъ съ своею и

съ нашею кавалерію и бригадиръ Стояновъ съ своимъ полкомъ съ лѣвой, а генералъ-маіоръ Тотлебенъ съ прочими легкими войсками съ правой стороны непріятеля преслѣдовать стали, и тако сія въ полъ 12 часовъ начавшаяся и невступно до 7 часовъ продолжавшаяся жестокая и кровопролитная баталія совершеннымъ разбитіемъ и прогнаніемъ непріятеля кончилась». Русскіе потеряли убитыми 2,614 человѣкъ, раненыхъ было 10,863; непріятельскихъ тѣлъ похоронено на мѣстѣ 7,627, взято въ плѣнъ 4,542 человѣка, да 2,055 дезертировъ. Австрійскій корпусъ Лаудона потерялъ 893 человѣка убитыми, раненыхъ въ немъ было 1,398. Побѣдители взяли 28 знаменъ и 172 пушки [156].

Фридрихъ II, который намѣревался уничтожить русское войско, и въ минуту успѣха на лѣвомъ крылѣ уже послалъ въ Берлинъ гонца съ вѣстію о побѣдѣ,—Фридрихъ II едва спасся отъ смерти или плѣна, и этимъ спасеніемъ былъ обязанъ ротмистру Притвицу, который съ 40 гусарами успѣлъ отвезти его невредимымъ съ поля сраженія. Фридрихъ въ такихъ словахъ увѣдомилъ графа Финкенштейна о положеніи дѣлъ: «Наши потери очень значительны; отъ арміи въ 48,000 человѣкъ у меня въ эту минуту не остается и 3,000. Все бѣжитъ, и у меня нѣтъ больше власти надъ войскомъ. Въ Берлинѣ хорошо сдѣлаютъ, если подумаютъ о своей безопасности. Жестокое несчастіе: я его не переживу. Послѣдствія битвы будутъ хуже, чѣмъ сама битва: у меня нѣтъ больше никакихъ средствъ, и, сказать правду, считаю все потеряннымъ. Я не переживу погибели моего отечества. Прощай навсегда [157]».

Фридрихъ, *на время своей тяжкой болѣзни*, сдалъ начальство надъ войскомъ генералу Финку, съ инструкціей: такъ какъ несчастная армія не въ состояніи биться съ Русскими, то пусть, по крайней мѣрѣ, нападетъ на Лаудона, если тотъ пойдетъ на Берлинъ [158].

Елисавета, получивши въ Петергофѣ извѣстіе о «преславной» побѣдѣ, одержанной надъ самимъ прусскимъ королемъ, поспѣшила въ Петербургъ, гдѣ въ церкви Зимняго дворца отправленъ былъ молебенъ при пальбѣ изо всѣхъ пушекъ вкругъ крѣпости и адмиралтейства. Салтыковъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы; Фермору и Броуну даны земли въ Лифляндіи; князь Голицынъ произведенъ въ полные генералы, Волконскій въ гене-

ралъ-поручики; другіе генералъ-поручики, въ томъ числѣ и Румянцевъ, получили орденъ Александра Невскаго; Панину и Лаудону даны шпаги, украшенныя брилліантами.

Марія Терезія прислала Салтыкову брилліантовый перстень, табакерку, осыпанную брилліантами и 5000 червонныхъ; Фермору перстень и 4000 червонныхъ; графу Румянцеву 2000, Вильбуа столько же; Панину 1500; генералъ-квартирмейстеру Штофелю 1000.

5 августа русская армія перешла Одеръ по двумъ мостамъ, устроеннымъ близь Франкфурта.

11 числа Салтыковъ ѣздилъ въ городъ Губенъ для свиданія съ графомъ Дауномъ. Австрійскій фельдмаршалъ началъ разговоръ тѣмъ, что теперь русской арміи надобно отдохнуть, австрійской работать, поэтому русская армія должна остаться нѣсколько времени подлѣ Франкфурта, а потомъ вмѣстѣ съ австрійскою идти въ Силезію. Салтыковъ согласился остаться подъ Франкфуртомъ недѣли двѣ или дней съ десять, смотря по тому, насколько времени достанетъ фуражу. Въ фуражѣ скоро оказался недостатокъ, и Салтыковъ послалъ сказать Дауну, что принужденъ двинуться къ Мильрозену, а оттуда далѣе къ Губену для полученія провіанта и фуража изъ находившагося тамъ австрійскаго магазина, а между тѣмъ неугодно ли будетъ графу Дауну соединенными силами напасть на разбитаго прусскаго короля. По прибытіи къ Рогенвальду, не доѣзжая версты три до Мильрозена, Салтыковъ послалъ опять къ Дауну съ тѣмъ же предложеніемъ, прибавивъ, что если русско-австрійская армія разобьетъ короля прусскаго, то получитъ возможность идти куда захочетъ—къ Берлину, въ Саксонію или въ Силезію на принца Генриха и тѣмъ ускоритъ окончаніе войны; а онъ, Салтыковъ, оставя Франкфуртъ и не находя при Мильрозенѣ фуража, принужденъ будетъ идти къ Либрозену и этимъ удаленіемъ отъ рѣки Одера потерять сообщеніе съ Пруссіею, Познанью и рѣкою Вислою. Салтыковъ дѣйствительно двинулся къ Либрозену и расположился при немъ лагеремъ, когда получилъ извѣстіе, что Фридрихъ II, оправившись духомъ и собравшись съ силами, отошелъ отъ Фюрстенвальде и расположился по той сторонѣ рѣки Шпре, принудивъ австрійскіе форпосты перейти на эту сторону рѣки; съ другой стороны изъ Губена отъ ав-

стрійскаго генерала получено было извѣстіе, что непріятель въ Сорау. Салтыковъ понялъ изъ этого, что непріятель хочетъ напасть на русскую армію съ двухъ сторонъ, съ одной стороны самъ король, а съ другой—принцъ Генрихъ, и потому послалъ спросить Дауна, какія мѣры онъ принимаетъ; Салтыковъ находился въ большомъ безпокойствѣ на счетъ того, что Даунъ, какъ было видно, не хотѣлъ давать сраженія принцу Генриху. 20 августа австрійскій генералъ Гаддикъ, находившійся при русскомъ войскѣ съ своимъ отрядомъ, далъ знать Салтыкову, что непріятель, маршируя близь его лагеря, перестрѣливается съ его людьми. Салтыковъ тотчасъ поѣхалъ туда со всѣмъ генералитетомъ и засталъ непріятеля идущаго подъ прикрытіемъ конницы; русскіе и австрійскіе гусары съ чугуевскими козаками безпокоили его до самыхъ сумерекъ, но до значительнаго дѣла не дошло. На другой день, въ третьемъ часу утра, Даунъ прислалъ сказать Салтыкову, что когда прусскій король повернетъ въ Саксонію, то русская армія двинулась бы къ Либену, чтобъ удержать его шесть или семь дней отъ вступленія въ Саксонію; онъ Даунъ въ это время пойдетъ навстрѣчу къ принцу Генриху и дастъ ему битву, а не допуститъ соединиться съ королемъ. Салтыковъ отвѣчалъ, что за королемъ къ Либену не пойдетъ, ибо отдаленіемъ отъ Одера не хочетъ подвергнуть армію опасности быть отрѣзанною отъ сообщенія съ Познанью, откуда ожидается не только провіантъ, но значительная денежная сумма, нѣсколько полковъ, лошади и артиллерія; если же прусскій король пойдетъ на Котбусъ, то русское войско станетъ препятствовать ему соединиться съ принцемъ Генрихомъ. 25 числа пріѣхалъ къ Салтыкову отъ Дауна генералъ Буковъ опять съ требованіемъ, чтобъ русская армія шла къ Пейцу для воспрепятствованія королю отправить войско въ Саксонію. Салтыковъ отвѣчалъ прежнее, что не пойдетъ къ Пейцу, чтобъ не потерять сообщеній съ Польшею и Пруссіею. «Непріятель, продолжалъ Салтыковъ, уже занялъ мѣсто около Пейца, такъ развѣ мнѣ его атаковать и оттуда выгнать; на это я отважиться не хочу, ибо и безъ того ввѣренная мнѣ армія довольно сдержала непріятеля и не мало претерпѣла; теперь надобно бы намъ покой дать, а вамъ работать, потому что вы почти все лѣто пропустили безплодно». «Да, отвѣчалъ Буковъ, благодаря вамъ, у

насъ три мѣсяца руки были связаны», давая этимъ знать, что русская армія двигалась очень медленно. «Правда, возразилъ Салтыковъ, насъ можно попрекать за то, что мы непріятеля изъ Польши выгнали, разбили его и на положенный планомъ срокъ пришли къ рѣкѣ Одеру. Умалчивая о второмъ пораженіи непріятеля, мы этимъ однимъ столько сдѣлали, что весь безпристрастный свѣтъ намъ хвалу приписать долженъ; однако я объ этомъ долѣе не распространяюсь, и, возвратясь къ главной матеріи, объявляю, что мнѣ долго здѣсь пробыть нельзя, фуражу нѣтъ, буду стоять сколько можно, а потомъ пойду къ Губену и расположусь между рѣками Нейсомъ и Бобромъ, гдѣ еще фуражъ есть».

Между тѣмъ 18 августа написанъ былъ въ конференціи указъ Салтыкову: 1) графу Дауну представить, чтобъ онъ принца Генриха удалилъ отъ центра настоящихъ операцій и привелъ въ бездѣйствіе, къ чему онъ имѣетъ множество способовъ. 2) Отвлекши принца Генриха въ Верхнюю Силезію и удерживая его тамъ корпусомъ генерала Гарша, графъ Даунъ самъ отъ Лузаціи перерѣзалъ бы Силезію, завладѣлъ бы сперва Лигницомъ и Глогау, а потомъ старался бы взять и Швейдницъ, и тѣмъ принца Генриха навсегда отрѣзать отъ короля и заключить въ Верхней Силезіи. 3) Представить ему, что въ такомъ случаѣ онъ, графъ Салтыковъ, вмѣстѣ съ корпусами генераловъ Гаддика и Лаудона будетъ дѣйствовать противъ короля въ Бранденбургѣ, чтобъ отрѣзать его въ этой области точно такъ же, какъ принцъ Генрихъ будетъ отрѣзанъ въ Силезіи. 4) Если графъ Даунъ все это исполнитъ, то графъ Салтыковъ конечно останется тамъ на зимнія квартиры, а именно имѣя Глогау центромъ, а Кроссенъ впереди или на правомъ флангѣ, и распространяясь между рѣками Одеромъ и Бобромъ. 5) Если же графъ Даунъ этого не исполнитъ, то всѣ полученныя отъ побѣды выгоды уйдутъ изъ рукъ, и хотя бы мы на будущую кампанію могли собрать вдвое бо́льшую армію и быть вдвое больше побѣдителями, то всѣ эти побѣды послужатъ только къ истребленію рода человѣческаго и къ продолженію войны, потому что наша армія, при всѣхъ своихъ побѣдахъ, по отдаленію отъ своихъ границъ и магазиновъ, одна сама собою не можетъ утвердиться въ непріятельской землѣ, и графу Дауну, по всей справедливости, должно, по крайней

мѣрѣ, приготовить ей спокойныя и безопасныя квартиры, и какъ ни печально было бы графу Салтыкову не воспользоваться такими выгодами и не распространять своихъ побѣдъ далѣе или остановить операціи въ такое время, когда оставалось почти только покончить войну, и, по крайней мѣрѣ, положить тому прочное основаніе, однако онъ найдется принужденнымъ отступить къ такимъ мѣстамъ, гдѣ армія могла бы найти необходимое по такихъ трудахъ отдохновеніе.

3 сентября Салтыковъ отправилъ къ Дауну генералъ-поручика графа Румянцева—объявить ему, что русская армія терпитъ крайній недостатокъ въ фуражѣ и потому пойдетъ отъ Либроза чрезъ Губенъ на Зоммерфельдъ, Христіанштадтъ и Фрейштадтъ, держась по близости рѣки Одера и Глогау, въ надеждѣ, что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ еще значительнаго войска не бывало, можно найти достаточное количество фуража; но такъ какъ, въ исполненіе воли императрицы, надобно зимнія квартиры занять въ Силезіи, а не овладѣвъ ни одною крѣпостію, арміи въ непріятельской землѣ расположить нельзя, то требовать отъ австрійскаго фельдмаршала вспомогательнаго корпуса отъ 10 до 12,000 человѣкъ, осадной артиллеріи и обнадеживанія, что въ провіантѣ и фуражѣ недостатка не будетъ. Румянцевъ возвратился съ обѣщаніемъ, что всѣ эти требованія будутъ исполнены и засталъ Салтыкова уже у Губена. Вспомогательный корпусъ дѣйствительно былъ присланъ; но когда русская армія подошла къ Христіанштадту, то вмѣсто обѣщанныхъ 20,000 центнеровъ муки въ магазинѣ этого города найдено было только 600 центнеровъ. Въ то же время получено было извѣстіе, что Фридрихъ II идетъ на соединеніе съ принцемъ Генрихомъ, а графъ Даунъ вмѣсто того, чтобъ не допускать этого соединенія, или, допустивши, преслѣдовать прусскую армію, чтобъ поставить ее между двумя огнями, принялъ намѣреніе идти къ рѣкѣ Эльбѣ въ Саксонію. Видя, что чрезъ это удаленіе австрійской арміи, нѣтъ никакой возможности получить спокойныя зимнія квартиры въ Силезіи, Салтыковъ рѣшился перейти Одеръ.

Но оказалось, что Фридрихъ II съ принцемъ Генрихомъ не соединился, и Даунъ въ Саксонію не пошелъ, а сталъ преслѣдовать принца Генриха; несмотря на то, Салтыковъ доносилъ, что такъ какъ время позднее, да и трудно брать крѣпость Глогау, и такъ

какъ въ непріятельской арміи считается еще до 30,000 человѣкъ, то онъ, Салтыковъ, переправляется черезъ Одеръ, и если Лаудонъ перейдетъ съ нимъ туда же, то останется въ Силезіи до 4 октября, а если Лаудонъ отъ русской арміи отойдетъ, то послѣдняя и скорѣе станетъ отступать къ рѣкѣ Вислѣ. Тогда 28 сентября въ конференціи составленъ былъ такой рескриптъ къ Салтыкову: «Такъ какъ армія ваша и кромѣ вспомогательнаго австрійскаго корпуса, сильно превосходитъ королевскую, то не скроемъ отъ васъ, что мы не ожидали такого рѣшенія, какое вы приняли. Правда, вы имѣете важное основаніе—недостатокъ хлѣба; но мы не можемъ не замѣтить, что и это основаніе становится очень слабымъ, ибо тотчасъ послѣ франкфуртскаго сраженія этотъ же предлогъ предъявлялся, чтобъ держать нашу армію въ бездѣйствіи, и однакожь она пробыла въ тѣхъ мѣстахъ больше мѣсяца. Правда, что Лаудонъ взялъ на себя доставлять пропитаніе нашей арміи и не доставилъ; но по крайней мѣрѣ слѣдовало вамъ нѣсколько разсмотрѣть, было ли къ тому время и способы, а не требовать, чтобъ завтра же непремѣнно было исполнено то, о чемъ согласились сегодня, ибо этимъ легко можетъ возбудиться подозрѣніе, что ищутъ однихъ только предлоговъ, а мы вамъ не разъ объявляли, что искренностію хотимъ превосходить и убѣждать нашихъ союзниковъ, хотя бъ они предъ нами нѣсколько и виноваты были. Подозрѣніе можетъ усилиться, ибо когда Лаудонъ 600,000 имперскихъ гульденовъ получилъ и съ ними для закупки провіанта въ Польшу послать хотѣлъ, требуя только отъ васъ позволенія командировать туда нѣсколько полковъ, то вы очень лаконически ему въ этомъ отказали, и точно также лаконически отписали къ графу Дауну, такъ что послѣдній конечно найдется въ большомъ затрудненіи, оставлять ли ему при васъ генерала Лаудона съ корпусомъ или къ себѣ взять, ибо вы относительно этого ему ничего не написали. Не скроемъ отъ васъ и того, что мы къ сожалѣнію нашему примѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю холодность между вами и графомъ Дауномъ, которую конечно въ самомъ началѣ надобно было бы истреблять, а не усиливать. Было отъ насъ вамъ предписано не подвергать напрасно нашу армію видимой опасности; но это предписаніе нельзя относить ко всѣмъ случаямъ. Вамъ даны и другія предписанія также общаго характера,

но болѣе приложимыя къ настоящимъ обстоятельствамъ. Напримѣръ вамъ сказано, что хотя и должно заботиться о сбереженіи нашей арміи, однако худая та бережливость, когда приходится вести войну нѣсколько лѣтъ вмѣсто того, чтобъ окончить ее въ одну кампанію, однимъ ударомъ. Потомъ дано вамъ точное повелѣніе стараться объ уменьшеніи силъ короля прусскаго и не упускать изъ рукъ такого случая, гдѣ можно заслугу нашу предъ всею Европою сдѣлать знаменитою и совершенною. Такимъ образомъ и теперь мы надѣемся, что если вы дѣйствительно останетесь въ Силезіи по 4 октября, а король прусскій далеко отъ брата своего и вблизи васъ находиться будетъ и генералъ Лаудонъ отъ васъ не отдѣлится, слѣдовательно у васъ будетъ превосходное число людей и артиллеріи, то конечно вы приложите всѣ старанія напасть на короля и разбить его». Рескриптъ оканчивался приказаніемъ расположиться на зимнія квартиры около Познани и отступать къ Вислѣ только въ крайнемъ случаѣ, когда дѣла Дауна пойдутъ очень дурно, и Лаудонъ оставитъ русское войско.

Между тѣмъ Салтыковъ, отъ 29 сентября, переслалъ въ Петербургъ копію съ письма Лаудона, изъ котораго было видно, что маневрами Салтыкова король такъ сдержанъ въ Силезіи, что, опасаясь за Бреславль и Верхнюю Силезію, не можетъ отдѣлить отъ своей арміи ни одного отряда на помощь принцу Генриху, а это было очень полезно общему дѣлу, ибо давало графу Дауну возможность дѣйствовать. Но Лаудонъ въ письмѣ своемъ высказывалъ также мнѣніе, что русской арміи надобно остаться въ Силезіи до конца октября по новому стилю. «На это, писалъ Салтыковъ въ Петербургъ, я никакъ не могу согласиться. Русская армія слишкомъ много сдѣлала для союзниковъ, отрицать этого никто не можетъ, и никто не можетъ отъ нея требовать большаго въ такое позднее годовое время. Конечно, пребываніе русской арміи въ Силезіи до конца октября доставило бы ту пользу, что прусскій король не успѣлъ бы нынѣшнимъ годомъ продраться въ Богемію и графъ Даунъ утвердился бы въ Саксоніи; но можетъ ли эта польза пересилить вредъ, который наносили русской арміи долгимъ изнурительнымъ пребываніемъ ея въ Силезіи, гдѣ она не имѣетъ магазиновъ для своего пропитанія, гдѣ она ежедневно должна вырывать фуражъ

почти изъ непріятельскихъ рукъ. Послѣ губенскаго свиданія я предлагалъ графу Дауну соединенными силами напасть на короля и разбить его, потомъ вытѣснить принца Генриха изъ Силезіи и забрать тамошнія крѣпости для обнадеженія зимнихъ квартиръ. Тогда довольно оставалось для этого времени; перезимовавъ вблизи непріятеля, мы могли бы рано открыть кампанію, отнять у непріятеля Саксонію и преслѣдовать его въ Бранденбургѣ, чѣмъ можно было бы добыть скорый миръ. А теперь мнѣ больше ничего не остается, какъ заботиться о сохраненіи арміи и нынѣшнюю кампанію окончить съ неувядаемою славою. До конца октября арміи въ Силезіи продержать нельзя по недостатку хлѣба и фуража, епанечъ и обуви; но я готовъ додержать обѣщанный срокъ, т.-е. остаться до 15 октября н. с. и пожалуй еще нѣсколько дней сверхъ срока, а тамъ пойду къ Вислѣ на зимнія квартиры. И тако, всемилостивѣйшая государыня, уповаю, что высокіе союзники арміею вашего величества и моими поступками довольны быть могутъ. Позиція короля прусскаго на сей сторонѣ Одера около Геренштата, разстояніемъ отъ нашей арміи миляхъ въ двухъ, подаетъ поводъ къ ежедневному сраженію между легкими войсками. Еслибъ я и нашелъ случай напасть на короля, то и побѣда, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, была бы болѣе въ тягость, чѣмъ къ выгодѣ, умалчивая о томъ, что пришлось бы пожертвовать немалымъ числомъ храбрыхъ воиновъ, которые гораздо будутъ нужнѣе въ будущую кампанію. Сверхъ того непріятель всегда въ такихъ крѣпкихъ и неприступныхъ мѣстахъ стоитъ лагеремъ, что никакимъ образомъ къ нему приступить нельзя». Оправдывая себя относительно Дауна, Салтыковъ писалъ: «Графъ Даунъ объявляетъ, что принялъ намѣреніе идти къ Саксоніи и двинулся туда 9 (20) сентября, получивъ отъ меня извѣстіе, что я положилъ перейти рѣку Одеръ: но могъ ли графъ Даунъ 9 (20) сентября получить мои письма о переходѣ черезъ Одеръ, когда одно было отъ 15 (26) сентября, а другое отъ 18 (29)? не ясно ли, что онъ гораздо прежде не только полученія, но и отправленія моихъ писемъ рѣшился идти въ Саксонію и удалиться отъ русской арміи, что меня и побудило переходить за Одеръ и направляться къ Вислѣ».

Относительно указанія изъ Петербурга на Познань какъ мѣсто,

которое должно было выбрать для зимнихъ квартиръ, Салтыковъ писалъ, что Познань мѣсто ненадежное и неспособное, окрестность вся вытравлена, сѣна и стебля нѣтъ. Изъ Петербурга Салтыковъ извѣстился, что Эстергази, по указу императрицы-королевы, принесъ горькія жалобы не только на бездѣйствіе русскаго войска, но еще больше на то, что отъ него, Салтыкова, никогда ни о чемъ нельзя было получить ни рѣшительнаго, ни удовлетворительнаго отвѣта, такъ что письмо къ нему Салтыкову графа Кауница отъ 9 сентября нов. стиля почти цѣлый мѣсяцъ оставалось безъ отвѣта. Поэтому Эстергази требовалъ, чтобъ Салтыковъ съ Лаудономъ не только производили сильныя операціи въ Силезіи, но и старались остаться тамъ на зимнихъ квартирахъ; чтобъ по крайней мѣрѣ дѣйствія русской арміи продолжались до тѣхъ поръ, пока австрійская армія останется въ полѣ, или бы Салтыковъ, соединя съ Лаудономъ русскій корпусъ отъ 20 до 30,000 человѣкъ, отправилъ его въ наслѣдственныя области Маріи-Терезіи.

Въ рескриптѣ отъ 7 октября, извѣщавшемъ Салтыкова объ этомъ, говорилось: «Что касается жалобъ, то мы старались отклонить ихъ и пресѣчь пристойнымъ образомъ по многимъ и очень важнымъ причинамъ, особенно, чтобъ по пословицѣ на дѣлежѣ не поссориться, и отъ такого великаго и славнаго союза, какого почти еще не бывало, вмѣсто ожидаемой пользы и славы, не произошли однѣ досады, нареканія и вредная на будущее время холодность, которой тѣмъ болѣе слѣдуетъ избѣгать, что прусскій король не только старается войти въ союзъ съ Портою, но и со стороны Порты оказывается къ тому большая податливость; двумя вашими побѣдами Порта была приведена въ размышленіе и, почитая погибель короля прусскаго неизбѣжною, остановилась входить съ нимъ въ обязательства; однако опасеніе наше не миновалось: бездѣйствіе побѣдителя, когда онъ былъ усиленъ новыми и свѣжими войсками, умалитъ его побѣды, а спасеніе короля прусскаго, которое должно быть приписано не искусству его, но слѣпому счастію, составитъ его славу и, быть можетъ, еще болѣе подниметъ его въ глазахъ Турокъ, особенно если при томъ подастся подозрѣніе, что тѣсная дружба между нами и вѣнскимъ дворомъ обратилась въ холодность. Поэтому прилежнѣйше рекомендуемъ вамъ предать

вѣчному забвенію все то, чтобы вы ни имѣли къ неудовольствію противъ австрійскаго генералитета. Равнымъ образомъ отклонили мы важными и доказательными резонами, *а не сухими и досадительными отказами*, всѣ прочія австрійскія требованія, и объяснили надобность и пользу того, чтобъ Лаудонъ остался зимовать при Познани».

Рескриптъ отъ 13 октября заключалъ въ себѣ еще большія жесткости. Въ немъ Салтыковъ нашелъ прямой выговоръ за дурное обращеніе его съ Лаудономъ, вслѣдствіе чего союзники, пожалуй, никогда больше не будутъ присылать къ намъ своихъ войскъ на помощь. Предлагалось взять въ образецъ адмирала Мишукова, который такъ хорошо обходился съ шведскимъ флотомъ, отданнымъ ему въ команду, что Шведы и на другой годъ прислали свои корабли въ команду адмиралу Полянскому. Поставлялось на видъ, что дурное обращеніе съ Лаудоновымъ корпусомъ можетъ произвести злобу и въ нашихъ единовѣрцахъ (Славянахъ), находящихся въ этомъ корпусѣ. Далѣе говорилось: «Вы пишете, что ваши движенія по рѣкѣ Одеру произвели опасеніе короля на счетъ Бреславля и доставили льготу графу Дауну: движенія ваши вверхъ по рѣкѣ Одеру всякой похвалы достойны и приносятъ много пользы общему дѣлу; еслибы вы во время долгаго стоянія вашего при Мильрозѣ и Либрозѣ хотя малыми движеніями заставили прусскаго короля чего-нибудь опасаться, то и стоя на мѣстѣ, умножили бы свою побѣду. Вы думаете, что Лаудоновъ корпусъ надобно расположить около Познани и по Вартѣ до Калиша: это очень хорошо и согласно съ нашимъ намѣреніемъ; но не можемъ скрыть нашего удивленія, какимъ образомъ вы прежде представляли, что тамъ фуража и стебля нѣтъ, а теперь фуражъ нашелся, когда явилась надобность поставить тамъ Лаудоновъ корпусъ? Потомъ въ реляціи вашей, конечно канцелярскою ошибкою, вкралось неосторожное выраженіе, упомянуто, что пребываніемъ Лаудона въ означенныхъ мѣстахъ, армія наша прикроется съ силезской и бранденбургской стороны: такое своекорыстное и союзникамъ нашимъ крайне обидное объясненіе очень далеко *отъ нѣжности нашихъ сентиментовъ*, умалчивая о томъ, что безчестно для нашей арміи, чтобъ въ полѣ торжествующую и на квартирахъ за рѣкою Вислою отъ непріятеля весьма удаленную прикрывалъ слабый

въ сравненіи съ нею австрійскій корпусъ. Вы пишете, что еслибъ вы, нападши на короля прусскаго, и побѣдили его, то побѣда, по нынѣшнему времени, была бы больше въ тягость, нежели въ пользу. Объ этомъ мы сожалѣемъ по важнымъ причинамъ: вопервыхъ, такъ какъ король прусскій уже четыре раза нападалъ на русскую армію, то честь нашего оружія требовала бы напасть на него хотя однажды, а теперь тѣмъ болѣе, что наша армія превосходила прусскую и числомъ и бодростію, и толковали мы вамъ пространно, что всегда выгоднѣе нападать, чѣмъ подвергаться нападеніямъ. Вовторыхъ, король прусскій несмотря на то, что побѣжденъ, не только не удалился отъ нашей арміи, но въ виду ея переходитъ малыми корпусами черезъ рѣку Одеръ; а это происходитъ конечно отъ увѣренности, что на него не нападутъ; отсюда крайнее зло, что онъ и разбитый не бѣжитъ, а безпокоитъ побѣдителя; а еслибы онъ хотя однажды подвергнулся нападенію и былъ бы разбитъ, то впередъ съ малыми силами всегда отступалъ бы далѣе, а наша армія имѣла бы больше спокойствія и удобнѣйшее пропитаніе. Прусскій король только потому къ вамъ приближается, что не ожидаетъ на себя нападенія, и потому безъ сомнѣнія надобно полагать, что еслибъ онъ ожидалъ нападенія, то сейчасъ же отступилъ бы за Одеръ, и еслибъ вы предприняли наступательное движеніе, то до битвы не дошло бы, а между тѣмъ вы могли бы объявлять, какъ теперь дѣлаетъ графъ Даунъ, что вы ради были бы энергически дѣйствовать, но непріятель отъ васъ бѣгаетъ, и вамъ въ чужой землѣ за нимъ угоняться нельзя»[159].

Въ Петербургѣ австрійскій дворъ заявилъ три требованія: 1) чтобъ русская армія вмѣстѣ съ Лаудоновымъ корпусомъ продолжала военныя дѣйствія въ Силезіи и заняла тамъ зимнія квартиры, или 2) чтобъ по крайней мѣрѣ русская армія дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока австрійская останется; или 3) чтобъ корпусъ русской пѣхоты отъ 20 до 30,000 человѣкъ, вмѣстѣ съ Лаудоновымъ корпусомъ отправленъ былъ въ наслѣдственныя земли Маріи-Терезіи. При этомъ Эстергази на конференціи съ Воронцовымъ позволилъ себѣ прибавить: «Публика и разные дворы ставятъ графу Дауну въ вину, зачѣмъ онъ одинъ не преслѣдовалъ прусскаго короля, видя, что русская армія побѣдами воими не пользуется; но дворъ нашъ, сколько о славѣ своего

оружія ни усердствуетъ, предпочитаетъ оставить генерала своего въ нареканіи, чѣмъ открывать прямую причину бездѣйствія, заключающуюся въ поведеніи русскаго генералитета. Впрочемъ изъ находящихся при арміяхъ иностранныхъ офицеровъ многіе начинаютъ порочить поступки русскихъ командировъ, приписывая выигрышъ послѣдней битвы больше отчаянному непріятельскому нападенію, чѣмъ ихъ искусству; говорятъ и то, что причина всему бездѣйствію полученные графомъ Салтыковымъ тайные указы отъ своего двора и скрытное согласіе Россіи съ Англіею». 8 октября данъ былъ Эстергази отвѣтъ: на первыя два требованія замѣтили, что удовлетворять имъ теперь уже поздно, когда русская армія перешла Одеръ. Относительно третьяго требованія данъ былъ пространный отвѣтъ: «Неужели при дворѣ императрицы-королевы думаютъ, что корпусъ русской пѣхоты отъ 20 до 30,000 человѣкъ можетъ оказать общему дѣлу большую услугу, чѣмъ вся русская армія? Несчастію только приписывать надобно, что нельзя было пользоваться или не пользовались удобнымъ случаемъ, когда наибольшая часть прусскихъ силъ обращена была противъ нашей арміи и когда потомъ непріятель былъ пораженъ нашею арміею. Очень было бы желательно имѣть возможность отправить требуемый корпусъ въ австрійскія земли и затѣмъ съ неменьшею силою дѣйствовать противъ короля прусскаго: но это дѣло невозможное. По послѣднимъ донесеніямъ изъ нашей арміи она простиралась до 60,000 человѣкъ всѣхъ чиновъ и всякаго войска, кромѣ находящихся въ Пруссіи и по рѣкѣ Вислѣ и кромѣ 15,000 больныхъ, а больше раненыхъ. Но въ этихъ 60,000 конечно немного больше 30,000 человѣкъ такихъ пѣхотныхъ солдатъ будетъ, которые дѣйствительно быть подъ ружьемъ и сражаться могутъ, и какихъ мы хотѣли бы отправить на помощь австрійской арміи; поэтому надобно бы было отправить всѣ наши пѣхотные полки. Но этимъ мы навсегда разорили бы нашу армію, ибо отправленные пѣхотные полки, не имѣя возможности рекрутоваться въ австрійскихъ владѣніяхъ, нечувствительно исчезли бы, а мы здѣсь, какіе бы наборы ни дѣлали, не могли бы скоро составить новыхъ полковъ и привести ихъ въ надлежащій видъ, умалчивая о томъ, что оставшееся войско подверглось бы неминуемой гибели; умалчивая и о томъ, что прибывающіе новые солдаты

ободряются старыми и скоро получаютъ видъ старыхъ и надежныхъ къ побѣдѣ, тогда какъ совершенно новыхъ людей обучать побѣдѣ надобно пораженіями. Такимъ образомъ, отправивъ 30,000 пѣхоты въ австрійскія владѣнія и не имѣя возможности поставить противъ непріятеля новую и страшную ему армію, мы были бы принуждены перевезти въ Россію магазины, больныхъ и артиллерію. Тогда то всѣ имѣли бы полное право подумать, что мы наскучили войною, что посылкою тридцати-тысячнаго войска хотѣли исполнить только союзныя обязательства, а впрочемъ быть нейтральными. Тогда то имѣли бы право приписывать намъ тайные виды и соглашенія съ Англіею; но теперь нѣтъ никакой причины къ такому оскорбительному для насъ и недостойному для императрицы-королевы подозрѣнію. Мы никогда не подали повода упрекать насъ въ двоедушіи; мы ничего не обѣщали, чего бы не постаралась исполнить на самомъ дѣлѣ, и еслибы когда-нибудь своекорыстнымъ поведеніемъ нашихъ союзниковъ мы были принуждены отстать отъ настоящей системы, то прямо предупредили бы объ этомъ нашихъ союзниковъ и возвратили бы наши войска, но не помрачили бы вѣроломствомъ славы, добытой драгоцѣнною кровію нашихъ подданныхъ. Дальнѣйшее объясненіе мы теперь оставляемъ, сожалѣя, что принуждены были и столько сказать, сколько сказано».

Не остались безъ отвѣта и жалобы вѣнскаго двора на Салтыкова; жалобы состояли въ томъ, что фельдмаршалъ упускаетъ изъ рукъ всѣ случаи пользоваться полученными выгодами, не принимаетъ никакихъ представленій, изъясняется недостаточнымъ и двусмысленнымъ образомъ, не исполняетъ данныхъ обѣщаній и поступаетъ даже прямо вопреки имъ. «Мы, говорилось въ отвѣтѣ, не будемъ здѣсь повторять того, что славнаго и полезнаго для общаго дѣла совершено нашею арміею, вслѣдствіе чего последующее ея бездѣйствіе могло бы быть легко терпимо; согласимся сами, что осторожность нашего генералитета послѣ франкфуртскаго (кунерсдорфскаго) сраженія была черезчуръ велика, что побѣжденная прусская армія могла бы погибнуть вслѣдствіе нѣкоторыхъ движеній нашей арміи, и что при этомъ не слѣдовало бы бояться и третьей новой битвы. Но когда съ совершеннымъ безпристрастіемъ и съ неменьшимъ вниманіемъ разобрать все происходившее до франкфуртской битвы и послѣ нея, то

конечно надобно съ одной стороны удивляться, какимъ образомъ могла наша армія такъ долго удерживать прусскую, а съ другой стороны надобно крайне сожалѣть, что между прочимъ то, можетъ быть, было главною причиною вреднаго бездѣйствія, что не ожидали такихъ великихъ успѣховъ, какіе имѣла наша армія. Такъ графъ Даунъ, получа извѣстіе о приближеніи прусской арміи къ Познани, и опасаясь, что наша, быть можетъ, не придетъ въ положенный срокъ къ рѣкѣ Одеру, остановилъ свои успѣшно начатыя операціи и не принималъ тѣхъ мѣръ, которыя конечно принялъ бы, еслибъ не такъ много сомнѣвался въ точномъ исполненіи съ нашей стороны всего обѣщаннаго. Изъ этого видно, что уже тогда больше старались о томъ, чтобъ неисполненіе плана сложить на нашъ генералитетъ, нежели о томъ, чтобъ исполняя его съ своей стороны, сдѣлать исполненіе его и для насъ удобнѣйшимъ. Нашъ фельдмаршалъ графъ Солтыковъ едва прибылъ въ Познань для принятія команды надъ арміею, какъ принялъ такія мѣры, что непріятель не только принужденъ былъ возвратиться, но не успѣвалъ и отступать, чему доказательствомъ служитъ пресѣченіе ему пути къ Кроссену и побѣда надъ нимъ при Пальцигѣ. Но фельдмаршалъ Салтыковъ во время своего похода получилъ отъ графа Дауна одно досадное выраженіе сомнѣнія, чтобъ наша армія могла тронуться отъ Познани, никакое со стороны графа Дауна предпріятіе не поощряло въ графѣ Салтыкова ни ревности, ни надежды исполнить свое намѣреніе, такъ что графъ Салтыковъ, прибывши къ Кроссену, даже не зналъ, гдѣ находится армія графа Дауна и для провѣданія объ ней долженъ былъ отправлять нарочныя партіи.

«Дѣйствительно на встрѣчу къ нему явился генералъ Лаудонъ; но предложенія, съ какими онъ пріѣхалъ, могли истощить терпѣніе самаго большаго флегматика: онъ пріѣхалъ увѣдомить, что король прусскій, съ большею частію силъ своихъ обратился противъ нашей арміи и соединился уже съ разбитою Веделевою арміею; но вмѣсто того, чтобъ для ободренія нашей арміи тотчасъ сообщить, какія графъ Даунъ принимаетъ мѣры, какъ хочетъ воспользоваться слабостію оставшихся противъ него прусскихъ силъ, требовалъ чтобъ немедленно отпущено было съ нимъ 30,000 нашей пѣхоты на помощь къ графу Дауну, и чтобъ позволено было ему взять съ Франкфурта, нашимъ войскомъ

уже занятого, милліонъ контрибуціи и раздѣлить его пополамъ съ нашею арміею.

«Графъ Салтыковъ далъ такую битву, которая еслибы и не совсѣмъ была удачна, то ослабленіемъ силъ короля прусскаго была бы полезна нашимъ союзникамъ, а въ случаѣ благословенія Божія, для всей войны рѣшительна. Такимъ образомъ критика иностранныхъ офицеровъ на такую славную битву, которая конечно пребудетъ лучшимъ *эпокомъ* ихъ жизни, совсѣмъ не складна; еще меньше можно было ожидать, чтобъ наилучшіе наши союзники употребляли ее къ обвиненію нашего генералитета, когда признаться надобно, что остановить пріобрѣтенные вначалѣ успѣхи непріятеля, всю армію въ кровопролитномъ и жестокомъ бою перестроить и наконецъ одержать совершеннѣйшую побѣду тамъ, гдѣ для многихъ другихъ армій пораженіе казалось бы неизбѣжнымъ, служитъ доказательствомъ неустрашимаго мужества и присутствія разума. Показанъ почти новый въ войнѣ примѣръ, который конечно заставитъ короля прусскаго послѣдовать другимъ правиламъ и меньше полагаться на свое счастіе и ярость нападеній.

«Легко себѣ вообразить, съ какимъ сожалѣніемъ мы теперь видимъ, что оканчивается почти безъ всякаго плода наилучшая кампанія, что обманывается весь свѣтъ въ несомнѣнномъ ожиданіи, и что наконецъ мы находимся въ непріятномъ положеніи слушать нареканія и входить въ самыя непріятныя объясненія въ то время, когда слѣдовало бы соглашаться о будущемъ благосостояніи Европы! Графъ Даунъ послѣ франкфуртскаго сраженія дѣйствительно присылалъ съ предложеніемъ, чтобъ заблаговременно подумать о зимнихъ квартирахъ, что очень справедливо и похвально было; но онъ избиралъ для того Верхнюю Силезію и предполагалъ предварительную осаду Нейса и Брига, столь отдаленныхъ отъ центра дѣйствій и отъ нашихъ границъ, что графъ Салтыковъ конечно могъ утвердиться во мнѣніи, что стараются сдѣлать изъ нашей арміи помощный для австрійской арміи корпусъ, вмѣсто того чтобъ сильнымъ дѣйствіемъ противъ принца Генриха и осадою Глогау и лучшія квартиры очистить и Саксонію освободить. Вмѣсто этого, ожидая сомнительныхъ происшествій и не принявъ достаточныхъ мѣръ къ пропитанію, наконецъ нашлись въ необходимости—австрійская армія прикры-

вать свои магазины, а наша искать пропитанія и доставлять его еще Лаудонову корпусу, тогда какъ генералъ Лаудонъ долженъ былъ заботиться о пропитаніи нашей арміи, и такъ какъ недостатокъ продовольствія заставилъ и барона Лаудона переправиться на сю сторону рѣки Одера вмѣстѣ съ нашею арміею, то не можемъ понять, какимъ образомъ вся наша армія могла тамъ дѣйствовать съ желаемою ревностію.

«У насъ нѣтъ вовсе намѣренія ни жаловаться на графа Дауна, ни оправдывать излишнее неудовольствіе и неподатливость нашего генерала (хотя, быть можетъ, поводъ къ нимъ былъ поданъ сначала сомнѣніемъ въ его успѣхахъ, быть можетъ доходили до него и слухи, что его критикуютъ). Стараясь какъ можно исправить испорченное, мы нашему фельдмаршалу графу Салтыкову накрѣпко предписали все прошедшее предать вѣчному забвенію и стараться всѣми средствами, чтобъ довѣріе и согласіе между главнокомандующими вполнѣ соотвѣтствовали дружбѣ и довѣрію между обоими императорскими дворами. Но для этого надобно, чтобъ императрица-королева дала такія же повелѣнія и своему генералитету, и чтобъ заслуженное нашимъ войскомъ довѣріе не было уменьшаемо такими сомнѣніями и гаданіями, которыя, быть можетъ, основаны на оскорбительномъ предубѣжденіи» [160].

Неудовольствія между двумя императорскими дворами были тѣмъ опаснѣе, что ослабѣвала надежда на продолжительную и сильную помощь другой союзницы—Франціи. Въ началѣ года безпокойства императорскихъ дворовъ на счетъ того, чтобъ Франція не заключила отдѣльнаго мира, были разсѣяны рѣшительнымъ объявленіемъ Людовика XV-го, что хотя для веденія двойной войны, на сухомъ пути и на морѣ, не получаетъ онъ отъ своихъ союзниковъ никакой помощи, хотя расходы на войну съ Англіею громадны, однако онъ всегда готовъ исполнить все, что можно ему сдѣлать въ пользу общаго дѣла; онъ возобновляетъ россійской императрицѣ данныя ей на письмѣ обнадеживанія о твердомъ желаніи своемъ удалять всякое подозрѣніе, могущее повредить счастливому союзу между Франціею и Россіею; повторяетъ обѣщаніе и обнадеживаніе, что онъ безъ согласія россійской императрицы и императрицы-королевы не вступитъ ни въ какіе переговоры съ общимъ непріятелемъ. Король

готовъ подтвердить это новыми договорами, если обѣ императрицы ихъ пожелаютъ; онъ усугубитъ свои обязательства для сохраненія столь драгоцѣннаго ему русскаго союза. Хотя король для общей пользы и для собственнаго интереса крайне желалъ бы, чтобъ государыня россійская вступила съ нимъ въ особенныя обязательства противъ Англіи, главной виновницы настоящихъ въ Европѣ бѣдствій, однако если россійская государыня думаетъ, что она не можетъ вступить по этому предмету въ соглашеніе съ королемъ, то онъ, несмотря на всю тяжесть англійской войны, готовъ употребить всѣ свои силы противъ короля прусскаго въ пользу своихъ союзниковъ, для показанія, что онъ обѣимъ императрицамъ и королю польскому также усердствуетъ, какъ и самому себѣ.

Но истощенные финансы Франціи заставляли ее желать скораго мира, и герцогъ Шуазель обратился къ русскому послу съ упрекомъ, съ какой стати Россія такимъ неслыханнымъ образомъ доставляетъ выгоды прусскимъ владѣніямъ, занятымъ ея войскомъ, съ какой стати берутся съ нихъ такія малыя обыкновенныя подати и чрезвычайныя контрибуціи, тогда какъ прусскій король, не только Саксонію и Мекленбургъ, но и всякую землю, какую только захватитъ или только мимо пройдетъ, вконецъ разоряетъ, слѣдовательно нечего щадить и королевство прусское, надобно взыскивать съ Прусаковъ такія большія деньги, которыя бы облегчили содержаніе русскаго войска, въ противномъ случаѣ, королевство прусское не только не истощается, но еще богатѣетъ деньгами, которыя оставляетъ въ немъ русское войско. Такой образъ дѣйствія нисколько не согласенъ ни съ русскими, ни съ общими интересами, потому что прусскій король, видя свои земли въ такомъ прекрасномъ положеніи, не имѣетъ побужденія склониться на скорый миръ.—Воронцовъ замѣтилъ на этой депешѣ Бестужева: «По невѣдѣнію прямаго состоянія доходовъ въ Пруссіи всякъ можетъ о собираніи контрибуціи сравненіе полагать съ Саксоніею и Мекленбургіею, токмо мы нынѣ искусствомъ удостовѣрены, что наложенныя контрибуціи прусскіе жители не въ состояніи заплатить, какъ за неимуществомъ своимъ, такъ и за недостаткомъ ходячей монеты, которая изъ земли королемъ прусскимъ вывезена; а употребленныя отсюда великія суммы денегъ на содержаніе здѣш-

ней арміи почти всѣ въ Польшѣ къ немалому обогащенію Поляковъ издержаны. Впрочемъ худому примѣру короля прусскаго послѣдовать не должно».

Въ августѣ Бестужевъ доносилъ, что во Франціи всѣ вообще удивляются, для чего фельдмаршалъ Даунъ до сихъ поръ ничего еще не предпринялъ, сильно ропщутъ на него за то, что онъ уже слишкомъ бережетъ свое войско и радъ тому, что другіе отдаютъ себя на жертву за Австрію. Герцогъ Шуазель далъ это понять австрійскому послу графу Штарембергу въ присутствіи Бестужева, расхваливая храбрость русскаго войска по поводу кунерсдорфской битвы [161].

Неудовольствія между обоими императорскими дворами усиливали надежду на миръ въ Пруссіи и Англіи. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ Фридрихъ II писалъ Георгу II англійскому, что всѣ усилія съ ихъ стороны разорвать непріятельскій союзъ остаются тщетными, что надобно кончить тяжкую и кровопролитную войну и, воспользовавшись первыми благопріятными событіями, объявить врагамъ, что въ Лондонѣ и Берлинѣ склонны къ открытію мирнаго конгресса. Въ Англіи это предложеніе было принято очень охотно; въ Лондонѣ составили декларацію и ждали только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобъ дать ей ходъ. Но вмѣсто благопріятныхъ обстоятельствъ пришло извѣстіе о кунерсдорфской битвѣ. Прусскій министръ Финкенштейнъ въ отчаяніи писалъ прусскому послу въ Лондонѣ Книпгаузену: «Только чудо можетъ насъ спасти; поговорите съ Питтомъ какъ съ другомъ, а не какъ съ министромъ, представьте этому великому человѣку грозную опасность, которой подвергается вѣрнѣйшій союзникъ Англіи, быть можетъ онъ въ состояніи устроить миръ». Самъ Фридрихъ писалъ Книпгаузену: «Постарайтесь, какъ добрый англійскій гражданинъ, нельзя ли завязать мирные переговоры между Англичанами и Французами. Когда Англичане получатъ добрыя вѣсти изъ Америки, то это будетъ благопріятная минута. Многочисленные враги меня сокрушаютъ». Дѣйствительно скоро послѣ того начали приходить вѣсти о блестящихъ успѣхахъ Англичанъ на морѣ и въ Америкѣ, и дѣло о конгрессѣ пошло снова [162].

23 октября, Кейтъ на конференціи съ Воронцовымъ внушалъ ему, что короли англійскій и прусскій готовы возобновить съ Россіею прежнее согласіе и что русскому двору можно бы на-

чать объ этомъ дѣло и безъ союзниковъ своихъ. «Со стороны императрицы, говорилъ Кейтъ, больше сдѣлано, чѣмъ сколько обязательства ея простирались, и для Россіи нѣтъ никакой пользы быть въ союзѣ съ Франціею, которая всегда была завистницею Россіи, и теперь имѣетъ свои замыслы относительно преемства польскаго престола, чему у меня есть ясныя доказательства».— «Канцлеръ, говоритъ записка о конференціи, удаляясь отъ вступленія въ дальнѣйшія изъясненія о сей матеріи, довольно понимая, въ какомъ намѣреніи, хотя и въ генеральныхъ терминахъ сіи отзывы учинены, оказалъ удивленіе, что французскій дворъ замышляетъ о возведеніи кого-либо на польскій престолъ». Чрезъ мѣсяцъ, 24 ноября Кейтъ передалъ Воронцову копію съ декларацій, которую положено было сдѣлать въ Гагѣ отъ имени англійскаго и прусскаго королей министрамъ русскому, австрійскому и французскому. Въ декларацій говорилось, что короли англійскій и прусскій готовы выслать своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о прочномъ и общемъ мирѣ съ уполномоченными воюющихъ сторонъ въ то мѣсто, которое сочтется удобнѣйшимъ для этого. На оба предложенія данъ былъ 1 декабря такой отвѣтъ: «Императрица приняла съ благодарностію вниманіе его британскаго величества, выраженное въ предварительномъ сообщеніи декларацій, которая имѣла быть сдѣлана въ Гагѣ. Такъ какъ эта декларація должна быть сдѣлана не ей одной, то она и не можетъ отвѣчать на нее съ точностію, пока не согласится съ своими союзниками. Между тѣмъ ея импер. величеству донесено о словесныхъ внушеніяхъ г. посланника, сдѣланныхъ канцлеру 23 октября, и на это императрица въ отвѣтъ объявить повелѣла, что конечно всегда главнымъ ея стараніемъ было и будетъ жить со всѣми державами въ добромъ согласіи, и весь свѣтъ знаетъ, что чѣмъ упорнѣе ведетъ она настоящую войну, тѣмъ неохотнѣе начала ее, и начала только тогда, когда всѣ ея декларацій остались безъ дѣйствія при берлинскомъ дворѣ, и союзники ея подверглись нападенію. Императрица сильно страдаетъ отъ пролитія столь многой невинной крови; но желаемый миръ еще очень далекъ, если нѣтъ на него другой надежды, какъ только надежда на миролюбивыя склонности ея величества. Императрица непоколебимо намѣрена свято и точно исполнить свои торжественныя заявленія — доставить обижен-

нымъ сторонамъ достойное и праведное удовлетвореніе, заключить миръ не иначе, какъ на честныхъ, прочныхъ и выгодныхъ условіяхъ и по соглашенію съ своими вѣрными союзниками, и отнюдь не допускать, чтобъ мнимою пощадою на время неповинной крови, оставить спокойствіе Европы въ прежней опасности. Но если будутъ предложены условія удовлетворительныя для обиженныхъ и удобныя къ принятію, то императрица немедленно согласится на все то, что признано будетъ за благо ея союзниками».

Въ то же время дана была записка австрійскому и французскому послу: «Мы надежно увѣдомились, что король прусскій, съ вѣдома и согласія Англіи, при нѣкоторыхъ дворахъ внушалъ, будто Франція, не столько соскучась войною, сколько завидуя успѣхамъ нашего оружія, склонна къ примиренію съ Пруссіею и даже начала объ этомъ дѣло. Лондонскій дворъ примѣтно старался довести это извѣстіе до нашего свѣдѣнія, изъ чего мы заключили, что такимъ коварствомъ хотѣли только союзниковъ своихъ въ германской имперіи ободрить, а между нами и нашими союзниками произвести непріятныя объясненія. Мы хотѣли оставить это въ презрительномъ молчаніи, тѣмъ болѣе, что увѣрены въ твердости и прамодушіи своихъ союзниковъ, знаемъ, съ какимъ достоинствомъ его христіаннѣйшее величество отвергъ мирныя предложенія, сдѣланныя ганноверскимъ генералитетомъ. Но такъ какъ потомъ посланникъ Кейтъ внушалъ, что Россія могла бы заключить отдѣльный миръ съ королемъ прусскимъ; въ то же время назначенный для размѣна плѣнныхъ прусскій коммиссаръ генералъ-майоръ Виллихъ объявилъ нашему генералъ-майору Яковлеву, что графъ Финкенштейнъ увѣдомилъ его, будто съ Франціею начаты мирные переговоры, а съ другой стороны въ Гагѣ сдѣлана декларація объ общемъ мирѣ: то кажется, что Пруссія и Англія, внушая намъ и Франціи объ отдѣльномъ мирѣ, стараются вселить подозрѣнія между союзниками и ослабить великій союзъ, а какъ скоро одна держава заключитъ отдѣльный миръ, то и другія будутъ стараться о томъ же; декларацією же, сдѣланною въ Гагѣ, только стараются показать свѣту свою готовность къ миру, а потомъ общіе переговоры проволочить и сдѣлать безплодными. Мы однако этимъ не хотимъ сказать и доказать, что не слѣдуетъ слушать о мирѣ,

хотя бы лондонскій и берлинскій дворы предложили самыя выгодныя условія; но мы находимъ 1) что такой славный величайшихъ въ свѣтѣ державъ союзъ не принесетъ желаемой пользы и прочнымъ быть не можетъ, если эти державы не достигнутъ своего намѣренія и при будущемъ мирѣ взаимные ихъ интересы неравно соблюдены будутъ. 2) Что этого нельзя достичь, если союзники не признаютъ единодушно, что слѣдуетъ заключить миръ честный, прочный и выгодный. 3) Что такой миръ будетъ заключенъ не скоро, если у лондонскаго и берлинскаго дворовъ не отнимется всякая надежда произвести между союзниками несогласіе и кого-нибудь изъ нихъ преклонить къ отдѣльному миру.

«По нашему мнѣнію надобно отвѣчать на декларацію, сдѣланную въ Гагѣ, что союзники не меньше Пруссіи и Англіи желаютъ скораго, но честнаго и прочнаго мира, что не будетъ затрудненія относительно выбора мѣста для переговоровъ и посылки уполномоченныхъ, когда будетъ ближе изъяснено, какимъ образомъ помышляется достигнуть прочнаго мира, ибо состояніе, въ какомъ находилось дѣло до нынѣшней войны, было неудобно къ сохраненію мира и начатіемъ войны прежніе договоры нарушены. Въ то же время кажется намъ необходимымъ сдѣлать особую декларацію на имперскомъ сеймѣ, при датскомъ дворѣ и въ Голландіи, что союзники съ большою непріятностію услыхали о разглашеніяхъ непріятеля, будто каждый изъ нихъ старается объ отдѣльномъ мирѣ; напротивъ того теперь они больше, чѣмъ когда-либо стараются союзъ свой сдѣлать неразрывнымъ и непоколебимымъ, и если до сихъ поръ они согласно воевали, то при будущемъ примиреніи еще единодушнѣе будутъ стоять, чтобъ не принимать другого мира, кромѣ честнаго, прочнаго и полезнаго, и доставить всѣмъ обиженнымъ сторонамъ достойное и праведное удовлетвореніе. Сильное и прилежное приготовленіе къ будущей кампаніи при этомъ всего нужнѣе. Также крайне нужно, чтобъ теперь союзники какъ можно скорѣе точно и рѣшительно согласились съ нами на счетъ всѣхъ условій будущаго мира, ибо во 1) самые мирные переговоры этимъ много облегчатся, и въ случаѣ успѣховъ оружія тотчасъ могутъ быть окончены; если же лондонскій и берлинскій дворы усмотрятъ при переговорахъ большое несогласіе между союзниками,

то увидятъ въ этомъ возможность протянуть переговоры, а потомъ и совершенно раздѣлить союзниковъ и при заключеніи мира переговорами достигнуть того, чего силою оружія получить нельзя было. 2) Предварительнаго и точнаго постановленія условій требуетъ принятое союзниками обязательство не заключать съ общимъ непріятелемъ ни отдѣльнаго мира, ни перемирія, ибо точное и строгое исполненіе этого обязательства затруднило бы миръ почти навсегда; а когда союзники на счетъ будущихъ условій мира напередъ согласны, то каждый можетъ выслушивать предложенія и сообщать ихъ другимъ, если они удобопріемлемы, или тотчасъ же отвергать, если они не сходны съ общими видами. 3) Если такимъ образомъ между союзниками будетъ полное соглашеніе, то не будетъ никакой нужды заключать вредныя перемирія. Что касается мѣста переговоровъ, то такъ какъ герцогъ мекленбургскій неповиннымъ образомъ много претерпѣлъ въ нынѣшнюю войну, то было бы ему нѣкоторымъ вознагражденіемъ, еслибъ конгрессъ былъ собранъ въ одномъ изъ его городовъ; если же это невозможно, то всего лучше собраться конгрессу въ Гамбургѣ или Любекѣ; впрочемъ мы будемъ согласны на всякое рѣшеніе союзниковъ».

Вѣнскій дворъ сильно встревожился деклараціею Англіи и Пруссіи, сдѣланною въ Гагѣ: онъ боялся, что Франція, истощенная войною будетъ рада этому случаю какъ можно скорѣе заключить миръ, вслѣдствіе чего и другіе союзники будутъ принуждены тоже сдѣлать, не получа отъ войны той пользы, какой ожидали. Марія-Терезія писала Эстергази, что возлагаетъ всю свою надежду на союзническую дружбу и непоколебимость русской императрицы; просила, чтобъ при русскомъ дворѣ отложили всякое недовѣріе и частный интересъ и ничего не скрывали отъ вѣнскаго двора для надежнаго достиженія великой цѣли; выражала желаніе, чтобъ Россія возобновила уже принятыя ею обязательства относительно ея и ея дома; съ своей стороны обѣщала свято исполнять свои обязательства и кромѣ того дать королевское слово какъ силою оружія, такъ и при мирныхъ переговорахъ употребить послѣднія свои силы для доставленія Россіи всѣхъ тѣхъ выгодъ и вознагражденія, какія она сама изберетъ и найдетъ возможными; требовала, чтобъ не было заключаемо никакого перемирія, но представляла, что должно

согласиться на мирный конгрессъ, на которомъ стараться выиграть какъ можно болѣе времени, распознать прямыя намѣренія прочихъ дворовъ и, пользуясь ими, ослабить дружбу между Англіею и Пруссіею, стараться, чтобъ между Англіею и Франціею былъ заключенъ такой миръ, при которомъ бы Австріи и Россіи оставалась свобода продолжать войну противъ короля прусскаго.

Императрица на это велѣла дать такой отвѣтъ: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по домогательствамъ короля прусскаго Англія склонилась сдѣлать съ нимъ вмѣстѣ декларацію о мирномъ конгрессѣ. Но не меньше вѣрно и то, что Англія не понимала бы своего существеннаго интереса, еслибъ не пользовалась нынѣшними обстоятельствами для заключенія выгоднаго мира и спасенія союзника своего, короля прусскаго. Ей нельзя не видѣть, что какъ бы постоянно ни было счастіе ея оружія, большихъ выгодъ ей получить уже нельзя, когда въ Сѣверной Америкѣ ей уже нечего опасаться отъ Франціи и, что еще важнѣе, флотъ и торговля Франціи долго не могутъ поправиться, а доходы совсѣмъ истощены, и продолжая войну можно только дождаться такого случая, что Франція какимъ-нибудь отважнымъ и удачнымъ предпріятіемъ перемѣнитъ положеніе дѣлъ. Англія конечно чувствуетъ, что если король прусскій будетъ совершенно обезсиленъ, то она потеряетъ всѣхъ своихъ союзниковъ въ имперіи, слѣдовательно настоящіе успѣхи ея оружія не вознаградятъ утрату ея значенія въ европейскихъ дѣлахъ; уступкою самого выгоднаго мира Франціи Англія все же оставитъ ее въ настоящемъ бѣдственномъ положеніи, а спасая этимъ миромъ короля прусскаго, несравненно увеличитъ свое значеніе и вліяніе. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, болѣе желательно, чѣмъ надежно успѣть въ томъ, чтобъ Англія склонилась заключить съ Франціею миръ съ совершеннымъ исключеніемъ короля прусскаго. Надобно имѣть крайнюю осторожность, чтобъ примѣтнымъ различеніемъ англо-французской и нашей съ Пруссіею войны не встревожить Францію и не повредить дѣлу. Мы считаемъ нужнымъ, чтобъ посолъ нашъ графъ Бестужевъ-Рюминъ и графъ Штарембергъ согласно и внятно истолковали французскому двору, что нѣтъ нашего желанія и намѣренія исключить его христіаннѣйшее величество изъ войны противъ короля прусскаго; напротивъ съ благодарностію признавая сильное его въ ней со-

дѣйствіе, усердно желаемъ, чтобъ при мирѣ съ этимъ государемъ интересы Франціи и всѣхъ союзниковъ, особенно Саксоніи и Швеціи, были наблюдены наравнѣ съ нашими собственными; еще болѣе удалены мы отъ мысли, чтобъ заключивъ особый миръ съ королемъ прусскимъ, оставить ему свободу подавать какимъ бы то ни было образомъ помощь Англіи; что мы очень понимаемъ, для чего теперь Англія и Пруссія такъ спѣшатъ мирными предложеніями: Англія давно усмотрѣла, что мнимое превосходство силъ ея на морѣ только тогда станетъ дѣйствительнымъ, когда на твердой землѣ имѣетъ она сильное подкрѣпленіе. Поэтому казалось, что въ нынѣшней войнѣ заботилась она больше объ интересахъ короля прусскаго, нежели о своихъ собственныхъ. Поэтому думать можно, что и при заключеніи мира станетъ усердствовать больше о прусскихъ же интересахъ; можетъ быть и вся ея надежда къ миру на томъ основана, чтобъ, жертвуя нѣкоторыми своими выгодами, сохранить въ полезной для нея силѣ короля прусскаго. Россія и Австрія никогда не потребуютъ, чтобъ Франція хотя чѣмъ-нибудь для нихъ пожертвовала; но его христіаннѣйшее величество конечно усмотритъ, что какой бы теперь выгодный миръ съ Англіею заключенъ ни былъ, онъ будетъ всегда этой державѣ несравненно полезнѣе, и Франціи вреднѣе, если въ то же время не будутъ сокращены силы короля прусскаго, ибо Англія сохранитъ себѣ такого союзника, который ей всѣмъ обязанъ и съ помощію котораго она легко можетъ владычествовать во всей Германіи и на Сѣверѣ. Конечно на нѣкоторое время прекратится настоящая тягостная война, но всегда нужно будетъ готовиться къ новой и тѣмъ болѣе тягостной, что партія короля прусскаго несравненна усилится. Англія и король прусскій предлагаютъ теперь вмѣстѣ объ общемъ мирѣ, думая успѣхами Англіи на морѣ наверстать то, что потеряно на твердой землѣ; а по нашему мнѣнію усиленіемъ войны на сухомъ пути надобно съ избыткомъ наверстать то, что потеряно на морѣ; а способъ, кажется, есть и утраченное наверстать и обязательства исполнить и нигдѣ ничего не уступить, надобно только послѣдовать такому совѣту: въ отвѣтной французской деклараціи должно быть сказано, что король готовъ помириться съ Англіею, если только миръ будетъ честный; что же касается войны, начатой королемъ прусскимъ

противъ Австріи, Саксоніи и Россіи, то такъ какъ король вступилъ въ нее только въ качествѣ помощника и ручателя вестфальскаго договора, то онъ долженъ свято исполнять свои обязательства, помогая своимъ союзникамъ и стараясь при будущемъ примиреніи, чтобъ они получили справедливое вознагражденіе за всѣ убытки» [163].

Была еще держава, которая вступила въ войну съ Пруссіею для сохраненія вестфальскаго договора—Швеція. Панинъ присылалъ печальныя извѣстія о причинахъ неуспѣха шведскаго войска: «Настоящая кампанія, писалъ онъ, стоитъ Швеціи 20 милліоновъ талеровъ; сколько иностранныхъ субсидій на то получено, всевысочайше извѣстно; если взять въ разсужденіе число шведской арміи, и что она во все время дѣлала, лежавъ по іюль мѣсяцъ въ Штральзундѣ и потомъ перешедши взадъ и впередъ не болѣе пятидесяти миль, почти не видавъ непріятеля, то не трудно доказать, что по крайней мѣрѣ третья часть этихъ милліоновъ разошлась по рукамъ. Какъ приготовиться къ будущей кампаніи, этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ великія трудности; сенатская коммиссія о вооруженіи уже нѣсколько времени не собирается за неимѣніемъ денегъ, не зная, чѣмъ удовлетворять подрядчиковъ и за тѣ многіе предметы, которые еще прошлымъ лѣтомъ были поставлены въ армію. Одинъ сенаторъ сказалъ мнѣ подъ секретомъ, что они не имѣютъ никакой надежды, чтобъ версальскій дворъ выплатилъ имъ субсидіи на нынѣшній годъ; извѣстная здѣшная лотерея не имѣетъ желаемаго успѣха, мало охотниковъ брать билеты, ибо требуютъ, чтобъ банкъ бралъ эти билеты подъ залогъ, а банкъ не соглашается.»

1 іюня Панинъ писалъ: изъ военныхъ распоряженій и приготовленій здѣсь ничего новаго не видно, кромѣ сбора рекрутъ до 600 человѣкъ изъ разныхъ провинцій; говорятъ, что ихъ скоро отправятъ въ приморскія мѣста для посаженія на суда; другихъ отправленій къ арміи нѣтъ, всѣ войска остаются по своимъ провинціямъ и гарнизонамъ; причина всѣмъ извѣстна: она состоитъ въ совершенномъ истощеніи государственной казны и въ томъ, что недоимка чужестранныхъ субсидій остается невыплаченною, а что уплачивается, то идетъ на содержаніе наличной арміи въ Помераніи. Въ августѣ, говоря о положеніи дѣлъ по смерти вождя господствующей партіи, графа Гилленборга,

Панинъ писалъ: «До сихъ поръ сенату оставалось мало времени думать о своей арміи, потому что онъ долженъ былъ управляться съ разными домашними партіями, и теперь со смертію Гилленборга внутреннія дѣла придутъ еще въ большее замѣшательство». Въ началѣ сентября Панинъ увѣдомилъ, что государственный банкъ далъ наконецъ коронѣ взаймы 30 бочекъ золота съ объявленіемъ, что онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе помочь государственному недостатку. Изъ этихъ 30 бочекъ 20 бочекъ удержала штатсъ-контора на выдачу окладного жалованья на этотъ годъ статскимъ и военнымъ чинамъ, ибо это жалованье правительство взяло впередъ изъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и употребило на военные расходы; четыре бочки взяла военная коллегія на расплату съ подрядчиками за поставку вещей прошлаго и нынѣшняго года, и такимъ образомъ правительству остается только шесть бочекъ на его новыя военныя издержки. Панинъ считалъ своею обязанностію утверждать, что въ 1759 году не будетъ никакой отправки войска и рекрутъ въ Померанію, а только дѣлаются пустыя обнадеживанія для успокоенія союзниковъ и для поддержанія бодрости въ народѣ. Въ провинціяхъ никто не хочетъ повиноваться правительственнымъ приказаніямъ. Въ будущемъ году долженъ собраться сеймъ, и на верху заняты выборомъ ландмаршала. Придворная партія вмѣстѣ съ старыми *колпаками* ведетъ себя тихо и не мѣшается въ это дѣло; французская партія хочетъ провести въ ландмаршалы барона Шефера, который находится министромъ при версальскомъ дворѣ; но сенаторъ Гепкенъ съ своими приверженцами слышать объ этомъ не хочетъ и проводитъ своего друга отставного сенатора Вреде [164].

Новый министръ русскій въ Варшавѣ, генералъ-поручикъ Ѳедоръ Воейковъ долженъ былъ заниматься старыми дѣлами. Онъ началъ свои донесенія извѣстіемъ, что первый министръ графъ Брюль, зять его маршалъ коронный графъ Мнишекъ и при нихъ епископъ краковскій Солтыкъ дѣлаютъ почти все по своему произволу; враждебная имъ партія имѣетъ своими вождями князей Чарторыйскихъ и каштеляна краковскаго графа Понятовскаго; отъ раздоровъ между этими двумя партіями происходятъ большіе безпорядки и неудовольствія между знатными Поляками. Къ Воейкову пріѣзжалъ коронный канцлеръ Малаховскій и, обна-

деживая въ своей преданности русскимъ интересамъ, высказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильное неудовольствіе на поступки Брюля и Мнишка, которые, вопреки конституціи и обыкновеніямъ польскимъ, вступаются во всѣ дѣла, находящіяся въ завѣдываніи другихъ сановниковъ, такъ что онъ, Малаховскій, избѣгая дальнѣйшихъ оскорбленій, рѣшился на нѣсколько времени уѣхать въ свою деревню, что и дѣйствительно исполнилъ. «Я, писалъ Воейковъ, о подобныхъ неудовольствіяхъ слышалъ и отъ другихъ знатныхъ Поляковъ; только мнѣ кажется, что неудовольствія эти возбуждаются Чарторыйскимъ и Понятовскимъ, имѣющими большое значеніе. Я могъ и то примѣтить, что по большей части изъ людей, принадлежащихъ явно къ партіи придворной, очень немного доброжелательныхъ, другіе же только наружно показываютъ себя пріятелями, чтобъ получать чины и другія выгоды. На мои поступки и обхожденіе очень внимательно смотрятъ, и каждый старается привлечь меня къ своей сторонѣ, поэтому я разсудилъ при учтивомъ обхожденіи наблюдать осторожность и скромность, выслушивать жалобы иногда и неосновательныя, и вижу, что чрезъ это нахожусь у обѣихъ партій въ довольномъ уваженіи, и надѣюсь, что еслибы въ подобныхъ случаяхъ сталъ чего-нибудь домогаться, то не встрѣтилъ бы большихъ препятствій». Послѣ этого Воейковъ писалъ: «Примѣтилъ я, что воевода русскій, князь Чарторыйскій очень дружески обходится съ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Стормонтомъ, и съ прочими находящимися здѣсь Англичанами, которые почти ежедневно бываютъ у него въ домѣ; графъ Понятовскій оказываетъ имъ также особенную пріязнь. Такое поведеніе подаетъ справедливую причину къ наибольшему неудовольствію и подозрѣнію какъ со стороны короля, такъ и перваго министра. Можетъ быть, они дѣлаютъ это только въ досаду противной имъ придворной партіи, не имѣя никакихъ худыхъ намѣреній: однако, по моему мнѣнію, выдумка эта очень не похвальна».

На это донесеніе Воейковъ получилъ рескриптъ императрицы: «Недавно пріѣхавшій сюда молодой князь Чарторыйскій проситъ нашего заступленія у короля за епископа каменецкаго Щептицкаго, чтобы доставлена ему была папская булла, да за аббата Мосальскаго, чтобъ сдѣлать его виленскимъ коадъюторомъ, чѣмъ русская партія получитъ немалое поощреніе. Хотя подлинно

князья Чарторыйскіе и ихъ партія казались намъ преданными, за что и получили многія отъ насъ милости: однако время и опытъ показали, какъ мало они этому отвѣчаютъ, и по частной злобѣ на графа Брюля и его зятя являются враждебными не только нашимъ, но и собственнымъ королевскимъ интересамъ. Явный опытъ ихъ недоброжелательства показанъ въ томъ, что они не устыдились прямо сопротивляться королевскому предложенію — чрезъ депутацію отъ республики требовать у короля прусскаго объясненія на счетъ враждебности его поведенія относительно Польши, и предложеніе это, по ихъ упорному настоянію, не принято. Изъ этого оказывается, чего королю и намъ впередъ ожидать отъ князей Чарторыйскихъ и ихъ партіи. Однако мы, въ надеждѣ, что они перемѣнятъ свое поведеніе, нисходимъ на прошеніе молодого князя Чарторыйскаго и повелѣваемъ вамъ нашимъ именемъ ходатайствовать за Щептицкаго и Мосальскаго, но прежде хорошенько разсмотрѣть, чтобъ такими рекомендаціями не причинить королю какого-нибудь неудовольствія и тѣмъ не компрометировать наше достоинство».

И Воейковъ, по примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ, долженъ былъ подавать жалобы на притѣсненія православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ. Въ рескриптѣ императрицы къ нему отъ 10 августа говорилось: «По причинѣ происходящихъ отъ Поляковъ живущимъ въ Польшѣ и Литвѣ грекороссійскаго закона людямъ всякихъ препятствій въ возобновленіи и починкѣ обветшалыхъ церквей и въ постройкѣ новыхъ, хотя довольно рекомендовано было предмѣстникамъ вашимъ, чтобъ у короля исходатайствовать этимъ людямъ генеральную привилегію имѣть имъ въ этомъ дѣлѣ совершенную свободу, однако такой привилегіи до сихъ поръ еще не исходатайствовано, а нашего закона людямъ имѣть ее очень нужно, потому что Поляки, особенно епископъ виленскій не допускаютъ починивать и строить церквей.» Воейковъ обратился къ Брюлю, и получилъ обычный отвѣтъ, что король сдѣлаетъ все что можетъ. Воейковъ писалъ къ епископу виленскому, и тотъ отвѣчалъ, что надобно отложить дѣло до сейма, потому что онъ, безъ рѣшенія всей республики, не можетъ давать позволенія строить и починивать церкви чуждаго исповѣданія. «Эти пустыя отговорки показываютъ его недоброжелательство, писалъ Воейковъ, ибо извѣстно, что всѣ по-

чти польскіе сеймы разрываются.» Въ то же время Поляки требовали немедленнаго вознагражденія за убытки, причиненные имъ отъ прохода русскихъ войскъ черезъ польскія земли; выбрали двоихъ депутатовъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, а другой къ фельдмаршалу графу Солтыкову, домогаться удовлетворенія за убытки. Напрасно Воейковъ старался воспрепятствовать отправленію этихъ депутацій, напрасно спрашивалъ: отъ чего это жалобы происходятъ только на одно русское войско? Прусаки ворвались въ польскія владѣнія и опустошили ихъ, и на это нѣтъ ни малѣйшей жалобы. Графъ Брюль отвѣчалъ, что хотя такое предпріятіе польскихъ магнатовъ королю было очень непріятно, однако онъ удержать его не могъ; Брюль прибавлялъ отъ себя, что дѣлать нечего, надобно удовлетворить упрямое и безразсудное польское шляхетство, чтобъ удержать его отъ какихъ-нибудь предосудительныхъ поступковъ по причинѣ близости къ границамъ бранденбургскимъ и силезскимъ.

Въ октябрѣ Воейковъ получилъ рескриптъ съ новыми требованіями исходатайствовать генеральную привилегію православнымъ, потому что епископъ виленскій разсылаетъ своихъ миссіонеровъ, которые поступаютъ съ простымъ народомъ *малослыханнымъ* образомъ, и по наущенію ихъ самому епископу бѣлорусскому Георгію Конискому нанесено въ городѣ Оршѣ такое безчестіе и ругательство, что онъ опасается, можно ли будетъ ему и въ своемъ домѣ спокойно жить и проситъ высочайшаго заступленія за всѣхъ единовѣрныхъ въ Польшѣ и Литвѣ. На свои представленія Воейковъ получилъ прежніе отвѣты и писалъ: «духовенство здѣсь въ Польшѣ великую имѣетъ силу, отъ чего надуто такою гордостію, что не только не смотритъ на министровъ, но и королевскихъ повелѣній мало слушаетъ [165].»

Въ Польшѣ Фридрихъ II не имѣлъ надежды возбудить какое-нибудь движеніе, могшее отвлечь русскія силы; но онъ не терялъ надежды относительно Турціи. Въ началѣ года Обрѣзковъ доносилъ изъ Константинополя, что тамъ все тихо; но отъ 3 апрѣля далъ знать, что явился новый прусскій эмиссаръ и 22 марта великій визирь въ одномъ изъ загородныхъ султанскихъ дворцовъ имѣлъ тайное свиданіе съ секретаремъ англійскаго посольства и первымъ переводчикомъ. Англійскій посолъ получилъ отъ

своего двора повелѣніе стараться всѣми способами устроить союзъ между Портою и прусскимъ королемъ и позволеніе въ нужномъ случаѣ истратить на это хотя до 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Визирь соглашался на простой союзъ или трактатъ дружбы, но король требовалъ наступательнаго или по крайней мѣрѣ оборонительнаго союза, на что визирь никакъ не соглашался. «Между тѣмъ я и союзные министры, писалъ Обрѣзковъ, употребляли всѣ средства, чтобъ воспрепятствовать окончанію этого дѣла, и хотя замѣчаемъ, что вообще Турки удалены отъ прусскаго союза, однако если визирь къ нему расположенъ и ихъ союзники не получатъ надъ прусскимъ королемъ важной выгоды, то ни за что ручаться нельзя.»

Дѣйствительно, тотчасъ послѣ полученія ложнаго извѣстія, что Прусаки одержали побѣду надъ русскимъ войскомъ при Пальцигѣ, визирь началъ дѣло съ прусскимъ эмиссаромъ, и тотчасъ же прервалъ его, когда было получено вѣрное извѣстіе о русскихъ побѣдахъ и подъ Пальцигомъ и подъ Кунерсдорфомъ. «Прусскіе эмиссары, писалъ Обрѣзковъ отъ 1 октября, до сихъ поръ здѣсь и положеніе ихъ не улучшилось, ибо Порта постоянно имъ отвѣчаетъ, чтобъ имѣли терпѣніе и ждали удобнаго времени. Однако такое поведеніе Порты много безпокоитъ меня и союзныхъ министровъ: изъ него видимъ, съ одной стороны, хитрость Порты, которая хочетъ имѣть полную свободу принять или не принять прусскія предложенія смотря по обстоятельствамъ; съ другой стороны, прусскіе эмиссары, живучи здѣсь тайно, могутъ потомъ держаться и явно и дождаться своего времени. Поэтому я съ союзными министрами употребилъ всѣ усилія, чтобъ эти эмиссары были отсюда отпущены, но безъ успѣха, и впередъ по склонности и твердости визиря, имѣемъ небольшую надежду къ успѣху, развѣ помогутъ новые успѣхи оружія нашего или нашихъ союзниковъ. Порта постоянно хлопочетъ о снабженіи пограничныхъ городовъ военными запасами. Султанъ желаетъ войны, но между знатью находитъ немного воинственности [166].»

По донесеніямъ прусскаго эмиссара въ Константинополѣ фонъ Рексина, великій визирь объявлялъ ему, что Порта готова къ союзу съ Пруссіею, но съ условіемъ, чтобъ Англія вступила также въ этотъ союзъ и гарантировала его; три союзныя дер-

жавы должны были заключить миръ только по взаимному соглашенію. Но англійское министерство объявило прусскому посланнику, что Англія заключала съ Портою только торговые договоры, и никогда не заключала союзовъ; союзъ съ Турками возбудитъ негодованіе при католическихъ дворахъ испанскомъ и неаполитанскомъ и въ самомъ англійскомъ народѣ. Статью о заключеніи мира только по общему соглашенію нельзя принять, она будетъ противна англійскому народу. Остается одно — отправить приказаніе англійскому посланнику склонять визиря въ пользу Пруссіи, не связывая себѣ рукъ [167].

Надобно было позаботиться о сохраненіи мира на югѣ, потому что война на западѣ становилась очень дорога. Для пополненія войска перестали быть разборчивыми. Военная коллегія доносила, что бывшаго въ вѣдомствѣ бергъ-коллегіи и присланнаго въ военную коллегію для опредѣленія въ полки и гарнизоны гинтерфервальтера Кривцова опредѣлить нельзя, ибо по рѣшенію военной коллегіи 1756 года велѣно въ арміи въ офицеры производить по вѣрнымъ аттестатамъ такихъ людей, которые были бы трудолюбивы, проворны, быстрой находчивости, о всемъ попечительны, памятливы, знающіе совершенно военныя правила, собою доброзрачны и расторопны; а Кривцовъ въ военной службѣ не былъ, а въ горной, да и изъ нея за недостоинство присланъ, къ тому жъ и лѣтъ немолодыхъ. Но сенатъ велѣлъ Кривцова опредѣлить, куда окажется способенъ; если же онъ не произведенъ въ горные офицеры за неспособностію, такъ это потому, что горные офицеры производятся по наукамъ, надобнымъ для горнаго искусства; Кривцову только 49 лѣтъ и потому онъ можетъ еще службу продолжать, а кромѣ немолодыхъ лѣтъ какія еще его неспособности, которыя бы препятствовали ему служить въ полкахъ—этого военная коллегія не пишетъ. Медицинская канцелярія переслала въ сенатъ мнѣніе доктора Полетики, что больные въ госпиталѣ большею частію страдаютъ горячкою и поносомъ; причины: спертый воздухъ, дальняя и трудная дорога для рекрутовъ, скудная пища, тѣснота въ квартирахъ и нечистота, перемѣнная и мокрая зима, усталость отъ военныхъ упражненій; при томъ больные посылаются въ госпиталь поздно, гдѣ и помираютъ отъ тѣсноты и смрада. Необходимо госпиталь распространить и больныхъ въ палатахъ

уменьшить, по крайней мѣрѣ, на половину. Сенатъ велѣлъ прiискать новые дома для распространенiя госпиталя. Для пополненiя полковъ послали указы главнымъ сыщикамъ: изъ находящейся при нихъ воинской команды, для крайней нынѣ въ полкахъ надобности, оставить только такое число людей, какое необходимо, безъ всякаго излишества, а прочихъ отпустить къ полкамъ [168].

У сыщиковъ уменьшали команды—и слѣдствiе было извѣстно, умноженiе разбоевъ. Появились разбойники близь Москвы по владимiрской дорогѣ около звѣринца, пристань имѣли они въ лефортовской части у разночинцевъ. Прежде у генералъ-полицмейстера были двѣ роты драгунъ, а теперь это число уменьшили, и генералъ-полицмейстеръ доносилъ, что по московской дорогѣ и въ близости отъ Петербурга производятся явные разбои, разбойники вооружены тесаками и пистолетами. Послѣдовалъ именной указъ—опять учредить двѣ драгунскiя роты. Скоро исполнить указъ было трудно, и изъ кабинета пришло подтвержденiе о немедленномъ командированiи для полицiи двухъ драгунскихъ ротъ, потому что въ Петербургѣ не только оказывались домовыя кражи; но на морскомъ рынкѣ, позади мучного и свѣчного рядовъ найдена рогожа, въ которой завернутъ былъ горшокъ съ мѣхомъ и огнемъ, отъ чего рогожа уже обгорѣла. Императрица приказала также выгнать цыганъ изъ Петербурга и окрестностей. Пришли извѣстiя, что въ новгородскомъ и старорускомъ уѣздахъ разбойники разорили много домовъ; разбои здѣсь увеличивались съ такою силою, что въ концѣ года принуждены были для сыску разбойниковъ назначить всѣхъ воинскихъ служителей, находившихся при межеваньѣ, въ помощь имъ велѣли брать отставныхъ офицеровъ, а гдѣ нужно и обывателей. Любопытный именной указъ заслушалъ сенатъ 13 декабря: «Ея величеству извѣстно учинилось, что многiе люди къ новоявленному чудотворцу Димитрiю въ Ростовъ и въ Ахтырку къ чудотворному образу въ проѣздѣ чинятъ обывателямъ обиды и берутъ безденежно подводы, отъ чего ямщики и крестьяне разоряются» [169].

На денежныя требованiя изъ конференцiи сенатъ въ началѣ года принужденъ былъ отвѣчать рѣшительными отказами: такъ конференцiя требовала, чтобъ выдано было 8400 рублей капи-

тану князю Николаю Репнину, отправлявшемуся во Францію и ротмистру графу Петру Апраксину, ѣхавшему въ шведскую армію: сенатъ приказалъ сообщить въ конференціи, что отпустить теперь этихъ денегъ неоткуда, во всѣхъ мѣстахъ въ деньгахъ крайній недостатокъ, почему многіе приказанные отпуски денегъ до сихъ поръ неисполнены. Давши такой отвѣтъ, на другой же день сенатъ рѣшилъ послать нарочныхъ необрѣтающихся у дѣлъ штабъ-и-оберъ-офицеровъ съ инструкціями въ губернскіе, провинціальные и городовые магистраты, чтобъ они выслали имѣющіяся въ магистратахъ и ратушахъ отъ разныхъ сборовъ деньги, сколько ихъ гдѣ есть, всѣ, не оставляя ничего. А тутъ подносится рапортъ главнаго коммиссаріата: надобно къ заграничной арміи дослать въ годовой расходъ болѣе 600,000 рублей, и въ то число прав. сенатъ приказалъ отправить въ Кенигсбергъ мѣдною монетою 400,000 рублей: но въ наличности имѣется денежной казны разныхъ суммъ, въ томъ числѣ и госпитальной, только 289,276 рублей.

Таможенный сборъ былъ отданъ на откупъ оберъ-инспектору таможенъ Шемякину и компаніи; но Шемякинъ въ концѣ года подалъ донесеніе: по малому числу таможенъ во многихъ мѣстахъ отъ командъ происходятъ послабленія, а нѣкоторые командиры дѣлаютъ препятствія въ сборахъ, таможенныхъ служителей немилосердо бьютъ и держатъ долгое время подъ карауломъ, а тайно проѣзжающихъ съ товарами людей изъ-за взятокъ пропускаютъ за границу, оговорныхъ къ слѣдствію не даютъ, нарочно посланныхъ въ разъѣздъ мучительски бьютъ, а на Колыбельскомъ форпостѣ и смертное убійство произошло. Отъ сосѣднихъ съ границею жителей никакой помощи нѣтъ, напротивъ, сами они, по согласію съ Поляками и русскими купцами, собравшись человѣкъ по сту и больше, съ ружьями и копьями, безпрерывно провозятъ товары, а удержать ихъ нельзя по малочисленности команды на форпостахъ: во многихъ мѣстахъ только по одному солдату находится, и всякая команда отговаривается, что увеличить число людей на форпостахъ некѣмъ. Генералъ-майоръ Альбедиль пишетъ, что не только эти партіи прекратить, но и бѣгущихъ изъ Россіи въ Польшу многими семьями отвратить некѣмъ, и кромѣ настоящаго тракта бѣглецы проложили нѣсколько другихъ дорогъ чрезъ границы [170].

При безденежьи порадовало извѣстіе изъ Сибири: нерчинская экспедиція представила о публикованіи въ газетахъ для славы россійской имперіи о вновь сысканномъ богатомъ серебряномъ рудникѣ, названномъ Кадаинскимъ, какихъ прежде никогда не было отыскано. Сенатъ однако приказалъ удержаться на нѣкоторое время публикаціею. Въ области другихъ промысловъ происходили любопытныя явленія. Конференція переслала въ сенатъ доношеніе таможеннаго оберъ-инспектора и откупщика Шемякина, который просилъ позволенія вывозить въ Россію шелкъ, золото и серебро безпошлинно для снабженія русскихъ фабрикъ. Конференція давала знать, что разсмотрѣніе и окончаніе дѣла принадлежитъ подлинно прав. сенату, однако въ ней опредѣлено при посылкѣ этого доношенія сообщить, что представленія Шемякина основательны и усердіе его заслуживаетъ похвалу, и притомъ прилежно рекомендовать, чтобъ по важности этого дѣла окончаніемъ его было ускорено, для поправленія русскихъ мануфактуръ надобно поскорѣе воспользоваться настоящими почти во всей Европѣ замѣшательствами. Шемякинъ въ своемъ донесеніи писалъ, что хотя число шелковыхъ мануфактуръ очень умножилось, однако это производство далеко отъ совершенства и служитъ надежнымъ путемъ къ разоренію. Французскій фабрикантъ заботится только о рисункахъ и не думаетъ, откуда ему взять шелкъ и какъ его окрасить, потому что на то есть купцы и красильщики: у насъ же, наоборотъ, фабрикантъ долженъ быть и купцомъ и красильщикомъ, что разоряетъ, ибо требуетъ вдругъ затраты большихъ капиталовъ; каждый фабрикантъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ на 50,000 въ запасѣ шелку, если хочетъ обезпечить себя, чтобъ фабрика его не стала. Запасетъ фабрикантъ 40 пудовъ желтаго шелку и не удастся ему передѣлать изъ него въ цѣлый годъ и пуда, а по заказамъ нужно ему будетъ передѣлать въ одинъ мѣсяцъ 30 пудовъ фіолетоваго, котораго у него и золотника нѣтъ, что тутъ дѣлать? перекрашивать—краска тратится и цвѣтъ выходитъ плохой и матерія не имѣетъ чистоты и прочности. Шемякинъ обязывался содержать въ Петербургѣ и Москвѣ столько шелку и такихъ сортовъ и цвѣтовъ, какіе только понадобятся, чтобъ никакой остановки не было, для чего просилъ на 30 лѣтъ привилегіи и кромѣ того права вывозить одному за границу бѣлку,

мерлушки и бобровъ. Но оберъ-директоръ позументной фабрики Роговиковъ доносилъ, что требованіе Шемякина безполезно, изъ одной зависти нарекаетъ онъ на русскихъ фабрикантовъ напрасно, ибо многія шелковыя фабрики пришли уже въ цвѣтущее состояніе; онъ Роговиковъ употребилъ на свою фабрику болѣе 100,000 рублей и довольствуетъ своимъ товаромъ съ похвалою; а Шемякинъ никакой фабрики не имѣетъ и хочетъ всѣхъ подорвать. Если угодно, онъ Роговиковъ возьметъ привилегію на тѣхъ же условіяхъ, но приметъ къ себѣ въ компанію и прочихъ фабрикантовъ; сверхъ того обязывается платить ежегодно по 30,000 рублей въ казну. Сенатъ приказалъ: позволить Шемякину безпошлинный ввозъ одного шелку, но не золота и серебра; позволить и другимъ фабрикантамъ безпошлинный ввозъ шелку, но только для своихъ фабрикъ, а не на продажу; позволить Шемякину на вымѣнъ шелка отпускать за китайскую границу бобровъ, но съ пошлиною; также мерлушки и бѣлку за другія границы съ пошлиною, а другимъ отпускъ ихъ запретить. Роговикова неосновательное представленіе отставить и объявить ему, чтобъ впредь такихъ не подавалъ.

Генералъ-лейтенантъ гофмаршалъ баронъ фонъ-Сиверсъ подалъ прошеніе ни больше ни меньше, какъ объ уничтоженіи бумажной и картной фабрики петербургскаго купца Ольхина, потому что на его сиверсовой красносельской фабрикѣ всякихъ сортовъ бумага дѣлается лучшимъ мастерствомъ и въ такомъ количествѣ, что не только всю Петербургскую губернію, но и близь лежащія провинціи можетъ удовольствовать, и для того надобно отвратить видимый имъ себѣ отъ фабрики Ольхина подрывъ; въ 1754 году сенатскимъ опредѣленіемъ Ольхину запрещено распространять свою безполезную фабрику; притомъ Ольхинъ въ своемъ прошеніи назвалъ его Сиверса подрывателемъ своей фабрики, и за это онъ Сиверсъ требуетъ удовлетворенія. Сенатъ приказалъ: мануфактуръ-коллегіи освидѣтельствовать фабрику Ольхина и донести такъ, чтобъ можно было видѣть, размножена ль эта фабрика противъ прежняго и какая именно сдѣлана прибавка; что же касается удовлетворенія, то пусть Сиверсъ бьетъ челомъ гдѣ слѣдуетъ по указамъ, въ низшемъ мѣстѣ, а не въ сенатѣ [171].

Война затягивалась; землевладѣльцы, находясь при войскѣ за

границею, не имѣли возможности брать отпусковъ для личнаго надзора за имѣніями и выплачивать въ банкъ занятую сумму: Петръ Ив. Шуваловъ предложилъ отсрочить этотъ платежъ, чтобъ дворянство, «этотъ первый членъ государственный», не лишилось своихъ имѣній, особенно теперь, находясь на войнѣ за границею. Помѣщикъ находился при войскѣ, а сосѣдъ пользовался его отсутствіемъ, нападалъ на его имѣніе, билъ крестьянъ: орловскій помѣщикъ Шамардинъ съ своими людьми и крестьянами напалъ на людей и крестьянъ майора Шеншина и убилъ четырехъ человѣкъ, билъ и сыскную команду, отправленную противъ него [172].

Города нужно было предохранять отъ пожаровъ, отъ произвола главнаго магистрата и отъ воеводъ, которые, въ свою очередь, жаловались на купечество. Воеводская канцелярія Юрьева-Повольскаго доносила, что тамошнее купечество не исполняетъ полицейскихъ должностей, не имѣетъ пожарныхъ инструментовъ; по ночамъ происходятъ многолюдныя собранія, озорничество и угрозы побоями воеводѣ и канцелярскимъ служителямъ. Ростовскій воевода Спиридовъ смѣненъ былъ за то, что не имѣлъ старанія о постройкѣ пожарныхъ инструментовъ. Главный магистратъ донесъ сенату, что онъ выбралъ въ свои ратгеры признанныхъ имъ достойными этого чина московскихъ купцовъ Струговщикова и Серебреникова. Сенатъ приказалъ: по силѣ регламента велѣть московскому купечеству выбрать кандидатовъ и представить ихъ въ главный магистратъ, а тотъ долженъ представить ихъ сенату, обозначивъ въ своемъ представленіи, кто, по его мнѣнію, достойнѣе; главному магистрату такъ и должно было поступить, а не представлять по одному своему удостоенію, имѣя передъ глазами регламентъ и имянной указъ 1757 года съ выговоромъ за подобный неосмотрительный поступокъ, но все это было пренебрежено.

Относительно воеводъ любопытна просьба юстицъ-коллегіи, нельзя ли по дѣлу пензенскаго воеводы Жукова назначить особую коммиссію изъ постороннихъ лицъ, а ей вести это дѣло нѣтъ возможности за малочисленностію секретарей и приказныхъ людей. Надъ совѣтникомъ полиціи Неплюевымъ назначена же была особая коммиссія, хотя о немъ было только 20 дѣлъ, а о Жуковѣ 223 дѣла! Сенатъ не согласился, а велѣлъ для разсмо-

трѣнія жуковскаго дѣла назначить два дня въ недѣлю, въ которые никакими другими дѣлами не заниматься [173].

Въ селахъ видимъ прежнее явленіе—возстаніе монастырскихъ крестьянъ. Синодъ прислалъ вѣдѣніе: Архангельскаго архангелогородскаго монастыря архимандритъ Иринархъ жаловался на непослушаніе приписныхъ къ монастырю крестьянъ; крестьяне жаловались на отягощеніе излишними работами и поборами. До окончанія дѣла крестьянамъ было объявлено съ подпискою, чтобъ они были послушны монастырю; но крестьяне не послушались, келаря столкнули съ крыльца, потомъ и архимандрита прогнали, толкая подъ бока кулаками, а губернская канцелярія съ этими противниками ничего не сдѣлала; синодъ жаловался на понаровку крестьянамъ губернаторскаго товарища Черевина и въ должности секретаря Иванова. Въ Шацкомъ уѣздѣ новокрещенная Мордва въ деревнѣ Тумаги отложилась отъ Савина Сторожевскаго монастыря и не платила оброка съ 1753 года. Крестьяне тверского Колязина монастыря били челомъ, что архимандритъ и монастырскіе стряпчіе ихъ разоряютъ.

Мы упоминали о страшномъ дѣлѣ между Сафоновымъ и Львовыми, которые напали на его крестьянъ, убили 11 человѣкъ и смертельно ранили 45. Дѣло это тянулось съ 1754 года. Въ описываемое время Львовы съ Сафоновымъ помирились на томъ, что положили ему въ искъ дать денегъ 4000 рублей, да въ калужскомъ уѣздѣ недвижимое всѣхъ ихъ Львовыхъ имѣніе и дать на то имѣніе въ 5000 рублей купчую. Сенатъ позволилъ эту сдѣлку [174].

На южной, степной Украйнѣ продолжались наѣзды запорожскихъ козаковъ на донскихъ. Донской атаманъ, извѣстный Ефремовъ, въ знакъ особенной милости ея императ. величества, за заграничный походъ пожалованъ былъ въ тайные совѣтники. Малороссійскій гетманъ выхлопоталъ вознагражденіе и Запорожцамъ, прибавку жалованья по причинѣ умноженія этого войска и потому что оно стѣснено отъ Новой Сербіи и новаго слободского полка въ рыбной и звѣриной ловлѣ; кромѣ того козаки покинули соляные промыслы и прочую торговлю вслѣдствіе увеличенія пошлинъ въ пограничныхъ таможняхъ; гетманъ просилъ также дать Запорожцамъ артиллерію. Сенатъ приказалъ: жалованья прибавить 2000 рублей и съ прежнимъ производить

по 6660 рублей; вмѣсто трехъ пушекъ, оказавшихся негодными, отпустить три новыя.

Новосербскіе поселенцы начали попадаться въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ: двое изъ нихъ пропустили гайдамаковъ изъ-за границы въ Россію изъ-за взятокъ; третій принималъ отъ гайдамаковъ пограбленныя вещи и давалъ имъ ружья, порохъ и пули для разбою; военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, но Хорватъ выпросилъ помилованіе, чтобъ «не дать эха» выходцамъ въ Новую Сербію и не остановить переселенія. Мы упоминали уже о буйствахъ Черногорцевъ. Въ началѣ описываемаго года въ сенатъ прислано было сообщеніе изъ кабинета: ея величеству стало извѣстно о происходящихъ отъ Черногорцевъ въ Москвѣ великихъ продерзостяхъ драками и явными грабительствами, и будто побуждаются они къ тому бѣдностію и недостаткомъ въ содержаніи. Сенатъ приказалъ отвѣчать: Черногорцы выходъ въ Россію въ вѣчное подданство имѣли для поселенія въ отведенныхъ имъ мѣстахъ въ Оренбургской губерніи; они сами осмотрѣли эти мѣста и выгодами ихъ остались сначала довольны, почему и отправились туда изъ Кіева; но скоро не только стали отрекаться отъ поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, но и будучи въ Самарѣ, начали дѣлать великія продерзости и обиды обывателямъ, почему Сенатъ опредѣлилъ держать ихъ тамъ до указа въ виду сформированія изъ нихъ гусарскаго полка когда число ихъ увеличится. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ изъявили желаніе служить при арміи особымъ эскадрономъ и въ старыхъ гусарскихъ полкахъ, почему и велѣно отправить ихъ въ Москву для снабженія оружіемъ и мундиромъ; но въ Москвѣ они стали не только производить драки и обиды обывателямъ, но и непослушаніе командирамъ и безъ воли черногорскаго митрополита Петровича не хотѣли присягать. Въ сентябрѣ 1758 года отправленъ былъ въ Москву митрополитъ Петровичъ, чтобъ привести ихъ въ послушаніе и порядокъ и велѣно ему наказать виновныхъ по обычаю ихъ страны. Но потомъ опять эти Черногорцы оказались въ частыхъ продерзостныхъ поступкахъ, дрались, били и грабили обывателей, почему велѣно поступить съ ними по военнымъ законамъ и немедленно отправить ихъ изъ Москвы въ армію; жалобъ на бѣдность ихъ въ сенатъ никакихъ не было; жалованье выдается имъ какъ и прочимъ въ гусарскихъ полкахъ

по третямъ. Между прочимъ баронесса Марья Строганова жаловалась, что уже въ 1759 году 7 января Черногорцы толпою пришли къ ея дому съ обнаженными саблями, вломились въ ворота, изрубили рѣшетку, попадающихся имъ людей жестоко били, прибѣжали и къ ея покоямъ и рубили столбы у крыльца; тогда на колокольняхъ близкихъ къ ея дому церквей стали бить въ набатъ, сбѣжался народъ и Черногорцы должны были возвратиться [175].

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1760 годъ.

Празднованіе Новаго года.—Приготовленія къ кампаніи. — Свидѣтельствованіе артиллеріи.—Планъ кампаніи.—Движеніе Солтыкова.—Переписка его съ конференціею.—Отступленіе Солтыкова и болѣзнь его.—Онъ сдаетъ главное начальство надъ арміею Фермору. — Занятіе Берлина Русскими и оставленіе его ими. — Вторая неудача подъ Кольбергомъ. — Пріѣздъ къ арміи новаго главнокомандующаго, графа Бутурлина.—Отступленіе его къ Вислѣ на зиму.— Переговоры съ Австріею на счетъ вознагражденія Россіи за войну. — Отношенія къ Даніи.—Смерть Мих. Петр. Бестужева Рюмина.—Смѣна Лопиталя въ Петербургѣ Бретейлемъ.—Сношенія съ Англіею о вознагражденіи Россіи за войну. — Отозваніе Панина изъ Стокгольма. — Назначеніе на его мѣсто графа Остермана.—Сношенія съ Польшею и Турціею.—Внутреннія распоряженія.—Затруднительное положеніе финансовъ.—Лотерея. — Состояніе городовъ.—Знаменитый указъ 16 августа.—Пополненіе сената.—Новый генералъ-прокуроръ князь Шаховской.—Его столкновенія съ графомъ Петр. Ив. Шуваловымъ.—Важнѣйшія судебныя рѣшенія.—Крестьянскія возстанія.—Конференціи сената съ синодомъ объ управленіи церковными имѣніями.—Событія въ Тобольскѣ и Иркутскѣ.—Столкновеніе сената съ конференціею.

Новый годъ былъ начатъ воспоминаніемъ побѣдъ прошлаго года, побѣдъ, какихъ не было съ славныхъ временъ Петра Великаго, и потому имѣлось право сопоставить время отца съ временемъ дочери. Въ Петербургѣ сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ: представлено жестокое сраженіе при Франкфуртѣ и одержанная Россіянами преславная побѣда. Надъ мѣстомъ ужаснаго сраженія видно было раскаленное солнце съ именемъ Великія Елисаветы, а по сторонамъ два великолѣпныя зданія, знаменующія двѣ великія побѣды. Потомъ представлена на воз-

духѣ Слава, внизъ подающая Вѣчности, сидящей на древнемъ камнѣ и описывающей дѣла ея величества, два лавровые вѣнца, означающіе двѣ побѣды, Пальцигскую и Франкфуртскую. Затѣмъ представленъ былъ великолѣпный храмъ славы Петра Великаго, какъ основателя нынѣшняго Россіи благополучія; сквозь двери, во внутренности храма видно была поясное изображеніе величайшаго монарха, Петра Великаго [176].

Но преславныя побѣды Петра Великаго повели къ преславному миру, и главная забота дочери состояла въ томъ, чтобы хотя нѣсколько сравняться съ отцомъ въ этомъ отношеніи. Честный для Россіи и ея союзниковъ миръ могъ быть заключенъ только при совершенномъ сокрушеніи силъ прусскаго короля, и Елисавета сказала Эстергази: «Я не скоро рѣшаюсь на чтонибудь, но если я уже разъ рѣшилась, то не измѣню моего рѣшенія. Я буду вмѣстѣ съ союзниками продолжать войну, еслибы даже я принуждена была продать половину моихъ платьевъ и брилліантовъ».

3 января послано было главнокомандующему графу Солтыкову приказаніе пріѣхать на малое время въ Петербургъ, а войско сдать въ команду графу Фермору. Призывъ этотъ послѣдовалъ вслѣдствіе донесенія Солтыкова, что онъ не знаетъ, въ какую сторону двинется армія въ будущую кампанію и потому удерживается отъ посылки отрядовъ для нанесенія вреда непріятелю: если армія двинется вправо, т.-е. въ Померанію, то можно посылкою отрядовъ оголодить эту еще не тронутую страну; если же посылать отряды влѣво, то эта сторона и такъ уже совсѣмъ истощена. Еще до отъѣзда Солтыкова въ Петербургъ, явился въ армію артиллерійскій генералъ-поручикъ Глѣбовъ для того, чтобъ въ присутствіи фельдмаршала, всего генералитета, офицеровъ и даже солдатъ, хотя по небольшему числу съ роты, сдѣлать обстоятельное сравненіе новой артиллеріи съ старою и тѣмъ рѣшить всѣ сомнѣнія. Увѣдомляя о своихъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ для производства этого сравненія, Солтыковъ писалъ: «Такъ какъ я принялъ въ разсужденіе тѣ худыя слѣдствія, каковыя отъ пересказовъ присутствовавшаго при томъ солдатства легко произойти могутъ, вмѣсто того, что ихъ въ безмолвномъ послушаніи приказываемому содержать, а отнюдь повода и случая къ разсужденіямъ о подобныхъ дѣлахъ имъ не

подавать: то для сего во всенижайшемъ упованіи всевысочайшей апробаціи, смѣлость я принялъ командированіе къ свидѣтельству артиллеріи рядовыхъ солдатъ отмѣнить». Но всевысочайшей апробаціи не послѣдовало; въ отвѣтномъ рескриптѣ Солтыковъ прочелъ: «Мы сіе для того за нужно почитали, чтобъ тѣмъ скорѣе и точно о сильномъ преимуществѣ новой артиллеріи предъ старою рядовыхъ увѣрить; и нынѣ въ семъ намѣреніи, а паче уважая, что сколь ни вѣрно было помянутое свидѣтельство, и сколь ни доказано тѣмъ преимущество новой артиллеріи, можетъ быть не произведетъ той пользы какая желательна, дабы вкоренившееся сумнѣніе о новой артиллеріи въ арміи, а особливо въ рядовыхъ солдатахъ уничтожить, если имъ ясно и навсегда преимущество оной доказываемо и толковано не будетъ ихъ командирами, вамъ чрезъ сіе повелѣваемъ всему армейскому генералитету наставленіе подать, дабы тѣ штабъ-и оберъ-офицерамъ, и офицеры рядовымъ при всѣхъ случаяхъ толковать и внушать старались, для вкорененія въ нихъ большей на новую артиллерію надежды, и что оная дѣйствительно въ ихъ собственную пользу и по своему дѣйствію конечно превосходнѣе и сильнѣе непріятельской, подъ опасеніемъ за неисполненіе имъ строгаго взысканія».

Свидѣтельство артиллеріи началось въ Маріенвердерѣ 28 января и продолжалось 29, 30 и 31 чиселъ, послѣ чего отправленъ былъ въ Петербургъ подробный журналъ, подписанный всѣми присутствовавшими генералами, съ приложеніемъ такого общаго вывода: «Хотя новоизобрѣтенная артиллерія предъ старою натурально преимущества имѣла, когда трехфунтовая пушка съ двѣнадцатифунтовымъ единорогомъ, да потому жъ и прочія орудія сравниваемы были: но какъ между тѣмъ искусство (опытъ) минувшихъ кампаній доказало, что какъ одна, такъ и другая артиллерія въ своемъ родѣ нужна и полезна, слѣдовательно и впредь съ успѣхомъ употреблаема быть можетъ, то въ семъ разсужденіи, равно какъ и по долговременной привычкѣ къ прежней артиллеріи не только артиллерійскихъ нижнихъ служителей, но въ случаѣ нужды и солдатъ, нижеподписавшіеся за полезно находятъ содержать при арміи какъ прежнія пушки и мортиры, такъ и новоизобрѣтенныя орудія».

Немедленно послѣ свидѣтельства артиллеріи Солтыковъ отпра-

вился въ Петербургъ, гдѣ 7 марта подалъ свое мнѣніе о планѣ будущей кампаніи. По этому мнѣнію, слава русскаго оружія пріобрѣтена и утверждена побѣдами надъ такимъ непріятелемъ, который побѣждалъ всѣ другія арміи кромѣ русской; эту славу надобно сохранять и потому не должно вступать въ генеральную битву съ этимъ отчаяннымъ непріятелемъ, развѣ имѣя на своей сторонѣ гораздо превосходнѣйшія силы. Русская армія можетъ выступить въ кампанію имѣя не болѣе 60,000 человѣкъ пѣхоты и регулярной кавалеріи; а такое войско не очень превосходитъ силы, которыя непріятель можетъ употребить противъ русской арміи, если будетъ допущенъ къ тому союзниками. Такъ какъ непріятель, находясь въ собственныхъ земляхъ, имѣетъ болѣе способовъ скрывать свои движенія, а быстрота движеній короля прусскаго всѣмъ довольно извѣстна, то необходима большая предосторожность, чтобъ онъ не могъ тайкомъ съ превосходными силами приблизиться къ нашей арміи такъ, что безъ предосужденія нельзя будетъ уклониться отъ генеральнаго сраженія. Поэтому считается за полезнѣйшее до приведенія прусской арміи союзниками въ большее изнеможеніе, не только не переправляться черезъ рѣку Одеръ, не только не предпринимать осады лежащихъ на ней крѣпостей, но даже и не приближаться къ этой рѣкѣ безъ великой предосторожности, а слѣдуя австрійскому примѣру, стараться приводить непріятеля въ изнеможеніе болѣе стѣсненіями, чѣмъ побѣдами, отъ которыхъ собственныя силы чувствительно убавляются.

На этомъ основаніи планъ будущей кампаніи можно было, по мнѣнію Солтыкова, начертать такимъ образомъ: 1) овладѣть всею Помераніею до крѣпостей по рѣкѣ Одеру и принять мѣры такъ въ ней утвердиться, чтобъ можно было остаться въ ней зимовать. 2) Занять въ самомъ началѣ кампаніи Данцигъ, какъ для собственной безопасности, такъ и для отнятія у непріятеля выгодъ, ибо онъ получаетъ изъ Данцига хлѣбъ, вербуетъ тамъ людей, покупаетъ лошадей и получаетъ хорошую монету для передѣлки въ свою. 3) По занятіи Данцига идти внутрь Помераніи до рѣки Праги, устроить тутъ укрѣпленный лагерь, и отправить корпусъ для осады Кольберга, прикрывая осаду главною арміею. 4) Можно надѣяться, что во время осады Кольберга союзники что-нибудь да сдѣлаютъ надъ непріятелемъ, что откроетъ

лучшій способъ въ продолженіи военныхъ дѣйствій; но если даже они ничего значительнаго не сдѣлаютъ, то, взявши Кольбергъ, снабдя его небольшимъ гарнизономъ, устроивъ магазины и оставя позади себя всѣ большія тягости, двинуться къ рѣкѣ Одеру, показывая непріятелю видъ, что намѣрены перейти рѣку Одеръ и овладѣть Берлиномъ. 5) Этимъ движеніемъ непріятель будетъ принужденъ отдѣлить значительныя силы для отвращенія грозящей ему опасности, чѣмъ должны воспользоваться союзники и напасть на него съ превосходными силами. 6) Если союзники разобьютъ непріятеля, то русское войско приступитъ къ осадѣ какой-нибудь крѣпости на Одерѣ. 7) Но еслибы русскому войску и не удалось овладѣть какою-нибудь крѣпостію на Одерѣ, то занятіемъ всей Помераніи сохранится слава оружія, сохранится армія и получится болѣе надежды на миръ, ибо непріятель потеряетъ значительную часть своихъ владѣній.

Но этотъ планъ не былъ принятъ. 30 апрѣля императрица подписала другой планъ кампаніи, въ предисловіи къ которому говорилось: «Еслибъ нынѣшнюю войну съ королемъ прусскимъ производили мы одни, или еслибы дѣло состояло только въ томъ, чтобъ удержать за нами Пруссію въ тѣхъ границахъ, въ какихъ мы ею теперь владѣемъ, или еслибы намъ надобно было вести оборонительную войну, то не было бы почти нужды много заботиться о планахъ операцій; достаточно было бы только содержать армію въ хорошемъ состояніи, быть въ готовности на всякій случай, и предпринимать только то, на что укажутъ сами обстоятельства. Но такъ какъ мы ведемъ войну вмѣстѣ съ императрицею-королевою и дѣло идетъ не о томъ только, чтобъ удерживать въ нашемъ владѣніи Пруссію, но о томъ, чтобъ исполнить наши обязательства, возстановить короля польскаго въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ, сократить силы короля прусскаго, исполнить то, что мы многократно обѣщали торжественными объявленіями и не показать меньшаго усердія тогда, когда война приходитъ къ концу и когда мы должны ожидать плодовъ войны по мѣрѣ нашего содѣйствія, когда должны ожидать признательности союзниковъ и всей Европы за доставляемую ей тишину и безопасность сокращеніемъ силъ короля прусскаго, то нельзя иначе начертать планъ военныхъ дѣйствій нынѣшняго года какъ съ согласія императрицы-королевы, тѣмъ болѣе, что

какія бы многочисленныя силы вѣнскій дворъ ни собралъ противъ короля прусскаго, все же ихъ не будетъ достаточно, чтобъ положить конецъ войнѣ по желанію; также надобно признаться, что какъ бы ни были славны успѣхи нашего оружія, нельзя пользоваться его успѣхами безъ содѣйствія австрійскихъ силъ. Послѣдняя, для нашего оружія и для вашего имени столь славная кампанія больше всего доказываетъ эту истину. Самое рѣшительное франкфуртское сраженіе, гдѣ король прусскій считалъ все потеряннымъ, конца войнѣ не положила, когда наша армія за отдаленностію мѣстъ не могла воспользоваться своимъ успѣхомъ, а графъ Даунъ подкрѣплять и снабжать ее по надобности не хотѣлъ или не могъ, о чемъ однако здѣсь распространяться не хотимъ, чтобъ не вспоминать всего того, что было въ этомъ дѣлѣ непріятнаго.

«Поэтому между нами и императрицею-королевою уже составленъ планъ общихъ дѣйствій нынѣшняго года, и состоитъ въ слѣдующемъ: 1) императрица-королева сверхъ собранной въ Саксоніи арміи, соберетъ еще другую въ Лузаціи и будетъ стараться прогнать оттуда непріятельскія войска. 2) Наша армія должна двинуться къ рѣкѣ Одеру между Франкфуртомъ и Глогау. Конечно планъ этотъ несогласенъ съ вашимъ; но кромѣ того, что вамъ не были извѣстны настоящія намѣренія вѣнскаго двора, ваше собственное мнѣніе очень легко можетъ быть соглашено съ новымъ планомъ, если будутъ больше объяснены главныя основанія. Вы разсуждали какъ искусный генералъ, пекущійся о сохраненіи арміи и пріобрѣтенной уже славы и притомъ имѣли передъ глазами только прошедшіе примѣры. Мы, напротивъ того, принуждены брать въ уваженіе, сколько съ начала усиленія короля прусскаго истощено наше государство рекрутскими поборами, умноженіемъ арміи и всегдашнимъ содержаніемъ великихъ силъ на лифляндскихъ границахъ въ готовности къ тому, чтобъ удерживать короля прусскаго отъ вредныхъ его предпріятій; сколько разъ имперія наша находилась въ крайней опасности, еслибы Оттоманская Порта вознамѣрилась объявить намъ войну и мы были бы принуждены обороняться противъ нея и въ тоже время опасаться со стороны Пруссіи. Необходимость заставляла насъ рано или поздно самимъ начать эту войну, еслибы даже король прусскій не началъ ее, ибо этотъ прежде

отъ всѣхъ своихъ сосѣдей зависѣвшій государь захотѣлъ наконецъ всѣ дворы привесть въ зависимость отъ себя; онъ всего отъ всѣхъ требовалъ, а самъ никого ни въ чемъ не хотѣлъ удовольствовать, и начатіемъ настоящей войны показалъ, что не позволитъ, чтобъ вѣнскій дворъ сдѣлалъ малѣйшее движеніе въ собственныхъ земляхъ своихъ. Если король прусскій въ нынѣшнюю войну ослабленъ не будетъ, то значеніе его несравненно болѣе увеличится, ибо свѣтъ увидитъ, что онъ непобѣдимъ; а наше и союзниковъ нашихъ вліяніе много пострадаетъ, ибо мы и тогда ничего сдѣлать не могли, когда само Провидѣніе такъ устраивало всѣ обстоятельства, чтобъ дать намъ торжество. Въ такомъ случаѣ имперія наша еслибъ и не подверглась большей, чѣмъ вѣнскій дворъ, опасности, однако гораздо болѣе была бы исключена изъ участія въ европейскихъ дѣлахъ, ибо король прусскій, стоя на дорогѣ, пресѣкалъ бы навсегда намъ сообщеніе съ вѣнскимъ дворомъ, и мы оставались бы окружены или непріятелями, или ненадежными сосѣдями. Долговременное содержаніе въ готовности значительныхъ силъ на лифляндскихъ границахъ конечно больше стоило нашему государству, нежели самая нынѣшняя война, а потому дальнѣйшее продолженіе войны станетъ несравненно дороже, чѣмъ окончаніе ея въ одну кампанію, какъ бы дорого эта кампанія ни обошлась.

«Мы были всегда того мнѣнія, что не слѣдуетъ отваживаться на безвременное и ненадежное сраженіе: но прошлогодніе примѣры научаютъ насъ, что теперь тѣмъ менѣе надобно опасаться генеральныхъ сраженій, чѣмъ кровопролитнѣе и отчаяннѣе они тогда были. Тогда король прусскій имѣлъ совершенно другое понятіе о нашихъ войскахъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобъ они могли стоять противъ прусскихъ, потому что или давно въ настоящей войнѣ не были, или воевали больше съ необученными народами, тѣмъ болѣе, что австрійскія войска, бывшія въ постоянной войнѣ и часто побѣдителями, очень рѣдко однако стояли противъ прусскихъ. Поэтому при началѣ войны онъ не сомнѣвался, чтобъ одной левальдовой арміи не было достаточно для сокрушенія всѣхъ нашихъ силъ. Какъ скоро егерсдорфское сраженіе ему не удалось, то онъ принялъ другія мѣры, Пруссію покинулъ, и когда въ 1758 году армія наша вступила въ Померанію, покорила большую часть ея и обратила въ

пепелъ Кюстринъ, то таже левальдова армія, подъ начальствомъ графа Дона, уже не смѣла въ близости показаться. Всегда съ огорченіемъ вспоминаемое цорндорфское сраженіе внушило ему другую идею о нашей арміи. Онъ основательно по ней заключилъ, что армія наша допускаетъ такъ на себя напасть, какъ непріятелю хочется, что есть множество способовъ причинить ей крайній вредъ, но трудно или невозможно одержать совершенную побѣду: такъ велика храбрость и разбитыхъ солдатъ; но тутъ же онъ могъ убѣдиться, что стоитъ только поставить противъ нашей арміи небольшой корпусъ и она не тронется съ мѣста, пока время года не принудитъ къ отступленію. Поэтому-то прошлаго года король прусскій рѣшился донову или веделеву армію выслать къ Познани, вовсе не считая ее достаточно сильною чтобъ побѣдить нашу или остановить тамъ, но будучи увѣренъ, что наша армія въ виду его не тронется, тѣмъ менѣе нападетъ на его армію и понапрасну, безславно простоитъ всю кампанію около Познани. Такъ бы и случилось, еслибъ вы не ускорили пріѣздомъ своимъ туда и не приняли благоразумнаго и мужественнаго намѣренія идти прямо въ непріятельскія земли.

«Теперь надобно, чтобъ король прусскій получилъ о нашей арміи совершенно новое понятіе. Оставалось ему успокоить себя, что при Пальцигѣ было не генеральное сраженіе: довольно одной франкфуртской битвы для увѣренія его и всего свѣта, что наша армія и тогда еще не побѣждена, когда получены надъ нею всѣ выгоды. Дѣйствительно, какая армія не пришла бы въ смятеніе и не обратилась въ бѣгство, когда и во флангъ взята, и знатная ея часть сбита, артиллеріи много потеряно, а наибольшая часть ея находится въ бездѣйствіи. При Франкфуртѣ вы доказали, что твердость и здравый разсудокъ повелѣвающаго и послушаніе солдатства одерживаютъ совершеннѣйшія побѣды и тогда, когда нельзя ожидать ничего кромѣ гибели. Послѣ Цорндорфа и Франкфурта король прусскій убѣдился, что нападать на нашу армію безполезно, тѣмъ болѣе, что она сама никогда не нападетъ на его армію, слѣдовательно предупреждать нападеніе нѣтъ надобности: при наступленіи осени русская армія возвратится на рѣку Вислу, какую бы побѣду ни одержала: зачѣмъ же отваживаться на битву съ нею? Вѣрьте намъ, что непріятельская смѣлость происходитъ наиболѣе отъ того, что

онъ никакъ не ожидаетъ нападенія, и что онъ такъ назойливо и нахально никогда не приблизился бы къ нашей арміи, еслибы хотя однажды какой-нибудь его корпусъ подвергся нападенію. По нашему мнѣнію теперь меньше, чѣмъ когда-либо надобно ожидать такихъ сраженій, какихъ нельзя было бы избѣжать.

«Великая еще теперь сравнительно съ прежними кампаніями разность состоитъ въ томъ, что тогда армія наша ходила все по такимъ мѣстамъ, которыя ей совсѣмъ были незнакомы. Теперь для похода нельзя сыскать такого мѣста, о которомъ бы не было полнаго свѣдѣнія. Прошлаго лѣта оставалось нѣкоторое опасеніе, не произвела ли цорндорфская битва дурного впечатлѣнія на солдатъ. Но когда одинъ указъ нашъ и ваше прибытіе столько подѣйствовало, что солдатство уразумѣло, какъ бѣдственны ему были его ослушаніе и пьянство, то не больше ли несравненно чувствуетъ она теперь нужду въ слѣпомъ повиновеніи, когда уже видѣли двѣ великія побѣды, одержанныя повиновеніемъ и твердостію? Кавалерія теперь гораздо многочисленнѣе, чѣмъ была прежде и, по собственному вашему объявленію, никогда не была въ такомъ хорошемъ состояніи. Однимъ словомъ мы увѣрены, что теперь вся армія съ крайнею нетерпѣливостію ожидаетъ вашего прибытія и начатія кампаніи, чтобъ подъ вашимъ предводительствомъ показать новыя отечеству услуги и пріобрѣтенную уже славу увѣнчать возстановленіемъ желаннаго мира, и что каждый съ нами почти завидовать сталъ бы, еслибы и согласно желанію нашему, графъ Даунъ прежде васъ или безъ вашего содѣйствія сдѣлалъ что-нибудь важное и рѣшительное.

«Представленное вами мнѣніе очень основательно и планъ расположенъ по воинскимъ правиламъ. Мы жалѣемъ, что кампанію 1758 года мы не тѣмъ велѣли начать, а графъ Ферморъ не тѣмъ окончилъ и не только ни мало не старался уклониться отъ напрасной и принужденной битвы, но самъ еще шелъ почти ей на встрѣчу. Тогда война почти только что начиналась, а потому надобно было на всякій случай приготовить себѣ отступленіе. Но теперь обстоятельства совершенно другія. Пускай сверхъ нашего желанія и ожиданія случится, что и еще надобно будетъ давать одну кампанію, и она будетъ сдѣлана; пускай надобно принимать къ тому свои мѣры: но ничто на свѣтѣ на-

шимъ интересамъ и общему дѣлу такъ не можетъ вредить, какъ увѣренность, что нынѣшнею кампаніею война еще не кончится, почему и нужно дѣлать приготовленіе еще на будущую кампанію. Война уже дѣйствительно приходитъ къ концу; Англія и Пруссія сдѣлали формальное предложеніе о конгрессѣ, и мы и союзники наши не могли съ приличіемъ отъ него уклониться. Будетъ ли на конгрессѣ между союзниками такое же согласіе, какое до сихъ поръ было—предвидѣть нельзя; но видно то, что въ случаѣ скораго ослабленія силъ короля прусскаго энергическими дѣйствіями нашего и австрійскаго войска можно удержать при нашей сторонѣ и прочихъ союзниковъ, тогда какъ если мы станемъ въ нынѣшнюю кампанію дѣйствовать не такъ ревностно, медленно, то нѣтъ сомнѣнія, что истощенные уже союзники наши будутъ одинъ за другимъ отставать отъ насъ, каждый станетъ искать отдѣльнаго мира, будутъ входить въ обязательства съ королемъ прусскимъ и, что всего хуже, за такую сильную нашу помощь, вмѣсто благодарности, можетъ быть еще станутъ насъ упрекать, что мы, дѣйствуя нерѣшительно или медленно, сами искали отдѣльнаго мира и хотѣли ихъ покинуть. Шведы тѣмъ только и крѣпятся, что королю прусскому объ нихъ думать некогда. Французскій дворъ прямо открылъ свое изнеможеніе, и если мы и императрица-королева не сдѣлаемъ чего-нибудь важнаго прежде начатія мирныхъ переговоровъ, то надобно опасаться, что онъ тотчасъ согласится на самыя невыгодныя условія. Императрица-королева конечно рада продолжать войну до послѣдняго истощенія, чтобъ возвратить Силезію; но изнеможеніе ея уже такъ велико, что развѣ только въ великихъ успѣхахъ нынѣшней кампаніи и въ несумнѣнной потому надеждѣ, что слѣдующая кампанія будетъ окончательная, найдетъ она новыя средства. Иначе, если мы станемъ дѣйствовать нерѣшительно, а другіе и совсѣмъ начнутъ отставать, то нельзя будетъ ее упрекать, если она возвращеніе Силезіи отложитъ до другого времени, или и совершенно оставитъ мысль о немъ. Однимъ словомъ, теперь одно изъ двухъ: или дѣйствовать въ нынѣшнюю кампанію со всею силою и ожидать честнаго мира, или уже лучше и короче, не входя въ новые убытки, принять такой миръ, какой непріятель дозволитъ. Но вы знаете, какъ далеки мы отъ такого малодушія; мы уже сожалѣемъ, что о томъ упомянули

кстати. Да и никакой нужды нѣтъ воображать, что война будетъ долговременна. Нѣтъ никакого препятствія, сомнѣнія и опасенія къ походу нашего войска къ рѣкѣ Одеру между Франфуртомъ и Глогау; а когда армія наша благополучно на рѣку Одеръ придетъ и двѣ австрійскія будутъ находиться по близости, имѣя съ вами сообщеніе, то, чтобъ положить войнѣ конецъ, ничего больше не надобно, кромѣ согласія командующихъ, принятія скорыхъ и полезныхъ рѣшеній и ревностнаго старанія объ ихъ исполненіи».

Съ этимъ рѣшеніемъ Солтыковъ и отправился назадъ къ арміи въ Маріенбургъ, куда пріѣхалъ только 31 мая. Съ іюня въ вѣдомостяхъ начали появляться извѣстія о незначительныхъ успѣхахъ легкихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ генералъ-майора Тотлебена; потомъ появилось извѣстіе о побѣдѣ австрійскаго генерала Лаудона въ Силезіи надъ прусскимъ генераломъ Фукэ, при чемъ весь непріятельскій корпусъ частію былъ истребленъ, частію попалъ въ плѣнъ. Наконецъ прочтено было въ вѣдомостяхъ извѣстіе, что 13 іюня фельдмаршалъ Солтыковъ выступилъ изъ Маріенбурга, и 24 пріѣхалъ въ Познань. Пятнадцатитысячный отрядъ войска былъ отправленъ для вторичной осады Кольберга. Сначала Солтыковъ получалъ ободрительные рескрипты; но 15 іюля пошелъ къ нему такой рескриптъ: «Мы хотѣли было пространно отвѣчать на ваши реляціи (отъ 27 іюня изъ Познани); но такъ какъ содержаніе этихъ реляцій крайне смѣшано, одна другую совсѣмъ опровергаетъ, и нѣтъ способа распознать, на которую больше надобно полагаться, ибо кромѣ того, что всѣ эти разницы отъ одного числа писаны, въ самыхъ послѣднихъ вы утверждаетесь на такихъ извѣстіяхъ, которыя по большей части или и совершенно миновались: поэтому, чтобъ не войти съ вами въ какое противорѣчіе и чтобъ не привесть васъ въ смятеніе какими-либо точными предписаніями на такіе неподлинные и неясные случаи, мы сочли за лучшее сослаться на послѣдній нашъ рескриптъ, въ которомъ вамъ точно предписано предпринимать и приводить въ дѣйствіе все то, что общему дѣлу полезно и можетъ служить къ рѣшительному окончанію нынѣшней войны, и напротивъ того не вдавать нашу армію въ напрасную и видимую опасность. При этомъ замѣтимъ, что нѣтъ никакой надобности въ

большомъ числѣ и пространствѣ вашихъ реляцій; для нашего удовольствія и спокойствія надобно вамъ стараться о томъ, чтобъ отправлять къ намъ какъ можно чаще порядочныя реляціи, наблюдая въ сочиненіи ихъ такой порядокъ: 1) коротко показать состояніе дѣлъ и арміи; 2) какія потомъ произошли перемѣны; 3) какъ теперь дѣла и арміи остаются; 4) что вы поэтому намѣрены предпринимать или куда хотите направить походъ. Сожалительно и непонятно намъ видѣть такое въ наличныхъ деньгахъ оскудѣніе, что офицеры за неполученіемъ жалованья питаются однимъ провіантомъ съ солдатами, ибо изъ приложеннаго рапорта оберъ-кригскоммиссара вы усмотрите, что по 30 мая на жалованье переведено 758,000 рублей и еще отправляется; думаемъ, что и отправленныя изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 350,000 рублей къ вамъ уже довезены, и скоро и еще значительная сумма отправится. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ пріятныхъ доношеній, не сомнѣваясь, что вы будете смотрѣть не на мелочи, а на главное дѣло и поревнуете умножить славу свою и нашего оружія, во время послѣдней кампаніи пріобрѣтенную».

Въ іюлѣ въ Петербургѣ сильно встревожились письмомъ генерала Шпрингера, находившагося съ русской стороны при австрійской арміи, и 18 числа посланъ былъ Солтыкову рескриптъ: «Къ удивленію нашему мы никакого отъ васъ извѣстія не имѣемъ, а генералъ-маіоръ Шпрингеръ доноситъ отъ 6 числа, что король прусскій и графъ Даунъ находятся теперь въ полномъ движеніи въ Нижней Лузаціи, что король прусскій старается соединиться съ арміею брата своего, принца Генриха, а графъ Даунъ прилагаетъ всѣ силы воспрепятствовать этому намѣренію и сохранить сообщеніе со всѣми своими корпусами. Мы спѣшимъ отправить къ вамъ курьера не потому, чтобъ опасались за нашу армію, но чтобъ нынѣшняя кампанія не сдѣлалась не только такою же нерѣшительною, какъ послѣдняя, но и менѣе славною для нашего оружія. Отъ настоящаго критическаго обстоятельства зависитъ теперь и пагубное продолженіе войны и благополучное ея окончаніе, ибо если прусскому королю удастся соединиться съ принцомъ Генрихомъ, то надобно опасаться, чтобъ онъ соединенными силами не побилъ графа Дауна, или, если принимать въ соображеніе великую осторожность послѣд-

няго, не привелъ его въ такое же бѣдствіе, въ какомъ находился онъ до сихъ поръ, и это почти также вредно, какъ и потеря сраженія, ибо если лѣтомъ ничего существеннаго сдѣлано не будетъ, то въ поздніе мѣсяцы уже ничѣмъ нельзя будетъ этого вознаградить. Прямое и надежнѣйшее средство къ отвращенію зла состоитъ въ томъ, чтобъ генералъ Лаудонъ предпринялъ что-нибудь важное въ Силезіи, и вы ускорили походомъ на Бреславль. Опасности тутъ не видимъ мы никакой, потому что не только Лаудонъ у васъ впереди и пресѣкаетъ путь принцу Генриху, но и всѣ австрійскія силы приблизились теперь къ Силезіи; а польза изъ того неописанная. Король прусскій найдется въ необходимости себя раздѣлить, а вы, будучи прямою тому причиною, получите право управлять всѣми операціями нынѣшней кампаніи. Но пусть даже и послѣдуетъ соединеніе короля съ принцемъ Генрихомъ, пусть даже графъ Даунъ будетъ побитъ— такъ какъ вы находились бы у него далеко за спиной и въ близости отъ Польши, то въ такомъ неожиданномъ случаѣ по крайней мѣрѣ отступленіе ваше не подверглось бы опасности или затрудненію».

По отправленіи этого рескрипта, получена отъ Солтыкова депеша отъ 6 іюля: «Я, писалъ фельдмаршалъ, отнюдь такого мнѣнія не есть и не буду, чтобъ въ разсужденіи того, что Австрійцы въ минувшую кампанію не много сдѣлали, съ арміею вашего импер. величества нынѣ ничего не дѣлать, паче же за рабскую мою должность всегда поставлялъ, несмотря ни на какую въ томъ разность, всевысочайшее соизволеніе и повелѣніе точнѣйше и сколько возможно исполнять, а особливо нынѣ по дарованному отъ Всевышняго австрійскому оружію въ началѣ кампаніи столь знатному успѣху (истребленіе корпуса Фукэ), крайнее стараніе прилагаю походомъ отсюда ускорить. Впрочемъ всенижайше донесть долженствую, что уже сюда прибывшія войска находятся, а особливо кавалерія, людьми и лошадьми въ наилучшемъ и, можно смѣло сказать, въ такомъ состояніи, въ какомъ еще никогда не бывали. Сейчасъ получилъ я отъ цесарскаго генерала барона Лаудона письмо съ росписью корпуса принца Генриха, изъ котораго усмотрѣть изволите, что онъ теперь съ своимъ корпусомъ находится вблизости города Лигница, что къ Бреславлю въ два или одинъ форсированный маршъ

придти можетъ, и что наконецъ требуетъ, чтобъ впередъ корпусъ войскъ вашего императ. величества къ Бреславлю для занятія онаго и завладѣнія тамошними магазинами шелъ. Я ему немедленно отвѣтствовать буду, что и я, со всею ввѣренною мнѣ арміею, по прибытіи сюда остальной третьей дивизіи, и коль скоро только нѣкоторыми распоряженіями и пересушеніемъ сухарей исправиться можно, чрезъ нѣсколько дней прямо къ Бреславлю въ походъ вступлю и онымъ ускорять буду». Отъ 10 іюля Солтыковъ писалъ: «Хотя я въ повелѣнный походъ прямымъ путемъ тотчасъ вступить и онымъ ускорять не премину (дабы наградить то время, которое къ крайнему моему сожалѣнію упущено): но при томъ въ необходимости нахожусь представить, что за расходомъ на заготовленіе провіанта и за отпускомъ въ полки на удовольствованіе солдатства нѣкоторою малою частію ихъ жалованья, бывшихъ при арміи во всѣхъ департаментахъ небольшаго числа денегъ, оныхъ теперь нигдѣ почти уже ничего на лицо нѣтъ, да и изъ ассигнованныхъ сюда жь провіантскихъ, коммиссаріатскихъ и другихъ суммъ ничего еще не привезено и гдѣ они теперь находятся рапортовъ не имѣю, а напротивъ того отъ неполученія солдатствомъ заслуженнаго жалованья, сверхъ ихъ умножающагося негодованія, начинаютъ они и дезертировать: въ минувшую недѣлю отъ всей арміи около пятидесяти, да и вчерашняго числа шесть человѣкъ. Я получилъ прусскій отъ принца Генриха въ Польшѣ разсѣянный манифестъ о намѣряемомъ имъ вступленіи въ сіе королевство; а съ другой стороны извѣстія до меня доходятъ, якобы подлинно непріятель намѣренъ походомъ своимъ прямо на Вислу арміи вашего импер. величества диверсію сдѣлать и сообщеніе съ сею рѣкою пресѣчь. И хотя ни коимъ образомъ вѣрить нельзя, чтобъ непріятель, не имѣя магазиновъ, предпріялъ на Вислу идти, паче же и съ имовѣрностію думать надобно, что онъ иногда удовольствуется только на здѣшнія мѣста въ тылъ за арміею вашего величества слѣдовать и тѣмъ всякій съ Вислы подвозъ пресѣкать, а чрезъ то самое не токмо къ Силезіи не допускать, но паче и назадъ поворотить: однакожь все то при моемъ отсюда съ арміею выступленіи неминуемо наилучше объясниться имѣетъ. Но между тѣмъ полагая случай, ежелибъ по вышепомянутому непріятельскому въ тылъ за нами слѣдованію арміи вашего ве-

личества назадъ обращаться надлежало, то не имѣя еще заготовляемыхъ въ Калишѣ магазиновъ, а того меньше наличныхъ денегъ, неминуемо произошли бъ для арміи вашего величества крайнія неудобства, столь наипаче, что на кредитъ здѣсь въ землѣ ничего получить надежды не остается. А буде бъ, напротивъ того, непріятель, по прошлогоднему примѣру, въ параллель съ нами къ Силезіи пошелъ, то я сего желаемаго случая отнюдь не пропущу всячески искать его атаковать и разбить, столь наипаче, что нынѣшнимъ обращеніемъ короля прусскаго въ Саксоніи много къ тому и способствовать можетъ, ибо съ разныхъ сторонъ здѣсь до меня извѣстія дошли, что онъ опять къ Дрездену поворотился, слѣдовательно тѣмъ, буде сіе правда, вмѣсто соединенія съ принцемъ Генрихомъ, между двухъ огней себя заводитъ».

Этому донесенію сильно обрадовались въ Царскомъ Селѣ, и 22 іюля отправленъ былъ Солтыкову рескриптъ: «Мы съ крайнимъ удовольствіемъ и благоволеніемъ усмотрѣли, что мнѣнія ваши въ разсужденіи короля и принца Генриха съ нашими согласно встрѣчаются; что по мѣрѣ приближенія вашего къ непріятельскимъ землямъ и къ непріятелю обновляется и возрастаетъ надежда ваша и упованіе побѣдить непріятеля, умножить лавры ваши новыми и оружіе наше увѣнчать новою славою. Не меньше того пріятно намъ видѣть, что армія наша какъ людьми такъ и лошадьми находится въ такомъ хорошемъ состояніи, въ какомъ едва ли когда бывала. Мы въ томъ справедливо признаемъ въ началѣ благословеніе Господне и должное за то благодареніе воздаемъ, а потомъ ваши труды и смотрѣніе. Напротивъ того весьма прискорбно намъ видѣть, что недостатокъ въ деньгахъ не только не пресѣкся еще ожиданнымъ нами подвозомъ разныхъ отсюда отправленныхъ суммъ, но и худыя слѣдствія имѣть начинаетъ. О сихъ худыхъ слѣдствіяхъ безпокойство наше не велико, потому что и усердіе нашихъ вѣрныхъ подданныхъ намъ извѣстно, и можемъ надежно полагаться на благоразуміе ваше и прочаго генералитета; но соболѣзнованіе наше и о томъ одномъ уже чрезвычайно велико, что солдатство и офицеры нужду нѣкоторое время претерпѣваютъ. Сего ради пишемъ мы съ симъ курьеромъ къ кёнигсбергскому губернатору генералу поручику Корфу, чтобъ онъ всѣ силы приложилъ находящіяся еще въ

пути суммы какъ наискорѣе къ вамъ доставить; ускоряемъ мы теперь новыми оныхъ отсюда къ вамъ отправленіями и уполномочиваемъ васъ негоцировать оныя у банкировъ Ріокура или Цимана или гдѣ къ тому способъ найдете, позволяя вамъ и на такія кондиціи въ случаѣ нужды поступить, кои и не весьма для нашей казны выгодны быть могли бъ, только не далѣе 300,000 рублевъ, а по крайней мѣрѣ полумилліона, ибо благосостояніе и безнадежное продовольствованіе нашей арміи предпочитаемъ мы всему другому».

Въ томъ же тонѣ былъ отправленъ рескриптъ и 26 іюля: «Мы изъ реляцій вашихъ съ великимъ удовольствіемъ усмотрѣли, что армія наша отъ Познани въ дальнѣйшій походъ выступать начала, а походъ учрежденъ такъ хорошо, благоразумно и съ военнымъ искусствомъ сходно, что можетъ быть и ускоренъ, и въ фуражѣ опасаться недостатка нельзя, и соединеніе на случай непріятельскаго приближенія произойдетъ скоро. Великую также радость доставляетъ намъ намѣреніе ваше атаковать принца Генриха, еслибъ онъ захотѣлъ препятствовать вашему движенію». Армія дѣйствительно 15 іюля выступила изъ Познани къ Бреславлю для соединенія съ австрійскимъ корпусомъ Лаудона.

Но въ августѣ дѣла перемѣнились. Солтыковъ далъ знать о своемъ отступленіи, потому что Фридрихъ II быстро возвратился въ Силезію и успѣлъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, возстановить безпрепятственное сообщеніе съ принцемъ Генрихомъ, и чрезъ это воспрепятствовать соединенію Лаудона съ русскимъ войскомъ; фельдмаршалъ складывалъ всю вину на австрійскаго главнокомандующаго графа Дауна, который пропустилъ Фридриха II на эту сторону Одера, вслѣдствіе чего онъ, Солтыковъ, не надѣясь получить никакой помощи отъ Австрійцевъ, не хочетъ подвергать свою армію явной опасности. Наконецъ Солтыковъ извѣщалъ о своей болѣзни. Отвѣтный рескриптъ на эти донесенія, отправленный 22 августа, обнаруживалъ сильное раздраженіе: «Все это ведетъ только къ непріятнымъ и безполезнымъ изъясненіямъ съ вѣнскимъ дворомъ; дѣло мало этимъ поправляется, а тратится только драгоцѣнное время. Что и вы начали такъ рановременно отступать и всѣ ваши намѣренія отмѣнились — и это пріятно намъ быть не можетъ, а еще меньше, что вы, испрашивая новыхъ указовъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ,

не только не представили при томъ съ своей стороны никакого разсужденія, но старались единственно только о томъ, чтобъ находить и показывать вездѣ трудности и препятствія. Мы хорошо понимаемъ, что ваше положеніе трудно; но согласитесь, что почти на всѣ могущіе быть случаи вы имѣете уже достаточныя наставленія. Однимъ словомъ, во все время нынѣшней войны, мы еще не были въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Несносно уже и то одно, что кампанія, такъ благополучно начатая и обѣщавшая несумнѣнно желаемый конецъ войнѣ, становится безплодною; а тутъ еще присоединяются другія разсужденія. Съ вѣнскимъ дворомъ рѣшительно согласились мы на счетъ ожидаемыхъ отъ этой войны выгодъ и онъ призналъ насъ прямо воюющею противъ короля прусскаго державою. Переставъ быть помощниками и избавясь отъ тягостныхъ и безполезныхъ намъ обязательствъ, естественно мы должны были усилить дѣйствія нашего оружія для славы нашей и для достиженія нашихъ намѣреній. Надобно еще склонять Францію и другія державы; но при худыхъ успѣхахъ французскаго оружія если не показать версальскому двору и всему свѣту, что, по меньшей мѣрѣ, съ нашей стороны чистосердечно все то дѣлано, что было возможно, то всякое предложеніе о нашихъ выгодахъ будетъ не только не своевременно, но можетъ произвести при французскомъ дворѣ дурное дѣйствіе и, умножа отвращеніе отъ неудачной войны, понудить къ вредному для всего союза миру, такъ что мы и до сихъ поръ удерживались, дожидаясь, не подадите ли вы какимъ-нибудь счастливымъ событіемъ полезнаго подкрѣпленія нашей негоціаціи. Датскій дворъ уже грозитъ соединиться съ Англіею и королемъ прусскимъ, а худой успѣхъ нынѣшней кампаніи можетъ еще больше побудить его къ соединенію съ нашими врагами. Для невѣдущей всѣхъ подробностей публики можетъ показаться, будто наша армія предпринимала походъ въ Силезію только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ воспользоваться выгодами, которыя приготовятъ Австрійцы, а самой ничего не дѣлать; и какъ только король прусскій получилъ сообщеніе съ принцемъ Генрихомъ, хотя и не соединился, тотчасъ въ нашей арміи принято рѣшеніе отступать къ Польшѣ. У насъ нѣтъ намѣренія уменьшать проступки австрійскаго генералитета; а что касается графа Дауна, то мы прика-

зали принести на него почти формальную жалобу. Но отнюдь не довольно того, что происходящія отъ дурнаго хода дѣлъ нареканія можно свалить на одного графа Дауна; этимъ дѣло еще не поправляется, а надобно стараться о дѣйствительномъ его поправленіи. Мы увѣрены, что если до полученія этого нашего указа дѣла въ Силезіи получатъ хорошій видъ, то конечно вы и по прежнимъ нашимъ указамъ сами собою не оставили этимъ воспользоваться, особенно же приложили крайнее стараніе сдѣлать кампанію рѣшительною. Если по полученіи этого указа дѣла поправятся, и вы усмотрите, что безъ дальней опасности вы можете ихъ еще улучшить и сдѣлать рѣшительнѣйшими, то конечно надобно вамъ употребить для этого всѣ усилія. Если же дѣла между Австрійцами и королемъ прусскимъ останутся въ нерѣшительномъ положеніи, и если между тѣмъ Кольбергъ будетъ въ нашихъ рукахъ, то вамъ надобно помышлять о занятіи зимнихъ квартиръ въ Помераніи. Что касается похода туда изъ Силезіи, то это оставляемъ на ваше распоряженіе. Еслибы ни король, ни принцъ Генрихъ за вами не пошелъ, оба были бы задержаны австрійскими войсками, въ такомъ случаѣ надлежало бы вамъ отправить небольшой корпусъ въ подкрѣпленіе къ осаждающимъ Кольбергъ, а самимъ исподоволь туда идти; а всего лучше было бы графа Тотлебена съ легкими войсками отправить другою дорогою на Берлинъ и велѣть, чтобъ онъ возвратился къ вамъ въ Померанію черезъ Шветъ. Но если дѣла не поправятся и армія наша будетъ находиться въ опасности, то не останется ничего болѣе, какъ заботиться о ея сохраненіи».

Солтыковъ продолжалъ доносить, что боленъ. 30 августа ему посланъ былъ рескриптъ: «Содержаніе вашихъ реляцій намъ очень прискорбно. Отъ болѣзни вашей армія естественно приводится въ нѣкоторое бездѣйствіе, по меньшей мѣрѣ рѣшенія не могутъ быть такъ быстро исполняемы, какъ надобно. И это дѣлается въ такое время, когда должно ожидать рѣшенія кампаніи, когда противъ нашей арміи никакого непріятеля нѣтъ, когда ничто не препятствуетъ принимать мѣры по благоусмотрѣнію, когда малѣйшія движенія нашего войска могли бы много значить, непріятеля въ великую заботу приводить, а австрійской арміи сильную помощь доставлять. Изъ перехваченнаго соб-

ственноручнаго письма короля прусскаго, да и по числу являющихся къ вамъ дезертировъ вамъ открыто, что непріятель находится въ крайне дурныхъ обстоятельствахъ, и однако изъ отчаянія замышляетъ что-то очень важное, именно напасть со всѣми силами на графа Дауна. Вы однако, зная все это подлинно, не только не дѣлаете ничего для отвращенія или уменьшенія опасности, но даже не увѣдомили о ней графа Дауна, тогда какъ мы знаемъ, что это важное письмо короля прусскаго безо всякой нужды многимъ въ нашей арміи извѣстно. Теперь въ точности сбылось то, о чемъ мы вамъ твердили, а именно, что король прусскій не будетъ уже искать случая напасть на васъ такъ нахально, какъ прежде, но будетъ избѣгать всякаго къ тому случая, что для него гораздо важнѣе устремляться всѣми силами противъ австрійскаго войска: однако мы не видимъ, чтобъ прежнія ваши убѣжденія совершенно исчезли. Мы слышимъ стороною, что воинская дисциплина въ нашей арміи крайне ослабѣла, будто многіе, будучи совершенно здоровы, нарочно сказываются больными. Вы имѣете подъ собою такихъ генераловъ, что благодаря ихъ усердію, и въ случаѣ самаго вашего отсутствія, исполненіе нашихъ намѣреній не можетъ остановиться или замедлиться. Поэтому повелѣваемъ всѣмъ генераламъ именемъ нашимъ объявить, что если что-либо будетъ упущено, то болѣзнь ваша не послужитъ имъ въ оправданіе, а напротивъ будетъ для нихъ обвиненіемъ. Для вашей болѣзни имъ и всей арміи ослабѣвать не надобно. Преодолѣйте ваше состояніе, отважьтесь исполнить нашу волю и заставить другихъ строго исполнять ее. Мы вамъ давно уже предписывали, что на хорошее намѣреніе будемъ больше смотрѣть, чѣмъ на самую удачу, и что заслуги подчиненнаго вамъ генералитета будутъ умножать ваше достоинство предъ нами. Уполномочиваемъ васъ, что если случится предпринять что-нибудь важное и полезное, то вы можете употребить того, кто способнѣе и усерднѣе, несмотря на старшинство. Вы должны соединить съ генераломъ Лаудономъ 25 или хотя 20,000 нашего войска для прикрытія осады Глогау, которую крѣпость вы должны осадить съ остальною нашею арміею. Теперь не сбылось ни одно изъ вашихъ опасеній, король прусскій на васъ не пошелъ: такъ увѣрьте себя хоть теперь, что нѣтъ для нашей арміи никакой такой опасности, какую

вы себѣ воображаете» [177]. Указаніе на ослабленіе дисциплины въ войскѣ, встрѣчающееся въ этомъ рескриптѣ, объясняется докладомъ конференціи императрицѣ: «Ваше императ. величество изъ послѣдней реляціи генералъ-фельдмаршала графа Солтыкова усмотрѣть изволили, что онъ, получая отъ одной болѣзни свободу, не только однакожь въ крайней слабости и часъ отъ часу хуже себя находитъ, но едваль не другую еще внутреннюю болѣзнь чувствовать начинаетъ. Къ сему непріятному обстоятельству присовокупляется другое еще непріятнѣйшее, а именно, генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ къ канцлеру пишетъ, что анархическое правленіе въ арміи продолжается, что фельдмаршалъ въ такой гипохондріи, что часто плачетъ, въ дѣла не вступаетъ и нескрытно говоритъ, что намѣренъ просить увольненія отъ команды, что послабленіе въ арміи возрастаетъ и къ поправленію почти надежды нѣтъ». Конференція тутъ же представила объ отправленіи главнокомандующимъ въ армію фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина [178].

Отъ 31 августа Солтыковъ увѣдомилъ, что болѣзнь его продолжается и что онъ принужденъ сдать команду графу Фермору, при чемъ просилъ позволенія отъѣхать въ Познань. Рескриптомъ отъ 18 сентября ему дано было это позволеніе, и тутъ же сообщалось, что главнымъ командиромъ надъ арміею назначенъ фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ [179]. Къ Фермору тогда же былъ отправленъ рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Хотя бы вы на одинъ день были главнымъ командиромъ, то вамъ надобно такъ думать, какъ будто вы всегда команду имѣли, и потому ничего не откладывать. Прусскій генералъ Гольцъ изъ слабаго своего и безъ того корпуса отправилъ еще генералъ-майора Вернера къ Франкфурту. Зная о кольбергской экспедиціи, вамъ не трудно было догадаться, что это отправленіе сдѣлано для спасенія этой досадной намъ крѣпостцы; но къ крайнему сожалѣнію нашему не только не сдѣлано этому препятствіе и не взято въ разсужденіе, что слабый гольцовъ корпусъ отъ того сталъ еще слабѣе, но даже не послана легкая партія остеречь нашъ корпусъ, находящійся подъ Кольбергомъ, такъ что теперь наилучшія мѣры разрушены и возобновится оружію нашему безславіе, происшедшее въ 1758 году отъ неудавшейся осады этого гнѣзда. Такъ какъ еще есть время поправить испорченное, то

желаемъ, чтобъ генералъ Гольцъ потерпѣлъ чувствительное пораженіе, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ генералъ Вернеръ не возвратился изъ Помераніи хвастать своимъ счастіемъ, но былъ наказанъ за свое покушеніе».

Въ наказѣ новому главнокомандующему говорилось: «Порядокъ и строгая дисциплина есть душа и главная сила арміи; но вамъ извѣстно, что частію отъ продолжительной болѣзни графа Солтыкова, частію же отъ другихъ обстоятельствъ много произошло здѣсь упущенія и послабленія, такъ что армія наша не получаетъ никакого пропитанія отъ плодоносной земли, которая совершенно разорена и жители разогнаны. Кромѣ того мы съ крайнимъ огорченіемъ слышимъ, будто армейскіе обозы умножены невѣроятнымъ числомъ лошадей. Лошади эти, правда, взяты въ непріятельской землѣ; но кромѣ того, что у невинныхъ жителей не слѣдовало отнимать лошадей, лошади эти взяты не на армію, не для нашей службы, не для того чтобъ облегчать войско и возить за нимъ все нужное: онѣ возятъ только вещи частныхъ людей въ тягость арміи, къ затрудненію ея движеній, къ лишнему расходу въ людяхъ, къ ихъ изнуренію, и наконецъ своимъ множествомъ оголаживаютъ ее. Повелѣваемъ, сократив собственный вашъ обозъ сколько можно, тотчасъ всѣхъ лошадей въ арміи переписать, у кого сколько, и, оставя каждому сколько рѣшительно необходимо, всѣхъ остальныхъ взять на насъ; изъ нихъ хорошими лошадьми снабдить казенныя повозки и артиллерію, а слабыхъ отослать на кормы въ Пруссію, дабы хотя та польза была, чтобъ для будущей кампаніи отсюда лошадей не гонять или въ Польшѣ на покупку ихъ великихъ денегъ не тратить. Что касается военныхъ дѣйствій, то теперь ничего предписывать нельзя, потому что и время коротко, и вы сами на мѣстѣ все лучше видѣть и учреждать можете. Еслибъ король прусскій рѣшительно побитъ былъ Австрійцами, то мы очень желали бы, чтобъ зимнія квартиры наши заняты были близь рѣки Одера; почти равно были бы мы довольны, еслибъ это было сдѣлано въ Помераніи, а иначе, по нуждѣ, надобно возвратиться на рѣку Вислу, ибо въ Польшѣ зимовать крайне убыточно, а на рѣкѣ Вислѣ магазины уже устроены».

Между тѣмъ на военномъ совѣтѣ, который держалъ Ферморъ, было рѣшено двинутся въ Бранденбургъ и привести въ испол-

неніе указъ императрицы о занятіи легкими войсками Берлина. 12 сентября армія находилась при Королатѣ, по сю сторону Одера, а корпусъ графа Чернышева и генералъ-майоръ Тотлебенъ съ частію легкихъ войскъ по ту сторону Одера при Бейтенѣ. 15 числа армія переправилась за Одеръ. Тотлебенъ съ легкими войсками шелъ впереди, за нимъ въ недальнемъ разстояніи Чернышевъ. 22 числа главная армія была въ Губенѣ; того же самого числа въ 10 часовъ утра Тотлебенъ явился подъ Берлиномъ съ гусарами и козаками и занялъ всѣ три дороги отъ Котбуса, Кепеника и Бранденбургскихъ воротъ. Изъ послѣднихъ выѣхали прусскіе гусары, но почти всѣ были перебиты или взяты въ плѣнъ. Устроивъ между Котбусскими и Бранденбургскими воротами батарею, Тотлебенъ послалъ требовать сдачи города, и, получивъ отказъ, велѣлъ съ означенной батареи стрѣлять по королевскому замку и литейному двору; хотя эта стрѣльба и производила въ городѣ пожары, но они немедленно были потушаемы жителями, и къ ночи Русскіе перенесли свои батареи и поставили у Бранденбургскихъ воротъ. Дезертиры говорили, будто въ городѣ только три батальона пѣхоты и небольшое число конницы, да и то все набрано изъ русскихъ, саксонскихъ и французскихъ военноплѣнныхъ, которые готовы сейчасъ же положить оружіе. На основаніи этихъ извѣстій Тотлебенъ рѣшился ночью взять силою Бранденбургскія и Котбусскія ворота. Въ 10 часовъ ночи началось опять бомбардированіе, въ самую полночь гренадеры пошли на штурмъ воротъ, но были отбиты, а въ три часа пополуночи прекратилось и бомбардированіе за недостаткомъ зарядовъ.

Послѣ этого къ Берлину подошелъ на помощь принцъ Фридрихъ Виртембергскій и генералъ Гильзенъ (Hülsen), а къ Тотлебену русскіе генералы Чернышевъ и Панинъ и австрійскій графъ Леси. Начались ежечасныя сшибки, а 29 сентября Чернышевъ назначилъ на разсвѣтѣ напасть вдругъ на весь непріятельскій корпусъ, тогда какъ Тотлебенъ долженъ былъ сдѣлать приступъ къ городу. Но Гильзенъ не дождался нападенія, и ночью съ 28 на 29 число, пользуясь темнотою, вобрался въ близь лежащій лѣсъ и скрылся. Узнавши объ этомъ на разсвѣтѣ, Чернышевъ отправилъ немедленно требовать сдачи города, но его посланный встрѣтился на дорогѣ съ офицеромъ, послан-

нымъ отъ Тотлебена объявить, что городъ сдается и онъ, Тотлебенъ занимается составленіемъ условій сдачи. Условія состояли въ томъ, что всѣ военные, находившіеся въ Берлинѣ, получили свободный выходъ со всѣмъ имуществомъ; королевскій замокъ и другія публичныя зданія остались нетронутыми; Берлинъ долженъ былъ заплатить полтора милліона талеровъ контрибуціи и 200.000 талеровъ на войско. Два дня (29 и 30 числа) побѣдители занимались сборомъ контрибуціи, забраніемъ королевской казны и очисткою арсеналовъ и магазиновъ; чего забрать было нельзя, то все было истреблено; всѣ пороховыя мельницы около Берлина, литейные пушечные дворы, потсдамскіе и близъ Шпандау находившіеся ружейные и шпажные заводы были разорены до основанія.

Когда извѣстіе о занятіи Берлина было получено въ Петербургѣ, то 11 октября пріѣхали къ канцлеру всѣ иностранные министры, кромѣ англійскаго, съ поздравленіями; они распространялись о томъ, какъ славно это событіе для царствованія Елисаветы, для ея министерства и арміи, при чемъ особенно послы австрійскій и французскій и саксонскій совѣтникъ посольства Прассе предлагали, какъ необходимо для чести русскаго оружія и общей пользы, чтобъ Берлинъ былъ удержанъ; они говорили, что сверхъ находящихся уже въ городѣ укрѣпленій, можно въ скоромъ времени укрѣпить его еще больше и привести въ такое состояніе, что будетъ совершенно безопасно въ немъ остаться; что вѣроятно тамъ найдены достаточные магазины провіанта и фуража, притомъ окрестности Берлина никакими войсками до сихъ поръ не были посѣщены и потому можно надѣяться, что въ фуражѣ и хлѣбѣ недостатка не будетъ; что русская армія, владѣя Берлиномъ, можетъ занять зимнія квартиры въ Бранденбургіи и Новой Мархіи, имѣя для помощи себѣ всю Саксонію, изъ которой непріятель совсѣмъ уже изгнанъ, а еслибъ, паче чаянія, нельзя было всей арміи тамъ остаться, то хотя бы отпущенъ былъ русскій корпусъ отъ 20 до 25,000 человѣкъ для соединенія съ австрійскою арміею на содержаніе императрицы-королевы; что король прусскій, сколько до сихъ поръ видно, больше всего думаетъ о сохраненіи Силезіи; а еслибъ покусился предпринять что-нибудь противъ находящихся въ Берлинѣ и Бранденбургѣ русскихъ войскъ, то въ этомъ предпріятіи можетъ найти только свою погибель, ибо кромѣ того, что всѣ русскіе

корпуса стоятъ одинъ отъ другаго въ близости и могутъ подать другъ другу помощь, корпусъ графа Леси, соединившійся съ русскимъ войскомъ, можетъ подать не малую помощь; притомъ графъ Даунъ не оставитъ слѣдовать по пятамъ за королемъ. И такъ если эти представленія о сохраненіи Берлина и перезимовкѣ въ Бранденбургѣ и Новой Мархіи или объ отпускѣ въ Саксонію отъ 20 до 25,000 человѣкъ императрица соизволитъ принять, то прусскій король со всѣхъ сторонъ можетъ быть такъ стѣсненъ, что должно ожидать совершеннаго окончанія войны. Но эти внушенія опоздали; Берлинъ былъ занятъ съ финансовою цѣлію: контрибуціею съ него облегчить тяжесть военныхъ расходовъ, и потому, какъ только добыча была захвачена, съ 30 сентября на 1 октября Чернышевъ и Тотлебенъ оставили Берлинъ. Одновременно съ извѣстіями о занятіи Берлина обнародовано было извѣстіе о вторичной неудачѣ русскаго войска подъ Кольбергомъ: не было утаено, что при вѣсти о приближеніи генерала Вернера на помощь городу, русскіе офицеры и солдаты бросились спасаться на суда, вслѣдствіе чего часть артиллеріи была оставлена въ добычу непріятелю.

Новый главнокомандующій Бутурлинъ пріѣхалъ къ арміи уже послѣ занятія и оставленія Берлина и послѣ вторичной неудачи подъ Кольбергомъ. Въ концѣ октября Бутурлинъ донесъ изъ Аренсвальда, что съ главною арміею онъ выступаетъ къ рѣкѣ Вислѣ, а въ Помераніи оставляетъ корпусъ графа Чернышева (9 полковъ пѣхотныхъ и 4 драгунскихъ), который занимаетъ мѣстность отъ Ригенвальда до Румельсбурга, а легкія войска отъ Кеслина до Рацебурга. Причиною тому онъ выставлялъ, что когда велѣно было переписать весь находившійся въ Помераніи хлѣбъ и фуражъ, то нашлось, что безъ совершеннаго опустошенія этой области, запаса для всей арміи не станетъ и на полмѣсяца; что въ Польшѣ цѣна на хлѣбъ не чрезмѣрно высока, но бывшими до сихъ поръ въ армію подвозами лошади такъ изнурены и такъ ихъ мало, что если теперь не дать имъ отдохнуть, то на будущее лѣто нельзя ожидать не только подвоза потребныхъ вещей, но и самой пашни; что магазины наши на рѣкѣ Вислѣ наполнены достаточно, но такъ какъ изъ нихъ подвозить иначе нельзя, развѣ на полковыхъ и артиллерійскихъ лошадяхъ, то кромѣ того, что этотъ подвозъ не былъ бы доста-

точенъ на пропитаніе всей арміи, для нея была бы совершенная невозможность выйти въ поле будущею весною. Въ рескриптѣ въ иностранную коллегію, назначенномъ для сообщенія иностраннымъ министрамъ, императрица говорила: «При такомъ состояніи дѣлъ и по великому отсюда до арміи разстоянію, всякое противное этому распоряженію повелѣніе было бы поздно и неудобно къ исполненію. Поэтому мы и утвердили это распоряженіе, предписавъ: 1) чтобъ старались всѣми мѣрами корпусъ графа Чернышева подвигать хотя по малу впередъ, занимая мѣсто его другими полками. 2) Ввести въ предмѣстія Данцига столько войска, сколько тамъ помѣстить можно. 3) Легкія войска такъ расположить, чтобъ непріятель не только не могъ ничего получить изъ Помераніи, но не былъ спокоенъ и въ самой Бранденбургіи. 4) Готовиться всѣми силами къ самому раннему началу будущей кампаніи и, даже стоя на квартирахъ, быть во всегдашней исправности къ походу.

«Мы увѣрены, говорилось далѣе въ рескриптѣ, что союзники наши, принявъ все это въ зрѣлое разсужденіе, признаютъ, что на этотъ разъ мы ничего болѣе и иначе сдѣлать не можемъ. Какъ скоро нѣтъ возможности продовольствовать армію въ Помераніи, то въ Бранденбургѣ или Неймаркѣ хотя бы было неисчерпаемое изобиліе всѣхъ плодовъ, еще меньше можно занять зимнія квартиры. Пускай гарнизоны находящихся въ близости знатныхъ крѣпостей не могутъ много безпокоить армію: но они крайне затруднятъ доставку къ ней мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, особенно же лошадей. Пускай король прусскій занятъ теперь въ Саксоніи: но есть достаточный примѣръ, что онъ и опять малымъ корпусомъ при Торгау можетъ надолго удержать за собою Саксонію и рѣку Эльбу, а тѣмъ временемъ дважды сходить къ рѣкѣ Одеру. Пускай не опасаемся мы его приближенія и даже сильно желали бы, чтобъ дѣло дошло съ нимъ до рѣшительнаго сраженія: но когда совершенно непонятнымъ для насъ образомъ такъ вездѣ открыты ему дороги, такъ вездѣ готово для него пропитаніе, что онъ не только могъ поспѣшно войти въ истощенную совершенно Саксонію, но еще, прошедши между арміею графа Дауна и имперскою, не усумнился самъ себя отрѣзывать отъ всѣхъ своихъ областей и заключаться между горами и двумя непріятельскими арміями въ такой землѣ,

гдѣ никакого для него запаса быть не могло, — то нельзя не получить убѣжденія, что король прусскій, будучи въ своей землѣ, найдетъ всѣ способы, не подавая случая къ сраженію, такъ безпокоить нашу армію, что она всегда принуждена была бы стоять въ полѣ и подъ ружьемъ.

«Самое состояніе дѣлъ теперь ни такъ хорошо, чтобъ имъ тотчасъ можно было пользоваться, ни такъ худо, чтобъ надобно было отчаяваться. Такъ какъ вся выгода короля прусскаго въ томъ состоитъ, что онъ дѣйствуетъ наступательно и потому всѣ силы свои почти всегда имѣетъ вмѣстѣ, а графъ Даунъ, дѣйствуя оборонительно, принужденъ силы свои раздѣлять: то кажется дѣло теперь только въ томъ и состоитъ, чтобъ перейти къ наступательному движенію, а короля прусскаго заставить дѣйствовать оборонительно, а это можетъ быть всего скорѣе достигнуто слѣдующимъ образомъ: нашей арміи начать кампанію взятіемъ Кольберга, если ранѣе этого сдѣлать нельзя будетъ. Потомъ мы приложимъ стараніе перейти рѣку Одеръ, очистить путь шведской арміи и двинуться на Берлинъ, а въ то же время попробовать, нельзя ли схватить и Кистринъ. Пускай послѣднее не удастся: по меньшей мѣрѣ можно быть увѣрену, что король прусскій, оставя все, поспѣшитъ туда и рѣшится на главное сраженіе, котораго онъ, послѣ франкфуртскаго, примѣтно избѣгаетъ, и къ которому иначе принудить его почти нельзя. Каковъ бы ни былъ исходъ этого сраженія, оно должно однако во всякомъ случаѣ уменьшить силы короля прусскаго и доставить австрійскимъ арміямъ столько времени, что довольно будетъ и для очищенія Саксоніи и для важныхъ завоеваній въ Силезіи. Коллегія иностранныхъ дѣлъ должна о всемъ томъ дать знать послу графу Эстергази для представленія двору его.

«Что касается короля польскаго, то теперь надобно только сообщить ему, какимъ образомъ располагается наша армія и обнадежить, что будущею весною наша армія предприметъ все то, что можетъ содѣйствовать избавленію Саксоніи и возстановленію желаннаго честнаго и прочнаго мира. Но чтобъ не оставить его при одномъ этомъ обѣщаніи, и отвратить, сколько отъ насъ зависитъ, исполненіе прусскихъ угрозъ, то повелѣваемъ англійскому находящемуся здѣсь министру прочитать записку (а если захочетъ, то и отдать ему ее), что хотя мы естественно удале-

ны слѣдовать дурнымъ примѣрамъ и уже предали было забвенію всѣ суровости, оказанныя королемъ прусскимъ въ Саксоніи, Мекленбургѣ и другихъ мѣстахъ; но такъ какъ король прусскій, вошедши теперь опять въ Саксонію, тотчасъ объявилъ угрозы, что за сдѣланный ему въ Берлинѣ убытокъ должна заплатить Саксонія и будетъ принуждена къ тому огнемъ и мечемъ,—то мы принуждены объявить, что съ этихъ поръ не будемъ равнодушно смотрѣть ни на какое новое нарушеніе военныхъ правъ и разореніе невинныхъ земель, и хотя мы далеки были слѣдовать дурнымъ примѣрамъ мщенія и безчеловѣчія, однако если они не пресѣкутся, то видя, что наша умѣренность и сожалѣніе о страждущихъ отъ войны областяхъ приноситъ только противные плоды, велимъ во всѣхъ непріятельскихъ земляхъ, куда только достигнетъ наше оружіе, послѣдовать примѣрамъ короля прусскаго и, если можно, превзойти ихъ. Не согласно съ нашимъ достоинствомъ оправдывать наше поведеніе, человѣколюбивое среди самой свирѣпой войны; однако нельзя не упомянуть вкратцѣ: Саксонія прежде начала всякой войны захвачена вѣроломнѣйшимъ образомъ и была разоряема не какъ пріобрѣтенная оружіемъ, но какъ жертва свирѣпаго мщенія: Пруссія, напротивъ того, по праву оружія нами занятая, получила подтвержденіе всѣхъ своихъ правъ и узаконеній и теперь ненарушимо ими пользуется, и обогощается отъ пребыванія нашихъ войскъ и наличной за все платы. Изъ Саксоніи взято насильно великое число рекрутъ и множество другихъ жителей вывезено въ бранденбургскія земли: изъ Пруссіи, напротивъ не взятъ ни одинъ человѣкъ, и жителямъ этого королевства изъ казны нашей раздаются деньги въ вознагражденіе за уронъ, претерпѣнный отъ скотскаго падежа, чтобъ они могли продожать хлѣбопашество. Король прусскій безчеловѣчными побоями и голодомъ принуждаетъ всѣхъ плѣнниковъ вступать къ нему въ службу: мы напротивъ освобождаемъ этихъ невольниковъ и возвращаемъ законнымъ ихъ государямъ. Ожесточившее короля прусскаго взятіе Берлина можетъ показывать только наше милосердіе и великодушіе. Сдѣланнымъ укрѣпленіемъ и оборонею тамъ, гдѣ однако наконецъ сопротивляться нельзя было, этотъ городъ заслуживалъ наказанія: однако пощаженъ, ни въ одинъ домъ солдаты не поставлены на квартиры; Лейпцигъ никогда не

сопротивлялся, однако такой пощады не получилъ. Разорены въ Берлинѣ арсеналы, оружейный и пушечный заводы: но для этого и предпринята была экспедиція. Взята контрибуція: но этимъ какъ бы исполнено было общепринятое обыкновеніе, а иначе объ этой контрибуціи и упоминать нечего, послѣ того, что съ Саксоніи и съ одного Лейпцига содрано».

Только что было объявлено союзникамъ, что Чернышева корпусъ остается въ Помераніи, какъ Бутурлинъ прислалъ донесеніе, что этого сдѣлать нельзя, ибо отовсюду присылаются извѣстія, что нигдѣ ничего нѣтъ. Ему отвѣчали изъ Петербурга отъ 4 декабря, что дѣлать нечего; но по крайней мѣрѣ корпусъ Тотлебена, состоящій изъ легкихъ войскъ и двухъ пѣхотныхъ полковъ долженъ остаться въ Помераніи и распространяться въ этой области какъ можно далѣе. Кромѣ того Бутурлинъ не долженъ былъ скрывать, что кампанія начнется осадою и взятіемъ Кольберга; должны быть заняты приморскія мѣста: Лебе, Ригенвальдъ и Столпеминде, гавани ихъ должно прочищать, употребляя для легкой работы солдатъ, а для трудной жителей. Адмиралтейской коллегіи было подтверждено, чтобъ весь флотъ былъ въ полной готовности къ первому вскрытію воды, а военной коллегіи велѣно приготовить всѣ находящіеся въ Петербургѣ и Ревелѣ полевые полки къ посаженію на суда, равно какъ и гвардейскую бомбардирскую роту. Этимъ надѣялись немедленно же раздѣлить вниманіе Фридриха II-го, и весною раздѣлить и силы его, чтобъ не искать далеко и безплодно непріятеля, не изнурять войско походами, а привлечь его въ Померанію и заставить драться.

Но Тотлебенъ, котораго хотѣли оставить въ Помераніи, просился уволить его отъ службы, разсерженный высочайшимъ выговоромъ. Выговоръ былъ сдѣланъ за то, что Тотлебенъ выдалъ на нѣмецкомъ языкѣ извѣстіе о занятіи Берлина, при чемъ прославилъ одного себя, и дурно отнесся о другихъ. Бутурлинъ переслалъ экземпляръ этого извѣстія въ Петербургъ, и отсюда получилъ рескриптъ, что тотлебенева реляція «сочинена крайне продерзостно, ибо онъ свою заслугу увеличиваетъ на униженіи почти всей арміи, особливо же явно поноситъ генерала поручика графа Чернышева съ его корпусомъ, и австрійскаго генерала графа Лессія съ его корпусомъ ругаетъ такимъ образомъ,

какъ бы ненависть между двухъ союзныхъ войскъ и холодность между самими дворами произвесть искалъ, дѣйство же нашей артиллеріи хотя и хвалитъ и преимущество ей предъ непріятельскою даетъ, но тѣмъ не меньше порочитъ ея состояніе, объявляя, что портится она сама при сильномъ дѣйствованіи; большая же продерзость еще въ томъ состоитъ, что не подавъ главнокомандующему столь обстоятельнаго рапорта, ниже достава его сюда, столь противно всѣмъ воинскимъ правиламъ осмѣлился обнародовать. Но понеже и то подлинно, что мы и заслуги памятовать и прегрѣшенія милосердіемъ нашимъ прикрывать обыкли, то заблагоразсудили мы, объявя ему нашъ праведный гнѣвъ и неудовольствіе, повелѣть, чтобъ онъ тотчасъ старался проступокъ свой загладить и паки нашу милость заслужить точнымъ всего того исполненіемъ, что ему отъ васъ приказано и впредь поручаемо будетъ, разумѣя буде онъ прежде не отрекся или не отречется отъ сего сочиненія, ибо въ такомъ случаѣ сіе дѣло молчанію предано быть имѣетъ. Вамъ же вслѣдствіе того повелѣваемъ приказать ему: 1) чтобъ онъ у графа Чернышева просилъ прощенія въ вашемъ только присутствіи или при двухъ только свидѣтеляхъ, а по нуждѣ хотя письменно; 2) чтобъ всѣ экземпляры, сколько ихъ есть, конечно собралъ и вамъ представилъ; 3) чтобъ формально и письменно на нѣмецкомъ языкѣ отрекся отъ сего сочиненія, присовокупляя къ тому, что оно происходитъ конечно отъ его непріятелей и такихъ людей, которые хотятъ сдѣлать подозрительнымъ его усердіе къ нашей службѣ и произвести холодность между двумя высокими союзными дворами; 4) сіе отрицаніе имѣетъ быть напечатано въ кенигсбергскихъ газетахъ. Генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ не будетъ уповательно доволенъ сею сатисфакціею; но вы ему объявить имѣете, что прощеніемъ въ показанной ему графомъ Тотлебеномъ обидѣ покажетъ онъ намъ новый опытъ своего безпредѣльнаго къ службѣ усердія и что это вмѣнится ему отъ насъ въ заслугу».

Но когда вслѣдствіе этого рескрипта Тотлебенъ подалъ въ отставку, то къ нему былъ отправленъ другой рескриптъ: «Мы съ сожалѣніемъ усмотрѣли изъ доношеній графа Бутурлина, что слабое состояніе вашего здоровья и нѣкоторыя другія обстоятельства принуждаютъ васъ просить увольненія изъ нашей

службы. Мы не обыкли кого-либо насильно удерживать: но какъ война приходитъ теперь почти къ окончанію, и мы въ продолженіи службы вашей более нежели когда-либо имѣемъ надобность, а притомъ увольненіе ваше нынѣ воспослѣдовало бы при такихъ обстоятельствахъ, кои подвержены различнымъ истолкованіямъ, то въ уваженіе чести и знатности вашей службы, въ милостивомъ напоминаніи всѣхъ вашихъ донынѣ показанныхъ ревностныхъ заслугъ, и всегда различая оныя отъ временныхъ случаевъ, не можемъ мы теперь согласиться на дозволеніе просимаго абшита (отставки); паче же столько увѣрены пребываемъ о похвальномъ вашемъ желаніи прямой и существительной славы и о вашемъ къ намъ усердіи, что повелѣли не токмо всѣ легкія войска и назначенные имъ въ подкрѣпленіе два пѣхотные полка такимъ образомъ въ команду вашу отдать, чтобъ вы зависѣли только отъ генералъ-фельдмаршала графа Бутурлина, но и еще сей вашъ корпусъ столько умножить, сколько потребно будетъ для тѣхъ намѣреній, о которыхъ отъ него вамъ пространнѣе объявлено будетъ».

Тотлебенъ остался на службѣ, и въ письмѣ къ канцлеру графу Воронцову, «своему отцу и благодѣтелю», клялся употребить остальные дни жизни для того, чтобъ показать себя достойнымъ довѣрія и милости августѣйшей монархини [180].

Думали, что война подходитъ къ концу, думали что кампанія слѣдующаго года будетъ послѣднею, и потому спѣшили уговориться на счетъ мирныхъ условій. Русскій дворъ предложилъ австрійскому заключить новую конвенцію и «оною постановить тѣ мѣры и способы, кои къ прекращенію нынѣшней тягостной войны наилучше служить и справедливое за понесенные для оной убытки награжденіе на иждивеніи непріятеля и возмутителя общаго покоя доставить могутъ. А къ требованію и полученію сего награжденія ея импер. величество всероссійская и ея вел. императрица-королева имѣютъ толь большее право, что вопервыхъ похищенныя королемъ прусскимъ области назадъ отобрать, а притомъ надлежитъ положить и достаточные предѣлы силѣ такого государя, котораго неправедные замыслы никакихъ предѣловъ не знаютъ». Въ конвенціи постановлялось, что обѣ державы во все продолженіе войны будутъ имѣть въ полѣ не менѣе 80,000 регулярнаго войска каждая и продолжать войну

соединенными силами до тѣхъ поръ, пока заключеннымъ съ общаго согласія мирнымъ трактатомъ будетъ утверждена безопасность ихъ областей и достигнуты праведныя обѣихъ сторонъ намѣренія; обѣ державы не должны полагать оружія до тѣхъ поръ, пока императрица-королева не вступитъ въ спокойное владѣніе всего Силезіею и графствомъ глацкимъ, и пока императрица всероссійская не получитъ во владѣніе королевства прусскаго (Восточной Пруссіи), нынѣ ея оружіемъ дѣйствительно уже завоеваннаго. Такъ какъ европейскій покой никогда твердо установиться не можетъ, пока у прусскаго короля означеннымъ образомъ не отнимутся средства смущать его, то ихъ импер. величества употребятъ всѣ старанія оказать эту услугу человѣческому роду и для того должны призывать къ этой конвенціи всѣ державы, особенно же французскаго короля. Король польскій курфюрстъ саксонскій не только долженъ быть возстановленъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, но и получить удовлетвореніе за обиды и убытки. Французскій языкъ. На которомъ написана конвенція, не долженъ служить примѣромъ для будущаго. Императрица-королева продолжаетъ платить императрицѣ всероссійской по милліону рублей субсидій въ годъ.—На предложеніе этой конвенціи Эстергази отвѣчалъ, что теперь дѣло идетъ не о заключеніи какихъ-нибудь новыхъ конвенцій, а о стѣсненіи короля прусскаго сильными и рѣшительными военными дѣйствіями, которыя и могутъ привести его дворъ въ состояніе исполнить принятыя уже на себя обязательства, состоящія въ томъ, чтобъ русскій интересъ почитать за собственный, перенимая на себя все, что будетъ возможно императрицѣ-королевѣ, равно какъ и удовлетвореніе русскаго двора за понесенные убытки. Въ этомъ онъ, Эстергази обнадежилъ словомъ императрицы-королевы и теперь то же самое подтверждаетъ, слѣдовательно русскому двору нельзя сомнѣваться въ исполненіи этихъ твердыхъ обѣщаній. Эстергази внушалъ, что теперь всего важнѣе удержать Францію отъ отдѣльнаго мира, почему нужно поступать съ осторожностію относительно старыхъ и еще продолжающихся предубѣжденій. Успѣть въ этомъ легко, если оба императорскіе двора будутъ приводить въ дѣйствіе свои намѣренія постепенно и своевременно. Какъ видно Франція не очень сочувствуетъ тому, чтобъ Россія пріобрѣла Пруссію

(восточную), поэтому была бы вредна всякая такая конвенція, въ которой бы упоминалось о присоединеніи Пруссіи къ Россіи. Дѣло не въ самомъ дѣлѣ, а въ способѣ его дѣланія. Вмѣсто конвенціи, онъ Эстергази имѣетъ отъ своего двора наставленіе дать декларацію, что императрица-королева принимаетъ на себя торжественнѣйшее обязательство употребить чистосердечно крайнія свои силы, чтобъ россійскій дворъ получилъ такія выгоды, какихъ самъ захочетъ.

Ему отвѣчали, что составленъ новый проектъ конвенціи, въ которомъ она сдѣлана гораздо удобнѣе къ принятію, ибо къ ней присоединена такая декларація, которая должна отнять не только у Франціи, но и у другихъ дворовъ всякое опасеніе на счетъ увеличенія русской имперіи Пруссіею. Этою декларацією предоставляется соглашаться о провинціи Пруссіи съ польскою республикою и принять такія мѣры, которыя бы служили ко взаимному удовольствію обѣихъ сторонъ. «Здѣсь, говорилось далѣе въ отвѣтѣ, очень понимаютъ, что французскій дворъ надобно щадить; но поставляемая конвенція не потревожитъ его ничѣмъ новымъ; особенно, по здѣшнему мнѣнію, надлежало бы опасаться, что если теперь ничего не постановить, или даваемую генеральную декларацію отъ французскаго двора скрыть, то этотъ дворъ или подумаетъ, что онъ своимъ отвѣтомъ отнялъ у здѣшней стороны всю охоту къ полученію Пруссіи, или же станетъ подозрѣвать, что нѣтъ къ нему прямой довѣренности. Наконецъ императрица знаетъ также очень хорошо, что все дѣло зависитъ отъ успѣха оружія, ибо если Всевышнему не угодно будетъ благословить его, то не только новая конвенція не доставитъ здѣшнему двору королевства прусскаго, но и ея величество императрица-королева, не взирая на многіе и старые трактаты, не получитъ Силезіи и графства глацкаго, и эта временная конвенція будущимъ миромъ, каковъ бы онъ ни былъ, должна рушиться. Напротивъ того, если Провидѣніе опредѣлило, къ блаженству рода человѣческаго, сократить гордую и опасную силу короля прусскаго, и императрица-королева вступитъ во владѣніе Силезіею и графствомъ глацкимъ, то почти невозможно, чтобъ одно желаніе обоихъ императорскихъ дворовъ и простое согласіе французскаго не были достаточны для доставленія здѣшней имперіи Пруссіи. Король прусскій, теряя сохраненную имъ

еще до сихъ поръ Силезію, конечно не продолжитъ войну за тѣмъ, чтобъ сохранить оставленную имъ самимъ Пруссію. Надобно быть только согласными въ этомъ и въ нынѣшнюю кампанію такъ дѣйствовать, чтобъ успѣхъ ея соотвѣтствовалъ ожиданію; поэтому-то такъ усердно и желается это дѣло однажды навсегда окончить, чтобъ все вниманіе обратить на одни военныя дѣйствія». 21 марта конвенція была подписана Эстергази.

За это онъ получилъ строгій выговоръ отъ Маріи-Терезіи. Конвенція была немедленно отправлена во Францію, потому что по версальскому договору Австрія не могла заключать никакихъ договоровъ безъ вѣдома французскаго двора, и полученъ отвѣтъ, что Людовикъ XV никогда не можетъ приступить къ такой конвенціи, ибо въ ней говорится только о выгодахъ императорскихъ дворовъ, о другихъ же союзникахъ говорится или въ общихъ выраженіяхъ, или вовсе ничего не говорится. «Въ договорѣ 1746 года, писала Марія-Терезія Эстергази, именно было постановлено, что въ случаѣ разрыва мира съ прусской стороны, Силезія и графство глацкое отбираются назадъ Австріею, а Россіи завоеваній никакихъ не дѣлать, довольствоваться двумя милліонами гульденовъ: теперь это торжественное постановленіе уничтожается и дѣлается новое постановленіе, по которому Россія получаетъ такія же выгоды какъ и мы, хотя Пруссія разорвала миръ только съ нами да съ Саксоніею. Силезія старая наша наслѣдная земля, а Пруссія въ русскомъ владѣніи никогда не бывала и мы относительно возвращенія Силезіи получили согласіе отъ всѣхъ союзниковъ и подвергались до сихъ поръ большимъ опасностямъ и убыткамъ. Несмотря на все это мы уже давно россійскую императрицу обнадежили, что вполнѣ соглашаемся на вознагражденіе ея убытковъ и объ ея интересѣ усердствуемъ столько же, сколько о своемъ собственномъ. Что же касается вообще вопроса, надобно ли съ нашей стороны королевство прусское признать за завоеванное Россіею и въ томъ дать ручательство, то здѣсь относительно насъ сомнѣнія быть не можетъ: только по великодушію и великой проницательности россійской императрицы мы твердо можемъ надѣяться, что ея величество отнюдь не соизволитъ поступить въ противность нашему интересу, общему благополучію и собственному намѣренію, ибо отъ конвенціи вмѣсто ожидаемой пользы можетъ по-

слѣдовать великій вредъ». Вредъ, по мнѣнію императрицы-королевы, заключался въ томъ, что Австрія и Россія могли быть оставлены всѣми другими союзниками. Впрочемъ, чтобъ не раздражить русскій дворъ, въ Вѣнѣ придумали такую сдѣлку: изъ конвенціи исключили параграфъ, въ которомъ говорилось о присоединеніи Пруссіи къ Россіи, а вмѣсто него составили отдѣльную секретную статью того же содержанія, но съ прибавкою, что обѣщаніе Австріи относительно присоединенія Пруссіи къ Россіи не дѣйствительно, если, сверхъ ожиданія, Австрія не получитъ Силезіи и графства глацкаго; секретная статья должна быть скрыта отъ Франціи. Елисавета приняла эти измѣненія.

Россія хотѣла пріобрѣсть Восточную Пруссію для того, чтобъ промѣнять ее на Курляндію или другія болѣе подручныя польскія области; но вѣнскій дворъ и тутъ хотѣлъ сдѣлать свое измѣненіе. Его сильно безпокоило то, что Данія, не получивши до сихъ поръ отъ Россіи согласія относительно голштинскаго дѣла, возьметъ англійскія субсидіи и выставитъ въ пользу Пруссіи свое свѣжее войско въ 20,000 человѣкъ. Эстергази отъ 27 іюля н. с. получилъ отъ Маріи-Терезіи рескриптъ, гдѣ выражалась сильная тревога и желаніе прекратить голштинскія распри, «какъ всегдашній поводъ къ новому и опаснѣйшему воспаленію военнаго огня». Марія-Терезія требовала отъ Эстергази приложить ревностныя старанія, чтобъ датскія представленія не были совершенно отвергнуты въ Петербургѣ. Соглашеніе должно было состоять въ томъ, чтобъ великій князь Петръ Өедоровичъ отказался отъ Голштиніи, и за это взялъ бы себѣ Пруссію, что успокоитъ совершенно Данію и не возбудитъ въ другихъ державахъ зависти къ приращенію русскихъ силъ [181].

Данія дѣйствительно сильно безпокоилась остановкою переговоровъ о Голштиніи и намѣреніями Россіи удержать за собою Восточную Пруссію. Французскій посолъ, маркизъ Лопиталь сообщилъ канцлеру письмо датскаго министра барона Бернсторфа къ французскому министру герцогу Шуазелю. Въ письмѣ говорилось, что если Россіи достанется Пруссія, а наслѣдникъ россійской имперіи не отречется отъ своихъ претензій и не оставитъ своей ненависти противъ короля датскаго, то послѣдній найдется въ самомъ опасномъ и бѣдственномъ положеніи. Въ Даніи извѣстно, что великій князь постоянно думаетъ о ея

разоренін; такъ какъ вслѣдствіе этого датскій король убѣжденъ, что рано или поздно ему должно будетъ воевать съ Россіею, то естественно должна прійдти ему мысль, что не лучше ли начать эту войну теперь, чѣмъ въ такое время, когда у Россіи никакихъ другихъ непріятелей не будетъ. Во второмъ письмѣ своемъ къ герцогу Шуазелю, Бернсторфъ давалъ знать, что Данія, не желая нарушить дружбы съ Франціею, войдетъ въ соглашенія не съ Англіею, а съ королемъ прусскимъ. Шуазель отвѣчалъ, что все равно, и соглашеніе съ Пруссіею будетъ такимъ же нарушеніемъ дружескихъ отношеній къ Франціи.

Знаменитый дипломатъ, представлявшій въ послѣднее время Россію во Франціи, графъ Михаилъ Петр. Бестужевъ-Рюминъ умеръ 26 февраля. При немъ для помощи находился въ Парижѣ князь Дмитрій Мих. Голицынъ, которому и поручено было веденіе дѣлъ по смерти Бестужева, пока не пріѣхалъ во Францію новый посолъ дѣйствительный камергеръ графъ Петръ Чернышевъ. Шуазель увѣрялъ Голицына, что онъ снова, именемъ королевскимъ, сдѣлалъ внушенія датскому министерству, чтобъ Данія молчала въ Петербургѣ о своихъ требованіяхъ относительно голштинскаго вопроса, а послѣ найдется удобный случай кончить это дѣло полюбовно, что Франція вмѣшательствомъ въ такое дѣло никогда не согласится возбудить неудовольствіе русской императрицы.

И въ Петербургѣ также смѣнился французскій посолъ. Лопиталя послали туда, потому что не было никого лучше. Людовикъ XV не имѣлъ къ нему довѣрія, не велъ съ нимъ переписки тайкомъ отъ министерства; Лопиталь не зналъ также, что король, мимо министерства, велъ тайную переписку съ императрицею Елисаветою. Тайной переписки съ королемъ удостоенъ былъ секретарь посольства, извѣстный кавалеръ Эонъ. Король находилъ, что Лопиталь становится очень дорогъ въ Петербургѣ, потомъ находилъ, что не умѣетъ вести дѣла, очень довѣрчивъ къ русскому канцлеру Воронцову: «ему велятъ, писалъ король, уяснить какое-нибудь дѣло, а онъ прежде всего открывается Воронцову». Все затрудненіе состояло въ отысканіи ему преемника; наконецъ преемникъ былъ отысканъ—баронъ де-Бретёйль, котораго король счелъ способнымъ къ веденію тайной переписки. Эонъ получилъ отъ Людовика XV приказаніе сообщить

новому послу свѣдѣнія о характерѣ императрицы, ея министровъ и всѣхъ другихъ людей, употребляющихся для веденія иностранныхъ сношеній. Самому Бретёйлю данъ былъ наказъ: «особенно освѣдомиться на счетъ привязанности и видовъ великаго князя и великой княгини, и стараться о снисканіи ихъ благосклонности и довѣрія. Маркизъ Лопиталь пренебрегалъ молодымъ дворомъ и особенно вооружилъ противъ себя великую княгиню участіемъ своимъ въ отозваніи изъ Петербурга графа Понятовскаго. Если, что̀ не подлежитъ сомнѣнію, великая княгиня обратится къ барону Бретёйлю съ жалобами на поведеніе его предмѣстника, то баронъ долженъ воспользоваться этимъ случаемъ и ловко внушить, что ему извѣстны чувства короля относительно великаго князя и великой княгини и онъ можетъ увѣрить, что его величество будетъ очень радъ содѣйствовать исполненію ихъ желанія, и еслибы имъ было пріятно увидѣть опять въ Петербургѣ графа Понятовскаго, то его величество не только не будетъ этому противиться, но будетъ еще содѣйствовать тому, чтобы король польскій назначилъ его снова посланникомъ въ Россію». Французскій дворъ дѣйствительно началъ оказывать въ Варшавѣ свое содѣйствіе къ возвращенію Понятовскаго въ Петербургъ, но скоро долженъ былъ прекратить это содѣйствіе, испуганный сильнымъ нежеланіемъ императрицы видѣть въ третій разъ Понятовскаго при своемъ дворѣ [182].

Въ Лондонѣ были недовольны русскимъ отвѣтомъ на мирныя предложенія. Герцогъ Ньюкэстль говорилъ по этому случаю князю Александру Голицыну: «Здѣшній дворъ въ угожденіе и изъ особенной внимательности къ императрицѣ, сдѣлалъ вашему двору предварительное сообщеніе о мирѣ, разсуждая, что императрица не мало отягощена продолженіемъ войны, тратя на нее большія деньги безо всякой надежды получить достойное вознагражденіе; нашъ дворъ надѣялся поэтому, что отвѣтъ императрицы будетъ составленъ въ такомъ же миролюбивомъ смыслѣ; но напротивъ того въ вашемъ отвѣтѣ находятся такія выраженія, которыя не обѣщаютъ со стороны императрицы никакой склонности къ миру. Основные и естественные интересы требуютъ, чтобъ Россія и Англія находились всегда въ добромъ согласіи: такъ можно было бы и теперь, не пренебрегая русскими интересами, помириться съ королемъ прусскимъ и неза-

висимо отъ союзниковъ». — «Императрица, отвѣчалъ Голицынъ, принимая съ благодарностію предварительное сообщеніе его британскаго величества, не могла дать другого отвѣта, потому что не можетъ приступить къ заключенію мира иначе, какъ съ согласія всѣхъ своихъ союзниковъ. Постоянное сохраненіе тѣснаго союза между Англіею и Пруссіею должно служить примѣромъ и для другихъ государствъ. Союзъ Россіи съ Австріею есть самый естественный и необходимый; напротивъ того нынѣшній союзъ между Англіею и Пруссіею имѣетъ очень слабое и ненадежное основаніе, ибо основанъ не на обоюдныхъ пользахъ дворовъ, а на однихъ личныхъ отношеніяхъ къ королю прусскому; но Фридрихъ II смертенъ, слѣдовательно этотъ союзъ кончится съ его жизнію. Честь, достоинство и безопасность Россіи требуютъ, чтобъ императрица не жалѣла издержекъ на эту справедливую войну, тѣмъ болѣе что источники, необходимые для поддержанія войны, скорѣе могутъ изсякнуть у противниковъ ея величества, хотя бы императрица и не ожидала себѣ никакого вознагражденія; впрочемъ въ ея волѣ получить и вознагражденіе, котораго по справедливости никто возбранить не можетъ». Тутъ Ньюкэстль прервалъ Голицына и спросилъ: «Что вы разумѣете подъ этими словами». — «Это ясно и безъ моего толкованія», отвѣчалъ Голицынъ.

Послѣ этого разговора другой министръ, знаменитый Питтъ началъ вывѣдывать у Голицына, не намѣрена ли императрица удержать свои завоеванія въ Пруссіи: «Я, говорилъ Питтъ, всегда приписывалъ вѣнскому двору властолюбіе и стремленіе распространять свои владѣнія, о вашемъ же дворѣ я этого никогда не думалъ. Ваша государыня приняла участіе въ войнѣ единственно изъ великодушія, чтобъ защитить польскаго короля, не имѣя въ виду какой-нибудь выгоды». Голицынъ отвѣчалъ, что намѣренія императрицы ему неизвѣстны; впрочемъ всѣ безпристрастные люди должны признать право ея величества на достаточное вознагражденіе за такіе великіе военные убытки, утверждающіе вольность и безопасность Германіи. «Здѣсь, писалъ Голицынъ, не только публика, но и дворъ внутренно чувствуютъ справедливость и возможность, чтобъ ваше величество удержали Восточную Пруссію въ вѣчномъ владѣніи; здѣсь этого и ожидаютъ. Питтъ того же мнѣнія, и, твердя мнѣ о взаимныхъ естествен-

ныхъ интересахъ Россіи и Англіи, далъ мнѣ выразумѣть, что скоро можетъ придти время, когда настоящіе союзники Россіи, и особливо вѣнскій дворъ, будутъ завидовать благополучію и могуществу вашего величества больше, чѣмъ Англія» [183].

Но когда въ Петербургѣ Ив. Ив. Шуваловъ обратился къ Кейту, чтобъ вывѣдать у него мнѣніе англійскаго двора относительно присоединенія Восточной Пруссіи къ Россіи, то Кейтъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ война не скоро кончится, ибо король прусскій скорѣе погребетъ себя подъ развалинами послѣдняго своего города, чѣмъ согласится на такія унизительныя условія; что присоединеніе Восточной Пруссіи къ Россіи возбудитъ всеобщую зависть и будетъ источникомъ безпокойствъ въ Европѣ, ибо при первомъ удобномъ случаѣ будутъ стараться выхватить эту область изъ рукъ Россіи. Шуваловъ отвѣчалъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ присоединеніе такой маленькой области можетъ возбудить всеобщую зависть, и если уже такъ, то можно, по крайней мѣрѣ, оставить Восточную Пруссію въ закладѣ у Россіи, пока не найдутъ другаго средства удовлетворить послѣднюю. Кейтъ сказалъ на это, что ни то, ни другое невозможно, ибо всѣ государства увидятъ ясно намѣреніе Россіи захватить въ свои руки балтійскую торговлю и чрезъ это торговлю всего Сѣвера [184].

Изъ Стокгольма Панинъ былъ отозванъ и сдалъ дѣла совѣтнику посольства Стахіеву, который такъ описывалъ положеніе дѣлъ въ Швеціи передъ сеймомъ: «Будучи симъ (королевскимъ приглашеніемъ чиновъ на сеймъ) теперь отворены двери къ явному дѣйствію различныхъ шведскую націю раздѣляющихъ партій и факцій, предводители оныхъ несумнѣнно скоро распустятъ разнохатныя (?) свои знамена и начнутъ публично работать о умноженіи числа своихъ партизановъ. Тутъ главнаго примѣчанія достойны движенія обѣихъ партій—дворовой и сенатской: первая, яко утѣсненная и безсильная, до сихъ поръ ни малѣйшаго вида не подаетъ дѣйствованія; вторая, яко господствующая и сильнѣйшая, слѣдовательно многочисленная, заражена различными расколами и терзается разными факціями; изъ которыхъ двѣ первостепенныя состоятъ въ неутолимомъ соперничествѣ двухъ сенаторовъ-перваго министра барона Гепкина и гофмейстера королевскихъ дѣтей барона Шефера. Каждый изъ сихъ

двухъ соперниковъ особливо ищетъ пріобрѣсти себѣ доброжелательство дворовой партіи, чѣмъ надѣется возвысить каждый свою факцію, но по сей часъ ни одинъ, ни другой примѣтно въ томъ еще не успѣли въ разсужденіи дворовой неподвижности и удаленія отъ дѣлъ. Разсуждая по наружности о движеніи обѣихъ факцій, сенаторъ баронъ Гепкинъ ищетъ соединить по меньшей мѣрѣ мечтаніе шведской независимости съ преданностію чужестраннымъ державамъ; напротивъ чего его суперникъ баронъ Шеферъ никакого посредства не допущая, слѣпо повинуется Франціи и боготворитъ все, что видитъ или слышитъ быть французскаго творенія, почему и въ земскихъ экономическихъ распоряженіяхъ во всемъ французскимъ послѣдуетъ; а какъ здѣшній духъ вольности въ такихъ дѣлахъ не сноситъ утѣсненія и строгости, такъ и сей сенаторъ оказаніемъ своего самоправія и запальчивости столкнулся со многими и особливо съ мѣщанствомъ, гдѣ онъ ни малѣйшей довѣренности не имѣетъ, чѣмъ сенаторъ Гепкинъ напротивъ того много пользуется, наипаче сего лѣта будучи почти въ ежедневномъ обхожденіи съ мѣщанствомъ, слѣдовательно больше надежды имѣетъ на будущемъ сеймѣ ласкать себя покровительствомъ сего чина, ежели третья факція не схватитъ у него поверхность. Сія пылко поднимается теперь подъ предводительствомъ полковника барона Пехлина, который на послѣднемъ сеймѣ съ знатною отличностью поднятъ и служилъ господствующей партіи, чѣмъ надулся гордостію и не довольствуясь даннымъ тогда за труды его денежнымъ награжденіемъ, взялъ себѣ въ голову къ будущему сейму доставить себѣ мѣсто управителя въ господствующей партіи, для чего и пріѣзжалъ сюда въ прошломъ году; но сенатъ, почитая его способнымъ токмо къ простому исполненію управительскихъ повелѣній, обратно прогналъ въ Померанію къ арміи, чѣмъ онъ жестоко раздражился противу сената, и теперь собираетъ собственную факцію, которую можно назвать, по древнему римскому примѣру, ценсорскою факціею, ибо она началомъ своихъ дѣйствій полагаетъ — укротя на послѣднемъ сеймѣ дворовыя предпріятія, на будущемъ подстричь крылья изъ предѣловъ выходящей сенатской власти. Здѣсь увядающая сенатора графа Тессина сѣдина много ласкательнаго для себя находитъ какъ для представленія себя еще одинъ разъ на сеймскомъ театрѣ, такъ и для уничтоженія

оказаннаго на себя презрѣнія съ стороны своихъ учениковъ, составляющихъ большую часть сената, съ показаніемъ имъ своего восчувствованія, почему сей дряхлостію облекшійся старикъ подъ рукою далъ свое благословеніе новому управителю и обѣщается, въ случаѣ успѣха, къ нему присовокупиться и показать шведскому народу, что онъ еще въ состояніи находится принять отъ него благоуханную жертву и дары». На этой депешѣ Воронцовъ написалъ: «Надлежитъ Стахіеву предписать, чтобъ онъ весьма себя скромно содержалъ и ни къ которой партіи не приставалъ, отнюдь не мѣшаясь въ сеймовыя и домашнія шведскія дѣла, держась нѣсколько стороны сенатора Гепкина, который по всѣмъ оказательствамъ къ намъ благосклоненъ быть является.» Но въ рескриптѣ прибавили еще наставленіе краснорѣчивому Стахіеву: «Рекомендуется вамъ о всѣхъ тамошнихъ происхожденіяхъ и вѣдомостяхъ, которыя заслуживаютъ здѣсь обстоятельнаго свѣдѣнія, не вступая въ излишнее описаніе пороковъ или природныхъ страстей человѣческихъ, доношенія ваши сюда присылать, но въ оныхъ писать явственно и безъ всякихъ метафорическихъ и аллегорическихъ экспрессій, которыя не служатъ больше, какъ къ затмѣнію содержанія оныхъ вашихъ доношеній, и слѣдовательно причиняютъ затрудненія въ снабдѣніи васъ потребными резолюціями».

Вмѣсто Панина посланникомъ въ Стокгольмъ былъ назначенъ бригадиръ графъ Иванъ Остерманъ. Но отъ 23 іюня Стахіевъ доносилъ: «Одинъ знатный и въ дѣлахъ обращающійся человѣкъ, мой надежный пріятель, на сихъ дняхъ мнѣ въ крайней конфиденціи сказалъ, что получаемыя здѣсь депеши изъ Парижа отъ шведскаго посланника наполнены завистливыми внушеніями со стороны французскаго министерства къ русскому двору; по словамъ шведскаго посланника французскій дворъ отнюдь не намѣренъ позволить, чтобъ Россія оставила за собою завоеванныя ею у прусскаго короля земли». На это Воронцовъ замѣтилъ: «Чиненныя внушенія Стахіеву отъ неизвѣстнаго здѣсь пріятеля имѣютъ нарочитый видъ искусно поссорить насъ съ французскимъ дворомъ». Далѣе въ депешѣ Стахіева говорилось: «Австрійскій посланникъ графъ Гоесъ говорилъ одному изъ своихъ пріятелей: «Невозможно, чтобъ Франція на шведскомъ сеймѣ помогала Россіи; интересы этихъ обоихъ дворовъ въ Швеціи посто-

янно сталкиваются; Францiя даетъ Швецiи значительныя субсидiи единственно для удаленiя ея отъ русскаго двора, чтобъ въ случаѣ нужды выдвигать ее пугаломъ послѣднему; Гоесъ прибавилъ, что онъ не можетъ понять, для чего русскiй дворъ такъ пренебрегаетъ шведскими дѣлами и не старается самъ непосредственно ими управлять, а спокойно позволяетъ Францiи окончательно истребить всѣхъ русскихъ приверженцевъ». На это Воронцовъ замѣтилъ: «Чтобъ французскiй дворъ обратился въ пользу здѣшнихъ интересовъ въ Швецiи, о томъ никогда надеждою себя не ласкали, да и никакого поступка съ нашей стороны въ содѣйствованiи Французовъ чинено не было, и мы въ томъ конечно обмануты не будемъ. Впрочемъ никакого пренебреженiя по шведскимъ дѣламъ съ нашей стороны не сдѣлано, но напротивъ того старанiе прилагали сохранить взаимную дружбу, развѣ симъ пренебреженiемъ разумѣется то, что съ нѣкотораго времени перестали отсюда для расточенiя на сеймахъ пересылать многiя тысячи рублевъ, и ежелибъ нынѣ излишнiя въ государствѣ были деньги, то можно бы на удачу для покушенiя на перевѣсъ и обращенiе тамошнихъ многихъ раздѣленныхъ партiй и преклоненiе въ россiйскiе виды нѣсколько тысячъ рублевъ переслать; токмо о успѣхѣ въ томъ едва ли кто поручится».

Депеша Стахiева оканчивалась такъ: «Гоесъ говорилъ: истребленiе остатка русскихъ приверженцевъ повидимому совершится на будущемъ сеймѣ, если петербургскiй дворъ не пришлетъ сюда познатнѣе характеромъ и побогаче собственнымъ капиталомъ министра, чѣмъ Остерманъ. Панинъ, въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ ни находился, однако содержанiемъ хорошаго стола прiобрѣлъ себѣ любовь не только многихъ знатныхъ особъ, но и вообще большинство здѣшняго общества, которое сильно объ немъ жалѣетъ». На это Воронцовъ замѣтилъ: «Рановременное, весьма тщетное и продерзостное разсужденiе о графѣ Остерманѣ учинено» [185].

Изъ Польши приходили старыя вѣсти. Прiѣхавъ однажды къ литовскому канцлеру, князю Чарторыйскому, Воейковъ нашелъ у него и короннаго канцлера Малаховскаго. Чарторыйскiй тотчасъ же сталъ говорить, что у канцлеровъ отняты почти всѣ дѣла, принадлежащiя къ ихъ должности, все дѣлаетъ по боль-

шей части надворный маршалъ графъ Мнишекъ, и съ помощію тестя своего, перваго саксонскаго министра графа Брюля, раздаетъ чины, отъ чего произошло не мало смуты и огорченія между шляхтою, которая видитъ нарушеніе своей конституціи. Въ прошломъ году Мнишекъ позвалъ короннаго канцлера Малаховскаго въ Люблинъ предъ тамошній трибунальскій судъ, за то что канцлеръ обвинялъ его по одному дѣлу въ ассессоріальныхъ королевскихъ судахъ, отъ которыхъ аппелляцій никогда не бывало. Примѣръ неслыханный въ Польшѣ, и хотя чрезъ посредство примаса и нѣкоторыхъ другихъ лицъ произошло между ними примиреніе, но съ такимъ условіемъ, что они лично другъ противъ друга никакой злобы не имѣютъ, но для удовлетворенія за обиду, нанесенную характеру и должности канцлерской, Мнишекъ долженъ письменно объявить, что все происшедшее на трибунальномъ судѣ уничтожается; но этого объявленія до сихъ поръ нѣтъ. Не имѣя возможности сносить болѣе подобныхъ обидъ, они положили просить короля, чтобъ не позволялъ никому вступаться въ ихъ должности и велѣлъ Мнишку дать удовлетвореніе Малаховскому. Потомъ оба канцлера начали просить Воейкова, какъ министра гарантирующей польскую конституцію державы, помочь имъ въ этомъ и донести обо всемъ своему двору. Воейковъ отвѣчалъ, что давно слѣдовало бы прекратить частныя распри, что можетъ сдѣлаться благоразумною уступчивостію другъ другу. Но такъ какъ Чарторыйскій и Малаховскій настаивали, чтобъ Воейковъ вступился въ ихъ дѣла, то онъ поѣхалъ къ Брюлю переговорить о жалобахъ канцлеровъ. Тотъ отвѣчалъ, что король только того и желаетъ, чтобъ всѣ польскія дѣла имѣли законное теченіе, а для этого канцлерамъ надобно быть прилежными; но князь Чарторыйскій около двухъ лѣтъ въ Варшавѣ не бывалъ, живетъ въ своихъ деревняхъ, отъ чего, вслѣдствіе переписки, въ его дѣлахъ проволочка и остановка; и Малаховскій бываетъ въ Варшавѣ на короткое время; онъ человѣкъ добрый и не охотникъ до ссоръ и интригъ, былъ бы и теперь покоенъ, еслибъ не князь Чарторыйскій, человѣкъ безпокойный, гордый, горячій, неукротимый, который и подбиваетъ Малаховскаго; въ этомъ не мало помогаетъ и стольникъ литовскій, графъ Понятовскій, котораго Чарторыйскій употребляетъ въ интригахъ, какъ человѣка чрезвы-

чайно много о себѣ думающаго. Воейковъ въ донесеніи своемъ отозвался: «Сколько я могъ разсмотрѣть князя Чарторыйскаго въ кратковременное пребываніе его здѣсь, нахожу, что изображеніе его, сдѣланное графомъ Брюлемъ, вѣрно; этому господину вѣрить во всемъ кажется нельзя, ибо хотя онъ чвловѣкъ и разумный, но въ высшей степени гордый, запальчивый и неукротимый. По пріѣздѣ своемъ сюда въ Варшаву, не замедлилъ онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ княземъ Адамомъ воеводою русскимъ и племянникомъ графомъ Понятовскимъ быть у англійскаго посланника лорда Стормонта, у котораго просидѣли около двухъ часовъ».

На это канцлеръ графъ Воронцовъ отвѣчалъ ему въ своемъ письмѣ: «Съ одной стороны желательно было бы, и для чести и кредита нашего двора нужно и полезно, чтобъ чрезъ ваше посредство министерство польское возстановлено было въ его должномъ значеніи; но съ другой стороны ясно усматривается, что графъ Брюль и Мнишекъ, имѣя безпредѣльную поверхность у короля и будучи такъ огорчены господами канцлерами, не могутъ склониться на увѣщанія нашего двора, имѣя довольно отговорокъ, которыхъ постороннимъ опровергнуть нельзя, и объясненія по этому дѣлу могутъ завести въ непріятныя дальности; къ тому же не покушеніе ли это только со стороны господъ канцлеровъ произвести нѣкоторую холодность между нами и польскимъ дворомъ. И такъ, по моему мнѣнію, вашему превосходительству надобно поступать въ этомъ дѣлѣ очень осторожно и между этими матедорами содержать равновѣсіе, дабы при нынѣшнихъ наипаче критическихъ временахъ прямой экилиберъ былъ, тѣмъ болѣе, что мы едва ли можемъ себя ласкать, чтобъ черезъ перевѣсъ одной или другой партіи лучшую силу и пользу въ польскихъ дѣлахъ пріобрѣли, и почти можно по нашей пословицѣ сказать: «кто ни попъ, тотъ батька».

Приближался сеймъ, и Воейковъ узналъ, что въ инструкціяхъ депутатамъ внесены жалобы на тягости польскому шляхетству отъ прохода русскихъ войскъ. Когда Воейковъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ, то отсюда получилъ приказаніе внушить Брюлю, какъ это будетъ чувствительно для Россіи и вредно для общаго дѣла и чтобъ онъ, Брюль употребилъ тайно всѣ мѣры къ разорванію сейма въ самомъ началѣ. Воейковъ исполнилъ прика-

заніе, и Брюль отвѣчалъ ему увѣреніями, что сеймъ разорвется непремѣнно, потому что онъ не допуститъ до избранія маршала. «Опасно только одно, замѣтилъ Брюль, что Англичане и король прусскій стараются всѣми мѣрами довести польское шляхетство до конфедераціи и употребляютъ не малыя суммы къ возмущенію этого корыстолюбиваго и безразсуднаго народа. Недавно прусскій секретарь посольства Бенуа получилъ отъ своего короля много писемъ къ Полякамъ, между прочимъ и къ князьямъ Чарторыйскимъ. Эта фамилія съ партіею своею не перестаетъ недоброхотствовать королю и явно угрожаетъ конфедераціею, приводя на то и короннаго гетмана Браницкаго». Донося объ этомъ своему двору, Воейковъ замѣчалъ: «Мнѣ кажется, что Поляки не вдругъ рѣшатся на конфедерацію, видя вблизости русскую армію, а нѣкоторую часть ея и дѣйствительно въ землѣ своей».

Сеймъ былъ разорванъ. Послѣ этого Воейковъ потребовалъ отъ Брюля другой услуги, чтобъ постарался изловить прусскихъ курьеровъ, которые безпрестанно ѣздятъ къ прусскому эмиссару въ Константинополь и оттуда обратно [186]. Обрѣзковъ доносилъ, что дѣло прусскихъ эмиссаровъ идетъ дурно въ Константинополѣ: Турція не хочетъ войны, хотя крымскій ханъ и старается всѣми силами поссорить ее съ Россіею, подавая жалобы на грабительства запорожцевъ. Въ октябрѣ Обрѣзковъ далъ знать, что неаполитанскій посланникъ получилъ извѣстіе о появленіи человѣка, который называетъ себя русскимъ княземъ Иваномъ, свергнутымъ съ престола въ 1741 году. Самозванцу можно дать 25 лѣтъ или больше; онъ небольшого роста, лицо у него смугловатое, волосы черные, на лицѣ большія рябины, на шеѣ рана изъ пистолета. Онъ говоритъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки и нѣсколько разумѣетъ датскій и шведскій языки. Скрывалъ онъ себя подъ частными фамиліями, наблюдая крайнее молчаніе и притомъ учтивость, довольствуясь малымъ до полученія отвѣтовъ или векселей, которыхъ ожидалъ онъ изъ Копенгагена, Берлина и Брауншвейга; писалъ три письма къ датской королевѣ и пересылалъ ихъ по почтѣ; въ этихъ письмахъ разсказываетъ онъ, что убѣжалъ изъ Россіи въ 1754 году со стороны Азова, былъ въ разныхъ странахъ Европы; въ 1757 году пріѣзжалъ инкогнито въ Петербургъ, откуда уѣхалъ въ Бран-

денбургъ, а отсюда въ Копенгагенъ, гдѣ прожилъ зиму между 1757 и 1758 годами до прибытія въ іюнѣ мѣсяцѣ 1758 года русскаго флота, который, по его мнѣнію, назначался для вытребованія его отъ датскаго двора, почему отправленъ онъ изъ Копенгагена тайнымъ образомъ на островъ Самсое, откуда послѣ выпровоженъ изъ королевства для избѣжанія столкновеній съ русскимъ дворомъ. Изъ Даніи онъ отправился въ Германію къ принцу Фердинанду брауншвейгскому и былъ свидѣтелемъ бергенскаго сраженія; во Франкфуртѣ его хотѣли схватить по приказу герцога Брольи, но онъ убѣжалъ въ Швейцарію и оттуда въ Италію. Прикрашиваетъ онъ свой разсказъ обстоятельствами, служащими для доказательства его справедливости, и ни въ чемъ себѣ не противорѣчитъ. Изъ письма датскаго министра Бернсторфа видно, что онъ обманщикъ и былъ бы арестованъ въ Даніи, еслибъ не успѣлъ убѣжать [187].

Елисавета объявила, что будетъ упорно продолжать войну, еслибы даже принуждена была продать половину своего платья и брилліантовъ [188]. Эти слова уже заключаютъ въ себѣ намекъ на то, какъ терпѣли отъ войны финансы имперіи. Въ началѣ іюня мѣсяца генералъ кригсъ-коммиссаръ князь Яковъ Шаховской представилъ въ конференцію, что главный коммиссаріатъ, если не будетъ ему возвращено долга, который имѣется на разныхъ правленіяхъ и простирается болѣе, чѣмъ на пять милліоновъ, и если не будетъ пополнена доимка, не надѣется, чтобъ на текущій годъ могла быть отправлена въ армію вся требуемая сумма сполна; представилъ, что военные чины удовольствованы жалованьемъ только за генварь и февраль мѣсяцы, а за остальные два мѣсяца генварьской трети удовольствовать уже не изъ чего. Конференція препроводила это донесеніе въ сенатъ; тотъ отвѣчалъ, что приняты мѣры къ собранію долговъ и доимокъ. Канцелярія отъ строеній донесла, что у нея на штатсъ-конторѣ долгу съ 1757 года 103,876 рублей; а у канцеляріи отъ строеній были большія издержки на постройку Зимняго дворца. Рѣзная работа въ галлереѣ этого дворца, по рисунку Растрелли, отдана была за 20,000 рублей мастерамъ — Жилету, Дункеру и Роляндý, которые обязались содержать на своемъ иждивеніи 50 человѣкъ иностранныхъ мастеровъ и 15 человѣкъ русскихъ рѣщиковъ; гвардейскій офицеръ поѣхалъ въ московскую губернію

набирать тысячу человѣкъ штукатуровъ, и велѣно штрафовать ярославскій магистратъ за укрывательство штукатуровъ и каменьщиковъ, также старосту и крестьянъ вотчины князя Елецкаго въ Любимскомъ уѣздѣ. Въ концѣ года канцелярія отъ строеній требовала на постройку Зимняго дворца 60,495 рублей. Сенатъ велѣлъ навести справки и оказалось, что въ 1755 году на строеніе дворца по смѣтѣ отпущено 859,555 рублей; потомъ отпущена прибавочная сумма въ 372,672 рубля, да на внутреннее строеніе по 1759 годъ велѣно отпустить 143,713 рублей; а съ 1759 года до окончанія постройки положено отпускать и отпускается по 120,000 рублей въ годъ; на этомъ основаніи сенатъ приказалъ: въ отпускѣ суммы канцеляріи отъ строеній отказать, пусть довольствуется назначенною суммою въ 120,000 рублей. Посольская свита въ Парижѣ не получала жалованья не только за 1760 годъ, но было недоплачено и за прошлый годъ. На иностранную коллегію шло въ годъ 191,377 рублей, да на чрезвычайныя уплаты 29,822 рубля и 1,300 червонныхъ; на штатсъ-конторѣ числилось долгу 512,713 рублей и 1,300 червонныхъ. За таможеннымъ откупщикомъ Шемякинымъ явилась доимка въ 412,562 рубля; сенатъ велѣлъ накрѣпко понудить къ уплатѣ.

По вѣдомостямъ за 1758 годъ продано было вина 1,478,643 ведра, денегъ въ сборѣ было 2,731,675 рублей, противъ 1749 года, когда вино продавалось разными цѣнами, продано меньше 154,555 ведръ, а денегъ получено больше 1,465,924 рубля. Соли продано было 6,272,639 пудъ, противъ всѣхъ прежнихъ годовъ меньше. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ предложилъ: извѣстно, что цѣловальникамъ на содержаніе въ кабакахъ разныхъ вещей— посуды, дровъ, свѣчъ, за провозъ питей и за прочее ничего не дается, слѣдовательно они должны на это тратить свое и впадаютъ въ вину по неволѣ, утаивая казенные доходы; видя это, должно предостеречь, чтобъ люди подъ наказаніе приходить не могли, котораго имъ и миновать нельзя, надобно давать имъ на содержаніе въ кабакахъ нужныхъ вещей. Сенатъ согласился. Четверо воеводъ было отрѣшено за слабое смотрѣніе ихъ въ кабацкомъ сборѣ. Тотъ же Шуваловъ объявилъ о приведеніи имъ артиллерійскаго корпуса въ желаемое состояніе, и чтобы впередъ не могло послѣдовать недостатковъ въ деньгахъ, какъ

прежде, предложилъ—изъ вступающихъ изъ передѣла мѣдныхъ пушекъ въ деньги и остающихся за распредѣленіемъ отъ передѣла мѣдныхъ денегъ экономическихъ суммъ учредить банкъ собственный артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, который бы могъ представить знатный капиталъ на случай недостатка денегъ на будущія времена. Сенатъ призналъ это дѣло очень нужнымъ и полезнымъ и учрежденіе банка возложилъ на самого Шувалова.

Мы видѣли, что прежде изъ средствъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ, какіе употреблялись за границею, лотерея не была признаваема полезною въ Россіи. Но теперь хотѣли испытать и это средство: оберъ-церемонійместеръ баронъ Лефортъ представилъ конференціи проектъ, какъ согласить большую государственную лотерею съ казенною пользою, чтобъ не было опасенія, что лотерея не наполнится или что, въ избѣжаніе безславія и потери кредита, надобно будетъ наполнить ее казенными деньгами. Конференція опредѣлила утвердить лотерею и генералъ-директоромъ ея назначить барона Лефорта подъ покровительствомъ сената; денежную лотерею по рублю за билетъ рѣшено учредить въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Кенигсбергѣ.

Несмотря на необходимое по обстоятельствамъ стремленіе ко всевозможному ограниченію расходовъ, сенатъ призналъ нужнымъ израсходовать значительную по тому времени сумму для награды сыну за отцовскія заслуги. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ представилъ: «Чтобъ побудить человѣка употребить всѣ свои силы на службу отечеству—необходимо увѣрить его въ вознагражденіи; заслуга является причиною воздаянія, а воздаяніе служитъ полнымъ поощреніемъ къ предпріятіямъ опаснымъ для того, кто на нихъ отваживается, но полезнымъ для его государя и отечества, и видится заслуга съ воздаяніемъ такъ сопряжена какъ душа съ тѣломъ. Довѣріе, которое оказываетъ намъ наша государыня, обязываетъ насъ ходатайствовать за людей, которые отваживались на предпріятія, оказавшіяся чрезвычайно полезными для отечества. Семейство Ивана Кириллова находится въ крайней бѣдности и, можно сказать, остается безъ пропитанія; а Кирилловъ оказалъ отечеству знатную услугу: доказательствомъ служатъ тѣ плоды, которые получаются отъ

Оренбурга и его губерніи. Кирилловъ, будучи оберъ-секретаремъ въ сенатѣ, въ 1734 году, подалъ проектъ о построеніи на Орь рѣкѣ города и отправленъ былъ для приведенія его въ исполненіе. Въ слѣдствіе построенія города завелась торговля, доходы отъ этой торговли сначала были невелики, простирались только до 4,000 рублей, а теперь до 150,000 и больше въ годъ бываетъ, и сверхъ того имѣется тамъ пять мѣдныхъ заводовъ, на которыхъ выплавливается въ годъ мѣди до 26,000 пудовъ; четыре желѣзныхъ завода, на которыхъ выдѣлывается желѣза въ годъ до 180,000 пудовъ, а на виновникѣ этого богатства, Кирилловѣ до сихъ поръ числится долгу 7,591 рубль, и этотъ долгъ надобно взыскать съ сына его, оберъ-аудитора Военной коллегіи». Сенатъ рѣшилъ подать императрицѣ докладъ, просить о пожалованіи Кириллову 10,000 рублей, и въ то число зачесть долгъ [189].

По предложенію того же Шувалова возстановлена была остермановская коммиссія о коммерціи. Для распространенія торговли надобно было защищать купцовъ; сенатъ приказалъ накрѣпко изслѣдовать объ обидахъ, причиненныхъ новоторжскому купечеству отъ рекрутъ; рекруты ограбили и избили купцовъ, изъ которыхъ одинъ, Тетюхинъ на другой день отъ побой умеръ. Сенатъ послалъ указъ канцеляріи отъ строеній: взять отвѣтъ отъ гвардіи капитанъ-поручика Шувалова, отправленнаго для набора штукатуровъ къ строенію зимняго дворца, для чего онъ членовъ главнаго магистрата задержалъ подъ карауломъ, и притомъ, не объявя никакого указа, повторялъ только, что поступаетъ по-солдатски, а главный магистратъ имѣетъ такое же преимущество какъ и прочія коллегіи и состоитъ подъ аппеляціею сената. Сенатъ имѣлъ право сажать магистратскихъ членовъ подъ караулъ; по жалобѣ медицинской канцеляріи онъ приказалъ: въ тѣхъ городахъ, гдѣ по указу 737 года имѣются лѣкаря, магистратамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ этимъ лѣкарямъ жалованье и квартирныя деньги производимы были изъ магистратовъ по третямъ года безъ малѣйшаго удержанія и не продолжая по прошествіи трети больше трехъ дней и не принося никакихъ отговорокъ; медицинская канцелярія пишетъ, что лѣкаря, не получая жалованья, терпятъ великую нужду, а магистраты, несмотря на подтвердительные указы, жалованья

не платятъ упрямствомъ, а потому канцеляріямъ тѣхъ городовъ взыскать это лѣкарское жалованье съ магистратовъ вдвое, не принимая никакого оправданія, и одну половину отослать на госпиталь, а другую лѣкарямъ тотчасъ выдать, и пока магистраты двойного жалованья не заплатятъ, держать магистратскихъ судей подъ карауломъ въ магистратахъ безъ выпуску. Оказалось, что въ Тамбовѣ лѣкарю не было выдано жалованья за 5 лѣтъ. Не вездѣ, какъ въ Торжкѣ, купцы позволяли себя бить рекрутамъ. Юстицъ-коллегія донесла въ сенатъ: тихвинскаго магистрата бургомистръ Солодовниковъ хотя въ наряженіи тихвинскихъ обывателей для бою офицеровъ—капитана Ив. Шувалова, адъютанта Якова Голенищева-Кутузова, обознаго Вас. Огибалова, и не признается, и потому надлежало бы тѣмъ тихвинцамъ съ нимъ Солодовниковымъ произвесть пристрастные распросы плетьми; но онъ Солодовниковъ совершенно изобличенъ, что онъ магистратскихъ ходаковъ для высылки тихвинскихъ посадскихъ и кузнецовъ для битья тѣхъ офицеровъ посылалъ, а Тихвинскаго монастыря служителю Щетинину и кузнецу Кирпичникову въ магистратскихъ сѣняхъ давалъ по дубинѣ, чтобъ ими проводить офицеровъ, собравши для драки человѣкъ тридцать—пусть офицеры въ Петербургѣ не хвастаются; и тѣмъ, что Голенищева-Кутузова били, не удовольствовался, но еще велѣлъ поймать и бить капитана Шувалова, который, по его приказу, противъ магистрата на площади и битъ. Для отвращенія напраснаго кровопролитія и для прекращенія слѣдствія, которое тянется уже безъ малаго четыре года, и чтобы тихвинцы, содержащіеся по этому дѣлу, торговъ и промысловъ не лишились, юстицъ-контора полагаетъ сдѣлать слѣдующее: 1) Солодовникова, за указанную вину и прочія продерзости, что онъ, во время содержанія его въ коммиссіи, собравшись съ другими колодниками и вломясь въ судейскую камеру, кричалъ, что онъ производимымъ надъ нимъ слѣдствіемъ недоволенъ и чтобъ ихъ повезли въ Петербургъ; за наглое отбывательство отъ слѣдствія, за двоекратный уходъ изъ коммиссіи изъ-подъ караула, за битье караульнаго солдата и за угрозы—кто его будетъ брать—бить до смерти; за приходъ подъ его предводительствомъ тихвинскихъ обывателей въ Тихвинскій большой монастырь и за разломаніе келейныхъ дверей и за уводъ служительскаго

сына Быкова изъ-подъ караула,—за все это наказать его кнутомъ, освободить, но впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Тихвинцевъ, которые его слушались и били офицеровъ, наказать плетьми, хотя Щетининъ и показываетъ, что Тихвинцы и кузнецы вступились за кузнеца Шепелева, котораго Огибаловъ билъ, и стали его отнимать, отъ чего и драка произошла; кромѣ того съ Солодовникова и тихвинцевъ, которые били офицеровъ, взыскать деньги за безчестье послѣднихъ. Сенатъ велѣлъ наказать Солодовникова вмѣсто кнута плетьми.

Оказалось, что учрежденные при Петрѣ Великомъ въ городахъ цехи пришли въ разстройство; по этому поводу конференція разсудила: теперь было бы самое удобное время, по причинѣ военныхъ замѣшательствъ во всей Европѣ, получить въ здѣшнюю имперію хорошихъ ремесленниковъ; но всякое о томъ стараніе прилагалось бы тщетно, пока ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и состояніе приведенъ не будетъ, но всѣ въ нынѣшнемъ ихъ разстройствѣ останутся; напримѣръ, великое здѣсь число портныхъ для вредной государству роскоши; но опытъ показалъ, что едва только нужда потребовала построить въ скорости на армію мундиры, то въ цѣлой Москвѣ нашлось записныхъ такъ мало, что о томъ и упоминать нечего; государство изобилуетъ лучшимъ желѣзомъ, но когда случились чрезвычайныя подѣлки для арміи, то лучшимъ желѣзомъ окованныя повозки рѣдко доходили до мѣста назначенія. Сенатъ, получивши эти замѣчанія конференціи, приказалъ подтвердить въ главномъ магистратѣ, чтобъ цехи содержаны были и купцы торги производили по силѣ указовъ магистратскаго регламента; что же касается вызова ремесленниковъ изъ-за границы, то безъ употребленія знатной суммы денегъ обойтись при этомъ нельзя, а конференціи извѣстно, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ и на самонужнѣйшія управленія въ деньгахъ крайній недостатокъ, по этому о вызовѣ ремесленниковъ сенатъ теперь опредѣленія сдѣлать не можетъ, а чтобъ вызывать ремесленниковъ безъ казеннаго убытка, о томъ должна разсуждать коммиссія о коммерціи [190].

Но могла ли коммиссія о коммерціи дать торговымъ людямъ безопасность отъ грабежей всякого рода? 24 августа сенатъ получилъ именной указъ: «Ея императ. величеству къ крайнему

гнѣву и неудовольствію извѣстно, что воронежскій губернаторъ Пушкинъ и бѣлгородскій Солтыковъ въ этихъ губерніяхъ дѣлаютъ великія разоренія и лихоимства и самыя грабительства, и потому повелѣваетъ строжайше о томъ изслѣдовать». Для улучшенія участи однодворцевъ ихъ освободили изъ-подъ власти губернаторовъ и воеводъ и дали особыхъ управителей; но однодворцы орловскаго уѣзда подали въ сенатъ просьбу: опредѣленный не по желанію ихъ къ нимъ управитель, гвардіи прапорщикъ Глазовъ вмѣстѣ съ писаремъ разоряетъ ихъ, забираетъ ихъ женъ и дѣтей и, сковавши, держитъ въ тюрьмѣ, моритъ голодною смертію, бьетъ мучительски плетьми и батогами, отдаетъ однодворческихъ дочерей замужъ за помѣщичьихъ крестьянъ; посланные отъ него берутъ за проѣздъ большія деньги и отнимаютъ платье, хлѣбъ и прочіе домовые скарбы, убили до смерти двухлѣтняго ребенка на рукахъ у матери: поэтому однодворцы просятъ Глазову у нихъ не быть, а быть имъ подъ вѣдѣніемъ орловской провинціальной канцеляріи попрежнему. Сенатъ приказалъ: Глазова немедленно отрѣшить и на его мѣсто опредѣлить, кого сами однодворцы выберутъ. Сенатъ узналъ, что обыватели терпятъ обиды и излишнія приметки отъ вальдмейстеровъ, которые опредѣлены и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ и лѣсовъ, годныхъ для кораблестроенія, поэтому приказалъ всѣхъ такихъ вальдмейстеровъ немедленно отрѣшить и потребовать отъ адмиралтейской коллегіи рапорта, кѣмъ они опредѣлены, давно ли и для чего. Наконецъ сенатъ постановилъ смѣнять воеводъ черезъ пять лѣтъ, оставляя только такихъ, которые окажутся исправными и незаподозрѣнными и объ оставленіи которыхъ будутъ просить помѣщики и граждане [191].

Эти распоряженія сената, происходившія въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, были слѣдствіемъ знаменитаго указа императрицы отъ 16 августа: «Съ какимъ мы прискорбіемъ, по нашей къ подданнымъ любви, должны видѣть, что уставленные многіе законы для блаженства и благосостоянія государства своего исполненія не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ непріятелей, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ, и равнымъ образомъ чувствовать, что вкореняющееся также зло пресѣченія не имѣетъ. Сенату нашему, яко первому государственному мѣсту, по своей должности и по дан-

ной власти, давно бъ надлежало истребить многіе по подчиненнымъ ему мѣстамъ непорядки, безъ всякаго помѣшательства умножающіеся къ великому вреду государства. Несытая алчба корысти дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе ободреніемъ беззаконникамъ. Въ такомъ достойномъ сожалѣнія состояніи находятся многія дѣла въ государствѣ и бѣдные, утѣсненные неправосудіемъ люди, о чемъ мы чувствительно соболѣзнуемъ, какъ и о томъ, что наша кротость и умѣренность въ наказаніи преступниковъ такое намъ отъ неблагодарности приносятъ воздаяніе. Повелѣваемъ симъ нашему сенату, какъ истиннымъ дѣтямъ отечества, воображая долгъ Богу, государству и законамъ государя императора нашего любезнѣйшаго родителя, которые мы во всемъ своими почитаемъ, всѣ свои силы и старанія употребить къ возстановленію желаннаго народнаго благосостоянія; хотя нѣтъ челобитенъ и доносовъ, но по самымъ обстоятельствамъ, сенату извѣстнымъ, зло прекращать и искоренять. Всякій сенаторъ, по своей чистой совѣсти, долженъ представить о происходящемъ вредѣ въ государствѣ и о беззаконникахъ ему извѣстныхъ, безъ всякого пристрастія, дабы тѣмъ злымъ пощады, а невиннымъ напрасной бѣды не принесть, но какъ истинному сыну своего отечества, памятуя страхъ Божій и свою должность, и зная, что людямъ, возведеннымъ быть судьями другимъ, надлежитъ почитать свое отечество родствомъ, а честность дружбою; которыя представленія уважать, заблужденія въ мѣстахъ исправлять, подозрительныхъ судей смѣнять и изслѣдовать, и паче всего изыскивать причины къ достиженію правды, а не къ продолженію времени. Многія вредныя обстоятельства у всѣхъ передъ глазами: продолженіе судовъ, во многихъ мѣстахъ разоренія, чрезъ мѣру богатящіеся судьи, безконечныя слѣдствія, похищеніе нашего интереса отъ тѣхъ, кои сохранять опредѣлены, воровство въ продажѣ соли, при наборѣ рекрутъ и при всякомъ на народъ налогѣ въ необходимыхъ государству нуждахъ, все оное неоспоримыя доказательства, открывающія средства къ пресѣченіи вреда общаго».

Но Елисавета не хотѣла ограничиться одними словами; мы видѣли ея гнѣвный указъ на счетъ губернаторовъ Солтыкова и

Пушкина; кромѣ того надобно было и сенату дать средства къ исполненію обязанностей, какого требовала отъ него императрица. Сенаторовъ было немного, и часть ихъ засѣдала въ конференціи, слѣдовательно не всегда могла присутствовать въ сенатѣ. Назначены сенаторами: генералъ-поручикъ Костюринъ, знаменитый оренбургскій генералъ-губернаторъ Неплюевъ, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ и генералъ-поручикъ Жеребцовъ. Такимъ образомъ сенатъ составился изъ слѣдующихъ лицъ: князя Никиты Трубецкого, фельдмаршала Бутурлина, генералъ-адмирала князя Мих. Мих. Голицына, канцлера Воронцова (который впрочемъ, подобно предшественнику своему Бестужеву, никогда не бывалъ въ сенатѣ), графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ, князя Щербатаго, Костюрина, князя Алексѣя Дмитр. Голицына, Жеребцова, князя Одоевскаго, графа Романа Воронцова, Неплюева, Хитрово и князя Мих. Ив. Шаховского. Но дѣло обновленія сената не могло бы имѣть важныхъ результатовъ, еслибъ остался прежній генералъ-прокуроръ, сильно одряхлѣвшій фельдмаршалъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой; онъ былъ уволенъ отъ этой многотрудной должности, и на его мѣсто назначенъ человѣкъ извѣстный своею дѣятельностію, правдивостію и неподкупностію, генералъ-кригсъ-коммиссаръ князь Яковъ Петровичъ Шаховской; вмѣсто его должность генерала кригсъ-коммиссара получилъ оберъ-прокуроръ сената Глѣбовъ, а оберъ-прокуроромъ назначенъ графъ Иванъ Григор. Чернышевъ [192].

Какъ видно, назначенію Шаховского въ генералъ-прокуроры всего болѣе содѣйствовалъ Ив. Ив. Шуваловъ. По крайней мѣрѣ онъ первый открылъ Шаховскому о намѣреніи Елисаветы назначить его на это мѣсто. Шаховской, по его словамъ, отвѣчалъ Шувалову, что «сіе будетъ къ наибольшему его злополучію», и когда Шуваловъ сталъ уговаривать его принять назначеніе, которое показываетъ такую великую довѣренность къ нему императрицы, то Шаховской прямо сказалъ ему, что въ новомъ чинѣ онъ будетъ имѣть себѣ двоихъ главныхъ злодѣевъ, графа Петра Ив. Шувалова, который привыкъ, не разбирая путей, проводить свои планы во что бы то ни стало, и князя Никиту Трубецкого, котораго смѣнятъ противъ его желанія. Шуваловъ представлялъ на это, что Шаховской во всѣхъ нужныхъ случаяхъ найдетъ

защиту у самой императрицы, а «что до того моего брата Петра Ивановича принадлежитъ, я въ томъ васъ увѣряю, что онъ вамъ препятствіемъ въ полезныхъ вашихъ производствахъ не будетъ» [193].

Но столкновенія между Петромъ Шуваловымъ и Шаховскимъ были неминуемы. Шуваловъ, подобно многимъ благонамѣреннымъ людямъ, никакъ не хотѣлъ мѣшать другимъ благонамѣреннымъ людямъ въ ихъ «полезныхъ производствахъ», никакъ не думалъ мѣшать и новому генералъ-прокурору, когда тотъ будетъ хлопотать о введеніи порядка, быстроты и правды въ судахъ, будетъ соблюдать экономію въ государственныхъ расходахъ, *если только* онъ не будетъ касаться вѣдомствъ, управляемыхъ имъ, Шуваловымъ, не будетъ на нихъ распространять своего надзора. Новый генералъ-прокуроръ нашелъ, что изъ многихъ присутственныхъ мѣстъ не присылаютъ въ сенатъ вѣдомостей и рапортовъ, и оберъ-секретарь говоритъ, что отъ нѣкоторыхъ мѣстъ и требовать отчетовъ нельзя, какъ напримѣръ изъ монетной конторы и изъ экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ, состоящихъ подъ управленіемъ графа Петр. Ив. Шувалова. Но Шаховской находитъ, что можно и должно требовать отчетовъ и изъ этихъ мѣстъ и посылаетъ ихъ требовать. Шуваловъ, оскорбленный, пріѣзжаетъ въ сенатъ и говоритъ: «Я ни отъ генералъ-прокурора, ни отъ господъ сенаторовъ, какъ отъ своихъ благосклонныхъ товарищей, никогда такихъ требованій не ожидалъ: еслибы, по какимъ-нибудь сомнѣніямъ, и захотѣли посмотрѣть вѣдомость о наличныхъ деньгахъ, то можно бы приватно мнѣ сообщить, я бы велѣлъ ее вамъ показать».—«Монетная контора, говоритъ Шаховской, наравнѣ со всѣми другими коллегіями и канцеляріями, находится въ послушаніи сенату, и потому я, по обязанности своей, потребовалъ и отъ нея отчета». Шуваловъ перемѣнился въ лицѣ. «Такъ это вы, сударь, приказали», сказалъ онъ.—«Я, сударь», отвѣчалъ Шаховской.

Такія же столкновенія и въ конференціи, куда Шаховской также поступилъ членомъ. Ив. Ив. Шуваловъ долженъ былъ вступиться. Учтиво, ласково говорилъ онъ Шаховскому: «Братъ мой Петръ Ивановичъ со слезами жалуется, что вы его гоните». Шаховской проситъ назначить день для объясненій съ графомъ Петромъ Ив. въ присутствіи Ивана Ивановича, который долженъ

рѣшить, кто правъ, кто виноватъ. Иванъ Ив. соглашается, и въ назначенный день оба соперника пріѣзжаютъ къ нему и садятся другъ противъ друга. Графъ Петръ Ив., привыкшій по словамъ Шаховского, брать верхъ своимъ краснорѣчіемъ въ разсужденіяхъ и доказательствахъ [194], первый началъ рѣчь, складывая всю вину на Шаховского. Изъ собственнаго разсказа послѣдняго выходитъ, что краснорѣчіе Шувалова сильно раздражило его, а, можетъ быть, ему представился московскій его домъ, наполненный больными изъ госпиталя. Какъ бы то ни было, вмѣсто того, чтобы прямо отвѣчать на обвиненія Шувалова и представлять каждое дѣло въ свою пользу, Шаховской употребилъ дѣтской пріемъ брани: «а самъ-то ты хорошъ!» собралъ повторяемые врагами Шувалова слухи, объясненія корыстными побужденіями лучшихъ, полезнѣйшихъ плановъ Шувалова, и все это вылилъ вдругъ ему на голову. Вся Россія волнуется отъ недостатка соли вслѣдствіе невольной монополіи пермскихъ промышленниковъ; Шуваловъ предлагаетъ самое простое и дѣйствительное средство помочь бѣдѣ—добывать соль изъ другого источника, изъ Элтонскаго озера, и бѣда прекращается. Заслуга безспорная! Какъ же представляетъ ему дѣло Шаховской: «Вы сдѣлали это для умноженія собственныхъ вашихъ доходовъ, дабы всѣхъ государственныхъ крестьянъ, которые промышляли поставкою на соляныя пермскія варницы дровъ, обратить на рудокопные заводы, изъ которыхъ лучшіе вы взяли себѣ». Шаховской не пропустилъ не запятнавши и полезнѣйшаго дѣла Шувалова, уничтоженія внутреннихъ таможенъ: «Вы, говоритъ онъ Шувалову, освободили чрезъ это и собственное желѣзо отъ внутреннихъ пошлинъ; да говорятъ, что по вашему приказанію, купцы поднесли императрицѣ бриллiантовыя вещи и вамъ самимъ бриллiантовую андреевскую звѣзду». Разумѣется, Шуваловъ не могъ унизиться до отвѣтовъ на такія рѣчи, не могъ унизиться до отвѣта, что нельзя ему было удержаться отъ предложенія благодѣтельной для страны мѣры, уничтоженія внутреннихъ таможенъ, потому только, что чрезъ эту мѣру и его желѣзо освобождалось отъ пошлинъ и т. п. Онъ всталъ и учтиво поклонясь Шаховскому, сказалъ: «Покорно благодарствую за милостивую вашу мнѣ откровенность; а я уже довольно вижу, какъ ваше сіятельство имѣете

особливый даръ своими доказательствами поверхность брать и слушателей къ своимъ мнѣніямъ склонять». Шаховской не понялъ ироніи послѣднихъ словъ, и простодушно описалъ въ своихъ запискахъ это свиданіе, выдавши себя Шувалову головою передъ потомствомъ, передъ которымъ осталось скрыто, какъ оправдывалъ Шуваловъ свои столкновенія съ Шаховскимъ въ сенатѣ и конференціи.

Новый генералъ-прокуроръ началъ опять настаивать, чтобъ члены присутственныхъ мѣстъ пріѣзжали въ указные генеральнымъ регламентомъ часы. Но канцелярія конфискаціи донесла, что хотя она и должна штрафовать всѣхъ воеводъ, которые пріѣзжаютъ не въ указные часы, однако къ положенію штрафовъ имѣетъ сомнѣнія: 1) по генеральному регламенту велѣно съѣзжаться въ самые короткіе дни въ шестомъ, а въ долгіе въ осьмомъ часу: только по которое именно время короткіе и долгіе дни числить, на то точнаго изъясненія нѣтъ. 2) Изъ разныхъ городовъ пишутъ, что воеводы въ канцеляріяхъ находились, а въ которомъ часу приходили и выходили, о томъ за неимѣніемъ въ тѣхъ городахъ часовъ писать не съ чего. 3) Въ гремячевской воеводской канцеляріи во многихъ числахъ присутствія не было за неимѣніемъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ, и за такія неприсутствія штрафъ взыскивать ли? Канцеляріи конфискаціи съ этимъ дѣломъ справиться нельзя за малоимѣніемъ секретарей и приказныхъ, ибо во всемъ государствѣ, кромѣ остзейскихъ, сибирскихъ и оренбургской губерній, городовъ, пригородовъ и дистриктовъ 250, изъ которыхъ каждую треть по такому же числу и репортовъ вступать должно. Сенатъ по этому доношенію приказалъ: гдѣ часовъ нѣтъ, тамъ держать песочные часы; гдѣ присутствія не было за неимѣніемъ дѣлъ, тамъ штрафовъ не взыскивать; могутъ пріѣзжать и послѣ означеннаго въ регламентѣ времени по неисправности часовъ, но чтобъ всѣ пріѣзжали непремѣнно въ одно время и оставались въ присутствіи столько времени, сколько назначено регламентомъ, а по нуждѣ и сверхъ опредѣленныхъ часовъ, чтобъ въ дѣлахъ упущенія не было [195].

Замѣтимъ важнѣйшіе случаи судебныхъ рѣшеній. Мы упоминали о самомъ крупномъ дѣлѣ изъ ряда помѣщичьихъ усобицъ и наѣздовъ, о дѣлѣ Львовыхъ съ Софоновымъ, гдѣ погибло

столько крестьянъ. Наряжена была особая коммиссія по этому дѣлу; но Львовы съ Софоновымъ помирились и просили объ уничтоженіи коммиссіи. Сенатъ отвѣчалъ: хотя они между собою и помирились и Софоновъ Львовыми въ иску своемъ удовольствованъ, однако учиненныхъ ссоръ, дракъ и смертныхъ убійствъ безъ слѣдствія оставить нельзя, и кто по слѣдствію окажется виноватъ, съ тѣмъ поступить по указамъ. Юстицъ-коллегія прислала экстрактъ изъ дѣла: люди драгунскаго воронежскаго полка полковника Тимоѳеева съ пытокъ показали, что они задавили полковничья человѣка Полякова, по приказанію полковника, за связь его съ женою послѣдняго, а полковница къ тому убійству согласія съ ними не имѣла; убійство они совершили въ то время, когда полковница пошла въ клѣть, гдѣ жилъ Поляковъ, и, вызвавъ изъ клѣти жену Полякова, ввела ее въ черную избу: они воспользовались этимъ временемъ, вскочили въ клѣть и задавили Полякова; это было въ полночь, что и навело подозрѣніе на барыню; кромѣ того она приказала вырыть тѣло Полякова изъ омшенника и отнести въ лѣсъ. Полковница говорила, что она вызывала жену Полякова въ черную избу для хозяйственныхъ распоряженій и, узнавъ объ убійствѣ, приказала тѣло отрыть и похоронить при церкви; не донесла объ этомъ, боясь мужа, но сказала тайно духовнику. Воронежская губернская канцелярія и юстицъ-коллегія присудили полковницу пытать; но сенатъ приказалъ: о пыткѣ мнѣніе юстицъ-коллегіи отставить, ибо въ уложеньѣ доносамъ крѣпостныхъ людей вѣрить не велѣно, и полковницу Тимоѳееву, какъ много лѣтъ подъ карауломъ содержавшуюся, освободить безъ всякаго штрафа, ибо она наказана держаніемъ подъ карауломъ за то, что зная объ убійствѣ не доносила, да ей и сдѣлать этого не надлежало [196].

По прежнему изъ внутреннихъ дѣлъ больше всего безпокоили правительство крестьянскія волненія. Усмирены были крестьяне приписные къ шуваловскимъ желѣзнымъ заводамъ въ Казанскомъ уѣздѣ. Для охраненія крестьянъ Кадомскаго уѣзда, какъ безгласныхъ отъ обидъ и разореній, по ихъ собственному прошенію, сенатъ назначилъ въ управители къ нимъ отставного прапорщика Жданова. Галицкой провинціи въ селѣ Егорьевскомъ крестьяне перестали слушаться помѣщика своего Тара-

канова; посланъ былъ къ нимъ коммиссаръ съ командою и понятыми и читалъ печатный указъ въ церкви; но крестьяне объявили, что указъ состоялся по челобитной помѣщика ихъ, и потому они его и слугъ его и впередъ ни въ чемъ слушаться не будутъ; собралось въ Егорьевскомъ крестьянъ съ дубинами и длинными ножами до 300 человѣкъ, коммиссара съ командою выслали вонъ и больше объ указѣ говорить ему не велѣли. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ возмутились крестьяне помѣщика Безсонова.

Но больше было дѣла съ монастырскими крестьянами: въ началѣ года поступили въ сенатъ четыре жалобы крестьянъ разныхъ монастырей на беззаконные поступки, разоренія и мучительство отъ монастырскихъ властей, управителей и служекъ; крестьяне писали, что били челомъ архіереямъ и въ синодъ, но управы не получили. Потомъ изъ кабинета пересланы были въ сенатъ просьбы крестьянъ кашинскаго уѣзда вотчинъ Колязина монастыря, шацкаго уѣзда вотчинъ Новоспасскаго монастыря, бѣлевскаго уѣзда вотчинъ Спасопреображеньева монастыря, ярославскаго уѣзда вотчинъ Спасоярославскаго монастыря, муромскаго уѣзда вотчины соборной муромской церкви. Отъ кабинета было сообщено, что челобитчики, выборные отъ міра крестьяне, всѣ вмѣстѣ, должно быть отъ нестерпимыхъ обидъ, отважились съ великимъ крикомъ подать свои просьбы самой императрицѣ, и хотя запрещено подавать просьбы самой императрицѣ, однако она ихъ прощаетъ и приказываетъ немедленно окончить ихъ дѣла. Кромѣ того поданы были жалобы отъ крестьянъ Іосифова монастыря Волоцкаго и другихъ. Сенатъ объявилъ синоду, что хотя жалобы этихъ крестьянъ безъ изслѣдованія прямо и нельзя признать справедливыми, однако еслибъ не было имъ излишняго отягощенія, то не стали бы жаловаться безъ причины. Крестьяне Іосифова монастыря сами просятъ, чтобъ по ихъ дѣлу была учреждена особая коммиссія, и такъ какъ уже существуетъ коммиссія по дѣлу крестьянъ Новоспасскаго монастыря, то рѣшено передать ей же и разсмотрѣніе жалобъ остальныхъ монастырскихъ крестьянъ. Въ коммиссію назначено четыре свѣтскихъ члена, а синодъ пусть назначитъ отъ себя членовъ, сколько заблагоразсудитъ.

Крестьяне Саввина Сторожевскаго монастыря не ограничились подачею просьбъ: собравшись человѣкъ до 300, они пришли подъ монастырь съ дубьемъ и просились у сторожей, чтобъ ихъ пропустили къ казначею; ворота, разумѣется, заперли; тогда они стали въ нихъ ломиться, крича, чтобъ выдали имъ приказнаго, пѣвчаго да конюха, грозясь убить ихъ до смерти. Потомъ вторично собрались до 2000 человѣкъ и расположились около монастыря по всѣмъ дорогамъ, осматривали проѣзжихъ, искали троихъ крестьянъ, взятыхъ подъ монастыремъ посланною отъ синодальной конторы военною командою, кричали, что если имъ не отдадутъ этихъ крестьянъ и требуемыхъ ими приказнаго, пѣвчаго и конюха, то они военную команду не только изъ монастыря не выпустятъ, но и перебьютъ. Посланъ былъ противъ нихъ капитанъ съ сотнею солдатъ. Синодъ доносилъ, что возмущеніе это произведено двоими бѣжавшими изъ монастыря монахами, и когда этихъ монаховъ поймали, то крестьяне отбили ихъ и осадили монастырь. Капитанъ не засталъ крестьянъ подъ монастыремъ, но уже за монастырскою слободкою; они напали на команду и двоихъ солдатъ ранили; команда должна была стрѣлять пулями, но отъ ярости нападающихъ крестьянъ отступила къ монастырю, при чемъ изъ команды было ранено 30 человѣкъ. Сенатъ приказалъ отправить еще 200 человѣкъ солдатъ съ штабъ-офицеромъ и отъ синода требовать, чтобъ велѣлъ священникамъ уговаривать крестьянъ смириться [197].

Волненія монастырскихъ крестьянъ должны были двигать тяжелый вопросъ объ измѣненіи управленія церковными имуществами и доходами съ нихъ. 3 іюля сенатъ, въ силу именного повелѣнія императрицы, имѣлъ разсужденіе о монастырскихъ крестьянахъ и собираемыхъ съ нихъ доходахъ и объ учрежденіи инвалидныхъ домовъ, при чемъ призванъ былъ оберъ-прокуроръ синода князь Козловскій и объявилъ, что св. синодъ имѣетъ намѣреніе на содержаніе инвалидовъ отпускать по 200,000 рублей въ годъ, а можетъ быть и больше. Затѣмъ 6 октября была у сената конференція съ синодомъ. Вошелъ въ сенатъ Димитрій (Сѣченовъ) архіепископъ новгородскій, Сильвестръ петербургскій, Веніаминъ епископъ псковскій, Порфирій коломенскій. Генералъ-прокуроръ князь Шаховской предложилъ, что 30 сентября 1757 года императрица приказала имѣть разсужденіе о

монастырскихъ и архіерейскихъ доходахъ, и только 24 іюля 1760 года была по этому дѣлу конференція у сената съ синодомъ, однако никакого рѣшенія не утверждено и не подписано, почему онъ, генералъ-прокуроръ, видя, что именной указъ три года не исполняется, долгомъ своимъ считаетъ предложить общему собранію учинить точное исполненіе, изыскавъ ближайшія средства. Синодальные члены объявили, что они утверждаются на своемъ мнѣніи, высказанномъ 24 іюля, а именно: 1) если опредѣлить къ управленію и сбору доходовъ въ архіерейскія и монастырскія деревни офицеровъ, то отъ нихъ послѣдуетъ наибольшее деревнямъ разореніе и отъ того между офицерами и монастырскими властями будутъ всегдашнія безпокойства и затрудненія, какъ то и было, когда деревни вѣдались въ монастырскомъ приказѣ, почему въ 1720 году Петръ Великій обратно отдалъ ихъ въ монастыри. 2) За прошлые годы на учрежденіе инвалидныхъ домовъ и содержаніе отставныхъ взыскать денегъ нельзя, потому что не было никакого расположенія на всѣ монастыри, по скольку гдѣ содержать отставныхъ, а всегда и ежегодно присылаемые на пропитаніе въ монастыри отставные принимались и отъ монастырей были довольствованы и довольствуются и сверхъ того отсылаются нѣкоторые доходы въ экономію на указные расходы, извѣстій же о всѣхъ собираемыхъ доходахъ и сдѣланныхъ расходахъ, за неимѣніемъ вѣдомостей и записокъ, отыскать нельзя, если же производить счетъ и слѣдствіе, то настоящія власти за умершихъ отвѣта дать не могутъ. 3) Содержащіеся при монастыряхъ отставные жалуются на монастырскія власти, а власти на отставныхъ въ излишнихъ требованіяхъ и неумѣренныхъ поступкахъ, и всего этого, по заочности и отдаленности, епархіальнымъ архіереямъ усмотрѣть и отвратить нельзя. Въ отвращеніе этого св. синодъ полагаетъ, чтобъ отставныхъ при монастыряхъ вовсе не содержать, а вмѣсто того положить всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ въ помѣщичій окладъ, и изъ этихъ денегъ св. синодъ будетъ отпускать ежегодно по 300,000 рублей, да сверхъ того въ экономію на указные расходы, какъ-то: на синодъ, палестинскія дачи, содержаніе богадѣлень, госпиталя и проч. до 60,000 рублей, наконецъ съ вѣнечныхъ памятей и изъ типографскихъ доходовъ св. синодъ будетъ дополнять, чтобъ означенной суммы

на тѣ расходы доставало, а вотчинамъ быть въ управленіи архіерейскихъ домовъ и монастырей по прежнему, съ обязанностію содержать архіерейскіе домы съ семинаріями, и въ монастыряхъ поддерживать всѣ тамошнія постройки. Если же всего вышеписаннаго ея импер. величество въ апробацію принять не соизволитъ, и какое высочайшее повелѣніе послѣдуетъ, потому св. синодъ непремѣнно исполнять имѣетъ.

Но чрезъ нѣсколько дней послѣ этого засѣданія какъ нарочно приходитъ извѣстіе объ усобицѣ между монастырями по поводу владѣнія вотчинами. Отставной поручикъ Кармановъ, гвардіи сержантъ Сукинъ и два солдата, находившіеся на пропитаніи въ Новоспасскомъ монастырѣ, донесли, что они посланы были отъ этого монастыря для присмотра надъ монастырскими крестьянами, косившими лугъ, находящійся въ московскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Голедянкѣ; но когда, скося траву, они намѣрены были ее везти въ монастырскую конюшню, то намѣстникъ Андроньева монастыря Маркеллъ, собравшись многолюдствомъ съ монастырскими слугами и крестьянами, безо всякой причины, напалъ на служителей и крестьянъ Новоспасскаго монастыря, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ поломали руки и пробили головы и ограбили; Кармановъ съ товарищами били челомъ въ синодальной конторѣ и московской консисторіи, но ихъ прошеній не принято [198].

Дѣло о притѣсненіяхъ Татаръ и Бухарцевъ тобольскимъ епархіальнымъ начальствомъ не было розыскано смѣшенною коммиссіею изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, потому что члены коммиссіи перессорились, и сенатъ долженъ былъ закрыть коммиссію, оштрафовавши ея членовъ, и передать дѣло на разсмотрѣніе новому сибирскому митрополиту и губернской канцеляріи [199].

Далѣе на востокъ, въ Иркутскѣ была также коммиссія по дѣлу о расхищеніи купцами этого города питейныхъ сборовъ на сумму 150,000 рублей. Купцы повинились и прислали челобитную, что половину этихъ денегъ заплатятъ, но другой половины заплатить не могутъ, ибо кромѣ домовъ и пожитковъ у нихъ ничего не останется. Сенатъ рѣшилъ не взыскивать другой половины и не подвергать ихъ никакому наказанію. При слѣдствіи вице-губернаторъ генералъ-майоръ Вульфъ и товарищъ его полковникъ Слободской извинялись незнаніемъ приказныхъ дѣлъ.

Но скоро нужно было наряжать особую коммиссію для изслѣдованія поступковъ предсѣдателя этой иркутской коммиссіи, коллежскаго ассессора Крылова. Въ сенатъ дано было знать, что этотъ Крыловъ позвалъ къ себѣ въ гости иркутскаго вице-губернатора Вульфа, затащилъ его въ коммиссію, отобралъ у него кортикъ, потомъ вытолкалъ оттуда и провозгласилъ себя управляющимъ губерніею. Сенатъ послалъ курьера привезти Крылова въ оковахъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Крыловъ прислалъ донесеніе, что былъ онъ съ Вульфомъ въ гостяхъ у купца Зайцева, и онъ, Крыловъ секретаря иркутской канцеляріи Брусенцова за неучтивыя слова отъ себя оттолкнулъ, а Вульфъ, вскоча азартно, выдернулъ изъ ноженъ кортикъ и покололъ его Крылова въ руку. Потомъ они всѣ вышли изъ дому, и Крыловъ потребовалъ отъ Вульфа, чтобъ тотъ шелъ съ нимъ въ коммиссію, гдѣ Крыловъ спрашивалъ у Вульфа, для чего онъ такое злодѣйство надъ нимъ учинилъ, и Вульфъ отвѣчалъ, что онъ Прусакъ; тогда онъ Крыловъ, боясь, чтобъ Вульфъ его до смерти не заколол, потребовалъ отъ него кортика, который Вульфъ и отдалъ. Сенатъ не перемѣнилъ своего рѣшенія и мы услышимъ еще о другихъ дѣяніяхъ Крылова.

И въ Сибири не обошлось безъ крестьянскаго возстанія. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ крестьяне подали прошеніе, что они отъ казенной пахоты и отъ снятія хлѣбовъ отказываются. Посланъ былъ увѣщевать ихъ прапорщикъ съ командою, и когда зачинщиковъ начали брать, то крестьяне ударили на команду съ дубинами, отбили старосту и прочихъ зачинщиковъ, всю команду разбили, прапорщика дубиною по лицу ранили, причемъ у крестьянъ были ружья и штыки; дьяконъ Курганской слободы, по выходѣ отъ заутрени всенародно кричалъ, что зло зломъ и искоренять надобно, а попъ Іосифъ пускалъ крестьянъ на колокольню, объявляя, что она строена ими. Сенатъ приказалъ: объявить крестьянамъ, чтобъ были послушны, а губернатору разсмотрѣть, удобно ли имѣть пахоту земель, или вмѣсто того оброчный хлѣбъ сбирать съ крестьянъ; пущихъ заводчиковъ бить плетьми и сослать въ Нерчинскъ на работу; о попѣ и дьяконѣ послать вѣдѣніе въ Синодъ [200].

Сибирь становилась все важнѣе и важнѣе по своимъ подземнымъ богатствамъ, которыя возбуждали большія надежды осо-

бенно при тогдашнихъ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ вслѣдствіе затянувшейся войны. Эти обстоятельства заставили обратить вниманіе и на противоположную, западную окраину, нельзя ли изъ остзейскихъ областей и русской Финляндіи получить больше, чѣмъ сколько теперь получалось. По этому поводу вышло столкновеніе у сената съ конференціею. Въ сенатѣ полученъ былъ экстрактъ изъ протоколовъ конференціи о сборахъ съ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи; спрашивалось: какія эти области несли тягости прежде подъ шведскимъ владычествомъ и что теперь съ нихъ получается? въ заключеніе требовалось, чтобъ сенатъ, разсмотря все это и положа мнѣніе, подалъ въ конференцію. Сенатъ приказалъ отвѣчать: въ конференцію сообщить экстрактъ изъ протокола, что надобныя по этому дѣлу извѣстія и справки собраны, по которымъ прав. сенатъ разсужденіе имѣлъ, но рѣшеніе не состоялось, вопервыхъ потому, что собраніе сенаторовъ было не полное, а вовторыхъ потому, что прав. сенатъ, какъ первое государственное мѣсто, кромѣ ея импер. величества не обязанъ никому свои мнѣнія подавать, къ тому жъ господа конференцъ-министры всѣ сами присутствующіе въ сенатѣ, слѣдовательно то дѣло, какъ государственное, должно рѣшить всему сенату въ полномъ собраніи. Подписали: Неплюевъ, кн. Алексѣй Голицынъ, кн. Одоевскій, Жеребцовъ, графъ Романъ Воронцовъ, Костюринъ, кн. Михаилъ Шаховской [201].

ГЛАВА VI.

Окончаніе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1761 годъ.

Желаніе мира выраженное въ празднованіи новаго года.—Денежные разсчеты для наступающей кампаніи. — Французскія предложенія о мирѣ и переговоры по этому поводу между союзниками. Неудачныя дѣйствія Бутурлина.—Онъ отступаетъ, оставивъ корпусъ Чернышева дѣйствовать вмѣстѣ съ австрійскимъ корпусомъ Лаудона.—Взятіе Швейдница Лаудономъ при помощи Русскихъ.—Измѣна Тотлебена.—Разрывъ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею. — Перемѣна въ англійскомъ министерствѣ, благопріятная для союзниковъ.—Желаніе мира въ Швеціи.—Усиленіе французскаго вліянія въ Польшѣ.—Договоръ между Пруссіею и Турціею.—Выходка датскаго двора относительно голштинскаго дѣла. — Отчаянное положеніе Фридриха II-го.—Взятіе Кольберга Румянцевымъ.—Болѣзнь и кончина Елисаветы.—Значеніе ея царствованія.—Внутреннія правительственныя распоряженія въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы.

Сильное желаніе кончить тяжкую войну выразилось въ празднованіи новаго 1761 года: въ первомъ дѣйствіи фейерверка, сожженнаго 1 января передъ дворцомъ, изображался Новый Годъ въ видѣ крылатаго юноши, который, принося въ даръ вѣнецъ лавровый и *вѣтвь масличную*, стоялъ на завоеванныхъ непріятельскихъ оружіяхъ, штандартахъ и знаменахъ, а передъ нимъ лежали ключи и гербъ королевскаго прусскаго и бранденбургскаго столичнаго города Берлина. «Чрезъ сіе показуется, говорилось въ газетахъ, что всемилостивѣйшая наша государыня одержанныя преславныя ея оружіемъ побѣды и славу пріобрѣтенную единственно только къ тому употребляетъ, дабы чрезъ оныя вождѣленный миръ и тишину всемѣстную поспѣшить и возставить [202]».

Но надобно было употребить еще новыя усилія для пріобрѣтенія желаннаго мира, и прежде всего надобно было позаботиться о деньгахъ для войска. За прошлый годъ не дослано было болѣе 300,000 рублей: подтверждено отправить ихъ какъ можно скорѣе. Жалованная сумма на 1761 годъ опредѣлена была въ коммиссаріатѣ въ 1,465,728 рублей; Бутурлинъ требовалъ два милліона тридцать одну тысячу; ему отвѣчали: «Понеже и такого полнаго комплекта нѣтъ, какой вы полагаете, то и сего конечно довольно будетъ, когда токмо вся опредѣленная сумма исправнѣе прежняго доходить будетъ, о чемъ мы крайне стараться станемъ, тѣмъ наипаче, что вы въ тѣ жъ два милліона положили до 300,000 на чрезвычайные расходы, кои изъ другой суммы взяты быть имѣютъ, дабы коммиссаріатъ толь больше оставался при строгомъ наблюденіи своихъ регулъ». На провіантъ для всей арміи Бутурлинъ положилъ 1,122,488 рублей; ему отвѣчали: «Отъ неполнаго комплекта людей и при упадающей иногда цѣнѣ надобно быть значительнымъ остаткамъ; но мы теперь дѣлаемъ исчисленіе не на годъ, а на кампанію. Сколько надобно съ выступленія арміи въ походъ, то въ Вислянскихъ магазинахъ теперь почти столько есть; недостаетъ на содержаніе назначенныхъ въ Померанію полковъ, недостанетъ нѣсколько и на Вислѣ, особенно для того, чтобъ взять съ собою на мѣсяцъ и оставить еще на мѣсяцъ тамъ; но это не составитъ значительной суммы и мы увѣрены, что вы исправитесь или забраніемъ подъ квитанціи или подрядомъ и покупкою, употребляя во 1) передѣлываемыя въ Кёнигсбергѣ 200,000 рублей на прусскія деньги; 2) прочія теперь въ провіантскомъ правленіи находящіяся деньги; 3) взятыя недавно изъ Кёнигсберга 60,000, и 4) выручаемыя за проданный въ Данцигѣ берлинскій вексель 150,000 талеровъ. Если вы успѣете этими деньгами пробиваться до выступленія арміи съ рѣки Вислы въ походъ, то никакого сомнѣнія нѣтъ, что во время кампаніи въ деньгахъ недостатка не будетъ и военныя дѣйствія не будутъ подвержены никакимъ остановкамъ и промедленіямъ, потому что извѣстный здѣшній субсидный милліонъ рублей доставится вамъ весь сполна, а первая половина его очень скоро: изъ нея надобно вамъ прежде всего отдѣлить достаточную сумму на заготовленіе впредь по плану операцій магазиновъ, а прочее употреблять на другіе провіантскіе расхо-

ды. Потомъ изъ данныхъ нами тысячи пудъ серебра выйдетъ прусскихъ денегъ слишкомъ милліонъ рублей. Если положить шесть мѣсяцевъ кампаніи и на каждый 25,000 четвертей хлѣба, и каждую четверть положить по пяти рублей, то надобно только 900,000 рублей; нѣтъ тутъ крупъ, овса и сѣна, но никогда хлѣбъ и не становился такъ дорогъ и никогда его столько не было надобно; также не считается, что въ непріятельской землѣ какъ бы то ни было можетъ быть получено. Но пусть и ровно въ милліонъ станетъ шестимѣсячная кампанія относительно провіанта и фуража, то все же остается у васъ еще милліонъ на прочіе расходы. Что касается гусарскихъ порцій, на которыя вы требуете теперь слишкомъ 600,000 рублей, то казна наша такихъ расходовъ никогда вынести не можетъ да и крайне несправедливо было бы такія суммы понапрасну тратить, и потому надобно всегда содержать ихъ въ непріятельской землѣ или принять такія мѣры, чтобъ они получали содержаніе свое изъ магазиновъ, да и вообще разсмотрѣть, не слѣдуетъ ли имъ быть на совершенно другомъ основаніи, ибо прежніе штаты составлены такъ, какъ будто имъ всегда въ Украйнѣ стоять, или только въ турецкихъ степяхъ воевать. Если не будетъ способа питать ихъ на счетъ непріятеля, то не останется ничего другого, какъ возвратить ихъ всѣхъ на Украйну, и вмѣсто ихъ умножить число козаковъ. На чрезвычайные расходы надобна вамъ значительная сумма: на это опредѣляемъ мы все то, что очистится отъ извѣстнаго берлинскаго милліона талеровъ да и всѣ будущія контрибуціи, если Всевышній благословитъ наше оружіе».

25 января отправленъ былъ Бутурлину *секретнѣйшій* рескриптъ: «Теперь миновались или скоро могутъ миноваться тѣ обстоятельства, для которыхъ мы были принуждены стараться о сохраненіи Пруссіи въ хорошемъ состояніи; наступаютъ такія обстоятельства, при которыхъ надобно заботиться только о томъ, чтобъ армія наша была снабдена всѣмъ потребнымъ и королю прусскому была страшна. По этому повелѣваемъ вамъ 1) собрать съ Пруссіи все нужное число извощиковъ изъ людей домовитыхъ и съ поруками; конечно въ 1759 году сборъ ихъ не много принесъ пользы, намъ доносили, что они разбѣжались; но кромѣ того, что теперь при хорошемъ надзорѣ и порядкѣ этого нельзя опасаться, мы знаемъ, что и тогда не столько разбѣжались,

сколько были распущены изъ мерзкой корысти. 2) Если недостающее въ полкахъ число людей можно пополнить денщиками, то и на нхъ мѣста надобно взять съ Пруссіи же изъ дѣтей такихъ отцовъ, которые живутъ домами, съ обнадеживаніемъ какъ денщикамъ, такъ и извощикамъ, что по окончміи кампаніи будутъ отпущены обратно по домамъ [203]».

Какія же это были новыя обстоятельства, которыя не дозволяли болѣе щадить восточной Пруссіи, т.-е. отнимали надежду оставить ее за Россіею?

11 января вечеромъ пріѣхалъ къ канцлеру французскій посолъ съ депешею отъ герцога Шуазёля, въ которой говорилось, что французскій король, по состоянію своихъ владѣній, непремѣнно желаетъ мира; при этомъ посолъ представилъ слѣдующую декларацію съ требованіемъ скораго на нее отвѣта. «Достовѣрно извѣстно, что силы короля прусскаго такъ истощены, что еслибы не помогала ему Англія, то онъ принужденъ былъ бы дать всѣ тѣ удовлетворенія, которыхъ даетъ право требовать отъ него его несправедливое нападеніе; но и при англійской помощи изнеможеніе этого государя такъ очевидно, что державамъ соединившимся для возстановленія тишины и сохраненія права, пока союзъ ихъ пребудетъ непоколебимъ, нечего опасаться, чтобъ король прусскій осмѣлился послѣ мира возмутить покой и законы имперскіе новыми нападеніями. Король (французскій) не предвидитъ возможности, чтобъ будущая кампанія могла привести союзниковъ въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе. Не долженъ король скрывать отъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ, что онъ принужденъ уменьшить свое вспомогательное войско и что продолженіе войны крайне истощаетъ доходы его государства, такъ что онъ не отвѣчаетъ за возможность точнаго исполненія принятыхъ съ союзниками обязательствъ. Король надѣется, что ея императ. величество принесетъ въ жертву этому великому дѣлу собственные свои интересы, точно такъ какъ и король намѣренъ жертвовать своими интересами [204]».

На другой день, 12 января Эстергази сообщилъ канцлеру рескриптъ Маріи Терезіи отъ 1 января по поводу французской деклараціи, что необходимо стараться о заключеніи мира, если можно, нынѣшнею зимою. «Будущій миръ можетъ быть троякій, говорилось въ рескриптѣ императрицы-королевы: 1) *добрый*, ко-

гда мы и союзники наши достаточное удовлетвореніе получимъ, слѣдовательно опаснѣйшій нашъ непріятель будетъ приведенъ въ надлежащіе предѣлы; 2) *посредственный*, когда только нѣкоторая часть положеннаго удовлетворенія будетъ получена и непріятельская сила будетъ уменьшена только до нѣкотораго градуса; 3) *худой*, когда прусскій король безъ потери земель и безъ значительнаго убытка выйдетъ изъ войны, начатой такимъ продерзостнымъ образомъ. Продолженіе войны представляетъ надежнѣйшій способъ для доставленія тишины и безопасности намъ и союзникамъ нашимъ, и легко разсудить, что оказываемая теперь податливость къ миру намъ очень прискорбна. Но дѣлать нечего, надобно обращать вниманіе и на положеніе союзниковъ, и мы готовы на миръ, если разумѣется миръ по крайней мѣрѣ посредственный, а не худой, и потому мы приказали объявить французскому послу, что въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ мы не настаиваемъ на пріобрѣтеніи всей Силезіи и графства Глацъ, но будемъ довольствоваться нѣкоторою частію, еслибы чрезъ это до наступленія кампаніи могъ быть заключенъ миръ. Между тѣмъ мы для заключенія порядочнаго мира почитаемъ необходимымъ учрежденіе конгресса, на которомъ не только съ непріятелями, но и съ пріятелями можно гораздо удобнѣе сговариваться, а притомъ и много времени будетъ выиграно [205]».

30 января баронъ Бретёйль сообщилъ, что, съ согласія римскаго императорскаго посла, герцогъ Шаузёль поручилъ генуезскому министру Сорбе, отъѣзжающему въ Лондонъ для поздравленія отъ имени своей республики новаго англійскаго короля Георга III съ восшествіемъ на престолъ, сдѣлать слегка англійскому министерству нѣкоторыя внушенія на счетъ возстановленія общаго мира; но Бретёйль прибавилъ, что и самъ герцогъ Шуазёль не очень надѣется на успѣхъ по неважности значенія Сорбе, а хочетъ только разузнать виды и склонности англійскаго двора. Король приказалъ ему, Бретёйлю представить ея императ. величеству, не соизволитъ ли приказать князю Голицыну въ Лондонѣ подкрѣпить сдѣланныя герцогомъ Шуазёлемъ англійскому двору мирныя предложенія, въ слѣдствіе чего герцогъ прямо отнесется письмомъ къ государственному секретарю по иностраннымъ дѣламъ Питту, но это письмо вручится прежде князю Голицыну, какъ министру державы союзной съ Фран-

ціею и дружественной Англіи; а Голицынъ съ своей стороны какъ можно сильнѣе подкрѣпилъ бы содержаніе этого письма и постарался бы исходатайствовать скорый отвѣтъ, по которому можно было бы начать мирную негоціацію [206].

1 февраля послѣдовалъ русскій отвѣтъ: «Конечно, говорилось въ немъ, никто не будетъ спорить, что если надобно желать скораго мира, то заключить надобно только миръ честный, прочный и полезный. Безъ сомнѣнія и его величество король французскій одного съ нами мнѣнія. Еслибъ надобно было говорить объ одномъ прочномъ и честномъ мирѣ, то планъ былъ бы уже готовъ: надобно было бы доставить императрицѣ-королевѣ всю Силезію и графство Глацъ; Швеціи Померанію, обѣщанную ей французскимъ королемъ и Австріею въ стокгольмской конвенціи 22 сентября 1757 года; датскій дворъ утвердить въ системѣ союза на счетъ прусскаго короля; польскаго короля не только достойно вознаградить, но и привести въ такое состояніе, чтобъ отовсюду открытыя его земли не легко могли найтись въ обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ; Англію не только принудить къ справедливой сдѣлкѣ въ американскихъ дѣлахъ, но и уступить Франціи островъ Минорку, да и наши убытки на счетъ общаго непріятеля такъ вознаградить, какъ того требуетъ наше достоинство, поданныя отъ прусскаго короля причины къ жалобамъ, сильное наше содѣйствіе въ войнѣ и будущая нашихъ союзниковъ польза и безопасность. Но такъ какъ надобно разсуждать столько же о возможности и великихъ трудностяхъ, представляющихся для полнаго достиженія всего вышеозначеннаго, то по меньшей мѣрѣ необходимо стараться о томъ, чтобъ король прусскій существенно былъ ослабленъ въ своихъ силахъ и Англія чрезъ это потеряла сильное свое вліяніе въ дѣлахъ твердой земли, а союзники хотя бы въ томъ нашли вознагражденіе за свои убытки, что могли бы трудиться спокойно и безопасно надъ возстановленіемъ благосостоянія своихъ государствъ. Дѣйствительно сила короля прусскаго теперь уменьшена; нѣтъ уже у него тѣхъ армій, съ которыми онъ надѣялся стоять противъ всѣхъ. Но когда послѣ пальцигской и франкфуртской битвъ, послѣ потери Дрездена, послѣ максенскаго дѣла и наконецъ, проведя всю зиму въ полѣ подъ ружьемъ, нашелся однако онъ въ состояніи, потерявъ въ началѣ минув-

шей кампаніи цѣлый корпусъ генерала Фукета, не только показаться въ полѣ, но и опять дѣла свои поправить, и въ то время какъ дѣла его все же приходятъ день ото дня въ худшее состояніе, а наоборотъ, войска союзниковъ приходятъ въ лучшее и по меньшей мѣрѣ дошли до того, что у послѣдняго солдата истребилось неосновательное мнѣніе о непобѣдимости прусскихъ войскъ,—когда при всемъ томъ встрѣчаются такія трудности въ достиженіи принятыхъ намѣреній, то легко заключить, что уменьшеніе силъ короля прусскаго есть только кратковременное и такое, что если имъ не воспользоваться, то онъ усилится болѣе прежняго. Когда среди такой свирѣпой войны, когда при безпрерывномъ упражненіи всѣхъ его войскъ, когда почти всѣ его сосѣди враги ему, находитъ однако онъ способъ ужасные уроны въ своихъ арміяхъ пополнять съ невѣроятною скоростію, то въ какое состояніе приведетъ онъ свое войско въ два года мира, если въ его рукахъ останутся тѣ же средства. Тогда будетъ зависѣть отъ его благоусмотрѣнія, съ кого начать изъ имперскихъ князей, принимавшихъ противъ него участіе въ нынѣшней войнѣ, чтобъ отомстить за это, показать всю свою силу, и научить, чтобъ имперія не смѣла больше давать противъ него своихъ контингентовъ. Святость вестфальскихъ договоровъ не могла воспрепятствовать нынѣшней войнѣ. Союзъ великихъ державъ его не устрашилъ, а впредь еще меньше устрашить можетъ. Вооруженныя и однимъ духомъ мужества и твердости руководимыя державы не положили достаточныхъ предѣловъ ему, приведенному въ слабость: могутъ ли онѣ обуздать государя, жертвующаго всѣмъ одной славѣ, когда Франція будетъ обращать все свое вниманіе на поправленіе флота и дѣлъ своихъ въ Америкѣ и, можетъ быть, сократить свои сухопутныя силы; когда императрица-королева будетъ принуждена сдѣлать то же самое, иначе миръ ничѣмъ не различался бы отъ войны; когда король польскій станетъ только собирать разбѣжавшихся своихъ подданныхъ, а мы свою армію расположимъ на обширныхъ пространствахъ имперіи? Мы можемъ чистосердечно сказать, что крайне трудно становится намъ продолженіе войны; но еслибъ при нынѣшнемъ желаемомъ мирѣ, отъ поспѣшности или по другому несчастію, не было принято мѣръ противъ новой войны, которая дѣйствительно вскорѣ возгорѣ-

лась бы, то мы чрезъ нѣсколько лѣтъ не будемъ въ состояніи опять такую же армію привести къ рѣкѣ Одеру, какая тамъ теперь была, хотя бъ получили большіе милліоны субсидій, ибо не всегда быть можетъ готовая армія въ Лифляндіи. Когда подробнѣе разсмотрѣть вопросъ объ ослабленіи короля прусскаго, то къ крайнему сожалѣнію надобно признаться, что самыя къ небу вопіющія несправедливости и безчеловѣчія находятъ ему приверженцевъ и защитниковъ, что при всемъ своемъ изнеможеніи и послѣ большихъ ошибокъ сталъ онъ однако выше прежняго во мнѣніи людей, судящихъ по наружности; сталъ онъ великъ тѣмъ, что такъ долго могъ противиться такимъ сильнымъ державамъ, и станетъ несравненно выше, когда при мирѣ ничего не потеряетъ. О датскомъ дворѣ мы ничего упоминать не будемъ и оставляемъ его христіаннѣйшему величеству разсудить, въ какихъ обстоятельствахъ и склонностяхъ надобно быть этому двору, если король прусскій останется въ нынѣшнемъ состояніи силъ своихъ. Полезная благосостоянію Европы политика Оттоманской Порты—не мѣшаться въ дѣла воюющихъ между собою христіанскихъ державъ ожидаетъ только минуты заключенія мира, чтобъ или тотчасъ съ презрѣніемъ отвергнуть предложенія короля прусскаго, приведеннаго въ слабость, или съ радостію принять ихъ, еслибъ онъ сохранилъ всю свою силу и тѣмъ пріобрѣлъ новое значеніе. Думать объ этихъ предосторожностяхъ побуждаетъ насъ не собственный односторонній интересъ: наши границы обширны и окружены многими сосѣдями; однако положеніе ихъ таково, что можетъ причинять намъ только много досадъ и хлопотъ, но существенной опасности рѣдко можно ожидать. Совершенно иное положеніе нашихъ союзниковъ, особенно императрицы-королевы: она можетъ тотчасъ съ двухъ сторонъ подвергнуться нападенію въ самомъ сердцѣ наслѣдственныхъ владѣній и не получить ни откуда скорой помощи. Итакъ существенный только интересъ нашихъ союзниковъ заставляетъ насъ съ такою ревностію говорить объ уменьшеніи силъ короля прусскаго. Но Франція находится совершенно въ другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ мы. Сколько бы Англія ни жертвовала для сохраненія короля прусскаго, всегда она этимъ больше пріобрѣтаетъ, чѣмъ теряетъ. Какъ бы американскія и въ другихъ частяхъ свѣта дѣла хорошо и рѣшительно оконче-

ны ни были, но если Англія сохранитъ свое вліяніе на твердой землѣ Европы и не будетъ опасаться за свои германскія владѣнія и за своихъ союзниковъ, то она найдетъ довольно предлоговъ привести въ упадокъ исправляющійся французскій флотъ, отдаленныя колоніи и вообще торговлю. Такимъ образомъ прочность будущаго мира и безопасность всѣхъ союзниковъ зависитъ отъ существеннаго ослабленія короля прусскаго; это должно быть первымъ и главнымъ основаніемъ мира; но какъ достигнуть этого ослабленія?

«Императрица-королева не будетъ настаивать на пріобрѣтеніи всего того, на что она имѣетъ неоспоримое право; но такъ какъ она сдѣлала уже нѣкоторыя завоеванія въ Силезіи и можно надѣяться, что въ будущую кампанію сдѣлаетъ еще больше, то нельзя, чтобъ непріятели, если искренно желаютъ мира, не сдѣлали ей здѣсь уступокъ; равно какъ можно смѣло надѣяться, что еслибъ миръ остановился за какою-нибудь малостію, то ея величество скорѣе уступитъ ее, чѣмъ рѣшится на продолженіе войны. Король польскій, какъ курфюрстъ саксонскій, подвергся такому несправедливому нападенію и земли его такъ безчеловѣчно разорены, что сами непріятели не могутъ не признать справедливымъ доставить ему пристойное вознагражденіе. Это вознагражденіе не можетъ состоять въ однихъ деньгахъ, тѣмъ болѣе, что нельзя ручаться, что деньги будутъ выплачены, особенно если ихъ будетъ много, и потому, сверхъ княжества магдебургскаго и прусскихъ владѣній въ Лузаціи, надобно доставить польскому королю все, что только можно пріобрѣсти ревностнымъ и единодушнымъ стараніемъ всѣхъ дворовъ. Швеція должна пріобрѣсти что-нибудь въ Помераніи, получить тамъ лучшее округленіе границъ.

«Мы, съ своей стороны, за лучшее пріобрѣтеніе отъ этой войны почтемъ то, если силы короля прусскаго будутъ существенно уменьшены и мы будемъ въ состояніи положиться, что война не скоро опять вспыхнетъ, будемъ покойны нѣсколько лѣтъ, не будемъ принуждены подавать нашимъ союзникамъ для насъ тягостную, а для нихъ иногда позднюю помощь. Мы уже прежде объявили, что желаемъ получить провинцію Пруссію, имѣя на нее полное право: она завоевана нами у такого непріятеля, который самъ намъ объявилъ войну, потомъ она не

принадлежитъ къ римской имперіи. Мы хотимъ получить эту провинцію вовсе не для распространенія и безъ того обширныхъ границъ нашей имперіи, и не для вознагражденія за убытки, ибо владѣніе Пруссіею было намъ въ тягость; но единственно для того, чтобъ надежнѣе утвердить миръ, а потомъ, уступивъ ее Польшѣ, окончить этимъ многія взаимныя претензіи, несогласныя съ истиннымъ нашимъ желаніемъ, ненарушимо сохранять эту республику въ тишинѣ и при всѣхъ ея правахъ и вольностяхъ. Такое желаніе не можетъ быть отвергнуто, тѣмъ болѣе, что и королю прусскому эта озерами и болотами наполненная провинція большой въ силахъ разницы не сдѣлаетъ. Могутъ возразить одно, что король прусскій, по своему упорству скорѣе рѣшится на всѣ крайности, чѣмъ согласится на уступку ея: но на его упорство не обязаны мы отвѣчать всегдашнимъ снисхожденіемъ. Впрочемъ если мирное дѣло пойдетъ по желанію и главная цѣль—ослабленіе короля прусскаго, будетъ достигаема, и если при этомъ оказалось бы, что доставленіе намъ Пруссіи крайне затруднительно, и если мы усмотримъ, что жертвуя нашими правами на Пруссію, можемъ улучшить мирныя условія для всѣхъ союзниковъ, особенно же для Франціи, то мы уступимъ Пруссію; но тогда вѣрные союзники, разумѣется, должны доставить намъ равносильное вознагражденіе».

Иностранная коллегія должна была сообщить копію съ этой декларацій и графу Эстергази, присоединивъ къ ней слѣдующую записку; «Императрица-королева, по своей справедливости, признать изволитъ, что нынѣшній поступокъ мало соотвѣтствуетъ нашей искренности. Мы никогда и никакого дѣла не начинали съ Франціею, о которомъ бы напередъ не соглашались съ императрицею-королевою, и котораго бы часто не оставляли совершенно ея руководству и благоизобрѣтенію. Къ намъ напротивъ того приходитъ все не только соглашенное уже предварительно съ Франціею, но часто въ такое время и такимъ образомъ, когда иныхъ рѣшеній и принимать уже некогда. Способствуетъ тому близкое разстояніе дворовъ и новость политическихъ и кровныхъ союзовъ съ Франціею обязываетъ ко многимъ *менажементамъ*, въ чемъ мы и не имѣемъ ни малѣйшей зависти; но дѣла, столько же и до насъ, сколько до Франціи касающіяся могли бы, по меньшей мѣрѣ, въ одно время и намъ быть объявляемы. Доволь-

но, что по разстоянію мѣстъ позже услышимъ и позже принять можемъ рѣшеніе. Пускай отвергнутыя предложенія прусскаго полковника Шверина ничего не значатъ, хотя и тѣ мѣсяцемъ ранѣе были сообщены версальскому двору; но что касается дѣйствительныхъ предложеній о мирѣ, то мы никогда не ожидали бъ, чтобъ не только въ свое время отъ насъ это было скрыто; но и теперь, когда дѣло почти идетъ къ концу, только нѣкоторое неполное и такое свѣдѣніе намъ было подано, которое могло только насъ смутить, а не облегчить принятіе прямыхъ и самой императрицѣ-королевѣ полезныхъ рѣшеній. Никакія оказательства не принудятъ насъ повѣрить, что о главныхъ пунктахъ безъ насъ уже согласились или думаютъ привести насъ къ готовому уже мирному трактату: однако еслибъ это сверхъ нашего ожиданія случилось, то мы напередъ объявляемъ, что хотя бы самыя лучшія и такія для насъ условія тамъ были внесены, какихъ только можно желать, то мы къ такому миру никогда не приступимъ, откажемся отъ всякихъ выгодъ и найдемъ случай заключить съ прусскимъ королемъ особый миръ; пусть останется намъ хотя слава, что бывши побѣдителями, побѣдами удовольствовались и побѣжденнымъ миръ даровали, а законовъ не приняли. Имперія наша, слава Богу, въ такомъ состояніи, что не можетъ много опасаться отъ мщенія короля прусскаго, и онъ конечно первый будетъ искать нашей дружбы. Напротивъ того, если мирное дѣло пойдетъ надлежащимъ и съ достоинствомъ союзниковъ сходственнымъ порядкомъ, и съ нами будутъ поступать съ такою же искренностію, съ какою мы поступаемъ, то императрица-королева можетъ вѣрно полагаться, что ихъ труды, опасности, утраты, пріобрѣтенія—все охотно раздѣлять будемъ» [207].

Получивъ эти двѣ бумаги, на другой день, 3 февраля Эстергази явился къ канцлеру съ изъясненіями на ихъ счетъ. Онъ началъ изъявленіемъ величайшаго удовольствія относительно русскаго отвѣта на французское предложеніе: отвѣтъ, по его словамъ, основанъ на правилахъ здравой политики и вполнѣ согласенъ какъ съ достоинствомъ самой императрицы, такъ и всѣхъ ея союзниковъ. Въ слѣдъ за этимъ посланникъ перемѣнилъ лицо, сдѣлавъ его выраженіе горестнымъ, и объявилъ, что какъ онъ обрадовался отвѣту, такъ точно опечалился запиской,

назначенною для его двора, потому что въ ней явно упрекается императрица-королева, будто бы съ ея стороны къ русскому двору показана неполная откровенность и безъ предувѣдомленія приняты съ Франціею тайныя постановленія; въ запискѣ заключается и угроза, что императрица принуждена будетъ, жертвуя отъ войны и союза ожидаемыми выгодами, помышлять о другихъ мѣрахъ, тогда какъ онъ, Эстергази, имѣетъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства искренней дружбы своей государыни къ ея императорскому величеству, въ слѣдствіе которой она никогда не скрывала и скрывать не будетъ отъ такой вѣрной союзницы не только поступковъ, но и видовъ своихъ, ибо на сильное содѣйствіе всероссійской императрицы государыня его полагаетъ всю надежду будущаго мира и благополучія своихъ подданныхъ. Въ доказательство, какъ невиненъ его дворъ въ приписываемыхъ ему русскою запискою поступкахъ, Эстергази прочелъ канцлеру двѣ промеморіи, поданныя въ Вѣнѣ французскимъ посломъ, и копію отправленной по этому поводу инструкціи въ Парижъ графу Штарембергу. Въ первой французской промеморіи изъяснялось, почему надежнѣе и выгоднѣе производить мирные переговоры на двухъ конгрессахъ, въ Парижѣ и Лондонѣ, представлялись причины, почему никому изъ союзныхъ дворовъ эти важныя дѣла поручить нельзя, а именно: Саксонія требуетъ себѣ черезъ мѣру большихъ удовлетвореній и при несчастіяхъ своихъ не въ состояніи придать переговорамъ надлежащую силу. Швеція неспособна по образу своего правленія. Россія очень далеко, и сверхъ того дѣла касаются двойной войны, изъ которыхъ она участвуетъ только въ одной; сверхъ того имѣя въ Петербургѣ англійскаго министра и торговый договоръ съ Англіею, Россія не могла бы взять на себя поддержку интересовъ Франціи противъ британскаго двора, не упоминая уже о томъ, что надобно было бы тратить драгоцѣнное время на объясненіе русскому министерству взаимныхъ англійскихъ и французскихъ претензій въ обѣихъ Индіяхъ. Австрійскій дворъ, какъ и Россія, принимаетъ участіе въ одной нѣмецкой войнѣ, Англія въ одной морской. Въ разсужденіи этихъ обстоятельствъ Франція объявляетъ свою готовность принять на себя переговоры. Первое предложеніе непріятелямъ могло бы состоять въ томъ, чтобъ оставить дѣла въ настоящемъ ихъ

положеніи. Шведскій народъ, какъ высокомѣрный, можно ласкать честію, что онъ исполнилъ ручательство вестфальскихъ договоровъ, а Франція для возстановленія въ стокгольмскомъ банкѣ кредита дозволила бы субсидіи: этимъ и пресѣклось бы главное нареканіе на сенатъ, происходящее не столько отъ несчастной войны, сколько отъ государственнаго истощенія. Россія удержала бы свои завоеванія, а чтобъ отнять у нея охоту искать англійскихъ субсидій, король французскій предложитъ ей свои субсидіи и кромѣ того поручится, что ее не будутъ безпокоить за нажитые въ Польшѣ въ нынѣшнюю войну долги и что будетъ произведено въ дѣйствіе разграниченіе со стороны Украйны. О королѣ польскомъ употребить общее стараніе при мирѣ, выговоря напередъ, чтобъ Саксонія тотчасъ была очищена отъ непріятеля и отдавши ей въ вознагражденіе герцогство клевское. Съ австрійскимъ домомъ Франція войдетъ въ сдѣлку о вымѣнѣ гессенскихъ земель и графства Ганау, оставляя силезскія дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь. Франція будетъ жертвовать общему дѣлу всѣмъ тѣмъ, что она уже потеряла [208].

Императрица была удовлетворена объясненіемъ Эстергази; раздраженіе утихло особенно когда во французскомъ проектѣ мирныхъ условій увидали, что Россія поставлена въ выгодное положеніе. Такъ какъ Эстергази просилъ взять обратно записку, которою, безъ всякой пользы общему дѣлу, императрица-королева будетъ только сильно опечалена, то записку велѣно у него взять и дать другую, «въ которой, при сохраненіи всего прежней (записки) разума, отмѣнены только тѣ слова, о коихъ посолъ представлялъ, что могли бы излишне оскорбить императрицу-королеву». Въ новой запискѣ говорилось: «Считаемъ необходимымъ, чтобъ наши министры и министры императрицы-королевы пребывали въ Парижѣ не только въ тѣсномъ согласіи, но единодушно старались не допускать французскій дворъ ни дочего скоропостижнаго и всѣми средствами утверждать при принятой системѣ союза. Впрочемъ легко предусматривать можно, что это великое дѣло не кончится безъ важныхъ перемѣнъ въ принятыхъ положеніяхъ, и такъ какъ императрица-королева ближе находится къ тому, чтобъ знать обо всемъ, касающемся мира и общихъ дѣлъ и, по соображенію обстоятельствъ, пред-

усматривать, то конечно ея величество признаетъ за нужное, для своихъ и нашихъ интересовъ, давать намъ знать обо всемъ заблаговременно; и мы обнадеживаемъ нашимъ непремѣннымъ словомъ хранить всѣ эти сообщенія въ непроницаемой тайнѣ. Мы, съ своей стороны, открываемъ теперь ея величеству въ крайней довѣренности, что еслибъ, сверхъ всякаго ожиданія случилось, чтобъ Франція захотѣла заключить такой миръ, къ которому союзники могли бы только приступить, то мы къ такому миру никогда не приступимъ, хотя бы внесены были самыя полезныя и желаемыя для насъ условія; мы увѣрены, что императрица-королева будетъ съ нами одинакого мнѣнія, что лучше отречься отъ всѣхъ выгодъ и, бывъ побѣдителями, удовлетвориться одними побѣдами, чѣмъ принять чужіе законы [209].

Бретёйлю дано было согласіе, чтобъ до главнаго конгресса начались переговоры между Франціею и Англіею посредствомъ письма герцога Шуазеля къ Питту, которое передастъ князь Голицынъ. Къ Голицыну велѣно было написать, что императрица почтетъ за верхъ его усердія къ службѣ и искусства, если онъ найдетъ способъ чрезъ какое бы то ни было посредство, только непримѣтно, довести до того, чтобъ Англія сама сдѣлала русскому двору податливыя предложенія къ миру, и тѣмъ отдала ему въ руки окончаніе мирныхъ переговоровъ, ибо, повидимому, Франція ищетъ присвоить одной себѣ эту славу.

21 февраля баронъ Бретёйль объявилъ канцлеру, что онъ получилъ отъ своего двора новыя наставленія домогаться у русскаго двора непремѣнно, чтобъ представленный его дворомъ проектъ деклараціи о миролюбіи союзниковъ принятъ былъ во всѣхъ частяхъ, и особенно послѣдній пунктъ, касающійся опредѣленнаго или неопредѣленнаго, по выбору непріятелей, перемирія. Проектъ состоялъ въ двухъ пунктахъ: первымъ для общаго конгресса назначался городъ Аугсбургъ, но притомъ оставлялось на волю лондонскому и берлинскому дворамъ, быть ли общему конгрессу, или быть двумъ конгрессамъ, и на послѣднихъ ли оканчивать мирные переговоры, или приготовить на нихъ только прелиминаріи, а главное дѣло предоставить опять общему конгрессу. Вторымъ пунктомъ предлагалось перемиріе, и опять отдавалось на волю Англіи и Пруссіи—быть ли перемирію или нѣтъ, и назначить ему срокъ или нѣтъ. Бретёйль

объяснялъ Воронцову, что перемиріе становится Франціи необходимымъ для спасенія остатковъ ея морской торговли въ обѣихъ Индіяхъ и колоній. Бретёйлю отвѣчали, что императрица согласна на избраніе Аугсбурга мѣстомъ конгресса; согласна, чтобъ декларація объ этомъ подана была въ Лондонѣ чрезъ русскаго посланника князя Голицына, но съ условіемъ, чтобъ эта декларація составлена была въ Парижѣ министрами короля вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ; согласна и на два конгресса, но съ тѣмъ, чтобъ имя конгресса носилъ только общій и прежде былъ представленъ. Что касается перемирія, то императрица соглашается на него единственно изъ дружбы къ французскому королю, для доказательства, что она интересы союзниковъ часто предпочитаетъ собственнымъ; но сама она считаетъ единственнымъ способомъ къ достиженію честнаго и прочнаго мира раннее начатіе кампаніи и сильное дѣйствіе; всякое перемиріе полезно только непріятелю, который ведетъ войну въ своихъ собственныхъ земляхъ; всякое перемиріе можетъ для всего союза имѣть самыя вредныя послѣдствія, если по его истеченіи о мирѣ ничего не будетъ постановлено, и снова надобно будетъ начинать войну. Если позволить, чтобъ король прусскій во все время перемирія спокойно высасывалъ изъ Саксоніи послѣдній сокъ, то умалчивая уже о томъ, какъ онъ этимъ укрѣпится, трудно было бы найти передъ свѣтомъ оправданіе этому перемирію, а если вступать объ этомъ въ переговоры, то они были бы такъ же затруднительны, какъ и переговоры о самомъ мирѣ. Король прусскій по меньшей мѣрѣ станетъ требовать, чтобъ наша армія съ рѣки Вислы не трогалась и не приближалась къ его землямъ, чѣмъ онъ столько же выиграетъ, какъ и удержаніемъ Саксоніи, ибо надобно опасаться, что на Вислѣ въ лѣтнее время недостанетъ нашему войску фуража, слѣдовательно на зиму большую часть Пруссіи надобно было бы покинуть. Число лошадей при нашей арміи отнюдь не можетъ быть уменьшено и содержаніе ихъ иное, чѣмъ въ другихъ арміяхъ. Конечно можно за большія деньги найти фуражъ въ Польшѣ, но польскими лошадьми и дорогами почти ничего привезти нельзя [210].

Ясно было видно, какъ раздѣлялись интересы союзниковъ: Франція считала для себя перемиріе необходимымъ по отноше-

нію къ ея заморскимъ владѣніямъ, Россія считала перемиріе крайне вреднымъ для союза, потому что считала его чрезвычайно полезнымъ для прусскаго короля; съ нею естественно должна была соглашаться Австрія. Россія настаивала на раннее открытіе кампаніи и энергическое дѣйствіе; Франція, чтобъ охладить воинственный жаръ Россіи, внушала, что успѣха въ предстоящей кампаніи не будетъ, Австрія не въ состояніи энергически дѣйствовать. 31 марта баронъ Бретейль передалъ канцлеру въ секретѣ извѣстія, присланныя французскимъ посломъ изъ Вѣны; графъ Кауницъ, виновникъ войны, старается всячески ее продолжить и потому полагаетъ препятствія къ миру; но сама Марія Терезія, напротивъ, крайне желаетъ мира, потому что не одна казна, но и всѣ средства страшно истощены, земскіе чины отказываются платить подати и ставить рекрутъ; за недостаткомъ денегъ армія можетъ быть доведена только до 110,000 человѣкъ, и потому фельдмаршалъ графъ Даунъ при отъѣздѣ своемъ прямо объявилъ, что никакъ не въ состояніи дѣйствовать наступательно противъ короля прусскаго; притомъ генералы и солдаты не смѣютъ или охоты не имѣютъ драться съ Прусаками. Онъ, Бретейль знаетъ навѣрное, что графъ Кауницъ съ графомъ Эстергази въ несогласіи по случаю уничтоженія трактата 1746 года, который замѣненъ новымъ договоромъ, подписаннымъ Эстергази безъ полномочія и указа; поэтому теперь графу Эстергази не сообщаются больше секреты вѣнскаго кабинета; да и самъ Кауницъ не долго останется министромъ. 11 апрѣля Бретейль опять требовалъ у канцлера, чтобъ русскій министръ въ Парижѣ уполномоченъ былъ дать согласіе на перемиріе. Воронцовъ повторялъ прежній отвѣтъ, что предлагать о перемиріи теперь вовсе не своевременно [211].

Франція уступила. Въ ея деклараціи, посланной въ Англію, о перемиріи не было упомянуто; вслѣдствіе этого императрица велѣла написать русскому министру въ Парижѣ, чтобъ онъ изъявилъ тамошнему двору ея удовольствіе за это умолчаніе. При этомъ онъ долженъ былъ внушать, что король сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для ускоренія мира и теперь долженъ оказать непобѣдимую твердость въ принятыхъ намѣреніяхъ заключить съ прусскимъ королемъ только честный и прочный миръ и до-

ставить обиженнымъ сторонамъ достойное вознагражденіе. Для этого надобно продолжать нынѣшнюю кампанію съ такимъ же усердіемъ какъ прежнія и ни о какомъ перемиріи не упоминать, тѣмъ болѣе, что никогда обстоятельства не обѣщали лучшей кампаніи. Русскому министру въ Парижѣ было секретно предписано, что въ самомъ крайнемъ случаѣ, если Франція непремѣнно будетъ настаивать на перемиріи, не спѣшить соглашаться на него, но, не отказывая прямо и не обѣщая, продолжать дружескія представленія противъ перемирія, ожидая увѣдомленія графа Кейзерлинга изъ Вѣны, а Кейзерлингу предписать уговаривать Кауница, чтобъ не соглашался на перемиріе; впрочемъ императрица-королева лучше можетъ судить, можно ли Францію твердостію удержать или, теряя ея содѣйствіе, не подвергнуться никакой опасности.

Желаніе петербургскаго кабинета исполнялось; министрами союзныхъ дворовъ въ Парижѣ было постановлено назначить срокъ конгресса между 1 и 15 числомъ іюля мѣсяца новаго стиля, а военныя дѣйствія со всѣхъ сторонъ начинать какъ можно скорѣе и съ большею силою. Вслѣдствіе этого иностранной коллегіи было предписано сочинить планъ и наставленіе русскимъ министрамъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ. Въ этомъ наставленіи должно быть сказано: «Мы желаемъ, чтобъ конгрессъ скорѣе состоялся, но не для того, чтобъ и дѣйствительный миръ тотчасъ послѣдовалъ (ибо при такомъ смѣшеніи интересовъ опасно, чтобъ скорый миръ не былъ полезнымъ миромъ или чтобъ война, прекратясь на время, не воспалилась бы съ большею свирѣпостію), но для того, чтобъ скорѣе видѣть прямыя склонности и мнѣнія лондонскаго и берлинскаго дворовъ и чтобъ съ большею точностію принимать нужныя мѣры. Въ эту кампанію намѣрены мы дѣйствовать съ крайнею силою, дабы умножить непріятельскую податливость и не дать возможности полезной ему проволочки переговоровъ. Намъ кажется, что французскому двору остается одно—покинувъ на время Азію и Америку, какъ можно больше воспользоваться настоящими выгодами въ Германіи, и, поправя здѣсь дѣла свои и своихъ союзниковъ, привязать послѣднихъ къ себѣ и славный союзъ сдѣлать вѣчнымъ, ослабленіемъ же короля прусскаго, ослабить и Англію, потому что король прусскій, оставаясь въ силѣ, не допускалъ

бы союзниковъ подавать другъ другу взаимной помощи и Англія, имѣя на твердой землѣ себѣ подпору, для начатія новой морской войны, не стало бы дожидаться, пока французскій флотъ придетъ опять въ цвѣтущее состояніе. Для опроверженія этого взгляда можно выставить одно, что главная сила бранденбургскаго дома заключается въ личности нынѣшняго короля прусскаго. Правда, для составленія вредныхъ сосѣдямъ своимъ проектовъ и къ произведенію ихъ въ дѣйствіе онъ довольно способенъ; но извѣстно всему свѣту, что къ нынѣшней чрезмѣрной его силѣ всѣ пути приготовлены его предками; онъ пользовался только случаями, слѣдуя политическому плану, установленному въ этомъ домѣ гораздо прежде Фридриха II. Совершенно военное, а не гражданское въ областяхъ его заведенное правительство не можетъ быть прилично долговременному миру.

«Почти увѣрены мы, что Франція не замедлитъ теперь отправить министра своего въ Лондонъ; мы и желали бы, чтобъ онъ успѣлъ заключить отдѣльный миръ съ Англіею и отдѣлить эту державу отъ прусскаго короля, оставляя Франціи свободу дѣйствовать противъ него, по меньшей мѣрѣ на основаніи версальскаго союзнаго договора съ императрицею-королевою 1758 года. Англія, заключая свой миръ съ Франціею, обязалась бы ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ не помогать королю прусскому и рѣшеніе съ нимъ дѣлъ оставила бы намъ и Австріи. Но такъ какъ при многихъ дворахъ можетъ произойти опасеніе, что эта, вначалѣ очень ограниченная негоціація распространится нечувствительно далѣе и поведетъ къ миру, похожему на Ахенскій: то хотя и нельзя прямо противиться посылкѣ французскаго министра въ Лондонъ, но можно внушить, что при нынѣшней перемѣнѣ въ англійскомъ министерствѣ статскій секретарь Питтъ, великій поборникъ интересовъ короля прусскаго и думающій, что надобно поблажать стремленіямъ своего народа, который возгордился военными успѣхами, старается забрать переговоры въ свои руки и продолженіемъ ихъ и войны продлить свое значеніе, а это значеніе упадетъ, если дѣла пойдутъ не по южному, а по сѣверному департаменту, чрезъ руки новаго статскаго секретаря графа Бюта. Поэтому-то Питтъ и отозвался, что не думаетъ, чтобъ въ нашихъ добрыхъ услугахъ могла быть

нужда. Мы на это не досадуемъ и не хотимъ навязывать своихъ добрыхъ услугъ, и предложили ихъ единственно изъ дружбы къ французскому королю. Не повредило бы нашимъ и союзниковъ нашихъ интересамъ внушить искуснымъ образомъ графу Бюту, что если отдѣльные переговоры съ Францiею распространятся далеко, то всю честь и славу получитъ одинъ его товарищъ Питтъ.

«Съ большими предосторожностями долженъ быть соединенъ этотъ поступокъ: однако когда подобнымъ же образомъ всѣ побѣды принца Евгенiя и герцога Марльборо обращены были въ ничто и Францiя при дурномъ состоянiи своихъ дѣлъ получила выгодный миръ, то отчего бы не могло и теперь случиться, чтобъ англiйское къ королю прусскому усердiе вдругъ простыло и онъ увидѣлъ бы себя оставленнымъ въ то время, когда всего больше надѣялся на помощь Англiи? Обнаруженное до сего времени нашимъ посланникомъ княземъ Голицынымъ искусство въ дѣлахъ и ревность къ нашей службѣ внушаютъ намъ увѣренность, что онъ по меньшей мѣрѣ сдѣлаетъ всевозможное не компрометируя себя и насъ. Францiю надобно заставить, чтобъ посылаемый ею въ Лондонъ министръ получилъ повелѣнiе ничего не скрывать отъ князя Голицына, былъ ему подчиненнымъ, по крайней мѣрѣ во всемъ дѣйствовалъ съ нимъ за одно»[212].

Такъ какъ Россiя настаивала на томъ, что честный миръ долженъ исключительно зависѣть отъ сильныхъ дѣйствiй союзниковъ противъ прусскаго короля, то естественно было ожидать, что ея военныя распоряженiя будутъ соотвѣтствовать этому. Сначала составленъ былъ такой планъ кампанiи: овладѣть прежде всего крѣпостiю Кольбергомъ и учредить тамъ главный магазинъ, а потомъ подвинуть армiю къ Одеру и сдѣлать непрiятелю диверсiю осадою какой-нибудь важной крѣпости. Но теперь этотъ планъ былъ измѣненъ: Бутурлину велѣно было идти въ Силезiю, соединиться тамъ съ австрiйскою армiею, находившеюся подъ начальствомъ фельдцейгмейстера барона Лаудона и наступить на непрiятеля всѣми силами. Это *великодушное* намѣренiе возбудило сильную радость въ Вѣнѣ: «У насъ и у императрицы всероссiйской, писала Марiя Терезiя, нѣтъ недостатка въ силахъ для укрощенiя опаснаго непрiятеля; дѣло

состоитъ только въ томъ, чтобъ эти силы въ надлежащее время и съ совершеннымъ согласіемъ употреблять» [213].

«Принявъ за неопровержимое правило (говорилось въ рескриптѣ императрицы фельдмаршалу Бутурлину), что если въ нынѣшнюю кампанію не дѣйствовать со всѣхъ сторонъ съ крайнею ревностію, то надобно опасаться самыхъ вредныхъ слѣдствій и что напротивъ того сильными и поспѣшными дѣйствіями всѣ опасности отвратятся и можно будетъ ожидать самыхъ полезныхъ плодовъ отъ нынѣшней войны,—мы не находимъ нужнымъ входить съ вами въ подробное разсмотрѣніе того, какимъ образомъ ускорить вашимъ походомъ и какъ сдѣлать ваши операціи важнѣйшими: мы увѣрены, что вы ни одного часу напрасно не упустите. Но такъ какъ генералъ Лаудонъ, при затруднительномъ его теперь состояніи, конечно съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ радостнаго извѣстія о вашемъ приближеніи, то не можемъ не посовѣтовать вамъ еще, чтобъ вы походомъ своимъ къ Силезіи какъ можно поспѣшили и часто его объ этомъ извѣщали. Приближеніе ваше ободритъ Лаудона, а король прусскій увидитъ, чего ему отъ васъ надобно будетъ ожидать. Храбрость нашихъ войскъ онъ уже испыталъ, теперь надобно внушить ему уваженіе къ вашей особѣ».

Передъ самымъ началомъ кампаніи Тотлебенъ опять запросилъ увольненія изъ службы; думали, что онъ недоволенъ, зачѣмъ такъ долго остается генералъ-майоромъ, и 19 апрѣля отправленъ былъ Бутурлину рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Доношеніе генералъ-майора графа Тотлебена объ увольненіи его изъ нашей службы пріятно намъ быть не могло, тѣмъ болѣе что оно такъ много разъ уже повторено, а теперь повторяется предъ самымъ началомъ кампаніи, слѣдовательно въ такое время, когда никому не позволяется просить увольненія. Вы хорошо дѣлаете, что отклоняете его отъ такого намѣренія, и вы можете его обнадежить, что при первомъ производствѣ онъ обойденъ не будетъ; но при этомъ внушите ему поискуснѣе, что мы хотимъ оказывать нашу милость по собственному нашему произволенію, а частое напоминаніе и усильное домогательство, даже требованіе увольненія замедляютъ только знаки нашей милости. Вы хорошо сдѣлали, что позволили графу Тотлебену видѣться съ прусскимъ генералъ-поручикомъ Вернеромъ. Мы почти увѣ-

рены, что если до свиданія дойдетъ, то Вернеръ или будетъ о мирѣ предлагать или будетъ стараться заподозрить предъ нами нашихъ союзниковъ. Надобно все выслушивать и на первое, не отвѣчая ничего рѣшительнаго, намъ доносить, а на послѣднее и тотчасъ можно отвѣчать, что мы вполнѣ увѣрены въ твердости и искренности нашихъ союзниковъ; да еслибъ и не такъ было, то мы согласимся лучше быть обманутыми, чѣмъ заподозрить ихъ и не устоять въ своихъ обязательствахъ; что всякое нечистосердечное покушеніе послужитъ только къ продолженію разорительной войны, а къ достиженію мира одинъ способъ— прямо предлагать и показать дѣйствительную готовность къ удовлетворенію обиженныхъ сторонъ».

Вернеръ предложилъ Тотлебену не о мирѣ, а только о перемиріи на мѣсяцъ. Въ то же время Тотлебенъ прислалъ Бутурлину письмо своего пріятеля изъ Берлина, гдѣ говорилось, что миръ между Англіею и Франціею уже заключенъ. По этому случаю въ рескриптѣ къ Бутурлину отъ 30 апрѣля было сказано: «Не трудно заключить, что старались только извѣдать, велика ли съ нашей стороны твердость и усердіе, и еслибъ получили согласіе на перемиріе, то разгласили бы объ этомъ съ прикрасами въ австрійской и французской арміяхъ, и письмо, полученное Тотлебеномъ изъ Берлина, служило только приготовленіемъ къ тому, чтобъ внушенія Вернера произвели свое полное дѣйствіе. Поэтому увѣдомьте графа Тотлебена, чтобъ онъ остерегался подобныхъ внушеній и не вѣрилъ имъ. Желаемъ мы, чтобъ теперь вы не имѣли никакихъ препятствій въ вашемъ походѣ и о благополучномъ выступленіи въ походъ будемъ ожидать вскорѣ пріятнаго увѣдомленія.

Бутурлинъ выступилъ къ походъ для соединенія съ Лаудономъ, которому дали отдѣльный корпусъ по настоянію русскаго двора. Марія-Терезія противъ воли уступила этому настоянію, ибо фаворитомъ ея былъ фельдмаршалъ Даунъ, но Дауна не любили въ Петербургѣ и имѣли на то право. Фридрихъ II находился въ Силезіи съ 50,000 войска; въ Саксоніи прусскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ принца Генриха, сдерживался Дауномъ; въ Помераніи Румянцевскій корпусъ шелъ осаждать Кольбергъ. Легко понять, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали въ Петербургѣ извѣстія отъ Бутурлина, что онъ соеди-

нился съ Лаудономъ въ Силезіи, что соединенная австро-русская армія раздавила Фридриха II и тѣмъ покончила тяжкую войну, приготовивъ для дипломатовъ легкое дѣло — заключить въ Аугсбургѣ *честный* миръ, какъ разумѣли его въ Петербургѣ и Вѣнѣ. И легко понять раздраженіе, какое было произведено донесеніями Бутурлина, жестоко обманывавшими ожиданія. Въ этомъ раздраженіи написанъ былъ рескриптъ императрицы, посланный къ главнокомандующему 14 августа: «Какъ при началѣ нынѣшней кампаніи и при сочиненіи плана военныхъ дѣйствій не вступали мы съ вами во всѣ мелкія подробности и довольствовались объясненіемъ главныхъ видовъ и намѣреній, оставляя прочее вашей распорядительности и ревности, старались мы только живо изобразить вамъ тѣ великія и неоспоримыя основанія, почему желали мы чтобъ нынѣшняя кампанія была рѣшительною, такъ и во все время кампаніи напоминали мы вамъ только тѣ же самыя основанія, а впрочемъ съ нетерпѣніемъ ожидали мы пріятныхъ отъ васъ извѣстій, какихъ обѣщали мы себѣ отъ вашей ревностей, отъ засвидѣтельствованнаго вами отличнаго состоянія арміи, отъ извѣстной храбрости нашихъ войскъ и отъ самыхъ обстоятельствъ, которыя много разъ были вамъ полезны, или ожидали описанія принятыхъ вами такихъ твердыхъ намѣреній, по которымъ бы мы движенія ваши сами здѣсь расчислять могли, слѣдовательно и въ состояніи были бы предписывать вамъ что-нибудь съ подлинностію. Но вы ни однажды не доставили намъ такого точнаго дѣлъ и обстоятельствъ изображенія, по которому бы мы вѣрно могли расчесть, въ какомъ состояніи, напримѣръ, этотъ указъ васъ застанетъ. Донесенія ваши хотя довольно часто получаются, но, вопервыхъ, рѣдко или и никогда не изображается въ нихъ прямое положеніе непріятеля и генерала Лаудона, а потомъ, что касается васъ, то или въ каждомъ донесеніи видимъ новое намѣреніе, когда неисполнено еще прежнее и всегда прежнему противное, или же наконецъ простое ожиданіе нѣсколькихъ дней для принятія еще новаго рѣшенія.

«Все сдѣланное вами во время минувшей зимы для приведенія арміи въ готовность къ походу, во многихъ случаяхъ благоразумно наблюденная экономія, особенно же своевременное выступленіе въ походъ до Познани и прибытіе туда всей арміи еще въ маѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно ранѣе, чѣмъ когда-либо это

случалось, пріобрѣтали вамъ совершенное наше одобреніе. Этимъ исполняли вы важный пунктъ плана и обнадеживали весь свѣтъ, что дѣйствія ваши будутъ конечно соотвѣтствовать тѣмъ увѣреніямъ, которыя поданы нами союзникамъ нашимъ. Этимъ сдѣлали вы, что вѣнскій дворъ такъ усилилъ и такъ уполномочилъ младшаго и иностраннаго генерала Лаудона и все свое вниманіе обратилъ на васъ и на него. Вы должны были ясно усматривать, что отъ скорости похода вашего въ Силезію все зависѣло; что вамъ больше всего надобно было истребить предубѣжденія союзниковъ и непріятеля относительно медленнаго движенія нашей арміи, предубѣжденія, по которому союзники не смѣло полагались на наши обѣщанія, а непріятель смѣло обращалъ свои силы въ другую сторону. Но вы, конечно по избытку усердія и желая вмѣсто одного дѣла сдѣлать два, раздѣляли ваше вниманіе. По прибытіи вашемъ въ Познань вы приняли было рѣшеніе идти въ Померанію, надѣясь непріятеля оттуда выгнать, взятіе Кольберга ускорить и заблаговременно поспѣть въ Силезію, и къ намъ вы доносили о томъ, какъ о дѣлѣ непремѣнномъ. Но вы не приняли въ уваженіе, что хотя весьма похвально и славно вдругъ многія дѣла обнимать и съ одинакимъ успѣхомъ исполнять, всегда однако надобно больше смотрѣть на главное, да не примѣтили и того, что хотя взятіе Кольберга намъ на сердцѣ и лежитъ, но мы никоимъ образомъ не связывали его съ вашими дѣйствіями. Отъ этого, съ планомъ операцій несогласнаго намѣренія естественно произошло нѣкоторое упущеніе времени, а барону Лаудону сомнѣніе, крайне вредное вначалѣ кампаніи, особенно когда надобно было еще истреблять прежнія предубѣжденія. Но еслибъ вы тогда остались при этомъ намѣреніи и быстро стали его исполнять, то можетъ быть случилось бы что-нибудь рѣшительное; по меньшей мѣрѣ генералъ Цитенъ былъ бы теперь въ Помераніи, не дѣлалъ бы Лаудону диверсіи въ Моравію и не разорилъ бы приготовленныхъ для васъ магазиновъ; король прусскій не былъ бы такъ силенъ противъ Лаудона, а Лаудонъ зналъ бы, чего ему отъ васъ ожидать и какія мѣры свои принимать.

«Отмѣнили вы намѣреніе идти въ Померанію, какъ не сходное съ планомъ; но къ сожалѣнію не вдругъ обратились къ главному дѣлу, т.-е. къ походу въ Силезію и прямо къ Бреславлю, но

хотѣли сперва сдѣлать покушеніе противъ Глогау. Для этого вы потребовали у Лаудона, чтобъ онъ прислалъ вамъ туда осадную артиллерію, продовольствіе и нѣсколько войска; но легко было предвидѣть, что Лаудонъ не былъ въ состояніи этого сдѣлать, когда король прусскій все свое вниманіе обратилъ на него и пришелъ въ Силезію съ немалыми силами, будучи самъ прикрытъ крѣпостями и прикрывая ихъ взаимно. Это ваше намѣреніе и требованіе должны были возобновить въ Лаудонѣ прежнія предубѣжденія, а намъ причинили тѣмъ сильнѣйшее сожалѣніе, что мы больше всего твердили еще предмѣстнику вашему, что отнюдь не надобно требовать невозможнаго, ибо это между союзниками раждаетъ недовѣріе и несогласіе и беретъ много времени.

«Велико было наконецъ наше удовольствіе, когда вы, покинувъ предпріятіе на Глогау, вознамѣрились идти прямо на Бреславль чрезъ Миличь, подавъ о томъ формальное обнадеживаніе Лаудону, слѣдовательно принявъ на себя новое обязательство. Когда силы прусскаго короля были такъ умѣренны, что онъ могъ только съ нуждою удерживать барона Лаудона, то легко себѣ представить, на сколько частей нужно было бы ему раздѣлиться, еслибы устремленіемъ вашимъ на Бреславль чрезъ Миличь вы привели его въ необходимость и защищать этотъ важный городъ, складъ всѣхъ воинскихъ потребностей, и караулить, чтобъ и вы не перешли рѣку Одеръ, и Лаудонъ въ то же время не приближался бы къ этой рѣкѣ съ которой-нибудь стороны.

«Но едва только генералъ Цитенъ выступилъ противъ васъ къ Костянамъ, какъ вы, послѣдуя всегда вашему усердію и желая вдругъ сдѣлать два дѣла, приняли намѣреніе выиграть у него нѣсколько маршей, отрѣзать его отъ Силезіи и для того вмѣсто Милича идти на Вартембергъ, и притомъ думали, что для главныхъ операцій въ Силезіи довольно еще будетъ времени. Но теперь конечно вы сами жалѣете, что и Цитена тотчасъ не атаковали и тѣмъ не вывели прусскаго короля и союзниковъ его изъ предубѣжденія, будто наша армія никогда не атакуетъ, и что походомъ на Вартембергъ привели себя въ необходимость искать соединенія съ Лаудономъ только въ окрестностяхъ Брига. Вы въ письмѣ къ барону Лаудону на его жалобы справедливо замѣчаете, что король прусскій и прежде зналъ о желаніи ва-

шемъ соединиться съ австрійскою арміею. Мы сами не дѣлали изъ этого большого секрета; но дѣло было въ томъ, чтобъ непріятель не зналъ, въ которомъ мѣстѣ должно было произойти ваше соединеніе, а это и сдѣлалось бы, еслибъ вы прямо устремились на Бреславль. Пусть поставилъ бы тогда король генерала Цитена подъ Бреславлемъ защищать противъ васъ этотъ городъ: принцъ Бевернскій въ 1757 году подъ пушками этого же города и стоя въ крѣпкихъ ретраншементахъ, потерялъ значительную армію; вы могли бы тоже сдѣлать и съ Цитеномъ, а еслибы даже и не сдѣлали, то, имѣя превосходныя силы, вы могли были, занявъ Цитена малымъ корпусомъ и маскировавъ ваше отступленіе отъ Бреславля, тотчасъ перейти Одеръ, гдѣ король всего меньше этого ожидалъ бы. Тогда Цитенъ принужденъ былъ бы бѣжать чрезъ Бреславль, и наше войско могло за нимъ по пятамъ войти въ этотъ городъ: а король, несмотря на всю свою изобрѣтательность, былъ бы принужденъ или безпрепятственно допустить соединеніе ваше съ Лаудономъ или напасть на такія войска, которыя увѣрены въ побѣдѣ.

«Изъ реляціи вашей отъ 25 іюля мы увидали, что несмотря на занятіе нашими войсками высотъ около Бреславля, несмотря на незначительность гарнизона и отсутствіе другихъ непріятельскихъ силъ по близости, несмотря на то, что наши легкія войска свободно входили въ предмѣстіе до самыхъ воротъ и что нельзя было опасаться нечаяннаго непріятельскаго приближенія, ибо бригадиръ Краснощековъ былъ на той сторонѣ Одера, несмотря на все это, вы держали военный совѣтъ, передъ которымъ выставили всѣ трудности покушенія на Бреславль; военный совѣтъ, согласясь съ вами относительно трудностей, предоставилъ все вашему благоусмотрѣнію, и вы рѣшили немедленно идти прямо на Лейбусъ и тамъ, или гдѣ удобнѣе, переходить рѣку Одеръ и, если окажется возможность, сдѣлать покушеніе на Бреславль и стараться о соединеніи съ Лаудономъ, если только не задержитъ на этой сторонѣ ожидаемый изъ Польши подвозъ провіанта и денегъ. Но здѣсь, гдѣ дѣло требовало мужественнаго рѣшенія, вамъ не очень надобно было распространяться въ совѣтѣ о трудностяхъ и опасностяхъ, сопряженныхъ съ предпріятіемъ на Бреславль и тѣмъ ослаблять въ немъ охоту, да и для членовъ совѣта постыдно, что ни одинъ изъ нихъ не

подумалъ, не хотите ли вы, преувеличивая трудности, вывѣдать, у кого изъ нихъ достанетъ мужества преодолѣть эти трудности. Впрочемъ сказать по правдѣ, здѣсь вовсе не было надобности въ военномъ совѣтѣ. Безъ дальняго разсмотрѣнія мы и отсюда знаемъ, что формальная осада Бреславля не могла быть предпринята по недостатку осадной артиллеріи, да еслибъ и была артиллерія, то и тогда было бы опасно, перешедъ рѣку Одеръ, очутиться взаперти между Бреславлемъ и всѣми силами короля прусскаго. Надобно было взять городъ приступомъ, что требовало не совѣта, а распоряженія и твердости. Чѣмъ обширнѣе этотъ городъ, тѣмъ легче было взять его приступомъ. И посильнѣе крѣпости взяты такимъ образомъ. Кто, имѣвши свободныя руки подъ Бреславлемъ, ничего однако не сдѣлалъ, тотъ походомъ своимъ къ Лейбусу не можетъ угрожать Глогау или Лигницу. При первомъ взглядѣ на карту Силезіи ясно, что походомъ къ Лейбусу вы затрудняете переходъ свой черезъ Одеръ, а не облегчаете. Лейбусъ лежитъ противъ самаго Лигница; генералъ Кноблохъ конечно поспѣшитъ стать подъ этимъ городомъ, и если вы по переходѣ вашемъ сперва не разобьете Кноблоха, а потомъ не возьмете Лигница, то вамъ отъ того мѣста, гдѣ вы перейдете Одеръ, нельзя будетъ никуда тронуться, а еще меньше можно будетъ генералу Лаудону пройти къ вамъ мимо Швейдница. Странно, что никто изъ генераловъ не примѣтилъ, что самое удобное мѣсто къ переходу чрезъ Одеръ—это ниже впаденія въ него рѣки Вейды. Оставляя на этой рѣкѣ небольшой отрядъ, вы прикрывали бы свой тылъ и сообщеніе съ магазинами въ Польшѣ, а переходя Одеръ гораздо выше Лейбуса, не подвергались бы вышеозначеннымъ препятствіямъ, но ближе были бы и къ предпріятію на Бреславль и къ соединенію съ Лаудономъ и къ полученію продовольствія изъ графства Глацкаго и Богеміи по обѣщанію вѣнскаго двора.

«Надобность, чтобъ оружіе наше въ нынѣшнюю кампанію отличилось важнымъ и общему дѣлу существенно полезнымъ подвигомъ такъ теперь возрасла, что вѣнскій дворъ, въ ожиданіи, какъ пойдетъ кампанія, не знаетъ, какія дать министрамъ своимъ наставленія на конгрессъ; а наши министры, имѣя указы поступать съ твердостію, побуждать къ тому же союзниковъ и подкрѣплять ихъ интересы, нашлись бы въ жалкомъ положеніи,

еслибъ оружіе наше тому не соотвѣтствовало. Франція, съ потерею Пондишери потерявъ всѣ свои владѣнія въ Восточной Индіи, а въ Германіи успѣвши только отбить нападеніе, принуждена теперь выносить всю гордость и высокомѣріе англійскаго министерства. Датскій дворъ колеблется между двумя сторонами, и его поведеніе зависитъ отъ окончанія кампаніи. Если въ нынѣшнюю кампанію не будетъ сдѣлано ничего важнаго, то на будущую съ трудомъ будемъ мы въ состояніи привести къ Одеру армію, подобную настоящей и найти скоро нужныя для этого деньги. Если вспомнить, что третьяго года, одержавъ неслыханныя побѣды, не пользовались наилучшими обстоятельствами, что прошлаго лѣта не искали и случаевъ къ тому, а нынѣшнее лѣто армія наша проходитъ также не видавъ непріятеля, то ясно представляется, что сохраненное до сихъ поръ важное значеніе при мирныхъ переговорахъ умалится, самыя неоспоримыя наши доказательства потеряютъ силу и союзники наши, не считая болѣе наше содѣйствіе существеннымъ, будутъ поступать только согласно собственнымъ желаніямъ, а прусскій король убѣдится, что безразсудно давалъ онъ сраженія нашимъ войскамъ, которыя сами собою вредить ему не могутъ, обратитъ всѣ свои силы противъ австрійскаго дома и, сдѣлавшись сильнѣе прежняго, исключитъ насъ изъ общаго европейскаго дѣйствія, не сомнѣваясь, что и безъ его требованія Пруссія возвратится къ нему скоро сама собою.

«Отступленіе ваше отъ Бреславля, когда и гарнизону тамъ было мало, и непріятель не находился въ близости, и когда пришедшій къ этому городу на помощь генералъ Кноблохъ не могъ противиться легкимъ нашимъ войскамъ, отступленіе ваше при такихъ условіяхъ необходимо должно произвести такое дѣйствіе, что король прусскій еще меньше склоненъ будетъ искать съ вами сраженія, и еще меньше можетъ ожидать или опасаться, чтобъ вы напали на него или на какой-нибудь его корпусъ, или взяли какую-нибудь изъ его посредственныхъ крѣпостей. Поэтому должно ожидать, что онъ во многихъ мѣстахъ ослабитъ свои гарнизоны и, усиля сколько можно свою армію, устремится съ нею противъ барона Лаудона. Такое непріятельское мнѣніе не очень будетъ лестно для нашего оружія; но нѣтъ худа безъ добра и вамъ представляется случай тѣмъ большій получить надъ

королемъ верхъ, чѣмъ больше онъ увѣренъ въ своихъ преимуществахъ надъ вами. При наступленіи такого случая вы должны живо изобразить генералитету и всей арміи, какъ позорно ей непріятельское презрѣніе, и какъ наша и государства нашего слава требуетъ отомстить ему за это презрѣніе пораженіемъ.

«Переписка ваша съ барономъ Лаудономъ была причиною нѣкоторой хотя и скоро прекращенной холодности. Но такъ какъ съ того времени вы не исполнили ни одного изъ его требованій, не успѣли какою-либо диверсіею оказать ему никакой помощи, то надобно опасаться, что неудовольствія съ его стороны опять возобновятся и даже усилятся, а дворъ его можетъ заподозрить, что наши указы къ вамъ были не таковы, какъ ему сообщались для свѣдѣнія. Въ другое время на это можно было бы и не обращать большого вниманія; но теперь, когда завязались общіе переговоры, Пруссія подружилась съ Портою, и мы принудили вѣнскій дворъ поручить главныя его силы Лаудону и до сихъ поръ не можемъ сказать по справедливости, чтобъ онъ не исполнилъ того, чего отъ него требовано, — теперь больше всего надобно остерегаться, чтобъ не было ни малѣйшей холодности и несогласія, надобно какимъ-нибудь знатнымъ предпріятіемъ доказать, что указы наши дѣйствительно были таковы, какъ сообщены вѣнскому двору».

Неудовольствіе на Бутурлина уменьшилось, когда онъ отъ 3 августа далъ знать, что благополучно перешелъ Одеръ со всею арміею, занялъ Лигницъ, видѣлся съ Лаудономъ и принялъ твердое рѣшеніе подвинуться еще далѣе впередъ. Фридрихъ II, не будучи въ состояніи ни помѣшать соединенію Бутурлина съ Лаудономъ, и тѣмъ менѣе будучи въ состояніи напасть на нихъ, устроилъ себѣ укрѣпленный лагерь почти подъ пушками Швейдница, и здѣсь рѣшился ожидать нападенія непріятеля или держать его въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока недостатокъ провіанта принудитъ его удалиться. Отъ 21 августа Бутурлинъ далъ знать въ Петербургъ, что 23 числа непремѣнно нападетъ на непріятеля; но отъ 22 августа писалъ, что нападеніе оставлено, а вмѣсто того принято намѣреніе движеніемъ на Швейдницъ принудить Фридриха II покинуть выгодное положеніе между Цейдлицемъ и Вирбеномъ, и въ тотъ же самый день послана другая реляція, что и движеніе на Швейдницъ отсовѣтовано барономъ

Лаудономъ, и потому принято рѣшеніе—оставить при Лаудонѣ корпусъ графа Чернышева до окончанія кампаніи, а самому Бутурлину перейти Одеръ и двинуться къ Глогау или *куда-нибудь*. Въ отвѣтномъ рескриптѣ на эти реляціи говорилось: «Не скроемъ отъ васъ, что этими извѣстіями мы были больше опечалены, чѣмъ еслибы съ войскомъ нашимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Мы не будемъ теперь подробно разбирать, какъ много противорѣчія въ вашихъ реляціяхъ, какъ мало согласны съ ними многія намъ извѣстныя обстоятельства и съ другихъ сторонъ доходящія извѣстія, ниже какія о томъ произойдутъ разсужденія и толкованія какъ у пріятелей, такъ и у непріятелей: все это сами вы легко себѣ можете вообразить; однако нельзя оставить безъ примѣчанія, что когда уже въ разныхъ на походѣ отъ Познани промедленіяхъ такъ много было пропущено времени, то необходимо было надобно или за Одеръ не переходить и искать возможныхъ операцій на этой сторонѣ, или, перешедъ Одеръ и соединившись съ Лаудономъ, стараться тотчасъ пользоваться этимъ соединеніемъ, превосходствомъ силъ и больше всего непріятельскимъ смущеніемъ, вознаградить потерянное время, а не вновь тратить его на безплодныя и безконечныя совѣтованія. Но такъ какъ нельзя словами изобразить, какой вѣнецъ славы висѣлъ надъ вами и какъ безвозвратно вы его потеряли; какъ невозможно словами поправить прошедшее или уничтожить всеобщее теперь мнѣніе Европы, что во всю нынѣшнюю кампанію намѣренно думали только объ одномъ какъ бы протянуть время и, ничего не сдѣлавъ, возвратиться домой; а еще меньше что-либо съ благопристойностію сказать нашимъ союзникамъ, зачѣмъ принудили мы вѣнскій дворъ отнять команду у графа Дауна и поручить ее барону Лаудону, зачѣмъ принуждали Австрійцевъ дѣлать большіе убытки и заводить магазины для нашей арміи; зачѣмъ приходили на ихъ пропитаніе, слѣдовательно уменьшали его для нихъ самихъ. Короткое могло бы быть на все это объясненіе, а имянно, что вы хотѣли напасть на непріятеля, да случая и возможности къ тому не было. Но мы сами по одному сличенію обстоятельствъ и по собственнымъ вашимъ донесеніямъ, увѣрены въ противномъ, а союзники наши не только имѣютъ очевидныхъ свидѣтелей, но и письменное доказательство въ отвѣтной промеморіи вашей барону Лаудону, что не укрѣпленіе

непріятельскаго лагеря помѣшало вамъ напасть на него. Тогда никакихъ еще не было укрѣпленій; но вы, перешедши 12 верстъ, требовали продолжительнаго отдыха; а потомъ, какъ уже непріятель и укрѣпился, русскимъ и австрійскимъ генералитетомъ признано было, что напасть можно, для чего не только день, но и часъ былъ назначенъ. Но какъ все это ни къ чему теперь не служитъ, то мы и приступаемъ къ самому дѣлу.

«Повелѣваемъ вамъ: 1) на крѣпость Глогау напраснаго покушенія не дѣлать и времени не тратить; но 2) подвинувшись скорѣе къ Франкфурту, тотчасъ занять Берлинъ, по примѣру прошлаго года, съ тою только разницею, что взять больше контрибуціи съ Берлинцевъ за ихъ неблагодарность и воспользоваться всѣмъ, чѣмъ только можно. 3) Если принцъ Генрихъ для защиты Берлина вышлетъ противъ васъ корпусъ, то непремѣнно напасть на него, безъ разбора и безъ совѣта. Этихъ безплодныхъ совѣтованій въ нынѣшнюю кампанію столько было, что наконецъ самое слово «совѣтъ» омерзитъ; а чтобъ наши войска не были способны къ атакамъ, то это толкованіе можетъ происходить только отъ завистниковъ славы нашего оружія, и потому наикрѣпчайше вамъ повелѣваемъ: если кто дерзнетъ сказать, что наши войска неспособны къ атакамъ, того не только тотчасъ на мѣстѣ арестовать, но какъ злодѣя въ оковахъ сюда прислать. 4) Надѣяться можно, что походомъ вашимъ къ Франкфурту прусскія въ Помераніи войска принуждены будутъ эту провинцію очистить: вамъ надобно стараться и этотъ корпусъ не упустить, а разбить и всего больше заботиться о занятіи зимнихъ квартиръ въ Помераніи. Что же касается графа Чернышева съ его корпусомъ, то мы опасаемся только того, что принятое и относительно его намѣреніе за какими-нибудь непредвидимыми приключеніями отмѣнится и онъ при австрійской арміи оставленъ не будетъ, ибо дѣйствительно теперь нѣтъ другого способа поправить происшедшее и доказать свѣту, что несмотря на худое согласіе операцій, оба двора пребываютъ однако въ тѣснѣйшемъ единодушіи».

Дальнѣйшія движенія Бутурлина подверглись также выговорамъ, тогда какъ пріятная вѣдомость была получена отъ графа Чернышева, который извѣщалъ о взятіи Швейдница австро-русскими войсками. Въ рескриптѣ императрицы къ Бутурлину, по

этому случаю говорилось: «Немного было употреблено нашего войска къ этому мужественному предпріятію, только четыре гренадерскія роты; но мы рады, что доказана способность нашего войска нападать. Австрійскій генералитетъ и самъ непріятель приписываетъ имъ несравненную похвалу: они всходили на стѣны какъ львы, и вошедши въ городъ, такъ скоро построились, какъ будто для парада туда введены были. Кромѣ Чернышева, Румянцевъ, отправленный для осады Кольберга, также безпокоилъ Бутурлина своимъ значеніемъ. Бутурлину предписывалось отдать въ команду Румянцева столько войска и такъ его всѣмъ снабдить, какъ онъ самъ потребуетъ, и отнюдь не затруднять его и не смущать своими ордерами: «ибо мы службою его и усердіемъ и всѣмъ въ нынѣшнюю кампанію распоряженіемъ совершенно довольны». Бутурлинъ отвѣчалъ, что если онъ отправитъ большую часть войска, то у него самого останется очень мало, и на это получилъ рескриптъ, гдѣ говорилось: «Примѣчаемъ мы со многимъ сожалѣніемъ, что вы оказываете нѣкоторую *жалузію* къ той довѣренности, какою удостоили мы графа Румянцева, какъ то явственнѣе всего усматривается изъ вашего короткаго и сухаго къ нему ордера и изъ вашей реляціи, будто бы по усиленіи его вся армія только въ десяти полкахъ состоять будетъ. Наша милость оказывается только по заслугамъ и достоинству, а отнюдь не какъ слѣдствіе уменьшенія ея къ другому. Вы остаетесь главнымъ его командиромъ, а чинъ вашъ и наша персональная къ вамъ милость не могутъ вамъ и повода подавать къ жалузіи противъ подчиненнаго».

Надѣялись, что Румянцевъ взятіемъ Кольберга хотя сколько-нибудь поправитъ дѣло, испорченное Бутурлинымъ. Современникъ (Болотовъ) говоритъ, что другого исхода дѣятельности Бутурлина и не ожидали въ арміи: «Характеръ сего престарѣлаго большого боярина былъ всему государству слишкомъ извѣстенъ и всѣ знали, что неспособенъ онъ былъ къ командованію не только арміею, но и двумя или тремя полками. Единая привычка его часто подгуливать и даже пить иногда въ кружку съ самыми подлыми людьми, наводила на всѣхъ и огорченіе, и негодованіе превеликое. А какъ сверхъ того онъ былъ неучъ и совершенный во всемъ невѣжда, то всѣ отчаявались и не ожидали въ будущую кампанію ни малѣйшаго успѣха, въ чемъ дѣйствительно и не обманулись».

Къ печальному исходу кампаніи присоединилась еще измѣна генерала, котораго имя очень часто упоминалось въ журналѣ военныхъ дѣйствій русской арміи, и упоминалось обыкновенно при успѣшныхъ дѣйствіяхъ, начальника легкихъ войскъ, Тотлебена. Еще отъ 21 іюня Бутурлинъ увѣдомилъ императрицу о странномъ происшествіи: генералъ-майоръ Тотлебенъ на походѣ своемъ къ арміи въ Померанію, въ лагерѣ при Берштейнѣ, съ общаго совѣта всѣхъ полковыхъ командировъ подчиненнаго ему корпуса, 19 числа арестованъ за открытую его вредную службѣ переписку съ непріятелемъ. Причины, побудившія къ аресту были слѣдующія: 1) подполковникъ Ашъ, находившійся при Тотлебенѣ для канцелярскихъ дѣлъ, перехватилъ жида, отправленнаго Тотлебеномъ въ Кистринъ; у этого жида въ сапогѣ нашли точный нѣмецкій переводъ съ секретнаго ордера главнокомандующаго, также съ сообщеннаго Тотлебену отъ Бутурлина маршрута арміи отъ Познани въ Силезію и съ собственноручной записки Тотлебена съ шифрами; всѣ эти бумаги были вложены въ неподписанный кувертъ, но за печатью Тотлебена. 2) У жида найденъ паспортъ данный ему Тотлебеномъ. 3) Капитанъ Фафіусъ получилъ отъ Тотлебена собственноручное приказаніе препроводить жида съ козаками въ Кистринъ. 4) У Тотлебена найдено запечатанное, но еще не отправленное письмо его въ Берлинъ къ банкиру Гоцковскому. Жидъ признался, что перевозилъ письма отъ принца Генриха прусскаго къ Тотлебену и обратно; пакетъ, найденный у него въ сапогѣ, онъ долженъ былъ отдать или коменданту, или принцу Генриху, или самому королю прусскому. По показанію Тотлебена переписка его съ принцемъ Генрихомъ состояла въ томъ, что принцъ просилъ его не позволять своему корпусу такъ разорять королевскія земли; а онъ Тотлебенъ отвѣчалъ, что если прусскіе чиновники сами будутъ выставлять требуемый провіантъ и фуражъ, то ни о какихъ солдатскихъ своевольствахъ слышно не будетъ. Къ этому онъ прибавилъ въ письмѣ къ принцу: «Что касается собственно меня, то принцъ можетъ быть увѣренъ, что я никакихъ грабительствъ не терплю, но по возможности отвращаю; что я не желаю никакого вознагражденія, но чтобъ принцъ, какъ старый пріятель, заступился за меня, чтобъ возвратили мнѣ сына моего, который у меня одинъ только и есть, и котораго, ребенка 11 лѣтъ, силою

взяли и въ солдаты записали, чтобъ также возвратили мнѣ деревни мои, которыя или вовсе отняты или секвестрованы». Спустя недѣли съ три, явился жидъ Забадко и подалъ ему запечатанное письмо отъ короля: въ письмѣ говорилось, что король приказалъ всѣмъ ландратамъ и начальникамъ округовъ ѣхать къ своимъ мѣстамъ и ставить припасы на русское войско и потому Тотлебенъ долженъ содержать въ своемъ войскѣ добрый порядокъ и щадить прусскія земли, а онъ, король, когда будетъ заключенъ миръ, не оставитъ просьбы его о сынѣ и деревняхъ. Тотлебенъ отправилъ жида съ отвѣтомъ, что никакихъ жалобъ на разореніе отъ русскаго войска не будетъ, при чемъ просилъ уволить сына для продолженія ученія. Черезъ три недѣли послѣ этого жидъ возвратился, привезъ увольненіе сына Тотлебена и письмо къ отцу: король обнадеживалъ его всякою милостію, если прекратитъ опустошенія производимыя его отрядомъ. Далѣе Тотлебенъ показывалъ: «Уже три года думалъ я о планѣ, какъ бы схватить короля при какомъ-нибудь случаѣ. Придумалъ я, что лучше всего будетъ, когда король вполнѣ довѣрится жиду Забадкѣ: тогда можно было бы уговорить короля къ свиданію или развѣдать, когда и гдѣ онъ будетъ на рекогносцировкѣ съ малымъ числомъ людей. Потомъ пріѣхалъ жидъ Забадко въ третій разъ съ двумя запечатанными кувертами: въ одномъ находилась цифирьная азбука, а въ другомъ письмо отъ короля. Въ письмѣ говорилось: принципалъ радуется, что пріятель обнадеживаетъ на счетъ пощады его земель; желаетъ, чтобъ пріятель, для облегченія подданныхъ принципала, служилъ еще эту кампанію, и проситъ дать знать — оборонительно или наступательно русская армія будетъ дѣйствовать этотъ годъ, будетъ ли отправленъ корпусъ къ Лаудону и завидуетъ ли пріятель, что идетъ новый претендентъ на кольбергское дѣвство (Румянцевъ). Я отвѣчалъ, что пріятель письмо отъ принципала получилъ и при первомъ случаѣ будетъ отвѣчать. Жиду Забадкѣ приказалъ я сказать королю, что очень желаю съ нимъ видѣться. Забадко пріѣзжалъ еще разъ съ письмомъ отъ короля, исполненнымъ обнадеживаніями милости и съ требованіемъ, чтобъ написалъ отвѣтъ на прежніе вопросы. Чтобъ уклониться отъ отвѣта, я написалъ королю о моемъ новомъ назначеніи и сослался на приложенія, которыя къ нему отправилъ: эти приложенія и состояли

въ ордерѣ и маршрутѣ, полученныхъ отъ фельдмаршала. Еслибъ я, говорилъ Тотлебенъ, затѣвалъ что-нибудь опасное и противное долгу вѣрности, то я ордеръ и маршрутъ послалъ бы прежде, а не тогда, когда уже ордеръ пересталъ быть секретнымъ, потому что былъ исполненъ. Какъ скоро я цифры въ запечатанномъ кувертѣ получилъ, показывалъ я ихъ подполковнику Ашу, говоря: вотъ принесъ мнѣ жидъ и цифры изъ королевскаго кабинета! Ашъ удивился, гдѣ онъ могъ ихъ достать? Я на то ему отвѣчалъ, что жидъ конечно самъ бываетъ въ королевскомъ кабинетѣ; я съ Божіею помощію въ нынѣшнемъ году короля уже прямо заведу, а цифры эти фельдмаршалъ имѣть будетъ. Ашъ, если въ немъ еще искра честности и христіанства есть, правду этого показанія самъ признать долженъ, такъ какъ я часто публично говаривалъ, что я въ нынѣшнемъ году прямой ударъ нанести надѣюсь. Гоцковскій, будучи у меня, навѣдывался, къ кому бы въ Петербургѣ адресоваться чтобъ дворъ склонить въ пользу короля; королю война наскучила и онъ охотно бы употребилъ милліонъ или два. Я отвѣчалъ, что съ петербургскими совершенно незнакомъ, но еслибъ прислано было письменное предложеніе, то я переговорилъ бы съ фельдмаршаломъ».

Тотлебена отправили въ Петербургъ, послѣ чего перехвачено было еще одно письмо къ нему отъ Фридриха II: король писалъ, что не можетъ дать ему просимаго имъ имѣнія (гершафта миличевскаго), но обѣщаетъ дать другое, равное тому; отказывалъ ему и въ просьбѣ развести его съ женою, живущею въ Силезіи, объявляя, что для этого она сама должна подать прошеніе [214].

Неудачный исходъ кампаніи былъ тяжелъ русскому правительству особенно потому, что оно сильнѣе всѣхъ отвергало перемиріе и настаивало на энергическія дѣйствія, съ помощію которыхъ только и можно было принудить Фридриха II къ *честному* миру для союзниковъ. Мы уже видѣли, какъ въ рескриптахъ Бутурлину, выставлялось затруднительное положеніе Россіи относительно главной союзницы — Австріи. Русскій посолъ въ Вѣнѣ Кейзерлингъ былъ назначенъ уполномоченнымъ на аугсбургскій конгрессъ; на его мѣсто въ Вѣну былъ назначенъ князь Дмитрій Мих. Голицынъ; но до его пріѣзда туда былъ

опредѣленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ племянникъ канцлера, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. Соотвѣтственно этой перемѣнѣ, Эстергази былъ отозванъ изъ Петербурга по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни, и на его мѣсто назначенъ графъ Мерси д'Аржанто. Отъ 21 іюля молодой Воронцовъ писалъ дядѣ изъ Вѣны о разговорѣ своемъ съ Кауницомъ: «Графъ Кауницъ со мною долго говорилъ, не скрываясь, что ихъ не мало удивляетъ медленность фельдмаршала графа Бутурлина; Кауницъ разсуждалъ, что часто опоздавши только 24 часа, можно лишиться успѣховъ цѣлой кампаніи». Воронцовъ писалъ также къ дядѣ, что слышалъ стороною, будто Лаудонъ начинаетъ отчаяваться въ успѣхахъ кампаніи, видя такую медленность въ движеніяхъ русской арміи. Отъ 14 августа Воронцовъ опять писалъ о неудовольствіи Кауница на операціи русскаго войска въ Силезіи; онъ разсуждалъ, что послѣ перехода чрезъ Одеръ много бы уже можно было предпринять, но время упущено. Кауницъ опасался, что русская армія, промедля, будетъ принуждена идти на Вислу къ зимнимъ квартирамъ, и кампанія останется безплодною. По словамъ Кауница, Лаудонъ предлагалъ Бутурлину, чего онъ хочетъ, самъ ли напасть на короля или предоставитъ это нападеніе Австрійцамъ съ уговоромъ, чтобъ каждый съ своей стороны подкрѣплялъ атаку двадцатью тысячами войска; но предложеніе это не произвело никакого дѣйствія. Отъ 25 августа Воронцовъ писалъ, что Кауницъ сильно безпокоится бездѣйствіемъ войска, тѣмъ болѣе, что неуспѣхъ кампаніи возбудитъ противъ него всѣхъ доброжелателей фельдмаршала Дауна, ибо извѣстно, что императрица-королева почти противъ желанія своего уступила требованію Кауница— отдать большую часть войска подъ команду Лаудона. Въ Вѣнѣ складывали всю вину на Фермора, который будто бы давно не скрывалъ своего недоброжелательства къ австрійскому дому, оказывая при всякомъ случаѣ нерасположеніе офицерамъ, присылаемымъ къ русской арміи изъ Вѣны, и жалуясь, что благодаря вѣнскому двору онъ лишенъ главнаго начальства.

Любопытны извѣстія Воронцова о томъ впечатлѣніи, какое было произведено на Марію Терезію взятіемъ Швейдница: «Императрица, писалъ Воронцовъ, сама уменьшаетъ важность этого дѣла и почитаетъ невозможнымъ удержаніе Швейдница зимою,

Всѣ эти дни ея величество была очень невесела и причина тому—пристрастіе ея къ фельдмаршалу Дауну; раздражилъ ее императоръ, который воспользовался взятіемъ Швейдница, чтобъ превознесть Лаудона на счетъ Дауна; императрица съ яростію заступилась за своего фаворита и съ тѣхъ поръ сама уменьшаетъ важность дѣйствій Лаудона; въ собраніи при дворѣ, разговаривая съ однимъ иностраннымъ министромъ, сама выразилась, что находитъ великія трудности въ расположеніи зимнихъ квартиръ въ Силезіи, и всѣ тѣ, которые имѣли съ нею въ этотъ день дѣла, говорятъ, что никогда не видывали ее такою сердитою».

Сильно занимались въ Вѣнѣ осадою Кольберга, боялись, что если этотъ городъ не будетъ взятъ и русская армія уйдетъ на зимнія квартиры къ Вислѣ, то прусское войско двинется изъ Помераніи въ Саксонію и помѣшаетъ здѣсь дѣйствіямъ австрійскаго войска [215].

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ толковали о печальномъ исходѣ кампаніи, изъ Парижа и Лондона русскіе послы доносили о печальномъ исходѣ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею. Преемникъ Мих. Петр. Бестужева при французскомъ дворѣ, графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ доносилъ отъ 31 августа, что у герцога Шуазеля была конференція со всѣми министрами союзныхъ дворовъ. Разсказавъ подробно весь ходъ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею, Шуазель именемъ королевскимъ просилъ министровъ донести своимъ дворамъ, что Франція вела переговоры съ согласія своихъ союзниковъ и по общему соглашенію, т. е. не смѣшивая особую свою войну съ войною германскою, о прекращеніи которой предоставлено вести переговоры на аугсбургскомъ конгрессѣ; что для достиженія съ Англіею особаго мира съ французской стороны оказана была особенная уступчивость, было пожертвовано всѣмъ, чѣмъ только можно; но Англія неумѣренными, нескладно и умышленно спутанными требованіями и отвѣтами обнаружила свое нежеланіе мира. Король поэтому принялъ намѣреніе прервать эти безплодные переговоры и повелѣлъ увѣрить всѣхъ своихъ союзниковъ, что твердо намѣренъ пребывать съ ними въ союзѣ, свято соблюдая свои обязательства.

Чернышевъ доносилъ, что неудача въ Силезіи и уходъ Бутур-

лина отъ Лаудона не будутъ имѣть никакого вліянія на рѣшенія французскаго двора, хотя извѣщалъ, что герцогъ Шуазель съ большимъ огорченіемъ отзывался объ этихъ событіяхъ, именно выразился, что издержки, употребленныя на переходъ арміи, не соотвѣтствуютъ ея успѣхамъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что и двѣ французскія арміи, хотя было и соединились, но ничего не сдѣлали непріятелю, и, отступя съ урономъ, принуждены были безполезно разойтись. Разговоръ заключился тѣмъ, что нынѣшняя кампанія можетъ почесться неудачною для всѣхъ сторонъ, и, чтобъ поправить дѣло, надобно принять мѣры для успѣха будущей кампаніи. На этомъ донесеніи канцлеръ сдѣлалъ любопытное замѣчаніе для императрицы: «На продолженіе нынѣшней войны и пріемлемыхъ сильныхъ мѣръ для произведенія будущей кампаніи потребно великія суммы денегъ въ наличіи имѣть, которыхъ теперь въ казнѣ совсѣмъ нѣтъ. Ежели ваше импер. величество по поданнымъ отъ конференціи и сената докладамъ не соизволите милостивою резолюціею снабдить, я истинно не понимаю, какимъ образомъ возможно будетъ съ пользою и начало будущей кампаніи учинить» [216].

Изъ Лондона весною князь Александръ Мих. Голицынъ доносилъ, что англійскій дворъ искренне желаетъ прекратить германскую войну, какъ очень убыточную, и вовсе не столько старается о своемъ отдѣльномъ мирѣ съ Франціею; поэтому въ Англіи больше всего боятся, чтобъ предложеніе союзниковъ о мирѣ не сдѣлано было только съ цѣлію выиграть время. Голицынъ описывалъ свой разговоръ съ знаменитымъ Питтомъ, который увѣрялъ его, что Англія искренно желаетъ мира, но не можетъ покинуть прусскаго короля: «Онъ, писалъ Голицынъ, старался мнѣ доказывать, по своему обыкновенію, чрезъ свои хитрыя и краснорѣчивыя израженія, необходимость для Англіи пребывать нераздѣльно и усердно съ означеннымъ монархомъ. Я только въ краткихъ словахъ старался прекословить, утверждая, что когда сей высокомысленный и дерзновенный государь истощенныя свои въ настоящей войнѣ силы паки современемъ исправитъ, не преминетъ возстановленную тишину паки возмутить, развѣ Англія постановитъ себя охранительницею противъ покушеній сего монарха. Господинъ Питтъ въ своемъ отвѣтѣ старался дать мнѣ выразумѣть, что на такія гарантіи нельзя

много полагаться и что, по его мнѣнію, достаточною гарантіею можетъ служить превосходство силъ, какимъ обладаетъ Россія. Прусскій король не осмѣлится нарушить ея покой, и слѣдовательно императрица, не имѣя причины опасаться предпріятій сего монарха, котораго силы истощены войною, не имѣетъ и побужденій желать раздробленія его государства. Питтъ говорилъ также Голицыну, что въ Англіи очень благодарны императрицѣ за то, что такое полезное и Богу пріятное дѣло мира начато и основано въ Лондонѣ черезъ русскаго министра. «Я увѣренъ, говорилъ Питтъ, что возстановленіе европейской тишины отчасти или даже совершенно зависитъ отъ вашей государыни; по моему мнѣнію заключеніе германскаго мира подвержено великимъ затрудненіямъ, ибо трудно соглашеніе столь великихъ государей, которые должны заключить миръ, не по принужденію, а единственно изъ великодушія и миролюбія; напротивъ того отдѣльный миръ Англіи съ Франціею можетъ быть скоро заключенъ. Франція такъ истощена, что не можетъ продолжать войну съ Англіею, слѣдовательно Англія должна пользоваться этими благопріятными обстоятельствами и требовать отъ своего непріятеля очень выгоднаго мира; а державы, у которыхъ нѣтъ ни флота, ни колоній въ другихъ частяхъ Свѣта, не имѣютъ причины принимать какое-либо участіе въ этой войнѣ, она до нихъ вовсе не касается».—«По моему мнѣнію, отвѣчалъ Голицынъ, европейскіе государи должны обращать на колоніи такое же вниманіе, какъ и на европейскія владѣнія, по примѣру Англіи, которая хотя никакихъ владѣній въ Германіи не имѣетъ, однако безпрестанно въ ея дѣла вмѣшивается».—«Франція, продолжалъ Питтъ, не должна ласкать себя надеждою, чтобъ Ганноверъ служилъ ей дорогою въ Америку или Индію».

Что касается ближайшаго интереса Россіи, то въ Петербургѣ хотѣли воспользоваться перемѣною въ англійскомъ министерствѣ, выходомъ изъ него графа Голдернеса и вступленіемъ на его мѣсто графа Бюта, любимца новаго короля Георга III. Воронцовъ отправилъ по этому случаю такое письмо Голицыну: «Понеже опредѣленный на мѣсто графа Голдернеса новый статскій секретарь натурально желать будетъ начало министерство своего знаменитымъ сдѣлать, то вашему сіятельству весьма нужно постараться, менажируя къ себѣ дружбу и повѣренность

сего въ кредитѣ находящагося министра, искусно внушать ему, что союзъ и дружба между ея императорскимъ величествомъ и королемъ его государемъ, будучи всегда натуральны, препятствуются токмо соединенiемъ ихъ (Англичанъ) съ королемъ прусскимъ, отъ котораго они имѣли всегда справедливое опасенiе, а нынѣ одни безплодныя иждивенiя или обманчивую помощь; что ея императ. величество, пребывая въ исполненiи своихъ обязательствъ твердо и непоколебимо, весьма удалены вы присовѣтовать неравномѣрное англiйскому двору поведенiе, но деликатности его британскаго величества въ наблюденiи своихъ обязательствъ ни малѣйшаго предосужденiя быть не можетъ, если болѣе свои собственные интересы въ уваженiе возьмутся и когда въ справедливое сравненiе постановлены будутъ твердость и польза прежнихъ союзниковъ и натуральное оныхъ паки сближенiе противу самокорыстныхъ видовъ такого союзника, который за сильное ему вспоможенiе и усердiе всей великобританской нацiи благодаренъ единственно случаю, и обнажа предъ нею теперь прямыя свои склонности, толь большимъ будетъ ей непрiятелемъ, что благоволенiемъ ея ласкать себя не можетъ. И понеже оказывается, что Францiя дѣйствительно хотѣла, по поводу своей войны съ Англiею, захватить всю мирную негоцiацiю въ свои руки, то съ большею справедливостiю здѣсь могли бы теперь желать искуснымъ образомъ до того довести, чтобъ Францiя могла съ Англiею только сноситься о партикулярномъ своемъ мирѣ, пока конгрессъ собирается или продолжается, а Англiя между тѣмъ трактовала бъ съ здѣшнимъ дворомъ о мирѣ короля прусскаго прелиминарно для рѣшительнаго окончанiя на будущемъ конгрессѣ. Сего ради ваше сiятельство особливое старанiе возъимѣете внушенiями своими нечувствительно до того доводить».

Для начатiя дѣла въ Петербургѣ англiйскому посланнику Кейту вручена была записка, въ которой говорилось, что такъ какъ императрица никогда не отмѣнитъ своего намѣренiя искать для себя и для своихъ высокихъ союзниковъ мира прочнаго, честнаго и удовлетворительнаго, и такъ какъ союзники ея находятся въ такихъ же сентиментахъ, то теперь отъ его британскаго величества зависитъ содѣйствовать справедливому миру Англiи съ Францiею и склонить короля прусскаго къ справед-

ливому удовлетворенію обиженныхъ сторонъ. Отъ 20 іюля Голицынъ далъ знать своему двору о впечатлѣніи, какое эта записка произвела въ Англіи: оба министра—графъ Бютъ и герцогъ Ньюкэстль отозвались единогласно, что имъ очень не легко и почти невозможно склонить къ тому прусскаго короля, а потомъ сообщилъ инструкцію Фридриха II своимъ министрамъ въ Лондонѣ, въ которой говорилось, что онъ принялъ твердое намѣреніе не уступать непріятелямъ ни пяди земли, и что онъ согласенъ помириться на одномъ условіи, чтобъ каждый остался при томъ, чѣмъ владѣлъ въ 1756 году. «Такое упрямство и несправедливость этого государя, писалъ Голицынъ, нѣсколько безпокоитъ здѣшнее министерство, которое убѣждено, что безъ какого-нибудь справедливаго вознагражденія обиженнымъ сторонамъ покоя въ Германіи ожидать нельзя. Кампанія нынѣшняго года должна означить намѣренія и здѣшняго и прусскаго двора относительно германскаго мира». Противъ этихъ словъ канцлеръ Воронцовъ сдѣлалъ замѣтку: «Къ немалому сокрушенію, нынѣшняя кампанія ни съ которой стороны къ благополучному окончанію сей проклятой войны надежды не подаетъ».

Отъ 7 сентября Голицынъ донесъ о разрывѣ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею; отъ 25 сентября увѣдомилъ о выходѣ Питта изъ министерства и о разговорѣ своемъ съ графомъ Бютомъ по этому случаю: «Хотя нельзя не жалѣть, говорилъ Бютъ, что этотъ министръ, необыкновенно даровитый и оказавшій своему королю и отечеству великія услуги, оставилъ службу при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, однако, съ другой стороны, это было неминуемо по его крайнему честолюбію и властолюбію, по привычкѣ его въ продолженіи пяти лѣтъ всѣми повелѣвать и приводить въ исполненіе свои мнѣнія безъ малѣйшаго прекословія. Я, по вступленіи своемъ въ министерство, всячески старался быть съ нимъ въ согласіи; но наконецъ, при послѣднихъ обстоятельствахъ, я принужденъ былъ не только поразниться съ нимъ въ мнѣніяхъ, но и съ крайнею твердостію держаться своихъ мнѣній. Видя, что остальные министры съ нимъ несогласны и насчитывая мало друзей въ парламентѣ, Питтъ заблагоразсудилъ выйти изъ министерства». Донося объ этомъ разговорѣ, Голицынъ писалъ: «Выходъ изъ министерства Питта должно приписывать одному графу

Бюту: онъ съ нетерпѣніемъ и не малою завистію смотрѣлъ на властолюбіе и блестящія качества Питта, и всѣ враги послѣдняго безпрестанно раздували пламя несогласія между ними. И я, въ силу высочайшаго наставленія, даннаго мнѣ, старался съ крайнимъ усердіемъ этому же содѣйствовать, внушая графу Бюту, что пока Питтъ будетъ оставаться въ министрахъ, то вся честь и слава за счастливыя для Англіи событія будетъ принадлежать ему одному въ предосужденіе другимъ министрамъ. Я уже съ нѣкотораго времени могъ замѣчать добрый успѣхъ моихъ внушеній, однако никогда не могъ ожидать, чтобъ перемѣна могла произойти такъ скоро. Перемѣна эта важна и полезна для общаго дѣла, потому что во 1) преемникъ Питта, графъ Эгремонтъ не имѣетъ нисколько достоинствъ своего предшественника; во 2) извѣстное усердіе Питта къ интересамъ короля прусскаго и непреодолимая ненависть его къ Франціи и ко всѣмъ тѣмъ, кто при настоящихъ обстоятельствахъ ей доброхотствуетъ, въ графѣ Эгремонтѣ не замѣчаются, въ 3) надобно ожидать безъ Питта въ парламентѣ большаго сопротивленія министерству: требованія денегъ на войну и на субсидіи встрѣтятъ большія препятствія».

Въ началѣ декабря, увѣдомляя свой дворъ о предстоящей войнѣ Англіи съ Испаніею, Голицынъ изъявлялъ «раболѣпную радость», что благодаря этой новой войнѣ, Англія уже не будетъ обращать большаго вниманія на германскую войну и король прусскій не получитъ отъ нея сильной помощи [217].

Но кромѣ Англіи въ Петербургѣ береглись, чтобъ ближайшія державы—Швеція, Польша, Турція и Данія не оказали какой-нибудь помощи королю прусскому. Графъ Остерманъ началъ годъ донесеніями о шведскомъ сеймѣ: по этимъ донесеніямъ выходило, что нельзя было опасаться выхода Швеціи изъ союза, нельзя было опасаться и возстановленія въ Швеціи самодержавія, хотя члены противной сенату партіи толковали, что въ прошедшій сеймъ власть королевская была такъ ослаблена, что сенатъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ о превращеніи монархической формы въ аристократическую; но это стремленіе наноситъ Швеціи страшный вредъ, и они при нынѣшнемъ сеймѣ намѣрены противиться ему всѣми силами и будутъ стараться ввести сенатъ въ предписанные ему предѣлы. Когда фран-

цузскій посолъ объявилъ Остерману о мирныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Франціею союзникамъ, въ томъ числѣ и Швеціи, то Остерманъ обратился къ Гепкину съ вопросомъ, не сдѣлано ли при этомъ намековъ и о мирныхъ условіяхъ. Гепкинъ отвѣчалъ, что пока еще не сдѣлано, но потомъ на словахъ по секрету сообщилъ ему, что если Швеція согласится на миръ, то посолъ уполномоченъ подать другой меморіялъ, гдѣ будетъ предложено, не заблагоразсудитъ ли Швеція отказаться отъ прежде обѣщаннаго земельнаго вознагражденія и удовольствоваться уплатою всѣхъ военныхъ убытковъ. Но любопытно, что, по донесенію Остермана, въ высшихъ стокгольмскихъ кругахъ указывали именно на тѣ мирныя условія, на какихъ въ послѣдствіи дѣйствительно заключенъ былъ миръ всѣми воюющими державами, т.-е. что прусскія владѣнія останутся нетронутыми, какъ были до начала войны. Какъ будетъ принято французское предложеніе, въ какой формѣ данъ будетъ отвѣтъ на него—это, разумѣется, зависѣло отъ отношеній между партіями, которыхъ было четыре: первая, сенатская, преданная Франціи; вторая, партія полковника Пехлина, который, отставъ отъ первой партіи, соединилъ около себя всѣхъ тѣхъ, которые получили отъ правительства какое-нибудь неудовольствіе; Пехлинъ человѣкъ хитрый и, будучи употребленъ въ прошедшій сеймъ французскою партіею для раздачи денегъ, знаетъ всѣ бывшія тогда интриги, и это знаніе употребляетъ онъ теперь противъ французской партіи. Третья, старая русская партія, извѣстная подъ именемъ Ночныхъ Колпаковъ. Четвертая—преданная двору. Три послѣднія партіи на сеймѣ составляли одну, потому что всѣ одинаково дѣйствовали противъ сената и въ своемъ соединеніи представляли большинство, хотя во всемъ остальномъ они между собою совершенно несогласны. Въ шведскомъ отвѣтѣ на французскую декларацію говорилось, что Швеція очень рада вступить въ мирные переговоры; король желаетъ скораго мира, если онъ можетъ его заключить согласно своему достоинству и вѣрности, съ какою постоянно сохраняетъ свои обязательства къ союзникамъ.

Между тѣмъ сенаторъ Гепкинъ, въ слѣдствіе сильнаго неудовольствія противъ него на сеймѣ, долженъ былъ отказаться отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, что было очень непріятно

Остерману, который надѣялся черезъ него узнавать многое, тогда какъ преемникъ его графъ Экеблаттъ былъ въ полной зависимости отъ французскаго посла. Свой дворъ Остерманъ опять долженъ былъ успокоивать относительно слуховъ о возстановленіи самодержавія въ Швеціи: эти слухи пришли въ Петербургъ отъ Корфа изъ Копенгагена. Остерманъ писалъ, что это дѣло невѣроятное, и прежде всего потому, что король не пользуется народною любовію, а королева, по ея нраву, еще менѣе, и всѣмъ извѣстно, что король во всемъ слушается королевы. Слухъ пущенъ нарочно французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ Даврэнкуромъ и датскимъ Шакомъ, которые вмѣстѣ употребляютъ всѣ средства, чтобъ спасти своихъ друзей, членовъ сенатской партіи и распространили вѣсти, что придворная партія затѣваетъ что-то противъ шведской вольности.

Когда въ Стокгольмъ былъ доставленъ русскій отвѣтъ на французскую декларацію о мирѣ, то король поручилъ своему министру въ Петербургѣ барону Поссе обнадежить русское правительство, что Швеція относительно мира не будетъ ничего дѣлать безъ общаго согласія и не оставитъ требовать совѣта императрицы; но Остерманъ далъ знать своему двору, что въ будущую кампанію нельзя ожидать отъ Швеціи сильныхъ дѣйствій по недостатку денегъ, по неисправности платежа французскихъ субсидій, по явному неудовольствію народа зачѣмъ начата была война, по сильному желанію прекратить убыточную войну, до начала которой армія состояла изъ 32,000 человѣкъ, а теперь въ Помераніи и съ больными было не болѣе 18,000; хотя наборъ рекрутъ и былъ рѣшенъ и они собраны, но безъ денегъ нельзя было ихъ обмундировать и перевезти въ Померанію.

Въ концѣ іюля Остерманъ сообщилъ объ усиленіи французской партіи, которой еще прежде удалось деньгами склонить Пехлина на свою сторону. Но дворянское собраніе выключило Пехлина изъ своей среды, несмотря на всѣ усилія и денежныя раздачи французской партіи. Споры о Пехлинѣ едва не повели къ дракѣ. Донося объ этомъ, Остерманъ писалъ: «Я, съ своей стороны, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, въ разговорахъ своихъ, не вступая въ ихъ распри, стараюсь имъ внушать тишину и доброе согласіе». На это Воронцовъ замѣчаетъ:

«Чтобъ и впредь въ подобныхъ внутреннихъ шведскихъ дѣлахъ разумную осторожность имѣлъ и отнюдь ни въ чемъ не мѣшался». Несмотря на то, Остерманъ предложилъ своему двору пенсіею и обѣщаніемъ защиты привлечь на свою сторону сенатора Гепкина, какъ человѣка очень вліятельнаго по своему уму.

Отъ 21 декабря Остерманъ увѣдомилъ, что Экеблаттъ объявилъ ему именемъ королевскимъ, что война становится для Швеціи страшно тяжка и король желаетъ усугубить всѣ способы къ возобновленію общихъ мирныхъ переговоровъ. Къ этому Остерманъ прибавлялъ, что шведскій народъ до такой степени наскучилъ войною, что Россія по крайней мѣрѣ письменными декларацiями не должна подавать вида, что хочетъ принудить Швецію къ продолженію войны, ибо въ противномъ случаѣ Франція всю ненависть Шведовъ обратитъ на Россію [218].

Въ Польшѣ русскій посланникъ Воейковъ попрежнему старался помѣшать сношеніямъ Пруссіи съ Турціею; въ январѣ онъ писалъ, что опять домогался у графа Брюля, нельзя ли какимъ-нибудь тайнымъ образомъ схватить прусскаго курьера; Брюль попрежнему обнадеживалъ, что употребляются для этого всевозможнѣйшие способы, а зять его графъ Мнишекъ говорилъ: «Мы имѣемъ достовѣрныя извѣстія, что прусскіе курьеры, переодѣтые то въ польское, то въ волошское платье, препровождаются стараніями кастеляна краковскаго, графа Понятовскаго и воеводы русскаго, князя Чарторыйскаго чрезъ ихъ имѣнія, которыя доходятъ до самыхъ молдавскихъ границъ». Воейковъ заявилъ Брюлю, что у него 1000 червонныхъ, назначенныхъ на перехватъ прусскихъ курьеровъ; но Брюль отвѣчалъ, что деньгами трудно что-нибудь сдѣлать, потому что преданные прусскому королю вельможи посылаютъ провожать курьеровъ большіе отряды войска; не лучше ли для этого употребить русскіе отряды подъ предводительствомъ искуснаго офицера, который бы явился въ Польшу подъ предлогомъ закупки провіанта для арміи. Но этотъ способъ съ русской стороны признанъ еще болѣе труднымъ.

Относительно собственно польскихъ дѣлъ Воейковъ донесъ о любопытномъ разговорѣ своемъ съ епископомъ краковскимъ Солтыкомъ. Епископъ объявилъ ему, что уѣзжаетъ изъ Варшавы и

долго не возвратится благодаря французскому послу, маркизу де-Поми, который мѣшается во всѣ дѣла и производитъ сильную смуту; графъ Брюль сначала противился ему, а потомъ ловкій Французъ, съ помощію дочери Брюля, графини Мнишекъ, успѣлъ совершенно овладѣть Брюлемъ, такъ что тотъ началъ во всемъ его слушаться, несмотря на предостереженія зятя своего Мнишка и его, бискупа. Это, говорилъ Солтыкъ, очень вредно для республики на будущее время, въ виду старости короля. Французы хотятъ усилить свою партію, чтобъ доставить корону принцу Ксаверію, второму сыну короля Августа, вполнѣ преданному Франціи; графъ Брюль поддерживаетъ принца Ксаверія, потому что старшій сынъ короля, наслѣдный принцъ саксонскій къ нему нерасположенъ. Графъ Мнишекъ, въ дружескомъ разговорѣ съ Воейковымъ, также высказалъ свое неудовольствіе противъ французскаго посла, который успѣлъ обмануть и тестя его, графа Брюля. Воейковъ при этомъ давалъ знать своему двору, что французскій посолъ ѣздилъ въ Пулавы, имѣніе князя Чарторыйскаго для свиданія съ послѣднимъ; туда же ѣздилъ и датскій посланникъ Остенъ [219].

Безпокойство русскаго двора относительно прусскихъ курьеровъ объясняется извѣстіемъ Обрѣзкова изъ Константинополя, что 20 марта заключенъ дружественный и торговый договоръ между Пруссіею и Портою. Несмотря на характеръ договора, онъ произвелъ въ Петербургѣ очень непріятное впечатлѣніе, потому что могъ ободрить подданныхъ прусскаго короля, сдѣлать его требовательнѣе при мирныхъ переговорахъ и давалъ ему возможность держать въ Константинополѣ открыто своего министра. Обрѣзковъ совѣтовалъ своему двору остаться совершенно равнодушнымъ къ этому дѣлу; ибо если будутъ съ русской стороны сдѣланы какія-нибудь представленія, то Порта можетъ дать на нихъ суровый отвѣтъ, что поведетъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между двумя государствами. Совершенное молчаніе будетъ болѣе соотвѣтствовать достоинству и могуществу русской имперіи, чѣмъ какія-нибудь представленія, изъ которыхъ Порта заключитъ, что договоръ ея съ Пруссіею имѣетъ важное значеніе въ глазахъ императрицы, и это умножитъ только ея азіатскую гордость и величанье. Совѣтъ былъ принятъ, и послѣдствія показали его пользу [220].

Угроза войною пришла не съ юга, а съ сѣвера, и оттуда, откуда менѣе всего ее ожидали. 11 іюля, въ 9 часовъ утра пріѣхалъ къ канцлеру датскій чрезвычайный посланникъ графъ Гакстгаузенъ и объявилъ, что ему велѣно отъ короля сдѣлать русскому двору словесное и дружественное внушеніе, что такъ какъ его датское величество съ сожалѣніемъ принужденъ видѣть, какъ мало великій князь всероссійскій и герцогъ шлезвигъ-голштинскій оказываетъ склонности къ полюбовной сдѣлкѣ въ своихъ распряхъ съ короною датскою и продолжаетъ пребывать въ прежнемъ своемъ недоброжелательствѣ къ Даніи, отъ котораго послѣдняя, въ разсужденіи будущаго времени, не можетъ никогда быть въ безопасности: — то его величество, по необходимой нуждѣ, въ послѣдній разъ требуетъ скораго и категорическаго на представленія свои отвѣта, поручивши въ противномъ случаѣ посланнику своему объявить формально, что его датское величество будетъ уже почитать великаго князя явнымъ себѣ непріятелемъ и потому станетъ принимать мѣры свои какъ противъ его высочества, такъ и россійской имперіи. Канцлеръ отвѣчалъ, что угрозы употреблены совершенно некстати, и русскій дворъ ихъ не испугается.

Дѣйствительно коллегія иностранныхъ дѣлъ получила такой рескриптъ: «Ошибается датскій дворъ, если отъ своихъ угрозъ ожидаетъ желаемаго дѣйствія. Ошибается не потому, чтобъ мы почитали эти угрозы одними пустыми словами, вовсе нѣтъ! мы предполагаемъ болѣе того, на что, быть-можетъ, сама Данія отважится; мы уже воображаемъ себѣ, что она вступила съ непріятелями нашими въ тѣсный союзъ, отважилась наконецъ испытать свои силы, которыми столько лѣтъ парадировала, и которыми друзей и сосѣдей своихъ то манила, то тревожила. Мы не презираемъ ея силъ: но чѣмъ важнѣе опасность и существеннѣе, тѣмъ больше мы поставимъ себѣ въ славу и тѣмъ больше найдемъ способовъ защищать утѣсненную невинность и честь и значеніе нашей имперіи. Но такъ какъ много уже пожертвовано нами для утвержденія спокойствія на сѣверѣ, то и теперь не хотимъ удовольствоваться тѣми стараніями, которыя употреблены были нами до сихъ поръ для сохраненія дружбы съ датскимъ дворомъ, а слѣдовательно и тишины на сѣверѣ. Мы хотимъ съ нашей стороны сдѣлать все, что можетъ или

отвратить разрывъ съ Даніею, или неоспоримо доказать всему свѣту, что не отъ насъ зависѣло предупредить бѣдствія тамъ, гдѣ страсть превозмогаетъ надъ справедливостію и самымъ здравымъ разсудкомъ. Поэтому мы присовѣтовали его высочеству великому князю благополучіе земель его предпочесть справедливому негодованію, и не только не прерывать переговоровъ съ датскимъ дворомъ, но по возможности и облегчать ихъ. И сами намѣрены мы, употребляя наше посредничество, прилагать все стараніе, чтобъ согласить толь различные интересы и справедливымъ удовлетвореніемъ обѣихъ сторонъ недовѣрки и подозрѣнія превратить въ доброе согласіе. Поэтому мы ласкаемъ еще себя надеждою, что дѣло не дойдетъ ни до какой печальной крайности. Однако, чтобъ не усыпить себя надеждою, повелѣваемъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ нашему министру въ Копенгагенѣ Корфу предписать, чтобъ онъ содержаніе этого рескрипта сообщилъ тамошнему двору прочтеніемъ какъ бы экстракта изъ депеши, прибавивъ, что хотя выраженія рескрипта не очень ласкательны, но въ точности изъясняютъ прямыя наши намѣренія, да притомъ и самъ датскій дворъ употребилъ не великую умѣренность въ выраженіяхъ; далѣе прибавилъ бы, что если датскій дворъ начнетъ какимъ-нибудь образомъ приводить въ дѣйствіе свои угрозы, или нарушитъ настоящій свой нейтралитетъ и дастъ малѣйшую помощь нашимъ непріятелямъ, то онъ Корфъ имѣетъ въ запасѣ указъ тотчасъ оставить тамошній дворъ; пусть онъ немедленно ѣдетъ въ Гамбургъ и тамъ ожидаетъ дальнѣйшаго нашего указа. Это мы предписываемъ въ томъ чаяніи, что Данія уже приняла свои мѣры, и потому съ какою бы твердостію ей говорено ни было, ничего этимъ испортить уже нельзя. Но такъ какъ можетъ случиться и противное нашему чаянію, а именно, что датскій дворъ жалѣетъ уже о сдѣланныхъ имъ угрозахъ или вслѣдствіе какого-нибудь счастливаго для союзниковъ событія пришелъ на другія мысли, то на такой случай надлежитъ Корфу предписать, чтобъ онъ не читалъ датскому двору этого указа, но объявилъ бы, что такъ какъ съ нашей стороны не подано датскому королю ни малѣйшаго повода къ жалобамъ, и не видимъ мы, по какому праву могъ бы датскій король признавать великаго князя явнымъ себѣ непріятелемъ, развѣ потому только, что великій князь неохотно уступилъ бы

такую землю, которая принадлежитъ ему по всѣмъ правамъ, — то и не могли мы увѣриться, чтобъ данные графу Гакстгаузену указы были точно таковы, какъ онъ ихъ предъявилъ, почему и не хотѣли подробно отвѣчать на нихъ».

Датскій дворъ изъявилъ умѣренность и сталъ только хлопотать о томъ, чтобъ союзники Россіи взяли на свою медіацію полюбовное рѣшеніе голштинскаго дѣла. Но союзники естественно стояли за Россію и не хотѣли усложнять свои отношенія голштинскимъ вопросомъ; сама Англія объявила, что не приметъ участія въ этомъ вопросѣ [221].

Выстрѣлъ былъ сдѣланъ понапрасну, потому что Россія не испугалась, а исполнить угрозу—на это датскій дворъ не могъ рѣшиться въ то время, когда единственный государь, могшій поддержать Данію, Фридрихъ II находился въ отчаянномъ положеніи, покидаемый единственною союзницею своею, Англіею; надежды, которыя князь Голицынъ соединялъ съ выходомъ Питта изъ министерства, исполнялись, Бютъ дѣйствовалъ явно противъ прусскихъ интересовъ. Послѣ Кунерсдорфа Фридрихъ II уже не могъ поправиться. Онъ долженъ былъ перемѣнить наступательную войну на оборонительную, но и для этой недоставало болѣе средствъ, страна была запустошена, войско потеряло духъ, лучшіе офицеры были побиты или взяты въ плѣнъ; Фридрихъ самъ говорилъ, что войско его уже не то, какимъ было въ началѣ войны, годится только для того, чтобъ пугать имъ издали непріятеля. Фридрихъ видѣлъ ясно, что враги его, хотя медленно, но достигаютъ своей цѣли, что борьба для него становится невозможною; но какъ прекратить ее? Миромъ, какого требуютъ они, честнымъ для нихъ и позорнымъ для него, согласиться на раздробленіе того, что было собрано, сплочено съ такими усиліями, потерять Силезію, Померанію, саму Пруссію, ту область, по которой онъ былъ королемъ, изъ прусскаго короля стать опять только бранденбургскимъ курфюрстомъ?—съ этою мыслію, разумѣется, Фридрихъ не могъ помириться, и другая мысль о томъ, чтобъ уйти отъ позора насильственною смертію все глубже и глубже западала въ его голову [222].

Положеніе Фридриха становилось тѣмъ опаснѣе, что на будущій годъ нельзя было разсчитывать на медленность движеній русской арміи и безтолковость дѣйствій послѣдняго главнокоман-

дующаго, Бутурлина. Это былъ четвертый главнокомандующій въ пять лѣтъ войны, и всѣ четверо отличались однимъ характеромъ и одинакимъ способомъ дѣйствій. Всѣ четверо достигли важныхъ военныхъ чиновъ *по линіи*, всѣ четверо не имѣли способности главнокомандующаго; они шли медленно на помочахъ конференціи, двигались въ указанномъ направленіи, встрѣтятъ непріятеля, выдержатъ его натискъ, отобьются, а иногда, послѣ сраженія, увидятъ, что одержали великую побѣду, въ пухъ разбили врага; но это нисколько не измѣнитъ ихъ взгляда на свои обязанности, нисколько не измѣнитъ ихъ способа дѣйствій, не дастъ имъ способности къ почину; они не сдѣлаютъ ни шагу, чтобъ воспользоваться побѣдою, окончательно добить непріятеля, по прежнему ждутъ указа съ подробнымъ планомъ дѣйствій. А тутъ еще сильное искушеніе — Австрійцы съ какимъ-нибудь Дауномъ—кунктаторомъ! Мы бились и разбили непріятеля, а что же Австрійцы? пусть теперь они бьются, пусть и добьютъ непріятеля, мы имъ не будемъ завидовать, намъ надобно отдохнуть, позаботиться о главномъ, о сохраненіи побѣдоносной арміи ея император. величества, о сохраненіи пріобрѣтенной ея оружіемъ славы, и какъ только придетъ обычное извѣстіе, что грозитъ недостатокъ провіанта и фуража, то и начинается движеніе назадъ къ завѣтнымъ берегамъ Вислы, къ магазинамъ. Вотъ почему историкъ, внимательно изучившій весь ходъ прусской войны, не станетъ повторять слуха, пущеннаго изъ Французскаго посольства въ Петербургѣ, что Апраксинъ отступилъ къ границамъ послѣ побѣды, потому что получилъ отъ Бестужева извѣстіе о болѣзни императрицы: а всѣ преемники его по какимъ письмамъ дѣлали то же самое? Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній; война производилась первобытнымъ способомъ: войско входило въ непріятельскую землю, дралось съ встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ. Въ Петербургѣ, въ конференціи хорошо понимали это и писали: «Прямое искусство генерала состоитъ въ принятіи такихъ мѣръ, которымъ бы ни время, ни обстоятельства, ни движенія непріятельскія препятствовать не могли». Но этому искусству ни Апраксину, ни Фермору, ни Солтыкову, ни Бутурлину нельзя было выучиться изъ присылаемыхъ къ нимъ рескриптовъ.

Но въ Петербургѣ еще оставались преданія Петра Великаго, помнился взглядъ его на войну, какъ на живую практическую школу, въ которой всего лучше развиваются военные таланты; въ Петербургѣ сравнивали настоящую войну противъ искуснѣйшаго полководца времени съ войною противъ Карла XII; ждали тѣхъ же результатовъ и не обманулись: изъ школы начали выходить хорошіе ученики. Въ самомъ началѣ войны, иностранецъ, опорочившій всѣхъ русскихъ генераловъ, съ уваженіемъ остановился предъ молодымъ графомъ Румянцевымъ, какъ человѣкомъ употребившимъ много труда, чтобъ сдѣлать себя способнымъ къ службѣ, пріобрѣтшимъ обширныя теоретическія познанія. Къ этимъ теоретическимъ познаніямъ пятилѣтняя война прибавила еще практику; Румянцевъ выдается изъ ряду генераловъ, и ему поручаютъ поправить кампанію 1761 года, взять Кольбергъ, подъ которымъ уже два раза русское войско терпѣло неудачу. Иностранецъ находилъ въ Румянцевѣ одинъ недостатокъ—горячность; но старшіе русскіе генералы отличались до сихъ поръ такою холодностію, что противоположное качество могло быть почтено необходимымъ противуядіемъ. Фридрихъ II употребилъ всѣ усилія, чтобъ отстоять Кольбергъ; но 1 декабря Румянцевъ окончательно отбилъ герцога Евгенія Виртембергскаго, который старался доставить въ Кольбергъ съѣстные припасы, послѣ чего крѣпость принуждена была сдаться.

Посылая въ Петербургъ ключи Кольберга, Румянцевъ писалъ императрицѣ: «Благополучіе мое тѣмъ паче велико, что по времени считаю я сіе первое приношеніе сдѣлать къ торжественному дню рожденія вашего импер. величества, теплыя возсылая молитвы ко Всевышнему о цѣлости неоцѣненнаго вашего здравія, о долголѣтнемъ государствованіи и ежевременномъ приращеніи славы державѣ вашего импер. величества, толиками побѣдами увѣнчанной». Это донесеніе Румянцева о послѣднемъ дѣйствіи русскаго войска въ Семилѣтнюю войну было обнародовано 25 декабря, въ послѣдній день жизни Елисаветы.

Въ началѣ года уже встрѣчаемъ извѣстіе о болѣзненномъ состояніи императрицы, которая слушала доклады, лежа на постели [223]. Елисаветѣ очень хотѣлось пожить въ новомъ Зимнемъ дворцѣ, и 19 іюня генералъ-прокуроръ, по ея указу, предложилъ сенату употребить стараніе, чтобъ въ новостроющемся

зимнемъ домѣ хотя бъ та часть, въ которой ея импер. величество собственный апартаментъ имѣетъ, какъ наискорѣе отдѣлать; но апартаментъ не отдѣлывался, и для окончательной отдѣлки всего зимняго дома Растрелли запросилъ 380,000 рублей, и на первый разъ 100,000 [224]. Между тѣмъ пошли большія непріятности. 29 іюня огонь истребилъ по Малой Невѣ въ пяти корпусахъ 83 амбара съ пенькою и льномъ, да на рѣкѣ много барокъ; купцы потерпѣли убытка слишкомъ на милліонъ рублей. Императрица велѣла сенату придумать поскорѣе средство, какъ помочь погорѣвшимъ. Обратились къ купеческому банку; въ немъ было денегъ только 729,539 рублей, и сенатъ рѣшилъ употребить на помощь погорѣльцамъ 280,000 рублей; распредѣленіе ссуды возложено на коммиссію о коммерціи [225].

Сильно безпокоило стараніе Франціи о мирѣ и перемиріи; когда опасность исчезла съ этой стороны, стали приходить извѣстія о печальномъ ходѣ кампаніи, на которую возлагалось столько надеждъ. Нужно было готовиться къ новой кампаніи при крайне затруднительномъ положеніи финансовъ. Бутурлинъ оказывался совершенно неспособнымъ къ командованію войскомъ; генералъ-прокуроръ князь Шаховской просился въ отставку, выставляя, что изнемогаетъ подъ бременемъ дѣлъ; графъ Мих. Ларіонов. Воронцовъ, великій канцлеръ съ конца 1758 года, нашелъ бестужевское наслѣдство не по силамъ своимъ; онъ постоянно жаловался на болѣзнь, просился въ отставку или требовалъ къ себѣ въ помощники князя Александр. Мих. Голицына, бывшаго посланникомъ въ Лондонѣ, т.-е. требовалъ сведенія искуснаго дипломата съ самаго важнаго поста; графъ Петръ Ив. Шуваловъ былъ почти постоянно и опасно боленъ.

17 ноября Елисавета почувствовала лихорадочные припадки, но по принятіи лѣкарства совершенно оправилась и занялась дѣлами. 3 декабря вошелъ въ сенатъ кабинетъ-секретарь Олсуфьевъ и объявилъ высочайшія повелѣнія: императрица приказала объявить сенату свой гнѣвъ за то, что въ дѣлахъ и въ исполненіи именныхъ указовъ происходятъ излишніе споры и въ рѣшеніяхъ медленность, значитъ или не хотятъ, или не умѣютъ рѣшить дѣлъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ послѣдовала конфирмація объ отправленіи бригадира Суворова для управленія нерчинскими заводами, и онъ до сихъ поръ еще не от-

правленъ. Оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Лефортъ безвыходно находится въ сенатѣ и не слышитъ рѣшенія по своему дѣлу, тогда какъ приличнѣе было бы доносчика на него Рубановскаго арестовать: рѣшить дѣло немедленно, безъ всякаго отлагательства, чтобъ не было стыдно предъ иностранцами и государственный кредитъ не былъ поврежденъ. Императрица давно уже приказала опредѣлить при петербургскомъ портѣ въ браковщики пеньки и льну купца Герасимова, но это приказаніе до сихъ поръ не исполнено. Разныя присланныя въ сенатъ изъ кабинета челобитныя остаются безъ рѣшенія. Ея импер. величеству извѣстно, что изъ сенаторовъ въ присутствіе не всѣ ѣздятъ, одни рѣдко, а другіе почти никогда, отъ чего въ дѣлахъ остановка: если кто ѣздить не будетъ, доносить императрицѣ. О вспоможеніи погорѣвшимъ въ послѣдній большой пожаръ (29 іюня) повелѣніе ея импер. величества было, но до сихъ поръ ничего не сдѣлано [226].

12 декабря Елисаветѣ стало опять дурно: началась жестокая рвота съ кровью и кашлемъ; медики—Монсей, Шилингъ и Крузъ рѣшили отворить кровь, и очень испугались, замѣтивъ сильно воспаленное ея состояніе. Несмотря на то, чрезъ нѣсколько дней императрица, казалось, оправилась. 17 декабря Олсуфьевъ опять вошелъ въ сенатъ и объявилъ именной указъ: содержащихся во всемъ государствѣ и приличившихся по корчемству людей освободить, слѣдствія уничтожить, сосланныхъ возвратить, сенату съ прилежаніемъ и немедленно изыскать способъ, какъ бы замѣнить соляной доходъ, потому что онъ собирается съ великимъ разореніемъ народнымъ и опредѣленные къ тому люди не поступаютъ прямо по должности своей [227].

20 декабря Елисавета чувствовала себя особенно хорошо; но на третій день 22 числа въ 10 часовъ вечера началась опять жестокая рвота съ кровью и кашлемъ; медики замѣтили и другіе признаки, по которымъ сочли своимъ долгомъ объявить, что здоровье императрицы въ опасности. Выслушавъ это объявленіе, Елисавета, 23 числа, исповѣдывалась и пріобщилась, 24 соборовалась. Болѣзнь такъ усилилась, что вечеромъ Елисавета заставляла дважды читать отходныя молитвы, повторяя сама ихъ за духовникомъ. Агонія продолжалась ночь и большую полови-

ну слѣдующаго дня. Великій князь и великая княгиня находились постоянно при постели умирающей. Въ четвертомъ часу пополудни отворились двери изъ спальни въ пріемную, гдѣ собрались высшіе сановники и придворные: всѣ знали, что это значило. Вышелъ старшій сенаторъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой и объявилъ, что императрица Елисавета Петровна скончалась и государствуетъ его величество императоръ Петръ III: отвѣтомъ были рыданія и стоны на весь дворецъ. Новый императоръ отправился на свою половину; императрица Екатерина Алексѣевна осталась при тѣлѣ покойной императрицы [228].

При отсутствіи внимательнаго изученія Русской исторіи XVIII вѣка обыкновенно повторяли, что время, протекшее отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II, есть время печальное, недостойное изученія, время, въ которомъ на первомъ планѣ видѣли интриги, дворцовые перевороты, господство иноземцевъ. Но при успѣхахъ исторической науки вообще и при болѣе внимательномъ изученіи русской исторіи подобные взгляды повторяться болѣе не могутъ. Мы знаемъ, что въ древней нашей исторіи не Іоаннъ III былъ творцомъ величія Россіи, но что это величіе было приготовлено до него въ печальное время княжескихъ усобицъ и борьбы съ Татарами; мы знаемъ, что Петръ Великій не приводилъ Россіи изъ небытія въ бытіе, что такъ называемое преобразованіе было естественнымъ и необходимымъ явленіемъ народнаго роста, народнаго развитія, и великое значеніе Петра состоитъ въ томъ, что онъ силою своего генія помогъ своему народу совершить тяжелый переходъ, сопряженный со всякаго рода опасностями. Наука не позволяетъ намъ также сдѣлать скачекъ отъ времени Петра Великаго ко времени Екатерины II-й, она заставляетъ насъ съ особеннымъ любопытствомъ углубиться въ изученіе посредствующей эпохи, посмотрѣть, какъ Россія продолжала жить новою жизнію послѣ Петра Великаго, какъ разбиралась она въ матеріалѣ преобразованія безъ помощи геніальнаго императора, какъ нашлась въ своемъ новомъ положеніи, при его свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ, ибо въ жизни человѣка и въ жизни народовъ нѣтъ возраста, въ которомъ бы не было и тѣхъ и другихъ сторонъ.

На западѣ, гдѣ многіе безпокоились при видѣ новой могуще-

ственной державы, внезапно явившейся на востокѣ Европы, утѣшали себя тѣмъ, что это явленіе преходящее, что оно обязано своимъ существованіемъ волѣ одного сильнаго человѣка и кончится вмѣстѣ съ его жизнію. Ожиданія не оправдались именно потому, что новая жизнь русскаго народа не была созданіемъ одного человѣка. Поворота назадъ быть не могло, ибо ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлый народъ не возвращается изъ юношескаго возраста къ дѣтству, и изъ зрѣлаго возраста къ юношеству; но могли и должны были быть частныя отступленія отъ преобразовательнаго плана въ слѣдствіе отсутствія одной сильной воли, въ слѣдствіе слабости государей и своекорыстныхъ стремленій отдѣльныхъ сильныхъ лицъ. Такъ нѣкоторое противодѣйствіе петровскимъ началамъ обнаружилось въ усиленіи личнаго управленія въ областяхъ, въ надстройкѣ лишняго этажа надъ сенатомъ то подъ именемъ верховнаго тайнаго совѣта, то подъ именемъ кабинета. Но болѣе печальныя слѣдствія имѣло отступленіе отъ мысли Петра Великаго относительно иностранцевъ. Самая сильная опасность при переходѣ русскаго народа изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли и знанія, изъ жизни домашней, замкнутой въ жизнь общественную народовъ,—главная опасность при этомъ заключалась въ отношеніи къ чужимъ народамъ, опередившимъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ поэтому надобно было учиться. Въ этомъ-то ученическомъ положеніи относительно чужихъ живыхъ народовъ и заключалась опасность для силы и самостоятельности русскаго народа, ибо какъ соединить положеніе ученика съ свободою, самостоятельностію въ отношеніи къ учителю, какъ избѣжать при этомъ подчиненія, подражанія? Примѣромъ служили крайности подчиненія западныхъ европейскихъ народовъ своимъ учителямъ—Грекамъ и Римлянамъ, когда они въ эпоху возрожденія совершали такой же переходъ, какой Русскіе совершили въ эпоху преобразованія, съ тѣмъ различіемъ, что опасность подчиненія уменьшалась для западныхъ народовъ тѣмъ, что они подчинялись народамъ мертвымъ, тогда какъ русскій народъ долженъ былъ учиться у живыхъ учителей. Тутъ-то Петръ и оказалъ великую помощь своему народу, сокращая сроки ученія, заставляя немедленно проходить практическую школу, не оставляя долго русскихъ людей въ страдательномъ положеніи учениковъ,

употребляя неимовѣрныя усилія, чтобъ относительно внѣшнихъ по крайней мѣрѣ средствъ, не только уровнять свой народъ съ образованными сосѣдями, но и дать ему превосходство надъ ними, что и было сдѣлано устройствомъ войска и флота, блестящими побѣдами и важными пріобрѣтеніями, ибо это вдругъ дало русскому народу почетное мѣсто въ Европѣ, подняло его духъ, избавило отъ вреднаго приниженія при видѣ опередившихъ въ цивилизаціи народовъ. Петръ держался постоянно правила поручать русскимъ высшія мѣста военнаго и гражданскаго управленія, и только второстепенныя могли быть заняты иностранцами. Отъ этого-то важнаго правила уклонились по смерти Петра: птенцы его завели усобицы, начали вытѣснять другъ друга, ряды ихъ разрѣдѣли, а этимъ воспользовались иностранцы и пробрались до высшихъ мѣстъ; несчастная попытка 1730 года нанесла тяжкій ударъ русскимъ фамиліямъ, стоявшимъ на верху, и царствованіе Анны является временемъ Бироновщины. Какъ бы ни старались въ отдѣльныхъ частныхъ чертахъ уменьшать бѣдствія этого времени, оно навсегда останется самымъ темнымъ временемъ въ нашей исторіи XVIII вѣка, ибо дѣло шло не о частныхъ бѣдствіяхъ, не о матеріальныхъ лишеніяхъ: народный духъ страдалъ, чувствовалась измѣна основному, жизненному правилу великаго преобразователя, чувствовалась самая темная сторона новой жизни, чувствовалось иго съ запада, болѣе тяжкое, чѣмъ прежнее иго съ востока, иго татарское. Полтавскій побѣдитель былъ приниженъ, рабствовалъ Бирону, который говорилъ: «Вы Русскіе [229]»....

Отъ этого ига избавила Россію дочь Петра Великаго. Россія *пришла въ себя*. На высшихъ мѣстахъ управленія снова явились русскіе люди, и когда на мѣсто второстепенное назначали иностранца, то Елисавета спрашивала: Развѣ нѣтъ русскаго? иностранца можно назначить только тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго. Народная дѣятельность распеленывается уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ; банки являются на помощь землевладѣльцу и купцу; на Востокѣ начинается сильная разработка рудныхъ богатствъ; торговля съ Среднею Азіею принимаетъ обширные размѣры; южныя степи получаютъ населеніе изъ-за границы, населеніе однородное съ главнымъ населеніемъ, поэтому легко съ нимъ сливающееся, а не чуждое, которое не переваривается въ народномъ тѣлѣ; учреждается генеральное межеваніе;

вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи приготовленъ къ рѣшенію въ тѣсной связи съ благотворительными учрежденіями; народъ, пришедшій въ себя, начинаетъ говорить отъ себя и про себя, и является литература, является языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа, являются писатели, которые остаются жить въ памяти и мысли потомства, является народный театръ, журналъ, въ старой Москвѣ основывается университетъ. Человѣкъ, гибнувшій прежде подъ топоромъ палача, становится полезнымъ работникомъ въ странѣ, которая болѣе чѣмъ какая либо другая, нуждалась въ рабочей силѣ; пытка заботливо отстраняется при первой возможности и такимъ образомъ на практикѣ приготовляется ея уничтоженіе; для будущаго времени приготовляется новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ правилахъ и привычкахъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ прежнія царствованія, воспитывается, приготовляется цѣлый рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитымъ царствованіе Екатерины II.

Но, говоря о значеніи царствованія Елисаветы, мы не должны забывать характеръ самой Елисаветы. Веселая, беззаботная, страстная къ утѣхамъ жизни въ ранней молодости, Елисавета должна была пройти черезъ тяжкую школу испытаній и прошла ее съ пользою. Крайняя осторожность, сдержанность, вниманіе, умѣнье проходить между толкающими другъ друга людьми, не толкая ихъ—эти качества, пріобрѣтенныя Елисаветою въ царствованіе Анны, когда безопасность и свобода ея постоянно висѣли на волоскѣ, эти качества Елисавета принесла и на престолъ, не потерявъ добродушія, снисходительности, такъ-называемыхъ патріархальныхъ привычекъ, любви къ искренности, простотѣ отношеній. Наслѣдовавъ отъ отца умѣнье выбирать и сохранять способныхъ людей, она призвала къ дѣятельности новое поколѣніе русскихъ людей, знаменитыхъ при ней и послѣ нея и умѣла примирять ихъ дѣятельность, держать въ приближеніи Петра Шувалова и въ то же время возвышать Шаховского. При этомъ, разумѣется, большую службу служила ей осторожность, заставлявшая ее не вдругъ рѣшать дѣла по внушенію того или другого лица, но выслушивать и другихъ, соображать ихъ мнѣнія, думать и долго думать. «Я долго думаю, говорила Елисавета; но если разъ на что-нибудь рѣшилась, то не оставлю

дѣла, не доведши его до конца». Эта-то медленность и явилась главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Елисаветы. Но спрашивается: кто обвинитель?

Долгое время мы были въ самомъ печальномъ положеніи относительно нашей исторіи XVIII вѣка. Благодаря обширнымъ историческимъ трудамъ, обнимавшимъ исключительно древнюю русскую исторію, мы могли знать подробности о великомъ князѣ Изяславѣ Мстиславичѣ и оставались въ совершенномъ мракѣ относительно лицъ и событій XVIII вѣка. Здѣсь главными источниками служили вопервыхъ анекдоты, постоянно искажавшіеся при переходѣ изъ устъ въ уста, и дававшіе неправильное представленіе о лицѣ и дѣйствіи по отрывочности, односторонности, какой бы стороны ни касались, хорошей или дурной; вовторыхъ, извѣстія иностранцевъ, которыя читались съ жадностію, именно за отсутствіемъ своихъ, и особенно донесенія пословъ. Какъ не вѣрить такому источнику: посолъ занимаетъ важный постъ, онъ въ сношеніяхъ съ государями и министрами, онъ знаетъ все какъ было, долженъ знать, потому что обязанъ сообщать вѣрныя свѣдѣнія своему двору. Дѣйствительно это источникъ важный, можно найти въ немъ чрезвычайно любопытныя извѣстія, подробности: но съ какою же осторожностію надобно относиться къ этимъ извѣстіямъ, къ этимъ подробностямъ! Нѣтъ свидѣтеля, который былъ бы менѣе безпристрастенъ и отъ котораго, въ большинствѣ случаевъ, старались бы болѣе скрывать правду, какъ иностранный посланникъ. Если онъ хвалитъ, то кого онъ хвалитъ? человѣка, который ему поддается, часто съ нарушеніемъ интересовъ родной страны, и какъ скоро этотъ самый человѣкъ окажетъ менѣе податливости, посолъ, не помня прежняго, начинаетъ бранить его. Еегсли посолъ встрѣчаетъ препятствія въ проведеніи какого-нибудь нужнаго для его двора дѣла, то препятствія эти, по его словамъ, не отъ того, что дѣло это, въ цѣломъ или частяхъ, несогласно съ интересами страны, нѣтъ, они происходятъ непремѣнно отъ интриги неблагонамѣренныхъ людей. Мы знаемъ теперь, откуда происходила медленность Елисаветы въ рѣшеніи важныхъ дѣлъ; но иностранные послы, которымъ нужно было рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, въ сильномъ раздраженіи доносятъ своимъ дворамъ, что медленность происходила отъ без-

печности Елисаветы, отъ страсти ея заниматься пустяками, причемъ важныя дѣла не двигались. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Уильямсъ, сгоравшій отъ нетерпѣнія какъ можно скорѣе покончить дѣло о субсидномъ трактатѣ; но мы знаемъ, какое право имѣла Елисавета медлить ратификаціею этого трактата. Но кромѣ естественнаго желанія каждаго посланника объяснять дурными побужденіями препятствія своему дѣлу, хвалить благопріятелей и порицать противниковъ, онъ былъ самъ вводимъ въ обманъ разсказами этихъ благопріятелей своихъ, ихъ объясненіями причинъ неудачи: при этомъ, разумѣется, все складывалось на интриги противниковъ и безпечность императрицы, къ которой нѣтъ доступа съ серіознымъ дѣломъ. Бестужевъ чего не наговорилъ Уильямсу въ оправданіе себя въ неудачѣ? естественное и необходимое сближеніе Россіи съ Франціею, по его словамъ, произошло отъ того, что Ив. Ив. Шуваловъ любилъ читать французскія книги. Это совершенно похоже на то, что австрофранцузскій союзъ произошелъ вслѣдствіе льстиваго письма Маріи-Терезіи къ Помпадуръ, какъ будто союзъ не долженъ былъ послѣдовать отъ перемѣны существенныхъ отношеній благодаря Фридриху II, и какъ будто союзъ Англіи съ Пруссіею не долженъ былъ немедленно вести къ союзу Франціи съ Австріею?

Да и участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ объясняли личнымъ раздраженіемъ Елисаветы противъ Фридриха II, который позволилъ себѣ насмѣшки надъ нею! Но мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ, только повидимому легкимъ объясненіямъ. Мы знаемъ, какъ просты были основанія тогдашней внѣшней политики: они состояли въ сохраненіи политическаго равновѣсія Европы, особенно если это равновѣсіе нарушалось вблизи своего государства. Въ началѣ и срединѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX Европа вела самыя кровавыя войны для поддержанія этого начала политическаго равновѣсія: Войною за испанское наслѣдство она сдержала Людовика XIV; Семилѣтнею войною сдержала Фридриха II, точно такъ какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка поборола стремленія Наполеона I; въ двухъ послѣднихъ борьбахъ Россія принимала самое сильное участіе и съ одинакимъ правомъ, хотя и во время наполеоновскихъ войнъ были въ Россіи люди, которые толковали: «зачѣмъ намъ биться съ Франціею? она такъ далеко отъ насъ»! Пожаръ Москвы доказалъ этимъ

господамъ, какъ далеко была Францiя отъ Россiи. Вѣроятно во время Семилѣтней войны были люди, которые толковали: зачѣмъ это Россiя вмѣшалась въ такую долгую и разорительную войну изъ-за Австрiи и Саксонiи? Но не такъ думала дочь Петра Великаго, для которой скоропостижный прусскiй король, не разбиравшiй средствъ для своего усиленiя, былъ самымъ опаснымъ врагомъ Россiи. Елисавета относительно Востока не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сожжены корабли, построенные Англичанами на Каспiйскомъ морѣ для Персiи; точно также относительно Запада она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сокращены силы прусскаго короля, который нападенiемъ своимъ на Саксонiю вполнѣ оправдалъ взглядъ на него русскаго двора. Силы прусскаго короля были сокращены, благодаря твердости и энергiи Елисаветы, и если не были такъ сокращены, какъ бы она того желала, то достаточно были сокращены для того, чтобъ въ послѣдствiи Екатерина II не встрѣтила въ нихъ препятствiя для достиженiя своихъ цѣлей; кромѣ этого важнаго значенiя Семилѣтней войны для Россiи, она была школою, изъ которой вышли русскiе полководцы, сдѣлавшiе царствованiе Екатерины II столь блестящимъ въ военномъ отношенiи. Такимъ образомъ, воздавая должное Екатеринѣ II, не забудемъ, какъ много, внутри и внѣ, было приготовлено для нея Елисаветою.

Въ заключенiе взглянемъ на внутреннiя правительственныя распоряженiя въ послѣднiй годъ царствованiя Елисаветы.

Въ самомъ началѣ года сенатъ такъ отвѣчалъ конференцiи, которая требовала на разныя дачи 16,700 рублей, да 600 червонныхъ: «въ штатсъ-конторѣ изъ положенныхъ доходовъ каждый годъ оказывается недостатокъ, отчего многiе отпуски не исполнены и состоитъ на штатсъ-конторѣ великiй долгъ; и теперь въ деньгахъ крайнiй недостатокъ, и сенатъ не надѣется исполнить требованiя конференцiи. Штатсъ-контора не можетъ отпустить даже всей суммы, назначенной на содержанiе двора; и хотя сенатъ имѣетъ попеченiе о наполненiи штатсъ-конторы доходами, но до сихъ поръ еще не нашелъ къ тому способовъ. Штатсъ-контора задолжала 8,147,924 рубля». Въ слѣдъ за тѣмъ штатсъ-контора прислала докладъ: на наступившую генварскую треть надобно внести къ ихъ высочествамъ да на содержанiе

императорскаго двора и лейбъ-компаніи за сентябрьскую треть прошлаго года 144,897 рублей, а въ штатсъ-конторѣ денегъ ничего нѣтъ. За откупные таможенные сборы не получено за октябрь, ноябрь и декабрь прошлаго года ефимковъ 221 пудъ три фунта; а изъ коммерцъ-коллегіи объявлено, что принятые сю отъ Шемякина за октябрь мѣсяцъ 43,738 рублей хранятся для взноса въ комнату императрицы. Сенатъ приказалъ: эти деньги, назначенныя для комнаты императрицы, отдать въ штатсъ-контору, остальныя же взыскать съ Шемякина не позднѣе недѣли. Коммиссаріату сенатъ велѣлъ подтвердить, чтобъ доставилъ какъ можно скорѣе въ армію недосланную за 1760 годъ на жалованье сумму, болѣе 300,000 рублей, равно какъ и на 1761 годъ 1,465,728 рублей. Изъ соляной конторы милліонъ рублей отпускался въ комнату императрицы, и уже накопилось доимки 2,115,043 рубля; кромѣ того соляная контора должна была взносить на военныя издержки 1,089,823 рубля. Контора просила, нельзя ли убавить сумму на военные расходы, чтобъ можно было уплатить доимку въ комнату императрицы; сенатъ отвѣчалъ, что нельзя. Въ августѣ мѣсяцѣ штатсъ-контора доносила, что на самонужнѣйшіе отпуски надобно 2,119,135 рублей, и съ долгами на конторѣ 2,686,831 рубль; теперь въ штатсъ-конторѣ на лицо 50,162 рубля, да за отданные на монетный дворъ ефимки слѣдуетъ получить 61,394 рубля, въ московской рентеріи 10,087 рублей, итого 121,644 рубля, недостаетъ 1,997,490 рублей, а съ долговыми суммами 2,565,186 рублей [230].

Мы видѣли, что учреждена была лотерея. Доходы отъ нея должны были идти на содержаніе отставныхъ и раненыхъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Лотерея состояла изъ 50,000 билетовъ, между которыми 37,500 выигрышей, раздѣленныхъ на четыре класса. Каждый билетъ положенъ былъ по 11 рублей за всѣ классы. Въ іюнѣ генералъ-прокуроръ объявилъ, что императрица велѣла ему предложить сенату: учредить домъ, гдѣ содержать вдовъ и сиротъ, дочерей заслуженныхъ людей, бѣдныхъ, неимѣющихъ покровительства и пропитанія; на это ея величество нѣкоторую сумму пожалуетъ изъ собственныхъ доходовъ. Сенатъ приказалъ: требовать отъ синода, чтобъ назначилъ для вдовъ и сиротъ московскій Ивановскій монастырь или другой подобный ему съ довольнымъ числомъ покоевъ и ка-

менной оградой, а на счетъ регламента справиться въ библіотекѣ Академіи Наукъ, какъ такіе дома содержатся въ иностранныхъ государствахъ, также иностранной коллегіи собрать свѣдѣнія отъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ [231].

Коммиссія объ уложеніи, въ которой присутствовали два сенатора, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ и князь Михаилъ Ив. Шаховской, окончила двѣ части Уложенія—судную и криминальную, и сенатъ въ мартѣ мѣсяцѣ приказалъ: «Какъ оное сочиненіе Уложенія для управленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ: и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать и къ окончанію съ ревностнымъ усердіемъ споспѣшествовать стараться. Въ сходство сего прав. сенатъ уповаетъ, что всякій, какова бъ кто чина и достоинства ни былъ, когда будетъ къ тому избранъ, отрекаться не будетъ, но, пренебрегая всѣ затрудненія и убытки, охотно себя употребить потщится, чая, вопервыхъ, незабвенную въ будущіе роды о себѣ оставить память, да сверхъ того за излишніе труды и награжденіе получить можетъ. Того ради, по требованію коммиссіи новаго уложенія, къ слушанію того уложенія изъ городовъ всякой провинціи (кромѣ новозавоеванныхъ, т.-е. остзейскихъ, сибирской, астраханской и кіевской губерніи) штабъ- и оберъ-офицеровъ изъ дворянъ и знатнаго дворянства, не выключая изъ того и вѣчно отставныхъ отъ всѣхъ дѣлъ, токмо къ тому дѣлу достойныхъ, по два человѣка изъ каждой провинціи, за выборомъ всего тѣхъ городовъ шляхетства; ежели же они кого изъ обрѣтающихся въ Петербургѣ у статскихъ дѣлъ къ означенному дѣлу выбрать пожелаютъ, то въ томъ дается имъ на волю; потому жъ и купцовъ за такимъ же отъ купечества выборомъ по одному человѣку и высылать въ Петербургъ къ 1 января будущаго 1762 года». Относительно Малороссіи сенатъ приказалъ: «Малороссійскому гетману, опредѣля особыхъ людей къ тому способныхъ, литовскій статутъ разсмотрѣть, и какіе явятся въ немъ недостатки—пополнить, а излишки исключить, и прислать въ сенатъ съ депутатомъ, который бы могъ дать обо всемъ подробное изъясненіе [232]».

Кромѣ выбора депутатовъ въ коммиссіи объ уложеніи, дворянство должно было заняться другими выборами: 5 іюня сенатъ предоставилъ помѣщикамъ выбирать изъ среды себя воеводъ, которые бы имѣли деревни вблизи города и могли содержать себя доходами съ нихъ. Кромѣ того сенатъ полагалъ увеличить жалованье должностнымъ лицамъ изъ дворянъ, также и воеводамъ. Президенты и члены коллегій, губернаторы и губернаторскіе товарищи изъ русскихъ дворянъ, по большей части изъ заслуженныхъ, а не изъ богатыхъ, получали до сихъ поръ въ Петербургѣ половинное противъ армейскихъ окладовъ жалованье, а въ другихъ городахъ половинное противъ петербургскихъ окладовъ; губернаторъ и вицъ-губернаторы въ остзейскихъ губерніяхъ получали двутретное, а во внутреннихъ губерніяхъ вполовину противъ остзейскихъ: и такимъ малымъ жалованьемъ, полагалъ сенатъ, по состоянію нынѣшнихъ поведеній, безъ крайней нужды содержать себя никакъ не могутъ, и потому надобно сравнять жалованье гражданскихъ и военныхъ чиновъ: президенты должны получать по 2,400 рублей, оберъ-прокуроръ 3,000, генералъ-рекетмейстеръ и герольдмейстеръ по 2,500, вице-президенты 1,800, совѣтники 1,200, надворные совѣтники 800, ассессоры 600; во всѣхъ губерніяхъ губернаторы 2,500, вице-губернаторы 2,000, товарищи 800, провинціальные воеводы 800, ихъ товарищи 300, воеводы приписныхъ городовъ 400, пригородные 200; для покрытія этихъ новыхъ расходовъ положить на вино, пиво и медъ по 2 копѣйки на ведро, съ крѣпостей по 25 копѣекъ, при справкѣ за владѣльцемъ земель 3 коп. съ четверти, съ исковъ при рѣшеніи дѣлъ по 3 коп. съ рубля.

Извѣстія, приходившія изъ областей, убѣждали, что дѣйствительно надобно принимать мѣры противъ злоупотребленій областного управленія. Такъ сенатъ узналъ, что около города Царицына съ проѣзжающихъ по рѣкѣ Волгѣ разныхъ чиновъ людей берутся не малыя взятки. Генералъ-прокуроръ прочелъ въ сенатѣ письмо къ нему отъ генералъ-майора Лачинова изъ Тамбова: Лачиновъ былъ на казанской ярмаркѣ въ Верхоломовскомъ монастырѣ 8 іюля; вблизи города Верхняго Ломова есть степь, называемая Дуровская, на которой около ярмарочнаго времени собирается всегда много воровъ и совершаются большія грабительства и убійства; и въ 1761 году было то же самое; но при-

кащикъ дворянина Семенова, собравши своихъ крестьянъ и постороннихъ людей, сдѣлалъ надъ разбойниками поискъ, нашелъ ихъ, атамана и 11 человѣкъ положилъ на мѣстѣ, а двоихъ привелъ живыми въ воеводскую канцелярію, гдѣ они разсказали всѣ свои похожденія, разсказали, что изъ ихъ шайки знаменитый разбойникъ Топкинъ, во время нападенія на шайку, захватилъ награбленныя деньги и ушелъ; воевода послалъ за нимъ въ погоню и разбойникъ былъ пойманъ; Лачиновъ, бывши у воеводы, самъ видѣлъ разбойника, но замѣтилъ, что содержали его очень слабо, не какъ злодѣя, а какъ приличившагося въ небольшомъ дѣлѣ; потомъ Лачиновъ услыхалъ, что разбойникъ уже ходитъ по ярмаркѣ на связкѣ, и наконецъ услыхалъ, что воевода его выпустилъ. Сенатъ приказалъ тамбовской провинціальной канцеляріи изслѣдовать, дѣйствительно ли верхоломовскій воевода Бологовской слабо содержалъ и выпустилъ разбойника Топкина. Тамбовская канцелярія отвѣчала, что означеннаго воеводы Бологовскаго въ Верхнемъ Ломовѣ не имѣется, должность воеводскую правитъ прапорщикъ Вышеславцевъ, а по какому указу и откуда, о томъ въ тамбовской воеводской канцеляріи извѣстія нѣтъ. Сенатъ приказалъ: тамбовской воеводской канцеляріи слѣдствіе о Бологовскомъ окончить какъ можно скорѣе; а что касается рапорта ея о незнаніи, гдѣ Бологовской и по какому указу Вышеславцевъ исправляетъ воеводскую должность, то это можетъ быть причтено только къ ея слабому смотрѣнію, ибо ей объ отлучкѣ подчиненнаго воеводы и о вступленіи на его мѣсто другого всегда должно быть извѣстно, и впредь ей такихъ неосновательныхъ представленій въ сенатъ отнюдь не дѣлать. Наконецъ исчезнувшій воевода былъ отысканъ и подалъ въ сенатъ объясненіе, что былъ уволенъ на два мѣсяца воронежскою губернскою канцеляріею, о чемъ далъ знать тамбовскому воеводѣ; относительно Топкина заперся, что никуда его не пускалъ, а ушелъ онъ ночью нечаянно изъ-за караульнаго; тамбовскаго воеводу обговорилъ въ пріязни съ Лачиновымъ. Дѣло перешло въ воронежскую губернскую канцелярію.

Заботы объ однодворцахъ продолжались. Думали облегчить ихъ, изъявши изъ вѣдомства воеводъ и давши имъ особыхъ выборныхъ управителей; но выборное начало, какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи не приносило ожидаемой пользы, по

недостатку въ обществѣ сплоченности и силы, по которымъ оно могло бы сдерживать своихъ выборныхъ чиновниковъ. Новые однодворческіе управители стали тягостнѣе воеводъ. Поэтому теперь сенатъ отрѣшилъ всѣхъ однодворческихъ управителей, и однодворцы опять отданы въ вѣдомство губернскихъ и воеводскихъ канцелярій; а для лучшаго порядка велѣно быть изъ нихъ же сотникамъ, пятидесятникамъ и десятникамъ; по дѣламъ между ними выбирать имъ самимъ повѣренныхъ, людей совѣстныхъ и знающихъ; губернаторамъ же и воеводамъ накрѣпчайше подтверждено, чтобъ имѣли объ однодворцахъ попеченіе и охраняли ихъ отъ обидъ, ибо сенатъ будетъ зорко смотрѣть и посылать нарочныхъ для развѣдыванія, съ какимъ прилежаніемъ губернаторы и воеводы заботятся объ однодворцахъ [233].

Относительно генеральнаго межеванія сенатъ приказалъ: оканчивать межеванье земель въ московскомъ уѣздѣ и въ московской провинціи, также въ новгородскомъ, великоустюжскомъ и вятскомъ уѣздахъ, а въ прочихъ мѣстахъ московской и новгородской губерніи на одно нынѣшнее военное время оставить, за недостаткомъ въ казнѣ денегъ [234].

Изъ явленій городской жизни замѣтимъ доношеніе карачевскаго магистрата о купцѣ Морякинѣ, что по причинѣ непорядочныхъ его поступковъ тамошнее купечество имѣть его среди себя не желаетъ. Купечество города Вязьмы подало челобитную, что въ прошломъ году оно просило о перемѣнѣ бывшаго тогда въ вяземскомъ магистратѣ бургомистромъ Юдичева за непорядочные поступки и о преданіи его суду; также просило, чтобъ быть въ вяземскомъ магистратѣ, по примѣру другихъ городовъ, только по три человѣка членовъ и съ перемѣною черезъ два года, ибо въ вяземскомъ магистратѣ имѣется 6 членовъ, 2 бургомистра и 4 ратмана безъ перемѣны, отъ чего купечеству въ службахъ излишнее и напрасное отягощеніе. Тогда сенатъ велѣлъ Юдичева отрѣшить и на его мѣсто выбрать купечеству другого, а по скольку быть членовъ въ магистратѣ и чрезъ сколько лѣтъ имъ перемѣняться, о томъ главному магистрату представить въ сенатъ. Но хотя Юдичевъ и отрѣшенъ, однако о непорядочныхъ его поступкахъ разсмотрѣнія не послѣдовало, не сдѣлано также опредѣленія объ уменьшеніи числа магистрат-

скихъ членовъ и о сокращеніи срока ихъ службы, тогда какъ гл. магистратъ въ московскомъ губернскомъ, калужскомъ провинціальномъ и въ прочихъ магистратахъ число членовъ самъ собою уменьшилъ и нѣкоторыхъ перемѣнить дозволилъ. Сенатъ приказалъ гл. магистрату рѣшить это дѣло немедленно.

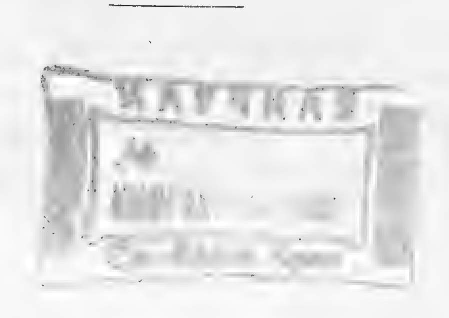
И прежде упоминалось о борьбѣ между двумя властями въ городахъ, воеводской и полицейской. И теперь коломенская полиція донесла, что коломенскій воевода Иванъ Орловъ, пріѣхавши въ многолюдствѣ къ полицмейстерской конторѣ верхомъ на лошадяхъ, стрѣлялъ въ контору изъ пистолетовъ, которые были у него въ обѣихъ рукахъ; въ тотъ же день воевода, ѣздя съ помѣщикомъ Крюковымъ и со псовою его охотою по самымъ тѣснымъ улицамъ, стрѣлялъ изъ пистолетовъ [235].

Относительно жизни селъ встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ крестьянами помѣщика капитана Исакова съ женою и тремя дѣтьми; четвертый ребенокъ былъ пощаженъ по просьбѣ няньки. Изъ казанской губерніи извѣщали о бунтѣ симбирскихъ крестьянъ противъ помѣщика Тургенева. Но сенатъ не могъ не замѣтить, что преимущественно волновались крестьяне монастырскіе и приписные къ фабрикамъ и заводамъ. Евдокимъ Демидовъ подалъ просьбу на мастеровыхъ Авзянопетровскаго его завода, которые всѣ перестали работать по ложному извѣстію, что пришелъ указъ объ освобожденіи ихъ отъ заводскихъ работъ. Крестьяне возмутились также на заводахъ Никиты Демидова; въ оренбургской губерніи на мѣдиплавильномъ заводѣ графа Сиверса; въ пензенскомъ уѣздѣ на красочной фабрикѣ графа Андрея Шувалова. Сенатъ, сдѣлавъ обыкновенное распоряженіе—сперва увѣщевать крестьянъ къ покорности, а въ случаѣ упорства, усмирить военными командами, распорядился однако—послать нарочныхъ добрыхъ и надежныхъ людей развѣдать, отъ чего крестьяне бунтуютъ, нѣтъ ли имъ какихъ обидъ и притѣсненій; кромѣ того составить докладъ о припискѣ крестьянъ къ частнымъ заводамъ, чтобъ можно было однажды навсегда сдѣлать основательное опредѣленіе о всѣхъ заводахъ и приписныхъ къ нимъ крестьянахъ и тѣмъ отстранить всѣ затрудненія [236].

Относительно *сходцевъ* по восточной украйнѣ, въ оренбургской губерніи сенатъ постановилъ: высылать на прежнее мѣсто

жительства только тѣхъ, которые не завелись еще домами, особенно бѣглыхъ; тѣхъ же, которые обзавелись домами и занимаются хлѣбопашествомъ, оставить.

Извѣстное дѣло ассессора Крылова служило примѣромъ, до чего могло доходить чиновническое своеволіе на украйнахъ, особенно въ далекой Сибири. Кромѣ другихъ его дѣяній оказалось еще слѣдующее: на городовой башнѣ въ Иркутскѣ былъ двуглавый орелъ, какъ обыкновенно съ св. Георгіемъ на груди; вмѣсто послѣдняго изображенія, Крыловъ велѣлъ вставить жестяную доску съ надписью: году 1760 мѣсяца сентября бытности въ Иркуцку начальника коллежскаго ассессора Крылова, надъ надписью была выбита дворянская корона, а вокругъ надписи лавры. Сенаторы рѣшили, чтобъ Крылова судить въ особой коммиссіи; одинъ только сенаторъ Жеребцовъ не согласился, говоря, что особой коммиссіи не нужно, надобно судить Крылова въ юстицъ-коллегіи, а за поступокъ съ гербомъ отослать въ тайную канцелярію. По этому поводу былъ сильный споръ; остальные сенаторы обидѣлись, за чѣмъ Жеребцовъ въ своемъ мнѣніи выставилъ такъ много указовъ, какъ будто они, сенаторы указамъ противники. Но Жеребцовъ остался при своемъ мнѣніи. Тогда генералъ-прокуроръ объявилъ, что онъ останавливаетъ дѣло для донесенія императрицѣ. Елисавета приказала судить Крылова въ особой коммиссіи, чтобъ обиженные имъ получили какъ можно скорѣе удовлетвореніе, чтобъ въ коммиссію были назначены люди совѣстливые и безпристрастные, и чтобъ съ такимъ злодѣемъ было поступлено по повелѣнію ея величества, несмотря ни на какія персоны [237].



ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Arneth Maria Theresia nach dem Erbfolgekriege, 272 и слѣд. 330 и слѣд. 358; 376 и слѣд. 393 и слѣд.

2. Mémoires de Fréderic II, 1, 412, 413.—Schaefer—Geschichte des siebenjährigen Krieges, I, 611.

3. Raumer—Beitraege zur neueren Geschichte, II, 329 и слѣд.

4. Исторія Россіи, XXIII, 309.

5. Дѣла англійскія 1756 года.

6. Raumer—Beitraege II, 308, 309.

7. Протоколы конференцій 1756 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

8. Дѣло о Зубаревѣ напечатано въ бумагахъ Арсеньева, изданныхъ Пекарскимъ, стр. 375.

9. Arneth, 459, 460, 468, 472.

10. Протоколы конференцій.

11. Тамъ же и дѣла польскія 1756 года. См. также Архивъ Кн. Воронцова IV, 52.

12. Раумеръ II, 335 и слѣд.

13. Шеферъ I, 631.

14. Арнетъ 483.

15. Mémoires de Fréderic II, t. I, p. 418.

16. Какъ думаетъ Шеферъ I, 188.

17. Какъ думаетъ Арнетъ, стр. 489. *Невѣрныхъ* извѣстій этими путями нельзя было получить; но можно было получить ихъ изъ Петербурга отъ другихъ людей, какъ напримѣръ отъ тѣхъ, съ которыми переписывался Кейтъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

18. Mémoires de Fréderic II, t. I, p. 420.

19. Протоколы конференціи и дѣла польскія.

20. Протоколы конференціи.

21. Дѣла польскія.

22. Уильсонъ отъ 2 октября 1755 г., у Раумера II, 295.

23. Исторія Россіи, т. XXII, стр. 86 и слѣд.

24. Записки Штелина.

25. Mémoires de Catherine II, 64 и слѣд.

26. Дѣла тайной канцеляріи 1755 года.

27. Inde irae. Отсюда такія сильныя выходки противъ Чоглоковыхъ въ Mémoires de Catherine II; Екатерина не имѣла привычки быть умѣренною въ своихъ отзывахъ о людяхъ, которые навлекли на себя ея нерасположеніе, признавать въ нихъ какое-либо достоинство. Примѣромъ служатъ ея отзывы о Шуваловыхъ, что заставляетъ насъ быть осторожными и относительно отзывовъ ея о Чоглоковыхъ.

28. Это не были пристрастные отзывы приверженцевъ Екатерины. Русскіе, при тогдашнемъ состояніи своего языка, не могли быть очень взыскательны къ языку великой княгини. Языкъ Екатерины не отличался чистотою и правильностію, но она умѣла русить свою рѣчь чисто народными выраженіями, что и заставляло забывать часто очень странный синтаксисъ.

29. Mémoires de Catherine II.

30. Тамъ же, стр. 328, 329. См. также замѣчаніе Екатерины на сочиненіе Денины (Essai sur la vie et le règne de Frédéric II) въ бумагахъ Храповицкаго въ Москов. Публич. Музеѣ.

31. Младшимъ братомъ Линара, извѣстнаго по своимъ отношеніямъ къ правительницѣ Аннѣ.

32. Lynar — Hinterlassene Staatsschriften.

33. Mémoires de Catherine II, 315, 316.

34. Раумеръ II, 346.

35. To her succession.

36. Lord Mahon—History of England, IV, 381 лейпцигск. издан.—Раумеръ II, 348.

37. Mémoires de Catherine II, 270.

38. Еще бы вѣрилъ! будетъ того, что теперь всѣ *финты* Бестужева принимаютъ за чистую монету.—Описываемое происходило въ октябрѣ.

39. 3 ноября.

40. 30 ноября. Числа эти означены по перепискѣ Екат. съ Уильямсомъ.

41. Черезъ повѣреннаго своего, золотыхъ дѣлъ мастера Бернарди.

42. Correspondance secrète de Louis XV, par Boutaric I, 82.

43. Дѣла тайной канцеляріи 1756 года.

44. Поэтому Бутарикъ сильно ошибается, говоря, что вздумали послать Дугласа, когда Валькруассанъ уже годъ какъ былъ забытъ въ шлюссельбургской крѣпости.

45. Инструкція написана 1 іюня 1755. Бутарикъ I, 203.

46. Раумеръ II, 297.

47. Дѣла французскія 1756 года.

48. Дѣла польскія.
49. Протоколы конференцій.
50. Дѣла польскія.
51. Дѣла французскія.—См. также Архивъ кн. Воронцова кн. III.
52. Дѣла англійскія.
53. Раумеръ II, 409.
54. Дѣла шведскія 1756 года.
55. Протоколы конференцій.
56. Дѣла турецкія 1756 года.
57. Раумеръ II, 400.
58. Архивъ князя Воронцова II, 577 и слѣд.
59. Переписка Екат. съ Уильямсомъ.
60. Журналы и протоколы сената: 2 и 3 апрѣля, 3 и 4 сентября, 2 и 3 октября, 22 ноября.
61. Тамъ же, 18 іюля и 5 августа.
62. Тамъ же, 4 марта и 1 іюля.
63. Тамъ же, 4 марта и 30 января.
64. Тамъ же, 7 марта и 1 апрѣля.
65. Тамъ же, 27 мая, 11 іюня, 8 августа и 3 октября.
66. Тамъ же, 19 сентября и 10 октября.
67. Тамъ же, 15 ноября.
68. Тамъ же, 18 января, 1 апрѣля и 10 октября.
69. Тамъ же, 8 марта.
70. Дѣла тайной канцеляріи 1756 года.
71. Исторія Россіи XXIII, 296.
72. Протоколы сената по секретной экспедиціи, 3 апрѣля, 31 мая, 9 января, 25 января.
73. Москов. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.—Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.—Шеферъ I, 648, 660, 661.
74. Дѣла французскія 1757 года; см. также Архивъ кн. Воронцова, книг. II, III и IV.
75. См. объ этомъ дѣлѣ въ Исторіи Россіи т. XXIII, стр. 125.
76. Дѣла по конференціи въ Гос. Архивѣ.
77. Слѣдственное дѣло о Бестужевѣ и Апраксинѣ; Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.
78. С.-Петербургскія Вѣдомости 1750 года; архивъ кн. Воронцова, кн. IV. Запретительный указъ, о которомъ упоминаетъ Бестужевъ, напечатанъ въ 46 № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей: „Мы съ крайнимъ неудовольствіемъ увѣдомились, что многіе какъ изъ нашихъ подданныхъ, такъ и живущихъ здѣсь въ нашей службѣ и въ нашей протекціи иностранцевъ, разглашая многія лживыя вѣдомости о нынѣшнихъ стат-

скихъ, политическихъ и воинскихъ дѣлахъ, присовокупляютъ къ тому развратныя толкованія и совсѣмъ нескладныя разсужденія, съ столь большею продерзостію, сколь меньшее объ оныхъ имѣютъ они свѣдѣніе и понятіе; и для того запотребно разсудили мы чрезъ сіе для извѣстія каждаго объявить: что ежели кто отнынѣ, разглашая какія-либо извѣстія, или еще и вымышляя оныя, о непринадлежащихъ до него особливо политическихъ и воинскихъ дѣлахъ превратныя толкованія и разсужденія дѣлать станетъ, а намъ о томъ донесется, такой неминуемо всю тягость нашего гнѣва почувствуетъ".

79. Военныя прусскія дѣла 1757 года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

80. Протоколы конференцій.

81. Письмо въ государ. архивѣ.

82. Тамъ же.

83. Протоколы конференціи.

84. Дѣла австрійскія и 1757 года.

85. Дѣла англійскія и протоколы конференціи.

86. Дѣла шведскія.

87. Дѣла польскія.

88. Журналы и протоколы сената 6 марта, 14 мая, 16, 23 и 31 декабря.

89. Это письмо отъ 1 мая находится въ Госуд. Архивѣ.

90. Записки кн. Шаховскаго 87—106.

91. Журналы и протоколы сената 3 октября.

92. Экстракты изъ протокол. конференц. въ сенатскомъ архивѣ въ Петербургѣ.

93. Журналы и протоколы сената 24 января, 14 мая, 10 сентября, 2, 3 и 23 октября.

94. Государ. архивъ, дѣла по конференціи.

95. Журналы и протоколы сената 7 марта, 10 сентября.

96. Журналы и протоколы сената 21 и 23 января, 28 февраля, 10 марта.

97. Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.

98. Журналы и протоколы сената, 15 апрѣля и 4 ноября.

99. Тамъ же, 13 ноября.

100. Журналы сената по секретн. экспедиц. 27 окт.

101. Шеферъ I. 648.

102. Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.

103. Тамъ же, кн. VI.

104. Mémoires de Catherine II, 298.

105. Депеши саксонскаго секретаря посольства Прассе (у Германа — Geschichte des russischen Staats V, 218 и слѣд.). Эти депеши очень важны по тѣсной связи Прассе съ Бестужевымъ.

106. Тамъ же, стр. 220.

107. Письмо въ государ. архивѣ.

108. Тамъ же.

109. Прассе, у Германа, стр. 224.

110. Архивъ кн. Воронцова, кн. IV. Въ архивѣ кн. Воронцова сохранилось любопытное письмо Веселицкаго, гдѣ онъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное отнятіемъ главнаго начальства у Апраксина: „Отбытіе генерала-фельдмаршала Степана Ѳедоровича между солдатами къ разнымъ гаданіямъ поводъ подало. Они себѣ за крайнее несчастіе поставляютъ, что такого главнаго командира, котораго весьма любятъ и почитаютъ, лишились; они другъ къ другу сими экспрессіями прямо отзываются: „Въ кои-то вѣки Богъ насъ было помиловалъ, одаривъ благочестивымъ фельдмаршаломъ, да за наши грѣхи опять его отъ насъ взялъ. А отъ нечестивыхъ Нѣмцевъ какого добра ждать? Вѣдь одновѣрцы: воронъ ворону глаза не выклюетъ; гдѣ имъ такъ радѣть и стоять, какъ наши природные“! Однимъ словомъ, внутреннее ихъ о томъ неудовольствіе, что при арміи первоначальныя особы иноземцы, весьма легко примѣтить можно“.

111. Прассе, у Германа, стр. 223.

112. Тамъ же.

113. Раумеръ II, 457.—Прассе у Германа V, 225, 226.

114. Mémoires de Catherine II; 310.—Депеши Эстергази въ дополненіяхъ ко 2 тому книги Шефера.

115. Mémoires de Catherine II.

116. Раумеръ II, 457. И сама Екатерина дѣлаетъ намекъ, что Шуваловы не желали ея удаленія изъ Россіи.

117. Mémoires de Catherine II, 325 и слѣд.

118. Сборникъ русскаго историч. общ. т. VII. Подъ *золотымъ человѣкомъ* надобно, думаю, разумѣть гетмана Кириллу Разумовскаго; подъ *недвижимымъ* брата его Алексѣя.

119. Дѣла австрійскія и протоколы конференціи 1758.

120. Архивъ кн. Воронцова, кн. VI.

121. Прусскія военныя дѣла 1758 года.

122. Записки Болотова; ср. у Шефера II, 89 и слѣд. Также архивъ кн. Воронцова, кн. IV и VI.

123. Прусскія военныя дѣла.

124. Дѣло въ государ. архивѣ.

125. Прусскія военныя дѣла.

126. Архивъ кн. Воронцова, кн. VI.

127. Прусскія военныя дѣла.

128. Дѣла австрійскія.

129. Дѣла французскія.
130. Дѣла англійскія.
131. Дѣла польскія.
132. Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.
133. Дѣла польскія.
134. Прассе у Германа V, 229, 230; Сборникъ русск. истор. общ. VII, 91.
135. Дѣла польскія.
136. Дѣла турецкія и протоколы конференціи.
137. Журналы и протоколы сената 3 іюля и 18 августа.
138. Тамъ же, 23 декабря.
139. Тамъ же, 15 іюня.
140. Тамъ же, 8 декабря, 1 и 18 іюля (по секрет. экспед.), 2 и 25 іюня, 24 сентября, 16 октября, 12 января.
141. Тамъ же, 13 февраля.
142. Письмо отъ 3 августа находится въ госуд. архивѣ.
143. Журналы и протоколы сената 5 мая и 18 сентября.
144. Тамъ же, 21 августа, 16 октября, 11 декабря.
145. Тамъ же, 8 апрѣля, 26 іюня, 7 іюля, 9 сентября, 9 октября.
146. Журналы и протоколы сената, 19 и 20 марта, 5 августа.
147. Тамъ же, 19 января и 22 мая.
148. Тамъ же, 9 января, 2 іюня, 15 декабря.
149. Тамъ же, 7 апрѣля.
150. Прусскія военныя дѣла 1759 года.
151. Письмо въ государ. архивѣ.
152. Прусскія военныя дѣла.
153. Прассе у Германа V, 232.—Записки Болотова.
154. Прусскія военныя дѣла.
155. Записки Болотова.
156. Прусскія военныя дѣла.
157. Oeuvres de Frédéric XXV, 306.
158. Тамъ же, XXVII.
159. Прусскія военныя дѣла.
160. Дѣла австрійскія.
161. Дѣла французскія.
162. Шеферъ II, 433 и слѣд.
163. Дѣла англійскія и протоколы конференціи.
164. Дѣла шведскія.
165. Дѣла польскія.
166. Дѣла турецкія.
167. Шеферъ II, 427, 432.

168. Журналы и протоколы сената, 22 марта, 27 апрѣля, 11 мая.

169. Тамъ же, 19 января, 25 мая, 22 іюня, 13 августа, 3 и 18 октября.

170. Тамъ же, 22 и 23 марта, 3 мая, 8 декабря.

171. Тамъ же, 29 іюля, 15 и 17 декабря.

172. Тамъ же, 1 и 22 іюня.

173. Тамъ же, 19 января, 8 марта, 20 апрѣля, 3 іюня.

174. Тамъ же, 3 марта, 7 и 20 октября, 2 декабря.

175. Тамъ же, 8 и 19 января, 20 апрѣля, 18 и 22 іюня.

176. С. Петербургск. Вѣдомости 1760 года, 4 января.

177. Прусскія военныя дѣла 1760 года.

178. Дѣла по конференціи въ государ. архивѣ.

179. Въ какомъ приближеніи находился Бутурлинъ къ императрицѣ, видно изъ его писемъ къ ней, напримѣръ: 1) „Матушка государыня. Позабылъ писать, какъ у насъ хорошо здѣсь: у полковника жена удала, а онъ старъ, она говоритъ, будто лучше всѣхъ, а я ей говорю: врешь! есть лучше въ сорокъ разъ тебя у насъ... а кто? вотъ дура! Сказывать ли ей? умретъ съ печали какъ свѣдаетъ, что вы, матушка, ея лучше. Остаюсь подлинно до гроба вѣчно вѣрный другъ и рабъ. 2) Государыня. Душа и сердце и мысль и желаніе мое въ Бозѣ и въ тебѣ всегда по смерть мою пребываютъ, и потому и дежурство съ радостію и вѣрностію и съ хотѣніемъ воспринимаетъ и нарицается послѣднимъ рабомъ А. Бутурлинъ“.

180. Прусскія военныя дѣла.

181. Дѣла австрійскія 1760 года.

182. Дѣла французскія того же года. — Correspondénce secrate de Louis XV, I. 240, 262.

183. Дѣла англійскія 1760 года.

184. La cour de la Russie il y a cent ans, 164.

185. Дѣла шведскія 1760 года.

186. Дѣла польскія того же года.

187. Дѣла турецкія того же года.

188. Раумеръ II, 469.

189. Журналы и протоколы сената 13 января, 7 и 10 марта, 12 апрѣля, 10 мая, 5 и 12 іюня, 6 и 12 іюля, 8 и 24 августа, 22 и 27 сентября, 11 декабря.

190. Тамъ же, 20 января, 17 мая, 8 іюня, 7 сентября, 22 ноября.

191. Тамъ же, 24 и 28 августа, 4 и 27 сентября.

192. Отъ описываемаго времени до насъ дошелъ любопытный памятникъ, напоминающій Слово Даніила Заточника: это жалоба сосланнаго майора Колачева императрицѣ Елисаветѣ: „Въ сенатѣ добрыхъ людей

всячески мучатъ и разоряютъ, сенаторы ворамъ помогаютъ. Какое въ государствѣ чинится разореніе и людямъ неповиннымъ убійство, воровскія сенаторовъ самовольныя власти, чего и въ республикѣ не дѣлается! Князь Никита Трубецкой не хранитель, это разоритель вашихъ законовъ; его мало написать: генералъ воръ, онъ генералъ-фельдмаршалъ воръ, столпъ въ государствѣ между воровъ. И жить было ему хоша бы не на колѣ и не на каменномъ столбѣ или бы милостиво въ ближней подмосковной вотчинѣ на Камчаткѣ; мы, вашего величества вѣрные рабы, въ тое вотчину по ихъ воровской измѣнѣ были посланы. А коли бъ такое воровство было при отцѣ вашего величества, то бы ихъ къ казни развѣ бы принесли, а не привели, указалъ бы ихъ жестокими розысками размучить. Бестужева жена будто бы одна приличилась къ воровству тому — нельзя статься, будто бы мужъ ея про то не вѣдалъ! а коли хоша и не вѣдалъ, такъ слово Господне надобно исполнить—Богъ сочетаетъ, а человѣкъ не разлучаетъ, такъ бы и ему надобно ѣхать съ нею вмѣстѣ. Волынского убивство и кровопролитіе, а не экзекуція, экзекуціею назвать грѣхъ. Намъ за наши вѣрности подмосковная вотчина Камчатка была пожалована по ихъ измѣнническимъ совѣтамъ, а имъ надобно въ вознагражденіе большой первостатейный помѣстный окладъ съ придачами, а именно стрѣлецкія мѣста по зубцамъ, гдѣ древнія были стрѣлецкія мѣста въ дачахъ, о которыхъ дачахъ нынѣ спору и челобитья кромѣ ихъ наслѣдниковъ ни отъ кого не будетъ. Князь Александръ Куракинъ по вашей государской милости въ голубой лентѣ сенаторъ, Авраму Лопухину племянникъ родной; а ему съ чего быть вѣрну? онъ воровской Лопухинской родни корень. Какая Грюнштейнова вина? за что разоряется"? (Государ. Архивъ).

193. Записки кн. Я. П. Шаховского, стр. 122 и слѣд.

194. Эти похвалы краснорѣчію Петра Ив. Шувалова любопытны. Трудно представить себѣ что-нибудь запутаннѣе, неуклюжнѣе, темнѣе письменныхъ его предложеній. Или Шуваловъ принадлежалъ къ числу людей, которые отлично говорятъ и дурно пишутъ (что бываетъ, какъ бываетъ и на оборотъ), или эта самая запутанность и темнота рѣчи и считалась краснорѣчіемъ?

195. Журналы и протоколы сената, 25 сентября.

196. Тамъ же, 10 марта, 5 октября, 20 декабря.

197. Тамъ же, 21 января, 14 февраля, 8 марта, 11 апрѣля, 19 іюня, 12 іюля, 22 августа.

198. Тамъ же, 3 іюля, 6 и 16 октября.

199. Тамъ же, 25 сентября.

200. Тамъ же, 2 и 9 марта, 15 сентября и 31 октября.

201. Журналы сената по секретной экспедиціи, 21 октября.
202. Петербургскія вѣдомости, 2 января 1761 года.
203. Прусскія военныя дѣла 1761 года.
204. Записки конференціямъ канцлера съ министр. иностранными 1761 года. (Москов. арх. мин. и. д.).
205. Дѣла австрійскія 1761 года.
206. Записки конференціямъ.
207. Протоколы конференціи.
208. Записки конференціямъ.
209. Протоколы конференціи.
210. Тамъ же.
211. Записки конференціямъ.
212. Протоколы конференціи.
213. Дѣла австрійскія.
214. Прусскія военныя дѣла.
215. Дѣла австрійскія.
216. Дѣла французскія.
217. Дѣла англійскія.
218. Дѣла шведскія.
219. Дѣла польскія.
220. Дѣла турецкія.
221. Протоколы конференціи.
222. Раумеръ II, 472—489.
223. Записки кн. Шаховского, стр. 156. Для опредѣленія времени ср. нашъ разсказъ о переговорахъ съ Бретейлемъ относительно перемирія.
224. Журналы и протоколы сената, 19 іюня, 13 августа.
225. Тамъ же, 3 и 31 іюля.
226. Тамъ же, 3 декабря.
227. Тамъ же, 17 декабря.
228. Прибавленіе къ Петербур. Вѣдомостямъ 28 декабря, 1761 года, Антидотъ (Осмнадцатый вѣкъ, кн. IV, стр. 312).
229. „Вы, Русскіе, часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете"—сказалъ онъ молодому князю Шаховскому, защищавшему своего дядю отъ обвиненій Миниха.— Записки кн. Шаховского, стр. 6.
230. Журналы и протоколы сената 10, 12, 15 и 19 января, 31 августа.
231. Тамъ же, 19 іюня.—Великая княгиня Екатерина думала, что образцомъ должно было служить Сенсирское заведеніе, что надобно выписать оттуда классную даму, а домъ и деньги легко сыщутся; чтобъ

невѣжды не кричали противъ французской монахини и ея ереси, надобно подъ видомъ частнаго воспитанія дать ей вначалѣ образовать одну или двухъ сиротъ, которыя потомъ сдѣлаются сами воспитательницами уже въ учрежденіи и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ можно было бы обойтись безъ француженокъ. Сборникъ русск. историч. общ. VII, 82.

232. Журналы и протоколы сената 7 марта и 9 августа.

233. Тамъ же, 5 и 22 іюня; 31 іюля; 28 августа; 7 и 22 ноября.

234. Тамъ же, 8 іюня.

235. Тамъ же, 11, 16 и 17 мая, 13 декабря.

236. Тамъ же, 8 февраля, 6, 22 и 28 марта, 17 мая, 5 іюня.

237. Тамъ же 17 января, 7 марта, 24 апрѣля, 25 мая.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
7	28	случайности	случайностей
—	38	это	эта
9	30	произведетъ	произведутъ
20	22	въ предпріятіе	въ предпріятіи
25	35	Англіи	Англія
34	4	рѣшительныи	рѣшительныя
35	29	заключитъ	заключилъ
85	37	производить	производитъ
96	4	Мы видимъ	Мы видѣли
105	19	универсала	универсалъ
133	23	свѣтъ	свѣтѣ
138	3	ни покажется	не покажется
—	21	держокъ	держанъ
151	12	праву	нраву
154	34	эта честь	это чести
156	10	чрезъ что это	что это
—	21	поступить	наступить
158	1	сильскій	сальскій
174	12	другую	другой
177	28	покрыли	порыли
223	11	вѣнскихъ	воинскихъ
230	5	интригина	интригана
—	9	поставлены	наставлены
232	23	на что	но что
240	23	оставить	отставить
242	5	додовъ	домовъ
310	4	по ней	по немъ
311	15	она	оно
—	16	видѣли	видѣло
318	8	безнадежное	безнуждное
358	12	къ положенію	къ наложенію
362	2	конферонція	конференція
364	30	пробиваться	пробавиться
383	3	стало	стала
387	13	ревностей	ревности
405	12	безпокоить	безпокоятъ
422	30	Еегсли	Если
—	33	и	не-
424	1	Вѣроятно	Вѣроятно и
427	1	въ коммиссіи	въ коммиссію